Н. В.
ГОГОЛЬ

X

Н. Гоголь

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1940

Н. В. ГОГОЛЬ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ПИСЬМА

1820-1835

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1940

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
чл.-корресп. АН СССР
Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ:
В. В. ГИППИУС (зам. главн. редактора), *В. А. ДЕСНИЦКИЙ*, *В. Я. КИРПОТИН*, *Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ*, *Н. К. ПИКСАНОВ*, *Б. М. ЭЙХЕНБАУМ*

РЕДАКТОР X ТОМА
В. В. ГИППИУС

Н. В. Гоголь.

Акварель П. А. Каратыгина. 1836 г.

Институт литературы (Пушкинский Дом). Ленинград.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящим томом открывается полное собрание писем Гоголя, рассчитанное на шесть томов (тт. X — XV академического издания).

Собрание это является третьим по счету изданием писем Гоголя — после изданий П. А. Кулиша („Сочинения и письма Н. В. Гоголя", СПб., 1857, тт. V и VI) и В. И. Шенрока („Письма Н. В. Гоголя", изд. Маркса, СПб., ⟨1901⟩, тт. I—IV). Издание П. А. Кулиша не могло претендовать на полноту как по цензурным условиям, так и в силу требований, которые предъявляли корреспонденты Гоголя, предоставившие ему письма. Тем не менее Кулишу удалось собрать в двух томах 780 писем.

В. И. Шенрок дал значительно больше: всего 1177 номеров (в это число, впрочем, входило несколько текстов, которые письмами не являются: альбомные записи, текст „дружеского шутливого пари", статья „О Современнике", напечатанная в форме письма к Плетневу, и т. п.).

Настоящее издание дает свыше 100 номеров писем, не вошедших в издание Шенрока; таким образом общее число публикуемых нами писем Гоголя доходит до 1300.

Значительная часть писем Гоголя печатается нами по подлинникам (или — за отсутствием их — по копиям), хранящимся в государственных архивохранилищах СССР. Перечисляем важнейшие архивохранилища, указывая при этом сокращенные обозначения, которыми пользуемся и ниже:

Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Москва — *ЛБ*

Государственный исторический музей. Москва — *ИМ*

Государственный литературный музей. Москва — *ЛМ*

Государственный архив феодально-крепостнической эпохи. Москва	— *ГАФКЭ*
Государственный музей А. С. Пушкина	— *МП*
Институт литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. Ленинград	— *ПД*
Публичная библиотека РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград	— *ПБЛ*
Архив Академий Наук СССР. Ленинград	— *ААН*
Ленинградский областной исторический архив	— *ЛОИА*
Библиотека Академии Наук УССР. Киев	— *КАБ*
Институт литературы Академии Наук УССР. (Киев)	— *КИЛ*
Архив старинных актов. Киев	— *КСА*
Полтавский городской музей	— *ПГМ*
Черниговский городской музей	— *ЧГМ*

Письма, хранящиеся в частных собраниях, насколько нам известно, единичны.

В случаях отсутствия подлинника мы воспроизводим текст одной из печатных публикаций. Как правило, тексты Кулиша мы предпочитаем текстам Шенрока, убедившись в большей тщательности работы Кулиша; но, разумеется, из публикаций Шенрока берем все цензурные и иные дополнения.

Письма располагаются в хронологическом порядке и имеют общую сплошную нумерацию. Предполагается следующее распределение по томам: 1) 1820—1835; 2) 1836—1841; 3) 1842—1844; 4) 1845—1846; 5) 1847—1848 и 6) 1849—1852.

По сравнению с изданием Шенрока, нами значительно уточнен текст писем, а также уточнена или изменена датировка ряда писем. Письма, печатающиеся в настоящем издании впервые, — отмечаются в содержании тома звездочками.

Вслед за письмами в конце каждого тома помещается раздел: „деловые бумаги“ (за соответственные годы). В настоящем томе № 6 этого раздела печатается впервые.

Каждое письмо начинается указанием на время и место его написания. Если в подлиннике такого указания в начале письма нет, оно дается от редакции в редакционных (угловых) скобках; в тех же скобках даются слова и окончания слов, восстанавливаемые предположительно; зачеркнутые слова в случае надобности — в прямых скобках. Варианты писем (т. е. зачеркнутые слова в них), в виду их небольшого количества, не выделяются, а даются сноской под строкой (без скобок). Цифра сноски ставится при последнем варьирующем слове. Из вариантов приводятся только те, которые дают сколько-нибудь существенные смысловые и стилистические оттенки.

Орфография и пунктуация даны по правилам, принятым для всего. издания; исключение сделано для ранних писем Гоголя (1820—1821), где сохранены особенности его детского, еще не выработавшегося правописания.

Настоящее издание явится первым комментированным изданием писем Гоголя (примечания в изданий Шенрока имеют случайный характер). В комментарии мы даем справки по истории напечатания письма и необходимые биографические, историко-литературные и пр. разъяснения. Биографические сведения о корреспондентах Гоголя даются при первом письме Гоголя к данному адресату. Сведения о лицах, упоминаемых в письмах, даются один раз (обычно, но не обязательно, при первом упоминании); в дальнейшем эти сведения не повторяются, и ссылок на них не делается. Для облегчения справок, страницы, отсылающие к основному упоминанию о данном лице, выделяются в именном указателе курсивом.

Сведения об источниках, по которым печатаются письма, и указания на место хранения подлинников сосредоточены в указателе писем по адресатам.

В редактировании текста и комментировании писем для настоящего тома приняли участие: *С. Н. Дурылин* (письма к В. А. и М. И. Гоголям, Т. С. Гоголь-Яновской, М. В. Гоголь), *Г. А. Бялый* (тексты части писем к М. И. и М. В. Гоголь), *Л. В. Крестова* (письма к А. С. Данилевскому), *А. И. Грушкин* (письма к Г. И. Высоцкому), *А. Н. Михайлова* (письма к В. П., Пав. П. и Пет. П. Косяровским), *В. В. Гиппиус* (письма к А. С. Пушкину и А. В. Никитенко; деловые бумаги №№ 1—3), *Л. Б. Модзалевский* (письма к К. С. Сербиновичу и Г. А. фон-Шверину), *Ц. С. Вольпе* (письма к В. А. Жуковскому), *Б. П. Городецкий* (письма к Н. И. Лонгинову, И. И. Дмитриеву и В. И. Григоровичу), *А. А. Назаревский* (письма к Н. Я. Прокоповичу и М. А. Максимовичу; также — тексты писем, хранящихся в *КАБ*, *КИЛ* и *ЧГМ*), *Н. И. Мордовченко* (письма к М. П. Погодину и А. А. Дегурову; прошение № 6), *Л. А. Плоткин* (письмо к П. А. Плетневу)

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
5	14 св.	напечатанная	написанная
243	16 сн.	слава богу	все, слава богу.
249	19 св.	Адмиралтейской	II-й Адмиралтейской
462	17 св.	Эта дата	Годовая дата
471	3 св.	Oleską	Oleska
524	3 сн.	Ф. Б.	Ф. В.
534	13 сн.	М. И. Гоголь	М. И. и М. В. Гоголь
535	6 сн.	26 марта	23 марта
535	4 сн.	Март — апрель	Апрель

Орфография и пунктуация даны по правилам, принятым для всего. издания; исключение сделано для ранних писем Гоголя (1820—1821), где сохранены особенности его детского, еще не выработавшегося правописания.

Настоящее издание явится первым комментированным изданием писем Гоголя (примечания в издании Шенрока имеют случайный характер). В комментарии мы даем справки по истории напечатания письма и необходимые биографические, историко-литературные и пр. разъяснения. Биографические сведения о корреспондентах Гоголя даются при первом письме Гоголя к данному адресату. Сведения о лицах, упоминаемых в письмах, даются один раз (обычно, но не обязательно, при первом упоминании); в дальнейшем эти сведения не повторяются, и ссылок на них не делается. Для облегчения справок, страницы, отсылающие к основному упоминанию о данном лице, выделяются в именном указателе курсивом.

Сведения об источниках, по которым печатаются письма, и указания на место хранения подлинников сосредоточены в указателе писем по адресатам.

В редактировании текста и комментировании писем для настоящего тома приняли участие: *С. Н. Дурылин* (письма к В. А. и М. И. Гоголям, Т. С. Гоголь-Яновской, М. В. Гоголь), *Г. А. Бялый* (тексты части писем к М. И. и М. В. Гоголь), *Л. В. Крестова* (письма к А. С. Данилевскому), *А. И. Грушкин* (письма к Г. И. Высоцкому), *А. Н. Михайлова* (письма к В. П., Пав. П. и Пет. П. Косяровским), *В. В. Гиппиус* (письма к А. С. Пушкину и А. В. Никитенко; деловые бумаги №№ 1—3), *Л. Б. Модзалевский* (письма к К. С. Сербиновичу и Г. А. фон-Шверину), *Ц. С. Вольпе* (письма к В. А. Жуковскому), *Б. П. Городецкий* (письма к Н. И. Лонгинову, И. И. Дмитриеву и В. И. Григоровичу), *А. А. Назаревский* (письма к Н. Я. Прокоповичу и М. А. Максимовичу; также — тексты писем, хранящихся в *КАБ*, *КИЛ* и *ЧГМ*), *Н. И. Мордовченко* (письма к М. П. Погодину и А. А. Дегурову; прошение № 6), *Л. А. Плоткин* (письмо к П. А. Плетневу), *А. И. Комаров* (письма к В. В. Тарновскому), *И. Я. Айзеншток* (письма к И. И. Срезневскому), *А. Г. Дементьев* (письмо к С. П. Шевыреву), *Г. С. Виноградов* (письмо к Г. И. Спасскому), *И. Г. Ямпольский* (деловые бумаги №№ 4—5).

Хронологическая канва (даты жизни Гоголя, кончая 1835 годом) составлена *Г. С. Виноградовым*.

ДАТЫ ЖИЗНИ Н. В. ГОГОЛЯ

1777.

Родился отец Н. В. Гоголя, Василий Афанасьевич Яновский (впоследствии Гоголь-Яновский), в хуторе Купчинском (близ реки Голтвы, в сотне Шишацкой), впоследствии названном по имени владельца Васильевкой, а по фамилии его — Яновщиной (Янівщина).

Шенрок. Материалы, I, стр. 37. О. В. Головня. Из семейной хроники, стр. 40.

1791.

Родилась мать Н. В. Гоголя, Марья Ивановна Косяровская, на хуторе, в семи верстах от Купчинского.

Автобиографич. записка М. И. Гоголь („Русск. Архив" 1902, № 4, стр. 716). О. В. Головня, стр. 40.

1805.

12 ноября. Свадьба Василия Афанасьевича Яновского и Марьи Ивановны Косяровской.

Письмо А. М. Трощинской А. А. Трощинскому от 30 ноября 1805 г. *ПД.*

1806.

По выходе в отставку, переселился из Петербурга в свое поместье Кибинцы (Миргородского повета) Дмитрий Прокофьевич Трощинский (член Государ-

ственного совета, бывший министр), родственник Гоголей-Яновских.

1809.

20 марта. Родился (в местечке Большие Сорочинцы) Николай Васильевич Гоголь.

„Русская Старина" 1888 г., № 11, стр. 392 (публикация А. Кеньзенко). В. Истрин. День рождения Гоголя. Известия ОРЯС 1908, (XII) 4.

1818.

3 августа. Николай и Иван Яновские поступают в высшее отделение 1-го класса Полтавского повитового училища (двухклассного).

Дела Полтавского уездн. училища за 1819 г. в Гоголевском музее в Нежине. Заболотский. К биографии Гоголя, стр. 3.

1819—1820.

Н. В. Гоголь после смерти брата Ивана (умер летом 1819 г.) учится в Полтаве (где именно, — не установлено).

Письма №№ 1—2. Заболотский. К биографии Гоголя.

1821.

1 мая. Н. В. Гоголь принят в нежинскую Гимназию высших наук.

Лавровский, стр. 51.

Июнь. Гоголь держит экзамен и помещен во второе отделение; каникулы (июль) проводит дома.

1 ноября И. С. Орлай вступает в должность директора Гимназии высших наук).

Гоголевский сборник 1902 г., стр. 323, прим.

1822.

1 июля. Гоголь перешел в 4-й класс.

Дела Гимназии высших наук (Гоголевский музей в Нежине). Лавровский, стр. 140.

1823.

Июнь. Гоголь перешел в 5-й класс.

С августа. Гоголь учится в 5 классе. Обнаруживает большой

интерес к чтению. Пользуется книгами из библиотеки Трощинского.

Лавровский, стр. 140—141.

1824.

Январь. Гоголь принимает деятельное участие в школьных спектаклях. С большим успехом играет роль Простаковой. Вместе со школьными товарищами К. М. Базили и В. И. Любичем-Романовичем изготовляет декорации для „театральных представлений“.

5 июля. Гоголь перешел в 6-й класс.

Более оживленная переписка с родителями. Просьба прислать „Евгения Онегина“.

Декабрь. Гоголь ездил на зимние каникулы домой.

Шенрок. Материалы, I, стр. 104—105, 241; письма №№ 19 и 22; Лавровский, стр. 141.

1825.

Март (вторая половина) (?) Умер Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский.

Июнь. Гоголь перешел в 7-й класс. Летние месяцы— до половины августа, а затем и зимние (рождественские) каникулы, проводит на родине. В Гимназии заведует, по доверию товарищей, выписываемыми в складчину журналами и книгами. Участвует, как и в ближайшие годы, в лицейских журналах: „Метеор литературы“ и др.

К этим годам предположительно относятся первые литературные опыты Гоголя: стихотворение „Непогода“; акростих; из несохранившихся — „Разбойники“, трагедия, написанная пятистопными ямбами; „Две рыбки“, стихотворная баллада; „Братья Твердиславичи“, повесть; „Нечто о Нежине, или дуракам закон не писан“, сатира; „Россия под игом татар“, поэма.

С этого года устанавливается постоянная переписка с матерью.

Заболотский. Опыт обзора, стр. 49—50.

1826.

Июнь (конец). Гоголь перешел в 8-й класс. В предместье Нежина Магерках знакомится с „простонародьем“, посещает крестьян, присутствует на их свадьбах.

Лавровский, стр. 141; Н. Ю. Артынов („Русский Архив“ 1877 г., кн. 3, стр. 191).

Гоголь заводит „Книгу всякой всячины, или подручную энциклопедию...“

Т. IX наст. изд.

23 ноября. Гоголь пишет матери о „новом перевороте“ в его сочинениях.

Письмо № 49.

Декабрь (конец). Гоголь уезжает домой на зимние каникулы.

Письмо к Г. И. Высоцкому, № 50.

28 декабря. „Позволение высшего начальства“ на театральные представления в Гимназии высших наук.

Гоголевский сборник 1902, стр. 354.

1827.

27 января. Д. Е. Ясновский назначен директором Гимназии высших наук.

10—13 февраля. Школьные спектакли в Гимназии высших наук.

Письмо к М. И. Гоголь, № 52.

7 мая. Рапорт проф. Билевича в конференцию Гимназии высших наук: донос на проф. Белоусова. Начало „дела о вольнодумстве“ в Гимназии.

Лавровский, стр. 59.

1 июля. Гоголь переходит в 9-й (последний) класс.

Летом, на каникулах, сближается с дядею Павлом Петровичем Косяровским. К этому лету относятся, повидимому, воспоминания А. П. Стороженко о встрече с Гоголем.

Лавровский, стр. 141—142. „Отечественные Записки“ 1859 г., апрель.

Переписка с Г. И. Высоцким и Петром Петр. Косяровским о своем будущем. Мечты о поездке за границу. Мечты о деятельности („остановился на юстиции“).

Письма №№ 59, 67.

5 октября. Прибытие нового директора Гимназии высших наук Д. Е. Ясновского.

Лавровский, стр. 103.

3 ноября. Гоголь вызван на допрос по делу о лекциях и записках профессора естественного права Белоусова.

Лавровский, стр. 110.

К этому году Гоголь относит идиллию „Ганц Кюхельгартен“.

1828.

27 июля. Гоголь признан окончившим Гимназию (с правом на чин 14 класса).

Гоголевский сборник 1902, стр. 411.

В конце августа Гоголь совершил поездку в Кременчуг на ярмарку.

„Русск. Старина“ 1887, № 3, стр. 682—683.

До декабря Гоголь живет дома, в Васильевке.

Шенрок. Материалы, I, стр. 159.

Осенью Д. П. Трощинский писал в Петербург к Л. И. Голенищеву-Кутузову, рекомендуя Гоголя. Кутузов отвечал ему, что ждет его „молодого родственника“.

„Русская Старина“ 1887, № 3, стр. 682—683.

13 декабря. Гоголь вместе с А. С. Данилевским через Кибинцы выехал в Петербург.

Письмо О. Д. Трощинской к А. А. Трощинскому от 14 декабря 1828 г. *ПД*.

15 декабря. Попечитель Харьковского учебного округа утвердил за окончившими Гимназию высших наук их права на чины.

Гоголевский сборник 1902, стр. 418.

1829.

С января по апрель (?) Гоголь живет в Петербурге вместе с А. С. Данилевским на Гороховой улице в доме Галыбина, затем на Екатерининском канале в доме Трута. Безуспешно хлопочет о месте через Л. И. Голенищева-Кутузова.

Шенрок. Материалы, I, стр. 151—153. Письма к М. И. Гоголь, №№ 84—86.

Между 18 января и 9 марта. Гоголь делает попытку увидеть Пушкина, познакомиться с ним, но неудачно.

Анненков. Матер. для биогр. Пушкина, изд. 2, 1873, стр. 360. Н. Лернер. Труды и дни Пушкина, изд. 2, 1910 г., стр. 183—184

22 февраля. Цензурное разрешение „Сына Отечества“, т. II, № 12, где напечатано (анонимно) приписываемое Гоголю стихотворение „Италия“.

26 февраля. Смерть Д. П. Трощинского.

„Русская Старина“ 1882, № 6, стр. 656.

Апрель (?). Гоголь поселяется на Большой Мещанской в доме Иохима (теперь ул. Плеханова, д. 39).

30 апреля и 22 мая. Гоголь обращается к матери с просьбой сообщать ему об „обычаях и нравах малороссиян", просит дать ему сведения о поверьях и разных играх—карточных и хороводных. Просит прислать комедии своего отца.

Письма к М. И. Гоголь, №№ 86 и 87.

7 мая. Цензурное разрешение „Ганца Кюхельгартена".

26 июня. Объявление в „Московских Ведомостях" о продаже у Ширяева книжки В. Алова „Ганц Кюхельгартен", „полученной на сих днях из Петербурга".

Июнь (конец месяца) Выход №12 „Московского Телеграфа" с отрицательной рецензией Полевого на „Ганца Кюхельгартена".

5 июля. „Николай Гоголь, дворянин, российский подданный", значится в списке лиц, отъезжающих за границу.

„СПб. Ведомости". То же в №№ от 9 и 12 июля.

20 июля. Выход № 87 „Северной Пчелы" с отрицательной рецензией на „Ганца Кюхельгартена". Там же извещение, что книга „продается во всех книжных лавках".

23 июля. Дата предъявления Гоголем доверенности на управление имением, выданной им Марье Ивановне Гоголь.

„Литературный Вестник", т. III, 1902, кн. 1 стр. 59—60.

24 июля. Письмо Гоголя к матери о решении уехать за границу.

Перед отъездом — сожжение экземпляров „Ганца Кюхельгартена".

1 (13) августа. Гоголь в Любеке.

Письмо к М. И. Гоголь, № 90.

11 (23) августа. Гоголь приехал в Травемюнде.

Письмо к М. И. Гоголь, № 91.

14 (26) августа. Гоголь возвращается в Любек.

22 сентября. Гоголь через Гамбург возвращается в Петербург.

Сентябрь — октябрь (?). Неудачная попытка Гоголя поступить на сцену.

Н Мундт. Воспоминания, „СПб. Ведомости" 1861, № 235.

27 октября. Гоголь пишет матери, что надеется в скором времени определиться на службу. Около этого времени (конец октября) он подает на имя министра внутренних дел прошение об определении на службу.

Письмо № 93. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 288.

15 ноября. Резолюция министра внутренних дел А. А. Закревского о зачислении Гоголя на испытание в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 288.

20 декабря. Цензурное разрешение „Северных Цветов на 1830 год", где в „Обозрении российской словесности за первую половину 1829 года" О. Сомов сочувственно отзывается о „Ганце Кюхельгартене".

1830.

Январь. Гоголь перевел для „Северного Архива" с французского статью „О торговле русских в конце XVI и начале XVII века". Перевод был принят, но напечатан не был.

Письмо к М. И. Гоголь, № 98.

2 февраля. Гоголь просит мать о собирании „старопечатных книг", „рукописей стародавних про времена гетманщины", „записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии", монет, стрел и пр.

Письмо к М. И. Гоголь, № 97.

25 февраля. Прошение Гоголя об увольнении его из Департамента гос. хозяйства и публичных зданий.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 288—289.

В февральской и мартовской книжках „Отечественных Записок" Свиньина напечатана — без имени автора — повесть Гоголя: „Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви".

27 марта. Прошение Гоголя на имя вице-президента Департамента уделов об определении на службу.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 295.

10 апреля. Резолюция о зачислении Гоголя на службу в Департамент уделов на вакансию писца.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 296.

3 июня. Гоголь утвержден в чине коллежского регистратора.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 297.

Май — июнь. Занятия Гоголя живописью в Академии художеств.

Письмо к М. И. Гоголь, № 99.

22 июля. Гоголь назначен помощником столоначальника с жалованьем по 750 р. в год.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 299.

18 декабря. Цензурное разрешение альманаха „Северные Цветы на 1831 год", — где напечатана глава из исторического романа „Гетьман" (за подписью *оооо*).

Там же в „Обозрении российской словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года" сочувственный отзыв О. Сомова о „Бисаврюке".

Декабрь (?). Знакомство с В. А. Жуковским, П. А. Плетневым, и, повидимому, с А. А. Дельвигом.

Кулиш. „Записки", I, стр. 84. В. Гаевский. Дельвиг. „Современник" 1854, № 9.

1831.

Январь (?). Статья Гоголя „Борис Годунов", оставшаяся ненапечатанной.

1 января. Вышел № 1 „Литературной Газеты", где помещены: 1) „Глава из малороссийской повести: Страшный Кабан" (подпись: П. Глечик) и 2) „Несколько мыслей о преподавании детям географии" (подпись: Г. Янов).

16 января. Вышел № 4 „Литературной Газеты", где напечатан отрывок „Женщина" (подпись: Н. Гоголь).

28 января. Цензурное разрешение второй январской книжки „Московского Телеграфа", где в рецензии на „Северные Цветы" — сочувственный отзыв о „Главе из исторического романа".

1 февраля. Цензурное разрешение № 2 „Телескопа", где в рецензии на „Северные Цветы" — сочувственный отзыв о „Главе из исторического романа".

6 февраля. Представление начальницы Патриотического института Л. К. Вистингаузен о назначении Гоголя учителем истории.

9 февраля. Резолюция императрицы о назначении Гоголя младшим учителем истории в Патриотический институт.

Н. Беловерская. Служба Гоголя в Патриотическом институте. „Русская Старина" 1887 г., № 12, стр. 41.

Январь — — февраль (?) Гоголь получает (при помощи Плетнева) частные уроки в домах П. И. Балабина, Н. М. Лонгинова и — может быть, тогда же — А. В. Васильчикова.

22 февраля. П. А. Плетнев пишет Пушкину о Гоголе, рекомендуя его как писателя и как человека.

23 февраля. Прошение Гоголя об увольнении его из Департамента уделов.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 300.

9 марта. Резолюция об увольнении Гоголя из Департамента уделов.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 301.

10 марта. Гоголь вступил в должность младшего учителя истории Патриотического института.

И. Линниченко. Послужной список Н. В. Гоголя. „Русская Мысль" 1896, № 5.

22 марта. Выходит № 17 „Литературной Газеты"; в ней „Успех посольства"—второй отрывок „из малороссийской повести: Страшный Кабан" (без подписи).

1 апреля. Гоголь назначен старшим учителем истории Патриотического института и утвержден в чине титулярного советника.

12—14 апреля. Ответное письмо Пушкина Плетневу (см. 22 февраля) с упоминанием о Гоголе.

20 мая. Знакомство Гоголя с Пушкиным на вечере у Плетнева.

Вас. Гиппиус. Литер. общение Гоголя с Пушкиным, стр. 71; ср. комментарий к письму № 113.

26 мая. Цензурное разрешение первой части „Вечеров на хуторе близ Диканьки".

Лето — с половины июня (?) до половины августа. В Петербурге печатаются „Вечера на хуторе". Гоголь живет в Павловске у А. И. Васильчиковой, учит ее больного сына; часто бывает в Царском Селе, где встречается с Пушкиным и Жуковским.

Из воспоминаний гр. В. А. Сологуба. „Русский Архив" 1865, № 5—6, стр. 40—41.

15 августа. Гоголь возвращается в Петербург. Поселяется на Офицерской улице, в доме Брунста.

Письма к Пушкину, №№ 113 и 114 и к Жуковскому, № 116.

25 августа. Первое письмо Пушкина к Гоголю.

Сентябрь. Выход в свет первой части „Вечеров на хуторе близ Диканьки“.

25 сентября. Выход в свет № 79 „Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду“, где в рецензию Л. Якубовича включена цитата из письма Пушкина к А. Воейкову о „Вечерах на хуторе“.

2 октября. Цензурное разрешение № 17 „Московского Телеграфа“ с рецензией (весьма сдержанной) на „Вечера на хуторе“.

Выход в свет № 219 „Северной Пчелы“ с сочувственной рецензией (В. Ушакова) на „Вечера“ (окончание рецензии в № 220).

3 декабря. Цензурное разрешение „Телескопа“ № 20, где — сочувственная рецензия на „Вечера“ (стр. 558—563).

Вторая половина года. Гоголь работает над второй частью „Вечеров на хуторе“. Просит мать и сестру собирать украинские сказки и песни, а также „старинные костюмы“.

Письма №№ 117, 122.

1832.

1 января. Цензурное разрешение отдельного издания брошюры А. Н. Царынного (А. Я. Стороженко) „Мысли малороссиянина по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием Вечера на хуторе близ Диканьки и рецензий на оные“. СПб. В тип. Греча. 1832“. Статья до выхода отдельной брошюрой печаталась в первых пяти номерах „Сына Отечества“ за 1832 г.

31 января. Цензурное разрешение второй части „Вечеров на хуторе“.

19 февраля. Гоголь присутствует на обеде петербургских литераторов по случаю открытия книжного магазина и библиотеки для чтения А. Ф. Смирдина и, в числе других, подписывает обязательство дать статью в сборник „Новоселье“.

Начало марта. Выход в свет второй части „Вечеров на хуторе“ (объявление в „Северной Пчеле“, № 59, от 2 марта). В „Московском Телеграфе“ № 6 появился отзыв о ней Полевого.

10 марта. Гоголь высылает матери к предстоящей свадьбе сестры Марьи Васильевны 500 руб.

Письмо к матери, № 128.

22 апреля. Письмо Е. А. Баратынского И. В. Киреевскому с сочувственным, хотя и сдержанным отзывом о „Вечерах на хуторе“.

„Татевский сборник“, СПб., 1899, стр. 43, ср. стр. 44.

24 апреля. Свадьба Марьи Васильевны Гоголь и Павла Осиповича Трушковского.

Письмо М. И. Гоголь к А. А. Трощинскому от 10 мая 1832 г. *ПД*.

Июнь (первая половина). Гоголь живет на даче близ Поклонной горы.

Кулиш. Записки о жизни Гоголя, I, стр. 101, 115.

Ок. 27 июня. Приезд Гоголя в Москву.

Письмо к Н. Я. Прокоповичу, № 140.

До 30 июня. Знакомство Гоголя с М. П. Погодиным.

Письмо Погодина к С. П. Шевыреву от 30 июня 1832 г. Вас. Гиппиус, Гоголь в письмах и восп., стр. 59. Барсуков, IV, стр. 113—114.

2 июля. Знакомство Гоголя с С. Т. Аксаковым. Разговор о комедии и комизме.

С. Аксаков. „История моего знакомства“, стр. 5—8.

Между 4 и 7 июля. Знакомство Гоголя с М. Н. Загоскиным.

С. Аксаков. „История моего знакомства“, стр. 6—8.

В Москве Гоголь познакомился также с И. И. Дмитриевым и, возможно, с М. С. Щепкиным.

7 июля. Отъезд Гоголя из Москвы.

Письма к Н. Я. Прокоповичу и М. П. Погодину, №№ 140, 141.

17 июля. Приезд Гоголя в Полтаву.

Письмо к М. П. Погодину от 20 июля 1832 г. (№ 142).

Ок. 20 июля. Приезд Гоголя в Васильевку.

Письмо к М. П. Погодину от 20 июля 1832 г. (№ 142).

Октябрь (начало). Гоголь едет в Петербург, взяв с собою младших сестер — Елизавету и Анну. В дороге, по случаю поломки экипажа, остановка в Курске на неделю.

Шепрок. Материалы, стр. 161—162. Письмо к П. А. Плетневу, № 147.

18—23 октября. Гоголь в Москве; был у Аксаковых, у М. Н. Загоскина. Знакомство с Киреевскими и О. М. Бодянским; сближение с М. А. Максимовичем.

Письмо к М. И. Гоголь, № 149. Письмо Плетнева к Жуковскому от 8 декабря 1832 г. (Соч. Плетнева, III, стр. 522).

21 октября. Цензурное разрешение № 17 „Телескопа", где сочувственный отзыв о второй части „Вечеров".

30 октября. Гоголь возвратился в Петербург и поселился в Новом переулке, в доме Демута-Малиновского.

Письма к М. П. Погодину и И. И. Дмитриеву, №№ 152 и 153.

Гоголь продолжает собирание песен.

Письмо к М. И. Гоголь, № 151.

Ноябрь (конец месяца). Сестры Гоголя приняты в Патриотический институт в „предуготовительное" отделение.

Письмо к М. И. Гоголь от 22 ноября 1832 г. (№ 151).

По словам П. А. Плетнева, „у Гоголя вертится на уме комедия" („Владимир 3-й степени").

Письмо Плетнева к Жуковскому от 8 декабря 1832 г. (Соч. Плетнева, III, стр. 522).

В 1832 г. начата статья „Несколько слов о Пушкине". К тому же году, возможно, относится дальнейшая работа над романом „Гетьман".

Соч. Гоголя, 10 изд., V, стр. 547—549, 581—582.

1833.

9 января. В Петербургском Большом театре в бенефис В. А. Каратыгина поставлен, между прочим, „Вечер на хуторе близь Диканьки, малороссийская интермедия в одном действии, взятая из повестей сего же названия пасичника Рудого Панька, с принадлежащими к ней пением и танцами" — инсценировка повести Гоголя „Ночь перед Рождеством".

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", II, статья С. С. Данилова, стр. 424—431.

Январь. Смирдин выпустил первое издание 1-й части „Вечеров на хуторе“ вторым набором в количестве 150 экземпляров с некоторыми отступлениями от издания первого набора.

Письмо к М. П. Погодину, № 162. Соч. Гоголя, 10 изд., I, стр. 511.

Январь — — февраль. Неосуществившийся замысел „Всеобщей истории и всеобщей географии“ („Земля и люди“). Работа над комедией „Владимир 3-й степени“, вскоре прерванная, в виду невозможности провести ее через цензуру.

Письма к М. П. Погодину от 1 и 20 февраля 1833 г. (№№ 162 и 165).

9 апреля. Рождение Николая Павловича Трушковского, сына Марьи Васильевны Гоголь.

Письмо М. И. Гоголь к А. А. Трощинскому от 3—9 апреля 1833 г. *ПД*.

Первая половина года. Замыслы Петербургских повестей: „Страшная рука“, „Записки сумасшедшего музыканта“, „Портрет“ (начало работы), „Нос“ (первоначальный набросок), замысел „Женихов“ и, повидимому, начало работы над этой комедией.

Июнь — август. Гоголь живет на даче в Стрельне.

Письма к М. А. Максимовичу, № 173, и к М. И. Гоголь, №№ 175 и 176.

2 июля. Гоголь советует Максимовичу ехать в Киев, собирается и сам „на следующий год махнуть отсюда“.

Письмо к Максимовичу, № 173.

Июль (?). Гоголь переехал на новую квартиру (Малая Морская, д. Лепеня, теперь ул. Гоголя, д. 17).

Письмо к М. И. Гоголь, № 174.

28 сентября. В. Ф. Одоевский, напоминая Пушкину о замысле альманаха, передает предложение Гоголя назвать альманах „Тройчатка, или альманах в 3 этажа“. Так как Гомозейко (Вл. Одоевский) и Рудый Панько (Гоголь) описали гостиную и чердак, Белкина (Пушкина) просят „описать“ погреб.

„Русский Архив“ 1864, стр. 1001.

30 октября. Пушкин отвечает на письмо В. Ф. Одоевского от 28 сентября отказом от участия в альманахе.

Одоевский и Гоголь решают издать альманах „Двойчатка“, но и этот альманах не состоялся.

Письмо В. Ф. Одоевского к М. А. Максимовичу („Киевская Старина“ 1833, апрель, стр. 846).

Октябрь — — ноябрь.

Замысел „Истории Украины“ (неосуществленный). Увлечение украинскими песнями.

Письмо к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г. (№ 181) и к матери от 22 ноября 1833 г. (№ 182).

2 декабря.

Гоголь читал Пушкину „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“.

Дневник Пушкина (запись от 3 декабря).

Декабрь.

Гоголь — под влиянием Максимовича — решил добиваться кафедры всеобщей истории в Киеве и хлопочет об этом при содействии Пушкина. В связи с этим замыслом принимается за обработку статьи „О преподавании всеобщей истории“.

Письмо к Пушкину, № 185.

В конце 1833 г., повидимому, написана повесть „Старосветские помещики“.

31 декабря.

Гоголь пишет лирическое обращение к наступающему 1834 году.

1834.

Начало года.

Гоголь занимается изучением украинских песен по книге Wacław'a z Oleska, Piésni polskie i ruskie ludu galicyjskiego, изданной в Львове в 1833 году; из нее теперь и позднее делает пополнения в свое собрание украинских песен.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“. II, статья С. А. Красильникова, стр. 377—406.

Январь — — февраль.

В „Северной Пчеле“, затем в „Московском Телеграфе“ и „Молве“ напечатано „Объявление об издании истории малороссийских казаков“.

„Северная Пчела“ от 30 января 1834, „Московский Телеграф“ 1834, № 3, февраль, стр. 523—524.

Февраль.

В февральской книжке „Журнала Министерства народного просвещения“ напечатана статья Гоголя „План преподавания всеобщей истории“.

Февраль (после 12) или начало марта (до 6). Ознакомление Гоголя с „Запорожской стариной“ Срезневского. К этому же времени, вероятно, относится начало работы над „Тарасом Бульбой“.

27 февраля. Цензурное запрещение „Кровавого бандуриста“, предназначавшегося для „Библиотеки для чтения“.

Апрель. В апрельской книжке „Журнала Министерства народного просвещения“ напечатаны статьи Гоголя: „Взгляд на составление Малороссии“ и „О малороссийских песнях“.

7 апреля. Запись в дневнике Пушкина: „Гоголь по моему совету начал Историю русской критики“. Других сведений об этой работе нет.

14 апреля. Гоголь был у Плетнева, возмущался цензурными изъятиями в „Повести о том, как поссорился...“

Дневник Никитенко.

18 апреля. Цензурное разрешение второй части „Новоселья“, где напечатана „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“.

3 мая. Запись в дневнике Пушкина: „Гоголь читал у Дашкова свою комедию“ (вероятно, „Женихи“).

Июнь. После неудачных хлопот о кафедре в Киеве Гоголь начинает хлопотать о месте профессора в Петербургском университете.

22 июля. Резолюция о выдаче Гоголю жалованья по Патриотическому институту за 1834 г. (в 1833 г. удержано за обучение сестер).

24 июля. Гоголь определен адъюнкт-профессором по кафедре всеобщей истории при С.-Петербургском университете.

И. Линниченко. Послужной список Гоголя. „Русская Мысль“ 1896, № 5.

Август (вторая половина). Написана статья о картине Брюллова „Последний день Помпеи“. Видимо, в то же время написана статья „Жизнь“.

Сентябрь. Первая лекция Гоголя в Петербургском университете („О средних веках“).

Октябрь. Вышла сентябрьская книжка „Журнала Министерства народного просвещения“, в ней статья „О средних веках“ (вступительная лекция в университете).

Октябрь. Лекция Гоголя об Ал-Мамуне в присутствии Пушкина и Жуковского.

Н. Иваницкий. „Отечественные Записки“ 1853, № 2. Смесь, стр. 120.

В сентябре (или октябре) Гоголь читал лекцию „О движении народов в конце V века“.

Октябрь. Выход в свет книжки „Журнала Министерства народного просвещения“, где помещена статья Гоголя об Ал-Мамуне.

10 ноября. Цензурное разрешение „Арабесок“ и второго издания „Вечеров на хуторе близ Диканьки“.

Конец года (?). Работа над „Вием“.

Ноябрь — — декабрь. Гоголь привлечен — через Погодина — в круг участников вновь организуемого журнала „Московский Наблюдатель“.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, II, статья Н. И. Мордовченко, стр. 113 и сл.

29 декабря. Цензурное разрешение „Миргорода“, части I и II.

1835.

Январь. Выход в свет „Арабесок“.

Письма к М. П. Погодину и М. А. Максимовичу от 22 января 1835 г. (№№ 234 и 235).

Январь. Во время печатания „Миргорода“ изъято предисловие к „Повести о том, как поссорился...“ и внесены изменения в текст „Вия“. Гоголь возобновляет работу над „Носом“ (для „Московского Наблюдателя“).

Том II наст. издания, стр. 732—734, 750—752. Письмо к М. П. Погодину, № 238.

Февраль. Объяснение с попечителем в результате „неприятной молвы“, распространившейся о лекциях Гоголя.

Дневник Никитенко, запись от 21 февраля 1835 г. (I, стр. 264).

Февраль — март. Гоголь читал гостившему в Петербурге Погодину отрывки из комедий („Владимир 3-й степени“ и „Провинциальный жених“, т. е. „Женихи“).

М. Погодин. Письмо из Петербурга („Московский Наблюдатель“, 1835, кн. 2, стр. 445).

27 февраля. Цензурное разрешение мартовской книжки „Библиотеки для чтения“, где помещена крайне отрицательная рецензия на „Арабески“.

Март. Выход в свет „Миргорода“.

Письма к М. П. Погодину от 20 февраля, к С. П. Шевыреву от 10 марта и к М. А. Максимовичу от 22 марта 1835 г. (№№ 241, 242 и 245).

18 марта. Гоголь посылает в редакцию „Московского Наблюдателя“ повесть „Нос“. Повесть не была принята редакцией.

Письма к М. П. Погодину, №№ 243 и 246.

26 марта. Сочувственная запись об „Арабесках“ в тюремном дневнике В. К. Кюхельбекера (Свеаборгская крепость).

28 марта. Сочувственный отзыв Н. В. Станкевича (в письме к Я. М. Неверову) о „Старосветских помещиках“.

Переписка Н. В. Станкевича, 2 изд. М. 1914, стр. 318.

Март. Сочувственный отзыв А. И. Герцена (в письме к Н. А. Захарьиной) о „Невском проспекте“.

Соч. Герцена, ред. М. Лемке, I, стр. 169.

30 марта. Цензурное разрешение № 2 „Московского Наблюдателя“, где напечатано „Письмо из Петербурга“ М. П. (т. е. Погодина; см. выше) и статья Шевырева о „Миргороде“.

„Московский Наблюдатель“, кн. 2, стр. 396—411 и 415.

Март. Цензурное разрешение второй мартовской книжки „Библиотеки для чтения“ с положительным отзывом о первой части „Миргорода“ и отрицательным — о второй.

3 апреля. Выход в свет № 27 „Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду“, где перепечатаны отрывки из „Записок сумасшедшего“.

12 апреля. Цензурное разрешение № 15 „Молвы“ с краткой сочувственной рецензией Белинского на „Арабески“ и „Миргород“.

24 апреля. Выход в свет № 33 „Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду“, где помещена сочувственная рецензия на „Миргород“.

1 мая. Гоголь уволен в отпуск. Около 1 мая выехал из Петербурга.

3 мая. Цензурное разрешение № 18 „Молвы“ с окончанием статьи Белинского „И мое мнение об игре Каратыгиных“, попутно затрагивавшей творчество Гоголя.

4 мая. Гоголь в Москве у Погодина читает „Женитьбу“.

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, II, статья Н. И. Мордовченко, стр. 118. „Русский Архив“ 1865, стр. 1274—1275.

Май (с половины месяца). Гоголь в Васильевке.

Письмо к Н. Я. Прокоповичу от 24 мая 1835 г. (№ 251).

Июнь. Гоголь в Крыму.

Письма к Г. И. Спасскому от 1 июня и к И. И. Срезневскому от 11 июля 1835 г. (№№ 252 и 253).

25 июня. Представление начальницы Патриотического института об увольнении Гоголя из института.

„Русская Старина", 1887, № 12, стр. 755.

Июль — август (первая половина). Гоголь снова в Васильевке. Работа над „Альфредом".

Письмо к И. И. Срезневскому от 11 июля 1835 г. (№ 253); „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", II, статья М. П. Алексеева, стр. 249.

Август. Отъезд Гоголя из Васильевки. По дороге Гоголь (вместе с Данилевским) был в Киеве у Максимовича.

М. Максимович. „Письма о Киеве", стр. 55—56.

Август (конец месяца). Гоголь несколько дней провел в Москве и видался с Погодиным и с Аксаковым.

С. Аксаков. „История моего знакомства", стр. 8.

1 сентября. Гоголь вернулся в Петербург.

Письмо к М. И. Гоголь, № 258.

1 сентября. Цензурное разрешение № 7 „Телескопа", с началом статьи Белинского „О русской повести и повестях Гоголя".

21 сентября. Цензурное разрешение № 8 „Телескопа" с окончанием статьи Белинского „О русской повести и повестях Гоголя".

Ок. 11 октября. Сочувственный отзыв Пушкина (в письме к Плетневу) о повести „Коляска", переданной Гоголем для предполагавшегося альманаха.

Ок. 20 октября. Возвращение Пушкина из Михайловского в Петербург. В одну из первых встреч с Гоголем Пушкин, видимо, поделился с Гоголем сюжетом комедии о ревизоре.

Ноябрь—декабрь. Работа Гоголя над „Ревизором".

31 декабря. Гоголь уволен от должности адъюнкта „по случаю преобразования С.-Петербургского университета".

Письмо к М. П. Погодину, № 265. Григорьев. Имп. СПб. университет, стр. 93.

ПИСЬМА

1820 - 1835

1.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<1820 г. Полтава.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Я весьма рад, что узнал о благополучном здравии вашем. Я поставил для себя первым долгом и первым удовольствием молить бога о сохранении безценаго для меня здравия вашего. Ваканции быстро приближаются. Я не успел еще оконьчить всего, следовательно нужно заняться ваканциями, чтобы поспеть с честью во второй клас. Учитель математики мне необходим.

Естли вы будете в Полтаву сами скоро, то я уверен, что всё устроете вся для моей пользы.

Цалуя безценые ручки ваши

имею честь быть,

с сыновным моим к вам высокопочитанием

ваш послушный сын

Николай Гоголь Яновский.

2.

Т. С. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ.

<1820 г. Полтава.>

Дражайшая Бабушка.

Извините меня в том, что долгое время не мог писать к вам, Дражайшая Бабушка. Покорно вас благодарю, что вы прислали гостинец мне. От всего сердца желаю вам благополучия и долголетней жизни, при чем остаюсь

Ваш покорный внук
Николай Яновский.

Пришлите мне, дражайшая бабушка, погребец; я куплю для него прибор. Обрадуйте Папиньку и Маминьку, что я успел в науках то, что в первом классе гимназии, и учитель мною доволен. Прошу поцеловать за меня Гапу и сестриц моих.

3.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<1820 г. Полтава.>

Почтеннейшие Родители,
Папинька и Маминька.

Благодаря родительскому вашему о мне попечению, я слава богу чувствую себя здоровым совершено. Настойку оставленую вами Папинька я продолжаю по данному наставлению.

В прошедшее воскресение я обедал у Ивана Алексеевича, на другой день видел Ивана Дмитриевича, возвращаясь из саду с Гаврилом Максимовичем Иван Дмитриевич показывал нам свой дом. К величайшему моему удовольствию узнал я от него, что вы слава богу живы и здоровы. Дай бог, чтобы безценное ваше для меня здоровье продолжалось вечно в самом цветущем состоянии.

Учение в Гимназии начнется чрез неделю а до того времени я слегка занимаюсь повторением.

С глубочайшим высокопочитанием и сыновнею преданостию

Имею честь быть

Любезнейшие Родители!

вашим покорнейшим и послушнейшим сыном

Ни<колай Гоголь Яновский>

4.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<10 июня 1821 г., Нежин>

Дражайшие Родители,

Папинька и Маминька

С величайшим удовольствием принимаюсь за перо чтоб писать к вам уже несколько времени собира<лся> искал удобной минуты, чтоб изъявить вам благодарность за ваше родительское о мне попечение.

Благодаря бога я здоров. И вам также желаю здоровья и благополучия. Платие[1] нам будут шить после каникул но как во мне недостаток в платье то Егор Иванович заказал мне сделать летнее платие. За мною присылаите на каникулы 20-го июня.

С сыновним почтением и преданостью остаюсь навсегда вашим покорным слугою [2] и послушным сыном

Н. Г. Яновский

1821-го года
10 июня.
Нежин.

Федор Иванович Чекиев свидетельствует вам свое почтение.

---

[1] *В подлиннике:* Платѣе [2] сыном

5.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<13 августа 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька

Осведомившись, что вы находитесь здоровы пишу к вам единствено для того чтоб благодарить вас за ваше Родительское ко мне расположение и просить [1] бога чтоб даровал вам совершеное здравие и спокойствие. Что касается до меня я славу богу здоров чого желая вам, остаюсь навсегда вашим послушнейшим сыном

и покорным слугою
Николай Гоголь-Яновский.

1821-го года
Августа 13 числа.
Нежин.

6.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<14 августа 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Весьма опечалился услыша что вы приедете еще в о<к>-т<я>бре Месяце. Ах! как бы я желал естлиб вы приехали как можно поскорей и узнали б о участи своего сына. Прежде каникул писал я что мне здесь хорошо а теперь напротив того. О! естлибы Дражайшие родители приехали в нынешнем месяце тогда бы вы услышали что со мною делается. Мне после каникул сделалось так грустно что всякой божий день слезы рекой льются и сам не знаю от чего, а особливо когда спомню об вас то градом так и льются.

И те<пе>рь у меня грудь так болит что даже не могу много писать. Простите мне за мою дерзость но нужда всё заставит делать.

---

[1] и благодарить

Прощайте дражайшие родители далее слезы мешают мне писать.

Не забудте также доброго моего Симона которой так старается обо мне что не прошло ни одной нощи чтобы он не увещевал меня не плакать об вас Дражайшие родители, и часто просиживал по целой ночи над мною уже его просил чтоб он пошол спать но никак не мог его принудить. Жалования ему не выдают и он принужден сам на нас всех готовить кушанье ибо другого повара нету был один и тот выпросился домой на два месяца. С величайшим почтением и преданостию честь имею быть вашим покорным сыном и послушным

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Учеников же еще о сю пор и половины нету.

1821 года
Августа 14-го.
Нежин.

7.
В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<26 августа 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Долгое время не получаю я от вас никакого известия и начинаю уже думать что вы как-нибудь потревоженны. Ах как бы я желал что<бы> вы были в совершеном здравии и благополучии дай бог чтоб он принял желание вашего сына Которой навсегда с истиным почтением

И преданностию навсегда останется вашим послушнейшим и покорнейшим сыном

Николай Гоголь-Яновский.

1821 года
Августа 26-го,
Нежин.

8.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<6 сентября 1821 г., Нежин.>

Дражайшие родители
Папинька и Маминька.

Извините меня, что я писал такое письмо к вам. Но когда бы вы знали, в каком я тогда находился положении. Приехавши в Нежин, на другой день стала у меня болеть грудь. Ночью так у меня болела грудь, что я не мог свободно дышать. Поутру стало лучше, но грудь моя всетаки болела и потому я опасался чтоб не было чего-нибудь худого, и притом мне было очень грустно в разлуке с вами. Но теперь слава богу всё прошло и я здоров и весел, вам же желая совершенного здравия и благополучия, остаюсь с истинным почтением и преданностию ваш послушнейший сын

Николай Яновский.

1821 года
Сентября 6 числа.
Нежин.

9.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<6 октября 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Извините меня, что толь долгое время не мог писать к вам. Причиною сему, что не имел свободного времени; но теперь с полным удовольствием пишу к вам и извещаю о новостя<х> здешних, которые будут для вас любопытны. Сюды ожидают со дня на ден директора, которой уже утвержден в здешнюю гимназию. Директор же вам известный, доктор Орлай, которой был в Кибенцах.

А что касается до меня, то я здоров и желая вам остаюсь навсег<д>а вашим

Послушнейшим сыном
и покорным слугою
Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Еще прошу вас прислать несколько книг, потому что мне в них великая надобность. Итак пришлите мне следующие книги: Латинскую граматику, Латинский Лексикон, Греческую граматику, священую историю, Катихизис, Арифметику, Маф<е>матику Фусса в трех частях и рисовальную книгу.

1821-го года
Октября 6-го.
Нежин.

10.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<10 декабря 1821 г., Нежин.>

Дражайшие Родители!

Папинька и Маминька.

Крайне обрадовался, получа от вас письмо, от которого узнал я что вы слава богу-здоровы. Извините меня, что о сю пор еще не писал к вам. Благодарю вас за деньги только книги вы не все прислали, и для того я прошу покорнейше прислать мне книги, необходимо нужные именно: Латинскую Граматику Бандыша-Каменскаго, Латинский Лексикон, Французкие разговоры и Немецкие разговоры и рисовальную книгу. Пожалуста пришлите сии книги поскорей, потому что м<н>е в них большая нужда. Что касается до меня, то я слава богу здоров и желая вам всякого здравия и благополучия остаюсь вашим

послушным сыном
и покорным слугою
Н. Гоголь-Яновский.

P. S. Еще прошу вас прислать мне Нравоучительные Сказки Г-на Мармонтеля, потому что мы их переводим на французкой язык. У всех здезь есть, а у меня нет.

Ежели угодно вам будет чтоб я учился танцовать и играть на скрыпке и фортепиано так извольте заплатить 10 рублей в месяц я уже подписался хотевшим учиться на сих инструментах также и танцованию но не знаю как вам будет угодно.

1821 года
Декабря 10.
Нежин.

11.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<Декабрь 1821 г. Нежин.>

Дражайшие Родители!
Папинька и Маминька.

Крайне желая вас видить, пишу к вам чтобы приехали хотя вы Дражайший Папинька, за мною на праздник. А не то так прислали бы за мною но только с письмом. Но лутче бы было ежелиб вы сами приехали.

Третего дни я был у Ивана Семеновича и он говорил, ежели я буду хорошо весть себе то он отпустит меня домой на праздник. Я слава богу здоров и желая вам быть благополучным и здаровым

Остаюсь вашим послушным сином
и покорным слугою
Н. Гоголь-Яновский.

12.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<7 января 1822 г., Нежин.>

Дражайшие родители
папинька и маминька.

Несказанно обрадовался получа ваше письмо, в котором узнал о вашем здоровьи. Я слава богу здоров, но только имею недостаток в книгах весьма нужных, о которых я вам писал. И теперь прошу, чтоб вы прислали или ежели приедете сюда то привезите мне сии книги: Французскую грамматику, Латинский лексикон Ивана Кронебурга, Арифметику 2-ю часть, Священную историю, катихизис, Нравоучительные сказки г-на Мармонтеля и рисовальную книгу. И еще нравственные примеры с картинками, о коих я уже вам писал, что они нужны для перевода с русского на французской язык.

Еще ль ежели бы вы прислали денег мне, потому что

моя казна вся истощилась, один мой товарищ купил за восемь рублей ножик, я просил его, чтоб дал мне посмотреть, и я забыл ему отдать сейчас, а положил в свой ящик, но чрез минуту посмотрел в ящик и его уже там не было. Теперь он говорит, чтобы я отдал сейчас ему восемь рублей, а не то так он возьмет все мои вещи и еще пожалуется гувернерам, и они меня накажут со всею строгостию. Простите мне это. Я впредь уж никогда не буду чужих вещей брать, а когда и попрошу вперед, то буду сей час отдавать и со всею осторожностию. И прошу вас пожалуста пришлите мне денег хоть рублей десять, то я отдам ему восемь рублей, а два рубля оставлю на письма. Еще прошу вас, пришлите мне тулуп, потому что нам не дают казенного ни тулупа, ни шинели, а только в одних мундирах несмотря на стужу. И еще ежели б вы прислали жилетов хоть два. Здесь нам дают по одному жилету.

Между тем желая вам совершенного здоровья, остаюсь ваш послушнейший и покорнейший слуга

Николай Яновский.

1822 года,
7-го января.
Нежин.

13.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

⟨Август 1822 г., Нежин.⟩

Дражайшие родители
папинька и маминька!

Извините меня, что я в первом моем письме не мог обстоятельно описать приезд мой сюда, причиною сему была скорость, с каковою я вам писал боясь не опоздать. Я теперь переведен в четвертый класс и, слава богу, учусь со всем старанием. Но меня беспокоит более всего ваше молчание и не знаю, получили ли вы то письмо, которое я вам писал. К нам приехал новый профессор фран-

цузского языка Ландражень. И я теперь со всяким старанием предаюсь сему языку. Но советуете ли мне учиться греческому языку, которого профессор уже приехал?

Я, слава богу, здоров и весел... немного грустно расставшись с вами да нечего делать, книги же пришлю по первой почте, как с<коро> пришлете мне деньги, потому ч<то> нечем будет заплатить на почту. Я и теперь позычил денег немного за письмо это, которое я к вам пишу; а потому прошу вас покорнейше прислать мне оных денег.

Остаюсь вашим покорнейшим слугой и послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. А вы, дражайшая маминька, не позабудьте мне прислать припасов, которых вы обещались, и еще ежели можно бархату, потому что того не стало. Еще прошу меня известить о здоровье вашем, также и о моих сестрицах, бабушке.

14.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<10 октября 1822 г., Нежин>

Дражайшие родители,
папинька и маминька.

Извините, что столь долгое время не мог писать к вам, причиною сему было, что я опасно был болен. Но теперь уже почти выздоровел.

Учитель танцования и музыки будет к нам в последних числах сего месяца, и для того нам объявлено, что кто хочет учиться на каком-либо инструменте, должен писать, чтоб ему прислали оные инструменты, услышав что, и пишу, чтоб вы прислали мне скрыпку, на которой я хочу учиться.

К нам прибыли множество новых воспитаников и пансионеров.

Прошу вас, дражайшие родители, прислать мне сколько-нибудь денег, потому что у меня они вовсе сошли, так что я найдусь принужденным занять да и взаймы достать негде, а мне надо ужасно, а особливо в теперешных моих обстоятельствах.

Также ежели б еще прислали чего-нибудь из съестных припасов, как маминька еще тогда обещались прислать сушеных вишен без косточек. Но мне хоть чего-нибудь и похуже, а много ежели это.

Впрочем с истиным почтением и преданостию
честь имею быть
вашим покорным слугою и
послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1822-го года,
Октября 10 дня.
Нежин.

15.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

⟨1823 г., 23 марта, Нежин.⟩

Дражайшие родители,
папинька и маминька!

Уведомляю вас, что я благодаря бога здоров и стараюсь всеми силами учиться и весть себя хорошо. Я не знаю, отчего вы до сих пор ко мне не пишете. Между тем как я уже писал к вам три письма, и ни на одно из них не получил ответа, что меня крайне беспокоит. Сделайте милость не оставьте меня в сем беспокойном недоумении. Уведомьте меня о своем здоровье, которого вам желая навсегда остаюсь

вашим послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1823 года,
Марта 23-го дня.
Нежин.

16.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<1823 г., 3 октября. Нежин.>

Дражайшие родители,
папинька и маминька.

Письмо ваше я получил 2-го числа и был им весьма доволен. Однако бы мне хотелось ежели б Федька приехал ко мне прежде. Прошу вас покорнейше не позабыть мне прислать Вестник Европы, о котором я вас просил в предыдущем, я вам его скоро возвращу. Что же касается о принятии мальчика в живописцы, то я вам посылаю записку живописца где он уведомляет, как и на каком положении он согласится его принять.

Иван Семенович возвратился из Орла, но на другой день уехал опять у Киев, и думают, что он пробудет там недели три. Денег же я у него не успел взять на заплату танцмейстеру, и я еще не начинал учиться танцовать, однако время не уйдет. Ежели вы только пришлете денег через Федьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно уметь танцовать. Однако же, папинька, не забудьте прислать всего того, чего я у вас просил, за что я вас буду благодарить. Да я и забыл вам напомнить п<р>о <*1 нрзб*> вы, кажется, обещали мне прислать, еще знаете что, пришлите мне вишневого клею. У нас, я думаю, мальчики собирали его.

Извините, что я так худо пишу. Это от непривычки, ибо я, по правде вам сказать, был болен, но теперь слава богу здоров и с трудом могу писать. Засвидетельствуйте мое почтение дедушке, бабушке, также всем родным. Я же с истинным почтением и преданностью честь имею быть вашим покорным слугою и послушнейшим сыном.

Н. Гоголь-Яновский.

1823-го года,
Октября 3 дня.
Нежин.

17.

В. А и М. И. ГОГОЛЯМ.

<Ноябрь-декабрь 1823 г. Нежин.>

Дражайшие родители,
папинька и маминька

Уведомляю вас, что нас будут распускать на праздник Р. Х. и для того прошу вас покорнейше или самим приехать, как папинька говорил, что он будет сам скоро, а ежели вы не приедете, то пришлить за мною, ибо вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздник, или лучше сказать зимою никогда не был дома и для того прошу вас покорнейше приехать за мною. Я однако ж надеюсь, что вы исполните мою просьбу.

Я трудился долго и наконец успел нарисовать 3 картины, а 4-ю еще только что начал и можно сказать, что сто́ит чего-нибудь. Ежели б вы их повидели, то верно бы не могли поверить, что я рисовал. Только жаль, что они пропадут, ежели не будет рамок, ибо они все рисованны на грунту и долго лежать никак не могут и для того прошу вас покорнейше прислать как можно поскореи рамки с стеклами. Я бы вам их так прислал, но никак нельзя, ибо когда уже на месте чуть одна не потерлась, то что б было с нею в дороге. Итак прошу вас покорнейше заказать оные рамки: две такие, чтобы имели в длину пол аршина с вершком, а в ширину четверть аршина и полтора вершка; другие две в длину на 3 четверти аршина, в ширину на пол аршина и два вершка. Сделайте милость, дражайший папинька, вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимся рисункам. Ожидая, что вы мне их пришлете в скорости и что вы пришлете за мною 20-го декабря, остаюсь

вашим послушнейшим и покорнейшим сыном

Николай Гоголь-Яновский.

18.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<11 декабря 1823 г. Нежин.>

Дражайшие родители!
Папинька и маминька!

Вы пишете, что не можно за мною прислать. — Ах! сделайте милость, пришлите за мною. — Нужды нет, что живёте в Кибенцах; мне с вами везде будет весело. Притом же погода к празднику ежедневно становится лучше. Не откажите моей просбе! и осчастливте своего сына, который с истинным почтением и преданностию имеет честь быть

вашим послушнейшим сыном
и покорным слугою.

Н. Гоголь-Яновский.

1823-го года.
Декабря 11-го.
Нежин.

19.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<22 января 1824 г. Нежин.>

Дражайшие родители
папинька и маминька.

Скрыпку и другие присланные вами мне вещи исправно получил. Но вы еще писали, что присылаете мне деньги на смычок, которых я не получил и не могу до сих пор узнать, почему они не дошли ко мне, или вы забыли или что-нибудь другое.

Извините, что я вам не посылаю картин. Вы видно не поняли, что я вам говорил, потому что эти картины, которые я вам хочу послать, были рисованны пастельными карандашами и не могут никак дня пробыть, чтоб не потереться, ежели сейчас не вставить в рамки. И для того прошу

вас и повторяю прислать мне рамки такой величины, как я вам писал, т. е. две таких, которые бы имели $^3/_4$ аршина в длину и $^1/_2$ в ширину [1], а одна такая, которая бы имела $1^1/_4$ длины и $^3/_4$ ширины, да еще маленьких две $^1/_4$ и 2 вершка длины и $^1/_4$ ширины. [2]

Посылаю вам при сем Вестник Европы в целости и прошу вас покорнейше прислать мне комедии, к.⟨ак⟩ т. ⟨о⟩ Бедность и благородство души, Ненависть к людям и раскаяние, Богатонов или провинциал в столице. И еще ежели каких можно прислать других, за что я вам очень буду благодарен и возвращу в целости.

Также ежели можете, то пришлите мне полотна и других пособий для театра. Первая пиеса у нас будет представлена Эдип в Афинах, трагедия Озерова. Я думаю, дражайший папинька, вы не откажете мне в удовольствии сем и прислать нужные пособия. Так ежели можно прислать и сделать несколько костюмов сколько можно, даже хоть и один, но лучше ежели бы побольше, также хоть немного денег. Сделайте только милость, не откажите мне в этой просьбе. Каждый из нас уже пожертвовал что мог, а я еще только. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу.

Уведомляю вас, что я учусь хорошо, по крайней мере сколько дозволяют силы. Вы пишете, что я вас не извещаю о том, что у нас делается и случается со мною. Позвольте мне вам сказать, что мне бы самому очень бы было любопытно знать, что делается как с вами, так и с посторонними лицами. Например, к величайшему моему сожалению узнал я о смерти Василия Васильевича Капниста. Но вы мне об этом ничего не сказали. Как будто бы еще о сю пору я ребенок и еще не в совершенных летах и будто бы на меня ничего нельзя положиться. Я думаю, дражайший папинька, ежели бы меня увидели, то точно бы сказали, что я переменился как в нравственности, так и успехах. Ежели бы вы увидели, как я теперь рисую (Я говорю о себе без всякого самолюбия).

---

[1] ширины [2] *Далее начато:* то только бы ск⟨азали⟩

Машиньку вы отдали в пансион или нет? Что делает Анинька и Лизанька? Надеюсь, что вы на это мне дадите ответ. Ожидая ж оного, остаюсь вашим послушнейшим и искренно Вас любящим сыном

Николай Гоголь-Яновский.

1824 года,
Генваря 22-го.
Нежин.

20.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<1824 г. 30 марта. Нежин.>

Дражайшие родители,
папинька и маминька!

Долгое молчание ваше удивляет меня, не знаю, какая тому причина. Месяца три не получаю от вас известия. Это повергает меня в горестное уныние. Я начинаю думать, не случилось ли вам какого несчастия (чего сохрани бог). Ради бога не терзайте меня сим печальным недоумением. Утешьте хоть двумя словами искренно вас любящего сына

Николая Гоголь-Яновского.

P. S. Я с нетерпением ожидаю присылки тех вещей, о которых я вас просил. Прошу вас покорнейше прислать мне для рисования тонкого полотна несколько аршин.

1824 года,
Марта 30 числа.
Нежин.

21.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

1824-го года, июня 13 дня. <Нежин.>

Непонятным для меня кажется ваше молчание. Или вы не получили письма моего; или другие посторонние обстоятельства удерживают вас.

Мне бы очень хотелось иметь ответ на прежнее мое письмо; хотелось бы услышать от вас самих о скором нашем свидании, или по крайней мере мог бы быть двумя строчками, которые для меня сократили бы медлительность моего ожидания, успокоен[1].

Я вам писал о приятном путешествии, которое мы скоро предприимем; о радостном нашем свидании; о удовольствиях которые я буду вкушать. Разве это такой мелочный пред-, мет, который должно оставить без внимания? верьте, любезные родители! что вся так сказать жизнь моя основанна на этом. Сие блаженное время я почитаю центром моих желаний, источником моих удовольствий. — Итак надеюсь, вы ускорите письмом вашим. Но правда теперь уже его не нужно, я и позабыл, что ныне 13-е июня и что чрез 10 дней вы пришлите за мною (каникулы будут 20 июня). Но так как еще мне надо сделать платье, то мы не ранее 23 выедем отсюда; как бы я желал скорее. — Г-н Баранов и Данилевский с нетерпением ожидают вместе со мною каникул. Ежели вы будете присылать за нами, то пожалуста пришлите нашу желтую коляску с решетками и шестеркою лошадей. Не забудьте коляску с зонтиком, в случае дождя чтоб нам спокойно было ехать, не боясь быть промочеными. Я думаю, папинька не забыл сделать того, о чем я его просил, именно для меня лошадку. Еще сделайте милость, пришлите нам на дорогу для разогнания скуки долго оставаться на постоялых дворах, несколько книг из Кибинец; будьте уверенны, что мы их привезем такими, какими они будут нам врученны. Но вместо повестей пришлите вы нам книгу под заглавием: Собрание образцовых сочинений в стихах, с портретами авторов в шести томах, за что мы будем очень благодарны.

Я уже почти собрался, уклал всё свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени: уже вижу всё милое сердцу, — вижу вас, вижу милую Родину, вижу тихий Псёл, мерцающий сквозь лехкое покрывало, которое я сброшу, насла-

---

[1] *Было*: или по крайней мере двумя строчками ~ быть успокоен. *Затем вписано*: мог бы быть

дясь истинным счастием, забыв протекшие быстро горести. Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей.

Время не позволяет более писать; мы теперь приготовляемся к экзамену.

Прощайте! дражайшие родители, прощайте, по недолго. Скоро мы увидимся, и сия радостная мысль наполняет мою душу[1] восторгом. Скоро вы увидите у ног своих благодарного сына,

Н. Гоголь-Яновского.

P. S. Прошу вас прислать мне денег десять рублей, которые мне следует получить. Еще раз, оне теперь мне пренужны, ибо мне надо расплатиться и купить еще красок для рисованья.

22.

В. А. ГОГОЛЮ и М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1 октября 1824 г., Нежин.⟩

Дражайший папинька!

Письмо ваше получил я 28 сентября. Весьма рад, находя вас здоровыми; за деньги вас покорнейше благодарю. Вы писали мне про стихи, которые я точно забыл: 2 тетради с стихами и одна Эдип, которые, сделайте милость, пришлите мне скорее. Также вы писали про одну новую Балладу и про Пушкина поэму Онегина;[2] то прошу вас, нельзя ли мне и их прислать. Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов, то и те пришлите.

Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на Рождество; то по вашему обещанию прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю, чем я вам буду много благодарен.

Между прочим прошу вас еще: нельзя ли каким-нибудь образом достать *Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе,* ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики,

---

[1] душу нашу [2] *Далее начато:* которая

весьма нуждаемся в примерах, с тем только чтоб на время, и я вам в чистоте их пришлю переписавши.

Еще прошу уведомить меня — не приедете ли вы в Нежин когда-нибудь посетить нас и осчастливить меня своим присутствием.

Прощайте, дражайший папинька!

Ваш послушнейший и покорнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

Дражайшая маминька!

Позвольте, дражайшая маминька! позвольте поздравить вас с днем ангела вашего, с сим блаженнейшим днем для каждого нежного и благодарного сына. Ваша родительская любовь и нежность, ваши благодеяния, ваши о мне попечения, — всё сие побуждает меня приняться за перо, чтоб изъявить вам свою благодарность. Но к несчастию оно столь не твердо силы мои так слабы, а о благодарности я и думать не могу: она ничто иное есть, как слабая тень в сравнении со всем тем, что я вам должен. Но если не имею возможности воздать вам более, если мои силы не позволяют сделать того, если уже и мой ум отказывается от сего; то всякой бы на моем месте пришел бы в отчаянье, бросил бы с досады перо и не захотел более ломать голову над тщетным. Но я знаю, что вы и сие малое мое желание приймете с искренним удовольствием, и тем вознаградите меня боле всего, могущего прельстить взоры другого.

Итак желая вам, дабы вся жизнь ваша была безмятежна, исполненна всеми возможными радостями, короче сказать, чтобы вы всегда были здоровы, благополучны и вечно веселы, остаюсь

вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголь-Яновский.

1824-го года.
Октября 1 дня.
Нежин.

23.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

⟨19 октября 1824 г. Нежин.⟩

Дражайшие родители
папинька и маминька!

С неизъяснимым удовольствием получил письмо ваше, которое меня чрезвычайно обрадовало, особливо потому, что я скоро буду видеться с вами. И для того мне осталось только мне написать, когда можно отсюдова выехать, а как я надеюсь, что зима теперь будет хорошая, то и прошу прислать за мною 16-го декабря потому что роспускать нас будут 18-го числа.

Прошу вас еще прислать мне синего сукна на мундир, или здесь пускай куплят,[1] потому что у меня о сю пору тот мундир, тот самый, что был на каникулах. Он совсем теперь не может на меня налезть, — так сделался мал, притом весь почти в дырах.

В ожидании радостнейшего свидания, остаюсь вашим покорнейшим и послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1824-го года.
Октября 19-го дня.
Нежин.

24.

М. И. ГОГОЛЬ.

13-го генваря. 1825-го года. Нежин.

Приехал сюда преблагополучно и 12-го числа по полудни очутился в Гимназии. Езда моя хотя была невыгодна, по той причине, что люди позабыли взять из дому всё, что весьма нужно для дороги, как то: для обеда и проч. — приехал я как раз в срок, ни поздо, ни рано.

---

[1] сошьют и куплят

Прощайте, дражайшая маменька. Я весьма беспокоюсь о вашем здоровье. Дай бог, чтоб оно поправилось и вы наконец совершенно были здоровы. Между тем прошу вас, маменька, писать ко мне почаще, это одно только услаждает разлуку с вами, я буду стараться писать к вам почаще. — До следующей почты!

Ваш покорнейший и любящий вас сын

Н. Гоголь-Янов<ский>.

На обороте: Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской.

25.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

<Март 1825 г. Нежин.>

Папинька! и маминька!

Получивши ваше письмо, весьма огорчился, особливо услышавши, что вы, дражайший папинька, весьма нездоровы (Я уже не думаю о праздниках, потому знаю сам, никаким образом нельзя теперь ехать). Когда бы только папинька выздоровел, то я уже доволен. При том же всё-таки буду скоро с вами видеться: до каникул уже не далеко (а почему знать, может быть, и до Христова праздника).

Прошу вас, дражайший папинька, прислать мне к праздникам хоть несколько книжек на прочот, ибо здесь на праздниках такая скука, что ужасть, я сам не знаю, что делать. Вообразите себе сидеть одному, поджавши руки и повеся голову, хоть кому придет тоска поневоле. У нас почти все порозъезжались, кроме тех, которые из самых дальних мест.

Да еще пришлите пожалуста деньги портному, который мне каждый день надоедает. Вы не поверите, как страшно иметь заимодавца. Я ему должен за пошитье сертука 10 рублей. Также ежели можно прислать мне сколько-нибудь на праздники. Не худо бы было и провиянту.

Итак прощайте, дражайшие родители. Я ожидаю известия. До того, целуя ваши ручки, остаюсь

вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголь-Яновским.

Прошу засвидетельствовать нижайшее мое почтение Андрею Андреевичу, Ольге Димитриевне, также всем родным.

26.

В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

1825-го года, 18-го марта ⟨Нежин.⟩

Итак позвольте вас во-первых поздравить с наступающим праздником и вместе с желаньем провесть оный как нельзя лучше. Благодарю вас покорнейше за присылку мне денег и за наставление, которое вы мне сделали. — Но, дражайшие родители, позвольте вам сказать, что я не имею ни одной из тех наклонностей, об которых вы мне писали, или по крайней мере ни к одной не имею пристрастия. — Позвольте еще вас просить а особливо, нельзя ли мне прислать несколько полотна. Письмо же сие пишу чрез Петра Александровича Баранова, который, надеюсь, сам привезет к вам. Может быть, дражайший папинька, не пришлете ли мне какие вещи, или что-нибудь чрез его, особливо по возвратном пути его в Нежин.

Также еще нельзя ли мне (извините, что несколько раз тревожу вас прошением) прислать на праздник несколько книжечек для препровождения времени, а особливо когда здесь бывает ужасная скука в это время. Хотел бы вам ⟨прислать⟩ несколько картинок, рисованных на картонах и сухими колерами, но некоторые из них еще не докончены, а другие боюсь чтоб не потерлись дорогою, потому что рисовка их весьма нежна.

Еще я думаю, что вы мне пришлете к празднику несколько съестных припасов. Вы не знаете, как они были бы мне полезны в этом случае.

Итак прощайте, дражайшие родители!

Желая вам провесть сии праздники как можно лучше, а между тем ‹остаюсь› ваш послушнейший и покорнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

Нежин.

27.

М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года апреля 23-го дня. Нежин.

Не беспокойтесь, дражайшая маминька! Я сей удар перенес с твердостию истинного христианина.

Правда я сперва был поражен ужасно сим известием однако ж не дал никому заметить, что я был опечален. Оставшись же я наедине, я предался всей силе безумного отчаяния. Хотел даже посягнуть на жизнь свою. Но бог удержал меня от сего — и к вечеру приметил я в себе только печаль, но уже не порывную, которая наконец превратилась в легкую, едва приметную меланхолию, смешанную с чувством благоговения ко всевышнему.

Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утоления своей горести![1] Так дражайшая маминька! я теперь спокоен — хотя не могу быть счастлив: лишившись лучшего отца, вернейшего друга всего драгоценного[2] моему сердцу. Но разве не осталось ничего, что б меня привязывало к жизни? Разве я не имею еще чувствительной, нежной, добродетельной матери, которая может мне заменить и отца и друга и всего что есть милее, что есть драгоценнее?

Так я имею вас и еще не оставлен судьбою. Вы одни теперь предметом моей привязанности; одни которые можете утешить печального, успокоить горестного. Вам посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждые минуты. Сделаю всё то, что может сделать чувствительный, благодарный сын. Ах, меня беспокоит больше всего ваша горесть! Сделайте милость, уменьшите ее, сколько возможно,

---

[1] *Далее начато:* Правда [2] *и всего драгоценного*

так, как я уменьшил свою. Прибегните так, как я прибегнул, к всемогущему. Зачем я теперь не с вами? вы бы были утешены. Но через полтора месяца каникулы — и я с вами. До тех пор уменьшите хоть немного свою печаль. Не забудьте что с вашим благополучием соединено благополучие и вашего сына,

который с[1] почтением и нежною любовью к вам пребывает

Николай Гоголь-Яновский

P. S. Напишите, дражайшая маминька, ко мне: здоровы ли[2] мои сестры? здоровы ли маленькие сестры,[3] что они теперь делают, чем занимаются, перецелуйте их за меня, скажите им, что через полтора месяца приеду к ним. Поцелуйте за меня бабушку, почтеннейшую Анну Матвеевну, скажите, что я ей обязан более нежели жизнию. Она утешает и возвращает мне мать мою! Да еще напишите мне, дражайшая маминька: Машинька дома ли? или в пансионе. Ах, мне бы весьма желательно было ее увидеть на каникулах.

С нетерпением ожидаю ответа. Сделайте милость напишите мне поскорее, как можно поскорее, по следующей почте. Каждая минута просрочки меня будет мучить.

Еще P. S. Ежели я вас этим не побеспокою и ежели вы можете, то пришлите мне 10 рублей на книгу, которую мне надобно купить, под заглавием Курс российской словесности, ибо у нас ее проходят. На свои нужды мне ничего не надобно.

28.

М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года, 24-го апреля ⟨Нежин.⟩

Извините моему нетерпению дражайшая маминька! Вообразите мою досаду. Письмо, которое я написал вчера,

---

[1] *Далее начато*: не⟨жною?⟩ [2] что делают [3] здорова ли Машинька, Анинька, Лиза, Таня и наконец Олинька

о сю пору не отправлено по той причине, что человек еще не едет. А между тем я мучусь каждый день об вас, мне всё представляется, что вы теперь в величайшей горести. Ах маминька! я вам говорю и повторяю, что я спокоен — что мое спокойствие зависит от вашего. Сделайте милость, не печальтесь, пожалейте нас несчастных сирот, которых всё благополучие зависит от вас. Пожалейте, говорю, не расстраивайте нашего последнего счастия. Ах чего б я не сделал чтобы быть теперь с вами. Мое нетерпение увеличивается, мне хочется вас видеть, слышать, хочется говорить с вами, но пространство [1] разлучает нас. Говорите хотя со мною письменно! Сделайте милость, скорее только пишите, прошу вас, умоляю. Ах вы не знаете, в каком беспокойстве теперь я нахожусь. И днем и ночью мысли об вас наполняют мою душу. Я с нетерпением ожидаю вашего письма, по первой же почте. Как для меня долго это время. [2]

Когда бы приходили скорей каникулы. Но они удаляются от меня, они смеются моей горести. Маминька! пощадите хоть вы ее.

Я папиньке хотел было прислать несколько своих сочинений. Также своего рисования картинок. Но... ему не угодно было их видеть. Я не знаю, прислать ли мне вам их и примете ли вы милостиво [3] первые плоды ваших родительских обо мне попечений [4]. Уведомите меня о домашних делах и о тому подобных происшествиях. Сделайте милость, наполните несколько страничек вашего драгоценного письма, чем больше тем лучше.

Еще хотелось бы говорить с вами, ⟨но⟩ не о чем и нечего. Сердце мое теперь так стеснено, что едва могу владеть пером.

Прощайте во второй раз, дражайшая маминька, до первой почты.

Н. Гоголь-Яновский.

---

[1] *Далее начато:* (Ах бесчеловечное) [2] *Далее начато:* Ах [3] милостиво *вписано.* [4] плоды вашего воспитания

29.
М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года 26-го мая. ⟨Нежин.⟩

Сделайте милость, дражайшая маминька, успокойте меня хотя одною строчкою; пожалейте обо мне! Вы не знаете, что причиняете мне своим молчанием, вы не знаете, что отравляете каждою минутою мою жизнь. Ежели бы вы меня увидели, вы бы согласились, что я совсем переменился. Я теперь можно сказать совсем не свой, бегаю с места на место, не могу ничем утешиться, ничем заняться; считаю каждую минуту, каждое мгновение, бегаю на почту, спрашиваю: есть ли хоть малейшее известие, но вместо ответа получаю — нет! и возвращаюсь с печальным видом в свое ненавистное жилище, которое с тех пор мне опротивело, вы не знаете, что это несносное нет наносит мне боязнь неизъяснимую. Печальные мысли наперерыв теснятся в моей голове и не дают мне ни минуты насладиться спокойствием.

Сделайте милость, я вас прошу, молю, заклинаю всем, что есть свято, что осталось еще любезным для вашего сердца, заклинаю вас именем ваших детей, которые не могут жить без вас; отвечайте мне, не мучьте меня мрачною неизвестностью. Пожалейте своего несчастного сына; несчастного оттого, что он теперь находится в самом горестном состоянии. Он не знает об вашей участи. Одна только мысль меня немного подкрепляет, немного утешает горестного: скоро каникулы, и я увижусь с вами, тогда-то я вас утешу. Впрочем я не знаю, можно ли так печалиться, как вы. Правда я не отвергаю ее, вы должны печалиться, но не так, в какой печали находитесь ныне. Вы знаете [1] я думаю и то, что у вас есть еще большая обязанность, есть дети, которых ваша малейшая горесть приводит в отчаяние. Так, дражайшая маминька, утешьтесь хоть немного, живите для нас, верьте, что вы никогда не будете иметь огорчения. Мы постараемся усладить, сколько можно, вашу драгоценную для нас жизнь.

---

[1] Вы знайте

Я писал вам письмо чрез людей г-на Баранова и не знаю, получили ли вы его? Теперь посудите о моем отчаяньи не получая о сю пору ответа, между тем приближается время каникул и не знаю, буду ли я счастлив или самым несчастливейшим человеком. Никогда еще мне не хотелось так видеть каникул, как теперь. Я вам говорю, что ежели я вас не увижу, я не знаю тогда на что решусь. Ежели же не получу ответа на это письмо, то сие молчание будет самый ужасный для меня признак. Тогда-то я прибегну к отчаянию, и оно-то даст мне средство, как избавиться от сей мрачной неизвестности.

Теперь вы видите, что от одного вашего слова зависит счастие и несчастие вашего сына.

Каникулы у нас начнутся с 20 июня, следовательно за мною надо присылать 18 июня. — Между тем я ожидаю от вас с нетерпением, час от часу увеличивающимся, драгоценных для меня строк, которые возвратят жизнь несчастному вашему сыну, которые, как целительный бальзам, прольют отраду в изнывшее сердце[1].

Не знаю, что делается теперь дома, вы не известили меня ни о сестрицах, ни о чем другом. Я думаю всё переменилось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам Родины, и теперь она еще вдвое драгоценнее для сердца горестного.

Извините, дражайшая маминька, что я теперь пишу и без связи, и без разборчивости: я вам объявил причину.

Всеминутно ожидая ответа,

остаюсь вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголем-Яновским.

30.

М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года, месяца июня 3. Нежин.

Вы не поверите, дражайшая маминька, как меня обрадовало ваше письмо, которое вы писали к г-ну Баранову[2].

---

[1] в мое сердце [2] через г-на Баранова

Известие, что вы в совершенном здоровье, как отрадный луч, проникло в мою душу; впрочем мне весьма бы хотелось иметь от вас письмо собственно ко мне. Вы не знаете, как я после этого вашего молчания, долгого и крайне для меня мучительного, жажду каждой вашей строчки. — Мне бы весьма хотелось знать, где вы теперь живете и в самом ли деле спокойны так, как доказывает ваше письмо.

Я не знаю, может быть я вас потревожил предыдущим письмом, но этому виной было ваше мучительное для меня молчание, которое ввергнуло было меня в некоторый род отчаянья. Ужасные мысли беспрестанно представлялись моему расстроенному воображению. — Но теперь я совершенно успокоился. — Теперь мое всё желание состоит в том, чтобы вы были совершенно здоровы. Я горю нетерпением вас видеть скорее. — Слава богу время скоро приближается: теперь 3-е число июня, и я в радости твержу себе беспрестанно, что в этом же самом месяце я увижусь с вами, и это самое заставляет меня забывать все горести. Экзамен у нас начнется 15-го июня, в нашем классе кончится 17-го, и я 18-го могу уже ехать.

Жаль, что г-н Баранов теперь едет вместе с г. Забелою; следовательно уже не будет более ездить с нами. Итак нас теперь будет двое: я и г. Данилевский. Присылать же за нами надобно так, чтоб уже к 18 числу лошади были в Нежине, ибо сего числа мы выедем.

Еще прошу вас, дражайшая маминька, распорядить так, чтобы нам не зае<з>жать в Кибенцы, ибо платья у меня совсем нет кроме того, которое на мне. А присылать за нами прошу, ежели можно, желтою колясочкою, маленькою, которая как раз будет способна к нашему путешествию, потому что весьма легка, мало надо лошадей, и мы можем поспеть гораздо скорее, нежели какою-нибудь огромною бричкою.

Так, дражайшая маминька, я вас скоро увижу, и восхищаюсь каждый день сею мыслию, и теперь собираюсь привезть вам какой-нибудь подарок. Но знаю, что вам не может быть подарка лучшего, приятнейшего, как привезть вам, сердце доброе, пылающее к вам самою нежною любовью

1825го года. Іюня 10го числа.

Письмо ваше драгайшая Маминька (писанное
24 Мая) я получил 3го Іюня и спешу отвечать
вамъ. — Вчерашнее получили ли вы прежніе два
письма которые я к вамъ писалъ одно
послѣднее писалъ Мая а другое первыя Іюня.
Вы повѣрите драгайшая маминька какое
удовольствіе принесло мнѣ ваше письмо по вѣ-
стя о нихъ я нѣчаянно радовался особливо
видя вашу любовь вашу горячность радуюсь
какую вы имѣете къ вашимъ дѣтямъ по
вашимъ словамъ; что вы уже болѣе для себя и для
міра сего нечувствуете, что можетъ быть
я скоро долженъ занять мѣсто отца на-
молодшимъ моимъ сестрамъ слова. сіе
посѣлило начавшіе предчувствія в моемъ сердцѣ

Письмо Гоголя к М. И. Гоголь от 10 июня 1825 г. Первая страница.

Институт литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград).

какую только может внушить благодарность к добродетельно-нежной матери. — Но смею вам сказать, что я приобрел уже довольно и других качеств, которые, я думаю, вы сами увидите; можно сказать, обработал-таки свои понятия, которые сделались гораздо проницательнее, дальновиднее.— Ежели могу я вам угодить ими, тогда почту себя самым благополучнейшим человеком. Притом я постараюсь к вам привезть несколько своих произведений, также хорошеньких картинок своей работы: дары скудные, но они от чистого сердца, и их приносит нежный, чувствительный сын.

С нетерпением ожидая каникул и вашего письма, которое надеюсь получить сей час по прочтении сего письма,

остаюсь вашим послушнейшим
и покорнейшим сыном
Гоголь Яновским.

31.

М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года. Июня 10-го числа. ⟨Нежин⟩

Письмо ваше, дражайшая маминька, (писанное 24 мая), я получил 3-го июня и спешу отвечать вам. — Я не знаю, получили ли вы прежние два письма, которые я к вам писал одно последних чисел мая, а другое первых июня. Вы не поверите, дражайшая маминька, какое удовольствие принесло мне ваше письмо, но вместе с ним я не мог не быть растроган, особливо видя вашу любовь, вашу горячность родительскую, какую вы имеете к вашим детям, но ваши слова: что вы уже более для себя и для мира сего не живёте, что, может быть, я скоро должен занять место отца малолетним моим сестрам, слова сии поселили печальные предчуствия в моем сердце. Зачем предаваться горестным мечтаниям? Зачем раскрывать грозную завесу будущности? Может быть, она готовит нам спокойствие и тихую радость, ясный вечер и мирную семейственную жизнь. Будем надеяться на всевышнего, в руке которого находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой

путь в сем мире и ежели не так, как предназначенно всякому человеку, по крайней мере буду стараться сколько возможно быть таковым.

Благодарю вас покорнейше, дражайшая маминька, за деньги, которые вы мне прислали и которые мне были нужны.

В рассуждении каникул я вам писал, что за нами надо присылать так, чтобы 18 или 19 лошади были уже здесь, потому что мы 20 или 21-го июня непременно выедем. — Также я вам писал, чтобы в Кибенцы не езжать, потому что у меня платья совсем нет, кроме того, в котором хожу повседневно. Также еще я просил вас, маминька, чтобы вы за нами, ежели можно, прислали маленькою желтинькою коляскою, которая тогда, как я был, поправлена была в Кибенцах. И которую, ежели можно, прислали бы с зонтиком. Еще просил бы у вас, дражайшая маминька, прислать на дорогу несколько книг каких-нибудь новых и хороших, оттого что дорогою будет нам ужаснейшая скука, не делавши ничего.

С нетерпением ожидаем теперь каникул. Данилевский, как уже вы знаете, хотел было ⟨ехать⟩ теперь, но его удержали до экзаменов. Чему я весьма рад, оттого что мне бы ужасная скука была ехать одному.

Прощайте, дражайшая маминька, до радостнейшего свидания.

Ваш послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

32.

М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года, августа 15-го. Нежин.

Итак я уже на месте, то есть приехал как нельзя лучше в Нежин, и в самую пору, ни поздо, ни рано, а так, как было должно. Иван Семенович Орлай еще и не собирался ехать в С. Петербург, оттого что, по его словам, не получил о сю пору разрешения от министра и не знает ничего, что еще его ожидает. Я не знаю, маминька,

справедлива ли весть, что ему в С. Петербурге есть место генерал-штаб-доктора, и ежели точно справедлива, то вы напишите ко мне; здесь никто и сам он о сем ничего не знает.

Рыбы, по Андрея Андреевича записке, не нашли. Каракатиц нет, а купец Стефанеев говорил, что ежели надо сколько, так он может выписать из Одессы в весьма скором времени. — Сделайте милость, пришлите мне ту книгу, которую я забыл и которую мне весьма[1] надо, а особливо потому, что она казеная. Вы, я думаю, ее помните. Она не так толста, в голубой бумажке, под заглавием: Опыт о русском стихосложении, А. Востокова. — Еще сделайте милость, пришлите мне адрес Данилевского как можно поскорее.

После вам напишу за кисти и за краски, каким образом это сделать, а теперь я еще не распросился об этом да и не успел. Прощай<те>, дражайшая маминька. Дай бог вас видеть здоровыми и счастливыми, чего вам желая и о чем моля бога, остаюсь вашим послушнейшим сыном

Николаем Гоголь-Яновским.

33.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

1825-го года, августа 17 числа, Гимназия.

Ты не поверишь, как я был раздосадован, узнавши, как ты был в Гимназии и мне не удалось тебя видеть. А мне бы весьма хотелось тебе порассказать и пересказать много разных разностей, из коих некоторые для тебя были бы довольно важны и занимательны. Ты не знаешь, теперь я осветился новыми знаниями и новыми сведениями о нашем любезном С. Питере. Не знаю, придешь ли ты сегодня к нам или лучше напиши, могу ли я теперь тебя застать дома — то я сам к тебе приду.

Прощай.

Н. Гоголь.

---

[1] весьма *вписано.*

34.

М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года, сентября 30-го дня. ⟨Нежин.⟩

Извините меня, дражайшая маминька! виноват, право виноват! не писавши столь долгое время. Не знаю, чем даже оправдаться, попросту сказать — леностию. Однако надеюсь, что это последний раз.

Я говорил с профессором живописи о моем предприятии, именно — продолжать писание масленными красками. Он берется на себя доставить некоторые вещи, как-то: кисти и часть красок, остальные могу искупить здесь. Следовательно деньги 50 рублей должно прислать в начале октября, чтобы не опоздать занятиями.

Позвольте поздравить вас, дражайшая маминька, с приближающимися вашими именниннами, с которыми желаю, чтобы для вас началось благополучие и счастие.

Мне весьма жаль[1] что не отыскалась книга, о которой я говорил: у меня ее спрашивают. Я советывал бы еще посмотреть ее в угольном столике в столовой. Ее можно узнать по голубой обвертке; заглавие: *Опыт о русском стихосложении.*

Не знаю др⟨ажайшая⟩ маминька, что бы вам сказать о наших происшествиях: нового у нас так мало, примечательного и того менее; притом мы живем теперь совершенно в глуши, никто не посещает наш бедный Нежин. Скажу вам только, что наш Иван Семенович едет (хотя не так скоро) в Одессу, в тамошний лицей.

Вы видите теперь сами, что совсем почти нет ничего нового. Мы совершенно, так сказать, в другом мире, старом и забытом. Я только как-то и оживляюсь вашим письмом, которого я теперь ожидаю с нетерпением. Надеюсь, что вы меня известите о нашем крае хоть немного, но: родной и дым приятен.

Прощайте, маминька, до следующего письма.

Н. Гоголь-Я.

---

[1] весьма жаль дражайшая маминька

Деньги, которые вы мне присылаете, следуют таким образом.

После каникул - - - - - - -	15	получил
Перед Покровом б.<ожьей> матери, 1-е октября - - - - - - -	10	„
Перед рождеством - - - - - -	10	„
Перед масленной - - - - - -	10	„
Перед воскресением Хри<стовым>	10	„
Перед Зеленою неделею - - -	10	„
Перед каникулами - - - - -	5	„
Итого - -	70	„

35.

М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года, 13 октября. <Нежин.>

Позвольте, дражайшая маминька, и вас немного попенять за молчание. Я уже два письма писал к вам, из коих одно чрез Егора Ильича г-на Бажанова, и не знаю, получили ли вы. — Также позвольте мне просить вас о присылке за мною на Рождество, тем более, что я имею много кой-чего сказать вам, которое весьма интересно, как для вас, равным образом и для меня; но обстоятельства, пространство письма и другие особенные причины не позволяют мне объявить вам теперь. — Надеюсь, дражайшая маминька, что вы не откажете в сем желании сильно вас любящего сына. Кроме того, я имею многие основательные причины, которые заставляют меня ехать домой; равным образом и обстоятельства такие, которые весьма будут полезны для меня по возвращении обратном в мою Гимназию. Но более всего побудит вас еще,[1] что профессор физики и химии, по прошению Димитрия Прокофьевича, обещался приехать к нему на Рождество. Итак вы сим сделаете удовольствие не только мне, но и Дим.<итрию> Проков.<ьевичу>. О присылке за мною вы можете сделать условие с родителями Данилевского и Баранова, которые также хотят прислать за ними. Следовательно экипаж надо побольший для четырех.

[1] *Было начато*: но всего боле побуждает меня еще то

Прощайте, маминька! Изъявите почтение всем моим родным и не забудьте просьбы нежно вас любящего сына, который с нетерпением желает видеться скорее с вами!

Н. Гоголь-Яновский.

36.

М. И. ГОГОЛЬ.

1825-го года октября 23-го дня. ⟨Нежин.⟩

Письма ваши и деньги, присланные вместе с ними, получил и спешу писать к вам, тем более, что почтеннейший Егор Ильич, чрез которого я вам вручаю сие письмо, сей час едет; итак постараюсь сколько возможно скорее уведомить вас о вещах, на которые вы требовали скорейшего ответа. Во-первых о книгах я потому не писал к вам так долго, что ожидал ответа от одного моего товарища, которые я ему выезжая вручил и который уехавши о сю пору не приезжал. В рассуждении же сочинения скажу вам, что я его не брал, но оно осталось между книгами в шкафу. Но это небольшая беда, ежели оно и точно пропало, я постараюсь вам вознаградить новым и гораздо лучшим.

Деньги 50 рублей я также получил и употребил их с пользою.

Прощайте дражайшая маминька. Писать более не успеваю.

Ваш послушный нежно-любящий вас сын

Н. Гоголь-Яновский.

Прошу засвидетельствовать почтение бабушке и всем родным, поцеловать за меня сестриц.

На обороте: Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской в Кибенцы.

37.

М. И. ГОГОЛЬ.

Декабря 2-го дня, 1825-й. Нежин.

Получивши почтеннейшее письмо сего 2-го декабря, спешу немедленно отвечать. Во первых благодарю вас покорнейше за исполнение моей просьбы прислать за мною на Рожество. Не зная теперь, можно ли ехать на колесах, я думаю, что к празднику зима гораздо увеличится и будет довольно постоянная; следовательно не худо бы приискать экипаж санный гораздо поболее, чтобы можно было четырем удобно поместиться; ибо, как я вам прежде упоминал, и г-н профессор едет с нами. — Прислать же за нами прошу 16-го числа декабря. Прощайте, дражайшая маминька, до радостного свидания, которое, надеюсь, скоро настанет.

Нежно вас любящий послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

P. S. Вы обещали мне для жилета голубой материи; пришлите теперь ее. Из тех денег, которые мне следуют пред Рождеством я заплачу за пошитье.

38.

М. И. ГОГОЛЬ.

1826-го года января 17. Нежин.

Поспел сюда вчера благополучно и спешу уведомить вас, дражайшая маминька. В замедлении моем ничего мне не стоило оправдаться; принят был, как самый добрый товарищ. Я теперь почти в совершенной радости, изредка только вспоминание об вас туманит светлое лицо мое, только что недавно видевшее вас. Извините, почтеннейшая маминька, что не могу более писать, теперь столько хлопот, что я спешу как можно скорее окончить письмо. До следующей почты.

Ваш сын Николай Гоголь-Яновский.

На обороте: Милостивой государине Марьи Ивановне Гоголь-Яновской.

39.

М. И. ГОГОЛЬ.

1826-го года 21 апреля. Воскресение Христово. ⟨Нежин.⟩

Первым долгом поставляю себе поздравить с наступившим праздником и желать вам провесть оный гораздо лучше, нежели я, который на нем так соскучился, что с величайшим чистосердечием желает скорейшего окончания его. Вообразите, мы теперь живем в совершенном забытье: все разъехались, и я один почти как безумный бегаю по музеум⟨ам⟩, попеременно заглядывая в окно, нет ли от вас какой родимой весточки... Не знаю даже, что делается у нас. Тут ходят вести, будто его высокопревосходительство Димитрия Прокофьевича приглашают в Петербург. Не знаю, правда ли это.

Теперь у нас уже конец апреля; почти через полтора месяца и каникулы, и я буду видеться с вами. Это немного развеселяет скучную мою угрюмость.

Я вас буду просить, дражайшая маминька, еще об снабжении меня деньгами. Я был еще перед Рождеством немного болен, и так как у нас не всегда хорошее содержание для больных, то и занял у г-на профессора; после опять случилось мне занять на разные книги, и теперь набралось всего на сорок рублей, а как денег не имею ни копейки, то и надеюсь единственно на ваше пособие. Вы можете прислать хотя из тех, которые мне следуют: от Рождества я должен был получить два раза, и не получал ни разу; теперь же, я думаю, вы не откажете мне в сей просьбе.

Напишите мне что-нибудь об хозяйственных делах. Я теперь сделался большим хозяином, умею различать хлеба и на каникулах покажу вам, где сено, овес, жито и прочее, и могу даже целый час спорить с житными панами о посеве озимой гречихи*. Кстати об хозяйстве: продолжается ли у нас теперь постройка дома? работают ли в саду? курится ли винокурня? Эти известия для меня весьма любопытны.

Глубокое почтение Андрею Андреевичу, Ольге Дмитриевне, бабушке и всем родным. Сестре моей Анне Васильевне самое глубочайшее почтение и также всем маленьким.

Ваш послушнейший сын
Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Сделайте милость, пришлите Симону на шинель сукна.

* Типографическая ошибка, самая непростительная при моем великом знании.

40.

М. И. ГОГОЛЬ.

1826 года, мая 14-го дня. ⟨Нежин⟩

Странно и непонятно, каким образом не доходили мои письма к вам, дражайшая маминька! Мне было грустно, весьма грустно, слышавши, как вы обо мне беспокоились. Последнее письмо я отправил к вам на прошедшей неделе. Не знаю, каким образом оно так длило путь свой, хотя однако ж нельзя похвалить и исправность нашей почты: ваше письмо, писанное вами 14-го апреля, поспело сюда к 11-му маю, почти около месяца!

Благодарю вас, маминька, чувствительно за поздравление меня с именинами, также за посылку, а более всего за ваше необыкновенное обо мне попечение (которого я не заслужил, однако ж не теряю надежды заслужить его). Касательно моего здоровья, смело могу вас уверить, что я еще никогда не был в таком хорошем состоянии, как теперь: весел, радостен, скучен только в те минуты, когда думаю об разлуке вашей со мною. Но мысль об скором свидании одна только теперь полнит мою душу. Близкие каникулы не выводятся из головы.

Аврам приехал сюда 14-го мая, сего самого дня, в который я пишу к вам, привез мне добрую весть об вашем здоровьи, которая согнала недобрые думы с лица моего; привез несколько мелочных новостей домашних, между

которыми были некоторые для меня весьма важные, как-то о работе, производимой около дому и т. п.

Хорошая весна была у нас; думаю, теперь можно ожидать изобилия на фрукты. Я давно уже острю на них зубы, и эти каникулы увидят ужасное опустошение в нашем саду. Жаль только, что мне не достанется отведать клубники: отойдет к тому времени.

Иван Семенович свидетельствует свое почтение и приказал мне немедленно писать к вам, приговаривая, что вы обо мне беспокоитесь, а я о том совсем не думаю...

P. S. Честное слово писать к вам по два раза в месяц! пишите ж и вы ко мне чаще. Через полтора месяца каникулы. До радостного свидания!

41.

М. И. ГОГОЛЬ.

1826-го года[1] июня 4-го дня ⟨Нежин⟩

Вы, верно, на меня сердитесь маминька: что до сих пор не отвечаете на письма мои. Сделайте милость простите меня! Я вам уже сказал, что это было в последний раз и с тех самых пор обещался писать к вам по два раза в месяц и твердо выполню обещание.

Годичное испытание у нас давно началось и скоро кончится. Числа 18-го будет уже можно мне ехать. Полгода как не бывало! Я льщусь надеждою в этом месяце вас увидеть. Вы не поверите, маминька, с каким нетерпением я жду этого свидания. Не знаю, захотите ли вы мне сделать здесь платье, только в таком случае надо прислать за мною с деньгами гораздо ранее. Я спрашивал у Симона, можно ли у него теперь занять, но он божится, что у него нет и что его все деньги теперь на руках, которых он не надеется скоро получить, а у меня платья почти совсем нет.

На это письмо я еще ожидаю вашего ответа. После

---

[1] 1825-го года.

его, может быть, я еще буду писать через Баранова, который, как скоро кончится у них экзамен, едет на почтовых.

Не знаю, будете ли вы довольны, но только я намерен привезть вам кое-что, в засвидетельствование, что я не даром провел здесь протекшее полугодие. Ваше одобрение будет для меня лестною наградою.

Думаю, мои сестрицы очень подросли, горю нетерпением их видеть, особливо Анинька, я думаю, она совсем забыла меня[1]. Сколько новых радостей ожидает меня при свидании. Поверите ли, маминька, считаю, что один день остался до каникул, и это сближение так радует меня (в мечтах), что я часто сижу по целым часам у окна, поджидая знакомого экипажа.

Кланяйтесь Александре Федоровне, ежели она у нас. Мне всё так и представляется, что я застану ее с вами, вы не знаете как я люблю всех тех, которые любят вас и к которым вы привязаны.

Ежели угодно будет вам заказать[2] мне здесь платье, то надо прежде 18-го прислать за мною

в ожидании чего остаюсь вашим послушнейшим и до беспамяти вас любящим сыном

Н. Гоголь-Янов⟨ский.⟩

42.

М. И. ГОГОЛЬ.

1826-го года, июня 13-го дня. ⟨Нежин.⟩

У нас, где нет ничего постоянного, вздумалось г-ну директору отложить экзамен, и об этом только сегодня нас уведомили. Пишу к вам, ежели только письмо застанет экипаж невысланным, чтобы присылать уже не к 18-му, а к 22-му. Ежели же выслан с тем, чтобы сделать мне платье, то он выслан как раз в пору, потому что шить платье здесь будут по крайней мере дней пять.

Ваш послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

---

[1] про меня [2] сд⟨елать⟩

43.
М. И. ГОГОЛЬ.

⟨16 августа 1826 г. Нежин⟩

Милостивая государыня
маминька!

Приехавши сюда, за первый долг почел вас уведомить о благополучном конце моего пути, в котором, благодаря вам, я не имел ни в чем нужды, и желая вам здоровья и счастия во всем остаюсь вашим

покорнейшим и послуш⟨нейшим⟩ сыном

Н. Гоголь-Яновский.

1826 г. 16 августа.

На обороте: Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской.

44.
М. И. ГОГОЛЬ.

1826-го года августа 20 дня. ⟨Нежин.⟩

В прошедшем письме моем я не мог ничего сказать вам кроме извещения о своем приезде, так я был озабочен встретившимися занятиями и другими обстоятельствами. Теперь же прошу вас (ежели только не будет вам в тягость) чтобы извещать меня о всем, что вы намерены предпринимать и что делаете касательно хозяйственного устройства. Это крайне будет занимать меня. Бывши в таком отдалении от мест, к которым я привязан, я жажду их видеть хотя в письме вашем и надеюсь, что вы, так много любя меня, не откажетесь доставить мне это удовольствие тем более, что мне хочется самому быть в этом случае вам полезным. Особливо извещайте меня касательно построек, новых заведений и проч. и ежели нужно будет фасад и план то сделайте милость, известите меня немедленно и уже фасад будет непременно хорош, а главное, издержки будут самые малые (не так, как дом при-

казчика я думал сначала), и фасад, и план будет тщательно нарисован и по первой же почте без замедления прислан.

Приятно мне будет ежели вы мне будете поверять свои планы, мысли, также разные прожекты, новые изобретения и проч. и проч. и ежели будете принимать благосклонно и мои толки — похвалите за что-нибудь доброе и побраните за худое.

Также об каких-нибудь посторонних делах, случающихся в нашем округе. Говорил бы вам о своих, но совершенно ничего нет, всё пусто, и Нежин наш заснул в бездействии. О переводе моем в 8-й класс вы уже прежде знали; что я не застал здесь Орлая, тоже, думаю, знаете. Вот и всё.

Да, забыл вам сказать еще об одном деле и, думаю, весьма важном, а именно: когда окончится полевая работа, то не худо бы приняться отыскивать глины, годной для черепиц. Я не знаю, что может быть полезнее, как завесть этакой завод. Крыша, ими укрытая, издержками не превышает соломенной, зато какая выгода в прочности. Черепичная крыша лет пятьдесят и более не требует подчинки, притом как красивы под нею будут строения, не надо никогда деревянной. Да притом и деревянная далеко ей уступает[1] в прочности и крепости. Под этою крышею конюшни, амбары, всё приняло бы другой ⟨вид⟩ и вековую несломаемость. Для стен и щекотурки я знаю один дешевый способ, который со временем объявлю вам, не знаю придется ли по мыслям, но за прочность ручаюсь.

Когда окончатся полевые работы и что вы предпримете по окончании их, прошу убедительно уведомить. Может быть, я моими просьбами наскучаю вам, почтеннейшая маминька. Но, зная вашу снисходительность и великое обо мне попечение, я надеюсь, что вы согласитесь принять просьбу сына, любящего вас более всего, для которого вы одни веселье.

Н. Гоголь-Яновский.

---

[1] и деревянной не уступит

45.

М. И. ГОГОЛЬ.

Сентября 10-го 1826-го года. Нежин.

Любопытны и занимательны были для меня ваши известия, я как бы участвовал во всех ваших заведениях и постройках, по крайней мере мысль моя была там. Читая письмо ваше, я был с вами, тронуло меня весьма ваше материнское наставление, и я поклялся в сердце всегда следить ему.— Но только я не приметил в себе поступка[1], заслужившего упрёк ваш. Я всегда любил родственников своих какого бы они ни были звания, никогда не чуждался. Быть может, неумышленое вы приняли за действительное.

Между многими известиями, ценными для меня, я с радостью увидел, что вы некоторые мои предположения нашли полезными. Вы пишете, что строится птичий домик. Бывши дома, об этом я не слыхал. Ежели что надобно, фасад или план, пишите ко мне.

Уведомите, когда его высо<ко>пре<в>.[2] Дмитрий Прокофьевич будет у нас, что он там найдет хорошего, что ему понравится, мне с нетерпением хочется знать мнение великого человека, даже о самых маловажностях; сделайте милость, маминька, не пропустите ничего. Большое вы дадите мне удовольствие.

Я отыскал план и фасад нового дома, который я еще рисовал при папиньке. Посылаю вам их, оне сниманы без маштаба, без исправности, но ими можно пользоваться, когда нет другого, и особливо касательно наружных украшений. Один фасад представляет передний вид дома, другой задний, при них приложенный план показывает расположение пристроек, он, я думаю, вам будет нужен в это время.

Извините, что теперь не могу прислать узора, он еще не кончен, по следующей почте вы получите. Мне совестно перед Ольгою Дмитриевною, что я так долго его задержал.

---

[1] того поступка [2] его высо<ко>пре<в>. *вписано.*

Директор наш уже отправился в Одессу. Теперь мы одни. Однако ж теперь всё приняло другой порядок. Пансион наш приметно начал улучшаться: стол теперь сделался у нас прекрасный, и этим всем обязаны мы нынешнему нашему инспектору.

Вы пишете, чтобы я вам к Рождеству привез что-нибудь из сочинений своих. Время еще далекое, однако ж постараюсь заготовить.

Уведомите меня, когда у нас начнут курить водку и что по тогдашним ценам будет стоить ведро. Успешно ли у нас винокурение и приносит ли доход.

Не знаю, ежели теперь тетинька [1] Варвара Петровна у нас, то свидетельствуйте мое почтение. К Дмитрию Проковьевичу постараюсь написать; только не знаю, когда его высок.<опрев.> именины [2]: вы не написали, 26-го ли сентября или октября.

Прощайте, почтенейшая, любезная маминька. Не забудьте отписать к любящему вас до беспамяти сыну

Н. Гоголь-Яновскому.

46.
М. И. ГОГОЛЬ.

1826 года, сентября 30-го дня. <Нежин.>

Посылаю дорисованный мною узор. Сделайте милость, почтеннейшая маминька, извините меня перед тетинькою [3] Ольгою Дмитриевною, только не знаю, может ли что меня извинить. Хотя я не так виноват еще; видно, несчастие удел мой: приехавши сюда, я тот же час бросился доканчивать его, вы сами видели, что дома я не имел ни красок, ни кистей, но я хотел сдержать свое слово, теперь же вообразите мое несчастие: я рылся везде в своих бумагах и не нашел его, считал уже пропавшим, но после, незадолго до получения письма нечаянным образом его отыскал и ту же минуту бросился его докончать, не спал ни ночей, ни дня, по неумению своему (по канве я в первый

---

[1] тетинька *вписано.* [2] его именины [3] тетинькою *вписано*.

раз рисую) изорвал три рисунка, покуда[1] кончил один. Не причислите это к беспечности, почтеннейшая маминька; нет, я теперь постановил себе за правило, что должно сделать, делать тот же час, не откладывая. Я думаю теперь тетинька сердится сильно на меня и по делом. Не знаю, чем испросить и где взять прощение. Трудно, весьма трудно поддержать об себе хорошее мнение, иногда самая малость, и оно потеряно.

Не знаю, получили ли вы письмо мое и при нем план и фасад дома, только я не получал еще ответа, верно и вы сердитесь на меня, маминька.

У нас теперь великое смятение: ожидают графа со дня на день; всё убирают; но мне грустно — или оттого, что я виноват перед вами и перед тетинькою Ольгою Дмитриевною, или, видно, осень сама располагает к этому. Как бы то ни было, но зима уже близко, стало быть, через два с половиною месяца и свидание с вами. Мне кажется, что я уже около полугода, как не виделся[2]: верно оттого, что не получаю[3] письма от вас.

Вы не писали, маминька, как вам теперь, весело ли? Не вредит ли вам уединение, навещают ли вас, чем вы теперь занимаетесь? Верьте, маминька, все эти подробности дают жизнь сыну, любящему вас более всего, для которого вы только одне остались утешителем и счастием.

Получаете ли вы письма от Машиньки? что она теперь делает, не скучно ли ей? напишите к ней, что я требую, прошу, чтобы она ко мне писала; скажите, что письма ее не будут оставленны без ответа, чтобы писала ко мне об нуждах своих. Ежели я могу быть только в них полезен, всё исполню, что только зависит от меня. Не знаю только, как адресовать к ней письма, писать ли к вам, или через почту к самому г-ну Старицкому. Известите пожалуста, можно ли через почту и как адресовать, а то вам будет много забот и трудностей отсылать из дому чрез нарочного.

---

[1] покудова [2] как я не виделся с вами [3] что долго не получаю

Ожидая с нетерпением отрадного для меня письма вашего, остаюсь вашим послушнейшим

и нежно вас любящим сыном

Н. Гоголь-Яновским.

Свидетельствуйте мое почтение дедушке, бабушке Анне Матвеевне и тетиньке Варваре Петровне.

47.

М. И. ГОГОЛЬ.

1826-го года октября 15-го дня. ⟨Нежин.⟩

Бесценное письмо ваше получил сегодня и сего же дня спешу отвечать вам. С жадностью читал прелестный рассказ ваш, почт.⟨еннейшая⟩ маминька, о пребывании у нас почетного гостя. Все мелочи, всё совершенно вами сделанное, признаюсь, так было хорошо, что я никогда бы не мог сделать; расчитавшись, я с неудовольствием и жалостью увидел конец письма вашего (так я люблю говорить с вами). Но после образумился, увидел, что это письмо, а не длинное описание и сообразив его с прежними вашими письмами, которые были не более как в поллист почтовой бумаги, я был полн к вам живейшей благодарности, что вы не скучаете говорить со мною. Только не знаю, к чему относится приписка после письма, где вы говорите, что я себя возвысил, а унизил вас.

Сделайте милость, напишите мне, когда это было, в письме ли которое вы получили вместе с планом, или в другом чем-либо я показал это. По крайней мере верьте, почтеннейшая маминька, что я никогда бы этого не сказал и потому, сделайте милость, напишите, в чем это было.

Писали вы, чтобы я прислал его высок. какое-нибудь сочинение; думал и я было сперва то сделать, но после рассудил, что поднесши какую-нибудь эфемерную мелочь я мало принесу себе пользы и мало хорошего дам о себе мнения, решился, что лучше приуготовить себя к занятиям

гораздо важнейшим и сделать что-нибудь достойное внимания просвещенного вельможи, благодетеля Малороссии. Не хочу, ежели благодарность моя будет слаба и не покажет сердечных моих чувствований. Лучше пусть она будет сокрыта до времени и после выявит сердце, чувствующее благодеяния средством [1] хотя менее достойным сих благодеяний. Узор я давно уже дорисовал и послал к вам: вы, я думаю, уже получили письмо с посылкою.

Позвольте еще спросить вас: Агафия Матвеевна не перебралась еще жить к нам? и ежели еще, то когда именно она переедет и как понравится ей новое место, также, что нужно будет сделать? она тогда еще хотела сделать для себя комору, которая должна была стоять в саду и составлять красивый фасад. Напишите ко мне тогда, когда будете строить. Я имею в уме очень хороший фасад для этого строения.

Приказчиков дом окончан ли? хорошо ли он обделан и что стоил? Поставили ли вы ветрянную мельницу, которую предполагали? Отыскана ли глина, годная для черепицы? Всего этого я еще не знаю. Извините, маминька, ежели утруждаю я вас. Я чувствую, что [2] уже слишком любопытен, но это страсть моя.

Варваре Петровне моя привязанность и почтение. Я знаю, что милая тетинька часто забывает меня, но я об ней помню.

Позвольте мне напомнить вам, маминька, что мне деньги следовали еще к первому октябрю; но я до сих пор не получал. Извещаю не в укор вам, но потому, что мне в них случилась большая нужда.

Напомните Машиньке, чтобы она писала ко мне и доставьте ко мне адрес прямо к ней. Сегодня 15-е октября, через два месяца, то есть 15 декабря, мне можно уже ехать на Рождество. Странное дело! не более трех месяцов, как я из дому, и уже чувствую, будто год не виделся с вами. — Итак прощайте, почтенейшая маминька. Не более

---

[1] *Далее начато*: более достойным [2] что я

четырех писем вы еще получите от меня, а там увидите и самого, более всего на свете любящего вас сына

Н. Гоголь-Яновского.

При сем картинка нынешних мод.

48.

М. И. ГОГОЛЬ.

Ноября 16-го дня. Нежин. 1826-го года

Письмо ваше сегодня получил и сего же дня пишу к вам. Вы просите известить, кто теперь директор у нас; директора у нас нет, и желательно, чтобы совсем не было. Пансион наш теперь на самой лучшей степени образования, на степени такой, до какой Орлай никогда не мог достигнуть, и этому всему причина—наш нынешний инспектор; ему обязаны мы своим счастием; стол, одеяние, внутреннее убранство комнат, заведенный порядок, этого всего вы теперь нигде не сыщете, как только в нашем заведении. Советуйте всем везть сюда детей своих: во всей России они не найдут лучшего. — Должность директора исправляет профессор физики и химии Шапалинский.

Досадно мне было, что не получал долго так денег, большую нужду терпел я в них, но теперь дело объяснилось: вы поручили его г. Тише<в>скому, так оно и теперь лежит в Полтаве.

Вы пишете мне, что слишком скучаю, это я сказал вовсе без умыслу, скучаю, когда не имею от вас писем, а весел почти всегда, и особливо теперь, когда менее, нежели через месяц, приближается урочное время и радостно полечу обнять вас, милая, почтенейшая маминька; обнять в вас — мою жизнь. Так, маминька, вы составляете жизнь мою: до сих пор не имею ничего драгоценнее, священнее вас, судите вы об радости свидания. Сколько везу к вам теперь сочинений, картин; рад буду, сильно рад, когда сделаю вам ими удовольствие.

Так как платье мне непременно нужно иметь к Рождеству, то прошу вас, ежели можно, прислать деньги вперед по почте, чтоб уже нечего было дожидаться здесь с экипажем. На фрак и панталоны суконные пойдет как раз до ста рублей, но зато уже они будут у меня навсегда. Зимнего же платья до сих пор я не имел. Ежели же вы хотите, чтобы деньги прислать вместе с экипажем, то присылайте, чтобы к 14-му числу декабря экипаж был уже здесь; а когда деньги прежде пришлете, то нужно, чтобы экипаж к 16-му числу декабря был[1] здесь; а пришлите за мною, ежели можно, тою самою бричкою, которую вы брали и тогда у дядинки Андрея Андр.<еевича>, она весьма легка и не трясет, и мало лошадей нужно, и выгодна.

Не поверите, милая маминька, с каким великим нетерпением, с какою радостью я жду этого благодатного времени. Сколько любопытных новостей, сколько перемен во мне вы увидите. В ожидании от вас еще одного письма остаюсь вашим преданейшим сыном

Н. Гоголь-Янов.<ским>.

Тулуп для меня я думаю уже сделали.

49.
М. И. ГОГОЛЬ.

1826-го года ноября 23 дня. <Нежин>

Не могу утерпеть, милая маминька! чтобы еще не писать к вам, как ни близко кажется наше свидание, но не могу выдержать почти около месяца не поговоривши с вами, и чрез то будто ускорить самую радость — видеть вас.

Касательно присылки за мною, еще не знаю как должно присылать; будет ли санная дорога, или на колесах. Мне кажется, что навряд ли выпадет большой снег и состоится хорошая зима, а посему за мною можно будет <прислать> лёгонькую бричку, в случае же снегу и зимы маленькую

---

[1] уже был

кибитку, только не ту тяжелую. Ежели платье мне будет здесь делаться то в таком случае пришлите числа 16-го непременно уже чтобы был здесь экипаж, а ежели на платье вы пришлете деньги преже, тогда уже присылать за мною так, чтобы 18-го числа был[1] здесь экипаж. Также напишите письмо ко мне, что присылаете за мною. Это письмо нужно будет показать инспектору без чего не отпустят. Советую для этого письмо составить особое, в котором извещайте меня просто, что посылаете экипаж с тем, чтобы я на праздник Р. Х. приехал для свидания к вам.

Думаю, удивитесь вы успехам моим, которых доказательства лично вручу вам. Сочинений моих вы не узнаете. Новый переворот настигнул их. Род их теперь совершенно особенный. Рад буду, весьма рад, когда принесу вам удовольствие.

К нам приезжал граф, был у нас немалое время, много говорил, ничего не сделал и уехал во-свояси. Орлай наш успел везде так охулить нашу гимназию, что думаю и он оттого так мало о ней печется.

Из Одессы получили на сих днях письмо от Орлая, он и тем заведением не доволен.

Но прощайте, почтеннейшая, милая маминька! утешительная мысль, приближаемая праздником Рождества, останавливает письмо мое, да и зачем напрасно марать бесчувственным пером бумагу, когда на словах могу я выявить жаркое чувство сердца,

вечно горящее к вам сыновнею любовью.

Ваш покорнейший, послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

50.

Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

1827 года, генваря 17-го. Нежин.

Теперь только приехал я из дому, где был все праздники, и сегодня только получил твою записку от Шапа-

---

[1] был уже

линского. Извини меня, бесценный друг, что я так неблагодарно отплатил за твое дружеское расположение: на письмо твое не отвечал ни слова. Я знаю, что ты, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло от какого-либо небрежения или холодности: нет, друг! По крайней мере, позволь сказать, что ни к кому сердце мое так не привязывалось, как к тебе. С первоначального нашего здесь пребывания, уже мы поняли друг друга, а глупости людские уже рано сроднили нас; вместе мы осмеивали их и вместе обдумывали план будущей нашей жизни. Половина наших дум сбылась: ты уж на месте, уже имеешь сладкую уверенность, что существование твое не ничтожно, что тебя заметят, оценят, а я... зачем нам так хочется скоро видеть наше счастие? зачем нам дано нетерпение? мысль о нем и днем и ночью мучит, тревожит мое сердце: душа моя хочет вырваться из тесной своей обители, и я весь — нетерпенье. Ты живешь уже в Петербурге, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслаждения, а мне еще не ближе полутора года видеть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемым веком... Много принесло мне удовольствия письмо твое; жадно перечитывал я тобою писанное, ловил слова, и мне казалось, будто я слышу из уст твоих. И после всего этого, после всей радости, которую ты прислал ко мне с письмом, я ни слова не сказал тебе. Какая неблагодарность чернее этой? Но еще раз прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставил и принял твердое намерение писать нарочно побольше писем в разные места, чтобы тем приучить себя к исправности. Сделай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы не забудь меня, — пиши ко мне раз в месяц. С этой поры никогда письмо твое не будет оставлено без ответа.

Пиши мне о своей жизни, о своих занятиях, удовольствиях, знакомствах, службе и обо всем, что только напоминает прелесть жизни петербургской. Это одно для меня развеет горечь моего заточения, сблизит урочное время

и покажет мне тебя в твоем быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже с восхищением в мечтах читаю письмо, забывая и местопребывание свое, и весь мир, выключая тебя с Петербургом.

Я здесь совершенно один: почти все оставили меня; не могу без сожаления и вспомнить о вашем классе. Много и из моих товарищей удалилось. Лукашевич поехал в Одессу, Данилевский тоже выбыл. Не знаю, куда понесет его. Здесь он весьма худо вел себя. Из старых никого нет. Нас теперь весьма мало, но мне до них дела нет: я совершенно позабыл всех. Изредка только здешние происшествия трогают меня, впрочем я весь с тобою в столице. Об твоем аттестате я всегда надоедал Шапалинскому и теперь крепко настоял, чтоб отсылать к тебе. Он уже изготовлен, и ты скоро получишь. Каково теперь у вас? Как-то будете веселиться на масленице? Ты мне мало сказал про театр, как он устроен, как отделан. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякий вечер там. Чья музыка? Что тебе сказать об наших новостях? здесь их совершенно нет. Писать тебе про пансион? он у нас теперь в самом лучшем, самом благородном состоянии, и всем этим мы одолжены нашему инспектору Белоусову. К масленице затевают театр. Дураки всё так же глупы. Барончик, Доримончик, фон-Фонтик-Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопцики здрав и невредим, и час от часу глупеет. Демиров-Мишковский, Батюшечка и Урсо кланяются по пояс. Мыгалыч чуть-чуть было не околел. Впрочем всё благополучно. Бодян только просит у тебя на водку. Но прости: я болтаю пустяки и надоел уже, думаю, тебе до сна. По следующей почте я намерен еще тебе сказать кое об чем; а до того времени не забудь твоего верного, всегда и везде тебя любящего старинного друга

Н. Гоголя.

Божко и Миллер благодарят, что ты не забыл их.

51.
М. И. ГОГОЛЬ.

1827-го года, февраля 1-го. Нежин.

Почтеннейшее письмо ваше, маминька, получил я третьего дни, и спешу известить вас. Благодарю вас за незабытие и за всегдашнюю вашу помощь и за всегдашнюю любовь вашу, которой цену один только я могу чувствовать; жалею и досадую только на заботы, удручающие вас, которые мешают вам в писании и отнимают драгоценные у меня минуты.

Я не знаю, когда лучше я проводил время, как не теперь, даже досадую на скорый полет его. Масленницу мы надеемся провесть найлучшим образом. Театр наш готов совершенно, а с ним вместе сколько удовольствий! Не знаю, где теперь вы находитесь. Я думаю, на масленной будете в Кибинцах. Желаю вам также приятно провесть это время. Я думаю, теперь у нас в деревне Васильевке весьма уединенно. Бывает ли кто-нибудь? Рад буду весьма, когда вы живете теперь в полном удовольствии, когда изредка только мимолетящая тень забот цепляется, а трудные, обременительные вовсе вам неизвестны. Это занимает мысли мои, днем и ночью об этом только я думаю. — Всеминутно желая вам безмятежной, счастливой жизни, достойной ваших добродетелей, я надеюсь, что вы приймете это нелицемерное всегдашнее желание сына, которого любви ничего нет священнее вас.

Николай Гоголь-Яновский.

52.
М. И. ГОГОЛЬ.

1827-го года, февраля 26-го. Нежин.

К числу мечтательностей своих иногда желаю быть ясновидцем, знать, что у вас делается, чем вы занимаетесь, и верите ли, почтеннейшая маминька, с каким удовольствием я занимаюсь отгадыванием всего того, что вас занимает...

Как вы проводили масленную? весело ли? были ли у вас веселые собрания? Извините, что закидал вас кучею вопросов. Обыкновенно человеку, как говорят порядком повеселившемуся, всегда хочется сделать участником других, особливо ближайших к нему. Кто ж ближе к моему сердцу, как не вы, почтеннейшая маминька. Ваша радость, ваше удовольствие — и я счастлив.

Посмотрите же, как я повеселился! Вы знаете, какой я охотник всего радостного? Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым таилось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной) и часто в часы задумчивости, когда другим казался я печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывал науку веселой, счастливой жизни, удивлялся как люди, жадные счастья, немедленно убегают его, встретясь с ним.

Ежели об чем я теперь думаю, так это всё о будущей жизни моей. Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству. До сих пор я был счастлив, но ежели счастие состоит в том, чтобы быть довольну своим состоянием, то не совсем. Не совсем до вступления в службу, до приобретения, можно сказать, собственного постоянного места. Масленицу всю неделю мы провели так, что желаю всякому ее провесть, как мы всю неделю веселились без устали. Четыре дня сряду был у нас театр, и к чести нашей признали единогласно, что из провинциальных театров ни один не годится против нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французские пьесы соч. Мольера и Флорияна, одну немецкую соч. Коцебу. Русские: *Недоросль*, соч. Фонвизина, *Неудачный примиритель* Княжнина, *Лукавин* Писарева и *Береговое право* соч. Коцебу. Декорации были отличные, освещение великолепное, посетителей много, и всё приезжие, и все с отличным вкусом. Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюр Россини, Вебера и других были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой я провел теперь. Дай бог, чтобы вы провели его еще

веселее. Ожидают у нас директора, г-на Ясновского, со дня на день. Не знаем его характера. Говорят, что слишком добр, даже до слабости, чего мы боимся.

Позвольте вас, почтеннейшая маминька, потрудить одною просьбою. Сделайте милость, пришлите мне холста самого толстого штуки две и, ежели можно, более; нам необходимо нужен. Вы этим много, много одолжите меня[1], а до того остаюсь с сыновним почтением и самою жаркою преданностью и любовью, остаюсь навсегда преданнейшим сыном

Н. Гоголем.

Бабушке свидетельствую[2] почтение. Дядиньке Андрею Андреевичу и тет.<иньке> О.<льге> Д.<имитриевне> скажите, что я никогда не забываю их ко мне внимания и любви и досадую, что не знаю, чем доказать благодарность свою.

53.
Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

1827-й год март 19-е число. Нежин.

Итак ты всё-таки любишь меня, добрый, бесценный друг. — Ты оторвал часть времени тебе драгоценного, чтобы порадовать того, который кипит неизъяснимою, жаркою к тебе привязанностью. Твое письмо блеснуло для меня звездою радости. — Из стороны чуждой льдистого севера, но где также, как и здесь воображение греет нас, (где уже осуществилась — в мечте — жизнь будущая для меня), мне казалось, я услышал родные звуки сердца, меня понимающего — это было письмо твое.

Много времени кануло со дня нашего разрознения; лета кипучего возраста охлаждались беспрерывно изменчивою неверностью счастия настоящего. Я холодал постепенно и разучался принимать жарко к себе всё сбывающееся. Без радости и без горя, в глубоком раздумьи стоял я над дорогою жизни, безмолвно обсматривая будущее. — С ми-

---

[1] мне [2] свидетельствуйте

нут твоего выбытия в душе моей залегла пустота, какое-то безжизненное чувство. И вот ты меня высвободил из моего мертвого усыпления. Я теперь всё тот же как прежде веселый, преданный тебе, с виду холодный, но в сердце пламенный к чувствам дружбы.

Часто среди занятий удовольствие (они иногда посещают и не совсем забыли записного их поклонника), мысленно перескакиваю в Петербург: сижу с тобою в комнате, брожу с тобою по булеварам, любуюсь Невою, морем. Короче *я* делаюсь *ты*.— Часто, говорю, среди самых удовольствий я впадаю в странное забытие, вспоминаю о тебе и сокрытая горечь ярко проскакивает на лице и освещает его печальное движение, несмотря что в пансионе у нас теперь весело. Все возможные удовольствия, забавы, занятия доставленны нам, и этим всем мы одолженны нашему инспектору. Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступается за нас против притязаний конференции нашей и профессоров-школяров. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня недостало бы терпения здесь окончить курс — теперь по крайней мере могу твердо выдержать эту жестокую пытку, эти 14 месяцев. Масленную мы провели прекрасно. — Четыре дни сряду был у нас театр, играли превосходно все. — Все бывшие из посетителей, людей бывалых, говорили, что ни на одном провинциальном театре не удавалось видеть такого прекрасного спектакля. — Декорации (4 перемены) сделаны были мастерски и даже великолепно. Прекрасный ландшафт на занавеси довершал прелесть. Освещение залы было блистательное. Музыка также отличилась; наших было 10 человек, но они приятно заменили большой оркестр и были устроены в самом выгодном, в громком месте. Разыграли четыре увертюры Росини, 2 Моцарта, одну Вебера, одну сочинения Севрюгина и друг. Пьесы, представленные нами, были следующие: *Недоросль*, соч. Фонвизина, *Неудачный примиритель*, комедия Я. Княжнина, *Береговое право*, Коцебу, и в добавок еще одну французскую, соч. Фло-

риана, и еще не насытились: к Светлому празднику заготовляем еще несколько пьес. Эти занятия однако ж много развлекли меня, и я почти позабыл было всё грустное. Но надолго ли? пришел пост, а с ним убийственная тоска. — Никаких совершенно новостей, ничего любопытного вовсе не случалось. Скажу тебе только, что ожидаем со дня на день нового нашего директора Ясновского. Какой он? не знаем. — Говорят: добренькой... — Что барон фон-Фонтик, табачный таможенный пристав, иначе заводчик кунжутного масла, служивший только что перед этим всем драгунским юнкерам подрядчиком в торговле, пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде. Но наконец батюшка фона, узнавши об его проказах, прислал за ним крытую кибитку, чтобы притащить свое чудо в Прилуку и поместить его в хозяйственные форпосты. Но Девинье объявил, что он „никогда не занимался таковою презренною наукою, какова политическая экономия“, а непременно хочет ехать в Московский университет, и вот слова его присланному: „скажи дураку папиньке, что я лучше его знаю, что должно мне делать“. Но наконец побивши Лауру и разнесши по всем Магеркам страх и опустошение, отправился во-свояси. Вообрази, что и это утешение отняли у нас. О Данилевском ничего не могу сказать, не знаю даже, где он. Спиридон, т. е. Федор Бороздин, точно в гусарах и отличный гусар из самого негодного попа. Кто бы думал? — Сам генерал его уважает. — Баранов находится в собственном благоприобретенном и родовом своем поместье; преосторожно, прехитро, преинтересно ловит мух, сажает в баночку, обшивает полотном, запечатывает фамильным потомственным гербом и рассматривает при лунном свете. — Демиров-Мишковский здравствует, духом бодр (знает подкреплять его), всегда дежурит у нас и всегда иллюминован красными огнями, за которую однако же иллюминацию открывают ему обширный путь из гимназии во все закоулки многолюдного мира. — В Нежине теперь беспрестанные движения между греками; шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления и прошедшую субботу

мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу, а на его место и в сенаторское достойнство возвели до того неизвестного Афендулю. — Базиль уже заключил с ним мирный трактат и открыл греческую лавку. Впрочем у нас всё идет своим чередом. Об себе скажу, что я пролежал целую неделю больным, и был болен весьма опасно, даже отчаивался об выздоровлении и теперь только начинаю учиться ходить, падаю от слабости. — Но пред тобою виноват, что долго не писал, и сажусь за стол... Это меня порадовало, я разговорился с тобою и уже думаю, что сижу у тебя, что это вечером; мы пьем чай и не наговоримся о проведенном дне, богатом разнообразными событиями... мечта! Я в Нежине и еще в лазарете... Ты видел Герарда, сделай милость, напиши, где он теперь; он был когда-то из числа немногих друзей моих, не забыл ли он меня? так ли привязан, как прежде? и зачем он ко мне не напишет? Укори его пожалуста, сделай ему самый строгой выговор, скажи, что стыдно, неблагодарно забывать тех, которые жарко его любят, которых связало товарищество дружбою. Ежели бы я знал, где он, я бы писал к нему, но... видно, так уже в свете... Из всех друзей моих один ты не изменил мне, это меня утешает более всего, я теперь счастлив.— Об одном только молю я бога, об одном думаю: чтобы скорее нам сблизиться. Кстати ты еще о много-чем не известил меня касательно жизни петербургской: каковы там цены, в чем именно дороговизна, всё это с нетерпением хочу я узнать и заранее сообразоваться с своими предположениями. Каковы там квартиры? что нужно платить в год за две или три хорошенькие комнаты, в какой части города дороже, где дешевле, что стоит в год протопление их и проч. и проч. Да, и позабыл было совсем: как значительны жалованья и сколько ты получаешь? Сколько часов ты бываешь в присутствии и когда возвращаешься домой? — Извини, что я тебя забрасываю кучею вопросов, мне ужасно как хочется скорее узнать всё, а до того времени не забудь старого твоего друга, который всегда, во все времена, во всех местах,

где бы ни был, везде живет духом с тобою и только возле тебя находит отдохновение. По крайней мере люби меня так, как я тебя. Этого для меня довольно!

Твой друг Н. Гоголь.

P. S. Кланяется тебе Антон Васильевич Лопухайский, желает тебе, чтобы так ты распузател, как и он. Носятся слухи, что он хочет жениться. А батюшка почтеннейший объявил мне на ухо, что при всем почтении, с каковым он имеет честь пребыть к тебе, просил однако же напомнить, чтобы ты ему прислал давно обещанного столичного кованого кабанця. — Видел я на сих днях Романовича Николая. Он теперь в Нарвском гусарском полку и смотреть на нас не хочет, гордо потряхивает саблею и беспрестанно посматривает на юнкерские позументы. — Ваш кандидат Садовничий осрамился: приехавши сюда, подавал прошение о принятии его в писцы правления; ему отказали и теперь он до сих пор шатается у Билевича. — Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он теперь напечатал свое сочинение под названием *Малороссийская деревня*. Этот литературный урод причиною всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из Малороссийской деревни, и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие: Малороссийская деревня или Закон дуракам не писан, комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите конференции и наконец видя, что его жалобы худо чествуют, решился унизительно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его, а особливо не запирать его в канцелярии с маиором Шишкиным, как до сего делано.

Григоров, Божко, Миллер, Кукольник, Николай Бороздин, Власенко, Базиль, Вановский и все наши совершенно кланяются тебе, благодарят, что не забываешь их.

Кланяйся от меня Любичу, что-то, я думаю, его муза поделывает, то-то раздолье. Сколько в Петербурге домов, памятников, иллюминаций, пожаров, наводнений, тезоименитств, а виды с Васильевского острова!..

Прощай, друг! сделай милость, порадуй письмом: я жду.— Я знаю, что никогда не охладишься в своей дружбе, и радостно и весело отправляю письмо мое...

Прощай! прощай!

Н. Г.

54.
М. И. ГОГОЛЬ.

1827-го года. Марта 24-го. Нежин.

Письмо ваше, маминька, я вчера получил. Радуюсь весьма что вам будет весело, что любезные наши родственники Петр Петрович и Павел Петрович скоро приедут к нам и долго проживут у нас; — только чувствую, что я уже не застану их. — Они всегда на зло приезжают перед тем временем, когда мне должно быть дома, а в то самое время уезжают назад и нам в удел оставляют скуку. Мое первое всегдашнее желание состоит в том, чтобы прожить весело в кругу всех близких моему сердцу, и предопределение никогда не давало сбыться моим планам, будто в насмешку над моим несбытодумием.—Жалею весьма, что вам много забот и до пропасти дел. Когда бы скорее вы могли найти хорошего управителя—это, чувствую, много бы вам помогло. К несчастию, эти люди редки... при всем моем уважении к Екименку мне что-то кажется, что он вряд ли хорошо выполнит свою должность; притом же сперва[1] он соглашался за гораздо меньшее жалованье, когда вы писали о своей надобности в управителе. Но впрочем бог с ним, лишь бы только он облегчил ваши заботы, лишь бы только вы больше имели времени свободного весело, радостно жить[2] в кругу родных. С этим только радость может высветлиться

[1] *Далее начато*: каже⟨тся⟩ [2] пров⟨одить⟩

на моем сердце, и оно заочно оживет вашим спокойствием, беззаботностью.

Расписку за деньги я получил и берегу ее у себя. Письмо к сестрице Машиньке я написал и прилагаю его здесь. Сделайте милость, почтенейшая маминька, отправьте ей поскорее: она еще в самом деле подумает, что я забыл ее. Я писал к вам об полотне, но ни слова не говорил об самом тонком, а напротив даже просил, нет ли еще толще десятки.

Весна приближается. Время самое веселое, когда весело можем провесть его. Это напоминает мне времена детства, мою жаркую страсть к садоводству. Это-то время было обширный круг моего действия. Живо помню, как бы<ва>ло с лопатою в руке глубокомысленно раздумываю над изломанною дорожкою... Признаюсь, я бы желал когда-нибудь быть дома в это время. Я и теперь такой же, как и прежде, жаркий охотник к саду. Но мне не удастся, я думаю, долго побывать в это время. — Несмотря на всё, я никогда не оставлю сего[1] изящного занятия, хотя бы вовсе не любил его. Оно было любимым упражнением папиньки, моего друга, благодетеля, утешителя... не знаю, как назвать этого небесного ангела, это чистое, высокое существо, которое одушевляет[2] меня в моем трудном пути, живит, дает дар чувствовать самого себя и часто в минуты горя небесным пламенем входит в меня, рассветляет сгустившиеся думы. В сие время сладостно мне быть с ним, я заглядываю в него, т. е. в себя, как в сердце друга. Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастия граждан, для блага жизни подобных, и дотоле нерешительный, не уверенный (и справедливо) в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосознания, и душа моя будто видит[3] этого неземного ангела, твердо и непреклонно всё указующего в мету жадного искания... Через год вступлю я в службу государственную.

Но... позвольте, маминька! Свеча горит, и скоро уже полночь, — боясь, чтобы вы не беспокоились обо мне касательно моего молчания, оканчиваю письмо до следующей почты.

---

[1] этого [2] *В подлиннике*: отдушевляет [3] *Было начато*: и вижу

вѣрного благородного роду отечества, для счастія граждан
для блага природы подобствовать, надеюсь не сомнительными на
увѣренными справедливы всегда. Я вспоминаю ангелъ сердца
самосознанія ~~[illegible]~~ и душа моя будто видитъ этого незримаго
Ангела твердо и непреклонно все указующего въ тому славному
званію..... Чрезъ годъ вступлю я въ службу Государственную
но... позволяетъ Матушка! Сила горитъ и скоро угас
нуть. Болѣе что бы не безпокоить Васъ обо мнѣ каждаго
моего молчанія оканчиваю письмо послѣдующей почтѣ.
Матушкѣ Варварѣ Петровнѣ изъявите мое почтеніе и
радость что она здоровъ, для бывшаго я пріѣхавши напишу
моя застанъ ее уже, какъ бы весело провести время вмѣстѣ.
Но пока такъ же какъ и простосердечно ее братцы всегда
уважаютъ предъ моимъ преставленіемъ они вѣрно перемѣнятъ
какъ я привязанъ къ нимъ, какъ люблю ихъ, но впрочемъ надеюсь
они Отъ мнѣ любовь мой, я никогда не перестану любить.
Прощайте Матушка! Я душею нежно сынъ выражать
мой чувствъ любви, благодарности, сыновнаго почтенія, признательности
и таковыми я всегда къ вамъ пребываю

Вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій сынъ

М. Гоголь

Письмо Гоголя к М. И. Гоголь от 24 марта 1827 г. Третья страница.

Институт литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград).

Тётиньке Варваре Петровне изъявите мое почтение и радость, что она гостит, дай бог, чтобы я, приехавши на каникулы, мог застать ее у нас, как бы весело провели время вместе. Но и она так же как и жестокосердные ее братцы всегда уезжают перед моим прибытием, они верно не знают, как я привязан к ним, как люблю их, но впрочем нужна ли или нет им любовь моя, а я никогда не перестану любить их.

Простите, маминька! Я думаю, не нужно вам выказывать той любви,[1] благодарности, сыновнего почтения, признательности, с каковыми я всегда к вам пребываю

ваш послушнейший и нежно вас любящий сын

Н. Гоголь.

55.

М. И. ГОГОЛЬ.

1827 года, апреля 6 дня. Нежин.

Позвольте во-первых, почтеннейшая маминька, поздравить вас с праздником воскресения Христова. Думаю, что вы провели первые дни[2] его хорошо, желаю и окончить его весело. Благодарю вас за присылку денег, также и почтеннейшего дедушку. В это время они бывают мне очень нужны. Мой план жизни теперь удивительно строг и точен во всех отношениях, каждая копейка теперь имеет у меня место. Я отказываю себе даже в самых крайних нуждах с тем чтобы иметь хотя малейшую возможность поддержать себя в таком состоянии, в каком нахожусь, чтобы иметь возможность удовлетворить моей жажде видеть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я с трудом величайшим собираю всё годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнейшие издержки. За Шиллера, которого я выписал из Лемберга, дал я 40 рублей — деньги весьма немаловажные по моему состоянию; но я награжден с излишком и теперь несколько часов в день провожу с величайшею приятностью. Не забываю также и русских и выписываю что только выходит самого отличного. Разумеется, что я ограничиваюсь одним

[1] той чув⟨ствительной?⟩ [2] первые дни *вписано*.

только чем-либо, в целые полгода я не приобретаю более одной книжки и это меня крушит чрезвычайно. Удивительно, как сильно может быть влечение к хорошему. Иногда читаю объявление о выходе в свет творения прекрасного, сильно бьется сердце — и с тяжким вздохом роняю из рук газетный[1] листок объявления, вспомня невозможность иметь его. Мечтание достать[2] его смущает сон мой, и в это время получению денег я радуюсь более самого жаркого корыстолюбца... Не знаю, что бы было со мною, ежели бы я еще не мог чувствовать от этого радости — я бы умер от тоски и скуки. Это услаждает разлуку мою с вами. *Вы* рисуетесь в светлых мечтах моих, и душа моя разом обнимает всю свою жизнь[3]. Пишете вы, что не получали от меня письма за март месяц; в марте я писал к вам кажется последних чисел, может быть вы до сих пор уже получили.

Известите меня, маминька, приехали ли уже Петр Петрович и Павел Петрович к нам или еще ⟨нет⟩. Сделайте милость, свидетельствуйте им мою привязанность, любовь, почтение и проч., и проч.,[4] и наконец сожаление, что не могу видеть их. Варваре Петровне от меня поклон и благодарность чувствительнейшую за непозабытие меня. Ежели будете видеть близких наших знакомых, особливо Александру Федоровну, сделайте милость, скажите, что я каждый час помню об ней, об времени проведенном вместе.

Давно ли я приехал с Рождества? а уже трех месяцев как не бывало, половина времени до каникул утекла. Еще половина и я опять с вами, опять увижу вас и снова развеселюсь во всю ивановскую. Не могу надивиться, как весела, как разнообразна жизнь наша. Одно имя каникул уже приводит меня в восхищение. Как бы то ни было, но целый год бывши будто в заключении, и в одно мгновение ока увидеть всех родных, всё близкое сердцу... очаровательно!

До следующей почты!

Любящий вас более всего в мире сын ваш

Н. Гоголь.

---

[1] печатный [2] иметь [3] всю мою радость [4] и проч. и проч. *вписано.*

56.
М. И. ГОГОЛЬ.

1827-го, апреля 17-го дня. Нежин.

Хотя недавно писал к вам, маминька, но не хочу однако ж, утерять случая еще поговорить с вами. Баранов крепко обещался доставить письмо. Думаю, что вы теперь находитесь в Васильевке и что с вами и любезные наши гости.

Вы можете там с удовольствием провесть это приятное время. Подлинно я лучшей весны не помню, — ни одного дождя. Но это к худу — не будет ли засухи. Желательно теперь мне знать хозяйственные занятия. — Не забывайте, маминька, саду. Там, где я говорил прошлый <год>, распространить его засаживанием деревьев молодых, также ежели бы не утерять времени для дернования и щепки. Какова у нас была ярмонка? Никогда ее у нас не видывали. Хотел бы знать ее положения место, где она выстанавливается, хорош ли на ней торг, выгоден ли для обеих сторон и насколько привозится товаров.

Это время я провел немного скучновато. Книг со мною не было. — Театр наш покуда остановлен, и я принужден был[1] повеся голову сидеть недвижно на одном месте, перебирая старые свои уроки. Заманивала было меня прекрасная погода весны, сначала было весело, но веселье хорошо, когда делишь, и потом прискучилось. Только[2] мечта об моей радости: об вас — высветливается иногда сквозь пасмурные думы[3].

Человек странен касательно внутреннего своего пожелания. Он завидел что-то вдали, и мечта о нем ни на минуту не оставляет его. Она смущает покой его и заставляет употреблять все силы для доставки существенного. Иногда и меня самая повидимому малость, но драгоценная для меня собственно, мучит меня тоскою и досадою за несостояние иметь ее.

Уведомите меня об приезде ожидаемых гостей и когда они прибыли к нам. Извините меня перед ними, что не

---

[1] *Далее было:* только [2] Только изредка [3] мои думы

пишу к ним оттого что не знаю, у нас ли оне. Варваре Петровне хотя через письмо свидетельствую мою преданость.

Что делается в Кибинцах? Ничего не знаю совершенно об них, кроме только слышал, что Сакен воротился из Петербурга и что Соничка, сестра Ольги Дмитриевны, больна опасно. Жаль это<го> дитяти!..[1]

Мое почтение бабушке Т.<атьяне> С.<еменовне>, поздравьте ее моим именем с праздником Христо<вым>. Ежели будете в Яресках — Анне Матвеевне.

С невыразимою любовью, с беспримерною привязанностью пребываю ваш сын:

Н. Гоголь.

57.

М. И. ГОГОЛЬ.

1827-й год. М. Май, 20-е число. <Нежин.>

Получил ваше письмо сегодня и к моей горести узнал, что вы больны. Я уже это заметил бы из одной краткости письма вашего, которому, видно, мешала много болезнь[2]. Всегда нужно проклятой судьбе на самом удовольствии покоя, в котором уже я находился, зачернить начаток светлых дней едкостью горя. Меня мучит ваша болезнь. Зачем вы, маминька, ездили в Полтаву? Это, я думаю, много вам повредило.—Сделайте милость, берегите себя.— В это время, когда вы нездоровы, я чувствую сам себя оттого нездоровым. Вы сами знаете, что я еще драгоценее вас ничего не имею.

Чем более близится мета свиданья, тем более я опасаюсь неверности счастия. Дай бог, чтоб я застал вас в здоровьи совершенном, в счастии, в спокойствии, окруженными всеми возможными для вас радостями. Не более месяца только осталось нам жить в разрознении; тогда я опять с вами. Обнимите, поцелуйте за меня Аниньку, Лизаньку, Олиньку. Я не могу не нарадоваться, вспомнив сколько меня

---

[1] *Повидимому, исправлено из* это дитя. [2] болезнь ваша

ожидает дома близких моему сердцу, желая, чтобы этот год, как во все будущие, бог подарил нам изобилие, чтобы роскошь плодородия упитала счастливое наше жилище, чтобы все крестьяне наши были награждены с избытком за годичные труды свои. У нас здесь поговаривали об плодородии этого года; я думаю, что и у вас также. — Желательно мне бы узнать об этом[1] от вас, маминька, также и водится ли что в саду нашем. Здесь и на фрукты урожай.

Что-то теперь делают пенаты мои? Я думаю, все ожидают меня с нетерпением.

Позвольте поговорить с вами теперь касательно платья. Ежели посылать[2] деньги, то не тогда, когда будете присылать за мною; нужно гораздо преже, а то экипаж всегда дожидается, и тогда нужно метаться по всем портным и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату. Я советовал бы вам, милая маминька, деньги отправить тотчас по получении моего письма; оно как раз и выдет, что к времени моего отъезда платье поспеет, для чего нужно по крайней мере три недели, а то мне всегда за скоростью шьют на живую нитку.

Денег пришлите мне 150 — полтораста рублей, потому мне, кроме крупного платья, нужно еще до пропасти разных безделушек, как-то: халстухи, подтяжки, платочки; хотелось бы также сертучок летний, легинькой, простинькой, чтобы ходить дома. Казенных нам теперь не шили, и мы принуждены ходить в суконных.

Дай бог, маминька, чтоб я вас застал совершенно здоровыми, совершенно веселыми. Меня крушит ужасно как болезнь ваша. Сто раз целуя заочно ручки ваши, остаюсь вашим послушнейшим,

любящим вас более жизни сыном

Н. Гоголь-Яновским.

---

[1] об этом *вписано.* [2] посылать по п⟨очте?⟩

58.
М. И. ГОГОЛЬ.

<7 июня 1827 г. Нежин>
1826-го года,[1] м. июнь число 7

Вы пишете маминька, что не получаете от меня письма за прошлый месяц; но я в конце мая писал к вам, извещая об заблаговременной присылке мне полтораста — 150 руб., потому что я хотел сделать себе и шинель. Но теперь вижу, что она мне в лето не понадобится, а лучше сделать ее к зиме, и потому теперь мне нужно не более 80 рублей для сделки платья летнего, которого у меня совершенно нет. Жаль же мне весьма, что до сих пор не получил я денег, а теперь хорошо было: я бы успел заблаговременно всё себе сделать, и оттого бы было всё лучше сделано; в противном случае, я принужден буду вместе с экипажем оставаться лишние дни.—Но нечего делать, когда уже так вышло. Теперь, сделайте милость, высылайте за мною как можно скорее; чуть только получите письмо, то сейчас же. Хорошо ежели бы 22-го и 23 был экипаж уже здесь, потому что мне 26-го числа уже можно ехать.

Извините, милая, выше всего мною любимая маминька, что я так пишу наскоро и с такою поспешностью: теперь и у нас времени нет за этим скучным экзаменом; но он скоро кончится. Я здоров и, оживленный мыслью, скорым свиданием с вами, веселюсь, ожидая с нетерпением дня того, когда вы обнимете любящего вас невыразимою любовью, навек верного и послушного сына

Н. Гоголь-Яновского.

Присылайте за мною экипажец уместительный, потому что я еду со всем богатством вещественных и умственных имуществ, и вы увидите труды мои.

Обнимите за меня сестриц моих. Почтение мое Варваре Петровне, в высочайшей точке привязанности. Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, т. е. писем. Но чрез две недели явится творец их, никогда неизменчивый в своих чувствах, всё тот же пламенный, признательный, никогда не загасивший вечного огня привязанности к родине и родным.

---

[1] *Описка, см. комментарий.*

59.

Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

1827 год, м. июнь, число 26. Нежин.

Пишу к тебе таки из Нежина. Не думай, чтобы экзамен мог помешать мне писать к тебе. Письмами твоими я уже более сблизился с тобою, и потому буду беспрестанно надоедать. Мне представляется, что ты сидишь возле меня, что я имею право поминутно тебя расспрашивать. Милый Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся в письме твоем. Она, кажется, растет между нами более и более и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя еще более, чем прежде, и спешу соединиться с тобою, хотя ты меня ужаснул чудовищами великих препятствий. Но они бессильны; или — странное свойство человека! — чем более трудностей, чем более преград, тем более он летит туда. Вместо того, чтобы остановить меня, они еще более разожгли во мне желание. Меня восхищает, когда я подумаю, что там есть кому ждать меня, есть кому встретить родным приветствием и облеснуть лицо светлою радостью. Означились мне на сердце также и друзья-приятели твои. Я не знаю их, никогда не видал, но они друзья тебе, и я их так же люблю, как и ты. Зачем ты не наименил ни одного из них? Хотя имя не определит человека, не ознакомит с ним, однако я всё бы мог из письма твоего узнать их характер, свойство, с кем ты более дружен, — особливо, когда они будут действующими лицами в твоих письмах, чего мне непременно хочется. Уединясь совершенно от всех, не находя здесь ни одного, с кем бы мог слить долговременные думы свои, кому бы мог выверить мышления свои, я осиротел и сделался чужим в пустом Нежине. Я иноземец, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине, и тайны сердца, вырывающиеся на лице, жадные откровения, печально опускаются вглубь его, где такое же мертвое безмолвие. В таком случае я желаю знать тебя в кругу твоих друзей, где не скрываешься и где ваши занятия всегда радостны; хочу

даже, чтобы ты писал мне ваши разговоры и целые происшествия замечательного дня. Может быть, я требую многого, но ты не откажешь в этом тому, у которого, кроме тебя, почти ничего не осталось и который только этим и бывает весел. И точно: я ничего теперь так не ожидаю, как твоих писем. Они — моя радость в скучном уединении. Несколько только и разгоняю его чтением новых книг, для которых берегу деньги, не составляющие для меня ничего, кроме их, и выписывание их составляет одно мое занятие и одну мою корреспонденцию. Никогда еще экзамен для меня не был так несносен, как теперь. Я совершенно весь истомлен, чуть движусь. Не знаю, что со мною будет далее. Только я и надеюсь, что поездкою домой обновлю немного свои силы. Как чувствительно приближение выпуска, а с ним и благодатной свободы! Не знаю, как-то на следующий год я перенесу это время!.. Как тяжко быть зарыту вместе с созданьями низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться... Из них не исключаются и дорогие наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь в зеркале видишь меня. Пожалей обо мне! Может быть, слеза соучастия, отдавшаяся на твоих глазах, послышится и мне.

Ты уже и успел дать за меня слово об моем согласии на ваше намерение отправиться за границу. Смотри только вперед не раскаяться! может быть, мне жизнь петербургская так понравится, что я поколеблюсь, и вспомню поговорку: не ищи того за морем, что сыщешь ближе. Но уже так и быть; ты дал слово — нужно мне спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будет? Еще год мне нужно здесь да год, думаю, в Петербурге; но впрочем я без тебя не останусь в нем: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидают? Меня это ужасть как приближает к Петербургу, — тем более, что я внесен уже в ваш круг. Мое

имя, я думаю, помнится между вами, и, может быть, по какому-то тайному сочувствию, кто-нибудь из друзей твоих наименит меня, как друга их друга, предугадывая, что он также добр. На днях я получил письмо от Любича, не знаю по какой благодати. Чего только он в нем не наговорил! и каламбуров и стишков. Изо всего письма я только мог заметить, что, увидевши мое письмо к тебе, он загорелся воспоминанием и решился подкрепить его посланием. На четырех страницах он не сказал об себе ни слова, даже не объявил при конце письма, что он Любич-Романович, а в заключение просил меня известить об *Кляроцьке* Курдюмовой, об которой ты, я думаю, сам знаешь, какого я глубокого сведения: даже не видал ее ни разу. Жалею однако ж, что мне нет времени писать, особливо теперь. Чтоб он еще однако ж не почел за пренебрежение. Извини меня как-нибудь перед ним... Нет ли там у вас Николаевича-Кобеляцкого? Мы уже год как его не видим. Сначала было наведывался к нам, а теперь пропал без вести. У нас теперь у Нежине завелось сообщение с Одессою посредством парохода, или брички Ваныкина. Этот пароход отправляется отсюда ежемесячно с огурцами и пикулями, и возвращается набитый маслинами, табаком и гальвою. Семенович Орлай, который теперь обретается в Одессе, подманил отсюда Демирова-Мышковского, которому давно уже гимназия открыла свободный, без препятствий пропуск за пьянство, и по сему поводу пароход совершил седьмую экспедицию для взятия в пассажиры Мышковского, а на место его в гувернеры высадил директорскую ключницу, ростом в сажень с половиною, которая привела было в трепет всю челядь гимназии высших наук к. Безбородко, пока один Бодян не доказал, что русский солдат чорта не боится, и в славном сражении при Шурше оборотил передние ее челюсти на затылок. Кукольник наш ходит теперь с бритою головою (опасаясь, верно, плотоядных животных), но, чтобы не выказать срамоты, заказал красную шапочку и этим точно охарактеризовал себя. И действительно теперь он сделался таким, что всяк придет в недоумение, похож ли

он на того человека, которому бреют голову, или на того, который ходит в красной шапочке и попеременно бесится, находясь то в степени (употреблю твое слово) амуристики, то в степени, обладавшей знаменитым изгнанником Демировым-Мышковским. Данилевский находится теперь в Москве — не могу наверно сказать где, но, кажется, в пансионе. Петр Александрович Баранов, наскуча недеятельною жизнью, захотел отведать трудностей воинских, и месяц назад я получил письмо, в котором объявляет он о своем определении в Северский конно-егерский полк. Адрес его: юнкеру Баранову, в Щигры, Курской губернии, отдать в квартиру полкового адъютанта.

Теперь гимназия наша заселена всё семействами. Всем чиновникам пришла блажь жениться. Об женитьбе Шапалинского и Самойленка, я думаю, ⟨ты⟩ слышал; кроме того, Лаура (Персидский) совокупился законным браком с дочерью Капетихи. Вановский женится на Филибертисе (он овдовел при тебе), Иеропес — на Базилевой сестрице, которая приехала из Одессы, Лопушевский — на какой-то французской мамзели, которой имени, ей-богу, я до сих пор не знаю, хотя три месяца уже прошло после их обручения; и даже козак Моисеев намеревается, *вероятно*, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и *кроется во мраке баснословия*, но доказательством сему служит его покупка земли, на которой уже начал дом строить.

Мишель наш, барон Кунжут-фон-Фонтик — радуйся — снова у нас, а мы уже было думали, что он совсем нас оставит. Уже подал было прошение о принятии его в драгунский полк; но благоразумный отец, узнав об этом, отеческою рукою расписал ему задний фасад, в числе 150 ударов, и он, барончик Хопцики, обновленный явился у нас снова, празднуя свое перерождение. Но я, думаю, надоел тебе пустяками. Читая письмо мое, я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, как на свидетелей теряемого времени. Но неужели мы должны век серьезничать, — и отчего же изредка не быть творителями пустяков, когда ими пестрится жизнь наша? При-

знаюсь, мне наскучило горевать здесь, и, не могши ни с кем развеселиться, мысли мои изливаются на письме и забывшись от радости, что есть с кем поговорить, прогнав горе, садятся нестройными толпами в виде букв на бумагу, и в это время — вообрази — я на какую мысль набрел. Уже ставлю мысленно себя в Петербурге, в той веселой комнатке окнами на Неву, так как я всегда думал найти себе такое место. Не знаю, сбудутся ли мои предположения, буду ли я точно живать в этаком райском месте, или неумолимое веретено судьбы зашвырнет меня с толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) в самую глушь ничтожности, отведет мне черную квартиру неизвестности в мире.

Но покуда еще неизвестно нам предопределение судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущем? Этим богатством я всегда буду наделен. Оно не оставит меня во всё дление жизни. Но слушай: будто ты сидишь у меня, будто говорим мы долго, будто смеемся, и — веришь ли? — будто забывшись, перо выпадало раз двадцать на бумагу, разрушало мечтательные думы и с досады зачеркивало ничего ему не сделавшие слова. Ах, как в это время хотелось бы мне обнять тебя, увидеть тебя! Не знаю, может ли что удержать меня ехать в Петербург, хотя ты порядком пугнул и пристращал меня необыкновенною дороговизною, особливо съестных припасов. Более всего удивило меня, что самые пустяки так дороги, как-то: манишки, платки, косынки и другие безделушки. У нас, в доброй нашей Малороссии, ужаснулись таких цен и убоялись, сравнив суровый климат ваш, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссийский, который достается почти даром, а потому многие из самых жарких желателей уже навостряют лыжи обратно в скромность своих недальних чувств и удовольнились ничтожностью, почти вечною. Хорошо, ежели они обратят свои дела для пользы человечества. Хотя в самой неизвестности пропадут их имена, но благодетельные намерения и дела освятятся благоговением потомков...

Какое теперь ужасное у нас плодородие, ты не пове-

ришь, — особливо фруктов! Деревья гнутся, ломятся от тяжести. Не знаем, девать куда. Я воображаю об необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, приехавши домой. Уже два дни экипаж стоит за мною. С нетерпением лечу освежиться, ожить от мертвого усыпления годичного в Нежине, от ядовитого истомления, вследствие нетерпения и скуки. Возвратясь, начну живее и спокойнее носить иго школьного педантизма, пока уроченное время, со всеми своими мучительными ожиданиями и нетерпением, не предстанет снова истомленному. Какая у нас засуха! более полтора месяца не шли дожди. Не знаю, что будет далее. Лето вдруг у нас переменилось: сделалось вдруг так холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрам. Весна была нестерпимо жарка.

Позволь еще тебя, единственный друг Герас. Иван., попросить об одном деле... надеюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у вас в Петербурге портному самому лучшему фрак для меня? Мерку может снять с тебя, потому что мы одинакого росту и плотности с тобой. А ежели ты разжирел, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но об этом после, а теперь — главное — узнай, что стоит пошитье самое отличное фрака по последней моде, и цену выставь в письме, чтобы я мог знать, сколько нужно посылать тебе денег. А сукно-то, я думаю, здесь купить, оттого, что ты говоришь — в Петербурге дорого. Сделай милость, извести меня, как можно поскорее, и я уже приготовлю всё так, чтобы, по получении письма твоего, сейчас всё тебе и отправить, потому что мне хочется ужасно как, чтобы к последним числам или к первому ноября я уже получил фрак готовый. Напиши, пожалуста, какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны, выставь их цены и цену за пошитье. Извини, драгоценный друг, что я тебя затрудняю так. Я знаю, что ты ни в чем не откажешь мне, и для того надеюсь получить самый скорый от тебя ответ и уведомление. Как ты обяжешь только меня этим! Какой-то у вас модный цвет на фраки? Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами, а черных

фраков у меня много, и они мне так надоели, что смотреть на них не хочется. С нетерпением жду от тебя ответа, милый, единственный, бесценный друг.

Письмо мое начал укоризнами уныния и при конце развеселился. Тебе хочется знать причину? вот она: я начал его в Нежине, а кончаю дома, в своем владении, где окружен почти с утра до вечера веселием. Желаю тебе вполне им наслаждать<ся>, и чтобы никогда минута горести не отравляла часов твоей радости. А я до гроба твой

неизменный, верный, всегда тебя любящий

Николай Гоголь.

Из Нежина к тебе кланяются все, — примечательнее: Лопушевский, буфетчик Марко (прежний фаворит твой, с своею красною женкою), барон фон-Фонтик, Давинье, Гусь Евлампий, Григоров, Божко, Миллер и проч. и проч., а отсюдова один только я приветствую тебя поклоном заочно.

60.

М. И. ГОГОЛЬ.

<19 августа[1] 1827. Нежин.>

Приехал я сюда в Нежин 18-го в вечеру поздно невредимо и благополучно. В последний только день верст за 30 от Нежина обдало меня холодным дождем, но с помощью моей пространной брыки я ускользнул-таки от него и теперь укоренился в свое местопребывание с новою твердостью, с новою силою, крепостью к своим занятиям, с осветившимся воспоминанием вашей любви, вашего нежного материнского обо мне попечения, которое в часы досуга услаждает утружденные мечты и порывает меня к достижению своей цели с неизменною непоколебимостью. Вместе с вами вспоминает благодарное мое сердце и радостное общество близких родных наших, моих дядей Петра Петровича, Павла Петровича и Варвару Петровну. Их образ навсегда врезался в душе моей. Как они любят меня! хотя

---

[1] *О датировке письма см. комментарий.*

я не был достоин любви их и не мог им выказать моей благодарности; меня нельзя было им узнать. Да и могли ли они думать, чтобы под внешним видом настойчивого упрямства, которое резко означило характер мой, могло биться сердце, отворотившееся всего, носящего название злого. Вы, почтеннейшая маминька, изведавшие хотя мало тайник души моей, вы простите меня в словах и поступках, которые никогда не выливались от сердца, но которые были невольные выскочки слов; когда в уме бродили другие мысли, вы знали, что я был часто болтливый и в одно время раздумчивый, если чего мой разговор не касался.

Петру Петровичу изъявите мою глубокую преданность, любовь и почтительную дружбу. Я бы писал к нему, но боюсь наскучить письмом, которое вовсе не было бы занимательно, да и могут ли быть занимательны письма отшельника, простившегося на целый год с разнообразным светом. Павлу Петровичу и Варваре Петровне мой нижайший поклон и прошение не забывать так их любящего —

Н. Гоголя.

Мне здесь очень весело, особливо когда оканчиваю на время свои занятия, которые также приносят мне удовольствие неизъяснимое. Антону я еще дал на дорогу из своих 4 р. 80 к.; у него не стало, а здесь овес чрезвычайно дорог.

61.

М. И. ГОГОЛЬ.

1827-го года, августа 30-го. ⟨Нежин.⟩

Случай доставил мне удовольствие писать к вам через Василия Ивановича Черныша. Более двух недель, как я нахожусь здесь, всё так же здоров и весел, всегда думаю об вас и никогда не забываю всех сблизившихся с моим сердцем. Не знаю, где вы теперь находитесь, почт⟨еннейшая⟩ и милая маминька. Я думаю, вы ездили, или, может быть, поедете в Кибенцы на свадьбу, и, может быть, письмо мое долго будет ждать вас в деревне Васильевке. С вами ли еще Пет. Петр. и Пав. Петр.? Целую их сотеро раз и

умоляю пробыть их у нас подолее, хоть я их не вижу, но мне всё приятно думать, что они у нас и может быть иногда вспоминают меня.

Началось ли у нас винокурение? Вы, кажется, хотели иметь большой затёр. Мне говорил Василий Иванович, что этому пособить легко, что нужно только иметь деревяный прикубник и посредством сего можно затирать два раза в день, что так делает Александр Степ. Баранов, у которого затёру только на тридцать пуд, а он всегда увеличивает до 60-ти.

Не будете ли чего посылать сюда, ибо Симонова жена скоро будет сюда на ярмонку. Варваре Петровне мое признательное почтение и вместе желание провесть время как можно веселее.

Елисавет Петровна, что вы безмолствуете!

Уведомите меня, маминька, отыскан ли прежде поминаемый для меня мальчик.

С неизъяснимою любовью

ваш сын

Николай Гоголь.

62.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨12 сентября 1827 г. Нежин.⟩

1826-го года сентября 12-го числа.

Письмо ваше, бесценнейшая маминька, я получил неделю назад тому. Я писал к вам еще чрез Васил. Иван. Чарныша. Получили вы то письмо? Что сказать о себе? Я здоров, весел, а что еще всего лучше — мне остается только восемь месяцев к выпуску, не знаю, удастся ли мне до того времени быть дома. Мне долго здесь казалось, будто чего-то всё недостает и с получением только вашего письма, где была приписка и Павла Петровича, разгадал, что тоскую по вас. Мне почувствовалось, будто я выехал из дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни с кем. Бабушка, я думаю, порядком сердится, а еще более чувствую — Елисавета Петровна. Экой я в самом деле разгильдяй! а она для меня как трудилась, изготовила мне всего на

дорогу. Но что ж делать, таков свет, редко сыщется человек благодарный... Каковы у нас дела хозяйственные? Павел Петрович пишет, что отыскалась на том баштане что за прудом (который весь высох) дыня с пупком (а не с хвостом). Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотел бы я знать причину.

Бывает ли у вас моя любезнейшая сестрица Александра Федоровна? Ежели увидите, то изъясните ей мою заочную к ней привязанность и всегдашнюю память ее доброго во мне участия. Не знаю я, когда от вас бывает оказия к Машиньке. Мне хотелось бы кое-что послать к ней, а не хочется, чтобы посылка долго залеживалась, так вы меня известите поч.<теннейшая> мам.<инька> когда будет случай — то я пришлю на имя ваше, а вы отправите ее к ней.

С неизменной преданностью и невыразимою любовью

ваш сын Н. Гоголь.

Милая! добрая! злая! усердная! неумолимая! исполненная ядом злейших насмешек и ядовитейших колкостей! Милостивая государыня Елисавета Петровна! вы, я думаю, готовы съесть меня, хотя за целый прошедший месяц жар ваш должен бы остудиться. Не знаю, чем умилостивить вас, еще через целые восемь месяцев придет то время когда брошусь на колени пред вами, а теперь скажу вам тайну: *Карп Дементьевич Прохвацкий* признался мне, что [1] влюблен у вас по уши и вам кланяется.

Что вы буркалики пялите?

На обороте: Маминьке Марье Ивановне Гоголь-Яновской

63.

ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Неж<ин>. 13 сентября 1827.

Любезнейший дяд.<юшка> Павел Петрович! Благодарю несчетно раз за вашу приписочку, вы меня перенесли к себе: мне показалось уже, что я опять с вами, что совершаем вместе

---

[1] признался мне что *вписано.*

прогулки; вижу даже пенатов наших, и глубокомысленный Дорогой, и остроумная Пупура, и наконец всезнающая Чцю-цюшка — всё так спестрилось в моем воображении, что я не знаю, к чему наперед обратиться: или к тому, что Дорогой поймал утку, или что княжна перерядилась в баронессу.

Ах виноват, бесцен.<ный> Пав. Петр.! и забыл перед выездом проститься с вами. Признаться, я не хотел будить вас... вы так сладко спали, что мне жаль было потревожить вас, а впрочем не в пустом обряде заключается сила, и вы, я думаю, уверенны, и я уверен, что мы друг друга не забудем никогда.

Право, как подумаешь, как было весело нам, чего мы не делали. Помните ли, как мы бракованые арбузы отправляли на тот стол? Кушаете ли до сих пор дыни? а нижненький Елисей и Матрена Алекс.<еевна> не причаливали?

Кстати: вы не знаете дальнейших приключений с онучею Петра Борисовича? Ничего уже не вижу, что у вас делается для меня, всё прошло, по пословице: Всякая вологодская пивоварня имеет свою сметаняную тётку и всякая изюмная попадья имеет свою гарусную коровницу.

Сделайте милость, не оставьте меня ответом, любезн.<ый> Пав. Петр., ежели вы помните старую дружбу и нелицемерную привязанность.

Чцюцюшка разов двадцать изъявляла мне свое негодование касательно того, что не пишу к ней. Сделайте милость вручить ей при сем приложенное письмецо. Сделайте милость извинить, что я так пишу, П. П.: почта через час отходит, боюсь замедлить. По следующей ожидайте от меня предлинную рацию.

Н. Гоголь.

64.

В. П. КОСЯРОВСКОЙ.

<13 сентября 1827 г. Нежин>

Драгоценнейшая тетинька Варвара Петровна!

Приветствую вас из-за 300 верст и желаю вам найсчастливейшего, найуспешнейшего окончания всех ваших дел,

работ и занятий, и проч., и проч. Уделяю вам на всю жизнь две части веселости и здоровья, одну часть деньг и четвертую часть — порядочный запас друзей и приятелей. Хорошо ли проводите время? Я думаю, Ксения Федоровна бывает у вас часто. — Э, мини казав Чцючцюшка, э ... каже э ... мене, каже, нихто уже юбить, каже, Пупую юбять ючше, чим мене и Каяяюшку, э ... отако э, каже, Чцюцюшка э, бачете, шо вона каже, э ... э ...

А панич нежиньский мини письмо пише, э ... А шо, чи вы бачили? — Ось воно. Э...

Э....

65.

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

1827-го года, сентября 13. ⟨Нежин.⟩

Почтеннейший дядинька Петр Петрович, пишу к вам, не зная, застанет ли вас письмо мое. Не помню, в какое время вы назначили день отбытия своего—мне всё представляется, что вы пробудете долго еще в Васильевке. — По крайней мере по какому-то странному сочувствию мне представляется, что я буду непременно горевать в тот день, когда вы уедете... Я слыхал, что хотели вы вступить в тот полк, который стоит в Миргороде, где служит и Чихмарев. Дай бог, чтобы сыскали там счастие—впрочем, я думаю, вы не преминете известить об своем вступлении того, который вас так любит, так интересуется знать об вас, и который ничем не мог доказать любви своей и даже огорчал вас частенько.—Живо помню, как был когда-то я рассеян, чем-то оскорбил вас и даже забыл поздороваться с вами. И как через минуту вы обняли меня с улыбкою примирения и всё было забыто.

Да, бесценнейший Петр Петрович, вы слишком добры, чтобы видеть во мне корень характера — злое упрямство, и никогда не будете иметь обо мне худых мыслей. . .

Весело ли вы проводите время? Когда-то судьба сблизит опять нас, или она уже положила руку разрознения и

неумолимая грань будет надолго разделять нас. — Но я буду всё тот же, никогда любовь не остудеет во мне. — В часы и тоски и радости буду вспоминать то время, когда мы вместе составляли дружное семейство, как работали в саду, трудились и наконец собиралися к домашнему незатейливому обеду гораздо веселее и с большим апетитом, нежели в Кибинцах к тамошнему — разноблюдному и огромному.

На днях я получил 5-ю часть *Ручной математической энциклопедии*, которая только что вышла. Не знаю, как воздать хвалу этому образцовому сочинению. Верите ли, что я, только читая ее, понял всё то, что мне казалось темным, неудовлетворительным, когда проходил математику. Как удивительно изъяснена теория диференциального и интегрального исчисления... Мне нравится, что во всем этом курсе (который состоит из 13 томов) всякая часть, даже самая арифметика написана так, что ее никак нельзя учить буквально, так, как многие делают с другими учебными книгами, особливо с геометриею — всё здесь изъясненно, выведенно, всё основанно на умственном созерцании, но так просто, так легко, ясно изложено, что дитя в состоянии понимать его. — За пять доныне вышедших частей я дал 12 рублей; в Кибинцах она должна быть, первые части я видел.

Теперь у нас проходят *полевую фортификацию*. Жаль, что мне нельзя с вами позадорить немного, а я б вам рассказал, какой план войны производил Тюрень, принц Евгений, Наполеон, Суворов, великий Конде, отчего проиграли имперцы, какую ошибку сделали французы в укреплениях в 1812 г., и проч., и пр., и пр.

Не слыхали ли чего новинького в происшествиях по армиям, что делается в Грузии? Но я надоел вам моим письмом. Простите меня, милый, бесценный Петр Петрович, не забывайте

любящего вас вечно

Н. Гоголя.

На обороте: Петру Петровичу Косоревскому.

66.

М. И. ГОГОЛЬ.

1827, месяц октябрь, 2-е число. ⟨Нежин.⟩

Позвольте поздравить вас, маминька, с протекшим днем вашего ангела. Желание мое вам известно: оно всегда одно и то же — видеть ⟨вас⟩ в совершенном здоровьи и чтобы никогда легкое облако горести не отемняло вашего счастия, чтобы вы встречали всегда нас, ответивших вашим ожиданиям. — Благодарю вас за присылку денег и посылки с фруктами. Ваши наставления касательно неупотребления напитков крепких могут быть даже излишни, потому что во всё время пребывания моего здесь и без того не буду употреблять их; притом же вам известно, что я не слишком-то и охоч до них. Чувствительнейше благодарю Петра Петровича за материю; пошить же его как, я еще не знаю, оттого что не знаю, сколько ее. Вы напишите, много ли аршин. — Тулуп я отсылаю. Рад весьма, что таки и мне удалось чем-нибудь услужить ему.— На днях получил я письмо из Петербурга, письмо касательно пошитья там фрака. Лучший портной с сукном своим (первого сорту) с подкладкою, с пуговицами и вообще со всем, требует 120 рублей. Не смея теперь (зная ваши не слишком благоприятные обстоятельства) просить вас об этом, я буду ждать, когда вам можно будет собрать такую сумму.

Вы меня напугали немножко выговором об похищении какой-то бумаги. Я право не знаю, может быть, я их и дома взял; только здесь, рывшись в своей портфеле, я сыскал два листа и не заметил в ней никакого особенного достоинства, кроме того, что слишком тонка. На ней тот же час я написал письмо к вам. Впрочем, ежели вам нужна, то я могу купить: здесь продается почти такая же. — Петр Петрович пишет, что за Артемом последовали на поселение его жена и дети. Скажите: они выкупились, или вам за них заплатили, особливо дети?

К Машиньке посылочку, а в ней и письмо, посылаю.

Сделайте милость, отправьте их к ней скорее: в ней я посылаю некоторые нужные ей книги.

Простите, почтенейшая маминька.

Ваш сын, с неоцененою к вам любовью

Н. Гоголь.

67.

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Нежин. 3-го октября, 1827-й год.

Бесценнейший ответ ваш на письмо мое я получил. Не знаю, чем возблагодарить вам, почтеннейший дядин<ька> Петр Петрович; между теперишними вашими заботами и недосугами вы таки находите время писать ко мне, это наполняет меня сладкою уверенностью, что вы меня любите (может быть, я сказал много), что по крайней мере приверженность моя к вам не несносна. И я сохраню ее всегда, хотя разрознение наше едва ли когда может соединиться; неизвестность вашей участи для вас может быть так темна, как и моей для меня. — К тому времени, когда я возвращусь домой, может быть, ваш полк выступит бог знает куда, а меня судьба загонит в Петербург, откуда навряд ли залучу когда-либо в Малороссию. Да, может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимою ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принесть ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом — быть в мире и не означить своего существования — это было для меня ужасно. Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции. — Я видел, что здесь

работы будет более всего, что здесь только я могу быть благодеянием, здесь только буду истинно полезен для человечества. Неправосудие, величайшее в свете несчастие, более всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сделав блага. Два года занимался я постоянно изучением прав других народов и естественных, как основных для всех, законов, теперь занимаюсь отечественными. — Исполнятся ли высокие мои начертания? или Неизвестность зароет их в мрачной туче своей? — В эти годы, эти долговременные думы свои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. — Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? — Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных. Я не знаю, почему я проговорился теперь перед вами, оттого ли, что вы, может быть, принимали во мне более других участия или по связи близкого родства, этого не скажу; что-то непонятное двигало пером моим, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствие вошло в грудь мою, что вы не почтете[1] ничтожным мечтателем того, который около трех лет неуклонно держится одной цели и которого насмешки, намеки более заставят укрепнуть в предположенном начертании. — Ежели же вы и не поучаствуете во мне, по крайней мере вы затаите мое письмо, так же, как я затаил в себе одном свои упрямые предначертания. Доказательством сему может ⟨быть, что⟩ во всё время бытия моего с вами я ни разу не давал себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводил речь о выборе будущей своей службы, о моих планах и пр. Даже маминька, которая хотела узнать мой образ мыслей, еще не может сказать наверно, куда я хочу, причин еще некоторых я не могу сказать теперь.

---

[1] не почтете меня

Впрочем это только для одного меня может только быть занимательно. — Прошу вас, бесценнейший Петр Петрович, не оставлять того, который к вам привязан более, нежели ко всем на свете, который вам выверил совершенно себя. Вы, думаю, будете иногда писать ко мне, я знаю, что вы не почтете этого в тягость, хотя редко, хотя через несколько месяцев раз. — Но не досадно ли? я не могу больше писать к вам. Совершенно истомился весь. 12-ть часов проиграло, а я еще не написал к сестре. Прощайте! милый, бесценный дядинька Петр Петрович, может быть до другой почты.

Н. Гоголь-Яновский.

Бедный дядинька, вам будет холодно, а вы и не напомнили, когда я был с вами, про тулуп, а между тем еще и свое отдали. — Ах, как вы добры! хорошо, что добрая маминька моя догадалась сказать вам об этом. Сделайте милость, закутывайтесь, он тепел, только слишком тяжел. Он мне был совсем не нужен, я даже его ни разу не надевал.

68.
ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Нежин. Октября 3-го 1827 года.

Здравствуйте, душинька дядинька Пав.<ел> Петрович. Как я обрадовался, увидя письмо ваше. Ежели бы вы да к листочкам своим еще прибавили хоть два, то я бы расцеловал вас; но я и теперь не знаю, чем возблагодарить вам.— Новости ваши весьма интересны для меня, хотя, может быть, посторонний кто-либо смеялся бы над нами. Но вообразите себя в совершенном уединении, где редко улыбка заглядывает в лицо: не мила ли тогда будет нам забавная старина? В Полтаве у вас опять рыскает новость об войне. Она и сюда заехала; но по пословице Романа Иван<овича>: *не всякому слуху верь*, я стою над нею в раздумьи, верить или не верить. Что, как ваши дела? получили ли вы ответ от Рота? Когда бы он проклятый решил для вас повыгоднее! только сделайте милость, не забывайте тогда

и нас грешных, пишите ко мне.—Так ли вы еще весело проводите время, как и прежде?—Бывало (помните ли наши гулянья?) мы путешествуем даже до мельниц и приходим к вечеру, истомленные, на чай, или на богатую коллекцию дынь. Чаще всего я вспоминаю, когда после ужина отправляемся на ночлег по нашей шаткой лестнице в возвышенное наше обиталище. Я думаю, вы уже не спите там: октябрьские холода уже дают знать себя.—Экое счастие прикатило мамзеле, пускай бы уже 6 тысяч да полторы т.<ысячи> на дорогу; а то еще и окорок ветчины. Скажите пожалуста, где она денет его? Нельзя ли как-нибудь ей посоветывать, по старой дружбе, удружить нам? Ну, а тем же дурищам кибинским чего так выть по нас, ведь мы же сказали им, что скоро будем.

Вы спрашиваете меня: что это за Ручная математическая энциклопедия? Она заключает полное собрание физико-математических наук; по своему новейшему, прекрасному расположению, по вмещению в себе новых истин и новейших открытий, изысканий и исчислений, наконец по легкости, удобности, с какой изложена, она может быть первым математическим сочинением; вмещается в 13-ти маленьких томах, которые все можно разместить по карманам; заключает в себе всю чистую и высшую математику, динамику, статику, гидродинамику, гидравлику, гидростатику, физику, оптику и астрономию.

Долго ли вы пробыли в Федоровке? Кто там? Одне ли девицы, или был кто-нибудь из братьев их? Не было ли Елисея с нижнесенькою его супружницею, Матроною Алексиовною? Сделайте милость, напишите, какой у нее теперь чепчик? верно, модный. А зятек-то их как поживает? Располагаете ли быть в Кибинцах? хотя, думаю, не скоро вас туда залучат. Там-то теперь содому! Я думаю, приезжие господа бушуют. Сделайте милость, уведомите, как принимают там Хилкова и что делает тот старый греховодник Иван Ефим.<ович>.

Верите ли, что у нас в Нежине так скучно стало, что не знаешь куда деться? сидишь целый день за книгой да

зеваешь так жалко, что уши вянут. Хотя у нас и ярманка, хотя и графа ждут, а всё что-то будто не клеится. Теперь мне последний год, и тот уже ущербился; дела, однако ж, почти нет. Прошлый только год мне был самый крепкий, никогда его не забуду, было над чем трудиться! Теперь от занятий остается времени довольно: в это время я читаю Bibliothèque des dames. Очень хорошее издание; их всех 200 томов. Здесь найдете всё. Я читаю путешествие во все страны. На днях читал я Письма о Восточной Сибири Алексея Мартоса. Мне они очень понравились; желал бы я видеть выходящими побольше этаких книг в свет.— Мне всё не выходит из ума проклятая мамзеля, да и Баранов не бестия ли! Знает, где раки зимуют. Посмотрите, ежели он не подхимистит у нее всё свиное сало, которое ей дали на дорогу! Видели ли вы Анну Борисовну? что же касается до Петра Борисовича, то я, дня два назад видел его во сне, только без кнута и пешего.

Но я надоел вам своими приключениями, вы уже хотите чем-нибудь заняться и досадуете на неуместное письмо мое; но я знаю вашу доброту, знаю, что вы, хотя и посердитесь, что я докучаю вам, однако ж таки не оставите без ответа сиротку — письмо мое.

Всегда вас любящий, всегда вам приверженный слуга и племянник

Н. Гоголь.

Роману Ивановичу, Пупуре, Бондаревскому, Прохвацкому, Дорогому, Чцюцчюшке, Петру Борисовичу и проч, мое нелицемерное уважение.

69.

М. И. ГОГОЛЬ.

1827-го года, ноября 13-го дня. ⟨Нежин.⟩

Разные стекшиеся мои обстоятельства, необходимость нужных занятий, последний год моего здесь пребывания,

всё[1] соединилось, чтобы воспрепятствовать мне увидаться с вами, почтеннейшая маминька, на празднике Рождества. Вы знаете, как я всегда в это время рад быть с вами, а теперь принужден лишиться моего прекраснейшего удовольствия, которое я заменяю только утешением будущего свидания по выпуске моем, а до того времени в твердом, постоянном занятии и в глубоком обдумьи будущей должности и нового бытия в деятельном мире, для блага которого посвященна жизнь моя, может быть, незаметная, но по крайней мере все мои силы[2] будут порываться на то, чтобы означить ее одним благодеянием, одною пользою отечества.

На Рождество, когда будут посылать за Данилевскими, тогда вы можете иметь хороший случай, если придется что-нибудь посылать мне.

Я здоров и даже слишком весел.

Я думаю, Павел Петрович уже уехал из Васильевки. Сделайте милость, напишите мне, где он: мне еще нужно отвечать ему. Петр Петрович, я думаю, уже давно на должности. Что Машинька еще не писала ко мне, я ожидаю от нее ответа.

Прощайте, бесценная маминька; будьте уверенны в моей неизъяснимой сыновней любви к вам, которою неугасимо пылаю к вам

ваш сын
Н. Гоголь-Яновский.

Варваре Петровне свидетельствую мой глубокой поклон и желанье побольше спать и веселиться, и извините перед нею неучтивого племяника, который не написал сам к ней: но бог видит, как времени нет.

Елисавете Петровне усердный поклон. Дедушке и бабушке мое глубочайшее почтение, и поцелуйте их от меня, который и за тридевять земель видит их перед своими глазами (вообразительно).

---

[1] всё это [2] все мои думы

70.
М. И. ГОГОЛЬ.

1827-го года, декабря 15. ⟨Нежин.⟩

Письмо ваше, почтеннейшая маминька, я получил три дни тому назад. К великой радости знаю, что вы здоровы, что дела ваши по крайней мере идут не слишком худо. Я теперь совершенный затворник в своих занятиях. Целый день с утра до вечера ни одна праздная минута не перерывает моих глубоких занятий. Об потерянном времени жалеть нечего. Нужно стараться вознаградить его, и в короткие эти полгода я хочу произвесть и произведу (я всегда достигал своих намерений) вдвое более, нежели во всё время моего здесь пребывания, нежели в целые шесть лет.—Мало я имею к тому пособий, особливо при большом недостатке в нашем состоянии. На первый только случай, к новому году только, мне нужно по крайней мере выслать 60 рублей на учебные для меня книги, при которых я еще буду терпеть недостаток, но при неусыпности, при моем железном терпении я надеюсь положить с ними начало по крайней мере, которого уже невозможно бы было сдвинуть, начало великого предначертанного мною здания.—Всё это время я занимаюсь языками. Успех, слава богу, венчает мои начинания. Но это еще ничто в сравнении с предполагаемым: в остальные полгода я положил себе за непременное — окончить совершенно изучение трех языков. На успех я не могу пожаловаться. От него и от своего неколебимого намерения я много надеюсь. Мне жалко, мне горестно только, что я принужден вас расстроивать и беспокоить, зная наше слишком небогатое состояние, моими просьбами о деньгах[1] и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду иметь неприятную необходимость надоедать вам подобными просьбами чаще прежнего. Но почтеннейшая маминька, вы, которая каждый час заставляет нас удивляться высокой своей добродетели, своему великодушному самоотвержению единственно для нашего счастия, не старайтесь сохранять для меня имения, к чему мне оно? Только разве на первые два или три

[1] моими просьбами о деньгах *вписано.*

года в Петербурге мне будет нужно вспоможение, а далее... разве я не умею трудиться. Разве я не имею твердого неколебимого намерения к достижению цели, с которым можно будет всё побеждать, и эти деньги, которые вы мне будете теперь посылать, не значит ли это отдача в рост с тем чтоб после получить утроенный капитал с великими процентами. Продайте тот лес большой, который мне назначен. Деньгами, вырученными за него, можно не только сделать вспоможение мне, но и сестре моей Машиньке. Я как подумаю, что ей бедной слишком мало достается на часть так не лучше ли будет если разделюсь всем[1] своим имением с нею[2], особливо как буду в Петербурге. Я бы оставил только[3] домик для своего приезду, об меньших сестрах после подумаем. А вы, маминька, осчастливите (чего я надеюсь без сомнения) меня своим пребыванием и спустя каких-нибудь года три после своего бытия в Петербурге, я приеду за вами, вы тогда не оставите меня никогда. Тогда вы будете в Петербурге моим ангелом-хранителем и советы ваши, свято мною исполняемые, загладят прошлое легкомыслие моей юности, и тогда-то я буду совершенно счастлив.

Но несносный недосуг не дает мне более времени говорить с вами, и я опять спешу заняться грузом своих упражнений. Ежели приедут Черныша люди, тогда напишу вам обстоятельнее свои виды и поговорю об моей службе. Вместе буду писать и к Павлу Пет., Петр. Петр., к Машиньке.

Любящий вас более всего на свете сын

Н. Гоголь-Яновский.

Сделайте милость, маминька, поспешите присылкою денег 60 рублей.

71.

М. И. ГОГОЛЬ.

1827-го года, декабря 20 дня. Нежин.

Вообразите, почтеннейшая маминька, я опять не могу за поспешностью написать, о чем я говорил в первом пись-

[1] всем *вписано.* [2] с нею *вписано.* [3] *Было начато:* Я оставлю то⟨лько⟩

ме, которое вы, я думаю, получили. Так неожиданно и так скоро отправляется Данилевский, что я пишу к вам только для того, чтобы объявить вам, что я здравствую, что у меня бездна дел, ни капли времени, и что ожидаю с нетерпением пособия, о котором в прошлом письме упоминал.

Вместе с вашим письмом посылаю и к Машиньке посылочку с книжкою, которую, сделайте милость, отправьте к ней скорее.

Разве по которой-нибудь из следующих почт я буду писать к вам подробнее. Экая досада, я хотел-было поговорить об моих намерениях касательно службы, но, видно, уже нужно после. Прощайте, бесценнейшая маминька, не забудьте любящего вас более всего на свете сына

Н. Гоголь-Яновского.

Сделайте милость, почтеннейшая маминька, не замедлите упоминаемых мною в предыдущем письме денег.

На обороте: Почтеннейшей маминьке Марье Ивановне Гоголь-Яновской в д.<еревне> Васильевке.

72.
М. И. ГОГОЛЬ.

<После 6 января 1828 г. Нежин.>

Деньги д<ражайшая маминька---[1] я получил> вчера. По все<й?>----- видно Полта<вская контора?> <задержала пущенное мною по> <?> Миргородской <почте письмо, в котором просил я о> <?> <при>сылке денег------- Я вам говорил--- <о моем усиле>нном занятии <языками>---- Еще с сентября мес<яца>---- мною безостановочно---- успехом сперва мне нуж<но было немного пока я> <?> занимался одним языком---- много усили<ли>сь когда в остав<шееся время?>-- сделать всё то, что мне нужно <было

[1] *Дефисами обозначены несохранившиеся и не поддающиеся восстановлению части письма; см. комментарий.*

сделать в продолжение〉 всех лет моего здесь бытия. По〈этому мне нужны деньги〉 а будут еще нужны большие. И теперь - - - могли занимать меня все самомале〈йшие〉 〈получаемые?〉 мною деньги употреблял я для своего - - - Приспели гораздо большие трудности - - -[1] Необходимо нуж〈ные пособия к〉 уразумению языков достать теперь - - - - - - - - - 〈*1 нрзб*〉. Я просил - - - - - 〈прислать〉 мне 60 рублей - - - - - 〈*1 нрзб*〉 впредь, уже - - - - - - Я умолял вас несчет〈ное число раз〉 - - - 〈К чему со〉хранять его для меня - - - - - - 〈м〉не такое имение - - - - 〈Я не хочу?〉 〈оста〉вить себе вещественное 〈имение?〉 - - - - 〈ста〉раться сбыть некоторые - - - - 〈ненужные земли и даже продать - - - - 〈с〉только надежд полагали, что - - - 〈мн〉е неизбежным. Ибо: через полгода - - - 〈де〉ньги нужны, и большие, особливо на первый - - - 〈мо〉гу и своими трудами жить. Машиньке также - - - только в пансионе. Ей также нужны - - - нужно ей порядочно окупироваться и всегда - - - при том же нужно ей что-нибудь положить 〈на приданое?〉 〈за?〉 ней. — Итак вы видите, что его продажа нео〈бходима〉 - - что я воображал, что вы непременно вышлете - - 〈для мо〉их занятий еще до нового года оные 60 рублей - - - и расположил я, основываясь на книгах 〈которые〉 〈собирался?〉 я купить, всё было у меня распределенно, часы назначенны, и ни один промежуток времени не долженствовал быть упущен — для этого я решился пожертвовать всеми удовольствиями. Вы помните, с каким ужасным энтузиазмом[2] я всегда желал видеться 〈с〉 вами. — Как жарко я всегда хотел ехать на праздник, как это было предметом желаний моих. Я всем этим решился пожертвовать для однообразного, трудного занятия, вечного заточения[3]. — Видно было, что я больше предпочитал тягостное приобретение пользы упоительным радостям веселия, и притом в такое время, когда все веселились. И вообразите: теперь, когда я увидел свой план рушенным, когда, окончив одни занятия, чтобы приняться за другие, я увидел, что мне нечем заниматься, что я не только не получаю от вас желанных денег, но ника-

---

[1] *Далее начато:* даром достать не [2] стара〈нием〉 [3] однообразному трудному занятию, вечному заточению

кого ответа, я принужден был бросить всё. Да и мог ли я заняться чем-нибудь, видевши главное свое неисполненным? Вы не можете вообразить тогдашнего моего бешенства, я был точно сумасшедший, заперся в своей комнате, грыз от досады стол, плакал, бегал от всех; и в уединении от всех разрывался в досадах и медленно начал успокоиваться только с прошествием праздников, но воспоминание о них режет мое сердце.

Я не жалею о тех почти даром ушедших 3 или шести годах, я не понимал этого. — Но в эти три недели, когда я думал столько сделать, когда я так ясно понимал всю важность моих занятий, когда я так пламенно жаждал употребить это самое лучшее время в самую великую пользу, когда нихто не мешал мне, когда эти три недели были важнее для меня четырех месяцов, и видеть все свои надежды разбитыми — о! это ужасно! Но не думайте, почтеней<шая> милая маминька, чтобы я в это время досадовал на вас или хотя малейшее на вас имел неудовольствие, нет, я собственно досадовал на себя и наказывал одного себя. Но наказание мое было ужасно.

Я теперь умоляю вас, почтенейшая маминька, сделайте милость, не оставте меня так растерзанным, ежели то уже пропало, дайте мне силы вознаградить его, мне нужно, кроме тех 20-ти рублей, которые вы прислали и которые я тщательно берегу, еще 80 *восемьдесят* рублей, хотя эта сумма чуть-чуть только меня удовлетворит... — Но вообразите, что вы ее даете мне взаймы, что по прошествии 3 или 4-х лет я вам возвращу ее усотеренную. — Сделайте милость, почтенейшая маминька, не жалейте моего имения... жалейте своего здоровья, а за малые, теперь претерпеваемые нам в имении уроны, вознаградит<есь?> в последствии.

Простите бедного вашего сына, ежели он потревожил вас, ежели он нанес вам тысячу новых хлопот, и не сердитесь на него, который ежели что делает, делает для вас и для счастия всего нашего семейства.

Н. Гоголь.

73.
М. И. ГОГОЛЬ.

1828-го, март, 1 число. ⟨Нежин.⟩

Я чувствовал, что принесу вам большое неудовольствие своею просьбою, зная трудность выполнения ее. Я точно во многом, очень во многом пред вами виноват, почтенейшая маминька. Недавно только понял я, что имел нужды не по своему состоянию, и что моей бедности тягостно было удовлетворять и ближайшие издержки; и узнал это тогда, когда потребовались еще нужнейшие, для моих занятий.

Я не говорил никогда, что утерял целые 6 лет даром, скажу только, что нужно удивляться, что я в этом глупом заведении мог столько узнать еще. Вы изъявляли сожаление, что меня в начале не поручили кому, но знаете ли, что для этого нужны были тысячи... Да что бы из этого было? Видел я здесь и тех, которые находились под особенным покровительством: им только лучше ставили классные шары, а в прочем они были глупее прочих, потому что они совершенно ничем не занимались. Я не тревожил вас уведомлением об этом, зная[1], что лучшего воспитания вы дать мне были не в состоянии, и что не во всякое заведение можно было так счастливо на казенный счет попасть. Кроме неискусных преподавателей наук, кроме великого нерадения и пр., здесь языкам совершенно не учат, доказательством сему служат те, которые приехавши сюда с некоторыми познаниями в языках, выезжали позабывши последние. Ежели я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебные пособия, если не совершенно достиг того, что мне нужно. У меня не было других путеводителей, кроме меня самого, а можно ли самому, без помощи других совершенствоваться. Но времени для меня впереди еще много, силы и старание имею. Мои труды, хотя я их теперь удвоил, мне не тягостны ни мало, напротив, они не другим чем мне служат как

[1] потому что знал

развлечением, и будут также служить им и в моей службе, в часы свободные от других занятий.

Что же касается до бережливости в образе жизни, то будьте уверены, что я буду уметь пользоваться малым. Я больше поиспытал горя и нужд, нежели вы думаете. Я нарочно старался у вас всегда, когда бывал дома, показывать рассеянность, своенравие и проч.[1] чтобы вы думали что я мало обтерся, что мало был прижимаем злом. Но вряд ли кто вынес столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч. Всё выносил я без упреков, без роптания, никто не слыхал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всех, никто не разгадал меня совершенно. У вас почитают меня своенравным, каким-то несносным педантом, думающим, что он умнее всех, что он создан на другой лад от людей. Верите ли, что я внутренно сам смеялся над собою вместе с вами. Здесь меня называют смиренником, идеалом кроткости и терпения. В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., в третьем — болтлив и докучлив до чрезвычайности. У иных — умен, у других — глуп... Как угодно почитайте меня, но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер, верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня, что никогда не унижался я в душе и что я всю жизнь свою обрек благу. Вы меня называете мечтателем, опрометчивым, как будто бы я внутри сам не смеялся над ними. Нет, я слишком много знаю людей, чтобы быть мечтателем. Уроки, которые я от них получил, останутся на-веки неизгладимыми, и они верная порука моего счастия. Вы увидите, что со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодеяниями, потому что зло их мне обратилось в добро. Это непременная истина, что ежели кто порядочно пообтерся ежели кому всякой раз давали чувствовать крепкий гнет несчастий, тот будет счастливейший [2]

---

[1] и проч. *вписано.* [2] *Окончание письма, видимо, утрачено.*

74.

М. И. ГОГОЛЬ.

1828-го г. Марта 30 дня. ⟨Нежин.⟩

Извините, почтеннейшая маминька, ежели поздравлю вас с праздником уже на исходе его. Впрочем вы, я думаю, мало нуждаетеся в письменном моем поздравлении, зная мои чувства, желания, мою благодарность, и вечную признательность за вечно[1] неотблагодаримые ваши попечения. Горько мне, когда вспоминаю, что еще я вам буду стоить великих затруднений, что еще я должен буду принять тягостное для меня благодеяние ваше, потому что я знаю, с каким горьким трудом оно вам обойдется. Знаю, что вам последний раз уже сделать мне вспомоществование; но знаю и то, как трудно из нашего небогатого состояния это сделать. Одною только мыслью утешаю себя, что уже более не нанесу вам подобных затруднений и что, ежели даст бог, найду способ и силы помогать вам, то есть моим сестрам, потому что вы совершенно посвятили себя нам и ваше счастие полагаете в нашем.

Я думаю, что курс Машиньки уже кончен. Не помню, когда настоящий срок, ежели же он пришел и ежели она уже дома, то известите меня.

Очень меня беспокоит, что я еще принужден вас трудить касательно моей экипировки. Деньги для этого нужно заблаговременно прислать. Казенное теперь всё отберется у нас, и для того на платье потребуется более прежнего. Впрочем об этом уведомлю вас последующим письмом.

С нетерпением жду видеть вас. Теперь время моего отсутствия продолжается целый год, но тем приятнее будет свидание. Прошу вас уведомить также, будут ли и теперь у нас Петр Петр. и Павел Петрович и где они теперь находятся. Я не забыл еще приятности времени, проведенного вместе.

---

[1] вечно *вписано*.

Желаю вам возможнейшего счастия, здоровья и облегчения трудов ваших.

Весь ваш и весь любящий вас сын
Николай Гоголь-Яновский.

Поклон мой добрым соседям нашим.

75.

М. И. ГОГОЛЬ.

1828 год, апреля 7-е. ⟨Нежин.⟩

На сих днях узнал я кой-какие подробности касательно времени окончания нашего курса: в половине июня должно уже всё быть приведенну к концу; а потому я буду просить вас, почтеннейшая маминька, деньги на платье (ежели только это не причинит вам большого беспокойства) прислать сколько возможно скорее, чтобы я мог заблаговременно всё приготовить, потому что после не будет минуты свободной. Желал бы, сколько возможно, уменьшить свои нужды (я трепещу, воображая, каким трудом вами достается нам даже необходимое), но несмотря на мои великие ограничения менее *200 рублей* не может обойтиться мне мое экипирование. И потому прошу вас покорнейше, ежели можно, выслать мне эту сумму по крайней мере так, чтобы я мог получить 10 мая. Чувствую, скольких стою вам затруднений, но утешаюсь, что в скорости помощь бога даст мне силы выявить вам мою [1] благодарность сыновнюю, успокоением, удовольствованием драгоценных для нас дней ваших.

У нас еще начало весны, но мне кажется, я не видел лета, которое было бы так жарко. Как несносна для меня эта пора со всегдашнею своею спутницею ленью! Думаю, что в этот год должно ожидать плодородия: зима была прекрасна; дожди шли, дай бог, чтоб ожидания исполнились, и трудящиеся с [2]

---

[1] свою [2] *Окончание письма неизвестно.*

76.

М. И. ГОГОЛЬ.

М. май, 3 число, 1828. Нежин.

Письмо ваше получил я в конце истекшего месяца; оно было для меня прекрасным подарком и признаюсь, несмотря на мою нелюбовь к вытверженным наставлениям, ваше золотое правило, предписанное мне в конце письма вашего, глубоко врезалось в мое сердце, оно благодетельно было в тогдашнем моем состоянии, и первое мое движение была живая благодарность вашей неусыпной любви к нам.

Жалею очень о болезни сестрицыной, об этакой болезни в первый раз слышу, боюсь, чтобы она не составила каких-либо неприятных следствий.

Крепко досадует меня неисправность наших почтовых экспедиций, получили ли вы письмо мое пущенное в половине апреля, где я просил вас о присылке двухсот рублей денег на платье. Ежели вы еще их не выслали, то сделайте милость, высылайте как можно поскорей, чтобы мне можно было управиться. Дела теперь столько нам, что право подумать страшно. Наши премудрые наставники, дремавши целый год, вздумали приударить во всю ивановскую. Экзамен будет слишком близко и первых чисел июня должен окончиться. С некоторой стороны это хорошо, оно сблизивает свидание наше, и тем награждает достойно труды мои. Теперь, я думаю, можно уже для меня приготовить бричку попространнее, по крайней мере такую, в какой, помните, я возвращался прошлый год в Нежин, Андрей Андреевич верно не откажет в ней, а я июня 10-го совсем уже буду наготове ехать.

Приятно мне очень что Анинька умеет читать, я даже удивляюсь, как она могла так скоро выучиться; впрочем чего не сделает ваша материнская любовь. И я вдвойне теперь обязан вам благодарностью, которую надеюсь почти чрез один только месяц выявить перед вами, как

говорят, лично. А до того раз сто целую хотя воздушно ваши ручки и с почтением, с любовью, с благодарностью

остаюсь вечно признательным сыном

Н. Гоголь.

Да, вот было позабыл! Сделайте милость пришлите, да только как можно поскорее маленькие чертежи и планы г-на[1] Кафторова которые он чертил, будучи еще учеником в полтавской гимназии. Они должны находиться между планами и картинами в шкапу, где были книги.

Деньги, находившиеся при сем последнем письме, я получил.

Не забудьте чертежей. Верите ли, что этот пустяк причиняет мне много беспокойства, самому чертить никак невозможно, работа долгая, а времени нет, а между тем требуют, извините что я вас, почтеннейшая маминька, так бессовестно беспокою.

77.
М. И. ГОГОЛЬ.

1828-го г. М. май, 16-е число. *Нежин.*

Письмо и деньги получил все сполна 12-го дня сего месяца и в первый раз подивился исправности полтавской почты. С платьем я уже почти распорядился совсем. Благодарю вас, почтеннейшая маминька, за ваши великие заботы для меня, не стоющего их. Но впрочем опасения ваши насчет моего мнимо-ипохондрического состояния в этом месяце напрасны. Я весел и едва ли еще не веселее обыкновенного, хотя даже и отдалили от меня радостный день свидания с вами. Как на зло, на теперешний выпуск ожидают нашего графа, и через это мне нельзя раньше 25-го июня оставить Нежин. Впрочем, как мне ни тягостна долгота этого времени, но всё не более она полутора месяца. Не знаю, успею ли я уже до этого времени писать к вам,

[1] г-на *вписано.*

и для того насчет присылки за мною советую распорядиться, не ожидая от меня другого известия. Главное, мне нужен пространный экипаж, и лучшего не нужно, как тот, в котором я возвращался прошлый год в Нежин. Это была необъятная брыка, которою ездили кибинские камердинеры. Я думаю, ее одной будет достаточно для моего укладу. Притом она слишком легка, сплетена с прутьев, и даже не тряска на ходу. За мною присылайте так, чтобы к 24-му или к 25-му экипаж был уже здесь непременно.

От всей души рад, что Петр Петр. и Павел Петрович теперь у нас. Как бы мне желательно их увидеть еще у нас дома; я во многом виноват против них; только лично могу испросить у них прощения.—Поблагодарите Павла Петровича за то, что он не забывает меня. С жадностью перечитывал его записочку. Но вы меня так напугали скорым их выездом, что я не знаю, застало бы ли письмо мое их. — Ах, если бы они подождали месяца два! Зачем уезжать в такое[1] прекрасное время? Мне всё кажется, что мы проведем вместе это время все и многолюднее, и шумнее, и веселее, чем когда-либо. Дай бог, чтобы это сбылось! Я думаю, сестра уже до сих пор дома. Сделайте милость, приневольте ее написать ко мне. Она изволит жаловаться, что я к ней не пишу; а мне кажется, что этот грех за ней: на два письма мои она ни слова.

Простите, почтеннейшая маминька, до недолгого времени.

Ваш вечно признательный сын

Ник. Гоголь.

Чувствительнейше благодарю Варвару Петровну за незабытие меня и надеюсь принесть благодарность настоящую сам.

Мое почтение бабушке, дед<ушке> Ивану Матв<еевичу>, Марье Или<ничне>, всем родным и знакомым.

---

[1] этакое

78.
М. И. ГОГОЛЬ.

1828, май, 30-е число, Нежин.

Вчера я получил ваше письмо, почтеннейшая маминька, пущенное вами 23-го мая. Удивляюсь, как вы не получили другого письма моего, отправленного немедленно вслед за тем, где я писал, что экзамен нам отсрочен и что я могу 25 только июня ехать. — Боясь в самом деле, чтобы вы не успели выслать, я предуведомляю вас, что нужно выслать к 25 июню, которого числа я уже совершенно свободен. Досадно ужасно, что меня так обманули; но впрочем и 25-е недолго, и я таки скоро буду у ваших ног. Прощайте, почтеннейшая маминька, с надеждою скорого свиданья, остаюсь вечно признательный ваш сын

Николай Гоголь.

Сестру благодарю и поздравляю с новосельем, родиной и курами. Только странная привычка до сих пор величать меня словом *вы*. Мы кажется оба одних лет. Ежели еще она не старше меня, в отношении к своему полу. Впрочем целую ее несчетно раз.

До свидания.

79.
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

⟨Сентябрь 1828 г. Васильевка⟩

Извини, друг мой, что я не сей час, по приезде моем, являюсь к тебе. Лошади наши все выморенны ужасно, колесивши из Полтавы по всем окрестностям. Теперь решаюсь просить тебя — между нами нет светских обычаев, надеюсь ты не рассердишься, что я, не сделавши контрвизита, решаюсь на такую смелость. Но впрочем я имею кое-что тебе порассказать. — Приезжай, если тебе мила наша беседа, которая так радовала меня прошлый раз, если тебе мил старый друг и бутылка мадеры.

Твой Н. Гоголь.

80.

ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

⟨1828⟩ Сентября 2-го. ⟨Васильевка.⟩

Благодарю вас, милый Павел Петрович, благодарю вас, дядько, за письмо ваше, за вашу память обо мне. Ежели бы вы знали, как мне дуже не добре вас не видеть. Вообразите, что я один без всякого камрада скучаю в Васильевке. Я весь в каком-то бесчувствии, и только порою воспоминание о нашей благословенной веселой тройце, обитавшей на верхнем жилье купно в здравии ⟨и⟩ благоденствии, шевелит мои думы. Но всё там угрюмо, пусто, ни стола, ни стула, и даже самый наш шаткий паркет разобран при расташовке ярмонки на ятки; один только Дорогой остался верен своему бывшему пристанищу и на зло за то, что его часто оттуда прежде гоняли, храпит там безотлучно. Я же с Сюськой перебрался в теплейшую комнату, в соседней к бабушке, отгородился от нее ширмами, потому что испарения бабы и косолапой девы, ее прислужниц, почивающих в сенях, разят убийственно в мои полуоткрытые двери. Впрочем моя квартира не совсем дурна; не знаю, какова ваша. Да что вы в самом деле не сообщили нам своих разговоров с императрицею? Здесь носятся слухи, что вы приняли ее очень милостиво и благоволите к ней. Но довольно уже. Новостей никаких не имею, чтобы рассказать вам, а разве вы не порасскажете ли чего-нибудь нам животрепящего. Когда-то вы окончите дела свои и Васильевка увидит вас на лоне своем, вдвое веселее, вчетверо беззаботнее, вшестеро счастливее и всё так же нас любящего.

В надежде осуществления всего этого,

остаюся до свидания ваш

Сахарный племянничек

Н. Гоголь-Яновский.

81.

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

⟨1828.⟩ Сентября 8-е. ⟨Васильевка.⟩

Извините, почтеннейший Петр Петрович, что я не писал к вам, я не знал, что и мое письмо будет служить вам не лишним, я всегда думал: не нужно там тратить слов, где нужны дела—что же, буду писать к вам. Если бы мое письмо хотя на миг заставило вас позабыть вашу скуку, тогда бы я был счастлив, я бы не потратил тогда слов даром. Теперь у нас ярмонка, и хотя его высокопревос. не благоволил приехать, но мы провели время всё-таки недурно, беспрестанно разъезжали по ярмонке и разорялися в пух... я один промотал пару целковых. Но она выгоднее всего была нашим людям, потому что все покупки шли им. В Яресках я уже не помню, когда был. Недавно только воротился из Кременчуга, где также была ярмонка и где более всего я промотался на вина и на закуски. Но как теперь яресковских гостей не было, то весь этот запас остался нам на всё годовое продовольствие. В праздник храмовой нашей церкви мы пили таки винцо доброе, вспоминали вас, сочтя неполное наше семейство. Зачем вы оторвались от нас, от тех, которые думали и привыкли с вами не расставаться? Раз застал я [1] нашу редкую маминьку в слезах над письмом вашим, в котором, по словам ее, заключался упрек на молчание, между тем как она давно уже отправила письмо к вам; целый тот вечер мы ни о чем больше не говорили, как только об вас. Воспоминания кучею теснились на ум; тогда только увидел я, сколько все наши любят вас, и мне пришла в голову счастливая мысль, но которая вскоре разрушилась, когда я услышал, что будто вы уже располагаете покинуть [2] навсегда Малороссию. Неужели вы в состоянии оставить тех, которые так вас любят? Зачем же было нас всех так привязать к себе, чтобы удаление ваше потом навело нам горькую печаль? Я еду в Петербург непременно

---

[1] *Далее было:* маминьку [2] покинуть уже

в начале зимы, а оттуда бог знает, куда меня занесет, весьма может быть, что попаду в чужие краи, что обо мне не будет ни слуху, ни духу несколько лет, и признаюсь, меня самого не берет охота ворочаться когда-либо домой, особливо бывши несколько раз свидетель, как эта необыкновенная мать наша бьется, мучится иногда даже об какой-нибудь копейке, как эти беспокойства убийственно разрушают ее здоровье, и всё для того, чтобы доставить нужное нам и удовлетворить даже прихотям нашим. Как разрывалося у меня сердце, глядя на такие труды и вспоминая, что я сам часто употреблял во зло. — Кто же в это время моего отсутствия может заставить ее быть спокойною, когда прибавляется ей еще новая печаль, беспрестанные заботы и часто печальные мысли на счет отсутствующего? Я прошу вас, я умоляю, заклинаю и родством и приязнию и всем, что только может подвигнуть ваше доброе сердце, не оставьте нас, отмените свое грозное намерение и, совершивши свое достойное дело, приезжайте в Васильевку, будьте ангел-утешитель нашей матери. Вы всегда были помощником ей и в хозяйстве и во всем добром, вы и теперь облегчите ее заботы. Я с своей стороны почти всё сделал, денег беру с собой немного, чтобы стало на проезд и на первое обзаведение; а для обеспечения ее состояния отказываюсь от своего наследия и теперь занимаюсь составлением дарственной записи, по которой часть имения, принадлежащего по завещанию мне, с домом, садом, лесом и прудами, оставляется матери моей в вечное владение. Не по легкомыслию, не по какому-либо безрассудительному хотению это сделаю, но самое благоразумие этого требует. Нужно всё предполагать. Может быть, и весьма вероятно, что в самом деле я отлучусь и слишком далеко (это и есть мое намерение), обо мне не будет и слуху, между тем уплывет десять лет, законная давность — почему знать, каковы еще будут мои сестры, может быть, жадные наследники не дадут ей и места, где бы преклонить голову. Вы знаете этого алчного попа от. Меркурия, который с такою жадностию следит наше имение, и который, пользуясь правом родства,

уже зажилил порядочный кусок, чего они не сделают с женщиною, хотя благоразумною, но всё-таки не имеющею достаточной твердости для состязания с этими закоснелыми грабителями. Что касается до меня, ежели найду свое счастие, ежели приду в состояние помочь своим родственникам и сестрам — приеду. Ежели нет — потерплю нужду, а кого нужда не совершенствует и не делает богатым? притом же до слишком большой нужды не доеду. Ежели для постоянного приобретения знаний не буду иметь всех способов, могу прибегнуть покуда к другому, вы еще не знаете всех моих достоинств. Я знаю кой-какие ремесла. Хороший портной, недурно раскрашиваю стены алфрескою живописью, работаю на кухне и много кой-чего уже разумею из поваренного искусства; вы думаете, что я шучу, спросите нарочно у маминьки, а что еще более, за что я всегда благодарю бога, это за свою настойчивость и терпение, которыми я прежде мало обладал, теперь ничего из начатого мною я не оставляю, пока совершенно не окончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обеспечить вас на счет моей будущей участи. Итак, хлеб у меня будет всегда. Дай только бог, чтобы исполнили вы нашу просьбу, меня всё уверяет, что не оставите нас, что вы будете жить вместе с нами, что вы не оставите безутешную. Вы не забудете, извините, ежели смею сказать, свой долг (хотя мы вам одолжены всем) быть с теми, которые так любят и которые рады [1] бы пожертвовать всем, чтобы возвратить к себе милого родственника [2]. Дай бог вам возможного счастия и иногда, хотя редко, легкой памяти обо мне.

Прощайте, милый дядинька! Как бы мне хотелось еще раз обнять вас.

Н. Гоголь-Яновский.

На обороте: Его благородию Петру Петровичу Косяровскому в Одессу.

---

[1] рады будут [2] возвратить вас к себе.

82.
ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ КОСЯРОВСКОМУ.

Декабря 2-го 1828-го года. Васильевка.

Приехавши в мирное убежище мое, с сердечным удовольствием принимаюсь за перо, чтобы хотя мысленно беседовать с вами. Как жаль, что первое ваше письмо от 27-го октября долго залежало на почте, несмотря на то, что каждую неделю два раза посылала справляться в Полтаву, не понимаю, отчего это случилось, верно люди обманывали меня, когда забывали ходить на почту, а вы бы верно о сю пору получили мой ответ на него.

Прошу вас усерднейше, добрый и милый мой братец Петр Петрович, нимало не беспокоиться на счет долгу, я уже всё сделала, что должно было, не нужно посылать процентов, вам деньги необходимы, покуда вы вступите в службу, а тогда пожалуй присылайте лишние ко мне, мне приятно будет вам быть обязанной, и, если богу угодно будет, что мы увидимся, чрез то и вам могу быть полезной в случае нужды. При чтении этих строк вы верно будете довольны, мой голубчик, что соглашаюсь принимать от вас деньги, судя по себе я так воображаю об вас. Будучи в Яресках, написала я вам записку, воображая, что то письмо прежде моего вы получите, но не удалось отправить оттуда на почту и я взяла сюда, чтобы вместе и с своим отправить. Сколько мне теперь затруднений, мой друг, выпроважая Николиньку, один бог только видит, и он один меня поддерживает. В Кибинцах мы провели время и приятно и грустно, приятно потому, что я имела комнатку, где могла свободно предаваться своим мыслям и обдумывать свои планы. Я просила, чтобы мне дали в гостином флигеле комнатку, вместе с моей Машей, для того, что с Ольгой Дмитриевной мне надобно бы помещаться и с Капнистами и другими женщинами и поздно слишком ложиться, потому что все молодые люди после ужина всегда во флигеле собираются, а для моей Машиньки не годится поздно ложиться, и мы от ужина тотчас уходили в свою квартиру, в которой чрез стену жила сама Софья Александровна; и для того я вам на такой дурной бумаге написала, что боялась задержать человека, покуда принесут мне лучшей бумаги, и Дмитрий Прокофьевич, отдав свои письма, тотчас велел отправлять на почту. Один Андрей Андреевич истинно как родной брат со мной обходился там, а более никто, мне казалось, что ужаснейшая зависть меня окружала, впрочем, может, я и ошибаюсь, бог знает, кажется, совсем нечего мне завидовать. Я ожидаю единственной и самой большой помощи от благодетеля моего Дмитрия Прокофьевича, рекомендательных писем для моего сына к тем особам, которые будут ему нужны, а более никакой помощи я не надеюсь, потому что слишком уже стараются отдалять меня от его сердца. О люди, я теперь только их узнаю, прежде мне никогда

в голову не приходило, чтобы можно говорить и писать не то, что чувствовать, но оставим их в покое, бог с ними. В наших местах теперь падеж на скот, и я лишилась более сорока штук самых лучших и не знаю, останется ли что-нибудь мне на развод, но я нимало об этом не беспокоюсь, богу так угодно было, а я во всем ему повинуюсь. Никоша мой хочет непременно чрез четыре дня выехать, хотя еще не всё ему готово, но никак уж не могу его удержать более, надобно определиться ему до нового году. Пожалуста, мой милый друг, напишите мне, когда будете выезжать из Одессы, я между тем буду трепетать каждую минуту получить его, тогда настанет для меня новое беспокойство; ни в каких случаях не бываю я так малодушна, как тогда, как близкие сердцу моему находятся в опасности. Ради бога пишите мне почаще, каждую почту, из того места, где вы будете стоять на квартирах. Прощайте, надеюсь на бога, что он пошлет вам ангела-хранителя сберегать вашу жизнь и здоровье для нежно любящих вас родных. Навек преданная вам сестра и друг

Марья Гоголь-Яновская.

Представьте себе, мой милый друг! что я, получа ваши письма, о сю пору не была еще у родителей моих, не могу никак уделить времени поехать к ним, столько имею хлопот. Маминька моя Тетьяна Семеновна вам усерднейше кланяется, дети мои малинькие цалуют вас и просят приезжать к ним скорее говорить сказки. Совет мой был брату Павлу Петровичу подан в самой крайности, когда меня потревожили неисполнением его желания вступить в военную службу, а штатской я знаю, что он не любит, что же тогда оставалось бы делать? Но слава богу, что то была ложь.

Отъезжая уже в свою дорогу, почитаю обязанностью и долгом проститься с вами, почтеннейший Петр Петрович, благодарить вас за вашу приязнь, за ваше дружеское расположение, за вашу помощь всем нам, которую всегда готово было оказывать ваше редкое сердце, наконец пожелать вам возможного счастия, достойнейшей награды за добродетель. Неугасимо во мне пылает благодарность, и дай бог, чтобы она выразилась современем не в пустых словах, а до того будьте уверены, почтеннейший, любезнейший дядинька, что никогда не изглажу из сердца того должного почтения и преданности, с котор<ыми> имею честь быть

неизменно вам преданным, вечно признательным

Н. Гоголь-Яновс<ким>.

Из Петербурга буду писать к вам, теперь я приготовляюсь и укладываюсь.

Не знаю, буду ли я иметь удовольствие писать к вам еще, пользуюсь сим случаем, чтоб пожелать вам совершенного здоровья и успеха во всех Ваших желаниях и благополучно возвратиться к нам, любезный и добрый дядинька Петр Петрович! чего желает от всей души Ваша усерднейшая племяница

Марья Гоголь.

83.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

⟨Декабрь 1828 г.?⟩

Как только от тебя приехал, то уже всё было готово. В ту же ночь Симон приехал с подорожнею и кибиткой и если бы не проклятая невзгода, то я вчера совсем бы выехал. Теперь же снег посыпал. Приезжай сей час, позавтракаем у нас, у вас пообедаем, а на ночь в Кибенцы.

Н.

84.

М. И. ГОГОЛЬ.

С.-Петербург. Янв. 1829, 3 число.

Я много виноват пред вами, почтеннейшая маминька, что не писал вам тотчас по моем прибытии в столицу. На меня напала хандра или другое подобное, и я уже около недели сижу, поджавши руки и ничего не делаю. Не от неудач ли это, которые меня совершенно обравнодушили ко всему. Из числа их первая, что Лог. Иван. Кутузов был во всё это время опасно болен, и я до сих пор не являлся. Теперь узнал я, что ему легче и послезавтра предстану. Из прочих же, к кому письма имел, нашел одного только Ив. Косяровского, от которого думал выведать несколько сведений насчет житья в Петербурге. Но он хотя живет здесь долго, но столько же знает толку, сколько и всякой провинциал, не понимаю, как они живут здесь, ничего не видя и не слыша.

Скажу еще, что Петербург мне показался вовсе не таким,

как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы. Жить здесь не совсем по-свински, т. е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы плотим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. Съестные припасы также не дешевы, выключая одной только дичи (которая разумеется лакомство не для нашего брата). Картофель продается десятками, десяток луковиц репы стоит 30 коп.... Это всё заставляет меня жить, как в пустыне, я принужден отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр. Если я пойду раз, то уже буду ходить часто, а это для меня накладно, т. е. для моего неплотного кармана. В одной дороге издержано мною триста слишком, да здесь покупка фрака и панталон стоила мне двух сот, да сотня уехала на шляпу,[1] на сапоги, перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мелочи, да на переделку шинели и на покупку к ней воротника до 80 рублей. К этому прибавить нужно, что начиная от Чернигова до самого Петербурга и в самом Петербурге рубль серебром ходит без двадцати пяти копеек, следовательно и тут я потерпел убыток. Комиссия мне была с письмами — ни на одном не написано адреса, и я принужден был нанимать мошенников здешних комиссионеров для отыскания их квартир, которые дерут предорого и ни на грош не приносят пользы.

Извините... Не могу более писать. На первый раз довольно. Ваш покорнейший, навек вам преданный сын

Н. Гоголь.

Адрес мой III-й Адмиральтейской части на Гороховой улице подле Семеновского моста в доме купца Галыбина[2]<?> под № 130.

---

[1] *Далее было:* на карету [2] *В подлиннике:* Галибына

85.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨Март 1829 г. Петербург⟩.

---Вы мне советуете не беспокоить Логина Ивановича моим определением: оно бы и хорошо, когда бы я мог ничего не есть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапог, но так как я не имею сих талантов, то есть жить воздухом, то и скучаю своим бездействием, сидя в холодной комнате и имея величайшее несчастие просить у вас денег, знавши теперешние ваши обстоятельства---- Не даром я не любил никаких протекций: без них я давно бы определился к месту.---

86.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1829⟩ 30 апреля. С.-Петербург.

В сей день я только получил ваше письмо с деньгами; около двадцати дней шло оно, да более недели пролежало уже здесь на почте по той причине, что я переменил прежнюю свою квартиру. Вы не ошиблись, почтеннейшая маминька, я точно сильно нуждался в это время, но впрочем всё это пустое; что за беда посидеть какую-нибудь неделю без обеда, того ли еще будет на жизненном пути, всего понаберешься, знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всотеро раз было более нужд, и тогда они бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дороге. Вы не поверите, как много в Петербурге издерживается денег. Несмотря на то, что я отказываюсь почти от всех удовольствий, что уже не франчу платьем, как было дома, имею только пару чистого платья для праздника или для выхода и халат для будня; — что я тоже обедаю и питаюсь не слишком роскошно и несмотря на это всё по расчету менее 120 рублей никогда мне не обходится в месяц. Как в этаком случае не приняться за ум, за вымысел, как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире, вот я и решился... Когда наши

в поле — не робеют[1]. Но как много еще и от меня закрыто тайною и я нестерпением желаю вздернуть таинственный покров, то в следующем письме извещу вас о удачах или неудачах.

Теперь же расскажу вам слова два о Петербурге. Вы, казалось мне, всегда интересовались знать его и восхищались им. Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь объиностранились и сделались ни тем ни другим. Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, всё служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, всё подавлено, всё погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их. Забавна очень встреча с ними на проспектах, тротуарах; они до того бывают заняты мыслями, что поровнявшись с кем-нибудь из них слышишь, как он бранится и разговаривает сам с собою, иной приправляет телодвижениями и размашками рук. Петербург город довольно велик; если вы захотите пройтиться по улицам его, площадям и островам в разных направлениях, то вы наверно пройдете более 100 верст и, несмотря на такую его обширность, вы можете иметь под рукою всё нужное, не засылая далеко, даже в том самом доме. Дома здесь большие, особливо в главных частях города, но не высоки, большею частию в три и четыре этажа, редко очень бывают в пять, в шесть только четыре или пять по всей столице, во многих домах находится очень много вывесок. Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, дегатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку, и наконец привилегированную повивальную

[1] Когда ~ не робеют *вписано на полях.*

бабку. Натурально что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу на четвертом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно. Когда еще стоял я вместе с Данилевским, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что тогда платили пополам, за то самое я плачу теперь один. Но впрочем мои работы повернулись и я, наблюдая внимательно за ними, надеюсь в недолгом времени добыть же что-нибудь; если получу верный и несомненный успех, напишу к вам об этом подробнее.

В Петербурге много гуляний. Зимою прохаживаются все праздношатающиеся от двенадцати до двух часов (в это время служащие заняты) по Невскому проспекту. Весною же, если только это время можно назвать весною, потому что деревья до сих пор еще не оделись зеленью, гуляют в Екатерингофе, Летнем саду и Адмиралтейском бульваре. Все эти однако ж гулянья несносны, особливо екатерингофское первое мая, всё удовольствие состоит в том, что прогуливающиеся садятся в кареты, которых ряд тянется более нежели на 10 верст и притом так тесно, что лошадиные морды задней кареты дружески целуются с богато убранными длинными гайдуками. Эти кареты беспрестанно строятся полицейскими чиновниками и иногда приостанавливаются по целым часам для соблюдения порядка, и всё это для того, чтобы объехать кругом Екатерингоф и возвратиться чинным порядком назад, не вставая из карет. И я было-направил смиренные стопы свои, но обхваченный облаком пыли и едва дыша от тесноты возвратился вспять. В это время Петербург начинает пустеть, все разъезжаются по дачам и деревням на весну и лето. Ночи теперь не продолжаются более часу, летом их и совсем не будет, только промежуток между захождением и восхождением солнца бывает занят столкнувшимися двумя зарями, вечернею и утреннею, и не похож ни на вечер ни на утро.

Но на первый раз довольно об Петербурге. В другом письме еще я поговорю об нем. Теперь вы, почтеннейшая маминька, мой добрый ангел-хранитель, теперь вас прошу,

в свою очередь, сделать для меня величайшее из одолжений. Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи[1] и нравы малороссиян наших, и потому я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это всё называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиан; равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими[2] девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками.

Вторая статья: название точное и верное платья носимого до времен гетманских. Вы помните, раз мы видели в нашей церкве одну девку, одетую таким образом. Об этом можно будет расспросить старожилов; я думаю, Анна Матвеевна или Агафия Матв. много знают кое-чего из давних годов.

Еще обстоятельное описание свадьбы не упуская наималейших подробностей; об этом можно расспросить Демьяна (кажется так его зовут, прозвания не вспомню), которого мы видели учредителем свадьб и который знал повидимому все возможные поверья и обычаи. Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. Всё это будет для меня чрезвычайно занимательно. На этот случай, и чтобы вам не было тягостно, великодушная, добрая моя маминька, советую иметь корреспондентов в разных местах нашего повета. Александра Федоровна, которой сметливости и тонким замечаниям я всегда удивлялся, может в этом случае оказать нам очень большую помощь. Скажите ей, что я при моем заочном поцалуе ее ручки не забыл моего обещания касательно филейных иголок, но в британском магазине оне все вышли, а русских я не хочу

---

[1] обычаев [2] крестьянскими *вписано.*

покупать, чуть только доставят их в здешнюю биржу, тот же час повергну их к рукам ее. — Хотелось бы мне очень моей милой сестрице Марье Васильевне прислать чего-нибудь, но, бог видит — не могу: проклятая болезнь, посетившая было меня при вскрытии Невы, помогла еще более истреблению денег, но как только сколько-нибудь разживемся, то непременно вышлем что-нибудь из заграничных диковинок.

Здоровы ли все наши? Свидетельствую мое почтение дедушке. (Скажите пожалуста, что его тяжба? имеет ли конец), бабушке Марье Илиничне, также и Анне Матвеевне, а в заключение всем добрым, искренно вас любящим соседям. Поцалуйте за меня Аничку. Сделайте милость, прилагайте всевозможное старанье о воспитании этого умного дитяти, тайное какое-то предчувствие мне предрекает, что от него много можно ожидать. Также шалунью Лизу, с тем только, чтоб она не пук<ала>.

Еще прошу вас выслать мне две папинькины малороссийские комедии: Овца-Собака и Романа с Параскою. Здесь так занимает всех всё малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из их поставить[1] на здешний театр. За это, по крайней мере, достался бы мне хотя небольшой сбор; а по моему мнению, ничего не должно пренебрегать — на всё нужно обращать внимания. Если в одном неудача, можно прибегнуть к другому, в другом — к третьему и так далее. Самая малость иногда служит большою помощью.

Прошу вас также, маминька, так как переписка наша теперь пойдет деятельнее, писать два раза в месяц — тем более, что сами наблюдения ваши того требуют.

С истиным почтением и вечной признательностию
ваш истинно любящий вас сын

Н. Гоголь.

---

[1] нельзя ли их поставить

87.

М. И. ГОГОЛЬ.

1829, мая 22-го. Санктпетербург.

Нынешние известия письма моего не будут слишком утешительны для вас, почтеннейшая маминька. Мои надежды (разумеется малая часть оных) не выполнились; хорошо же, что я не вдавался уверительно им, хорошо, что я имею достаточный запас сомнения во всем, могущем случиться. Всё состояло в следующем: мои небольшие способности были призрены, и мне представлялся прекрасный случай ехать в чужие краи. Это путешествие, сопряженное обыкновенно[1] с величайшими издержками, мне ничего не стоило[2], всё бы за меня было заплачено, и малейшие мои нужды во время пути долженствовали быть удовлетворяемы. Но вообразите мое несчастие, нужно же этому случиться. Великодушный друг мой, доставлявший мне всё это,[3] скоропостижно умер, его намерения и мои предположения лопнули. И я теперь[4] испытываю величайший яд горести, но она не от неудачи, а оттого, что я имел одно[5] существо, к которому истинно привязался было навсегда и небу угодно было лишить меня его.

Итак я остаюсь теперь в Петербурге. Мне предлагают место с 1000 рублей жалованья в год. Но за цену ли, едва могущую выкупить годовой наем квартиры и стола, мне должно продать свое здоровье и драгоценное время? и на совершенные пустяки, на что это похоже? в день иметь свободного времени не более, как два часа, а прочее время не отходить от стола и переписывать старые бредни и глупости господ столоначальников и проч.[6], в которых мне столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому в сухом дереве, на котором нет ни хорошего листу, ни рясных ветвей. Итак я стою в раздумьи на жизненном пути, ожидая решения еще некоторым моим ожиданиям. Может быть,

---

[1] сопряжено было [2] ничего бы не стоило [3] *Далее было:* к несчастью [4] *Далее начато:* в величайшей [5] одно *вписано.* [6] господ ~ и проч. *вписано.*

на днях откроется место немного выгоднее и благороднее, но признаюсь, ежели и там мне нужно будет употребить столько времени на глупые занятия, то я — слуга покорный.

Наконец я принужден снова просить у вас, добрая, великодушная моя маминька, вспомоществования. Чувствую, что в это время это будет почти невозможно вам, но всеми силами постараюсь не докучать вам более, дайте только мне еще несколько времени укорениться здесь, тогда надеюсь как-нибудь зажить своим состоянием. Денег мне необходимо нужно теперь триста рублей. Я думаю, вы не забудете моей просьбы извещать меня постоянно об обычаях малороссиан. Я всё с нетерпением ожидаю вашего письма. Время свое я так расположил, что и самое отдохновение, если не теперь, то в скорости принесет мне существенную пользу. Между прочим я прошу узнать вас почтеннейшая маминька[1], теперь о некоторых играх, из карточных: у *Панхвиля* как играть и в чем состоит он, равным образом, что за игра *пашок, семь листов*; из хороводных в *хрещика,* в *журавля*. Если знаете другие какие, то не премините. У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых[2] участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите меня которою-нибудь из них.

Получивши ваше письмо, я буду иметь возможность распространиться более и известить вас о чем-нибудь из наших петербургских новинок. Приход весны в нашу пыльную[3] столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляет меня[4] с сожалением вспоминать о нашей малороссийской весне. Но не раньше, как разве в весну будущего года, удастся мне хотя на мгновение заглянуть к вам. Дай бог, чтобы до того времени всё было спокойно и мирно в вашем владении и чтобы заботы, а особливо неприятности, менее всего смущали драгоценное для меня[5] спокойствие ваше и здоровье. Может быть, мы будем жить когда-нибудь вместе, что всегда было моим пламеннейшим жела-

---

[1] вас ~ маминька *вписано.* [2] где [3] пыльную *вписано.* [4] нас [5] драгоценное для меня *вписано.*

нием, и тогда я постараюсь всеми силами выполнить священную обязанность к матери и к другу своему, так как прежде не имел сил выполнять ее.

Вечно и неизменно любящий вас сын

Н. Гоголь-Яновский.

Мой адрес: на Большой Мещанской в доме карет<ного> маст<ера> Иохима.

88.

К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

<Июнь 1829 г. Петербург.>

Издатель идиллии Ганца Кюхельгартена просит усерднейше вас, если только принесут из типографии ее сегодня, сделать ему величайшее одолжение, если только это не обеспокоит вас, ускорить выдачу билета на выпуск в продажу.

Н. Гоголь-Яновский.

89.

М. И. ГОГОЛЬ.

<1829> 24 июля. Санктпетербург.

Маминька![1]

Не знаю, какие чувства будут волновать вас при чтении письма моего; но знаю только то, что вы не будете покойны. Говоря откровенно, кажется, еще ни одного вполне истинного утешения я не доставил вам. Простите, редкая, великодушная мать, еще доселе недостойному вас сыну.

Теперь собираясь с силами писать к вам, не могу понять, отчего перо дрожит в руке моей, мысли тучами налегают одна на другую, не давая одна другой места, и непонятная сила нудит и вместе отталкивает их излиться пред вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую[2] на меня справедливым наказанием

---

[1] *Было начато:* Милостивая государыня [2] чувствую на себе легшую

тяжкую десницу всемогущего; но как ужасно это наказание! Безумный! я хотел-было противиться этим вечно-неумолкаемым[1] желаниям души, которые один бог вдвинул в меня,[2] претворил меня в жажду ненасытимую бездейственною рассеянностью света. Он указал мне путь в землю чуждую, чтобы там воспитал свои страсти в тишине, в уединении,[3] в шуме вечного труда и деятельности, чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеевать благо и работать на пользу мира. И я осмелился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться в столице здешней между сими служащими, издерживающими жизнь так бесплодно. Пресмыкаться другое дело там, где каждая минута жизни не утрачивается даром, где каждая минута — богатый запас опытов и знаний. Но изжить там век, где не представляется совершенно впереди ничего,[4] где все лета, проведенные в ничтожных занятьях, будут тяжким упреком звучать душе[5]. — Это убивственно! Что за счастие дослужить в 50 лет до какого-нибудь статского советника, пользоваться жалованием, едва стающим себя содержать прилично, и не иметь силы принесть на копейку добра человечеству. Смешны мне очень здешние молодые люди: они беспрестанно кричат, что они служат совершенно не для чинов и не для того, чтобы выслужиться. Спросите же у них, для чего они служат? они не будут сами в состоянии сказать: так, для того, чтобы не сидеть дома, не бить баклуши. Еще глупее те, которые оставляют отдаленные провинции, где имеют поместья, где могли бы быть[6] хорошими хозяинами и принесть несравненно более пользы, или если уже дворянину непременно нужно послужить, служили бы в своих провинциях; так нет, надо потаскаться в Петербург, где мало того что ничего не получат, но сколько еще перетаскают денег из дому, которые здесь истребляют неприметно в ужасном количестве.

---

[1] тайным неумолкаемым [2] *Далее начато:* и кот⟨орые⟩ [3] *Далее начато:* в веч⟨ном⟩ [4] *Далее было:* Да что из этого. Это убивственно! [5] в опустелой душе [6] могли быть

Несмотря на это всё я решился, в угодность вам больше, служить здесь во что бы ни стало, но богу не было этого угодно. Везде совершенно я встречал одни неудачи, и что всего страннее там, где их вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, без всякой протекции легко получали то, чего я с помощью своих покровителей не мог достигнуть; не явный ли был здесь надо мною промысл божий? не явно ли он наказывал меня этими всеми неудачами в намерении обратить на путь истинный? Что ж? я и тут упорствовал, ожидал целые месяцы, не получу ли чего. Наконец... какое ужасное наказание! Ядовитее и жесточе его для меня ничего не было в мире. Я не могу, я не в силах написать... Маминька! Дражайшая маминька! Я знаю, вы одни истинный друг мне. Но верите ли, и теперь, когда мысли мои уже не тем заняты, и теперь при напоминании невыразимая тоска врезывается в сердце. Одним вам я только могу сказать[1]... Вы знаете, что я был одарен твердостью, даже редкою в молодом человеке... Кто бы мог ожидать от меня подобной слабости. Но я видел ее... нет, не назову ее... она слишком высока для всякого, не только для меня. Я бы назвал ее ангелом, но это выражение низко и не кстати для нее. Ангел — существо, не имеющее ни добродетелей, ни пороков, не имеющее характера, потому что не человек, и живущее мыслями в одном небе. Но нет, болтаю пустяки и не могу выразить ее. Это божество, но облеченное слегка в человеческие страсти.[2] Лицо, которого поразительное блистание в одно мгновение печатлеется в сердце[3]; глаза, быстро пронзающие душу. Но их сияния[4], жгущего, проходящего насквозь всего, не вынесет ни один из человеков... О если бы вы посмотрели на меня тогда... правда, я умел скрывать себя от всех, но укрылся ли от себя? Адская тоска с возможными муками кипела в груди моей. О какое жестокое[5] состояние! Мне кажется, если грешникам уготован ад, то

---

[1] только скажу это, будучи уверен, что ⟨*1 нрзб*⟩ [2] *Далее начато:* Это лицо [3] в сердце, в душе [4] *Далее было:* не вынесет [5] уб⟨ивственное⟩

он не так мучителен. Нет, это не любовь была... я по крайней ⟨мере⟩ не слыхал подобной любви... В порыве бешенства и ужаснейших душевных терзаний, я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я... Взглянуть на нее еще раз — вот бывало одно единственное желание, возраставшее сильнее ⟨и⟩ сильнее с невыразимою едкостью тоски. С ужасом осмотрелся и разглядел я свое ужасное состояние, всё совершенно в мире было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета в своих явлениях. Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь, водворить хотя тень покоя в истерзанную душу. В умилении[1] я признал невидимую десницу, пекущуюся о мне, и благословил так дивно назначаемый путь мне. Нет, это существо, которое он послал лишить меня покоя, расстроить шатко-созданный мир мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своих очарований не могла произвесть таких ужасных, невыразимых впечатлений. Это было божество, им созданное, часть его же самого![2] Но, ради бога, не спрашивайте ее имени. Она слишком высока, высока.

Итак я решился. Но к чему, как[3] приступить? Выезд за границу так труден, хлопот так много! Но лишь только я принялся, всё, к удивлению моему, пошло как нельзя лучше; я даже легко получил пропуск. Одна остановка была наконец за деньгами. Здесь уже было я совсем отчаялся. Но вдруг получаю следуемые в Опекунский совет. Я сейчас отправился туда и узнал, сколько они могут нам дать просрочки на уплату процентов; узнал, что просрочка длится на четыре месяца после сроку, с платою по пяти рублей от тысячи в каждый месяц штрафу. Стало быть, до самого ноября месяца будут ждать. Поступок решительный, безрассудный; но что же было мне делать?.. Все деньги, следуемые в опекунский, оставил я себе и теперь могу решительно сказать: больше от вас не потребую. Одни труды мои и собственно⟨е⟩ прилежание будут награждать меня.

[1] В благо⟨говении⟩ [2] *Далее начато:* Итак [3] как *вписано.*

Что же касается до того, как вознаградить эту сумму, как внесть ее сполна, вы имеете полное право данною и прилагаемою мною при сем доверенностью продать следуемое мне имение, часть или всё, заложить его, подарить и проч. и проч. Во всем оно зависит от вас совершенно. Я хотел-было совершить купчую или дарственную запись, но нужно было мне платить за одну бумагу триста рублей. Впрочем вы и посредством доверенности будете владеть, как законный и полный владелец.

Не огорчайтесь, добрая, несравненная маминька! Этот перелом для меня необходим. Это училище непременно образует меня: я имею дурной характер, испорченный и избалованный нрав (в этом признаюсь[1] я от чистого сердца); лень и безжизненное для меня здесь пребывание непременно упрочили бы мне их навек. Нет, мне нужно переделать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвесть силою души в вечном труде и деятельности, и если я не могу быть счастлив (нет, я никогда не буду счастлив для себя. Это божественное существо вырвало покой из груди моей и удалилось от меня), по крайней мере всю жизнь посвящу для счастия и блага себе подобных.

Но не ужасайтесь разлуки, я недалеко поеду: путь мой теперь лежит в *Любек*. Это большой приморский город Германии, известный торговыми своими сношениями всему миру. Расстоянием от Петербурга на четыре дня езды. Я еду на пароходе и потому времени употреблю еще менее. Письма ваши только четырьмя днями будут позже доходить ко мне. Покуда это письмо дойдет до вас, я успею написать к вам уже из Любека[2] и известить о своем адресе, а до того, если хотите писать ко мне, можете адресовать в С.-Петербург, на имя его благородия Николая Яковлевича Прокоповича, в дом Иохима, на Большой Мещанской. Что же касается до свидания нашего, то не менее как чрез два или три года, могу я быть в Васильевке вашей. Не забудьте прислать пашпорт Екиму, т. е. плакатный билет[3] (ему нельзя жить здесь без места), всё же адресуясь на имя Прокоповича.

---

[1] говорю [2] Гам⟨бурга⟩ [3] т. е. плакатный *вписано.*

Теперь припадаю к страшным стопам всевышнего с прошением и мольбою, да сохранит драгоценные и священные для нас годы жизни вашей, да отвеет[1] от вас всё, наносящее вам горечи и неудовольствия, и да исполнит меня силы истинно заслужить ваше материнское благословение. Ваш преданнейший сын, любящий вас более всего

Николай Гоголь-Яновский.

Принося чувствительнейшую и невыразимую благодарность за ваши драгоценные известия о малороссиянах, прошу вас убедительно не оставлять и впредь таковыми письмами. В тиши уединения я готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пущу в свет, я не люблю спешить, а тем более занимать поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования. Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, ⟨чтобы⟩ не исказить неправильными именованиями существенного имени нации. Извините, что и теперь не оставляю беспокоить вас подобными просьбами; но зная, с каким удовольствием вы внимаете им, беру эту смелость. В замену опишу вам быт и занятия добрых немцев, дух новизны, странность и прелесть еще доселе мною невиданного и всё, что произведет сильное впечатление на меня. Благодарю также чувствительно почтеннейшего Савву Кирилловича. Прошу его также присылать приписочки в ваше письмо.

Деньги вы можете адресовать прямо в опекунский совет импер.⟨аторского⟩ воспит.⟨ательного⟩ дома. Можно просрочить по самый ноябрь, но лучше если бы они получили в половине или начале октября. Не забудьте: с тысячи по пяти рублей в месяц штрафу.

Прошу вас покорнейше также, если случатся деньги когда-нибудь, выслать Данилевскому 100 рублей. Я у него взял шубу на дорогу себе, также несколько белья, чтобы

---

[1] *Далее было:* его божественное ⟨?⟩ ⟨*1 нрзб*⟩

не нуждаться в чем. Адрес его: В школу гвардейских подпрапорщиков у Синего мосту.

Целую тысячу раз милых сестриц моих, Аниньку и Лизу. Ради бога, прилагайте возможное попечение о воспитании Аниньки; старайтесь ей дать уразуметь языки и всё полезное. Я предрекаю вам, что это удивительное дитя будет гений, какого не видывали.

90.

М. И. ГОГОЛЬ.

Любек. 1829, августа 13 по новому стилю.

Сегодня поутру часа в три прибыл я в Любек. Шесть дней плыл я водою: это случилось оттого, что ветер в продолжение всего этого времени не был для нас попутный. Теперь только, когда я, находясь один посреди необозримых волн, узнал, что значит разлука с вами, моя неоцененная маминька, в эти торжественные, ужасные часы моей жизни, когда я бежал от самого себя, когда я старался забыть всё окружавшее меня, мысль: *что я вам причиняю сим*, тяжелым камнем налегла на душу, и напрасно старался я уверить самого себя, что я принужден был повиноваться воле того, который управляет нами свыше. Нет, я не могу расстаться с вами, великодушный друг, ангел-хранитель мой. Как, за эти бесчисленные благодеяния, за эту ничем неотплатимую любовь я должен причинять вам новые огорчения! Я должен, вместо радости и счастливого спокойствия, исполнить жизнь вашу горькими минутами! О, это ужасно! это раздирает мое сердце. Простите, милая, великодушная маминька, простите своему несчастному сыну, который одного только желал бы ныне — повергнуться в объятья ваши и излить пред вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, рассказать всю тяжкую повесть свою. Часто я думаю о себе, зачем бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере редкое в мире, чистую, пламенеющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачем он дал всему этому такую грубую оболочку, зачем он одел всё это в такую страшную смесь

противоречий, упрямства, дерзкой самонадеянности и самого униженного смирения. Но мой бренный разум не в силах постичь великих определений всевышнего.

Ради бога, об одном прошу вас только: не думайте, чтобы разлука наша была долговременна. Я здесь не намерен долго пробыть, несмотря на то, что здешняя жизнь сноснее и дешевлее петербургской. Я, кажется, и забыл объявить вам главной причины, заставившей меня именно ехать в Любек. Во всё почти время весны и лета в Петербурге я был болен; теперь хотя и здоров, но у меня высыпала по всему лицу и рукам большая сыпь. Доктора сказали, что это следствие золотухи, что у меня кровь крепко испорчена, что мне нужно было принимать кровочистительный декокт, и присудили пользоваться водами в *Травемунде*, в небольшом городке, в 18 верстах от Любека; для пользования мне нужно пробыть не более двух недель. Если вы хотите, то вам стоит только приказать мне оставить Любек, и я его оставлю немедленно, тем более, что я сам не могу быть спокойным, бывши от вас далеко; особливо когда вы одни теперь наполняете душу мою, когда вам одним только ищу я случая доставить радость, но, к несчастию, не мог до сих пор. Я в Петербурге могу иметь должность, которую и прежде хотел, но какие-то глупые людские предубеждения и предрассудки меня останавливали. Имением, сделайте милость, располагайте, как хотите. Продайте, ради бога, продайте, или заложите хоть и всё. Я слово дал, что более не потребую от вас и не стану разорять вас так бессовестно. Должность, о которой я говорил вам, не только доставит мне годовое содержание, но даже возможность доставлять и вам вспоможение в ваших великодушных попечениях и заботах.

Теперь представлю вам описание Любека. Этот довольно старинный, вольный торговый город был из числа первых, составлявших знаменитый Ганзейский союз, с которым наше отечество (особливо Новгород) было во всегдашних торговых сношениях. Впрочем и теперь, хотя он не может почесться одним из самых лучших торговых городов, но всё

однако ж занимает весьма важное место в обширной торговле Европы. Вид его, строение его таково же, как и всех главных городов Европы (нужно знать, что по Петербургу никак нельзя судить о столицах Европы. Здания, украшающие Петербург, все относятся ко времени самому новейшему). Домы здесь небольшие, но чрезвычайно высоки — вышина тем еще разительнее, что они так узки, что на переднем фасаде имеется не более, как четыре окна в ряд на целой стене; но все по большей части этажей в пять, шесть, иногда и того более. Пишу к вам ночью,—окно у меня отворено, луна светит, и город кажется очарованным. Вот вам вид улицы из моего окна, который наскоро набросал я на бумагу.[1]

Таковы домы в Любеке: все дома сплочены тесно один к другому и не разделяются ни в одном месте забором. Чистота в домах необыкновенная; неприятного запаху нет вовсе в целом городе, как обыкновенно бывает в Петербурге, в котором мимо иного дома нельзя бывает пройти. Крестьянки девушки в красивых корсетиках, с зонтиком в руках толпятся с утра до вечера по рынкам и чистым улицам. Экипажей здесь вовсе не употребляют: добрые немцы обыкновенно отправляются пешком, и даже за город на несколько верст. Извозчиков нет в помине; зато вы увидите огромные фуры, которые здесь в большом употреблении, посреди которых укреплены на ремнях ящики (в роде висячего стула); в этих-то фурах вы увидите семейство, достойное фламандской школы, везущее в город продукты. В ящике обыкновенно сидит мать с дочерью; на лошади, запряженной в фуру, верхом усаживается сын; если же обретается зять, то и тот себе находит место на той же самой лошади, а сзади уже пешком какой-нибудь по нашему наймыт. Зато уж и езда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, как волы, а между тем не скорее их идут. В городе шуму почти вовсе незаметно, хотя движения довольно. Из замечательных зданий преимущественно кафедральная церковь, которой считают около

[1] *Здесь в подлиннике был рисунок.*

тысячи лет; в течение десяти столетий устояла среди всех перемен и волнений; триста лет назад, как она переименована из католической в лютеранскую. Завтра я собираюсь побывать в ней и в следующем письме представлю вам подробное описание ее. Места, окружающие Любек, недурны, но не годятся против наших псельских. Домики, разбросанные за городом, увитые и усаженные деревьями, кустарниками и цветами, прелестны и очень похожи на петербургские дачи; воздух довольно здоров, а климат немного подходит к нашему, т. е. полтавскому, хотя фрукты, кажется, здесь зреют позже, однако ж всё не так, как в Петербурге, где до сих пор еще едят малину и клубнику. Здесь видны по крайней мере вишни уже. Учтивость и какая-то прелесть обращения здешних жителей мне нравится. Простая крестьянка, у которой вы купите на рынке за какой-нибудь шиллинг фруктов или зелени, отвесит вам с такою приятностью кникс, которому позавидовала бы и наша горожанка. Находясь несколько дней на пароходе и будучи окружен англичанами, которых ухватки и образованность не слишком тонки и исполнены приличий (что вообще бывает и у всех моряков), я был немного утешен в Любеке. Но, признаюсь, всё это еще как будто скользит по мне и пролетает мимо, не приковывая ни к чему моего безжизненного внимания. Сначала, за год пред сим, думал я: каковы-то будут первые впечатления при взгляде на совершенно новое, совершенно бывшее чуждым доселе для меня, на другие нравы, других людей; как любопытство мое будет разгораться постепенно; ничего не бывало. Я въехал так, как бы в давно знакомую деревню, которую привык видеть часто. Никакого особенного волнения не испытал я. Как бы мне теперь хотелось видеть вас, хотя одно мгновенье. Здоровы ли вы? О, будьте здоровы! будьте утешены наконец нами и да ниспошлет нам бог всевозможное счастие, каким только можно пользоваться в здешнем мире. Прощайте, бесценная, великодушная маминька, единственное мое счастие.

Николай Гоголь.

Обнимаю и целую несколько раз сестрицу Марью Васильевну; усердный поклон Александре Федоровне; целую Аничку и Лизу, и Олиньку, и кланяюсь всем родным и знакомым моим. Если будете писать ко мне письма, адресуйте всё еще в Петербург, на имя Николая Яковлевича Прокоповича, в дом Иохима. От него я уже всегда буду исправно получать их.

91.
М. И. ГОГОЛЬ.

Травемунд. 1829, августа 25 по европейскому стилю.

Получили ли вы первое мое письмо, бесценная маминька, пущенное мною из Любека? Ради бога, не беспокойтесь обо мне: я чувствую себя несравненно лучше и здоровее, климат здешний ощутительно поправил меня; короче сказать, тело мое совершенно здорово; одна только бедная душа моя страдает. Я не могу представить себе, сколько я вам причинил беспокойств и огорчений, и ни одного до сих пор истинного утешения! Изредка только, как будто от самого бога, посещает меня мысль, что, может быть, всё это делается с намереньем; может быть, сеются между нами огорчения для того только, чтобы мы могли потом безмятежно и радостно пользоваться жизнью. Несмотря на мое желание, я не должен пробыть долго в Любеке; я не могу, я не в силах приучить себя к мысли, что вы[1] беспрестанно печалитесь, полагая меня на таком далеком расстоянии. Лето в Петербурге уже прошло, и тамошний климат теперь уже не может быть так для меня вреден. Об одном только я прошу бога, чтоб ниспослал вам драгоценное спокойствие, которое не может обитать в груди моей. По крайней мере я теперь в силах занять в Петербурге предлагаемую должность и надеюсь, что новые занятия дадут силу душе моей быть равнодушнее и[2] невнимательнее к мирским горечам. Как бы то ни было, это сильно подействовало на мой

---

[1] что может быть вы [2] *Далее начато*: хотя немного уже

характер, и я с ужасом теперь помышляю о том, как бы я мог бы доставлять вам ежеминутное утешение, и как я не выполнил этого первого священного долга. Но я знаю, вы простите меня... вы простите. Меня изменили и переделали горя.

В первом письме я сделал вам небольшое описание города Любека; теперь прибавлю, что успел после того заметить. Я был в огромной здешней кафедральной церкве. Это здание решительно превосходит всё, что я до сих пор видел, своим древним готическим великолепием. Здешние церкви не оканчиваются, подобно нашим, круглым или неправильным куполом, но имеют потолок ровной высоты во всех местах, изредка только пересекаемый изломленными готическими сводами. Высота ровная во всех местах и, вообразите, несравненно выше, нежели у нас в Петербурге Казанская церковь, с шпицем и крестом. Всё здание оканчивается по углам длинным и угловатым, необыкновенной толщины, каменным шпицем, теряющимся в небе... Живопись внутри церкви удивительная. Много есть таких картин, которым около 700 лет, но которые всё еще пленяют необыкновенною свежестью красок и осенены печатью необыкновенного искусства. Знаменитое произведение Альбрехта Дюрера, изваяние Квелино, всё было мною рассмотрено с жадностью. На одной стене церкви находятся необыкновенной величины часы, с означением разных метеорологических наблюдений, с календарем на несколько сот лет и проч. Когда настанет 12 часов, большая мраморная фигура вверху бьет в колокол 12 раз. Двери с шумом отворяются вверху; из них выходят стройно один за одним 12 апостолов, в обыкновенный человеческий рост, поют и наклоняются каждый, когда проходят мимо изваяния Иисуса Христа, и таким же самым порядком уходят в противоположные двери; привратник их встречает поклоном, и двери с шумом за ними затворяются. Апостолы так искусно сделаны, что можно принять их за живых. Я видел здесь комнату, принадлежащую собранию чинов города. Она великолепна своею давностью и вся в антиках.

Здешние жители не имеют никаких собраний и живут почти в трактирах. Эти трактиры мне очень нравятся: вообразите себе какого-нибудь богатого помещика хлебосола, как прежде например бывало в Кибенцах, у которого множество гостей тут и живут и сходят вместе только обедать или ужинать. Хозяин трактира занимает здесь точно такую же роль и первое место за столом, возле него его супруга, которой это не мешает несколько раз сбегать во время стола на кухню; прочие места занимаются гражданами всех наций. Со мною вместе находились два швейцара, англичанин, индейский набоб, гражданин из Амер.<иканских> Штатов и множество разноземельных немцев, и все мы были совершенно как лет 10 друг с другом знакомы. (Этого уже в Петербурге не водится.) Ужин всегда оканчивается пением и всегда довольно поздно. Короче, время здесь проведенное было бы для меня очень приятно, если бы я только так же был здоров душою, как теперь телом. В Травемунде я нахожусь два дни и завтра снова отправляюсь в Любек. Дорога от Травемунда до Любека и особливо от Любека до Гамбурга представляет большой и разнообразный сад. Поля здешние разделены на небольшие участки, которые все обсажены в два ряда кустарниками. Снопы на полях не в копнах, как у нас, но обставливаются один к одному, как у нас конопли. Желаю возможнейшего блага, молю всевышнего, чтобы он облегчил труды ваши и старания о нас, и чтобы дал силы мне быть истинно достойну вашего материнского благословения.

Н. Гоголь.

92.
М. И. ГОГОЛЬ.

1829-го сентября 24 <Петербург>.

С ужасом читал я письмо ваше, пущенное 6-го сентября. Я всего ожидал от вас: заслуженных упреков, которые еще для меня слишком милостивы, справедливого негодования и всего, что только мог вызвать на меня безрассудный

поступок мой... Но этого я никогда не мог ожидать: как! вы могли, маминька, подумать даже, что я добыча гнусного разврата, что нахожусь на последней степени унижения человечества! Наконец решились приписать мне болезнь, при мысли о которой всегда трепетали от ужаса даже [1] самые мысли мои! В первый раз в жизни, и дай бог, чтобы в последний, получил я такое страшное письмо. Мне казалось всё равно, как будто я слышу проклятие. Как вы могли подумать, чтобы сын таких ангелов-родителей мог быть чудовищем, в котором не осталось ни одной черты добродетели! Нет, этого не может быть в природе. Вот вам мое признание: одни только гордые помыслы юности, проистекавшие, однако ж, из чистого источника, из одного только пламенного желания быть полезным, не будучи умеряемы благоразумием, завлекли меня слишком далеко. Но я готов дать ответ пред лицом бога, если я учинил хоть один развратный подвиг, и нравственность моя здесь была несравненно чище, нежели в бытность мою [2] в заведении и дома. Что же касается до пьянства, я никогда не имел этой привычки. Дома я пил еще вино; здесь же не помню, чтобы употреблял его когда-либо. Но я не могу никаким образом понять, из чего вы заключили, что я должен болен быть непременно этою болезнию. В письме моем я ничего, кажется, не сказал такого, что бы могло именно означить эту самую болезнь. Мне кажется [3], я вам писал про мою грудную болезнь, от которой я насилу мог дышать, которая, к счастию, теперь меня оставила.

Ах, если бы вы знали ужасное мое положение! Ни одной ночи я не спал покойно, ни один сон мой не наполнен был сладкими мечтами. Везде носились предо мною бедствия и печали, и беспокойства, в которые я ввергнул вас... Простите, простите несчастную причину вашего несчастия!..

Два дни только, как я приехал из Гамбурга в С.-Петербург. Бог унизил мою гордость — его святая воля! Но я здоров, и если мои ничтожные [4] знания не могут доставить

---

[1] даже *вписано.* [2] в бытность мою *вписано.* [3] Я думаю [4] ничтожные *вписано.*

мне места, я имею руки, следовательно не могу впасть в отчаяние — оно удел безумца.

Одно только мое моление к богу, одно желание: пусть он изгладит из сердца вашего сына неблагодарного, вместе с несчастиями, им вам нанесенными, и да осчастливит вас счастием моих добрых и бесценных сестер; пусть они будут вам утешением, пусть ни одна из них не напомнит собою недостойного [1] брата!

Если же всевышнему угодно будет дать мне возможность и состояние хотя со временем поправить расстройство и разорение, мною вам причиненное, тогда только почту я, что надо мною произнесено богом прощение [2].

Не тревожьтесь, ради бога, ради счастия ваших детей, мыслью обо мне. Но об одном только прошу я вас со слезами: не считайте меня способным на разврат, не принимайте безумия за него, [3] хотя бы вы услышали, что нахожусь между развратнейшими из развратнейших, верьте, что никогда не отступлю от священных правил добродетели, которые неизгладимым резцом врезались мне в сердце.

Пошли вам, боже, облегчение в ваших несчастиях!

Я не в силах теперь известить вас о главных причинах, скопившихся, которые бы, может быть, оправдали меня хотя в некотором отношении. Чувства мои переполнены; я не могу перевести дыхание. Ваше письмо... Простите, простите меня, великодушная маминька!

Николай Гоголь-Яновский.

93.
М. И. ГОГОЛЬ.

1829 октября 27 ⟨Петербург⟩.

Неполучение писем от вас, почтеннейшая маминька, я не смею приписывать молчанию, зная нынешнюю переменчивую и дурную погоду для почт. Что же касается до меня, то ради бога не беспокойтесь об моей участи. Я познаю

---

[1] несча⟨стного⟩ [2] *прощение божие* [3] *Далее начато:* Верьте

теперь невидимую руку всевышнего, меня охраняющую: он послал мне ангела-спасителя в лице нашего благодетеля, его превосходительства Андрея Андреевича, который сделал для меня всё то, что может только один отец для своего сына; его благодеяние и драгоценные советы навеки запечатлеются в моем сердце.

В скором времени я надеюсь определиться в службу. Тогда с обновленными силами примусь за труд и посвящу ему всю жизнь свою. Может быть, богу будет угодно даровать мне возможность загладить со временем мой безрассудный поступок и хотя несколько приблизиться к высоким качествам души нашего благодетеля, ангела между людей. Тогда только я буду достоин любви вашей, тогда только вы будете справедливо гордиться вашим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Я вас побеспокою одною просьбою: здесь очень дорого стоит пошитье манишек, и потому прошу вас покорнейше приказать сделать мне на первый случай шесть. Для образчика прилагаю в посылке одну манишку. Милая сестрица моя, я думаю, не откажется в этом также помочь мне.

94.
М. И. ГОГОЛЬ.

Санкт-Петербург. Ноября 12. 1829.

Письмо ваше, пущенное 14-го октября, я получил, но не отвечал так долго потому, что вручил незадолго пред сим одно письмо Андрею Андреевичу по его требованию, в собственные его руки незапечатанное; следовательно вы не подивитесь, если я в нем немного польстил ему; впрочем он, точно, для меня много сделал: по его милости я теперь имею теплое на зиму платье, также заплатил должные мною за квартиру.

Чем отплачу я вам, почтеннейшая маминька, за ваше материнское обо мне попечение? В каждом письме вашем я вижу доказательства тому вместе с драгоценными наставлениями

вашими. Одна моя молитва, одно мое прошение у бога, чтобы даровал мне средства и силы доставить вам утешение после толиких испытанных вами горестей. Я надеюсь получить довольно порядочное место в министерстве внутренних дел, но жалованья не могу получить раньше, как через два месяца. Нечего делать, нужно будет прибегнуть снова к Андрею Андреевичу, хотя он и слишком много издержался в Петербурге. Однако ж всё-таки где-нибудь достану 300 рублей, а перед вами сдержу свое слово. Боже сохрани, чтобы я осмелился просить у вас, а особливо еще в нынешнее время...

Вы пишете, что довольно нерассчетно живу или по крайней мере жил прежде, но, ради бога, не верьте Светличному, в жизнь мою я не видал такого жестокого лгуна: когда он видел, чтобы у меня пировало множество гостей на мой счет? когда я нанимал квартиру, состоящую из 3-х комнат, один? И теперь нанимаем мы 3 комнаты, но нас три человека вместе стоят, и комнатки очень небольшие. Еще прошу вас, маминька, не думайте найти во мне хотя искру гордости. Если я прежде казался таковым, то теперь не покажусь верно им; ваши мысли на этот счет совершенно согласны с моими, они стоят быть написаны золотыми буквами, жаль только, что редкие следуют им.

Вы просите, чтобы я написал еще что-нибудь о пути своем. Занимательного впрочем мало. Терпел только порядочную бурю на корабле, во время которой к собственному удивлению моему и мысль о страхе не закрадывалась в мою душу; чувствовал только дурноту — неминуемое следствие качки; после двухдневного плавания, не видя ничего, кроме моря и неба, прибыли мы к берегам Швеции, где увидел я несколько странного вида разбросанных хижин. Народ вообще хорош, особливо женщины стройны и недурны собою. Вид острова Борнгольма с его дикими, обнаженными скалами и вместе цветущею зеленью долин и красивыми домиками восхитителен. Из острова Борнгольма мы прямо пристали чрез четыре дни и вышли на берег Дании. Я вам писал о пребывании своем в Травемунде и Любеке. В Гам-

бурге я пробыл очень мало. Но пределы письма заставляют меня отложить до следующего подробности.

Чувствительно сожалею о неудачах Петра Петровича и желаю ему от души поправления здоровья и обстоятельств. Прошу вас, маминька, если только у вас будет свободное время, доставлять мне сведения о поверьях, обычаях малороссиан, сказках, преданьях, находящихся в простонародьи. Надеюсь, что и ты, милая сестрица, не откажешься попрежнему участвовать. Прошу вас приказать [1] вымерять длину, ширину, вышину дома и каждой комнаты порознь, или лучше приказать кому-либо знающему написать план и фасад в нынешнем его состоянии с масштабом. Я нашел способ расположить его чрезвычайно удобно, при самой небольшой переделке, на манер некоторых домов, виденных мною в Германии. Если же не понравится, то пришлю еще другим образом.

Николай Гоголь-Яновский.

Мой адрес: у Кукушкина мосту, в доме *Зверькова*, комната под № 16.

95.

М. И. ГОГОЛЬ.

1830, января 1. С.-Петербург.

Во первых, позвольте поздравить вас с новым годом, почтеннейшая маминька, и пожелать счастливого провождения его. Пора бы, кажется, счастью обратиться к нам; но провидение, верно, с намерением так долго медлит, и мы должны благословлять его святую волю. Ни один день так не шумен в Петербурге, как первый нового года: всё утро экипажи, лошади, люди то и дело что разъезжают вдоль и поперек по всем улицам; все спешат, как бы не опоздать поздравить, или хотя завезть карточку, и только в четыре часа пополудни переводят немного дух. От Андрея Андреевича узнал я, что вы недавно гостили у Политики; этому я рад несказанно, тем более, что это хотя минутным послужило развлечением ваших беспрерывных забот. Ново-

[1] приказать *вписано*.

стей в Петербурге никаких: проговорили-было об уничтожении чинов, но до сих пор еще ничего не последовало. На Дворцовой площади воздвигается великолепный памятник Александру, состоящий из колосальной колоны, высеченной из одного куска цельного гранита. Что-то скажет нам новый 30-й год? Какое-то шумное волнение заметно в начале его; но холодно и безжизненно встретил я его. Наступление нового года всегда было торжественною минутою для меня. Каков-то будет для меня этот год? Чувства мои не переменятся, с такою же сыновней любовью и благодарною признательностью останусь вечно вашим послушным сыном.

Николай Гоголь.

96.

М. И. ГОГОЛЬ.

1830. Генваря 5. СПб.

Письмо ваше получил я только сегодня, писанное вами еще с 12 декабря. При письме приложен план, снятый с нового дома плотником. Он не только не разрешил моих сомнений, но даже еще бы больше запутал меня, если бы я не так твердо знал его внутреннее и наружное состояние. Всё мое сомнение заключалось в одном только аршине. Я помню вот как теперь, когда я смеривал его в длину, оказалось 26 аршин; у плотника же выходит ровно 9 сажней, вся разница в одном аршине, но через это я не могу прислать вам верного совершенно масштаба. Впрочем это ничего, и я постараюсь изложить, сколько возможно, ясное предписание, из которого человеку сметливому, даже и не имеющему глубокого знания в архитектуре, удобно можно понять, в чем состоит дело, тем более, что переправок будет очень немного.

Сначала было думал я увеличить дом пристройками, но теперь вижу я, что это дело несбыточное для вас, потому что издержки значительно бы увеличились и дом остался бы опять неокончаемым на многие века. Теперешние же ваши обстоятельства требуют сколько возможно

большей экономии и потому нужно, чтобы дом сколько возможно менее стал вам и через то чтобы скорее был к услугам вашим. Из приложенного при сем мною плана вы увидите, что я, сколько возможно, выгоднейшее старался дать ему расположение, и как можно менее переделок. Чтобы показать, как неверен план, сделанный плотником, я прилагаю и нынешнее его расположение. Оно послужит также и вам к лучшему уразумению. Зная, почтеннейшая маминька, ваше редкое благоразумие, я уверен, что вы одобрите мой план. Что же касается до фасада, то я старался дать ему сколько возможно лучший вид, и также чтобы переделок было очень мало. Я хотел-было также сначала дать ему фасад совершенно в новом вкусе, на манер виденных мною в образованной Европе; но поразмыслив, что это стоило бы многих переделок, притом [1] еще не поймут, переиначут, и выйдет бог знает что,—решился оставить лишние затеи и приложить фасад, осуществление которого ничего почти не будет стоить.

По снятии мезонима, редкое размещение четырех колон на широком крыльце будет уродливо и безобразно, и потому я решился поставить восемь колон, по две вместе. Чрез это крыльцо еще расширится, но вид уже будет прекрасный, как вы можете усмотреть из прилагаемого при сем фасада. Колоны эти дорического ордена, с дорожками, или выемками по всему продолжению их, что служит также немалым украшением. Для этого прежние колоны можно перепилить на-двое и из четырех будет восемь; коротки оне не будут; если же это и случится, то можно употребить незаметные подмостки под верхними капителями. Касательно же поднятия комнат выше, то я нахожу это лишним: ныне большею частию даже в столицах делают комнаты невысокими, и я той веры, что в деревне лучше, если они высоты посредственной. [2] Оне очень милы и притом всегда будут теплы; а через это дерево с мезонима, который бы, верно, пошел весь на повышение [3] дома, может быть употребленно на кладовые и амбары. — Небольшая пристройка будет со стороны,

[1] а гл⟨авное⟩ [2] *Было начато:* если они ниже. [3] подн⟨ятие?⟩

прилегающей к старому дому. Она заключает в себе маленькую кладовую, сени и нужные места. В гостинной и спальне окна и стеклянные двери в сад будут иметь готической вид: это нынче всеобщий вкус, и в деревне я нахожу, что это будет прелестно. Рисунок их прилагаю особенно, а при нем также и пояснение. Место, где теперь находится лестница, обращено в моем плане в комнату для Машиньки; буфет также переменен, потому что из него в прежнем плане выход не в столовую, а в гостинную. (Задний фасад дому очень мил будет в натуре.) Зато [1] вместо буфета прежнего— теперь комнаты для ночлега приезжающих гостей, или если я приеду, то мне несравненно приятнее быть в одном доме с вами. Если же в девичей будет тесно рабочим, то могут переходить туда во время свободное от постою. Там и постоянно может производиться ткание ковра, или тому подобное.

Посылаю вам манишку для образца, которая тогда, по неблагоразумию Екима, бог знает где пролежала, вместо почты. Прошу вас покорнейше, маминька, сделать их мне около дюжины. Оне необходимо мне нужны более всего белья. Через день почти всегда я переменяю манишку: ужасно как скоро мараются. Прошу вас также, чтобы в ней всё было сделано совершенно так, как в образце [2]. Простите меня великодушно, маминька, что я так много вас утруждаю.

Я просил бы вас еще заготовить мне полдюжины рубашек и полдюжины исподнего белья, которого у меня ни одной штуки: но это может еще потерпеть до другого времени, а теперь прошу вас поспешить манишками, тем более, что, кроме посланной к вам манишки, у меня две только, из коих одна еще домашняя.

97.
М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1830⟩ С.-Петербург. Февраль 2.

Я получил письмо ваше, почтеннейшая маминька, пущенное вами 12 генваря. Слава богу! вы вне опасности. Я так

---

[1] Зато прибавлены [2] чтобы не были так мелки, как в прилагаемой вам для образца, чтобы они были не более

был напуган, узнав от Андрея Андреевича, что вы вместе со всем нашим семейством очень больны, что отдохнул тогда только, когда прочел собственные ваши строки. Недели три назад, как я отправил к вам письмо с фасадом и планом дома, а я старался приспособить их так, чтобы сколько можно менее было издержек. Месяц назад я сам был нездоров, но теперь поправился, слава богу. Снова хожу каждый день в должность и в силу, в силу перебиваюсь. Еще недавно взял у Андрея Андреевича 150 р. на обмундировку. Думал, что останется что-нибудь в присоединение к моему содержанию; напротив, еще должен прибавить. Жалованья получаю сущую безделицу. Весь мой доход состоит в том, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для г. журналистов, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маминька, если я вас часто беспокою просьбою доставлять мне сведения о Малороссии, или что-либо подобное.[1] Это составляет мой хлеб. Я и теперь попрошу вас собрать несколько таковых сведений, если где-либо услышите забавный анекдот между мужиками в нашем селе, или в другом каком, или между помещиками. Сделайте милость, вписуйте для меня также нравы, обычаи, поверья. Да расспросите про старину хоть у Анны Матвеевны или Агафию Матв.<еевну>: какие платья были в их время у сотников, их жен, у тысячников, у них самих; какие материи были известны в их время, и всё с подробнейшею подробностью; какие анекдоты и истории случались в их время смешные, забавные, печальные, ужасные. Не пренебрегайте ничем, всё имеет для меня цену. В столице нельзя пропасть с голоду имеющему хотя скудный от бога талант. Одного только нужно опасаться здесь бедняку — заболеть. Тогда-то уже ему почти нет спасенья: источники его доходов прекращаются, издержки на лекарства и лекарей для него совершенно невозможны, и ему остается одно средство — умереть. Но этого со мною никогда не может случиться: здесь есть Арендт, которого искусство и благородная душа чужды всякого интереса.

---

[1] или что-либо подобное *вписано*.

Часто наводит на меня тоску мысль, что, может быть, долго еще не удастся мне увидеться с вами. Как бы хотелось мне хотя на мгновение оторваться от душных стен столицы и подышать хотя на мгновение воздухом деревни! но неумолимая судьба истребляет даже надежду на то. Как подумаю о будущем лете, теперь даже томительная грусть залегает в душу. Вы помните, я думаю, как я всегда рвался в это время на вольный воздух, как для меня убийственны были стены даже маленького Нежина. Что же теперь должно происходить в это время, когда столица пуста и мертва, как могила, когда почти живой души не остается в обширных улицах, когда громады домов с вечно[1] раскаленными крышами одни только кидаются в глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладного местечка[2], где бы можно было освежиться! Не мудрено, когда прошлый год со мною произошло такое странное, безрассудное явление; я был утопающий, хватившийся за первую попавшуюся ему ветку. Хотя бы на это время я был в состоянии нанять комнатку где-нибудь на даче, за городом; но там квартиры несравненно дороже, а при бедности моего состояния это почти невозможно.

Еще осмеливаюсь побеспокоить одною просьбою: ради бога, если будете иметь случай, собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости, какие отыщутся в наших местах, стародавние старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особливо стрелы, которые во множестве находимы были в Псле. Я помню, их целыми горстями доставали. Сделайте милость, пришлите их. Я хочу прислужиться этим одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит улучшение моей участи. Нет ли в наших местах каких[3] записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних про времена гетманщины и прочего подобного? Простите меня великодушно, маминька, что я вас забрасываю просьбами и причиняю великое беспокойство.

---

[1] вечно *вписано.* [2] ни одного деревца [3] каких-нибудь

Чтобы не было вам тягости, вы разделите свои поручения людям, на которых можете положиться в этом случае.

Дай бог, чтобы вы наконец пользовались благополучием, достойным вас, при каком желании и остаюсь

ваш покорнейший и послушнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Глубокое почтение и поклон дедушке Ивану Матвеевичу, бабушкам Марье Илиничне и Анне Матвеевне.

Целую заочно ручки милой тетиньки[1] Катерины Ивановны и милую сестрицу, также и маленьких.

Я слышал про ужасные холода и морозы, свирепствующие в наших местах. Тем более это для меня странно, что здесь в С.-Петербурге всё это время довольно тепло. Турецкие посланники прибыли сюда благополучно и не нахвалятся учтивостью и ловкостью нашего садовника — форрейтора Павла.

98.

М. И. ГОГОЛЬ.

1830, апреля 2-го дня. С.-Петербург.

Извините меня великодушно, почтеннейшая маминька, что я так долго не писал к вам. Заботы и вечные беспокойства тягчат меня всеми неразлучными с ними неприятностями. Я не понимаю, как я до сих пор с ума не сошел. После бесконечных исканий мне удалось наконец сыскать место, очень однако ж незавидное. Но что ж делать, важной протекции я не имел никакой, а мои покровители водили меня до тех пор, пока не заставили меня усумниться в сбыточности их обещаний. Теперь моим местом я, можно сказать, обязан своим собственным трудам. И теперь, признаюсь, я в ужасном недоумении; сам не знаю, что начать, к чему обратиться, что делать мне. Часто приходит мне на мысль всё бросить и ехать из Петербурга; но в то же время вдруг представятся мне все выгоды по службе и по всему, чего

[1] ручки тет⟨иньки⟩

я лишусь, удалившись отсюда. Взявши в сравнение свое место с местами, которые занимают другие, я тотчас вижу, что занимаемое мною есть еще не самое худшее, что многие, весьма даже многие захотели бы иметь его, что мне только стоит удвоить количество терпения, и я могу надеяться получить повышение. Но зато эти многие получают достаточное количество для своего содержания из дому, а мне должно жить одним жалованьем. Теперь посудите сами: сокративши все возможные издержки, выключая только самых необходимейших для продолжения жизни, никого никогда у себя не принимая, не выходя никогда почти ни на какие увеселения и спектакли, отказавшись от любимого моего развлечения — от театра, и за всем тем я никаким образом не могу издерживать менее 100 рублей в месяц: сумма, с которою бы никто из молодых людей не решился жить в Петербурге (в удостоверение чего прилагаю я расход моих денег за прошедший месяц, из него вы можете увидеть истину моих слов, увидеть, что умереннее меня вряд ли кто живет в Петербурге). Сюда я не включаю денег, следующих на платье, на сапоги, на шляпу, перчатки, шейные платки и тому подобное, чего наберется не менее, как на 500 рублей. Теперь вообразите: жалованья я не получаю и 500 рублей[1]. Если присовокупить к сему и получаемое мною иногда от журналистов, то всего выйдет 600; шутка ли? Это мне выходит, и стает всё на одно только платье, сапоги, шляпу и вообще касающееся до одеяния. Где же теперь мне взять 100 рублей в месяц каждый на свое содержание? Занявшись же службой так как следует, я не в состоянии буду заниматься посторонними делами. Хорошо, что я еще имел всё это время такого редкого благодетеля, как Андрей Андреевич. До сих пор я жил одним его вспомоществованием. Доказательством моей бережливости служит то, что я еще до сих пор хожу в том самом платье, которое я сделал по приезде своем в Петербург из дому, и потому вы можете судить, что фрак мой, в котором я хожу повседневно, должен быть довольно ветх и истерся также

[1] жалованья я получаю только до 500 рублей

не мало, между тем как до сих пор я не в состоянии был сделать нового, не только фрака, но даже теплого плаща, необходимого для зимы. Хорошо еще, я немного привык к морозу и отхватал всю зиму в летней шинели. Деньги, которые я выпрашивал у Андрея Андреевича, никогда не мог употребить на платье, потому что они все выходили на содержание, а много я просить не осмеливался, потому что заметил, что я становлюсь уже ему в тягость. Он мне несколько ⟨раз⟩ уже говорил, что помогает мне до того времени только, пока вы поправитесь немного состоянием, что у него есть семейство, что его дела также не всегда в хорошем состоянии. И вы не поверите, чего мне стоит теперь заикаться ему о своих нуждах. Теперь, в добавку, он располагает ехать в мае месяце совсем из Петербурга. Что мне делать в таком случае[1]? Вы бы не худо однако же сделали, почтеннейшая маминька, если бы написали к нему письмо, в котором бы выразили ему в самых живейших и трогательнейших словах свою благодарность и вместе сказали бы ему, что я в своих письмах к вам не могу нахвалиться его ласками и его благодеяниями, беспрестанно мне оказываемыми. Пусть по крайней мере не думает обо мне, что я неблагодарен. Теперь остается мне спросить вас, маминька: в состоянии ли вы выдавать мне[2] в месяц каждый по 100 рублей? Но, сделайте милость, говорите точную правду; если это будет не по состоянию вашему, если чрез это вы принуждены будете отказывать себе в необходимом, о! в таком случае я решусь пожертвовать всеми выгодами службы, решусь бросить Петербург, где может быть я бы составил себе счастие, удалюсь куда-нибудь в провинцию[3], где бы содержание мне не стоило так дорого, короче — всё сделаю, на что только возможно решиться, лишь бы не навесть новых огорчений[4] и забот вам! Но боже вас сохрани, великодушная моя маминька, если вы скажете мне, что в состоянии, и между тем необыкновенных усилий и отказов во всех необходимых потребно-

---

[1] делать теперь [2] *Далее начато*: в вспоможение к моим [3] в глушь [4] горестей

стях это будет стоить вам[1]: в таком случае ваше вспомоществование обратится мне в едкое мучение; я буду почитать себя преступником, который тучею беспокойств помрачает и сокращает драгоценные дни ваши.

Все посылки ваши получил и не могу возблагодарить достойно за них вас.[2] В них я видел новые знаки ваших нежнейших забот обо мне и живейшее старание снабдить меня всем нужным. Приношу благодарность тетиньке Катерине Ивановне, которая решилась пожертвовать временем — собрать для меня несколько любопытных песен; но драгоценейшие из них есть, однако ж, списанные вами две запорожские. Благодарю также Лукерью Фед.<оровну> и Марью Бор.<исовну> за их участие, жаль только, что в <не>которых местах рука так неразборчива, что я до сих пор многого не разобрал.

Вы писали мне, что не совсем довольны моим планом дому, а именно, что я не выставил пристроек, и чрез то девичью комнату по моему плану вы находите слишком малою. На это я могу отвечать, что в нынешнем вашем доме, в котором вы живете, и девичья, и детская, всё вмещается в одной комнате, которая часто служит сверх того туалетом для сестры и для вас, и потому я полагал, что небольшой особой комнаты довольно будет для девичей, — тем более, некоторые из них должны сидеть и в детской комнате и в Машинькиной, через это предполагал и сбережение лесу <и> издержек за работу, которые, по словам вашим, немаловажны: 500 р. за одну только приделку небольших, маловажных пристроек — за одну плотническую работу. Эта цена даже здесь в Петербурге не назвалась бы дешевою. Впрочем, может быть, теперь у нас работники вздорожали, я этого не знаю, мне бы казалось только, что гораздо лучше своими снять мезонин и укрыть крышу, а особливо, если случится у вас архитектор. Пристройка же небольшая с мудростью одного десятка мужиков[3] может уладиться.[4] Во многих местах Европы, а теперь и в России, в тех стра-

---

[1] вам *вписано.* [2] *Далее начато:* Из них [3] одного мужика [4] *Фраза вписана.*

нах, где мало лесов, употребляют для постройки домов особенный состав, которого главную часть составляет глина. Видевши собственными глазами производство таких строений, я не мог надивить⟨ся⟩ красивости и прочности их; пожары, бывающие гибельными для каменных строений, ничего не могут сделать над построенным из этого состава, потому что глина от огня не разрушается, а делается крепче еще. С радостию сообщил бы я описание производства, но знаю, что наши мужики не поймут и, напроказивши, назовут еще негодным это изобретение; притом его нужно видеть самому.

Теперь везде стараются распространять засевание картофеля, польза которого так очевидна, что я бы советовал попробовать вам в небольшом количестве. В других странах прекратили засевание хлеба и сеют только картофель. Вы хотите знать пользу его? она многочисленна: во-первых, картофель в миллион раз родится более всякого хлеба, во-вторых, на картофель никогда не бывает неурожая[1]: он не боится ни засухи, ни граду, ничего. Употребление же его тоже многоразлично. Из муки делаются недурные хлебы, особливо с примесью четвертой доли другого хлеба, из картофеля делается отличный крахмал, несравненно лучше пшеничного, но самое главное, что из картофеля выходит горелка, не уступающая делаемой из жита, и доходит до 22 градусов. Муки, по расчислению практиков, картофельной выходит с одной десятины столько, сколько из двадцати десятин другого хлеба; доход с одной десятины полагают простирающимся до 500 рублей. Это статья, кажется, такая, которою бы стоило позаняться. С картофеля делают вино таким образом: сваривши картофель, растирают его и наливают на него теплой воды вдвое больше количеством против картофеля, дать сему затору притти в брожение, для ускорения коего прибавить немного солоду и пивных дрожжей. Когда всё это придет в совершенное брожение, то перелить сию брагу в куб, из которого и получится вино от 20 до 22 граду-

---

[1] неурожаю

сов. Сделайте из него хоть одно ведро на пробу и напишите, будет ли что-нибудь у вас из него.

В самое это время, когда я хотел окончивать письмо мое к вам, посетил меня начальник мой по службе, с не совсем дурною новостью[1], что жалованья мне прибавляют еще двадцать рублей в месяц. Итак я снова спрашиваю вас, маминька, можете ли вы мне высылать по 80 рублей в месяц (исключая мая, за который мне необходимо нужно 100[2]). Уменьшение, правда, маловажное, но по крайней ⟨мере⟩ утешительно тем, что меня замечают; это дает мне право надеяться, что не будет ли еще прибавки к новому году. Но впрочем, если не в состоянии высылать мне по такой сумме, то, сделайте милость, не затрудняйте себя. Я повторяю снова, что буду почитать себя причиною всех горестей и беспокойств. Я уже совещался здесь и насчет моего намерения переместиться в провинцию, но признаюсь, боже сохрани если доведется ехать в Россию. По-моему, ежели ехать, так уже ехать в одну Малороссию. Но признаюсь, если рассудить, как нужно, то, несмотря на мою охоту и желание ехать в Малороссию, я совершенно потеряю всё, если удалюсь из Петербурга. Здесь только человеку достигнуть можно чего-нибудь; тут тысяча путей для него; нужно только употребить терпение, с которым можно-таки дождаться своего.

Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вам один, который, по важности своих статей, почитается здесь лучшим и который достается мне даром, по причине небольшого моего участья в издании его. Каждый месяц выходит книжка, которую я буду немедленно препровождать к вам. Посылаю вам также нововышедший роман, подаренный мне самим автором.

Простите, добрейшая[3] из матерей и попечительнейшая, за мои вечно наносимые неприятности вам. Чего бы я не дал, чего бы не сделал, чтобы избавить вас от них! Извините, что так дурно и неразборчиво пишу. Рука у меня

---

[1] с приятною новостью [2] за который я не получу еще прибавки
[3] Простите меня [достойнейшая] привязаннейшая

обовязанна[1] и разрезана разбитым стеклом, боль мешает мне более писать. До следующего письма. Простите. Очень жалею, что не в силах более написать вам о нужных предметах, которые я хотел-было сообщить в вашем письме, теперь откладываю.

Ваш до гроба послушный и нежно вас любящий сын

Н. Г. Я.

ПРИХОД и РАСХОД
за
ДЕКАБРЬ 1829 и ЯНВАРЬ 1830.

Декабрь.

Приход.	Расход.
Получено от его превосходительства Андрея Андреевича . . . . . 150 р.	За квартиру . . 25 р.
Итого . . . . . 150 р.	На стол . . . . 25 р.
Жалования в этот месяц не получил, по причине вычету за переименование в чин, на инвалидов, на госпиталь и проч.	На дрова . . . . 7 р.
	На свечи . . . . 3 р.
	Водовозу . . . . 2 р.
	На чай, сахар и хлеб . . . . . 20 р.
	В библиотеку для чтения . . . . 5 р.
Прежних оставалось . 20 р.	На сапоги . . . 10 р.
	Прачке . . . . 5 р.
	На содержание человека . . 10 р.
	Куплено ваксы на 1 р. 50 к.
	Итого . . 113 р. 50 к.
	Кроме того за мытье полов заплачено . . . . . 1 р. 50 к.
	На лекарство . . 3 р. 70 к.
	На цирульника . 1 р. 50 к.
	Итого . . . . 6 р. 70 к.

[1] *Далее начато:* по прич⟨ине⟩

Январь.

Приход.		Расход.	
Получено жалованья за м. январь	30 р.	За квартиру . . .	25 р.
От Андрея Андреевича полученных осталось	50 р.	На стол	25 р.
Выручил за статью, переведенную с французского: О торговле русских в конце XVI и начале XVII века, для Северного Архива . . .	20 р.	На дрова	7 р.
		На сахар, чай и хлеб	20 р.
		На свечи	3 р.
		Водовозу	2 р.
		За перчатки заплачено	3 р.
		Прачке	5 р.
		На содержание человека	10 р.
		За два носовых платка	2 р. 50 к.
		На мелкие издержки, как-то: извозчикам, цирульникам и проч. потреблено . . .	5 р.
		На подтяжки . . .	4 р.
Итого	100 р.	Итого . . .	111 р. 50 к.
		В баню	1 р. 50 к.

99.

М. И. ГОГОЛЬ.

1830, июня 3. С. Петербург.

До сих пор не могу притти в себя после прочтения письма вашего, великодушная маминька; в изумлении перевертываю его в руках и не умею назвать того странного впечатления, которое произвело оно во мне. Как! столько пожертвований, с таким самоотвержением, и для кого? для того, который до сих пор не доставил вам ни одного еще утешения, не только помощи... Столько беспокойств, столько душевных тревог; столько печалей, и всё об ком?..

Безумец! как я мог в часы когда неудачи и несчастия подавляли меня, как я мог в эти часы отчаиваться и изливать желчь на весь мир, когда есть одно существо, ангел со всеми ангельскими совершенствами, который любит меня со всеми моими слабостями, которому одному только моя жизнь дороже всего на свете — и я мог, в полном избытке счастия, почитать себя несчастливейшим! Но как назвать того, который за всю эту безграничную любовь платит черною неблагодарностью, причиняет беспрестанно новые заботы и наводит целые тучи огорчений? Я не в состоянии выдумать ему приличного названия, но положения этого несчастливца я не пожелал бы и злейшему врагу: состояние души его ужасно. Одно только заставляет меня терпеть и покорствовать, что верно бог, пославший мне такое редкое благо в этом мире, имеет обо мне особенное свое попечение...

Чтобы не оставлять вас в недоумении обо мне насчет службы и прочего, я буду отвечать на письмо ваше по пунктам. Служу я еще только третий месяц в департаменте уделов, находящемся в ведении министерства двора. Главный начальник мой — вице-президент департамента, гофмейстер Л. А. Перовский. Начальник отделения мой, от которого я непосредственно завишу (я нахожусь во 2-м отделении) В. И. Панаев, человек очень хороший, которого в душе я истинно уважаю; если же вы хотите знать и столоначальника, которого должность не велика однако ж и который мало надо мною влияния имеет, то фамилия его Д. И. Ермолов, человек впрочем недурной и не без воспитания.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов вообще о службе. Вы говорите, почтеннейшая маминька, что многие приехавшие в Петербург, сначала не имевшие ничего, жившие одним жалованием, приобрели себе впоследствии довольно значительное состояние единственно стараниями и прилежанием по службе и приводите в пример Гежелинского. Я вам сотню сам приведу примеров таких людей, которые точно, не имея ни гроша, приобрели впоследствии многое; но вспомните, к какому времени это

относится, когда протекало их поприще службы. Зачем вы не приведете в пример хотя одного такого, который бы в нынешнее время, то есть, в последнюю половину царствования Александра и в продолжение царствования Николая приобрел богатство по службе? В этом-то и дело, что не те времена. Это вам скажет всякий служащий в столице. Тогда, особливо в царствование блаженной памяти Екатерины и Павла, сенат, губернские правления, казенные палаты были самые наживные места. Теперь взятки господ служащих в них гораздо ограничены; если же и случаются какие-нибудь, то слишком незначительны и едва могут служить только небольшою помощью к поддержанию скудного их существования. В департаментах же министерств служба несколько более еще облагорожена. Прежде человеку, прослужившему несколько лет верою и правдою, в награждение давали целые поместья, душ тысячу и более крестьян; теперь же вы сами знаете, этого ничего не дают уже. Стало быть, вы спросите, теперь никаких нет выгод служить? Напротив, они есть, особливо для того, кто имеет ум, знающий извлечь из этого пользу, предположивший впереди себе мету, ставши на которую, он в состоянии дать обширный простор своим действиям, сделаться необходимым огромной массе государственной; этот ум должен иметь железную волю и терпение, покамест не достигнет своего предназначения, должен не содрогнуться крутой, длинной — почти до бесконечности и скользкой лестницы, должен не упускать из виду малейшего обстоятельства, кажущегося посторонним, но способствующего сколько-нибудь к повышению его, должен отвергнуть желание раннего блеска, даже пренебречь часто восклицанием света: „Какой прекрасный молодой человек! как он мил, как занимателен в обществе!“ Никакое желание[1] рассеяния, забав и развлечений всякого рода не должно останавливать его; он может казаться занимающимся ими, но не на самом деле.

---

[1] Никакое постороннее желание

Те, которым не дан в удел этот многосторонний, деятельный ум, ограничиваются тем, что, выслужив узаконенные 35 лет, выходят в отставку и получают полный пансион, равный получаемому ими в последний год жалованию; этот пансион достаточен для прокормления их до смерти; впрочем участь этих людей мне не завидна. Служить, не имея другой цели, как только той, чтобы получить пансион, небольшое благо[1]. Я и доныне того мнения[2], что человеку стоит только захотеть, чтобы получить, если то, что он захочет, возможное; разумеется, что здесь подразумевается терпение и неколебимость.

Через год, а может быть, и ранее, надеюсь я получить штатное место. Это составляет покаместь единственное мое желание, и получение его будет для меня неизъяснимою радостью, потому что освободит от тягостной обязанности получать от вас вспоможения, когда оно вам более всего нужно.

Не думайте, почтеннейшая маминька, что я нерадиво занимаюсь своею должностью. Вы это заключаете из того, что мне прибавки произошло всего только 20 рублей в месяц; но не думайте, чтобы 240 рублей в год приращения было маловажно для меня. По месту мною занимаемому я не могу, хотя бы и из кожи лез, получить более. Литературные мои занятия и участие в журналах я давно оставил, хотя[3] одна из статей моих доставила мне место, ныне мною занимаемое. Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю свой обширный труд. Надеюсь, что вы попрежнему, почтеннейшая маминька, не оставите иногда в часы досуга присылать все любопытные для меня известия, которые только удастся собрать. Не могу изъяснить моей благодарности любезной моей сестрице Машиньке, которая так много трудилась для меня в этом деле и которой прекрасные качества узнаю я с каждым разом более. Пусть однако ж она не думает, что я до такой степени неблагодарен, что забываю о ней. В письме моем, принося бла-

[1] небольшая карьера [2] Я и доныне той цели [3] *Далее начато:* из одной

годарность даже Лукер.<ье> Фед.<оровне> и Мар.<ье> Бор.<исовне> я не помянул о ней ни слова, потому, что хотел писать к ней особо. И для этого-то самого я и теперь в письме вашем не пишу ничего, относящегося к ней.

Несмотря на все старания свои, я[1] не мог, однако ж, иметь никакой возможности переехать на дачу. Судьба никаким образом не захотела свесть меня с высоты моего пятого этажа в низменный домик на каком-нибудь из островов. Необходимости должно повиноваться, но я всячески стараюсь услаждать свое заключение. Мне советуют делать сколько можно больше движения, и я каждый почти день прогуливаюсь по дачам и прекрасным окрестностям. Нельзя надивиться, как здесь приучаешься ходить: прошлый год, я помню, сделать верст 5 в день была для меня большая трудность, теперь же я делаю свободно верст 20 и более и не чувствую никакой усталости. И это здесь вовсе не удивительно, всякой этим может похвалиться. В 9 часов утра отправляюсь я каждый день в свою должность и пробываю там до 3-х часов, в половине четвертого я обедаю, после обеда в 5 часов отправляюсь я в класс, в академию художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить, — тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней, и все они кроме труда и старания ничего не требуют. По знакомству своему с художниками, и со многими даже знаменитыми, я имею возможность пользоваться средствами и выгодами, для многих недоступными. Не говоря уже об их таланте, я не могу не восхищаться их характером и обращением; что это за люди! Узнавши их, нельзя отвязаться от них навеки, какая скромность при величайшем таланте! Об чинах и в помине нет, хотя некоторые из них статские и даже действительные советники. В классе, который посещаю я три раза в неделю, просиживаю два часа; в семь часов прихожу домой, иду к кому-нибудь из своих знакомых на вечер, — которых у меня таки не мало. Верите ли, что одних однокорытников моих из Нежина до 25 человек. Вы, может быть, думаете,

[1] *я до сих пор*

что такое знакомство должно быть в тягость — ничуть, это не в деревне, где обязаны угощать своих гостей столом или чаем. Каждый у нас ест у себя, приятелей же и товарищей угощают беседою, которою всякой из нас бывает вполне доволен. Люди различных характеров, разного темпераменту всегда найдут об чем поговорить, поспорить и образнообразить свой разговор. Три раза в течение недели отправляюсь я к людям семейным, у которых пью чай и провожу вечер. С 9 часов вечера я начинаю свою прогулку, или бываю на общем гуляньи, или сам отправляюсь на разные дачи; в 11 часов вечера гулянье прекращается, и я возвращаюсь домой, пью чай, если нигде не пил (вам не должно показаться это поздним: я не ужинаю), иногда прихожу домой часов в 12 и в 1 час, и в это время еще можно видеть толпу гуляющих. Ночей, как вам известно, здесь нет; всё светло и ясно, как днем, только что нет солнца. Вот вам описание моего летнего дня; всячески стараюсь я лучше провесть его, но всё почти вспоминаю за каждым разом деревню. Воздуху здесь нет настояще деревенского; весны совсем нельзя заметить; самые растения утратили здесь свой запах, как пересаженные насильственною рукою на неродную им почву; всё лето и весна продолжаются здесь только три месяца; остальными девятью месяцами управляют деспотически зима и осень. Удовольствия, которые имею я здесь, все почти состоят из упомянутых, и потому не стоят мне ничего. Всякая копейка у меня пристроена, и малейшее исключение уже причиняет расстройство всему моему регулярному ходу издержек.

Но я, кажется, еще не на все пункты ваши ответил. Все распоряжения, сделанные вами касательно построек, очень хороши и отличаются всегдашнею вашею предусмотрительностью и благоразумием, касательно же моего мнения разводить картофель, если она у нас мало родит, то об этом нечего думать; не советую даже и водки из него делать, потому что это в таком только случае, когда картофлю несравненно большее множество, нежели хлеба.

Еще едва было не позабыл отвечать на один ваш запрос [1], который повергнул меня еще в большее удивление, нежели вас: до сих пор не могу постичь, отчего произошло ваше недоумение и беспокойство, услышавши, что я обрезал стеклом себе руку (еще бы ничего, если бы кинжалом, ножом или другим каким орудием). Не представлялось ли вам, почтеннейшая маминька, что я где-нибудь на вакхической пирушке, в припадке излишней веселости, вздумал колотить рюмки и бутылки, или, чего доброго, не пожелалось ли мне пролезть куды-нибудь в окошко? Ничего не бывало; я стал ломать стекло в намерении выгладить им палочку для кисти своей и обрезал большой палец, который чрез то помешал моей приятной обязанности продолжать письмо далее — вот и всё.

Посылаю вам следующий № журнала, разрезавши который, найдете вы в листах его письмо это, хитрость, которую я сделал, во избежание двойного платежа и за письмо, и за посылку, между прочим, как мне то и другое стало столько же, сколько одно письмо.

Предуведомляю вас, что в этой книжке, равно и во всех последующих, вы не встретите уже ни одной статьи моей. Занятий моих литературных хотя я и не прекратил, однако ж как они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, как по истечении довольно продолжительного времени. Рекомендую вам прочесть описание Полтавы господина Свиньина, в котором я, хотя и природный жилец Полтавы, много однако ж нашел для меня нового и доселе неизвестного.

Целуя ваши ручки, остаюсь вечно благодарным и послушнейшим сыном

Николай Гоголь.

Бабушкам, дедушке поклон; всех домашних обнимаю. Если Катерина Ивановна тетинька у нас, целую несколько раз ее ручки.

---

[1] на один ваш пункт

100.
М. И. ГОГОЛЬ.

СПб. Сентября 1-го д. 1830.

Никаким образом не могу постигнуть причины вашего молчания, почтеннейшая маминька. Вот уже скоро будет два месяца, как я не получаю от вас никакого известия. Ради бога, если вы имеете жалость к вашему сыну, которого всё счастие, всё благополучие заключается в вас, в доставлении вам утешения и минутного забвения ваших непрерывных забот, хотя одним словом, одной строчкой напишите, что вы здоровы, и я счастлив.

Два письма мои не имели никакого успеха совершенно. Из них вы знаете подробно уже о моей службе и ежедневных занятиях. Андрей Андреевич был так милостив,[1] видя нужду мою, что оказал мне помощь, какой только можно было ожидать от добрейшего родственника. С июня месяца, т. е. с тех пор, когда я не получал ничего уже от вас, я пользовался его благодея⟨нием⟩: на три месяца он мне выдал сумму, какую следовало бы мне получить от вас. Следовательно за прошедшие месяцы июнь, июль и август[2] вам нечего беспокоиться. Завтра, или послезавтра Андрей Андреевич уезжает отсюдова, и потому вчера дал еще мне и на первую половину сентября.

Служба моя идет очень хорошо; начальники мои все прекрасные люди. Всего только четыре месяца, как я служу,[3] а получил на днях уже штатное место, до которого многие по пяти лет дослуживаются, иные даже по десяти, а всё не получают. С нового года надеюсь получать 1000 рублей жалованья, а до того времени должен буду еще беспокоить вас, великодушная маминька. Всего в этом году следует вам выслать мне 300 рублей, которые можно разделить на два куша.

Часто большие неудобства встречаются иногда от замедления присылки, и тогда принужден я бываю продавать за

---

[1] *Далее начато:* что [2] июнь, июль и август *вписано.* [3] *Далее начато:* и имею

бесценок самонужнейшие вещи, которых приобретение становится впоследствии мне несравненно дороже.

Но нужнее всего теперь для меня письмо ваше. Оно одно доставит мне удовольствие и заставит забыть и крайность, и нужду, и голод, и все неприятности в свете. Ради бога, не мучьте меня более, несравненная маменька. Одна строчка ваша — и я благополучнейший человек.

Н. Гоголь-Янов<ский>

Я пишу так несвязно и мало [1], и неудовлетворительно, что вы, без сомнения, не будете довольны; но теперешнее письмо мое есть выражение душевных беспокойств.

Тебя прошу, моя бесценная сестрица Машенька, если маминьке недосуг или, может быть, за хлопотами недостает времени, написать мне поскорее слова два, что я бы знал по крайней мере, что вы здоровы. Прощай, бесценный друг мой!

Твой брат Н. Г.<оголь->Яновский.

101.
М. И. ГОГОЛЬ.

1830 года. Сентября 29-го дня. С.-Пбург.

Письмо ваше, бесценейшая маминька, пущенное вами от 11-го сентября, я сегодня получил и спешу сегодня же отвечать вам. Ни с чем не могу сравнить того чувства, которое наполнило меня, когда увидел вашу собственную руку. Слава богу, вы здоровы; к полному моему удовольствию недостает, чтобы сестрица, милая моя Машенька, освободилась совершенно от своей болезни. Мне кажется, что ей причиняет часто болезнь и то, что она иногда горюет. Ради бога, отгоняйте от себя всякое горе. Мне верится, что бог особенное имеет над нами попечение: в будущем я ничего не предвижу для себя, кроме хорошего. Деньги, присланные вами, я принимаю за сентябрь, октябрь и ноябрь; прежние

[1] и неразб<орчиво>

же месяцы, благодаря редкому, добрейшему нашему благодетелю Андрею Андреевичу, прожил я его деньгами. Я вам уже писал (если вы получили письмо мое, писанное в сем месяце), что получил штатное место, что составляет довольно редкий случай получить так скоро. Жалованья мне хотя и не прибавили, однако ж обнадеживают, что с нового года дадут, и потому в следующем году я надеюсь получить от вас половину назначенной мною суммы, и это, с надеждою на бога, полагаю, будет последний год, в который получу от вас[1] вспоможение, а там надеюсь быть полезным и вам. Всё мне идет хорошо. Ваше благословение, кажется, неотлучно со мною. Прошу только вас не давать поселяться в сердце вашем беспокойству насчет меня. В письме вашем между прочим беспокоитесь, что квартира моя на пятом этаже. Это здесь не значит ничего, и, верьте, во мне не производит ни малейшей усталости. Сам государь занимает комнаты не ниже моих; напротив, вверху гораздо чище и здоровее воздух. Начальники мои действительно хорошие люди, и я ими весьма доволен. Не будете ли видеться с Шамшевыми? Они хорошо знакомы с Панаевым и ведут с ним переписку. В таком случае не мешало бы, если бы они упомянули и обо мне. Это, я думаю, ускорило бы мне прибавку жалованья. Словца два-три от хороших людей всегда не помешают.

Новостей у нас в столице нет почти никаких. Погода испортилась, дождлива и сыра. Лейб-гвардии Измайловский и Конный полк праздновали на днях столетнее свое существованье. Праздник был блистательный; все офицеры, которые когда бы то ни было служили в этих полках, в полных мундирах присутствовали при нем, и солдаты, в первый раз, может быть, от роду, пили шампанское. С 23-го сентября Академия художеств открыла выставку произведений своих за три прошедшие года. Это для жителей столицы другое гулянье: около тридцати огромных зал наполнены были каждый день до 27 числа толкающимися взад и вперед мужчинами и дамами, и здесь встречались такие, которые года по

[1] в который я попрошу у вас

два не видались между собою. С 27 числа Академия открыта и для простого народа.

Свидетельствуя заочно мое почтение и мою признательную любовь дедушке, бабушкам и обнимая милую мою сестрицу, с желанием ей совершенного здоровья, остаюсь вечно вас любящим

и послушнейшим сыном Н. Гоголь-Я.

Всем нашим знакомым свидетельствую мое почтение и посылаю поклон; маленьких сестриц целую мысленно.

Позвольте при сем поздравить вас, бесценнейшая маминька, с наступающим днем ангела вашего и пожелать всегдашнего здоровья, спокойствия душевного и счастия. Я же прошу у бога дать мне силы и возможность доставить вам утешение, которого так долго вы от меня не имели еще.

102.
М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1830⟩ Октября 10.

Посылаю вам, бесценнейшая маминька, три следующие книжки Отечественных Записок, в них однако ж, выключая разве некоторых, мало занимательных статей. Предупреждаю[1] вас, чтобы и не искали там чего-нибудь моего, потому что я уже с давнего времени не участвую в сем журнале, как потому во-первых, что занятия мои по службе увеличились, так и потому, что мной в остающееся мне свободное время овладевает общая всем почти малороссианам проклятая лень, с которой доселе я был в непримиримой вражде и которая, кажется, ныне смеется над моим усилием преодолеть ее. Наконец наш добрый благодетель Андрей Андреевич выехал к крайнему моему сожалению из Петербурга в прошлую середу, 8-го числа сего месяца. Теперь никого близкого мне не осталось: здешних знакомых как-то всё почитаешь чужими, и потому-то мне вдвое грустнее показалось после их отъезда. Прибегнуть в случае нужды не

[1] Предупреждаю однако же

к кому, узнать об вас в случае вашего по какому-нибудь случаю молчания не от кого; это одно опечаливает меня.

Без сомнения вам известно, что Андрей Андреевич поехал не на Москву, как прежде думал, но на Киев и намерен зимовать в Кагорлыке. Печалит меня еще слишком болезнь моей доброй сестрицы Машеньки.

Ради бога, милая сестрица моя, береги свое здоровье, старайся сколько можно отдалять от себя печальные мысли и воображай себе беспрестанно так, как я, что они таки придут, те благословенные времена, когда мы будем снова все вместе и уже в полном довольстве, когда ты увидишь не того причудливого и своенравного брата[1], который так часто оскорблял тебя, но кроткого, признательного, которого нужды и опыт переродили совершенно и сделали другим человеком, и мы тогда станем вместе служить нашей несравненной, единственной маминьке, предупреждая малейшие желания; и, может быть, бог милостив, он верно нам поможет в том — доставим утешения и истребим у нее из памяти те годы печалей, которые наносил я чувствительному ее сердцу. Ты верно, бесценная моя сестрица, напишешь мне несколько слов о себе, чтобы я удостоверился в твоем здоровье. Давно уже я не получал от тебя писем.

103.

М. И. ГОГОЛЬ.

Декабря 19 дня, 1830 ⟨Петербург⟩.

Чувствительно благодарю вас, почтеннейшая маминька, за присланные вами деньги сто рублей. Верьте, что я знаю им цену: могу ли я что-либо из них употребить на ненужное, когда на каждой из сих ассигнаций читаю я те величайшие труды, с которыми оне достаются вам. Давно уже меня занимает одна и та же мысль — доставить вам в этом отношении облегчение. Мои удвоившиеся труды, мои успешные занятия и лестное внимание ко мне, — всё заставляет

[1] брата *вписано.*

меня думать, что участь моя к моему и вашему удовольствию переменится, и в наступающем 1831 году, с которым заблаговременно поздравляю вас, желая счастия и всегдашнего здоровья, предвижу я для себя много хорошего. Будьте спокойны на мой счет и не слушайте никаких глупостей, разносимых ничтожными людьми. Прежде нежели вы решитесь верить человеку, рассмотрите наперед его внимательнее, достоин ли он того, чтобы верить ему. Человека, о котором вы говорите, я довольно хорошо знаю, хотя никогда не бывал коротко знаком с ним. О моих *великих дарованиях* и о *добром сердце* он не имеет никакого права говорить: о первых он не имеет понятия, второго не имел случая узнать. Если же он называет меня *чудаком*, потому что я избегал короткого обхождения с ним, то этакого чудака он должен встретить во всяком порядочном человеке. Занятий же у меня так много, что мне редко достается переговорить даже с теми людьми, которых я истинно уважаю, и потому мне некогда было уделять времени *собакам*. Но чтобы решиться сделать подобный глупый поступок с Кутузовым, для этого нужно быть человеком, просто сумасшедшим, или не получившим совершенно никакого образования. Если бы я даже не был знаком с Кутузовым, я бы и тогда не отказал ему в уважении, зная его достоинство и услуги, оказанные им своему отечеству. Если бы вовсе незнакомый человек поклонился мне, хотя бы даже это был простой ремесленник или слуга, я бы отплатил ему тем же, потому что этого требуют правила учтивости и вежливости. Мне очень больно, что я принужден вам говорить об этом человеке, потому что я не люблю расславлять худого про кого бы то ни было, но вы сами заставили меня. Я отвечал сначала молчанием на расспросы о нем[1] сестрицы моей и вовсе не хотел говорить о нем. Когда он у меня просил письма к вам,[2] при отъезде своем отсюда (где он так славно окончил карьер свой) я не дал ему, потому что в письме должен бы был рекомендовать вам его с хорошей стороны и впоследствии вы бы, может

[1] о нем *вписано*. [2] *Далее начато:* я ждал

быть, пеняли на меня, что я доставил вам такое знакомство. Теперь вы имеете случай узнать его сами и увидеть, что он за цаца.

Все эти сплетни от таких людей[1] мне столько же приносят неудовольствия, сколько может принесть его неважное[2] ни для кого происшествие. Но мне больно то, что вы сами, маминька, обо мне говорите худое. Я здесь разумею письмо ваше, писанное вами пред этим. Вы мне приписываете те сочинения, которых бы я никогда не признал своими ни за какие деньги. Зачем марать мое доброе, еще не запятнанное ничем имя? Если вы так мало знаете меня, что нашли в этих сочинениях мой дух, мой образ мыслей, то вы слишком худого мнения обо мне. Неужели я заслужил его от вас? Вы бы по крайней мере обратились к какому-нибудь человеку, которому известен ход нашей литературы; тот бы вам сказал, что отрывки из комедии *Светский Быт* были помещаемы три года назад тому, когда я был еще в Нежине, в журналах и альманахах, с полною подписью автора: *Павел Свиньин,* от которого я получил и роман *Якуб Скупалов*. Сфера действия этого романа во глубине России, где до сих пор еще и нога моя не была. Если бы я писал что-нибудь в этом роде, то верно бы я избрал для этого Малороссию, которую я знаю, нежели страны и людей, которых я не знаю ни нравов, ни обычаев, ни занятий. Но главное скажите: встретили ли вы хотя одну мысль, хотя одно чувство, принадлежащее мне? Третью же, самую глупейшую статью я принужден был теперь только прочитать нарочно. Что вы нашли моего в этом *Лоскутке бумаги?* и я, посвятивший себя всего пользе, обработывающий себя в тишине для благородных подвигов, пущусь писать подобные глупости, унижусь до того, чтобы описывать презренную жизнь каких-то низких тварей, и таким площадным, вялым слогом, буду способен на такое низкое дело, буду столько неблагодарен, черен душою, чтобы позабыть мою редкую мать, моих сестер[3], моих родственников, жертвовавших для меня

[1] от таких людей *вписано.* [2] ничтожное [3] мою сестру

последним, для какой-нибудь девчонки. Даже имя, подписанное под этой статьею, не похоже на мое — там, если не ошибаюсь, написано: В. Б — в. Зная, что вы мне не поверите без доказательства (я не знаю, чем я утратил ваше ко мне доверие; я вам говорил, что вы не встретите в посылаемом вам журнале ничего моего, вы мне не поверили), я старался всеми силами узнать имя автора этой пьесы, и наконец узнал, что с моей стороны и не хорошо, потому что автор сам, может быть, чувствовал глупость этой статьи и не выставил полного своего имени, а я принужден объявить: это некто *Владимир Бурнашев,* служащий здесь, говорят, даже хороший молодой человек.

Но чувствую, что я заговорился много об пустяках и мое оправданье походит даже несколько на выговор. Простите, великодушная моя маминька, оскорбленному некоторого рода самолюбию, которое таится у всякого человека и заставляет его защищать себя от часто несправедливо возводимых худых качеств. Верьте, бесценная маминька, единственный правдивый друг мой (я думаю, что я должен называть вас[1] другом; я думаю, никто в мире не счастливее меня, имея такое[2] неоцененное благо), что все мои желания, все мои мысли ограничиваются доставлением вам утешения и забвения всех угнетавших вас горестей.

С каковыми чувствами и пребуду[3] век вашим послушнейшим и нежно вас любящим сыном

Н. Гоголь.

Милая сестрица!

Благодарю тебя, друг мой, за твою приписочку и за воспоминание частое обо мне. Я не знаю только, почему ты думаешь, как о несбыточной вещи, о нашем свидании. Верь, милый друг мой, что мы непременно увидимся с тобою и раньше нежели ты думаешь. Если только я буду иметь возможность приехать домой к вам на свой счет, не доставя вам никаких издержек, то это будет мое первое дело

---

[1] извините, что называю вас [2] *Было начато:* имея такого [3] пребываю

и долг поблагодарить вас лично за ваши великодушные пожертвования для меня. Не могу тебе объяснить, как я рад счастью милой и доброй сестрицы нашей Александры Федоровны. От всей души желаю ей продолжение его на всю жизнь. Она его достойна по своей доброй, кроткой и прекрасной душе. Подарок мой, милая моя сестрица, носили ли бы его или нет, я всегда буду носить на себе, если тебе только вздумается прислать его.

Целую несчетно моих прелестных сестриц и горю нетерпением видеть их. Бабушкам, дедушке, всем родственникам, знакомым и всем, кто только помнит обо мне, поклон.

104.

М. И. ГОГОЛЬ.

Февраля 10 дни, 1831. СПб.

Письмо ваше, пущенное вами от 15-го генваря, я получил третьего дня; во всем, даже в требовании вашем уведомить о г. *Шостаке,* видна нежная ваша материнская заботливость обо мне, но, к величайшему сожалению, ваших приказаний в точности я не в состоянии теперь выполнить. Случай свел меня еще в начале прошлого 1830 года (в генваре или в феврале месяце, не помню) с одним из племянников Григория Ильича. От него узнавши о местопребывании его, я не замедлил навестить его. Он еще в то время был один из числа 7-ми откупщиков, взявших на себя город Петербург. Откупщики эти не получили никаких совершенно выгод; в разговоре однако ж со мною он старался не давать этого заметить. Мне странно только было найти в этом человеке, можно сказать, изжившем всю жизнь свою прожектами, черты юношеской неосновательности и то, что с своим, повидимому, добрым сердцем успел наделать столько неприятностей другим. После я узнал уже стороною, что он находился всё это время под арестом и ему запрещен был вовсе из дому выезд; бывшие с ним в коротких связях говорят, что он никогда даже не был

в хороших обстоятельствах и при редком счастии всегда бывал почти сам причиною его утраты. Впрочем один поступок тот, посредством которого он помог родным своим, извиняет его много. Удастся ли ему уберечь что-нибудь для детей? Долг у него в несколько раз превышает имение. Теперь я его не видал, потому что не мог отыскать: несколько месяцев, как он съехал с своей квартиры,— куда, зачем и как, никто не знает. Петербург взят на откуп в сем году какою-<то> Ост-Зейдскою компаниею.

Насчет дела г-жи Клименковой удовлетворительного ничего не могу сказать. Одна только сильная протекция могла бы сделать что-нибудь в ее пользу, но и то не в таких обстоятельствах, как ее нынешние. Вам, я думаю, известно, что комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками. Все они находятся едва ли до сих пор не под следствием; следовательно не только не в праве требовать себе пенсии, но даже могут ожидать неприятностей. Впрочем государь милостив. Если бы она нашла себе другой какой предлог требовать, может быть, тогда было бы это успешнее. В том или в другом случае не советуйте ей слишком надеяться и ожидать многого. Если и получит успех, пусть лучше успех этот будет для нее неожиданный. Ничего нет хуже и горестнее для человека несбывшихся надежд.

О себе скажу, что мои обстоятельства идут, чем далее, лучше и лучше: всё поселяет в меня надежду, что если не в этом, то в следующем году, я буду уже <иметь> возможность содержать себя собственными трудами; по крайней мере [1] основание положено из самого крепкого камня. Только я вас теперь сильно потревожу убедительной просьбой о присылке двух сот пятидесяти рублей. Это составит половину следуемой мне [2] суммы в нынешнем году (в теперешнем году мне нужно от вас получить только 500). В июне месяце попрошу у вас остальную половину, и это требование, надеюсь, <бу>дет последнее. Если вам

[1] *Далее начато:* тверд<ое> [2] требуемой мною

можно будет теперь собрать такую сумму, то я вас прошу усерднейше, почтеннейшая маминька, прислать мне их немедленно.

Письмо ваше меня обрадовало тем, что из него увидел я, что места наши, славу богу, благополучны. Верьте, что бог ничего нам не готовит в будущем, кроме благополучия и счастия. Источник их находится в собственном нашем сердце. Чем оно добрее, тем более имеет притязаний и прав на счастие. Как благодарю я вышнюю десницу за те неприятности и неудачи, которые довелось испытать мне. Ни на какие драгоценности в мире не променял бы их. Чего не изведал я в то короткое время? Иному во всю жизнь не случалось иметь такого разнообразия. Время это было для меня наилучшим воспитанием, какого я думаю, редкой царь мог иметь. Зато какая теперь тишина в моем сердце! Какая неуклонная твердость и мужество в душе моей! Неугасимо горит во мне стремление, но это стремление — польза. Мне любо, когда не я ищу, но моего ищут знакомства. Весь этот год будет более ничего, как только утвержение мое, укрепление на месте, обеспечение от всех нужд; и потому весь этот год я не могу и не должен даже на время оставлять поста своего, следовательно должен даже отложить надежду на радостное свидание с вами; но в следующем году вы прижмете к нежной материнской груди вашей жарко любящего вас сына

Н. Гоголя.

Мою бесценную сестрицу не знаю, как благодарить за ее подарок. Если со временем представится мне случай принесть благодарность существенную, то этот случай будет уже для меня неизъяснимая радость, а до того целуя ее несколько раз, желаю ей всего хорошего и главное — не изменяться в своих чувствах к вечно любящему ее брату.

Живите как можно веселее, прогоняйте от себя неприятности, по крайней мере не смущайтесь ими: всё пройдет, всё будет хорошо. Неужели вы не замечаете чудной воли высшей — всё это делается единственно для того, чтобы

мы более поняли [1] после свое счастие. Мысль моя всегда с вами. За чайным столиком, за обедом, я невидимкой сижу между вами [2], и если вам весело слишком бывает, это значит, что я втерся в круг ваш; и потому, если вы хотите побольше беседовать и быть со мною, вы должны непременно побольше веселиться.

Расцелуйте моими устами [3] всех трех моих красавиц сестриц, и попросите у них великодушного извинения за мою недогадливость до сих пор не прислать им даже к новому году подарка, за которую мстят [4] они до сих пор упорным молчанием.

105.

М. И. ГОГОЛЬ.

С.-Петербург. 16 апреля ⟨1831⟩.

Благодарю вас, добрая и почтеннейшая маминька, за присланные вами деньги. Чувствую, скольких трудов стоило вам собрать их, и заране радуюсь, предвидя впереди возможность несколько вознаградить вас. Я вам обещал в этом году потребовать от вас 500 рублей, как последние, после чего я уже не буду иметь права просить у вас. И это обещание выполнил бы непременно, хотя бы обстоятельства мои и не приняли теперешнего оборота. В июле месяце я ожидаю снова от вас двух сот пятидесяти рублей, после чего будьте совершенно спокойны. В 1832-м году буду иметь возможность приехать к вам, не принесши вам никаких издержек, а в 33-м, в свою очередь, помочь вам. Правда, долго, но нечего делать — нужно иметь твердость и терпенье всегда при себе.

Я было вздумал захворать геморроидами и почел ее бог знает какою опасною [5] болезнию. Но после узнал, что нет в Петербурге ни одного человека, который бы не имел её. Доктора советовали мне меньше сидеть на одном месте.

---

[1] более почувствовали [2] с вами [3] Целую [4] платят [5] опасною *вписано.*

Этому случаю я душевно был рад: оставить через то ничтожную мою службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, бог знает, за какое благополучие почел бы занять оставленное мною место. Но путь у меня другой, дорога прямее, и в душе более силы итти твердым шагом. Я мог бы остаться теперь без места, если бы не показал уже несколько себя. Государиня приказала читать мне в находящемся в ее ведении институте благородных девиц. [1] Впрочем вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода в том, что я теперь немного больше известен, что лекции мои мало по малу заставляют говорить обо мне, и главное, что имею гораздо более свободного времени: вместо мучительного сидения по целым утрам, вместо 42-х часов в неделю, я занимаю теперь 6, между тем как жалованье даже немного более [2]; вместо глупой, бестолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, занятия мои теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия. Осенью поступит ко мне Екатерининский институт и еще два заведения; тогда я буду занимать 20 часов и жалованья буду получать вчетверо более теперешнего. [3] Но между тем занятия мои, которые еще большую принесут мне известность, совершаются мною в тиши, в моей уединенной комнатке: для них теперь времени много.

Но я наскучил вам рассказами об себе. Человек, как, кажется, с виду ни исполнен самоотвержения, а всегда на деле эгоист, всегда охотнее заговаривается о себе самом... Всегда ли вы бываете здоровы? Ради бога, веселитесь побольше, это одно и самое верное лекарство против всех болезней. А мне кажется, в деревне, в домашнем кругу, столько можно найти удовольствий и веселости, каких не представит ни одна столица; нужно только уметь находить их. Труд, но только спокойный, полезный, без хлопот, суетливости и поспешности, всегда имеет неразлучную себе спутницу — веселость. Я не знаю, как могут люди жаловаться на скуку! Эти люди всегда недостойны названия людей.

---

[1] *Далее начато:* занят я теперь [2] между тем ~ более *вписано.*
[3] *Далее начато:* Чины идут

Я теперь, более нежели когда-либо, тружусь, и более нежели когда-либо, весел. Спокойствие в моей груди величайшее... Но я опять заговорил о себе. Опасайтесь как можно более людей, которые набиваются [1] сами помогать в хозяйстве, особливо если они успели запятнать себя дурными поступками, мотовством и совершенным незнанием хозяйства, несмотря на свою всегдашнюю хвастливость. Если у вас есть кому заняться на досуге, я бы очень желал иметь план нынешнего двора нашего, конюшен. Как приеду, ничего [2] не узнаю: всё новое для меня. План этот можно сделать просто карандашом, не наблюдая слишком точной верности [3]; также теперешний фасад дома. Какова-то, думаю часто [4], комната для моего приезда? Вы ничего не сказали о внутреннем убранстве дома, достоинство которого должна быть наивозможнейшая простота и дешевизна. Наши помещики большею частию заражены все каким-то восточным великолепием: держут кучу прислужников, покупают продукты, которые весьма можно заменить домашними, и дивятся, что не удаются им прожекты и новые предприятия, когда они между тем не умеют даже завести порядка в своем дворе и доме, не умеют сделать так, чтобы расход не превышал прихода. Это всё равно, если бы кто, сложив на живую нитку кое-как фундамент, начал бы на оном выводить огромные стены здания и после стал бы сердиться, что оно валится. О, домоводство великое дело! Я бы непременно послал многих помещиков учиться в Петербург. Они бы увидели, как всем огромным двором и домом управляет один человек, и всё в величайшем порядке; как знатные люди знают совершенно всё, что делается в имениях их, издерживают менее многих незнатных и в кругу своего семейства гораздо более находят удовольствия, нежели в клубах и балах. Не удивительно, что богатства их возрастают беспрестанно. Более всего удивлялся я уму здешних знатных дам (лестным для меня дружеством некоторых мне удалось пользоваться [5]). Они, можно сказать, еще вдвое образованнее

---

[1] берутся [2] ничего этого [3] никакой верности [4] часто сам про себя [5] Дружеством некоторых из них я пользуюсь

мужей своих. Никогда не думал я, чтобы [1] женщина (исключение я прежде делал для одних вас только), чтобы женщина могла иметь столько самоотвержения, столько любви к своим детям, чтобы, отказываясь от всех посещений и даже зазывов во дворец, посвящать и проводить с ними всё время. И это здесь делает большая часть из них. Я часто думаю, что, если бы одна из них решилась на время приехать в Малороссию пожить, [2] она бы тотчас прослыла гордою, недоступною, и никто бы не понял, какой драгоценный бриллиант переселился к ним. Нигде столько не скупы на знакомство, как здесь. Круг знакомых всегда бывает тесен; но зато знакомые все соединены между собою неразрывно, за то знакомые выбираются с величайшею разборчивостью, так чтобы ни один из них не был в тягость и каждый мог доставить приятное ⟨и⟩ полезное общество. Кстати о знакомых. Здоровы ли наши добрые соседи? Моя бесценная сестрица Мария, а также и сестрица Александра Федоровна [3], мои красавицы Лиза и Анна? Кажется, я когда-то писал вам известить меня о делах Пет. Фед. Цуревского. Пошел ли его завод в прок? Я чрезвычайно любопытен знать состояние земляков наших, которых беспрестанные разорения имений чрезвычайно трогают меня. Часто на досуге раздумываю о средствах [4], какие могут найтиться для того, чтобы вывесть их на прямую дорогу, и если со временем удастся что-нибудь сделать для нашей общей пользы, то почту себя наисчастливейшим человеком...

Ваш верный и послушный [5] сын Н. Гоголь.

Всем родным и знакомым поклон. Извините, что не присылаю книг теперь. При следующем письме надеюсь поправить этот пропуск. Сестрице Марии не пишу потому, [что должен бы был говорить о часто поминаемом ею в письме поляке, а они теперь люди подозрительные Адрес мой ⟨*3—4 нрзб*⟩ Институт благородных девиц ⟨*нрзб*⟩].

---

[1] *Далее начато*: а) у женщин высо⟨ко стоящих?⟩ б) у женщин све⟨тских⟩ [2] *Далее начато:* все бы [3] Мои бесценные сестрицы Марья Васильевна и Александра Федоровна [4] раздумываю и выдумываю средства [5] и послушный *вписано.*

106.
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

<1831 г. Петербург.>

То место еще не вакантное, как говорит Плетнев. Правда, инженер этот сначала отказывался по причине уменьшения ему жалованья, но после взялся снова. Впрочем, он ничего не знает про происшествие, случившееся с ним на днях; с своей же стороны рад всеми силами действовать в мою пользу. Но я не решился сегодня явиться по его совету к вашему генералу, потому что и неприятно и конфузно будет для меня, если объявит он мне о невозможности выполнить по этой причине моего желания. И потому я прошу тебя узнать, сколько можно пообстоятельнее, про это дело и если нельзя сегодня, то, по крайней мере, завтра уведомить меня.

Твой Гоголь.

На обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

107.
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

<1831 г.> <?> <Петербург.>

Заходи, пожалуста, ко мне, когда выйдешь из дому; мне хочется поговорить с тобою об одном деле, а между прочим и о том, о чем ты намекнул мне вчера, что меня очень интересует.

Гоголь.

На обороте: Данилевскому *от Гоголя.*

108.
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

<1831 г.> <?> <Петербург.>

Зная, что ты охотник до институток, посылаю тебе билет на сегоднишний и на завтрешний день. Подъезд

с Екатерининского канала, подле дома Шереметьева, с 10 часов. Для шинели лучше возьми Афанасия.

Гоголь.

На обороте: Александру Семеновичу — душечке бесстыднику. В доме Зверкова.

109.

М. И. ГОГОЛЬ.

28 апреля 1831. ⟨Петербург⟩

Примите радушно нашего Александра Семеновича. Это вестник о моем прибытии на следующий год.

Ваш сын Н. Гоголь.

110.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

⟨1831⟩ Мая 2-го ⟨Петербург.⟩

Вышла моя правда: Арендт совершенно забыл и об тебе и о твоей болезни, несмотря на то, что я был у него на другой день после твоего отъезда; и когда я сказал несколько слов о болезни твоей, он советовал написать к тебе, чтобы ехал скорее на Кавказ и следовал в точности предписаниям тамошнего доктора, который даст тебе все предуготовительные к тому средства. Пилюли же не почитает он нужным теперь по благорастворенности малороссийского воздуха и потому что — время для них прошло. Я до сих пор сижу еще на прежней квартире, и никакая новость и внезапность не потревожила мирной и однообразной моей жизни. Красненькой (эта вещь принадлежит тоже к внезапным явлениям) не показывался со дня отъезда твоего. С друзьями твоими, Беранжером и Близнецовым, случились несчастия. Первый долго скитался без приюта и уголка, изгнанный из ученого сообщества Смирдина

неумолимым хозяином дома, вздумавшим переделывать его квартиру. Три дня и три ночи не было вести о Беранжере; наконец, на четвертый день увидели на окошках дому графини Ланской (где были звери) Хозревов на белых лошадях, а бедный Близнецов сошел с ума. Вот что наши знания! На первый день мая по обыкновению шел снег, и даже твой Сом не показывался на улицу. Моя книга вряд ли выйдет летом: наборщик пьет запоем. Ну, как то принимают воина, приехавшего отдыхать на лаврах?

Не забудь ⟨рассказать⟩ подробно и обстоятельно, не выключая ни Савы Кириловича, ни Катерины Григорьевны, ни Марины Федоровны! Я думаю нами обеими не слишком довольны дома — мною, что вместо министра сделался учителем, тобою, что из фельдмаршалов попал в юнкера. Счастливец, ты пьешь теперь весну! а у нас что-то сырое, что-то холодное, вроде осени. Упомяни хоть слова два про нее в письме своем, чтобы я мог[1] хоть за морями подышать ею. Прощай. Адресуй Никол⟨аю⟩ Васи⟨льевичу⟩ Гоголю в Институт Патриотич⟨еского⟩ общества благород⟨ных⟩ девиц — потому что я еще не знаю, где будет моя квартира.

Мое нелицемерное почтение Василию Ивановичу и Татьяне Ивановне.

Твой Гоголь.

111.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1831⟩ 27 июня. Павловск.

Ради бога, порадуйте меня, маминька, хоть строчкой вашей руки. Я в совершенном недоумении и не знаю, что это значит, что не получаю до сих пор от вас письма. Вы упрекаете меня леностью, а между тем теперь я могу напомнить вам о ней. Нынешние всеобщие несчастия заставляют меня дрожать за бесценное здоровье ваше. Из-

[1] чтобы вспомнить⟨?⟩ хоть за глаза

вестите меня скорее! Холера теперь почти повсеместна, и наш Петербург не избежал от ней. Слава богу, что она теперь не так опасна, и здешние доктора весьма многих вылечивают. — У нас в Павловске всё спокойно, и я намерен не выезжать отсюда до тех пор, покаместь и в Петербурге не будет всё спокойно.

Прощайте, бесценная маминька, не забывайте, ради бога, всегда вас любящего сына, для которого ничего не может быть в мире дороже вашего здоровья.

Н. Гоголь.

Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так:

Его Высокоблагородию
Александру Сергеевичу Пушкину.
А вас прошу отдать Н. В. Гоголю.

112.
М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1831⟩ Июля 24. Павловск.

Вчера только я получил известие из Петербурга, что ко мне лежит на почте ваше письмо с деньгами. Это меня очень обрадовало. Слава богу, нет по крайней мере никакого сомнения, что вы здоровы. Но я всё очень жалею, что мне скоро не удастся читать его. Что же касается до денег, то меня терзает мысль, что накопление их стоило вам больших пожертвований. В самом деле, как подумаю, где теперь вам взять их, в нынешние крутые времена, то я желал бы лучше не получать их. Впрочем этого впредь, я думаю, и не случится. Теперь я обеспечен совершенно и не только не потребую от вас, но, может быть, современем соберу что-нибудь и для вас, а также и для сестры. В Петербурге холера, благодаря богу, прекращается. Там ее никто не боится; умирают очень, очень мало, и то собственною почти виною. Лечат ее необыкновенно хорошо. Выздоровевшие не могут нахвалиться нарочно устро-

енными для того больницами. Впрочем я до тех пор не приеду в Петербург, покаместь она совершенно там не прекратится. Обыкновенный и самый действительный способ лечения ее в Петербурге состоит в том, что больному дают как можно побольше пить теплого молока, и чем оно теплее, тем лучше.[1] Кроме того, многие вылечиваются, принимая белок яйца с прованским маслом. Над некоторыми же, особливо имеющими крепкое сложение и хороший желудок (следовательно это полезно для многих сурового сложения крестьян), оказывает[2] очень хорошее действие ложка воды с солью, сначала с самою горячею водою, потом постепенно теплее, теплее, наконец дается ложка соли с холодною водою; и с последним приемом больной совершенно выздоравливает.[3] Государь, как и всегда, оказывает обыкновенное свое присутствие духа и показывает наивеличайшую заботливость. Англичане, живущие в Петербурге, удивляют великодушием своим и заботливостью о больных.

Лето у нас чрезвычайно сухое, местами загораются леса даже. Впрочем сегодня[4] идет дождь, и я думаю, что весь август зато будет дождлив. Какое здесь лето! Нет и сравнения с вашим. Вот уже и осень. Зелень правда ярка, как никогда у нас весною; но зато воздух ничего не имеет в себе летнего. Уведомьте меня пожалуста о Данилевском. Я до сих пор не имею никакого известия о нем, со времени отъезда его из Петербурга. Скажите ему, что я рассорюсь с ним на веки, если не получу от него письма... Желая вам всегдашнего здоровья и счастья, заклиная не беспокоиться ни о чем и побольше веселиться, остаюсь вашим вечно признательным сыном

Николай Гоголь.

Сестрицу Марию целую и прошу быть всегда здоровою и побольше развлекать вас. Это же самое приказываю делать[5] и сестрицам Ане, Лизе и Оле.

Всем родственникам и знакомым поклон.

Помните ли вы адрес? на имя Пушкина, в Царское Село.

---

[1] *Далее начато:* упо⟨требляют?⟩ [2] имеют [3] *Далее было:* Впрочем первый способ есть лучший [4] сегодняшнего дня [5] делать *вписано.*

113.
А. С. ПУШКИНУ.

<1831> 16 августа. СПб.

Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас. Но вышло иначе. Я спохватился уже поздо. А сопутницы мои, спешившиеся к карантину для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою просьбу и потерять несколько минут. Если же посылка ваша может немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой, которой я сказал (она думает ехать в среду) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставленна в мои руки. Я только-что приехал в город и никого еще не видал. Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента. Он, получивши на имя мое деньги, и знавши, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне на имя ваше в Царское Село вместе с письмом. И вам теперь, и мне новое затруднение. Но вы снисходительны и великодушны. Может быть, и ругнете меня лихим словом; но где гнев, там и милость. Письмо с деньгами вы можете также отдать для отправки ко мне Васильчиковой. Теперь ничего не пишу к вам, потому что собираюсь дня через три писать снова. Адресуйте ко мне в Институт Патриотическ.<ого> общества на Васильевском острову.

Ваш Гоголь.

114.
А. С. ПУШКИНУ.

СПб. Августа 21. <1831>.

Насилу теперь только управился я с своими делами и получил маленькую оседлость в Петербурге. Но и теперь еще половиною, что я половиною? целыми тремя четвертями, нахожусь в Павловске и Царском Селе. В Петер-

Спб. Августа 21

Насилу теперь только управился я съ своими дѣлами и получил маленькую отдѣлку въ Петербургѣ но и теперь еще половиною, что я половиною? цѣлыми тремя четвертями находится в Павловскѣ и Царскомъ селѣ Въ Петербургѣ скучно до нестерпимости. Холера вдругъ поразгонила во всѣ стороны И знакомыхъ нашелъ цѣлый списокъ Антракта стоит встрѣтиться с ними. У Плетнева я былъ отдалъ ему въ исправности ваши посылку и письмо Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей Только что я проснулся въ дверь, наборщики завидѣли меня, давай ходить фиркать и прыскать себѣ въ руку отворотившись въ стѣнѣ Это меня нѣсколько удивило я къ фактору и онъ послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій наконецъ сказалъ что Штучки которыя изволили прислать изъ Павловскаго для печатанія очень до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву Изъ этаго я заключилъ что я писатель совершенно во вкусѣ черни. Кстати о черни знаете ли что врядъ ли кто уметъ сурьезъ съ нею изъяснятъ. А какъ нашъ общій другъ Александръ Анфиноевичъ Орловъ въ предисловіи къ новому своему Выпану Щеренопали погребенія Ивана Выжигина сына Ваньки ткача Онъ говоритъ обращаясь къ читателямъ. „Много, прелюбого умника романовъ въ головѣ [Его собственныя слова] „только вотъ они сидятъ еще „въ головѣ; да такіе бойкіе ребятишки эти ро„маны Такъ и прыгаютъ изъ головы. но нѣтъ не „пущу до времени а послѣ изъвольте разбѣжимся куда

Письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 21 августа 1831 г. Первая страница.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

бурге скучно до нестерпимости. Холера всех поразгоняла во все стороны. И знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою. У Плетнева я был, отдал ему в исправности ваши посылку и письмо.[1] Любопытнее всего было мое свидание с типографией.[2] Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фиркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву*. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни. Кстати о черни, знаете ли, что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов. В предисловии к новому своему роману: *Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина,* он говорит, обращаясь к читателям: „Много, премного у меня романов в голове (его собственные слова), только все они сидят еще в голове; да такие бойкие ребятишки эти романы, так и прыгают из головы. Но нет, не пущу до время; а после извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте! извольте! Ох вы, мои други сердечные! Народец православный!“ Последнее обращение так и задевает за сердце русской народ. Это совершенно в его духе, и здесь-то не шутя решительный перевес Александра Анф.<имовича> над Фадеем Бенедик.<товичем>. Другой приятель наш Бестужев-Рюмин здравствует и недавно еще сказал в своей газете: „Должно признаться, что Север.<ный> Меркурий побойче таки иных Литератур.<ных> Прибавлений“. Как-то теперь должен беситься Воейков! а он, я думаю, воображал, что бойче Литер. Прибавлений нет ничего на свете. Еще о черни. Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим: Петра Ивановича Выжигина и Сокол был бы сокол, да курица съела. Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: „Наконец, кажется[1], приспело то

[1] кажется *вписано.*

время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом, и старые поборники франц.<узского> корана на ходульных ножках (что-нибудь в роде Надеждина), убрались к чорту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы, и проч., и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преображенного величия. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгарине и Орлове. На одном из них, т. е. на Булгарине, означено направление чисто Байронское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном). Та же гордость, та же буря сильных, непокорных[1] страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самых даже портретах их заметно необыкновенное сходство. На счет Алекс. Анфим. можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина; говорят, что скорее Орлов более[2] философ, что Булгарин весь поэт". Тут не дурно взять героев романа Булгарина: Наполеона и Петра Ивановича, и рассматривать их обоих, как чистое создание самого поэта, натурально, что здесь нужно вооружиться очками строгого рецензента и приводить места (каких, само по себе разумеется, не бывало в романе). Не худо присовокуплять: „Почему вы, г. Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилию даже)?" всё это для того, чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика. Но самое главное — нужно соглашаться с жалобами журнали-

[1] непреклонных [2] более *вписано.*

стов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделенны на две стороны: одне на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренно, подобно всем великим гениям, уважают друг друга.

У нас бывают дожди и необыкновенно сильные ветры; вчерашнюю ночь даже было наводнение. Дворы домов по Мещанской, по Екатерининскому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов, были наполненны водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати квартира моя во 2 Адмиральте<йской> части, в Офицер<ской> улице, выходящей на Вознесенской проспект, в доме *Брунста*.

Прощайте. Да сохранит вас бог вместе с Надеждою Николавною от всего недоброго и пошлет здравие на веки. А также да будет его благословение и над Жуковским.

Ваш Гоголь.

115.

М. И. ГОГОЛЬ.

С.П.б. Августа 21 <1831>.

Уже около недели живу я в Петербурге. Слава богу, жив и здоров. О болезни совсем и не слышно. Все веселятся. Письмо ваше с деньгами я наконец получил; виноват, записку, а не письмо. Посылаю вам книжку; маминьке ридикуль; детям конфектов. Всего по капле, сколько мне было можно.

Книжка вам будет приятна, потому что в ней вы найдете мою статью, которую я писал, бывши еще в нежинской Гимназии. Как она попала сюда, я никак не могу понять. Издатели говорят, что они давно ее получили при

письме от неизвестного и если бы прежде знали, что моя, то не поместили бы, не спросивши наперед меня, и потому я прошу вас не объявлять ее моею никому; сохраняйте ее для себя. Приятно похвастать чем-нибудь совершенным; но тем, что носит на себе печать младенческого несовершенства, не совсем приятно. — Она подписана четырьмя нулями: *оооо*. Прощайте, будьте здоровы! Целую вас и сестриц несколько сот раз и остаюсь вечно любящим вас сыном

Н. Гоголем.

Адресуйте мне: 2-й Адмиралт.<ейской> части в Офицерской улице в доме Брунста.

116.

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Спб. Сентяб. 10 <1831>.

Насилу мог я управиться с своею книгою и теперь только получил экземпляры для отправления вам. Один собственно для вас, другой для Пушкина, третий, с сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные[1] тем, кому вы по усмотрению своему определите. Сколько хлопот наделала мне эта книга. Три дня я толкался беспрестанно из типографии в Цензур.<ный> комитет, из Цензур. комитета в типографию, и наконец теперь только перевел дух. Боже мой сколько бы экземпляров я бы отдал за то, чтобы увидеть вас хоть на минуту. Если бы, часто думаю себе, появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга ночной разбойник и украл этот несносный кусок земли, эти двадцать четыре версты от Петербурга до Цар. С.<ела> и с ними бы дал тягу на край света или какой-нибудь проголодавшийся медведь упрятал их вместо завтрака в свой медвежий[2] желудок. О, с каким бы я тогда восторгом стряхнул власами головы моей прах сапогов ваших, возлег у ног Вашего поэтического превосходительства и ловил бы жадным ухом сладчайший нектар из уст

[1] третий для Розетти, а остальные и в том числе один в футляре
[2] медвежий *вписано*.

ваших, приуготовленный самими богами из тмочисленного количества ведьм, чертей и всего любезного нашему сердцу. Но не такова досадная действительность или существенность; карантины превратили эти 24 версты в дорогу от Петербурга до Камчатки. Знаете ли что я узнал на днях только? Что э... Но вы не поверите мне, назовете меня суевером. Что всему этому виною не кто другой, как враг честнаго креста церквей господних и всего огражденного святым знамением[1]. Это чорт надел на себя зеленый[2] мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рогатого чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменному тротуару под высокими домами. Это была радостная минута. Она уже прошла. Это случилось 8-го августа. И к вечеру того же дня стало всё снова скучно, темно, как в доме опустелом:

Окна мелом
Забелены; хозяйки нет,
А где? Бог весть, пропал и след.

Осталось воспоминание и еще много кой чего, что достаточно усладит здешнее одиночество: это известие, что Сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня с ума. И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены[3], и купол, на славу векам, да покланяются[4] потомки и да имут место, где возносить умиленные молитвы свои. Как прекрасен удел ваш, Великие Зодчие! Какой рай готовите вы истинным християнам! И как ужасен ад, уготовленный для язычников, ренегатов и прочего сброду: они не понимают вас,

---

[1] святым крестом [2] зеленый *вписано*. [3] и стену [4] да дивятся

и не умеют молиться. Когда-то приобщусь я этой божественной сказки?.. Но скоро 12 часов, боюсь опоздать на почту. Прощайте! извините мою несвязную грамоту! не далось божественное писание в руки. Будьте здоровы, и да почиет над вами благословение божие, и да возбуждает оно вас чаще и чаще ударять в священные струны; а я, ваш верный богомолец, буду воссылать ему теплые за сие молитвы.

Вечно ваш неизменный

Гоголь.

Моя квартира в II Адм.<иралтейской> ч.<асти> в Офицерской улице, в доме Брунста.

117.

М. И. и М. В. ГОГОЛЬ.

СПб. 19 сентября <1831>.

Поздравляю Вас, бесценная и несравненная маминька, с радостным днем вашего ангела, желаю вам провесть его в полном удовольствии. — Очень жалею, что не могу прислать Вам хорошего подарка. Но вы и в безделице видите мою сыновнюю любовь к вам, и потому я прошу вас принять эту небольшую книжку. Она есть плод отдохновения и досужих часов от трудов моих. Она понравилась здесь всем, начиная от государини; надеюсь, что и вам также принесет она сколько нибудь удовольствия, и тогда я уже буду счастлив. Будьте здоровы и веселы и считайте все дни не иначе как именинами, в которые должны находиться всегда в веселом расположении духа.

Ваш неизменный сын

Н. Гоголь.

Поздравляю тебя, моя милая сестрица, с радостным для нас обеих днем и желаю тебе также быть здоровою и веселою. У меня есть к тебе просьба. Ты помнишь, милая, ты так хорошо было начала собирать малор.<оссий-

ские> сказки и песни и к сожалению прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мне оно необходимо нужно. Еще прошу я здесь же маминьку, если попадутся где старинные костюмы малороссийские, собирать все для меня. Если владельцы будут требовать за них дорого, пишите ко мне, я постараюсь собрать и выслать нужные деньги. Я помню очень хорошо, что один раз в церькве[1] нашей мы все видели одну девушку в старинном платье. Она, верно, продаст его. Если встретите где-нибудь у мужика странную шапку или платье, отличающееся чем-нибудь необыкновенным, хотя бы даже оно было изорванное — приобретайте! Также нынешний мужеский и женский костюм, только хороший и новый. Всё это складывайте в один сундук или чемодан, и при случае, когда встретится оказия, можете переслать ко мне. Но так как это не к спеху, то вам будет довольно времени для собирания. А сказки, песни, происшествия, можете посылать в письмах или небольших[2] посылках.

118.

М. И. ГОГОЛЬ.

1831 г. Октября 9. С.-Петербург.

Я, маминька, получил письмо ваше, писанное вами 28 августа ко мне в Павловск, и получил уже давно; но всё ожидал, не будете ли вы мне отвечать на которое-нибудь из писем, писанных мною из Петербурга, но, не дождавшись ни на одно ответа, пишу к вам, чтобы вы не укоряли меня снова не в аккуратности. Не лучше ли будет, если мы, перестав укорять неисправность почт и проч. и проч., заведем так, чтобы тотчас по получении письма писать ответ, не откладывая ни минуты ни для каких дел. Если недосуг, то хоть две строки. Меня очень опечалили ваши заботы и безденежье! но потерпим покуда: теперь

---

[1] в церькви [2] *Далее начато*: бум<ажных?>

уже мало остается терпеть нам. Я повторяю снова: не беспокойтесь ни о чем, не принимайте ничего слишком близко к сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы уже совершенно пристроили. Он вам больше уже ничего не будет стоить, а с следующего года будете получать с него, может быть, и проценты. О Машиньке также не печальтесь, как-нибудь соберем приданое. Что же касается до маленьких сестриц, то оне, может быть, лучше получат воспитание, нежели мы. Если бы вы знали, моя бесценная маминька, какие здесь превосходные заведения для девиц, то вы бы, верно, радовались, что ваши дочери родились в нынешнее время. Не могу без жалости вспомнить про глупый Полтавский институт, где так бестолково и безрассудно воспитание девиц. Как далеки там и княгиня и ее набранные из всякой сволочи гувернантки от одной мысли о образовании настоящем и твердом неопытной девушки. Я не могу налюбоваться здешним порядком. Здесь воспитанницы получают сведения обо всем, что нужно для них, начиная от домашнего хозяйства до знания языков и опытного обращения в свете, и вовсе не выходят теми ветренными, легкомысленными девчонками, какими дарят другие институты, к числу которых можно причислить некоторые и здешние и даже Смольный монастырь. Два здешние института, Патриотический и Екатерининский, самые лучшие. И в них-то, будьте уверены, что мои маленькие сестрицы будут помещены. Я всегда хотя долго, но достигал своего намерения и твердо уверен, что, с помощью божиею, достигну и в этом.

Сделайте милость, составьте мне подробную записку нашего долга в казну: в каком году занято сколько, и когда уплочено, сколько остается и проч. Я до сих пор не имею об нем сведения настоящего. Директор Опекунского совета мне знаком, и мне, может быть, очень бы легко удалось склонить его к отсрочке. Но я не знаю, как приступить к этому, не зная даже году, в котором взяты деньги, не ведая ни имени, ни количества остающихся и взятых денег. А без этого трудно и отыскать это дело.

Будьте здоровы, меньше беспокойства, больше твердости и веселости, и предприятия наши будут успешны.

Ваш сын Гоголь.

Помните ли мой адрес: 2-й Адмиралтейской части, в Офицерской улице, дом Брунста.

119.
М. И. ГОГОЛЬ.

<1831> Октября 17. С.-Петербург.

К большому моему удовольствию я получил письмо ваше, писанное вами от 30 сентября. Очень рад, что вам пришлись очень кстати посланные мною безделицы и сожалею только, что не в состоянии послать вам лучшего. Но чего теперь не сделаю, то сделаю после. Я упрям и всегда люблю настаивать на своем, хотя бы тысячи препятствий лезло мне в глаза.

Посылаю однако ж теперь то, что можно мне было послать: собственно для вас хозяйственный ридикуль и перчатки, а для сестры браслеты и пряжку. Я здоров, спокоен, не грущу ни о чем и желаю, чтоб вы находились в таком же состоянии. Напишите, какой цвет идет больше к лицу вам и сестре. Это не мешает знать на всякой случай, особливо когда случатся у меня лишние деньги. Также пришлите мне мерку с ног ваших: я знаю, что у вас совсем нельзя достать хороших башмаков, они же притом так непрочны! но здешние вам станут верно надолго. Целуя вас и всех сестер моих, остаюсь вашим признательным сыном.

Гоголь.

Мой поклон всем родным и добрым знакомым.

120.
М. И. ГОГОЛЬ.

С.-Петербург, октября 30 <1831>

Письмо ваше, маминька, писанное вами от 9-го октября я получил. Рад, что понравилась вам книга. Смешно только

мне, что вы бережете пряник. Воображаю, в каком искушении находятся мои сестрицы, когда вы отпираете комод. Сделайте милость, сделайте их соучастницами в наслаждении пряником не одними глазами. На память же этого, к стыду моему, редкого случая, вы можете держать заглавный листок, который вам так понравился.

Более всего я рад тому, что вы теперь несколько успокоились. Разве вы не видите теперь, что бог вас особенно любит за прекрасную вашу душу? Не всегда ли, когда вы уже думали, что находитесь в самом критическом положении, он неожиданно посылал вам помощь? Теперь он подвигнул Андрея Андреевича помочь вам. На следующий год, может быть, доставит мне это благополучие. Итак вы видите, что нам должно быть бодрыми, деятельными, вместе трудиться и веселиться.

Принесите Анне Матвеевне и от меня благодарность за ее прекрасный поступок с желанием прожить ей лет двадцать, и будьте сами здоровы.

Да что не пишут ко мне маленькие сестрицы? Неужели они до сих пор не умеют писать? Если же они будут писать ко мне, то сделайте милость, ни вы, ни сестра, не диктуйте им ничего. Пусть сами от себя пишут, что им вздумается. Чем больше будет у них вздору, тем это приятнее и любопытнее для меня. Нет ничего несноснее, когда дитя умничает или его заставляют умничать.

Ваш сын Гоголь.

121.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

⟨1831⟩ Ноября 2. СПб.

Вот оно как! Пятый месяц на Кавказе и может быть еще бы столько прошло до первой вести, если бы *Купидо сердца не подогнало лозою.* Впустили молодца на Кавказ. *Ой лыхо закаблукам, достанетця й передам.* Знаешь ли, сколько раз ты в письме своем просил меня не забыть прислать нот? Шесть раз: два раза сначала, два в середине, да два при конце. Ге, ге, ге! Дело далеко зашло.

Я однако ж тот же час решился исполнить твою просьбу; для этого довольно бы тебе раз упомянуть. Я обращался к здешним артисткам указать мне лучшее; но Сильфида Урусова и Ласточка Розетти[1] требовали непременно, что<бы> я поименовал Великодушную Смертную, для которой так хлопочу. Как мне поименовать, когда я сам не знаю, кто она. Я сказал только, что средоточие любви моей согревает ледовитый Кавказ и бросает на меня лучи косвеннее северного солнца. Как бы то ни было, только забрал всё, что было лучшего в здешних магазинах. Французские кадрили в большой моде здесь Титова. Однако ж, я посылаю тебе и Россини, несколько французск<их> романсов, русских новых песен, всего на тридцать рублей. Да что за вздор такой ты мелешь, что пришлешь мне деньги после.[2] К чему это? Я тебе и без того должен 65 рублей. Я думал было и на остальные набрать тебе всякой всячины, конфект и прочего, да раздумал: может быть тебе что нужнее будет. Ты, пожалуста, без церемоний напиши, что прислать тебе на остальные 35 рублей, и я немедленно вышлю. В здешних магазинах получено из-за моря столько дамских вещей и прочего, и всё совершенное объедение.

Порося мое давно уже вышло в свет. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы. Теперь я думаю, Василий Иванович, совокупно с любезным зятем, Егором Львовичем, его почитывают. Однако ж, на всякой случай, посылаю тебе еще один. Оно успело уже заслужить славы дань, кривые толки, шум и брань. В Сорочинцы я тебе отправил и Ольдекопов словарь. Письмо твое я получил сегодня, то есть 2 ноября (писанное тобою 18 октября). Пишу ответ сегодня же, а отправляю завтра. Кажется исправно, зато день хлопот. Это я для того тебе упоминаю, чтобы ты умел быть благодарным и писал в следующем письме подробнее. Напиши также, в который день ты получишь письмо мое вместе с сею посылкою. Мне любопытно знать, сколько времени оно будет по почте итти к тебе.

---

[1] Росетти [2] *Далее начато:* как будто не знаешь, что я

Ну, известное лицо города Пятигорска! более сказать мне тебе нечего. Ведь ты же сам меня торопишь скорее отправлять письмо.

Всё лето я прожил в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице. Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая. — Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая. — У Жуковского [1] тоже русские народные сказки, одне экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется появился новый обширный поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут.

Ты мне обещал описать прибытие свое домой, прием, встречи и про⟨чее⟩ и про⟨чее⟩, да мне кажется, что у тебя, на квартире и пера чиненого нет, только один карандаш в часы досуга подмахивает злодейское деревцо.

Прощай, будь здоров и любим, да не забывай твоего неизменного

Гоголя.

Хотя по назначенному тобою адресу можно было меня отыскать, но всё лучше и скорее будет, когда ты станешь употреблять следующий: *2 Адм⟨иралтейской⟩ части в Офицерскую улицу, в доме Брунста.*

122.
М. И. ГОГОЛЬ.

С.-Петербург. 17 ноября ⟨1831⟩.

Письмо ваше, пущенное вами от 28 октября, я получил 14-го сего месяца. Чувствительно благодарю вас, маминька, за ваше попечительное старание отыскивать для меня ко-

[1] *Далее начато:* новые

стюмы. Вы так уже и отведите нарочно для этого гардероба какой-нибудь просторный сундук, и всё, что ни попадется, складывайте туда. „На что ему“, я думаю, поговаривает Домна Матвеевна, „весь этот скарб?“ — „То-то он еще с измалу был затейник!“ прибавляет Олимпиада Федоровна. „Они еще вместе с Симоном, как приезжали из Нежина, то выстругивали какой-то орган из дерева“. Обо всем, что ни соберете вы, пришлете маленькую роспись, чтобы я знал, что такое именно у вас находится. Жаль, что у нас нет соседей каких-нибудь старосветских людей, от них бы верно можно было пощечиться многим. Но нас, как нарочно, сколько мне помнится, окружают модники и люди нынешнего света, у которых кроме чепцов да фраков ничего не увидишь, и нам, старым людям, т. е. мне и вам, маминька, не с кем и слово завесть о старине. Очень досадно мне, что дедушке нанесена такая неприятность, но что ж делать? Я и тогда предвидел, что с этого дела не будет проку. Жалко мне было только смотреть на его заботы и беспокойства. Но теперь нужно успокоиться, почему знать? может быть, это и к лучшему. Кто может постигнуть вышние намерения? Не нужно поэтому и нам сокрушаться: сегодня ненастье, завтра будет хорошая погода. Имеете ли вы известия об Андрее Андр⟨еевиче⟩? как он управляется в своем имении? Пишет ли к вам Петр Петрович, каково он служит и где ныне находится? Зима у нас наступила и очень похожа на постоянную, несмотря на то, что испанский посланник, большой чудак и погодопредвещатель, уверяет, что такой непостоянной и мерзкой зимы, какова будет теперь, еще никогда не бывало. Прощайте же, будьте здоровы,

ваш верный сын Н.

А что же сестрицы? Они всё только целуют, а сами не пишут.

123.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1831⟩ Декабря 8. СПб.

Я был несколько в недоумении, не получая от вас письма, как наконец причина объяснилась из вашего же письма,

пущенного вами 17 ноября, в ответ на мое от 30 октября. Стало быть, вы не получали моего письма, писанного 13 октября, при котором следовала вам на девяносто рублей посылка с браслетами, пряжкою, кушаком и конфектами. Это наводит на меня новое недоумение. Вы никак не упускайте этого из виду; сделайте полтавскому почтмейстеру строгий допрос: где находится следуемая вам посылка, и почему он не дал вам знать тотчас по получении ее? Это дело такого рода, за которое сажают под суд. Вы, пожалуста, не забывайте, маминька, уведомлять меня, если будете получать какую бы ни было от меня посылку, в каком виде вы ее получите, что такое именно вы в ней найдете; потому что, как кажется, везде не без плутней. А этого происшествия[1] вы не оставляйте без внимания и хорошенько допросите почтмейстера.

Сделайте милость, не принимайте, как вы, так и сестра, моих слов о Степане Меркурьевиче в дурную сторону. Очень рад, что он не таков, как думал, и никогда бы я и не думал о нем ничего подобного, если бы сестра уведомила меня об нем обстоятельнее. Целую вашу ручку и очень жалею, если сестра не получила браслет и нечего ей будет надеть на праздник, а вы также ридикуля. Хотя всё это и вздор, и малость, но вы бы, верно, были этому рады, зная, что это от искреннего и благодарного сердца приносит ваш сын, Н. Гоголь.

124.
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

1 генварь, 1832. ⟨Петербург.⟩

Подлинно много чудного в письме твоем. Я сам бы желал на время принять твой образ с твоими страстишками и взглянуть на других таким же взором, исполненным сарказма, каким глядишь ты на мышей, выбегающих на середину твоей комнаты. Право, должно быть, что то не в шутку

[1] этого дела

чрезвычайное засело Кавказской области в город Пятигорск. Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая довольно в плохом положении. Кто это кавказское солнце? Почему оно именно один только Кавказ освещает, а весь мир оставляет в тени, и каким образом ваша милость сделалась фокусом зажигательного стекла, то есть привлекла на себя все лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою, или иным чем, но сам посуди, если не прикрепить красавицу к земле, то черты ее будут слишком воздушны, неопределенно общи и потому бесхарактерны.

Посылаю тебе всё, что только можно было скоро достать: Северные Цветы и Альциону. Невский Альманах еще не вышел, да вряд ли в нем будет что-нибудь путнее. Галстухов черных не носят; вместо них употребляют синие. Я бы тебе охотно выслал его, но сижу теперь болен и не выхожу никуда. Духи же я думаю, сам ты знаешь, принадлежат к жидкостям, а жидкости на почте не принимают. — После постараюсь тебе и другое прислать[1], теперь же не хочу задерживать письма. Притом же Северные Цветы, может быть, на первый раз приведут в забвение неисправность в прочем. Тут ты найдешь Языкова, так прелестным, как еще никогда, Пушкина чудную пиесу Моцарт и Салиери, в которой, кроме яркого поэтического создания, такое высокое драматическое искусство, картинного Делибаша, и всё, что ни есть его, — чудесно. Жуковского Змия. Сюда затесалась и Красненького Полночь.

Письма твоего, писанного из Лубен, в котором ты описываешь приезд свой домой, я, к величайшему сожалению, не получал. Проклятые почты! Незадолго до твоего я получил письмо от Василия Ивановича, в котором он извещает меня, что книги, посланные мною тебе в Семереньки, он получил. Не излишним почитаю при сем привесть его слова, сказанные в похвалу моей книги: „Если выдадите еще книгу в свет Вечера, то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаем, что присланная вами книга

[1] и это п⟨рислать⟩

есть сочинение ваше. Это есть прекраснейшее дело, благороднейшее занятие. Я читал и рекомендацию ей от Булгарина в Северной Пчеле очень с хорошей стороны и к поощрению сочинителя. Это видеть приятно". Видишь, какой я хвастун. Читал ли ты новые Баллады Жуковского? Что за прелесть! Они вышли в двух частях вместе со старыми и стоят очень недорого: десять рублей. Что тебе сказать о наших? Они все, слава богу, здоровы, прозябают попрежнему, навещают каждую среду и воскресение меня, старика, и к удивлению, до сих пор еще ни один из них не имеет звезды и не директор департамента. Рассмешила меня до крайности твоя приписка или обещание в конце письма: „Может быть в следующую почту напишу к тебе еще, а может быть нет". К чему такая благородная скромность и сомнение? К чему это *может быть* нет? Как будто удивительная твоя аккуратность мало известна.[1] Писал бы к тебе еще, но болезнь моя мешает. Отлагаю до удобнейшего времени, а теперь прощай. Обнимаю тебя и вместе завидую, что ты находишься в стране здравия.

Твой Гоголь.

Да вот молодец. Пишу 1-го генваря и забыл поздравить с новым годом. Желаю тебе провесть его в седьмом небе блаженства.

125.

М. И. ГОГОЛЬ.

Генваря 4. 1832. ⟨Петербург.⟩

Непонятно! Опять письмо от вас и опять ни слова о посылке, посланной мною вам еще в октябре, ценою на девяносто рублей, с браслетами, пряжкою, перчатками, ридикулем, конфектами и письме, при котором она следовала. Ради бога, известите меня. Я бы теперь же послал кое-что сестре, но боюсь. Скажите мошеннику полтавскому почтмейстеру, что я на днях, видевшись с кн. Голицыным, жаловался ему о неисправности почт.[2]

---

[1] *Фраза вписана.* [2] *Далее было:* он просил меня только дать записку, какого числа отправлена моя посылка

Он заметил это Булгакову, директору почтового департамента; но я просил Булгакова, чтоб не требовал объяснения от полтавского почтмейстера до тех пор, покамест я не получу его от вас. Итак прошу вас, сделайте милость, не заставьте меня долго ждать. Мне хочется непременно вывесть на чистую воду это мошеничество.

Очень рад, что сестре открывается такая хорошая партия. Зная вашу предусмотрительность и благоразумие, я совершенно уверен в том, что вы делаете так, чтоб после не раскаиваться.

И признаюсь, хотя бы мне очень желалось знать звание жениха сестры, откуда он, отчего живет в наших местах, имя, по крайней мере фамилию; но так как вы почитаете за нужное не объявлять мне это, то я и не смею этого требовать, будучи твердо уверен, что, верно, вы имеете на то основательные причины. Я только молю бога, чтобы и вы, и сестра моя были совершенно счастливы.

Неизменно любящий ваш
сын Николай.

126.

М. И. ГОГОЛЬ.

Февраля 6-го 1832. ⟨Петербург.⟩

Ваше письмо от 19 января я получил. Очень жалею, что не дошло ко мне письмо ваше, писанное по получении вами посылки. В предотвращение подобных беспорядков впредь прошу вас адресовать мне просто Гоголю, потому что кончик моей фамилии я не знаю, где делся. Может быть, кто-нибудь поднял его на большой дороге и носит, как свою собственность. Как бы то ни было, только я нигде не известен здесь под именем Яновского, и почталионы всегда почти затрудняются, отыскивая меня под этою вывескою.

Очень рад счастью моей сестры и вижу в вас настоящую

мать, которую скоро будут приводить в пример везде, умевшую восторжествовать над мелочным честолюбием и сребролюбием, пренебречь ими для истинного счастия. Должно однако ж признаться, маминька, что у вас дети пренегодные. Например, хотя бы и старшая ваша дочь: она готовится вам сделать самый неприятный комплимент, несноснее которого нет для женщины, еще далеко не достигшей возраста старух: что, ежели она, года через два, поздравит вас бабушкою? Вы известите меня, когда будет свадьба, да напишите без церемонии, какие именно вещи нужны. Что можно будет сделать и что по силам моим, я доставлю; чего же нельзя, то будьте уверены, что не стану для этого лишать себя необходимого. Дурно очень, что вы не написали, какой цвет к лицу вам и сестре, а также не прислали мерок с ножек ваших, и потому не погневайтесь, если в посылаемой при сем письме посылке всё будет не по вашему вкусу. Вы, сделайте милость, напишите мне обстоятельно: какие именно вещи вы получили и в надлежащей ли исправности. Затем, желая вам успехов во всем, остаюсь тот же ваш сын Николай.

Старшей сестре скажите, что она напрасно думает, будто вы не так рады теперь, имея прежде желание выдать ее за богатого. Богатство всегда в руках человека. Он всегда может нажить его. Нужны только труды. Но доброй души и прекрасных качеств человек никогда не наживет, если их не имеет. Маленькие сестрицы найдут в этой посылке и себе конфекты, только за это они должны не забывать писать. Да нельзя ли их как-нибудь заставить, чтобы в письме говорили они побольше о том, что делают дома и что с ними случается. Например, если бы Лиза сама описала происшествие с курицей, ведь это, верно, было бы не дурно.

Дайте один из кушаков Варваре Семеновне. Мне казалось, что сестре более всего шел розовый цвет, и потому я почти всего набрал розового. Впрочем, здесь теперь он самый употребительнейший.

127.
М. И. ГОГОЛЬ.

1832 г., февраля 26-го. С.-Петербург.

Я вас не узнаю, маминька! Вы, кажется, совершенно потеряли ту твердость души, которая всегда отличала вас прежде. Большая диковинка, что от меня месяц нет письма! Вспомните то время, когда я месяца по четыре не писал к вам. Право, я начинаю уже жалеть, что завел обыкновение писать к вам часто: теперь малейшая нерегулярность вас расстраивает. Но думаю, вы теперь уже успокоились, получивши письмо мое от 7-го, кажется, февраля вместе с посылкою. Хотя я полагал, что вы его гораздо раньше получите, но из письма вашего от 15 февраля вижу, что оно еще не дошло к вам. Еще слово о вашем письме: ради бога, не будьте так мнительны. Если бы вы хорошенько вникнули в мое письмо, вы бы увидели, что это было сказано совершенно не в том смысле и вовсе не сурьезно о том, что вы имеете причину скрывать от меня. Мне, просто, было досадно на вашу забывчивость, и, чтобы отмстить вам и рассердить вас, я написал это.

Всё то, что вы вздумаете, вы можете смело делать, не давая мне вовсе о том знать, будучи твердо уверены, что мои мысли и мнения никогда не будут разногласны с вашими, или, в противном случае, вы совершенно меня не знаете. Любезная сестра моя не должна тоже иметь о мне никакого сомнения, всё то, что служит к ее счастию, меня радует; мне только хочется знать, скоро ли окончится это дело. Напишите, что знаете об Андрее Андреевиче, и отдайте поклон всем близким нашим.

Ваш сын Николай.

Очень жалею, что сестра Аничка пишет не своими словами. Этих оборотов и этих обыкновенных выражений, приличных взрослому, она никогда не может сделать от себя. Если же она точно писала сама (чего совершенно не может быть в натуре), то она будет жалкое создание. В письме ее правильность и ни одного чувства, которое бы

обличало прелесть детской души и что-то похожее на талант. В прежнем маленьком ее письме, которое она сама писала, одно только слово уже уверило меня в том, что она имеет талант большой и богатство будущее души. Этого слова ни вы, ни сестра не заметили, верно. Пусть они пишут пустяки, весь вздор, который говорят своей няне. Чем, повидимому, будет глупее письмо, тем лучше: тут будут видны они совершенно.

128.

М. И. ГОГОЛЬ.

1832 г. Марта 10. С. Петербург.

Мне очень странно, маминька, что вы столько хлопочете о Багрееве. Я верю, что он хороший человек и достоин всякого уважения; но, несмотря на то, не поеду к нему ни с сего, ни с другого в дом. Вы очень мало знаете приличия, маминька, или, лучше сказать, вы, может быть, и знаете приличия, но не знаете моих отношений в свете. Странно! Вдруг бы я приехал к нему потому, что вы были один раз у него и были приняты хорошо. Другое дело, если я встречусь с ним у Кочубея, или где-нибудь в другом обществе, я не премину с ним познакомиться и тогда пожалуй, как к человеку знакомому, я могу к нему приехать, но не потому, чтобы он мог быть для меня чем-нибудь полезным, а потому, что он доставил вам несколько, как вы говорите, приятных минут своею любезностью. Касательно же состояния его быть мне полезным, скажу вам вот что. Вы всё еще, кажется, привыкли почитать меня за нищего, для которого всякой человек с небольшим именем и знакомством может наделать кучу добра. Но прошу вас не беспокоиться об этом. Путь я имею гораздо прямее и, признаюсь, не знаю такого добра, которое бы мог мне сделать человек. Добра я желаю от бога, и именно — быть всегда здоровым и видеть вас всегда здоровыми. Верьте моему слову, маминька, что всё, кроме этого, гниль и суета; однако я всё-таки благодарю вас за желание, чтобы я позна-

комился с Багреевым, особенно если он хороший человек. Зеленецкую вы можете успокоить насчет ее опасения: она слышала, что звонят, только не знает, на которой колокольне. В *Патриотический институт благородных девиц*, в котором я служу[1], не принимают ни из купцов, ни из мещан. Уже самое его название показывает это. Не мешает вам знать, что Патриотическое общество из дам под председательством государыни нынешней основало несколько заведений в пользу бедных, в том числе несколько школ, где учат только рукоделию и русскому языку, но меж ними благородных совершенно не бывает. Кроме этих заведений, Патриотическое общество уже гораздо после завело институт для благородных девиц, состоящий теперь под непосредственным ведением государыни, в который пансионерки поступают часто из лучших фамилий, а казенные — дети раненых и убитых на войне. Стало быть, родственница Зеленецкой должна радоваться и посылать своих детей: они попадутся в хорошие руки, тем более, что прием давно уже начался.

Будьте здоровы, сытно едите, спите спокойно и не беспокойтесь ни о чем.

Ваш сын Николай.

Посылаю на помощь вашим приуготовлениям к сестриной свадьбе 500 рублей, не рассердитесь, что так мало. Сколько мог собрать, столько и посылаю. Когда буду побогаче, тогда пришлю больше.

129.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

СПб, 1832. Марта 10-го.

Мне бы следовало просто на тебя рассердиться и начхать, как говаривал Ландражен, за твои эдакие пакости. Вот уже скоро три месяца, как от тебя ни двоеточия, ни точки. Даже не известил меня, получил ли в исправности посланные мною альманахи. Видно тебе теперь ничего не

[1] *В копии ЛБ очевидная описка:* в котором я не служу

нужно из Петербурга, потому что ты тогда только писал ко мне, когда имел во мне надобность. Эй, не плюй в колодез, увидишь, если не доведется из него же после напиться! Может быть ты находишься уже в седьмом небе и оттого не пишешь. Чорт меня возьми, если я сам теперь не близко седьмого неба и с таким же сарказмом, как ты гляжу на славу и на всё, хотя моя владычица куды суровее твоей. Если б я был, как ты, военный человек, я бы с оружием в руках доказал бы тебе, что северная[1] повелительница моего южного сердца томительнее и блистательнее твоей кавказской. Ни в небе, ни в земле, нигде ты не встретишь, хотя порознь, тех неуловимо божественных черт и роскошных вдохновений, которые ensemble дышут и уместились в ее, боже, как гармоническом лице. Но довольно. Посылаю тебе вторую книжку Вечеров и наудачу Онегина. Может быть, у вас в глуши его еще не читали. В таком случае, ты обомлеешь от радости и верно не найдешь слов, чем выразить мне свою благодарность.

Прощай, если тебе что нужно прислать, то пиши смело, хотя и не случится у тебя денег. Всё тебе будет выслано. Мы люди свои, после сочтемся.

Твой Гоголь.

На обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

130.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1832⟩ Марта 25. С.-Петербург.

Письмо ваше от 7 марта я получил. Посылаю вам башмаки, какие только удалось сыскать на скорую руку. Ботинков на вашу ногу не было. Я заказал их—как будут готовы, то пришлю.[2] Ничего больше не в состоянии теперь прислать, потому что лишних денег совершенно теперь не имею, и потому пусть сестра возьмет немного терпенья; после надеюсь удовлетворить ее. Очень рад, что вы свадьбу зате-

[1] северная *вписано.* [2] *Далее начато:* Очень рад, что вы затеваете свадьбу без всякого шума, я всегда был тех мыслей ⟨?⟩

ваете без всякого шума. Я всегда был враг этих свадебных церемоний и собраний. Если бы я вздумал жениться, то жена моя по крайней мере две недели после свадьбы не показала бы ни к кому носа. Я даже полагаю, что, если мне не удастся достать ни полотна, ни платков батистовых, то обойтись и без них, тем более, когда вы в таком состоянии, что не можете уплатить казенных податей, не только долгов. Жених, как видно из писем ваших, не глуп и, верно, не погонится за этим вздором. Старушкам же вестовщицам и хлопотливым соседкам, любящим потолковать о свадьбах, можете сказать, что у невесты не одна, а двенадцать дюжин платков и столько же батистовых рубашек и тому подобное. Я говорю это потому, если вы боитесь, или вас слишком раздражают такие незначащие злоречья. Еще меня удивило очень, что вы пишете в письме вашем, что побожились заплатить Андрею Андреевичу, отдать в этом году долг. Я вас не узнаю, маминька. Как вы можете в том божиться и давать честное слово, когда не имеете никакой возможности его исполнить? На что вы полагались? Разве вы не знаете, что вам имение ваше, хотя бы и не случилось скотского падежа, не в состоянии бы и половины его уплатить? Но если бы было даже достаточно, разве вы позабыли о том, что приближается время платежа в казну процентов снова? Не может быть, чтобы вы позабыли обо всем этом тогда, когда давали свое слово.

Благодарю вас, очень благодарю за подарок ваш — дюжину чулок. И хотя я совсем не ношу нитяных чулок, но как драгоценность, как труды рук ваших, буду беречь у себя. Прошу однако же вас ничем не озабочиваться для меня: у меня совершенно всё есть, что мне нужно. Я не знаю, как уплатить вам хотя сотую долю старых долгов, а вы налагаете на меня беспрестанно[1] новые. Право, маминька, вы великодушны до бесчеловечия.

Напишите мне, как расположены жить наши молодые: в Полтаве или в деревне, и что жених: намерен ли служить, или заниматься хозяйством, или тем и другим вместе?

[1] беспрестанно *вписано*.

Напомните сестре о строгой бережливости и величайшем ограничении себя во всем. Она сама избрала такой удел для себя; стало быть, должна уметь покоряться[1] и во всем строго и умно ограничивать себя. Я точно располагал-было приехать к вам нынешним летом, хотя на малое время, но увидел, что кроме издержек это предприятие ничего другого не поведет за собою, между тем как мне, может быть, удастся вместо того сколько-нибудь сберечь для вас денег. Верьте, что я так же нетерпеливо и пламенно желал увидеться с вами, как и вы со мною. Но что делать? Плохо бы было на свете нам, если бы мы следовали одному только движению сердца, не призывая на совет рассудок. Будьте здоровы и спокойны.

Ваш сын Николай.

131.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

СПб., марта 30. ⟨1832⟩.

Я ни мало не удивляюсь, что мое письмо шло так долго. Должно вспомнить, что теперь время самое неблагоприятное для почт: разлитие рек, негодность дороги и проч. Я получил твои деньги и не могу скоро выполнить твоего порученья. Если бы ты наперед хорошенько размыслил всё, то верно не прислал бы мне теперь денег, верно бы вспомнил, что за две недели до праздника ни один портной не возьмется шить и потому в наказанье ты будешь ждать три сверхсрочных недели своего сюртука, потому что спустя только неделю после праздника примутся шить его тебе. На требование же мое поставить тебе сукно по 25 р. аршин, Руч дал мне один обыкновенный свой ответ, что он низких сортов сукон не держит.

Теперь несколько слов о твоем письме. С какой ты стати начал говорить о шутках, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что ты нашел бессмысленного в том, что я писал к тебе, что ты говоришь только о по-

[1] покоряться и терпеть

этической стороне, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что значит поэтическая сторона? Поэтическая сторона: „Она несравненная, единственная“ и проч. Прозаическая: „Она Анна Андреевна такая-то“. Поэтическая: „Она принадлежит мне, ее душа моя“. Прозаическая: „Нет ли каких препятствий в том, чтоб она принадлежала мне не только душою, но и телом и всем, одним словом — ensemble?“ Прекрасна, пламенна, томительна и ничем не изъяснима любовь до брака; но тот только показал один порыв, одну попытку к любви, кто любил до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но зато сильный и свирепый энтузиазм, потрясающий надолго весь организм человека. Но вторая часть, или лучше сказать, самая книга — потому что первая только предуведомление к ней — спокойна и целое море тихих наслаждений, которых с каждым днем открывается более и более, и тем с большим наслаждением изумляешься им, что они казались совершенно незаметными и обыкновенными. Это художник, влюбленный в произведенье великого мастера, с которого уже он никогда не отрывает глаз своих и каждый день открывает в нем новые и новые очаровательные и полные обширного гения черты, изумляясь сам себе, что он не мог их увидать прежде. Любовь до брака—стихи Языкова: они эффектны, огненны и с первого раза уже овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь — это поэзия Пушкина: она не вдруг обхватит нас, но чем более вглядываешься в нее, тем она более открывается, развертывается и наконец превращается в величавый и обширный океан, в который чем более вглядываешься, тем он кажется необъятнее, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частию, небольшою рекою, впадающею в этот океан. Видишь, как я прекрасно рассказываю! О, с меня бы был славный романист, если бы я стал писать романы! Впрочем это самое я докажу тебе примером, ибо без примера никакое доказательство не доказательство, и древние очень хорошо делали, что помещали его во всякую хрию. Ты, я думаю, уже прочел Ивана Федоровича Шпоньку. Он до брака удивительно как

похож на стихи Языкова, между тем, как после брака сделается совершенно поэзией Пушкина.

Хочешь ли ты знать, что делается у нас, в этом водяном городе? Приехал Возвышенный с паном Плàтоном и Пеликаном.[1] Вся эта труппа пробудет здесь до мая, а может быть и долее. Возвышенный всё тот же, трагедии его всё те же. Тасс его, которого он написал уже в шестой раз, необыкновенно толст, занимает четверть стопы бумаги. Характеры всё необыкновенно благородны, полны самоотверженья и вдобавок выведен на сцену мальчишка 13 лет, поэт и влюбленный в Тасса по уши. А сравненьями играет, как мячиками; небо, землю и ад потрясает, будто перышко. Довольно, что прежние: *губы посинели у него цветом моря*, или: *тростник шепчет, как шепчут в мраке цепи* ничто против нынешних. Пушкина всё попрежнему не любит. Борис Годунов ему не нравится.[2]

Красненькой кланяется тебе. Он еще не актер, но скоро будет им и, может быть, тотчас после святой.

У вас, я думаю, уже весна давно. Напиши, с которого времени начинается у вас весна. Я давно уже не нюхал этого кушанья.

132.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1832⟩ 16 апреля. С.-Петербург.

Я получил ваши письма писанные вами в марте месяце. В одном из них вы упоминаете об ответе Андрея Андреевича. Вы, пожалуста, не слишком озабочивайтесь его словами. Вы знаете, какой он чудак. Скорее к делу, да и концы в воду. Я очень одобряю на этот раз суеверие бабушек и желаю вместе с ними, чтобы этот брак, по всем предположениям самый счастливый, потому что оба любят, кажется, истинно друг друга, был заключен непременно в апреле. Жалею только, что не могу теперь ничего послать ново-

[1] *Далее у Кулиша знак пропуска.* [2] *Знак пропуска.*

брачным кроме желания быть вечно довольными друг другом и вечно довольными своим состоянием. Это первое условие счастливого брака. Вы спрашиваете меня, появилась ли точно комета в Петербурге. Охота же вам заниматься ею! Мало ли подобной дряни является каждый год! По мне, хотя бы двадцать комет засветило вдруг[1] и все звезды поприцепляли к себе длинные хвосты, придерживаясь старой моды, мне бы это не больше принесло радости, как прошлого году упавший снег. Впрочем, когда вы мне объявили, что есть комета, то я нарочно обсматривал по несколько часам небо, но никакой звезды, даже короткохвостой или куцой, не встретил. Кто-то, я воображаю, трудится в Полтаве над выдумкою всех этих вздоров? Я думаю, люди всё значительные: правитель губернаторской канцелярии, губернский стряпчий, прокурор. А Марья Васильевна Клименко, верно, развозит всё это, как запечатанные письма по провинциям. Да скажите мне настоящую истину: вы уверили меня, что Александра Федоровна Тимченкова вышла замуж за Нежинцева, между тем как я теперь слышу, что она не выходила совсем. Чему же верить?

Если ее увидите, то передайте мой поклон и скажите что ее старому другу всё интересно знать, что ни касается до ней и что если бы я не знал, что у нее все минуты заняты хозяйством и заботами, то просил бы неотступно ее вести корреспонденцию с ее докучным родственником, который бы с большою жадностью перечитывал ее замечания и об Елисее Васильевиче и Николае Осиповиче и о прочем.

Какова у вас весна? Я думаю, уже давно на деревьях показались листья. Как вы счастливы, а мы вряд ли в половине мая дождемся их. Желаю вам от всей души весело провесть ее. Что касается до сестры, то она верно проведет весело. Можно побиться об заклад, что веселее всех нас.

До следующего письма.

Ваш сын Николай.

---

[1] вдруг *вписано.*

133.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

⟨1832⟩ 26 апреля. СПб.

Сей час только что принесли мне от Руча твой модный сюртук. Мерка у него твоя была в сохранности, и он уверяет, что совершенно сделал по ней. Я замечу только то, что я слишком теперь стал тебя тонее. Теперь, если бы ты увидел меня, то бы, верно, не узнал, так я похудал. Твой сюртук на меня так широк, как халат. На Кавказе, я думаю, ты еще больше разжирел, а здешний проклятый климат убийствен.— Очень жалею, что не могу прислать, кроме жилета, ничего больше: денег у меня теперь совершенно нет, и я не знаю, станет ли на пересылку. Меня всё смешат твои обещания. К чему эти уверения, что будешь непременно ко мне писать чрез каждые две недели, как будто я не знаю тебя. Уже прошло около полтора месяца после того, а ты до сих пор ни строчки. Да вряд ли напишешь и впредь, покуда какая-нибудь нужда не заставит. Однако же, я прошу тебя, извести меня, по крайней мере, в исправности ли ты получил прежде посланные мною книги, а теперь посылаемый сюртук с жилетом, потому что я до тех пор не могу быть спокоен, пока не получу твоей расписки в исправном получении. Признаюсь я опасаюсь оттого тебе посылать новых книг, которых вышло доныне немало, что не знаю, исправно ли ты их получаешь. Спешу отправлять и не имею больше времени.

Твой Гоголь.

134.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1832⟩ Апреля 27. СПб.

Я получил ваше письмо, отправленное вами 3 апреля. Очень рад, что посланные мною деньги пришли вам кстати. Когда-то уменьшатся эти сборы и подати? за ними вы не в состоянии сделать себе необходимого. Хороший управитель точно теперь полезнее для вас всего, и я рад, если

этот, который теперь представляется вам, действительно, имеет хоть одно из упомянутых вами качеств. Но хорошие управители такая редкость, какой почти невозможно отыскать. Иной бывает добр и имеет много совести, но зато мало понимает свое дело; другой знает свое дело, но зато плут. Дай бог, чтобы ваш не походил ни на того, ни на другого и чтобы вас совершенно избавил от беспокойств.— Очень сожалею, что не могу теперь отвечать на письмо (делающее мне много чести) Павла Осиповича. Причина этому недостаток времени. Это письмо я отправляю вам не по почте, но его получите вы от нашего доброго соседа Алексея Васильевича. К следующей же почте я надеюсь еще писать. Прощайте! будьте здоровы со всеми домашними.

Ваш сын Николай.

Уведомьте меня о тетиньке Катерине Ивановне. Я таки немного сердит, маминька, на вас, за то, что вы никогда почти теперь не извещаете о ней. Вы знаете, что я ее очень люблю.

135.

М. И. ГОГОЛЬ.

СПб. 12 мая ⟨1832⟩

Очень сожалею, что башмаки были велики. Было бы вам прислать назад, я бы переменил их. Посылаю теперь по две пары вам и сестре. Эти поменьше и должны быть вам в пору; а не то, так пришлите их назад вместе с старым башмаком, потому что по мерке трудно подобрать. Посылаю сестре платье; оно прочно и моется. Да пожалуста не говорите мне, что я посылаю сверх сил и проч. Вы мне приписываете гораздо более великодушия, нежели я имею его в самом деле. Будьте уверенны, что я не столько глуп, чтобы посылать вам тогда, когда сам нуждаюсь. Делать это — значит отнимать у себя возможность быть полезным вам впоследствии. И потому без церемонии! прошу писать ко мне обо всем, что вам нужно. Когда

будут у меня лишние деньги, я вышлю; когда же нет, то подождете до другого случая. Нитяные чулки запрещены мне носить доктором. Здешний климат — не Малороссия. Но если вы мне хотите непременно сделать подарок, то понемножку подготовляйте мне к зиме шерстяных чулок. Бумажных у меня довольно; шерстяных же крепких здесь трудно достать. Май у нас самый дрянной: дожди и снег беспрестанные, и я не решаюсь долго выезжать на дачу... Но покамест прощайте. Желая побольше вам веселья, поменьше забот, остаюсь

Ваш сын Николай.

Уведоми[1] меня, сестра, придется ли тебе в пору платье. Я вместе с ним посылаю и твое старое.

136.

М. И. ГОГОЛЬ.

9 июня 1832 г.[2] С.-Петербург

Письмо ваше от 9 мая я получил. Благодарю вас за то, что ели пирог на моих именинах и желали совокупно мне здоровья. Я сам бы очень рад был провесть этот день с вами, тем более, что совершенно не помню, когда мы проводили его вместе. Да как кажется, то я весною никогда почти не бывал с вами. Это случалось большею частью или летом, или зимою, и потому я не могу даже сказать, что видел весну; здесь же ее не бывает совсем. В мае было тепло, но так тепло, как летом. Теперь же, то есть 9 июня, так холодно, как в октябре. Что вам сказать более? Новостей нет никаких, выключая разве той, что я в будущем месяце, может быть, увижусь с вами, разумеется, если ничто не помешает; впрочем не советую вам слишком предаваться надежде: очень может случиться, что я вас и обману.

Письма до времени приостановитесь ко мне писать, потому что я живу теперь на даче и доставлять мне очень

---

[1] Уведомьте [2] *В копии ЛБ описка:* 1831 г.

трудно. В следующем письме я вам пришлю свой адрес, когда узнаю наверно, что мне, против чаяния, не доведется свидеться с вами. Впрочем, как бы то ни было, но ваше предчувствие удивительный пророк. Прощайте, несравненная маминька! будьте здоровы вместе с моими сестрами и со всеми нашими родственниками.

Ваш Николай.

137.

Н. М. ЛОНГИНОВУ.

9-го июня 1832 г. ⟨Петербург.⟩

Милостивый государь Николай Михайлович.

Будучи в необходимости ехать по домашним обстоятельствам в имение мое, находящееся в Полтавской губернии Миргородского повета, покорнейше прошу ваше превосходительство приказать снабдить меня надлежащим отпуском на каникулярное время.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейший слуга

Николай Гоголь.

138.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

1832, СПб., июня 15.

Опять не могу дождаться от тебя письма, или хоть даже короткого извещения о получении сюртука и прочего. Верно, тебя скука никогда не посещает, ибо только в таком расположении обыкновенно приходит охота писать. Счастлив ты в прелестных . . . Ты Сенпри в карикатурах. Желалось бы мне поглядеть на тебя. Да нельзя ли это сделать таким образом, чтобы мы выехали один другому навстречу. Сборное место положить хотя в Толстом или в Васильевке. Наши нежинцы почти все потянулись на это лето в Малороссию, даже Красненькой уехал, а в июле месяце, если бы тебе вздумалось заглянуть в Малороссию, то застал бы и меня, лениво возвращающегося с поля от

косарей, или беззаботно лежащего под широкою яблоней без сюртука, на ковре, возле ведра холодной воды со льдом и проч. Приезжай!..

Твой Гоголь.

Письма можешь адресовать мне в Полтаву, а оттуда в Васильевку.

139.

М. И. ГОГОЛЬ.

1832. Москва. 4 июля.

Я очень дурно сделал, моя бесценная маминька, что решился выехать из Петербурга, да еще в то время, когда чувствовал себя не слишком здоровым. Зато и поплатился порядком, покаместь доехал до Москвы. Как нарочно, погода была самая скверная, дожди проливные. Я ехал день и ночь, потому что товарищ мой, ехавший до Москвы вместе со мною, не имел времени останавливаться. Итак я в Москву приехал нездоровым, и хотя в течении нескольких дней почти всё прошло и я поправился, но здешние врачи советуют мне недельку обождать для совершенного поправления. Итак я теперь не уверен, буду ли у вас, или нет, потому что срок моего отпуска недалеко до окончания своего и мне нужно будет поспешать в Петербург; впрочем наверное я и сам не знаю. Может быть, получу еще отсрочку, и тогда всё-таки побываю у вас. Прощайте, будьте здоровы вместе со всеми нашими домашними. Жаль очень, что мне, хотя я, может быть, и приеду, нельзя будет есть никаких фруктов, а без этого и лето не лето.

Ваш Николай.

140.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ.

<1832> Июля 8. Уездн. городок Подольск, 30 верст от Москвы.

Я думаю, ты уже слышал от Божка, что путь мой не слишком был благополучен. В Москве я заболел и остался, и пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаива-

юсь. За всё я был награжден. Теперь я выехал и дожидаюсь на первой уже станции лошадей. Дожидаюсь часов шесть, но и здесь видна providencia, и за это я должен благодарить судьбу. Может быть, семена падут не на каменистую и бесплодную землю. Послушай (об этом я хотел писать к тебе из Москвы, но не успел). Я еду прямо на Полтаву, следовательно, не увижу Нежина. Ты должен, я тебя заклинаю всем (впрочем, ты сам же и слово даже дал), немедленно приехать с братом ко мне в деревню *Васильевку*, в простонародьи зовомую Яновщина. Что тебе делать в Нежине? Какие-нибудь любовные застарелые делишки? Но стыдно мужу, закаленному уже опытом, прошедшему все мытарства, ребячиться таким неприличным образом. Приезжай, если тебе я сколько-нибудь дорог, потому что от твоего приезду здоровье мое непременно поправится. Жизнь мы проведем самым эстетическим образом: спать будем в волю, есть тоже будем очень много, а главное, что варварский нос твой, лишенный всякого обоняния, прошибет запах настоящей деревни. Еще должен тебе сказать, что в этом же месяце прибудет, если уже не прибыл, Данилевский с Кавказа. Нет, ты будешь совершенный лошадиный помет, если всё это не подействует на твою вялую душу. Тогда можно будет решительно сказать, что весь мозг из головы твоей перешел в ту неблагородную часть тела, которою мы имеем обыкновение садиться на стуле и даже на судне, а всё содержимое в этой непозволительной [1] и мало употребляемой в разговоре части поднялось в голову. Вот тебе маршрут: из Нежина в Прилуки, из Прилук в Пирятин, из Пирятина в Лубны, из Лубен в Миргород, из Миргорода на село Устивицу в местечко Яреськи, а из Яресек всякой укажет тебе дорогу на Каменецкий мост в деревню Васильевку или Яновщину. Прощай. Исполни то, что тебе следует исполнить.

Твой Гоголь.

---

[1] *Далее было:* части

141.

М. П. ПОГОДИНУ.

<1832> Июля 8. Подольск, 1-я станция от Москвы.

Вот что называется выполнять свои обещания: я обещал к вам писать по крайней мере из Тулы, а пишу из Подольска. Я ехал в самый дождь и самою гадкою дорогою и приехал в Подольск и переночевал и теперь свидетель прелестного утра. Ехать бы только нужно, но препроклятое слово имеет обыкновение вырываться из уст смотрителей: нет лошадей. Видно, судьба моя ехать всегда в дурную погоду. Впрочем совестливый смотритель объявлял, что у него есть десяток своих лошадей, которых он, по доброте своей (его собственное выражение) готов дать за пятерные прогоны. Но я лучше решился сидеть за Ричардсоновой Кларисою в ожидании лошадей; потому что ежели на пути попадется мне еще десять таких благодетелей человеческого рода, то нечем будет доехать до пристанища. Впрочем присутствия духа у меня довольно: вот скоро уже 12 часов, а мне еще всё люли[1] и нипочем. Не знаю, так ли будет после 12-ти. Ну, обнимаю вас еще раз. Может быть, вы не выехали еще в деревню. Эх как весело иметь деревню в 50 верстах! Почему бы правительству не поручить какому-нибудь искусному инженеру укоротить путь, чтобы из 800 верст хотя 700 выбросить, и то бы было хорошо, всё-таки меньше. Но это мечты, которые я себе позволил по § Цензурного устава. Прощайте, мой бесценный Михаил Петрович, брат по душе! Жму вашу руку. Может быть[2], это пожатие дошло до вас прежде моего письма. Верно, вы чувствовали, что ваша рука кем-то была стиснута, хотя во сне: это жал ее ваш

Гоголь.

---

[1] всё кажется люли [2] Может быть *вписано*.

142.

М. П. ПОГОДИНУ.

<1832> Июля 20. Д. Васильевка.

Наконец я дотащился до гнезда своего, бесценный мой Михал Петрович, проклиная бесконечную дорогу и до сих пор не опамятовавшись после проклятой езды. Верите ли, что теперь один вид проезжающего экипажа производит во мне дурноту. Что-то значит хилое здоровье! Приехавши в Полтаву (17 июля), я тотчас объездил докторов и удостоверился, что ни один цех[1] не имеет меньше согласия и единодушия, как этот. У каждого свои мнения и иные из них так вздорны, что удивляешься, как и откуда залезли в глупые их головы, и каждый стоит за свою глупую систему до зарезу. Так что мне не остается иного средства, как просить вас прибегнуть к Дядьковскому и попросить у него первый рецепт. Уверьте его, что с величайшею признательностью буду благодарить его, сколько позволит мне мое состояние, и по гроб буду помнить его помощь. Теперешнее состояние моего здоровья совершенно таково, в каком он меня видел. Понос только прекратился, бывает даже запор; иногда мне кажется, будто чувствую небольшую боль в печенке и в спине, иногда болит голова, немного грудь. Вот все мои припадки. Дни начались здесь хорошие. Фруктов бездна, но я есть их боюсь (кстати, спросите о диэте). Остаток лета, кажется, будет чудо; но я, сам не знаю отчего, удивительно равнодушен ко всему. Всему этому, я думаю, причина болезненное мое состояние. Притом же приехал в имение совершенно расстроенное. Долгов множество невыплаченных. Пристают со всех сторон, а уплатить теперь совершенная невозможность. Я еще вас обременю просьбою. Если будете в городе, дайте знать книгопродавцам, авось-либо не купят 2-го издания Вечеров на хуторе. Много из здешних помещиков посылало в Москву и Петербург, нигде не могли достать ни одного экземпляра. Что это за глупый народ книгопродавцы! Неужели они не

[1] цех людей

видят всеобщих требований? Отказываются от собственной прибыли! Я готов уступить за 3000 р. если не будут давать более. Ведь это им приходится менее, нежели по три рубли за экземпляр, а они будут продавать по 15 р. итого 12 р. барыша на книжке. Пусть они вдруг продадут только 200 экземпляров то вырученная сумма за эти экземпляры уже вдруг окупит издержки. Остальные 1000 экземпл. в течение года или двух, верно, разойдутся, особливо когда еще выйдет новое детище. Теперь я бы взял от них только 1500 р. потому что мне они очень нужны, а остальных я бы мог подождать месяца два или три.

Если бы я меньше вас узнал, я бы стал оговариваться, что мне совестно вас обременять беспрестанными просьбами и проч. и проч. Но я вас знаю и потому не говорю ничего. Я жажду только и дожидаюсь с нетерпением обнять вас лично. Знаете ли, что мне представляется (я большой в этом случае фантазер) будто вы вдруг неожиданно приезжаете ко мне в деревню. Я вас ... и чем далее, тем невероятнее. Покаместь, я еще только отдыхаю. Впрочем родились у меня две крепкие мысли о нашей любимой науке, которыми вам когда-нибудь похвастаюсь. Прощайте, Михаил Петрович. Целую вас пятьдесят раз. Прощайте до следующей почты. Нарочный едет с этим письмом в Полтаву и, верно, застанет там ваше, которого я жду нетерпеливо.

Помните ли адрес? *В Полтаву*, оттуда в д. Васильевку.

143.

И. И. ДМИТРИЕВУ.

⟨Ок. 20 июля 1832 г. Васильевка.⟩

Милостивый государь Иван Иванович. Приехавши на место, я почел долгом писать к вам. Ваш ласковый прием и ваша доброта напечатлелись неизгладимо в моей памяти. Мне кажется, я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще

безызвестному и не доверяющему себе автору. С того времени мне показалось, что я подрос по крайней мере на вершок. Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что всё прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с вами. В дороге занимало меня одно только небо, которое, по мере приближения к югу, становилось синѣе и синѣе. Мне надоело серое, почти зеленое северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы. Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его ярки и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения. Он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; если бы одна только лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь совершенная редкость. Но я, думаю, уже наскучил вам статистикой здешнего края.

Так как вы были столько снисходительно добры, что изъявили желание знать об обстоятельствах того, который еще не видавши вас лично, питал к вам благоговейное уважение и привязался к вам всею душою, то скажу, что здоровье мое поправляется и, кажется, в лучшем состоянии, нежели в Москве. Совершенного же здоровья не надеюсь скоро дождаться. Позвольте, по крайней мере, пожелать вам,

чтобы еще в продолжение нескольких лет вы не знали совершенно никаких болезней, чтобы горе не смело переступить через порог ваш. А я, упрашивая вас не переменять драгоценного вашего расположения ко мне, остаюсь с совершенным почтением и вечною признательностию вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Николай Гоголь.

144.

М. П. ПОГОДИНУ.

<1832> Сентября 2. Д. Васильевка.

Вашей доброте, верно, конца нет, бесценный Михал Петрович! В письме вашем столько готовностей на все пожертвования, что мне осталось удивляться только необыкновенному своему счастию. Благодарю Вас за Вас же. Сделайте милость, обо мне не беспокойтесь теперь. Через месяц я обниму вас в Москве, и тогда поговорим обстоятельнее обо всем. Так и решимся. Денег, покамест, мне не нужно. Здоровье мое, кажется, немного лучше, хотя я чувствую слегка боль в груди и тяжесть в желудке, может быть, оттого, что никак не могу здесь соблюсть диэты. Проклятая, как нарочно, в этот год, плодовитость Украйны соблазняет меня беспрестанно, и бедный мой желудок беспрерывно занимается варением то груш, то яблок. Пилюль Дядьк.<овского> боюсь принимать (которые давно уже я получил из аптеки), потому что в рецепте, как вы пишете, была ошибка.

Прощайте, бесценный Михаил Петрович, до следующего раза. Более не успеваю писать: человек, через которого отправляю письмо, сей час едет в Полтаву и не может дожидаться.

Вечно ваш Гоголь.

С нетерпением жажду обнять вас. Тянет в Москву.

145.

ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

<1832> Сентября 9. Васильевка

Два дни было бы вам только подождать, и вы бы получили ваши лексиконы. Но вы так спешили расстаться с нами, как будто хотели убраться из чужой стороны. Лексиконы эти вы переплетите: французской особо, а русские две части соедините в один том так, как у меня. Доехали вы, верно, хорошо: погода как будто нарочно для вас, прелестная. У нас всё начало сентября было настоящее лето. В тени было 18 градусов теплоты. Я, как добрый пес, вылеживался на солнце. Душевно желаю вам поздороветь и поправиться в Одессе; а между тем советую вам, не оставлять вытираться хорошенько на ночь уксусом, особливо поясницу. Прощайте! обнимаю и целую вас несколько раз

вечно ваш Н. Гоголь.

Варваре Петровне, Павлу Петровичу и Ивану Петровичу поручаю вам передать мой поклон.

Надеюсь, что вы не забудете написать мне, в каком теперь состоянии ваше здоровье. Письмо ваше еще может меня здесь застать, в Петербург же вы знаете, как мне адресовать.

При сем и я душевно вас всех обнимаю, милые братцы и сестрицы.

146.

И. И. ДМИТРИЕВУ.

<23 сентября 1832. Васильевка>

Милостивый государь Иван Иванович! Необыкновенно приятно изумило меня письмо ваше. Несколько раз я перечитывал драгоценные для меня строки. Я не ожидал его; я думал, что мой адрес вам неизвестен; но ваше заботливое внимание и участие тронули меня до слез. Благодарю вас

за них: они оживили меня и подвинули на всё благое. Рад, что вам понравились мои несовершенные начатки; и если со временем произведу что-нибудь достойное, то виновником этого будете вы. Ваше поздравление меня с небом Украйны и яркими лучами солнца пришлось очень кстати: весь август здесь был прелестен, начало сентября похоже на лето. Я в полном удовольствии. Может быть, нет в мире другого, влюбленного с таким исступлением в природу, как я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю все движения ее, и чем далее, тем более открываю в ней неуловимых прелестей. Еще месяц я проживу здесь, потом еду в Москву и лично принесу вам мою благодарность за ваше снисходительное внимание. А до того с совершенным почтением и вечною признательностию остаюсь вашего высокопревосходительства, милостивого государя, покорнейшим слугою

Н. Гоголь.

1832. сент. 23.

147.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

⟨1832⟩ 9-го октября [1]. Курск

Здоровы ли вы, бесценный Петр Александрович? Я всеминутно думаю об вас и рвуся скорее повеситься к вам на шею[2]. Но судьба, как будто нарочно, поперечит мне на каждом шагу. В последнем письме моем, пущенном [3] 11 сентября, я писал вам о моем горе: что, поправившись немного в здоровьи своем, собрался было ехать совсем; но сестры мои, которых везу с собою в Патр.⟨иотический⟩ инст.⟨итут⟩, заболели корью и я принужден был дожидаться, пока проклятая корь прошла. Наконец 29 сентября я выехал из дому и, не сделавши 100 верст, переломал так свой экипаж, что принужден был прожить целую неделю в Курске, в этом скучном и несносном Курске. Вы счастливы, Петр Александрович! вы не испытали, что значит дальняя

---

[1] 10-го октября [2] *а.* скорее, скорее к вам *б.* скорее, скорее в [3] *Было начато:* Из последнего письма моего, пущенного

дорога. Оборони вас и испытывать ее. А еще хуже браниться с этими бестиями станционными смотрителями, которые, если путешественник не генерал, а наш брат мастеровой, то всеми силами стараются делать более прижимок и берут с нас, бедняков, немилосердно штраф за оплеухи, которые[1] навешает им генеральская рука. Но завтра, чуть свет, я подвигаюсь далее, и если даст бог, то к 20 октябрю буду в Петербурге. А до того времени, обнимая вас мысленно 1001 раз, остаюсь вечно ваш Гоголь.

Вы не можете себе представить, как я сгораю жаждою вас видеть. Один только любовник, летящий на свиданье, может со мною сравниться.

148.

М. И. ГОГОЛЬ.

1832. Октября 10. ⟨Станция под Курском.⟩

Я пишу к вам из станции под Курском, нарочно для того, чтобы вы не соскучились, не получая долго от нас известия. Лиза, Анна и я, слава богу, здоровы, как нельзя лучше, и даже можно прибавить — веселы, несмотря на то, что экипаж наш беспрестанно ломается. Я очень желал дома, чтобы его обсмотрел какой-нибудь сведущий каретник и указал бы именно, что нужно починить. Кузнеца нашего и винить нельзя. Он судил по своему толку. Впрочем я его теперь перечинил как следует, и мы, надеюсь, успешнее подвигаться будем к месту. Дети и не думают о доме. Я удивляюсь, как они так скоро могли забыть. Одна Анна иногда вспоминает, особливо когда иной раз долго придется дожидать лошадей. Время прекрасное! Осень чудная! Ехать лучше, нежели летом.

Прощайте, маминька! будьте здоровы!

Писать теперь некогда, прощайте до Москвы.

Ваш сын Николай.

---

[1] которых

149.

М. И. ГОГОЛЬ.

Москва. 21 окт. ⟨1832⟩.

Вот уже четвертый день, как мы в Москве. Почти две недели мы тянулись к ней, за проклятым экипажем, беспрестанно ломавшимся. Здесь я перечинил его снова и кроме того приделал зонтик, потому что осень становится немного хуже и, может быть, под Петербургом застанут нас дожди. Все мы, слава богу, здоровы; я же чувствую себя, даже против моего собственного чаяния, гораздо здоровее прежнего и бодрее. Дай бог, чтобы Вы тоже были веселы.

Какой дорогою я выдумал прелестный узор для ковра! Я вам пришлю его из Петербурга. Москва так же радушно меня приняла, как и прежде, и умоляет усердно остаться здесь еще на сколько-нибудь времени. Но мы очень опоздали, и потому в воскресение, 23, я думаю непременно выехать, а до того времени целуя ваши ручки,[1] остаюсь

ваш Н. Гоголь.

От души обнимаю сестру и Павла Ос⟨иповича⟩ и кланяюсь всем домашним.

150.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1832, ноябрь. Петербург.⟩

--- Скажите Катерине Ивановне, что мне часто приходят на ум ее песни, но я их не пою, потому что я мастер только подтягивать. А если бы запел соло, то мороз подрал бы по коже слушателей.

151.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1832 г.⟩ 22 ноября. С.-Петербург.

Я получил вчера ваше письмо вместе с метрическими выписками. Вы уже знаете из письма моего, пущенного

[1] *Было начато*: обнимая

вскоре по прибытии в Петербург, что мы все доехали благополучно, в надлежащем здравии. Дети покамест живут у меня, потому что в институте произошли небольшие переделки, и помещения совсем нет. На следующей недели я их отвезу. Насчет отягощения их учением не беспокойтесь. Они так мало успели, что будут помещены вместе с семилетними в предуготовительное отделение, где почти ничем не будут заниматься, выключая первых начал. Постараюсь побывать на этой же недели в Опекунском совете.

Теперь у меня много дел, и потому я спешу скорее окончить мое письмо. Одно слово только прибавлю: не сомневайтесь в нашей привязанности к вам.[1] Она с моей стороны неограниченна, и если я вам казался иногда холоден, так это оттого что у меня много разных занятий, между тем как у вас одно только — это попечение о детях ваших. Верьте, что у всякого, кто бы имел такую редкую мать, как вы, благодарность, любовь и почтение были бы к вам вечны. И тот даже посторонний был бы[2] низок и подл в высочайшей степени, который бы не оказал должного уважения добродетели.

Прощайте, бесценная маминька! Вечно почтительный и любящий вас сын Николай Гоголь.

P. S. Да, сделайте милость, выгоните вон Борисовича и чем скорее, тем лучше: он выучил моего Акима пьянствовать. Теперь всё мне открылось, когда они вместе, Яким с Яковом и Борисовичем, ходили за утками и пропадали три дня: это всё они пьянствовали и были так мертвецки пьяны, что их чужие люди перенесли. Я Акима больно[3]

Благодарю тебя, милая сестрица, за твою приписку. Будь здорова, развязна, весела, и, пожалуста, поменьше хворай. Поблагодарил бы тебя и за песню, но она уже у меня давно есть, написанная рукою Борисовны. Целую тебя. Обними за меня Павла Осиповича.

Твой брат.

---

[1] *Далее начато:* она вам потому кажется [2] И тот бы был [3] *Не дописано.*

152.

М. П. ПОГОДИНУ.

СПб. Ноября 25 ⟨1832⟩.

Не сердитесь, Михал Петрович, умоляю, не сердитесь. Я так по приезде сюда завяз в хлопотах, что насилу теперь только отрезвился. А в нетрезвом состоянии мне было совестно показаться на глаза друзей. Представьте себе мое горе: я не могу приехать к вам так скоро, как бы мне хотелось. Патриотический институт, видно, пронюхал мое намерение. Вы знаете, что я вез туда своих сестер с тем, чтобы за них платить. Я знал, что комплект полон, что больше не могут принять; но надеялся, что для меня будет сделано снисхождение. Какой же бы, вы думали, я получил ответ? Что сестры мои принимаются, и плата за них не требуется, но чтобы я за то находился при институте неотлучно. Я согласился, чтобы сбросить с себя пол-обузы и избавиться на первый случай от хлопот. Отдохнувши же, я очень хорошо знаю, как поступить, и до весны надеюсь быть у вас в Москве. Очень жалею, что не прежде, но нечего делать. Впрочем я покамест здоров и даже поправился. Следствие ли это советов Дядьковского, которыми он меня снабдил на дорогу и которому изъявите при случае мою признательность и благодарность, или здешнего моего врачевателя Гаевского, который одобряет многое замеченное Дядьковским, только я чувствую себя лучше против прежнего. Досада только, что творческая сила меня не посещает до сих пор. Может быть, она ожидает меня в Москве.

Прощайте. Напишите, чем вы теперь занимаетесь. И что у вас родилось в антракте от нашей разлуки до этого письма. Да снидет на вас благодать и да разрешитесь вы к новому году томом широким, увесистым, читая который, был бы

— сам как будто на земли,
А пред тобою небо открывалось.

Так как вы, без всякого сомнения, испугались бы, если бы моя рука вытянулась на 700 верст в длину и, пробившись

сквозь капитальные стены вашего кабинета, любовно пожала бы вашу, то вместо того я посылаю вам мысленно рукопожатие[1] и братское объятие.

Вечно ваш Гоголь.

Поклон Киреевскому, Аксакову и всем нашим москвичам.

Напишите, сколько градусов тепла у вас в кабинете. У меня холодная квартира, и я теперь всякого, у кого в комнате 15 градусов тепла, почитаю счастливцем.

Да: квартира моя II-й Адм<иралтейской части>, в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

153.

И. И. ДМИТРИЕВУ.

<30 ноября 1832 г. Петербург.>

Милостивый государь Иван Иванович. Я очень виноват перед вашим высокопревосходительством. Никаким образом не удалось мне быть у вас перед выездом моим в Петербург. Одна только уверенность, что вы, зная мою нелицемерную признательность и то глубокое уважение к вам, которое должно находиться в сердце каждого русского, меня извините, эта одна уверенность совершенно меня успокоивает. Сегодня будет месяц, как я нахожусь здесь, и хотя еще не успел побывать у кого бы следовало (чему причиною лень, вывезенная мною из Малороссии), однако ж виделся с Пушкиным. Газеты он не будет издавать, — и лучше! В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим заняться значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком. Князь Одоевский скоро порадует нас собранием своих повестей, в роде Квартета Бетговена, помещенного в Север. Цветах на 1831. Их будет около десятка, и те,

[1] пожатие

которые им написаны теперь, еще лучше прежних. Воображения и ума куча! Это ряд психологических явлений, непостижимых в человеке! Они выдут под одним заглавием Дом сумасшедших.

Вот все почти наши новости! Желая загладить перед вами невольный проступок мой, я спешу скорее отправить письмо и потому не распространяюсь. Но в следующий раз (если только это не нанесет вам скуки) постараюсь уведомить и об моих занятиях, которые впрочем не значительны. С чувством всегдашней признательности и глубочайшего почтения остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга.

Н. Гоголь.

1832. СПб., 30 ноября.

Если на случай вам понадобится знать мой чердак, то вот его адрес: II-й Адм.<иралтейской> части в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

154.

М. И. ГОГОЛЬ.

1832 г. Декабря 3. <Петербург.>

Я был в Опекунском совете. Вам нечего слишком беспокоиться: вам дано будет знать чрез Губернское правление, что Опекунский совет требует и напоминает вам о процентах, и тогда (ежели вы соберетесь внесть) губернатор может о вас дать удостоверение, что вы, точно, по случаю неурожаю и проч. тому подобного, не имеете возможности и просите отсрочки, и вас оставят на время, вами положенное, в покое. Впрочем, до требования продлится наверное месяц еще, и потому вы, верно, успеете отправить заранее и тем избежите хлопот — ездить к губернатору просить свидетельства.

Посылаю вам узоры: моего изобретения здесь нет, потому что я его еще не кончил. Эти же узоры посылаю вам для тех ковров, о которых я вам говорил еще дома.

Поле всё в клетках под тень так, как я вам оставил рисунок на стулья. По полю белые круги ($^3/_4$ аршина в диаметре). Они должны <быть> чаще и ближе один от другого, чтобы поля (хотя оно и клетчатое) видно было немного; в круге букет цветов, который при сем посылаю. Один букет ставьте на все круги. Это не будет однообразно; а ковер будет между тем чрезвычайно ярок. Кайму, какую хотите из двух, употребите: или *гирлянды на палке по белому полю* (только не по черному, как там начато), или другую, по голубому. Лучше, я думаю, первую. Другой же ковер — ландшафт, который тоже посылаю, будет прелестен. Кайму к нему я пришлю вам скоро. Она необыкновенно широка и вся в цветах, так что для ландшафта остается небольшая середина ковра, и чрез это ковер очень выдет поразителен: ландшафт с рамкою кажется в отдалении.

Прощайте, бесценная маминька. Дочери ваши посылают вам конфект.

Любящий сын ваш Николай.

Да, квартира моя: Адмиралтейской части в Новом переулке. Дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

155.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

СПб. 1832, декабря 12.

Я думаю, вы, земляче, порядочно меня браните за то, что я до сих пор не откликнулся к вам? Ваша виньетка меня долго задерживала. Тот художник, малоросс в обоих смыслах, про которого я вам говорил и который один мог бы сделать национальную виньетку, пропал как в воду, и я до сих пор не могу его отыскать. Другой, которому я поручил, наляпал каких-то чухонцев и так гадко, что я посовестился вам посылать. О Русь, старая рыжая борода, когда ты поумнеешь? Однако ж жаль, что наши песни будут без виньетки; еще более жаль, если я вас задержал

этим. Как же вы поживаете? Можно ли надеяться мне вашего приезду нынешней зимой сюда? А это было бы так хорошо, как нельзя лучше. Я до сих пор не перестал досадовать на судьбу, столкнувшую нас мельком на такое короткое время. Не досталось нам ни покалякать о том и о сем, ни помолчать, глядя друг на друга. Посылаю вам виршу, говоренную запорожцами, и расстаюсь с вами до следующего письма. Адрес мой: 2-й Адмир.<алтейской> части, в Новом переулке, в доме Демута-Малиновского, близ Мойки.[1]

Н. Гоголь.

Поклонитесь от меня, когда увидите, Щепкину. Посылаю поклон также земляку, живущему с вами, и желаю ему успехов в трудах, так интересных для нас.

156.

М. И. ГОГОЛЬ.

<1832> 13 декабря СПб.

Я получил письмо ваше от 23 ноября третьего дня. Очень рад, что вы здоровы. В письме вы извещаете, между прочим, что хотите продать одну землю, а людей оставить. Но выгодно ли это будет вам? Ведь вам нужно, маминька, денег и в приказ отдать, и в Опекунский совет, и еще несколько тысяч на предполагаемый вами кожевенный завод. — Точно ли притом вы уверены, что люди действительно добры? Ведь им самим верить нельзя. Этот народ лукав: это ничего не значит, что многие помнят вас с измалу. Они, пожалуй, будут падать в ноги, и при этом будут самые бестии. Но довольно об этом. Я уверен, что всё, что вы ни делаете, делаете, посоветовавшись наперед с собственным благоразумием, которое всегда вас выручало.

Об детях не беспокойтесь. Они уже в институте,[2] покамест ничего не делают, только привыкают. Не знаю, как вас благодарить за гаман. Ожидаю с нетерпением скорее его увидеть.

---

[1] *Далее было.* Приезжайте [2] *Далее начато:* и здоровы

Желая вам всегдашнего здоровья и во всем успеха, остаюсь ваш сын.

Очень благодарен Катерине Ивановне за приписку. Обнимаю сестру мысленно, также и Олиньку.

Прилагаемое при сем письмо отправьте скорее Александру Сем<еновичу> Данилевскому.

Не позабудьте адрес мой: 2-й Адм<иралтейской> части в Новом переулке, дом Демут-Малиновского.

157.
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

<1832> 13 декабря СПб.

Стыдно тебе не написать ко мне ни строчки. Я от маминьки слышу, что ты уже не едешь в Петербург, а думаешь служить в Одессе. Если этому виною, как говорят, холод, который ты воображаешь найти в Петербурге, то уверяю тебя, что здесь теперь теплее, нежели у нас, в Малороссии. Вот уже ползимы, слава богу, а еще не было ни одного порядочного морозу. — Термометр постоянно показывает или 2 или один градус тепла. Ты всё меряешь Петербург по параду, на котором заставляли тебя мерзнуть несколько часов Звегинцов и Гудим. Но впрочем, если ты имеешь какие-нибудь выгоды особенные в Одессе служить, то против этого я ничего не смею тебе советовать. Как бы то ни было, в том или другом случае пиши ко мне и извещай подробнее обо всем. Я теперь так спешу, что не сообщаю тебе ни о чем здешнем, не уверен будучи, застанет ли это письмо тебя дома. До того времени вот тебе мой адрес: 2-й Адмирал<тейской> части, в Новом переулке, в доме *Демут-Малиновского*. Это очень близко возле твоего гнезда, твоих воспоминаний — юнкерской школы.

Прощай, с нетерпением ожидаю от тебя известия.

Твой Гоголь.

На обороте: Его благородию Александру Семеновичу Данилевскому.

158.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

<1832> Декабрь 20-е. СПб.

Наконец я получил-таки от тебя письмо. Я уже думал, что ты дал тягу в Одессу или в иное место. Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновенье. Я бы не нашел себе в прошедшем наслажденья, я силился бы превратить это в настоящее и был бы сам жертвою этого усилия и потому-то к спасенью моему у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня от желания заглянуть в пропасть. Ты счастливец, тебе удел вкусить первое благо в свете — любовь. А я... но мы, кажется, своротили на байронизм. Да зачем ты нападаешь на Пушкина, что он прикидывался? Мне кажется, что Байрон скорее. Он слишком жарок, слишком много говорит о любви и почти всегда с исступлением. Это что-то подозрительно. Сильная продолжительная любовь проста, как голубица, то есть выражается просто, без всяких определительных и живописных прилагательных, она не выражает, но видно, что хочет что-то выразить, чего, однако ж, нельзя выразить и этим говорит сильнее всех пламенных красноречивых тирад. А в доказательство моей справедливости прочти те самые строки, которые ты велишь мне целовать. Жаль, что ты не едешь <в> Пбрг, но если ты находишь выгоду в Одессе, то, нечего делать, не забывай только писать. Жаль, нам дома так мало удалось пожить вместе. Мне всё кажется, что я тебя почти что не видел. — Скажу тебе, что Красненькой заходился не на шутку жениться на какой-то актрисе с необыкновенным, говорит, талантом, лучше Брянского — я ее, впрочем, не видел — и доказывает очень сильно, что ему необходимо жениться. Впрочем, мне кажется, что этот задор успеет простыть покаместь. Здесь и драгун. Такой молодец с себя! с страшными бакенбардами и очками, но необыкновенный флегма. Братец, чтобы показать

ему всё любопытное в городе, повел его на другой день в бордель; только он во всё время, когда тот потел за ширмами, прехладнокровно читал книгу и вышел не прикоснувшись ни к чему, не сделав даже значительной мины брату, как будто из кондитерской. — Получивши от тебя письмо, я получил такую о тебе живую идею, что когда встретил близ Синего мосту шедшего подпрапорщика, то подумал про себя: Нужно зайти к нему. Его верно не пустили за невзноску денег в казну за чичеры <?> и поворотил к школе и уже спросил солдата на часах, был ли сегодня великий князь и не ожидают ли его, да после опомнился и пошел домой. Прощай! Где бы ни был ты, желаю, чтоб тебя посетил необыкновенный труд и прилежание такое, с каким ты готовился к школе, живя у Иохима. Это лекарство от всего, а, чтобы положить этому хорошее начало, пиши, как можно чаще, письма ко мне. Это средство очень действительно.

159.

В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

<1 января 1833 г. Петербург.>

Милостивый государь
Василий Иванович.

От всей души и сердца поздравляю вас с новым годом и днем Вашего ангела и чрезмерно сожалею, что мое нездоровье не позволяет Вам этого сказать лично.

С нелицемерным почтением и пред<анностию> честь имею быть ваш покорнейший слуга

Николай Гоголь.

1833. Генварь 1.

На обороте: Его высокородию милостивому государю Василию Ивановичу Григоровичу.

160.

М. П. ПОГОДИНУ.

1833-го, генваря 10.

Меня изумляет ваше молчание. Не могу постигнуть причину. Не разлюбили ли вы меня? Но, зная совершенно вашу душу, я отбрасываю с негодованьем такую мысль. По всему мы должны быть соединены тесно друг с другом. Однородность занятий — заметьте, и у вас, и у меня. Главное дело всеобщая история, а прочее стороннее — словом, всё меня уверяет, что мы не должны разлучаться на жизненном пути. Я к вам писал письмо одно и после другое, в которых изъяснял причины, почему я не еду скоро в Москву. Послал вам адрес, просил и молил вас не забыть своего двойника, но вы позабыли. Поздравляю вас с 1833-им и желаю, чтобы всё замышляемое вами осуществилось в этом году. А себе желаю, чтобы вы меня любили столько, сколько я вас.

Если увидите Максимовича, упрекните его за то, что и он не дал мне ответа на письмо мое. Вся Москва, кажется, забыла меня. Тогда как ее беспрестанно вижу в мыслях своих.

Бога ради, не забудьте меня и хотя строчкою отзовитесь!

Ваш Гоголь.

161.

М. И. ГОГОЛЬ.

1833. Генваря 10. ⟨Петербург.⟩

Очень изумляет меня ваше молчание. На три письма мои и одну посылку я не получаю до сих пор никакого ответа. Письмо ваше, адресованное ко мне в Патриот⟨ический⟩ институт, уже два месяца как я получил, и это письмо от вас было последнее. Я вам и адрес свой послал. Сделайте милость, не вводите меня в недоумение таким долгим молчанием. Дети здоровы. У них в институте недавно был маскерад. Желая вам совершенного здоровья и поздравляя вас с Новым Годом,

остаюсь ваш сын Николай.

162.

М. П. ПОГОДИНУ.

1833. Февраль 1. СПб.

Насилу дождался я письма вашего! Узнавши из него причину вашего молчания, уже не досадую на вас. Зависть только одолевает меня. Как! в такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тем как я сижу, как дурак, при непостижимой лени мыслей. Это ужасно! Но поговорим о драме. Я нетерпелив прочесть ее. Тем более, что в Петре вашем драматическое искусство несравненно совершеннее, нежели в Марфе. Итак Борис, верно, еще ступенькою стал выше Петра. Если вы хотите непременно вынудить из меня примечание, то у меня только одно имеется. Ради бога, прибавьте боярам несколько глупой физиогномии. Это необходимо так даже, чтобы они непременно были смешны. Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина! А доказательство в наше время. — Через это небольшой ум между ними уже будет резок.[1] Об нем идут речи, как об разученой голове. Так бывает в государстве. А у вас, не прогневайтесь, иногда бояре умнее теперешних наших вельмож. Какая смешная смесь во время Петра, когда Русь превратилась на время в цирюльню, битком набитую народом; один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что один бранит[2] Антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника. Я не иначе представляю себе это, как вообразя попа во фраке. Не пожалейте красненькой, нарядите попа во фрак, за другую — обрейте ему бороду и введите его в собрание или толкните меж дам. Я это пробовал, и клянусь, что в жизнь не видел ничего лучше и смешнее: каждое слово и движение нового фрачника нужно было записывать. Благословенный вы избрали подвиг! Ваш род очень хорош. Ни у кого столько истины и истории в герое пиесы. Бориса я очень жажду

---

[1] *Далее начато:* И он не иначе как большим [2] ругает

прочесть. Как бы мне достать ваших Афоризмов? Меня очень обрадовало, что у вас их целая книга. Эх, зачем я не в Москве!

Журнальца, который ведут мои ученицы, я не посылаю, потому что они очень обезображены посторонними и чужими прибавлениями, которые они присоединяют [1] иногда от себя из дрянных печатных книжонок, какие попадутся им в руки. Притом же я только такое подносил им, что можно понять женским мелким умом. Лучше обождите несколько времени: я вам пришлю, или привезу чисто свое, которое подготовляю к печати. Это будет всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием *Земля и Люди*. Из этого гораздо лучше вы узнаете некоторые мои мысли об этих науках.

Да. Я только теперь прочел изданного Вами Беттигера. Это, точно, одна из удобнейших и лучших для нас история. Некоторые мысли я нашел у ней совершенно сходными с моими, и потому тотчас выбросил их у себя. Это несколько глупо с моей стороны, потому что в истории приобретение делается для пользы всех и владение им законно.— Но что делать, проклятое желание быть оригинальным!

Я нахожу только в ней тот недостаток, что во многих местах не так развернуто и охарактеризовано время. Так Александрийский век слишком бледно и быстро [2] промелькнул у него. Греки, в эпоху национального образованного величия, у него — звезда не больше других, а не солнце [3] древнего мира. Римляне, кажется, уже слишком много, внутренними и внешними разбоями, заняли места против других. Но это замечания собственно для нас, а для Руси, для преподавания, это са<мая> золотая книга.

Вы спрашиваете об Вечерах Диканских. Чорт с ними! Я не издаю их. И хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекуляционными оборотами. Я даже позабыл, что я творец этих Вечеров, и вы только напомнили мне об этом. Впро-

---

[1] прибавляют [2] слабо [3] звезда, а не солнце

чем, Смирдин отпечатал полтораста экземпляров 1-й части, потому что второй у него не покупали без первой. Я и рад, что не больше. Да обрекутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня.

Но я стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется! великое не выдумывается! Одним словом, умственный запор. Пожалейте обо мне и пожелайте мне! Пусть ваше слово будет действительнее клистира.

Видите ли, какой я сделался прозаист, и как гадко выражаюсь. Всё от бездействия.

Обнимая и целуя вас, остаюсь ваш

Гоголь.

163.

М. И. ГОГОЛЬ.

Февраля 8, 1833. СПб.

Я получил ваше письмо от 6 генваря. Очень жалею, что плут Лукашевич ввел вас в такие беспокойства и не плотит денег. Если еще можно, то лучше возвратите ему его задаток; а я напечатаю в газетах объявление о продаже имения, и тут же у меня его купят. Здесь теперь много охотников покупать имения, и многие взяли свои деньги из ломбарда по поводу разнесшихся слухов, что один процент казна сбавляет. Досадно, если вам придется вести с ним тяжбу, потому что, мне кажется, очень сомнительно, чтобы он где достал 4000 руб. Посылаю вам моего изобретения еще один узор. Всё поле должно состоять из осьмиугольников, один голубой, другой оранжевый. В голубом, как видите, оранжевая розетка, а в оранжевом голубая. Между осьмиугольниками черные четыреугольники. Кайма: вьющаяся лента по белому полю. Ковер будет прелестен. Жаль очень, что гамана вы не достали, а теперь очень удобный случай всё переслать ко мне, потому что Данилевский <едет> сюды. Приготовьте к отъезду его шапку сму-

шевую с суконным верхом, шаровары и кунтуш, хотя тот самый, который тогда приносили ко мне. С нетерпением ожидаю сказок и присказок. Только вам самим не советую этим заниматься. Это несколько тягостная работа. Пусть лучше сестрица моя этим займется, призвавши на помощь Катерину Ивановну.

Дети, слава богу, здоровы и, кажется, никакого влияния не произвел над ними климат. Смотрение за ними как нельзя лучшее. Начальница их редкая женщина. При сем препровождаю их письма к вам. Имеете ли вы какие-нибудь известия об Андрее Андр.<еевиче>? Мне сказывал Леонтьев (который только что уехал из Петербурга, по его просьбе к нему), что он бедняк очень запутал сам себя и теперь не знает, что делать. Что Косяровские, не пишут? Каково здоровье Анны Матвеевны?

Посылаю вам башмаки, две пары на вашу ногу, а две на сестрину, и конф.<ект>.

Часто ли бывает у вас Ал. Данилевский? Каково вы провели масленицу? Уж верно не так, как здесь ее проводят. Теперь только Матрена с супругом возвратилась из балаганов и, крестясь от страха, рассказывает, как при ее глазах разрезали человека на несколько частей, даже кровь лилась, и он, как ни в чем не бывало, ожил и начал ходить, кривляться и паяцничать, как прежде; из маленькой девчонки вдруг сделалась огромная кухня с посудою, горшками и пр.

Сию минуту только мне принесли письмо ваше, в котором вы изъявляете сожаление о неполучении мною ваших. Письма ваши все мною получены; через магазин Смирдина скорее всех, но другое немного залежало. Очень благодарю вас за то, что приказали Антошке списывать сказки. Когда бы только он не умничал и не выбрасывал многого. Вы пишете, чтобы я об себе писал вам. Что же такое писать? Ну, я, слава богу, жив и здоров, чего и вам желаю. Когда проснусь, то одеваюсь; потом завтракаю; часа через четыре или пять обедаю; когда же наступит ночь то ложусь спать; и так каждый день проходит. Не делаю совершенно ничего; может быть, я из дому вывез с собою

лень. И досадно, а ничего не хочется делать. Вообразите мою неприятность. Приготовился теперь же послать бритвы Павлу Осиповичу, и теперь же у меня их украли, как будто в наказание, что я позабыл сделать это раньше. Я хотел-было купить, но настоящих аглицких теперь и в Петербурге нет, привоз запрещен, мне же достались они по случаю.

Много свадьб! Поздравьте от меня Марью Алексеевну и скажите, что я ей от всей души желаю счастья в новом ее состоянии.

164.
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

1833, февраля 8. СПб

Я получил оба письма твои почти в одно время и изумился страшным переворотам в нашей стороне. Кто бы мог подумать, чтобы Соф.<ья> В.<асильевна> и М.<арья> Ал.<ексеевна> выйдут в одно время замуж, что мыши съедят живописный потолок Юрьева и что Голтвянские балки узрят на берегах своих черниговского форшмейстера? Насмешил ты меня Лангом! Чтоб его чорт побрал с его клистирами! Один Гаврюшка в барышах. Однако я от всей души рад, что Марья Алексеевна вышла замуж. Жаль только, что ты не написал за кого. Что ты ленишься или скучаешь? Мне уже кажется, что время то, когда мы были вместе в Василевке и в Толстом, чорт знает, как отдалилось, как будто ему минуло лет пять. Оно получило уже для меня прелесть воспоминания. Я вывез, однако ж, из дому, всю роскошь лени и ничего решительно не делаю. Ум в странном бездействии. Мысли так растеряны, что никак не могут собраться в одно целое, и не один я, всё, кажется, дремлет. Литература не двигается: пара только вздорных альманахов вышло — Альциона и Комета Белы. Но в них может быть чайная ложка меду, и прочее всё деготь. Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирит всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не затащут его в деревню.

Один только князь Одоевский деятельнее. На днях печатает он фантастические сцены под заглавием *Пестрые сказки*. Рекомендую: очень будет затейливое издание, потому что производится под моим присмотром. Читаешь ли ты Илиаду? Бедный Гнедич уже не существует. Как мухи мрут люди и поэты. Один Хвостов и Шишков на зло и посмеяние векам остаются тверды и переживают всех, <. . . . . .> свои исподние платья. Поздравляю тебя с новым земляком — приобретением нашей родине. Это Фадей Бенедиктович Булгарин. Вообрази себе, уже печатает малороссийский роман под названием Мазепа. Пришлось и нам терпеть! В альманахе Комета Белы был помещен его отрывок под титулом Поход Палеевой вольницы, где лица говорят даже малороссийским языком. Попотчивать ли тебя чем-нибудь из Языкова, чтобы закусить <. . . . .> конфектами. Но я похвастал, а ничего и не вспомню. Несколько строчек, однако ж, приведу:

. . . . . .

Как вино вольнолюбива,
Как вино она игрива
И блистательно светла.
Как вино ее люблю я,
Прославляемое мной.
Умиляя и волнуя
Душу полную тоской.
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой.
Сладки песни распевает
О былых веселых днях
И стихи мои читает
И блестит в моих очах.

Красненькой еще не женился, да что-то и не столько уже поговаривает об этом. Баит, что ему не хотелось бы, но непременно должно. Не знаю, вряд ли тебе будет хорошо ехать теперь. Дорога, говорят, мерзкая. Снег то

вдруг нападает, то вдруг исчезнет, но как бы то ни было я очень рад, что ты это вздумал и хоть ты и пострадаешь в дороге, зато я выиграю, тебя прежде увидевши. А Тиссон как? Поедет ли он с тобою или нет? Мне Аким надоел (он состоит в должности поверенного Афанасия и ходит здесь по делам его), беспрестанно просит позволения итти к Тушинскому, который употребляет Фабиевские увертки к промедлению уплаты 15 руб. с копейками. Это ты можешь передать Афанасию. Ты меня ужасно как ошеломил известием, что у вас снег тает и пахнет весною. Что это такое весна? Я ее не знаю, я ее не помню, я позабыл совершенно, видел ли ее когда-нибудь. Это должно быть что-то такое девственное, неизъяснимо упоительное, Элизиум. Счастливец! повторил я несколько раз, когда прочел твое письмо. Чего бы я не дал, чтобы встретить, обнять, поглотить в себя весну. Весну! как странно для меня звучит это имя. Я его точно так же повторяю, как Кукольник (№ который находится опять здесь и успел уже написать 7 трагедий) повторял, помнишь, — Поза, Поза, Поза. Кстати о Возвышеном: он нестерпимо скучен сделался. Тогда было соберет около себя толпу и толкует, или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то. Не терпит людности и выберет такое время притти, когда я один и тогда, или душит трагедией, или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты и не могу заметить никакого направления в нем. Зато приятель твой, Василий Игнатьевич, о котором ты заботишься, ни на волос не переменился с того времени, как ты его оставил. Та же ловкость, та же охота забегать по дороге к приятелям за две версты в сторону. Кажется, он чем далее делается легче на подъем, так что в глубокой старости улетит, я думаю, с телом в поднебесные страны, отчизну поэтов.

Прощай! Пиши, если успеешь. Видишь ли ты Федора Акимовича с новобрачною супругою или хотя мужественного Грыця? Да что Баранов в наших еще краях? Поклонись

ему от меня, если увидишь и скажи ему, что я, именем политики, прошу его написать строк несколько. Что в Василь<ев>ке делается? Я думаю Катерина Ивановна напела тебе уши песнями про бойрендом, духтером. Свидетельствуй мое почтение папиньке и маминьке и поцелуй за меня ручки сестриц, Анны и Варвары Семеновны.

165.

М. П. ПОГОДИНУ.

Февраль 20 <1833. Петербург.>

Я получил письмо твое еще февраля 12-го и почти неделю промедлил ответом. Винюсь, прости меня! Журнала девиц я потому не посылал, что приводил его в порядок, и его-то, совершенно преобразивши, хотел я издать под именем *Земля и Люди*. Но я не знаю отчего на меня нашла тоска... корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание[1]. Как-то не так теперь работается![2] Не с тем вдохновенно-полным наслаждением царапает перо[3] бумагу. Едва начинаю, и что-нибудь совершу из Ист<ории>, уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромнее объему, то вдруг зиждется совершенно новая система и рушит старую. Напрасно я уверяю себя, что это только начало, эскиз, что оно не нанесет пятна мне, что судья у меня один только будет, и тот один — друг. Но не могу, не в силах. Чорт побери пока труд мой, набросанный на бумаге, до другого, спокойнейшего времени. Я не знаю, отчего я теперь так жажду современной славы. Вся глубина души так и рвется внаружу. Но я до сих пор не написал ровно ничего. Я не писал тебе: я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написалось на белой толстой тетради: *Владимир 3-ей степени*, и сколько злости! смеху! соли!.. Но вдруг остановился, увидевши, что перо так

[1] *Начато было:* и я перестал [2] трудится [3] ленивое перо

и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит. А что из того, когда пиеса не будет играться? Драма живет только на сцене. Без нее она как душа без тела. Какой же мастер понесет на показ народу неконченное произведение? — Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самый невинный, которым даже квартальный не мог бы обидеться. Но что комедия без правды и злости! Итак за комедию не могу приняться. Примусь за Историю — передо мною движется сцена[1], шумит апплодисмент, рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают зубы, и — история к чорту. — И вот почему я сижу при лени мыслей.

Беттиг.<ера> я не читал на немецком. Прочел в переводе. Имеется ли у него и Новая история? или только одна древняя? Мне нравится в ней то, что есть по крайней мере хоть несколько верный анатомический скелет. У нас и этого нигде не найдешь. — Не будет ли еще чего-нибудь у вас историч.<еского>, переведенного университетскими. А что Европейская история?

Пушкин недавно говорил о тебе с государем насчет Петра и желания твоего трудиться вместе с ним. Государь наперед желал узнать о трудах твоих, и когда ему вычислили длинный ранг твоих изданий, то он тот же час изъявил согласие, и Пушкин говорит, что ты можешь, живя здесь или в Москве, издавать всё выкапываемое в Архивах и брать за это деньги. Как же велико будет твое жалованье, это ему еще неизвестно.

Крылова нигде не попал, чтобы напомнить ему за портрет. Этот блюдолиз, несмотря на то, что породою слон, летает как муха по обедам. Смирдину напоминал.[2] Читал ли ты Смирдинское Новоселье? Книжища ужасная; человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь в первый раз показались в печати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тут и подлости, и вони, и всего. Я слышал, у вас в Москве альманах составляется и участвуют люди такие, которых статьи непременно будут

[1] комедия [2] *Далее начато:* за

значительны. Будешь ли там? Мне очень нравится Комета Галлея. Есть что-то чертовски утешительное в минуты некоторых мыслей...

У меня теперь голова страшно забита кучей хлопот вчера и сегодня, так что я... я думаю, пишу довольно бестолково и спешу отправить.

От всей души обнимая, остаюсь
Твой Гоголь.

Хотел было предложить два историч.<еские> вопроса, сильно меня занимавшие. Не разрешишь ли? — но после. Они требуют много бумаги. Видишь, я несмотря на всё всё-таки не могу совершенно освобод<иться> от Истории.

166.
М. И. ГОГОЛЬ.

1833 г. 23 марта. <Петербург.>

Письма ваши, одно почтою, другое чрез Данилевского, получил. Очень благодарен вам за присылку шапки, пояса и прочего. Жаль, что не застала вас во время просьба о кунтуше; но впрочем это можно исполнить при другом удобном случае. Может быть, Леонтьев будет в наших местах, и тогда можно будет чрез него. Рад очень, что вы немного успокоились насчет хозяйственных хлопот. Дети, слава богу, здоровы. Так как природных способностей у них немного, то я не нахожу, чтобы мне нужно было непременно упреждать их. Лучше пусть этот год они почти ничего не делают и остаются в том же классе еще на два года! Притом же зачем им выходить слишком молодыми? С 1-го февраля и до сих почти пор здесь стоит прекрасная зима. Как у вас? Я думаю, весна уже давно началась, по крайней мере в поле зеленеет. Я всегда очень сожалею, что мне никогда почти не доводилось встретить весну в нашем крае. Может быть, на следующий год бог поможет исполниться этому моему желанию. Однако прощайте,

желаю вам окончить пост и провесть праздники весело. Впрочем до того времени, может быть, успею еще написать к вам.

Ваш сын Н.

167.

М. И. ГОГОЛЬ.

<5 апреля 1833. Петербург>.

Поздравляю вас с праздником. Очень бы был рад, если б узнал, что вы провели его как нельзя лучше. Но так как мне еще ничего не известно про то, что происходило в продолжение их у вас, то остается пожелать, чтобы вы все дни грядущие были так веселы и спокойны, как добрые люди в праздник. Анет и Лиза поздравляют вас с праздником, хотя впрочем несколько поздно. Получили ли вы какое-нибудь сведение от отца Емельяна? пришлет ли он ноты? Очень бы меня обрадовал он, если бы прислал. Я думаю, что Ольга Д.<митриевна> позабыла отдать письмо ему. С 3-го дня праздников опять восстановилась здесь хорошая погода, но первый и второй день были дождливы. Целую сестру и Павла Осиповича, а также и Катерину Ивановну. Обнимаю Василя Ивановича и да снидет мир на дом наш!

Ваш Николай.

1833, апреля 5. С. Петербург.

168.

М. И. ГОГОЛЬ.

<Апрель 1833. Петербург.>

<Жаль?> что Омельян не присылает ноты, и, как видно из ваших слов, совершенно нет никакой надежды получить их. Нельзя ли каким-нибудь образом послать вам кого-нибудь в Кибенцы расторопного и хитрого человека. Не осталось ли сколько-нибудь их там. — Какой бы для меня был это подарок!

Прощайте до следующего письма. Будьте здоровы! Да пошлет вам бог успех во всем!

вечно признательный ваш сын

Николай.

Вы извещаете, что к вам приезжали Ларион Тро<щинский> с сестрами. Сделайте милость, не покажите им виду, что вам в тягость их посещение. — Не хорошо, если нами будут недовольны. Лучше поступать так, чтобы нас все любили. Такими поступками можно даже исправить людей, в которых остается хотя немного добрых наклонностей.

Благодарю вас, тетинька Катерина Ивановна, за приписку вашу. А много ли вы собрали для меня песень, любопытен бы я знать? А часто ли вы распеваете их? — Глядите, припасайте новых и не забывайте старых, особенно советую вам почаще протверживать Байрендом эппером. Не мешает также иногда напевать Прохалася Катруся. — Желая вам от всей души быть всегда здоровой, побольше веселиться и спать долго попрежнему, остаюсь вашим племяником

всегда любившим Вас.

Ник. Гог<оль>.

Получаете ли вы письма от моей кузины?

Дедушке и бабушкам Марии Илиничне и Агафии Матвеевне особенное свидетельствую почтение.

169.

М. И. ГОГОЛЬ.

<1833> Мая 2. С. Петербург.

Жаль мне чрезвычайно, что вы так поздно получили письмо мое и долго беспокоились. Мы все в продолжение этого времени были здоровы как нельзя лучше. Жаль также мне очень, что вас слишком огорчило известие, что дети не имеют слишком больших способностей. Как будто я вам этого не говорил прежде! Что ж делать! Тем более им необходимо лучшее воспитание. Притом же, сколько есть на свете, куда ни повернись, девушек, которых ум до 14 лет в состоянии заниматься только куклами, а от 14 лет нарядами, впрочем они кажется будут добры. Лиза уже совсем перестала упрямиться. Анет тоже рас-

положена учиться. Я совсем однако ж не писал вам, что они еще молоды для того, чтобы учиться в институте. Я напротив того писал, что они должны остаться на следующий год в этом классе, и не потому, что молоды летами (напротив, они старше всех в своем классе), но потому, что молоды умом и мало приготовлены. От них в этот год ничего и требовать не будут, потому что им[1] невозможно узнать то в один год, что другие узнали в три года. Но в следующие шесть лет они пройдут весь курс и верно тогда ни в чем не будут отставать от других.

Теперь поговорим о ваших делах. Я очень рад, что вы хвалитесь хорошею выделкою кож. Но не много ли будет четырех тысяч, которыми вы жертвуете для него? Не лишите ли вы через это себя опять всего необходимого? Я нарочно здесь расспрашивал искусных фабрикантов в выделывании кож, с которыми именно для этого познакомился. Некоторые из них заводили в Малороссии и жалуются особенным неуспехом, жалуются на то, что Москва всегда подрывает. Там выделываются кожи довольно дурно, и оттого чрезвычайно дешево; а народ мало смотрит на доброту, но более на дешевизну. Из Москвы же развозят их по всей России. Особенно не советуют делать из нее сапог, седел и других вещей, а лучше продавать ее тотчас по выделке, потому что эти вещи московской работы делаются как попало, продаются так дешево, как грибы, и потому здешние фабриканты ни одной кожи, ниже сделанной из нее вещи, не отпускают в провинцию, а продают всё это здесь, потому что здесь только могут им выгодно заплатить. Главное, еще советуют смотреть в оба за фабрикантом, не отпускать его в дальние места, не взяв у него пашпорта, и не вверять ему никогда слишком большой суммы. Насчет детей Егора Льво<вича> Лапп<ы>-Данилевского я еще не разведывал ничего, но постараюсь на днях узнать и тогда напишу к вам. Только сколько мне помнится, то в медико-хирургическую академию не принимают так молодых, впрочем я узнаю.

---

[1] им *вписано.*

Целую сестру и очень благодарен ей за племянника. То-то, я думаю, она теперь нянчится с ним! Не знает, воображаю, куды деть его. Ему бедному, верно, достается! Обнимаю кума Пав.<ла> Осип. и от души поздравляю его.

Время здесь весь март было прекрасное, дни ясные и совершенно летние. На Невском проспекте было 16 градусов тепла в тени. Это вдруг после зимы! Апрель, особливо начало его, было хуже немного. Зелень только что начинает показываться. Деревья еще без листьев.

Желаю вам поменьше забот, побольше спокойных и веселых минут. Мне, признаюсь, часто приходит на ум, что вы скучаете, задумываетесь, и оттого я иногда бываю целый день невесел.

Прощайте. Ваш
Николай Гоголь.

Целую Катерину Ивановну и кланяюсь всем домашним, Василю Ивановичу, Варваре Семеновне и проч.

170.
М. П. ПОГОДИНУ.

<1833> Мая 8. СПб.

Теперь только что получил я твою записку чрез Краевского. Хорош комиссионер попался! В ней я прочел странный упрек, который я втайне было делал тебе. Странно: я писал к тебе письмо не так давно. Неужели ты не получал его! Еще страннее, что я не видел и не читал того письма, о котором пишешь, что я, верно, удивился, когда прочел его. Не приложу ума, какому сатаненку достались наши письма.

Ну, очень рад, что уже Самозванец пишется. Может быть, он и кончен! Когда-то мне достанется читать! Хотелось бы.

Я не иначе надеюсь отсюда вырваться, как только тогда, когда зашибу деньгу большую. А это не иначе может сделаться, как по написании увесистой вещи. А начало к этому уже сделано. Не знаю, как пойдет дальше.

Скоро ли у вас выйдет хоть один том Европейской истории? Кстати, случалось ли когда-нибудь тебе слышать про Историю Римской импер<ии> и славянских народов? Это чудо, а не книга, типографическая редкость! 1503 года и вся в опечатках, а главное, что во введении[1] прежде всего говорится о истреблении вшей и привезенных в Германию индейских клопов. Издана в Оснабрике.

Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся[2] жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман! Что делают наши москвичи? Что Максимович печатает точно Наума и песни, или только нас надувает? А Киреевский, неужели он до сих пор на ложе лени. Не делает ли чего Баратынский? и не будет ли кто из вас этого лета в Петербурге?

Адресуй мне пока на имя Смирдина, потому что я думаю переменить на этой или на той неделе квартиру непременно.

Ты, кажется, желал иметь Вечера на хуторе. Теперь только я достал их и посылаю. Где будешь лето проводить, в городе или в деревне?

Нельзя ли напечатать скорее Афоризмы, у меня горло пересохло от жажды. С генваря месяца и до сих пор я не встретил нигде ни одной новой исторической истины. Набору слов пропасть, выражения усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь давно знакомая.

Прощай! Целую тебя несколько раз и да не отлучается от тебя вдохновенье и творческая сила!

Твой Гоголь.

171.

М. И. ГОГОЛЬ.

С. Петербург. 1833, июня 8.

Я получил почти вдруг три письма ваших. Из последнего я увидел, что вы находитесь в величайшем беспокой-

---

[1] во введении *вписано.* [2] вся *вписано.*

стве. Ради бога, не принимайте близко к сердцу всякую безделицу. Велика важность, что Кочубей мерял нашу землю! Пусть он хоть всю ее поместит у себя на плане! Мы можем поместить его Диканьку у себя на плане. Это всё вздор, когда [1] он не имеет на нее никаких актов. Итак всё и кончено. Я думаю, что это измерение произошло просто из любопытства знать соседние земли. Может быть, он имеет намерение прикупить к себе что-нибудь, и потому измерил заранее для своей сметы. Жаль, что в Яворивщине живут у нас такие олухи, которым ни до чего нет нужды, у которых, если бы собственный язык их стали мерять аршинами, так они не спросили бы. За это я бы хорошенько высек их и держал бы вперед поаккуратнее там стражу. Если бы тогда какой-нибудь уполномоченный от вас, положим, Василий Иванович, подъехавши к князю, спросил его: „Помещица приказала мне узнать от ваш.⟨его⟩ сия⟨тельства⟩, с каким намерением меряете вы принадлежащую ей землю?“, то тогда же бы всякое сомнение и разрешилось.

Жаль мне, очень жаль, ⟨что⟩ около вас, как неугомонные мухи, вьются вечные заботы. Сколько раз я проклинал мысленно эту сапожную фабрику за то, что она прибавила вам новый вьюк хлопот. [2] Часто думал я, зачем нам новые заведения, и особливо теперь, когда еще имение не совсем устроилось. Будьте уверены, что дети ваши не жадны! Зачем нам деньги, когда они ценою вашего спокойствия? На эти деньги (если только они будут) мне всё кажется, что мы будем глядеть такими глазами, как Иуда на сребренники: за них проданы ваша тишина и, может быть, часть самой жизни, потому что заботы коротают век. Для меня удивительно одно в вашей фабрике: как фабрикант готов подрядиться на 10.000 пар сапогов и решается их сделать в один год? Кто за него будет работать, неужели невидимая сила? Вопрос: где он наберет работников (один человек в три дни может сделать только пару). Положим, он работников ученых наберет немного, остальных

[1] когда *вписано.* [2] *Далее начато:* зачем нам

составит из неучей, но ведь их нужно же обучить. Для этого время! Когда же предположить, что они все знающие, то где наберется средства для содержания их, выдачи им жалованья? а чтобы сшить в год 10.000 сапогов, нужно работников не меньше, как 100 или 80 человек. Шутка ли? целая деревня!

Вы, кажется, говорили мне, что имеете намерение заложить те души, которые переведены из Лукашевки; в таком случае я бы советовал вам сделать это, скорее удовлетворить фабриканта, так чтобы он вас больше не беспокоил, и построек флигелей не производить в этот год. Отдохните немного. А там уже общими силами, на следующий год приеду я, и мы начнем...

Дети здоровы как нельзя лучше, подросли, даже похорошели. Только если вам угодно заставить вашу старшую дочку писать к вам, то приказывайте и изъясняйтесь с нею сами. Я отложил всякие об этом с своей стороны попечения. Я ее просил, умолял, приказывал,—всё тщетно. *„Что ж я буду писать? я не умею писать и об чем?“* Вот весь ответ. Я нигде не видывал такого чувства мужицкого, деревенского, я не умею назвать его. Это не упрямство! По крайней мере не то упрямство, которое изобличает великий характер. Это что-то мелкое, закоснелое, дикое. Впрочем они учатся теперь хорошо и, взглянувши на них, нельзя теперь узнать, что они деревенщина, по крайней мере до тех пор, покаместь не заговоришь с ними. Впрочем всё проходит, всё изменяется с летами, и потому будем надеяться, что и это пройдет! Здесь при мне привозили почти таких же — и через год нельзя их было узнать.

Благодарю вас очень за кунтуш, но только комиссионер ваш чрезвычайно неисправен: он и не подумал явиться ко мне, живя здесь, как я узнал, почти месяц. И если бы Данилевский не послал к нему за письмами, которые были к нему, то он и не догадался бы прислать, и то прислал уже к Данилевскому. Как справедлива пословица: *с Хама не будет пана.*

Прощайте! поклон мой бабушкам, дедушке и Катерине Ивановне. Желаю в пору дождя, солнца, да заставят они наши нивы обильно произвесть хлеб.

Несколько раз целую ваши ручки

сын ваш Николай.

172.
М. И. ГОГОЛЬ.

Июня 24, СПб. 1833.

Пишу к вам в самый жаркой день. Такая ли жара и у вас, как у нас? Термометр показывает 24 и даже 25 градусов в тени. Я очень редко теперь живу в городе, в котором душно, как в бане. Солнце тиранствует, а не греет.

Пользуясь тем[1], что многие оставили город, я ищу теперь себе другую квартиру, потому что старая надоела мне до смерти. Она меня заморозила зимою так, что одно только лето, подобное нынешнему, отогрело меня. А потому я прошу вас до времени, покамест не извещу о новом адресе, писать письма или в Институт, или в магазин А. Смирдина. Уведомьте Лаппу-Данилевского, что прием в Медико-хирургическую школу не имеет большой трудности; только, если кто хочет поместить на казенный счет, должен подать просьбу заблаговременно еще к сроку. Вот и всё! Только его детям, кажется, еще очень рано. Они должны быть слишком молоды; а здесь не принимают раньше шестнадцатилетнего возраста. Прилагаю вам письма Ан⟨ет⟩ и Лизы. Анет была довольно умна почти весь этот месяц, только всё письмо написала к вам коротенькое.

Где теперь живет бабушка Агафия Матв.⟨еевна⟩? Прошу вас, маминька, передать ей поклон; также если будете у Анны Матвеевны, то и ей. Освободилась ли она от боли своей в ногах? Жаль мне очень, что у вас теперь груз

---

[1] тем временем

забот. Летом особенно нужно вести жизнь как можно спокойнее. Чем бы я не пожертвовал, чтобы доставить вам такую жизнь, — но, к великому горю, до сих пор не в состоянии. Прощайте, несравненная моя маминька! Целую сестру, Павла Осип.<овича>, дедушку, Катер.<ину> Ивановну [1] и всех домашних.

Ваш сын Николай.

173.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

СПб. июля 2 <1833>.

Чувствительно благодарю вас, земляче, за *Наума* и *Размышления*, а также и за приложенное к ним письмо ваше. Всё я прочел с большим аппетитом, хотя и получил, к сожалению, поздно, потому что теперь только приехал из Петергофа, где прожил около месяца, и застал их у Смирдина лежавшими около месяца. Жаль мне очень, что вы хвораете. Бросьте в самом деле кацапию, да поезжайте в гетьманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуем всем. Едем! Сколько мы там насобираем всякой всячины! Всё выкопаем. Если вы будете в Киеве, то отыщите экс-профессора Белоусова. Этот человек будет вам очень полезен во многом, и я желаю, чтоб вы с ним сошлись. Итак, вы поймаете еще в Малороссии осень. Благоухающую, славную осень, с своим свежим, неподдельным букетом. Счастливы вы. А я живу здесь середи лета и не чувствую лета. Душно, а нет его. Совершенная баня; воздух хочет уничтожить, а не оживить.. Не знаю, напишу ли я что-нибудь для вас! Я так теперь остыл, очерствел, сделался такою прозой, что не узнаю себя. Вот скоро будет год, как я ни строчки. Как ни принуждаю себя, нет да и только. Но, однако ж, для Денницы вашей употреблю все силы разбудить мозг свой и разворушить воображение. А до того,

[1] Катер. Ивановну *вписано.*

поручая вас деятельности[1], молю бога, да ниспошлет вам здоровье и силы, что лучше всего на этом грешном мире. Уведомите, пожалуйста, какую пользу принесет вам московский водопой и каким образом вы проводите на нем день свой. Я слышал, что Дядьковский отправился на Кавказ. Он еще не возвратился? Если возвратился, то что говорит о Кавказе, о употреблении вод, о степени их целительности, и в каких особенно болезнях? Из моих тщательных вопросов вы можете догадаться, что и мне пришло в думку потащиться на Кавказ, зане скудельный состав мой часто одолеваем недугом и крайне дряхлеет. Хотелось бы мне очень, вместо пера, покалякать с вами языком, да этот год мне никак нельзя отлучиться из Петербурга. Итак, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будет подарком ваша строка.

Прощайте.

Ваш Н. Гоголь.

174.
М. И. ГОГОЛЬ.

Июля 4. ⟨1833 г. Петербург.⟩

Я еще не получал от вас ни одного письма, писанного вами в июне месяце. Приписывая это ничему другому, как только беспрестанным заботам, я спокоен. Не знаю только, получили вы мои письма, тоже недавно мною писанные. Теперь я принялся за перо для того только, чтобы известить вас о перемене моей квартиры. Когда будете писать, то адресуйте: *В Малую Морскую, в доме Лепеня под № 97.*

Будьте здоровы, бесценная маминька. Целую бессчетно ваши руки и да пошлет вам бог много хорошего.

Ваш сын Николай.

175.
М. И. ГОГОЛЬ.

1833 г. Августа 9 ⟨Петербург.⟩

Письма ваши все я получил исправно, и даже адресованное на старую квартиру. Очень рад, что вы здоровы,

[1] деятельности и здоровью

а также и сестра с моим племянником. Более трех дней, как я нахожусь в городе. До сего же времени жил за городом в Стрельне и около Петергофа. Время было довольно дурно: весь июль месяц был дождлив, дни походили на осенние. Напишите, каков у вас был этот месяц, в какой степени велик неурожай и что стоит четверть хлеба. Сделайте милость, не приписывайте мне всякого вздору; я в первый раз слышу, и то от вас, что существует книга под названием Кулябка. Верьте, что если бы я что-нибудь выпустил свое, то верно бы прислал вам. Впрочем вряд ли будет что-нибудь у меня в этом или даже в следующем году. Пошлет ли всемогущий бог мне вдохновенье — не знаю. Не могу вам также сказать совершенно верно, буду ли я у вас будущею весною, или нет. Мое желание самое ревностное приехать, и я всеми силами буду стараться это исполнить; но всё зависит от обстоятельств. Я позабыл название инструментов, употребляемых в кожевенном деле, а письма вашего, в котором вы писали о них, никак не отыскал, и потому не осведомлялся о них. Но если вы возьмете труд опять написать названия их, то я не премину уведомить. Прощайте! Желаю вам всегдашнего здоровья и успехов во всем. Целую руки ваши и остаюсь ваш Николай.

Посылаю поклон мой Катерине Ивановне, Павлу Осиповичу и всем нашим.

176.
М. И. ГОГОЛЬ.

СПб. Авг. 30 ⟨1833 г. Стрельна⟩.

И я от вас что-то давно уже ⟨не⟩ получал письма, почтеннейшая маминька! Э, э, э! не завелся ли и за вами тот грешок, в котором я погряз [1] и телом и душою, то есть лень. Но я уверен, что вы никогда не были знакомы с этим грехом, или лучше добродетелью. Скорее можно подумать, что вас полюбили лиходейки-заботы и не дают вам ни

[1] давно погряз

покою, ни времени. Посмотрите, как расписалась наша Анна, какое она наплела к вам длинное письмо! Тут же найдете и Лизыно царапанье. Какое прекрасное время настало у нас в конце августа! дни ясные, солнечные, совершенно летние, а до того времени сделалась было настоящая осень. Я до сих пор еще не переехал в город, и хотя надписываю на письме к вам Петербург и выставляю виньетку старого Театра Большого, но, однако ж, всё живу еще в Стрельне. Я любопытен очень знать, каков у нас в Малороссии неурожай, в какой цене хлеб, и проч. и проч. Я, кажется, писал <об> этом к вам в прошедшем письме, которое, не знаю, получили ли вы.

Здоровы ли все наши? Дедушка Иван Мат<веевич>, бабушка Мария Илин<ична>, Анна Матвеевна, Агафия Матвеевна и проч. Получаете ли какие-нибудь известия об Андрее Андреевиче, что он поделывает, бедный, в Кагорлыке? Пишут ли Косяровские? Кланяюсь всем, кому только вы можете передать поклон мой. Обнимаю сестру, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и маленького Николиньку.

Ваш сын Николай.

177.
М. И. ГОГОЛЬ.

<1833> Сентябрь 26. <Петербург.>

Поздравляю вас, бесценная маминька, с наступающим днем ангела вашего. Молю бога, да пошлет он вам радость, здоровье и да избавит от неприятных забот и огорчений. Сестры посылают вам конфект и присоединяют свои молитвы к моим.

Мы все здоровы и веселы, и желаем здоровья и счастия всем нашим родным и знакомым, которым искренно кланяемся.

Вечно признательный сын ваш
Николай.

178.

М. П. ПОГОДИНУ.

Сентябрь 28 <1833. Петербург.>

Очень благодарен тебе за то, что еще не позабыл меня. Я писал к тебе назад тому месяца два. И мне очень странно, что оно не дошло до тебя, тем более, что в нем не было ни о цензуре, ни о квартальных. Я однако ж извинял твое молчание женитьбою твоею зная, что тебе не до того. Кстати: если ты не получал моего поздравления, так позволь теперь поздравить. Я давно, еще тогда, замечал что у тебя в кабинете как-то пусто и чего-то недостает. Рекомендуй меня жене своей как человека, который, один только бог знает, как тебя любит. Я ее несколько знаю, потому что составил о ней идею: она должна быть также добра с такою светлою душою как ты. Ох братец! зачем ты спрашиваешь что я пишу, что я затеваю, что у меня написано? Знаешь ли ты, какой мне делаешь вопрос, и что̀ мне твой вопрос? Ты похож на хирурга, который запускает адской свой щупал в пылающую рану и доставляет больному самую приятную забаву: муку.

Какой ужасный для меня этот 1833-й год! Боже сколько кризисов! настанет ли для меня благодетельная реставрация после этих разрушительных революций? — Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольну самим собою. О не знай его! будь счастлив и не знай его — это одно и то же, это нераздельно.—Человек, в которого вселилось это ад-чувство, весь превращается в злость, он один составляет опозицию против всего, он ужасно издевается над собственным бессилием. Боже, да будет всё это к добру! Произнеси и ты за меня такую молитву. Я знаю, ты любишь меня как люблю тебя я, и верно твоя душа почует мое горе. Извини меня перед Максимовичем, что я не могу ничего дать ему, у меня ничего нет, ничего совершенно для альманаха, исключая разве двух начал двух огромных творений, на которых лежит печать отвержения и которых

я не смею развернуть. Мне жаль, очень жаль[1], что я не имею ничего дать ему. Еще более будет жаль, если он подумает, что я не хочу дать ему. — Где-то Смирдин выкопал одну повесть мою и то в чужих руках, писанную за Царя гороха. Я даже не глядел на нее, впрочем она не годится для альманаха на 1834-й год, я отдал ее ему.

Напиши мне как ты теперь проводишь день твой, что и каким образом происходит у тебя в доме. Это меня займет, я воображу, что живу у тебя и вижу тебя. Кланяйся особенно Киреевскому, вспоминает ли он обо мне? Скажи ему, что я очень часто об нем думаю и эти мысли мне почти так же приятны, как о тебе и о родине. Любезному земляку Максимовичу поклон.

Затем умоляя да будешь ты здоров и также вечно деятелен, целую тебя и остаюсь

Твой вечно Гоголь.

Адрес мой: в Малой Морской в доме под № 97 *Лепена.*

179.

В. В. ТАРНОВСКОМУ.

1833, октября 2-го. С.-Петербург.

Фу ты пропасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное в апреле, я получил в октябре. Рудановский весною не нашел меня, в продолжении же лета не мог найти, потому что я лето и часть осени живу на даче, весьма не близко от города. Как бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я был очень сердит на тебя, что ты вдруг заглох и не дал никакой об себе вести. Потом сердце мое прошло. Я хотел писать к тебе, несмотря на два года антракта. Осведомлялся о твоем жительстве у дядюшки твоего, что с сладкою миною ⟨и⟩ у *настоящего*; но ни один из них не дал мне никакого удовлетворительного ответа. Дядюшка объявил, что совершилде какой-то странный карьер и находится, несмотря на

[1] Мне будет досадно

древность фамилии, учителем в Волынской, или Литовской, или Гродненской губернии. Я, зная сам, что русское землеописание есть самая неблагопристойная вещь, не утруждал его вопросом, что значит именно Волынская, и что Литовская, и что Гродненская и в которой из них должен обретаться ты и решился было писать к твоей маменьке в славную губернию Антоновку. Но Рудановский с письмом твоим весьма во время упредил меня. Итак, ты находишься в Житомире! Житомир! Клянусь Иисусом, если мне не во второй раз только приходится произносить это имя[1]. Один раз, когда Моисеев спрашивал урок, а другой — ныне. Житомир! у тебя, должно быть много слушателей жидов. Тебе должно удовлетворить меня подробным описанием этого города в отношении к тебе, только чтоб это описание не пахло кафедрой! Как у тебя бежит день твой? Домосед ли ты, или гость? Какова твоя даже квартира и проч. и проч.? — О себе совершенно не имею ничего сказать: я давно не видался с тобою, должно думать, что всё таков, как прежде, хотя ленив, нестерпимо ленив.

Наши одноборщники все, слава богу, здоровы. Прокопович Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисе. Прокопович Василий получил<.....>, Кукольник навалял дюжину дюжинных трагедий. Романович не добыл ума ни на копейку после того и часто, идя в должность из Литейной на Гагаринскую, забегает по дороге ко мне в Малую Морскую. Данилевский опять здесь, только служит не в военной, а в министерстве внутренних дел. *Благопристойный*, иначе Николай Бороздин, кланяется тебе (его костыль получил такую гибкость, что он отваживается с ним даже плясать мазурку). Кобеляцкий так же мастерски умеет плевать, как и прежде.

Прочие лица так же бесцветны, как и прежде. Не видал ли ты, или не слыхал ли чего-нибудь о Лукашевиче; особенно о Высоцком, и что Редкин?

Прощай! Если ты мне напишешь поподробнее, то, может быть, и я распишусь. Твой Гоголь.

---

[1] произносить его

Адрес мой: в Малой Морской, в доме под № 97, артиста Лепена; прямо Гоголю, Яновского не называть.

180.

М. И. ГОГОЛЬ.

1833 г. Октября 2. С.-Петербург.

Я получил письма ваши. Одно, в котором, вы уведомляете меня о смерти Анны Матвеевны, очень меня тронуло. О ней я не сожалею, потому что она была уже в довольно преклонных летах и после примерной жизни умерла оплакиваемая истинно привязанными к ней. Но я более сожалел о вас, что лишились этой почтенной женщины, которая всегда принимала в вас, а стало быть и в нас всех, самое жаркое участие. Мир ее праху. Она, верно, там счастлива.

Жаль мне, что вы останетесь заключены теперь в Васильевке. Прежде вы бывало ездили в Яресги. Вам нужно более проезживаться.

В другом письме вы сожалеете, что дети не учатся музыке. Не беспокойтесь об этом, моя бесценная маминька! Будьте уверены, что я не пощажу ничего, чтобы доставить им всё нужное. Все приятные искусства необходимые для девиц будут им внушены. Одно только меня смущает, это характер Лизы. За нею не водится больших шалостей, капризов, это всё из нее вывели. На нее не жалуются, ею бывают даже иногда довольны. Но это хуже, я бы хотел, чтобы она шалостями выводила всех из терпения, чтобы на нее жаловались, были ею недовольны; но чтобы она имела доброе сердце. У ней же — у ней нет никакого сердца ни доброго, ни злого; никаких признаков сильных чувств. Никого она не любит. Никакой сильной привязанности! Вид несчастия, печали [1] ее не тронет; за пустую игрушку она забывает всё на свете.

Сделайте милость, моя бесценная маминька, не воспитывайте таким образом Олю, как воспиталась Лиза. Отдалите

[1] Вид несчастия и беды

от нее девичью, чтобы она никогда туда не заходила. Велите ей быть неотлучно при вас. Лучше нет для девицы воспитания, как в глазах матери, а особливо такой как вы. Пусть она спит в вашей комнате. Ввечеру нельзя ли вам так завесть, чтобы[1] все вместе за одним столом: вы[2], сестра, Павел Осип.<ович> и она, и каждый занимался бы своим. Давайте ей побольше занятий, пусть она занимается теми же делами, что и большие, давайте ей шить не лоскутки, а нужные домашние вещи. Поручите ей разливать чай. Ради бога не пренебрегайте этими мелочами. Знаете ли вы, как важны впечатления детских лет? то, что в детстве только хорошая привычка и наклонность, превратится в зрелых летах в добродетель.

Внушите ей правила религии. Это фундамент всего. Если бы над Лизой имела власть религия[3], тогда с нею бы всё можно было сделать. Не учите ее какому-нибудь катехизису, который тарабарская грамота для дитяти. И это немного тоже сделает добра, если она будет беспрестанно ходить в церковь. Там для дитяти тоже всё непонятно: ни язык, ни обряды. Она привыкнет на это глядеть, как на комедию. Но вместо всего этого говорите, что бог всё видит, всё знает,[4] что она ни делает. Говорите ей поболее о будущей жизни, опишите всеми возможными и нравящимися для детей красками те радости и наслаждения, которые ожидают праведных, и какие ужасные, жестокие муки ждут грешных. Ради бога, говорите ей почаще об этом, при всяком ее поступке худом или хорошем. Вы увидите, какие благодетельные это произведет следствия. Нужно сильно потрясти детские чувства, и тогда они надолго сохранят всё прекрасное. Я испытал это[5] на себе. Я очень хорошо помню, как меня воспитывали.

Детство мое доныне часто представляется мне. Вы употребляли всё усилие воспитать меня как можно лучше. Но, к несчастью, родители редко бывают хорошими воспитателями детей своих. Вы были тогда еще молоды, в первый

---

[1] Ввечеру старайтесь быть [2] вы *вписано.* [3] *Далее начато*: она бы [4] *Далее начато*: Представьте [5] Я знаю это

раз имели детей; в первый раз имели с ними обращение, и так могли ли вы знать[1], как именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовал, я глядел на всё, как на вещи, созданные для того, чтобы угождать мне. Никого особенно не любил, выключая только вас, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На всё я глядел бесстрастными глазами; я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревения дьячков. Я крестился потому что видел, что все крестятся. Но один раз — я живо, как теперь, помню этот случай. Я просил вас рассказать мне о страшном суде, и вы мне ребенку так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли.— Но довольно о религии; обратимся теперь к науке жизни. Даже играть с своими игрушками она должна при вас в гостинной, или где вы будете сидеть.— Если приедут гости, заставляйте ее быть неотлучно при гостях. Пусть она говорит и вмешивается даже в общий разговор, если разговор понятен для нее. Не то пусть она приносит свои игрушки, или занимается делом: шьет или работает[2] тут же при гостях. Это одно истребит ту дикость, которую получают дети, находясь в девичьей.— Этим одним она приобретет ту непринужденность, которая так мила и всегда восхищает нас. Этим одним она приобретет и заранее приучится приятно рассказывать и занимать других своими разговорами. Найдете ли вы хоть одну девицу в окружности у нас, которая умела бы занять, с которой бы не было скучно. А сколько есть таких, которые не умеют совсем слова связать! А отчего? От этих девичей, от нерассудительности матерей, которые тогда только берут дочерей под свое покровительство и удаляют из девичей, когда они уже

---

[1] *Было начато*: могли ли вы дать [2] или работает *вписано*.

делаются совершеннолетними и берегут их, когда уже нечего беречь, когда глупости и предрассудки пустили слишком глубоко свои корни. — Я вижу яснее и лучше многое, нежели другие. В немногие годы я много узнал особливо по этой части, я исследовал человека от его колыбели до конца и от этого ничуть не счастливее. У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о боге [1], и между тем не делают ничего. Хотел бы кажется помочь им, но редкие, редкие из них имеют светлый природный ум, чтобы увидеть истинну моих слов. Вы — другое дело, бесценейшая маминька, вы понимаете меня в этом отношении. Вы увидите истину моих слов, которые, может быть, даже сходны с собственными вашими и, верно, поступите по моему предложению. Тем более, что исполнить это нет ни малейшей трудности и нисколько не обременит вас, сто́ит только раз завесть, а там всё пойдет так, как начато.

Вы спрашиваете у меня насчет ревизии. Сделайте милость, делайте так, ⟨как⟩ вы увидите нужным. Имение гораздо лучше, если будет всегда записываемо на одно ваше имя.

Жаль мне, чрезвычайно жаль что [2]

181.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

⟨1833⟩ Ноября 9. СПб.

Я получил ваше письмо, любезнейший земляк, чрез Смирдина. Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имею, чтобы прислать вам в вашу Денницу. У меня есть сто разных начал и ни одной повести, и ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха. Смирдин [3] из других уже рук достал одну мою старинную повесть, о которой я совсем было позабыл и которую я стыжусь назвать своею; впрочем она так велика и неуклюжа, что никак не годится в ваш альманах. Не гневайтесь на меня, мой

[1] о религии [2] *На этом письмо обрывается.* [3] *Далее начато:* где-то

милый и от всей души и сердца любимый мною земляк. Я вам в другой раз непременно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь. Если б вы знали, какие со мною происходили страшные перевороты, как сильно растерзано всё внутри меня. Боже, сколько я пережег, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что всё успокоится, и я буду снова деятельный, движущийся. Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокоивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песень и собрании Ходаковского. Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, убитыми книгами и книжною пылью, с жадностью жида, считающего червонцы. Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!

Я сам теперь получил много новых, и какие есть между ними прелести. Я вам их спишу. Не так скоро, потому что их очень много. Да, я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщенных вам мною. Сделайте милость и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песень. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько песень, и вместе с тем не знаю. Это всё равно, если б кто перед женщиной сказал, что он знает секрет, и не объявил бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу в тетрадь in quarto на мой счет. Я не имею терпения дождаться печатного; притом я тогда буду знать, какие присылать вам песни, чтобы у вас не было двух сходных дублетов. Вы не можете представить как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные: они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей... Велите сделать это скорее. Я вам за то пришлю находящиеся

у меня, которых будет до двух сот, и что замечательно — что многие из них похожи совершенно на антики[1], на которых лежит печать древности, но которые совершенно не были в обращении и лежали зарытые.

Прощайте, милый, дышущий прежним временем земляк, не забывайте меня, как я не забываю вас.[2]

Лучше вычеркнуть.

Пишите ко мне.

Вечно ваш Н. Гоголь.

182.
М. И. ГОГОЛЬ.

1833 г. Ноября 22. С.-Петербург.

Во-первых, прежде всего я должен благодарить вас за посылку, сестру за песни, из которых особенно та, что: *Що се братця як барятця*, очень характерна и хороша. Но более всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательны. Сделаете большое одолжение, если отыщете подобные той тетради с песнями, которые, я думаю, более всего водятся в старинных сундуках между старинными бумагами у старинных панов или у потомков старинных панов. Жаль очень, что почтмейстер был так нагл, что распечатал письма, тогда как по новому, недавно вышедшему постановлению, посылка не должна вскрываться до тех пор, пока не дойдет до места. Мою посылку он имеет право вскрыть, но вашу только здесь в Петербурге должны распечатывать. И потому стороною предостерегите его; если он еще это сделает, то я буду жаловаться директору Почтового департамента Булгакову, с которым я знаком.

Сапоги теплые хороши и недурно сделаны. Одно только дурно: где сыщете вы покупщиков? Вряд ли хорошие

---

[1] есть совершенно как антики [2] *Далее начато:* шлите мне [*2 строки нрзб*]. *К этому вычерку относится, очевидно, следующая фраза.*

вещи найдут сбыт. Нужны хорошие, но самые грубые, в которых бы нуждался окружающий народ. Впрочем вы, я думаю, лучше это знаете.

Бобов я не советую вам присылать. Это будет только затруднение. За фунт вам нужно платить на почту весовых до 70-ти копеек. Между тем их этот год был урожай и здесь, и они продаются не дороже рубля за фунт. Песни я советую вам, если будете присылать, то давайте им вид тетради или книги. Для этого непременно нужно какую-нибудь пришить к ним обвертку из цветной бумаги. Потому что чиновники, служащие в почтамтах, очень глупы и никак не могут отличить песень или другого чего-нибудь от деловой казенной бумаги. Также писем не кладите во внутрь посылки, чтобы не давать им поводу к привязкам. Если какие-нибудь попадутся вам старые рукописи, вы тотчас велите им сделать обвертку. Теперь, я думаю, у вас в вине большая нужда по случаю неурожая. Как бы я желал чем-нибудь помочь вам! Но теперь как на беду для меня весь этот год прошел совершенно без всякой пользы. Ничего я не мог приобресть. На следующий, если бог поможет, то я буду иметь кое-что и буду, может быть, так счастлив, что уменьшу хоть сколько-нибудь заботы ваши.

Вы очень хорошо делаете, что отдаете Олиньку в пансион. В теперешних обстоятельствах ничего лучше не можно сделать. Хорошо также, что вы не даете с нею девки. Это совершенно не нужно. Особенно подтвердите и мадаме, чтобы она держала ее при себе, или с другими детьми, но чтобы отнюдь не обращалась она с девками. Больше всего заставлять заниматься ее рукоделием и практикою языков, музыки, особенно танцами: это укрепляет члены.

Прощайте, бесценная маминька! Желаю вам удач и успехов и молю бога скорее вам дать возможность наживать.

Ваш сын Николай.

Обнимаю и целую всех: сестру, Катерину Ивановну, дедушку, бабушек.

183.
М. И. ГОГОЛЬ.

Декабря 20. СПб. 1833.

Поздравляю вас с наступающими праздниками и желаю вам провесть их как только можно веселее. Надеюсь, что вы не преминете известить меня, каким образом и где встретите и проведете их.

Снегу валит везде множество. Зима, как слышу, везде стоит ровно. Такая ли и у вас, и каковы всходы? Это меня тем более интересует, что везде я слышу неблагоприятные вести о новых посевах. Каково идет Ваш завод кожевенный? Имеется ли сбыт?

Кстати, если можно будет, прикажите мне сделать колоши в таком роде, как присланные вами теплые сапоги, которые, несмотря на то, что недурно сделаны и как раз по ноге, лежат у меня совершенно без употребления. Ходить в них на улице хорошо, но с улицы нужно же войти в комнату, где нельзя сидеть, по причине их теплоты; а носить с собою сапоги для перемены другие — тоже не слишком ловко. Но колоши мне бы очень теперь были нужны; когда бы только они были сделаны в пору и могли бы удобно находить на сапоги.

Кого вы видаете чаще из знакомых, имеете ли вести об Андрее Андреевиче, и что поделывает управитель в Кагорлыке вместе с отцом Емельяном?

Павел Осипович писал ко мне в письме, что собирается ехать в Петербург. Жаль мне очень, если он это выполнит, потому что меня, я думаю, не застанет. У нас теперь свободное время, и я думаю ехать на два или три месяца в Ревель, куда призывают меня разные необходимые для моего труда разыскания; итак мы не будем видеться с ним. Не лучше ли дождать лета, когда, может быть, я каким-нибудь случаем заверну к вам, и тогда можно вместе приехать в Петербург. Однако ж вы письма все пишите по тому же адресу: хоть меня не будет и я даже переменю, может быть, квартиру, однако всё же мне доставят очень аккуратно в самый Ревель ваше письмо.

Прощайте, бесценнейшая маминька. Желаю вам побольше веселиться и быть спокойными при виде ваших вседневных хлопот, и да утешает вас мысль, что всё переменится, что мы когда-нибудь заживем лучше. Обнимаю сестру, племянника и Павла Осиповича.

Ваш Н.

184.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

〈После 20 дек. 1833. Петербург〉.

Благодарю тебя за всё: за письмо, за мысли в нем, за новости и проч. Представь, я тоже думал. Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей.

Я работаю. Я всеми силами стараюсь; но на меня находит страх: может быть, я не успею. Мне надоел Петербург, или, лучше, не он, но проклятый климат его: он меня допекает. Да, это славно будет, если мы займем с тобой киевские кафедры. Много можно будет наделать добра.

А новая жизнь среди такого хорошего края! Там можно обновиться всеми силами. Разве это малость? Но меня смущает, если это не исполнится... Если же исполнится, да ты надуешь — тогда одному приехать в этот край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не иметь с кем заговорить языком души — это страшно! Говорят, уже очень много назначено туда каких-то немцев, это тоже не так приятно. Хотя бы для святого Владимира побольше славян. Нужно будет стараться кого-нибудь из известных людей туда впихнуть, истинно просвещенных и так же чистых и добрых душою, как мы с тобою. Я говорил Пушкину о стихах. Он написал путешествуя две большие пиесы [1], но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких[2]. Я с своей стороны употреблю старание его подгонять.

---

[1] *Далее начато:* постар〈аюсь〉 [2] несколько маленьких стихотворений.

Прощай до следующего письма. Жду с нетерпением от тебя обещанной тетради песен, тем более, что беспрестанно получаю новые, из которых много есть исторических, еще больше — прекрасных. Впрочем я нетерпеливее тебя и никак не могу утерпеть, чтобы не выписать здесь одну из самых интересных, которой, верно, у тебя нет:

Наварыла сечевыци
Поставыла на полыци
Сечевыця сходыть, сходыть
Сам до мене козак ходыть.
Наварыла гороху
Да послала Явдоху.
Що се с биса, нема с лиса?
Що се братця, як барятця?
Наварыла каши з лоем
Налыгалась з упокоем.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.
⟨А⟩ я с того поговору
Пишла ⟨. . . . .⟩ за комору.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.
Сила дивка тай заснула *
Свынья бигла тай зопхнула.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.
Бижыть свынья кова́ная:
„Чого сыдыш, поганая?
Чого сыдыш надулася?
Чому в кожух не вдяглася?“
— Бодай в тебе стильки дух,
Як у мене есть кожух.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.
Ведуть свынью перед пана
Крычыть свынья: я не пхала
Вона сама в ⟨. . . . .⟩ впала.
Крычыть свынья репетуе
Нихто еи не ратуе.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.

* Черта совершенно малороссийская

185.

А. С. ПУШКИНУ.

23 декабря 1833. ⟨Петербург⟩.

Если бы вы знали, как я жалел, что застал вместо вас одну записку вашу на моем столе. Минутой мне бы возвратиться раньше, и я бы увидел вас еще у себя. На другой же день я хотел непременно побывать у вас; но как будто нарочно всё сговорилось итти мне наперекор: к моим геморроидальным добродетелям вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шее целый хомут платков. По всему видно, что эта болезнь запрет меня на неделю. Я решился, однако ж, не зевать и вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на бумагу. Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. Как и поступил я назад тому три года, когда мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали, но тогда был Ливен, человек ума недальнего. Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаметров, где столько философического познания языка и ума быстрого. — Я уверен, что у нас он более сделает, нежели Гизо во Франции. Во мне живет уверенность,[2] что если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты.

Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украйны и юга России[3] и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор к сожалению не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько

[1] *Далее начато*: Если только он прочтет план мой [2] *Далее начато*: что он поймет меня [3] и юга России *вписано*.

соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! Кстати, ко мне пишет Максимович, что он хочет оставить Московский университет и ехать в Киевский. Ему вреден климат.[1] Это хорошо. Я его люблю. У него в Естественной истории есть много хорошего, по крайней мере ничего похожего на галиматью[2] Надеждина. Если бы Погодин не обзавелся домом, я бы уговорил его проситься в Киев. Как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей, совершенно новых о самом крае! Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала об Украйне, писанную, по всем признакам, в конце XVII-го века. Теперь покамест до свиданья! как только мне будет лучше, я явлюсь к вам.

Вечно ваш Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. Против Пантилемона, в доме Оливио.

186.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

⟨1834⟩ Генварь 7. ⟨СПб.⟩

Поздравляю тебя с 1834 и от души благодарю тебя за Денницу, которой, впрочем, я до сих пор не получал, потому что Одоевский заблагорассудил кому-то отдать мой экземпляр. Слышу, однако ж, что в ней есть много хорошего; по крайней мере, мне так говорил Жуковский.

Что ж ты не пишешь ни о чем? Ох, эти земляки мне! Что мы, братец, за лентяи с тобою! Однако наперед положить условие: как только в Киев — лень к чорту, чтоб и дух ее не пах. Да превратится он в русские Афины, богоспасаемый наш город! Да, отчего до сих пор не выходит ни один из московских журналов? Скажи Надеждину, что это нехорошо, если он вздумает, по-прошлогоднему, до тех

---

[1] *Фраза вписана.* [2] на бестолковую галиматью

пор не выпускать новых, покаместь не додаст старых. Что за рыцарская честность? теперь она в наши времена так же смешна, как и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый год на него сердились все. Притом же для него хуже: он не нагонит и будет отставать вечно, как Полевой. Знаешь ли ты собрание галицких песень, вышедших в прошлом году (довольно толстая книга in-8)? Очень замечательная вещь! Между ними есть множество настоящих малороссийских, так хороших, с такими свежими красками и мыслями, что весьма не мешает их включить в гадаемое собрание.

Как проводишь время и что делаешь в Москве? И что другие делают? Верно, есть что-нибудь новое? Когда же погляжу я на песни?

Прощай.

Твой Гоголь.

187.

М. П. ПОГОДИНУ.

⟨1834⟩ Генварь 11. ⟨Петербург⟩.

Эге, ге, ге ге!.. Уже 1834-го захлебнуло полмесяца! Да, давненько! Много всякой дряни уплыло [1] на свете с тех пор, как мы в последний раз перекинулись жиденькими письмами, а еще больше с тех пор, как показали друг другу свои фигуры!

Поздравил бы тебя с новым годом и пожелал бы... да не хочу: во 1-х потому, что поздно, а во 2-х потому, что желания наши гроша не стоят. Мне кажется, что судьба больше ничего не делает с ними, как только подтирается, когда ходит в нужник.

До сих пор мне все желания не доставили алтына.

Счастлив ты, златой кузнечик, что сидишь в новоустроенном своем доме, без сомнения, холодном. (NB: Но у кого на душе тепло, тому не холодно снаружи). Рука твоя летит [2]

---

[1] перебыло [2] бе⟨жит⟩

по бумаге; фельдмаршал твой бодрствует над ней; под ногами у тебя валяется толстый дурак, т. е. первый № смирдинской Библиотеки... Кстати о Библиотеке. Это довольно смешная история. Сенковский очень похож на старого пьяницу и забулдыжника, которого долго не решался впускать в кабак даже сам целовальник. Но который, однако ж, ворвался и бьет, очертя голову спьяна, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препарат.

Сословие, стоящее выше Брамбеусины, негодует на бесстыдство и наглость кабачного гуляки; сословие, любящее приличие, гнушается и читает. Начальники отделений и директоры департаментов читают и надрывают бока от смеху. Офицеры читают и говорят: „Сукин сын, как хорошо пишет!“ Помещики покупают и подписываются и, верно, будут читать. — Одни мы, грешные, откладываем на запас для домашнего хозяйства. Смирдина капитал растет. Но это еще всё ничего. А вот что хорошо. Сенковский уполномочил сам себя властью решить, вязать: марает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам. Натурально, что если все так будут кротки, как почтеннейший Фадей Венедиктович (которого лицо очень похоже на лорда Байрона, как изъяснялся не шутя один лейб-гвардии Кирасирского полка офицер), который объявил, что он всегда за большую честь для себя почтет, если его статьи будут исправлены таким высоким корректором, которого Фантастические путешествия даже лучше его собственных. Но сомнительно, чтобы все были так робки, как этот почтенный государственный муж.

Но вот что плохо, что мы все в дураках! В этом и спохватились наши [1] тузы литературные, да поздо. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиков, заставили народ разинуть рот и на наших же спинах и разъезжают теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела! И вот литература наша без голоса! А между тем наездники эти действуют на всю Русь. Ведь в столице нашей чухонство, в вашей купе-

[1] *Начато было:* настоящие

чество, а Русь только среди Руси. Но прощай. Скоро ли тебя поздравить отцом, и каким? Умного дитища, т. е. книжного? или такого, которое будет со временем умно, т. е. того, которое не пером работается?

Твой Гоголь.

Я весь теперь погружен в Историю Малороссийскую и Всемирную; и та и другая у меня начинает двигаться. Это сообщает мне какой-то спокойный и равнодушный к житейскому характер, а без того я бы был страх сердит на все эти обстоятельства.

Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что не-общее во всеобщей истории. Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна! Кстати: я прочел только изо всего № 1-го Брамбеуса твои Афоризмы. Мне с тобою хотелось бы поговорить о них. Я люблю всегда у тебя читать их, потому что или найду в них такие мысли, которые верны и[1] новы, или же найду такие, с которыми хоть и не соглашусь иногда, но они зато всегда наведут меня на другую новую мысль. Да печатай их скорей!

Поцелуй за меня Киреевского! Правда ли, что он печатает русские песни?

Поклон всем нашим.

188.
К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

⟨Конец января — начало февраля 1834. Петербург.⟩

Все ваши и Сергея Семеновича замечания я нахожу очень справедливыми и, как видите, воспользовался ими. В одном месте я только оставил *связь* и *связывают*.

---

[1] и не только новы, но даже верны

Я нарочно так выразился[1], потому что это составляет фигуру в слоге, а не ошибку, так мне кажется; при том, этот оборот именно тот, который более всего выражает мою мысль. Я очень вам благодарен за ваше присовокупление о истиной религии. Оно очень хорошо, и я бы не выдумал так. Я к вам заеду в 12 часов. Авось не застану ли вас? Теперь же сей час никаким образом не могу.

Много обязанный вам и чувствующий ваше благорасположение

Н. Гоголь.

189.

М. И. ГОГОЛЬ.

СПб. 1834. Февраля 10.

Сегодня я получил письмо ваше от 24 генваря, вместе с посылкою. Очень благодарю вас за присланные сапоги и калоши. Они как раз пришлись мне в пору. Изъявите также от меня благодарность фабриканту за его труды для меня. Вы очень меня радуете известием, что проводите время иногда весело. Да посоветуйте Ивану Данилевскому не ехать сюда. Он навсегда здесь может расстроить свое здоровье, а особливо, когда даже дома бывает часто болен. Скажите ему, что я сам, года через два, думаю навострить отсюда лыжи, хотя и не чувствую себя нездоровым слишком. Всё предосторожность вещь не лишняя.

Прощайте! Бога ради, будьте веселы и не скучайте за нами. Дети здоровы как нельзя лучше.

Целую сестру и ее Количку, который, как она говорит, *очень проворный мальчишка*. Передайте поклон мой Татьяне Ивановне и Василю Ивановичу Чернышам и скажите им, что я всегда помню их приязнь ко мне.

Вечно признательный ваш сын

Николай.

---

[1] *Далее начато:* и убежд⟨ен⟩

190.

К. С. СЕРБИНОВИЧУ

<11 февраля 1834. Петербург.>

Милостивый государь
Константин Степанович.

Извините меня великодушно, что продержал корректуру. Как нарочно у меня под это время накопилась бездна дел, а в добавку к тому посетила меня опять болезнь: вчера в вечеру было вышел и еще хуже сделал, вперед буду исправнее и постараюсь возвратить скорее следующие листки. Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать! Желая от всей души и сердца не быть вам никогда больным, как я грешный

Остаюсь с чувствами совершенного почтения и вечной признательности.

Ваш покорный слуга
Н. Гоголь.

11 февраля

На обороте: Его высокоблагородию милостивому государю Константину Степанов<ич>у Сербиновичу в Садовой, в доме д-та просвещения.

191.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

СПб. Февраля 12. <1834>.

Я получил только сегодня два твоих письма: одно от 26 генваря, другое от 8 февраля, всё это по милости Одоевского, который изволит их чорт знает сколько удерживать у себя. В одном письме ты пишешь за Киев. Я думаю ехать. Дела, кажется, мои идут на лад. Но вот что скверно: министр не соглашается на твое желание: как, дискать, тебя сделать профессором словесности в Киеве,

когда ты недавно сделан ординарным ботаником. Такой перелом чрезвычайно кажется странен, и он и слышать не хочет. А между тем Брадке очень нуждается в профессоре словесности. Я думаю вот что: не мешает тебе написать обстоятельно к Брадке, что ты, дискать, недомогаешь страшно в московском климате, что тебе потребно и проч. Бери кафедру ботаники или зоологии. А так как профессора словесности нет, то ты можешь занять на время и его кафедру. А там, по праву давности, ее отжилить, а от ботаники отказаться. А?

Ты говоришь, что, если заленишься, то тогда, набравши силы, в Москву. А на что человеку дается характер и железная сила души? К чорту лень да и концы в воду! Ты рассмотри хорошенько характер земляков[1]: они ленятся, но зато, если что задолбят в свою голову, то на-веки. Ведь тут только решимость: раз начать, и всё... Типография будет под боком. Чего ж больше? А воздух! а гливы! а рогиз! а соняшники! а паслин! а цыбуля! а *вино хлебное*, как говорит приятель наш Ушаков. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, дерен, вареники, борщ, лопух!.. Это просто роскошь! Это один только город у нас, в котором как-то пристало быть келье ученого. Запорожской Старины я до сих пор нигде не могу достать. Этот Срезневский должен быть большой руки дурак. Как не прислать ни к одному книгопродавцу! Кой же чорт будет у него покупать? А еще и жалуются, что у них никто не раскупает. Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах. Экземпляра песень галицких здесь нигде нет; мой же собственный у меня замотал один задушевный приятель.

Песень я тебе с большою охотою прислал ⟨бы⟩, но у меня их ужасная путаница. Незнакомых тебе, может быть, будет не более ста[2], зато известных верно около тысячи, из которых большую часть мне теперь нельзя посылать. Если бы ты прислал свой список с находящихся у тебя,

---

[1] земляков наших [2] будет более ста

тогда бы я знал, какие тебе нужны, и прочие бы выправил с моими списками и послал бы тебе.

Ну, покаместь прощай, а там придет время, что будем всё это говорить, что теперь заставляем царапать наши руки, в богоспасаемом нашем граде.

Твой Гоголь.

192.
И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ.

СПб. Марта 6. 1834.

Ваше приятное для меня письмо я получил 2 марта. От всей души благодарю вас за вашу готовность помогать мне в труде моем и крепко пожимаю вашу руку. Вы правы: нам одинаково нужны материалы; но хотя бы ваша книга превратилась в Историю, мы и тогда бы не были соперниками. Я рад всему, что ни появляется о нашем крае. И если бы я узнал, что в эту минуту кто-нибудь готовит тоже Историю Украйны, я бы приостановил свое издание до тех пор, покаместь ему нужно для сбыта своей книги. Чем больше попыток и опытов, тем для меня лучше, тем моя История будет совершеннее. Я уверен, что в образе мыслей не встречусь с другими, денежной прибыли от нее не ищу — стало быть у меня нет соперников! Вы уже сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины.—Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши. Из них только пять были мне известны прежде, прочие были для меня все — новость! Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями. Народ, которого вся жизнь состояла из движений, которого невольно (если бы он даже был совершенно недеятелен от природы) соседи, положение земли, опасность бытия выводили на дела и подвиги, этот народ... Я недоволен польскими историками, они очень мало говорят об этих подвигах; впрочем они могли знать хорошо только со вре-

мени унии, но и там ни одного летописца с нечерствою душою, мыслями. Если бы крымцы и турки имели литературу, я бы был уверен, что ни одного самостоятельного тогда народа в Европе не была бы так интересна история, как козаков. И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. Эти летописи похожи на хозяина, прибившего замок к своей конюшне, когда лошади уже были украдены. Хорошо еще, если между ними попадались с резкою физиономией, с характером: как, например, Кониский, который выхватил хоть горсть преданий и знал о чем он пишет. Но все другие так пусты, так бесцветны! и вместо того, чтобы дослушиваться к умирающему голосу последних воспоминаний, они обезьянски переписывали друг у друга вырванные листки не происшествий, а разве оглавления происшествий. Если бы наш край не имел такого богатства песень — я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору. Я имел случай многие перечесть и, к сожалению, пропустил случай многие переписать. Из означенных вами в Запорожской Старине мне неизвестны две: Пространная повесть об Украине до смерти Хмельницкого. Заглавие этой рукописи мне показалось незнакомым. Уведомите меня, имеется ли в ней что-нибудь новое против летописей Кониского, Шафонского, Ригельмана?[1] если на мое счастье в ней окажется новое, то я буду надеяться на снихождение ваше и попрошу вас отдать ее теперь же понемногу переписывать. Мне[2] хочется иметь ее всю, тогда я могу в ней отыскать может быть другими незамеченное или не казавшееся важным, что случалось со мною довольно часто. Я очень знаю, что

[1] *Далее было:* и других [2] Мне в таком случае

наши списки летописей[1] иногда между собою разнят: у одних выпущено что-нибудь и у других прибавлено. Иногда одна прибавка стоит всей летописи. Потому-то я имею и стараюсь иметь по нескольку списков. Для этого-то я и не означал, какие находятся у меня материалы, зная, что тогда я не получу многих списков.[2] Печатные есть у меня почти все те, которыми пользовался Бандыш-Каменский. Песен я знаю и имею много. Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему неизвестных. После того я приобрел еще около 150. У Максимовича теперь уже 1200. Но я бьюсь об чем угодно, что теперь же еще можно сыскать в каждом хуторе, подальше от большой дороги и разврата, десятка два неизвестных другому хутору. Если я управлюсь с моими делами, то, может быть, летом буду в Малороссию и буду благодарить вас, может быть, лично за ваше радушие и готовность. А между тем ожидаю с нетерпением страшным выхода в свет вашей Старины 3 и 4 книжки. Я уверен, что там будет много для меня пищи. Но — до следующего письма! Я хотел вам еще о чем-то писать, но небольшой случай перебил[3] мои мысли.

Чувствуя вполне ваше благорасположение, остаюсь всегда Вашим покорнейшим и благодарным слугою

Н. Гоголь.

193.
М. И. ГОГОЛЬ.

9 марта 1834. СПб.

Я получил письмо ваше, моя бесценная маминька, писанное вами 18 февраля. Очень рад, что вы надеетесь получить выгоду от фабрики. Дай бог, чтобы всё пошло хорошо, в чем я и не сумневаюсь. А между тем я с своей стороны имею в виду доставить фабриканту самую выгодную работу. Я вам после напишу об этом подробнее.

---

[1] наши летописи под теми же именами [2] *Далее начато:* с находящихся [3] перебил сейчас

Теперь я вам советую обращать наиболее внимание на то, чтобы работников как можно более было из своих людей, нежели из нанятых, чтобы исподволь приучать и занимать всех мальчишек, даже девочек, и всё, что ни есть из мелкого народа. Работа и сбыт будут. Я нарочно сделал для этого сношения и знакомства со многими нужными людьми.

В Ревель я уже не еду. Но впрочем чрез четыре месяца всё-таки надеюсь с вами видеться. Ну, развеселитесь же! Благодарю очень вас и сестру за песни и желаю с нетерпением вас видеть всех. Есть ли у вас теперь снег, или нет? У нас до сих пор еще зима. Впрочем дни ясные и солнечные. Правили ли вы молебен об успешном ходе фабрики? Если нет, то поручите отцу Ивану отправить молебен, чтобы все дела ваши шли хорошо, а равным образом, чтоб и мои пошли таким чередом, как я думаю! Прощайте; будьте здоровы и да хранит вас бог от всяких неприятностей! Обнимаю сестру и Павла Осиповича, а также и племянника Николу.

Ваш всегда любящий вас сын
Николай.

Да отчего это так долго шло письмо ваше? Оно писано вами 18 февраля, а между ⟨тем⟩ я его получил только сегодня, т. е. 9 марта. Целые три недели шло. Верно, дороги очень дурны.

194.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Марта 12. СПб. 1834.

Да это впрочем не слишком хорошо, что ты не изволишь писать ко мне. Молодец! меня подбил ехать в Киев, а сам сидит и ни гадки о том. А между тем я почти что не на выезде уже. Что ж, едешь или нет? влюбился же в эту старую толстую бабу Москву, от которой, кроме щей да матерщины, ничего не услышишь. Слушай: ведь ты посуди сам по чистой совести, каково мне одному быть

в Киеве. Земля и край вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнее № для нездорового человека, каков ты да я.

Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерем издание, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лето мы бы там славно отдохнули, набрали материалов, а к осени бы и засели работать. Послушай, не бросай сего дела! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свете. Предлог к перемещению ты имеешь самый уважительный — вред климата. Исчисляй свои труды по словесной части; доказывай, что ты можешь занять с честью означенную кафедру, грози отставкою. Должны будут согласиться. Что ж, получу ли обещанные песни?

Твой Гоголь.

195.

М. П. ПОГОДИНУ.

Марта 13, СПб. 1834.

Письмо ваше, in 94 долю листа, имел счастие получить, в котором вы меня укоряете за короткость моих писем. При этом почтеннейшем вашем письме я получил маленькое прибавление, впрочем гораздо больше письма вашего, о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны в Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира. Приношу вам чувствительную благодарность, почтеннейший секретарь общества, Михаил Петрович, и прошу также изъявить ее благородному сословию. Но, увы! вы избрали самого негодного члена, который даже не может ничего прислать вам по своей лености и во сне время-препровождению. Я хотел было, однако ж, прислать вам кое-что, но болезнь, которая приколотила меня было к кровати ровно на две недели, отняла всякую к тому возможность. Скажи Надеждину, что эта же самая причина помешала мне прислать обещанный ему отрывок из истории. Она у меня

в таком забытии и такою облечена пылью, что я боюсь подступить к <ней>, и чтобы вырвать из нее отрывок для печати, нужно его хорошенько перечистить. Выговоры ваши за объявление имел тоже честь получить. Это правда, я писал его, совершенно не раздумавши [1]. Впрочем, охота тебе вступаться за Бандыша! ведь он <.....> и замотал у многих честных людей многие материалы и рукописи. Где ты летом будешь жить? Могу ли я тебя застать в Москве? А что дела твои? всё ли ты живешь еще на небе, или уже начинаешь обращать внимание и на мирские дела? Популярная история твоя скоро выйдет?

Н. Гоголь.

196.
М. И. ГОГОЛЬ.

Марта 17. 1834. СПб.

Письмо ваше от 26 февраля я получил чрез Ивана Данилевского. О здоровье моем не беспокойтесь: я еще не так нездоров, чтобы мне не можно было жить здесь. В прошлом месяце я чувствовал себя немного нездоровым, но в это время весь город был почти болен кашлем и прочими принадлежностями простуды. Теперь же я опять здоров. Я беспокоюсь только о вашем положении: мне кажется, не слишком ли вы предаетесь надеждам насчет хозяйственных будущих прибылей, которые надеетесь получить от фабрики, потому что вся уже округа ваша знает, что вы намерены получить скоро большие деньги. Мне кажется, что не лучше ли об этом еще не говорить никому, потому что всё, что ни есть впереди, всё неверно. Мы не можем поручиться за один час вперед. Может быть, фабрикант и его работники, несмотря на все усилия, не будут в состоянии поставить к назначенному времени. А разве этого не может случиться, что фабрикант, взявши деньги, вдруг вздумает улизнуть, что тогда? Искать его — напрасный труд, потому что сама полиция за 500 рублей укажет ему дорогу, куда бежать.— Натурально, этого не может случиться. Но кто знает людей?

[1] не раздумавши хорошенько.

Как многие из них долго могут носить личину и казаться совершенно не тем, чем они есть на самом деле. Но что тогда будет, если это случится? Вы должны будете отвечать всем имением вашим: казна в этом случае никакой не может иметь отсрочки. Я впрочем это пишу не для того, чтобы напрасно смущать, но для того, чтобы вы, на всякой случай, были очень осторожны и не предавались заранее надеждам. Не лучше ли вам держать деньги у себя и не все вдруг выдавать фабриканту, но по мере надобности. Ведь ему не все же восемь тысяч возить с собою на каждую ярманку. Для этого можно брать и по тысяче, так чтобы вы видели, что действительно куплено то, для чего были браты деньги. Но всё это нужно делать осторожно и не давать ему заметить, что вы следуете по пятам его, но что вы именно делаете с тем, чтоб облегчить ему труды. — Я тоже почитаю излишним говорить об этом много соседям. Это, несмотря на всё доброжелательство видимое, всегда возбуждает зависть; а зависть нечувствительно ведет за собою ненависть, и вы вдруг приобретете себе недоброжелателей. Кроме того, это возбудит в других жадность и желание подражать и себе; они будут стараться всячески сманивать фабриканта, предлагать ему выгоднее условия, которых хотя они и не в состоянии будут выполнить, но которые вскружат ему голову. Он будет самонадеянее, приобретет самоуверенность и наглость, беспрестанно увеличивающиеся требования и будет манкировать своим делом, зная, что не вы ему, а он вам нужен. Вы скажете: он совершенно не такой человек; он истинно добрый и совестный, и привязанный. Так! покаместь беден, покаместь успех не сделал его дерзким! Сколько есть людей, которые, покамест были малы и незначительны, были добродетельнее ангелов, но как только приобретали богатство и имя, вдруг становились совершенно другими. Истинно мудрый заводчик держит в тайне первоначальные успехи своей фабрики и никогда не хвалится выгодами. Но когда фабрика утвердится, усилится и укрепится, тогда другое дело; тогда можно объявлять о ее успехах и встречному и поперечному; тогда

уже ее не могут подорвать. Теперь же вспомните, что вся ваша фабрика держится на одном человеке. Умри он — и фабрика ваша лопнула: работники у вас нанятые, своих мастеров еще нет; стало быть, без него невольно она должна расстроиться. Вот почему я советовал вам, чтобы сначала не давать большого размера фабрике, но стараться понемногу прежде обучить собственных несколько человек: тогда основание ее, фундамент, будет тверже, прочнее. Нанятые сегодня здесь, завтра бог знает где; свои же всегда остаются дома. Я уже не говорю о том, что нанятые мастеровые всегда приносят с собою разврат, часто разные заразительные болезни в деревню.

Не оставьте совершенно без внимания этих слов моих. Старайтесь исполнить, если невозможно всех, по крайней мере некоторые из предосторожностей, о которых я вам говорил. Помните старую правдивую пословицу: *Береженого и бог бережет.*

Но да хранит вас бог от всех могущих встретиться неприятностей! Да увенчает все ваши предприятия успехом!

Вечно любящий вас сын

Николай.

197.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

<1834>. Марта 26. СПб.

Во-первых, твое дело не клеится как следует, несмотря на то, что и князь Петр, и Жуковский хлопотал об тебе. И их мнение, и мое вместе с ними есть то, что тебе непременно нужно ехать самому. За глаза эти дела не делаются, да и Мекка (№) любит поклонение. Теперь поется, что ты де нужен московскому университету, что в Киеве место почти занято уже, и прочее. Но если ты сам прибудешь лично и объявишь свои резоны, что ты бы и рад, дискать, но твое здоровье и прочее, тогда будет другое дело; князь же с своей стороны и Жуковский не преминут

подкрепить, да и Пушкин тоже. Приезжай! я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись в дилижанс и валяй! потому что зевать не надобно: как раз какой-нибудь олух влезет на твою кафедру.

Ты, нечего сказать, мастер надувать. Пишет: посылаю песни, а между тем о них ни слуху, ни духу; заставил разинуть рот, а вареника и не всунул. А я справлялся около недели в почтамте и у Смирдина, нет ли посылки ко мне. Вацлав, я тебе говорил, что отжилен у меня совершенно безбожно одним молодцом, взявшим на два часа и улизнувшим, как я узнал, совершенно из города. Поговорим об объявлении твоем: зачем ты делишь свое собрание на гулливые, козацкие и любовные? Разве козацкие не гулливые и гулливые не все ли козацкие [1]. Впрочем, я не знаю настоящего значения твоего слова: козацкие.

Разве нет таких песней, у которых одна половина любовная, а другая гулливая. [2] По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг [3] возле одной песни встретить другую, совершенно противного содержания. Мне кажется, что песни должно разделить на два разряда: в первом должны поместиться все твои три первые отделения, во втором — обрядные. Много же, если на три разряда: 1-й — исторические, 2-й — все, выражающие различные оттенки народного духа, и 3<-й> — обрядные. Впрочем, как бы то ни было, разделение вещь последняя.

Я рад, что ты уже начал печатать [4]. Если бы я имел у себя списки твоих песень, я бы прислужился тебе и, может быть, даже несколько помог. Но в теперешнем состоянии не знаешь, за что взяться. Да и несносно ужасно делать комментарии, не зная на что, а если и зная, то не будучи уверен, кстати ли они будут и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь песень, то хоть привези с собою да приезжай поскорей. Мы бы так славно всё обстроили здесь, как нельзя лучше. Я очень многое хотел писать к тебе, но

---

[1] не бывают козацкие [2] *Далее начато:* Что к<асается> [3] тотчас [4] писать

теперь у меня бездна хлопот, и всё совершенно вышло из головы. Прощай, до следующей почты. Мысленно целую тебя и молюсь о тебе, чтобы скорей тебя выпхнули в Украину.

Твой Гоголь.

198.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

1834. Марта 29. СПб.

Песню твою про Нечая получил вчера. Вот всё, что получил от тебя вместо обещанных каких-то книг.

Что ты пишешь про Цыха? разве есть какое-нибудь официальное об этом известие? Министр мне обещал непременно это место и требовал даже, чтоб я сейчас подавал просьбу, но я останавливаюсь затем, что мне дают только адъюнкта, уверяя впрочем, что через год непременно сделают ординарным; и признаюсь, я сижу затем только еще здесь, чтобы как-нибудь выработать себе на подъем и разделаться кое с какими здешними обстоятельствами. Эй, не зевай! садись скорее в дилижанс! Без твоего присутствия ничего не будет.

Посылаю тебе за Нечая другой список Нечая, который списан из галичского собрания. Видно, как много она терпела изменений. Каневский переменен на Потоцкого; даже самые обстоятельства в описании другие, исключая главного.

Твой Гоголь.

199.

М. П. ПОГОДИНУ.

⟨1834⟩ Апреля 4. СПб.

Пожалуста, не сердись так сильно, как ты объясняешь в письме. Во-первых, это потому не хорошо, что кровь портится; а во-вторых, если я приеду в Москву и расскажу тебе кое-о-чем, то ты увидишь сам, что на меня не должно сердиться. Ты спрашиваешь о моем здоровьи. Здоровье так же, как и финансы мои, не в весьма завидном положении. Здоровье потому, что я не бык и не русской мужик,

финансы потому, что я не Брамбеус и не Греч. В Москве надеюсь быть не раньше июня, или мая последних чисел. Когда ты будешь в деревне: весною, или летом? Пожалуста, не сердись, что мало пишу. Натурально, если хорошенько подумать, то, конечно, нельзя сказать, чтобы, как говорят, не набралось предметов для письма. Но чорт меня возьми, если я уважаю хоть сколько-нибудь письменное искусство. Такая лень находит, что мочи нет. То ли дело язык! куда лучше пера! В чернильницу его не нужно обмокать, разве только слегка в бокал шампанского, после чего он так исправно ворочается, что никакое перо за ним не угонится.[1] Может быть, оттого, что я как-то всё это время неспокоен, и леность приходит. Как бы то ни было, только жажду видеть тебя и побраниться с тобою лицом к лицу.

Твой Гоголь.

200.
М. И. ГОГОЛЬ.

⟨Апрель, 1834. Петербург⟩

Посылаю вам семена для огорода. Только прошу вас посадить их как можно скорее, — если можно, то даже в тот день, когда получите их; намачивать их вовсе не нужно, но просто прямо посадить в землю. Только непременно нужно поливать несколько раз на день после посадки. Место выбрать для них лучше поближе к пруду; особенно позаботьтесь, чтобы было получше для цветной капусты, артишоков и брунколей, которые я очень люблю. Не забывайте особенно приказывать хоть кому-нибудь из комнатных девушек поливать их. Хоть они садятся несколько поздно, но садовник здешний уверяет меня, что при аккуратном поливании они весьма могут поспеть в июне. Со всех сторон доходят слухи и стращают о неурожае. Обратите на это внимание и велите, по крайней мере, насеять побольше картофелю, если хлеба немного. Да нельзя ли не строить в этот год фабрики и других построек? Неужели в вино-

[1] *Далее начато:* и потому

курне нельзя дать мест выделывать кож; она же теперь совершенно гуляет. Приладьте как-нибудь. Ведь не в наружном виде, не в строении сила, а в том, что делается внутри. Фабрикант большой фантазер. Ему, конечно, приятно видеть огромное строение с пышным названием „фабрика“, но уговорите его, скажите, что вы на следующий год выстроите ему золотую фабрику с бриллиантовою крышею, но что теперь нельзя ли как-нибудь пристроить в винокурне все препараты, что нет никакой возможности поступить иначе.

201.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

⟨1834⟩ Апреля 7. СПб.

Не беспокойся! дело твое, кажется, пойдет на лад. Третьего дня я был у министра; он говорил мне такими словами: кажется, я Максимовича переведу в Киев, потому что для русской словесности не находится более достойный его человек. Хотя предмет для него нов, но он имеет дар слова, и ему можно успеть легко в нем, хотя впрочем он теоретического никакого не выпустил еще сочинения. На что я сказал, что ты мне показывал многие свои сочинения, обнаруживающие верное познание литературы и долгое занятие ею. Также при этом напомнил ему о твоих трудах в этом роде, помещаемых в разных периодических изданиях. Из слов его, сказанных на это, я увидел только, что препятствий, слава богу, никаких нет. Итак, поздравляю тебя. Я тоже, с своей стороны, присовокупил, как на тебя действует тамошний климат и как расстраивается твое здоровье. Видно было, что старания князя Вяземского и Жуковского не были тщетны. Он, по крайней мере, не представлял уже никаких невозможностей и совершенно соглашался[1] с тем, что состоянье здоровья твоего должно быть уважено. Для окончательного дела тебе бы весьма не мешало бы предстать самому, потому что, сколько я мог заметить,

[1] кажется соглашался

личное присутствие ему нравится. Но, впрочем, если тебе нельзя и состояние твоего здоровья не дозволяет, то я в таком случае перестаю о том просить тебя, несмотря на то, что мне очень бы хотелось видеться с тобою. Мне, впрочем, кажется, что если бы был в состоянии, то весьма бы было не худо. Но, как бы то ни было, прощай до следующего письма. Я очень рад, что письмо мое тебя успокоит, и потому не хочу ничего постороннего писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получил его как раз в пору.

О получении его уведоми меня немедленно. Прощай, будь здоров! Целую тебя и поручаю тебя охранению невидимых благих сил.

Твой Гоголь.

202.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

⟨1834⟩ 20 апреля, СПб.

Письмо твое от 16 я получил сегодня. Ну, я рад от души и от сердца, что дело твое подтвердилось уже официально. Теперь тебе точно незачем уже ехать в Петербург. Тебя только беспокоят дела московские. Смелее с ними: одно по боку, другому киселя дай, и всё кончено. Из необходимого нужно выбирать необходимейшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себе. Да кстати о мне: знаешь ли, что представления Брадке чуть ли не больше значат, нежели наших здешних ходатаев. Это я узнал верно. Слушай, сослужи службу. Когда будешь писать к Брадке, намекни ему о мне вот каким образом: что вы бы, дискать, хорошо сделали, если бы залучили в университет Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имел такие глубокие исторические сведения и так бы владел языком преподавания, и тому подобные скромные похвалы, как будто вскользь. Для примера ты можешь прочесть предисловие к грамматике Греча или Греча к романам Булгарина. Он, сколько я заметил, основывается на видимом[1] авторитете и на занимаемом месте.

---

[1] видимом *вписано.*

Ты, будучи ординарным профессором московского университета, во мнении его много значишь. Я же бедный почти нуль для него; грешных сочинений моих он не читывал, имени не слыхивал, стало быть, ему нечего и беспокоиться обо мне. Тем более мне это нужно, что министр, кажется,[1] расположен сделать для меня всё, что можно, если бы только попечитель ему хоть слово прибавил от себя. Тогда бы я скорее в дорогу[2] и, может быть, еще бы застал тебя в Москве.

Благодарю тебя за песни. Я теперь читаю твои толстые книги; в них есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Издание хорошо. Примечания с большим толком. О переводах я тебе замечу вот что. Иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе. Есть пропасть таких фраз, выражений, оборотов, которые нам, малороссианам, кажутся очень будут понятны для русских, если мы переведем их слово в слово, но которые иногда уничтожают половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое место[3] становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка; и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его.

Этих замечаний, впрочем, ты не можешь еще приноровить[4] к приведенному тобою переводу, потому что он очень хорош; окончание его прекрасно... Но, чтобы и к нему сделать придирку, вот тебе замечание на первый случай, мотай на ус:

Федора́ Безродного, атамана куренного, постреляли, порубили, только не поймали чуры.

Во-первых, *постреляли* не русское слово, оно не по-русски спрягнулося и скомпоновалося, и вместе с словом *порубили* на русском слабее выражает, нежели на нашем. Мне кажется, вот как бы нужно было сказать:

Куренного атамана, Федора Безродного, они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.

---

[1] совершенно ⟨?⟩ кажется [2] в брику [3] самое лаконическое место [4] *Далее начато*: к одному

В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я сам, который теперь рассуждаю об этом с таким хладнокровным беспристрастием, вряд ли бы уберегся от того, чтобы не влепить звонкое словцо в русскую речь, в простодушной уверенности, что его и другие так же поймут. Помни, что твой перевод для русских, и потому все малороссийские обороты речи и конструкцию прочь! Ведь ты, верно, не хочешь делать подстрочного перевода? Да, впрочем, это было бы излишне, потому что он у тебя и без того приложен к каждой песни. Ты каждое слово так удачно и хорошо растолковал, что кладешь его в рот всякому, кто захочет понять[1] песню. Я бы тебе много кой-чего хотел еще сказать[2], но, право, чертовски скучно писать о том, что можно переговорить гораздо с большею ясностью и толком. Да притом это такая длинная материя, зацепи только — и пойдет тянуться. В подобных случаях более всего нужны[3] толки с другою головою, потому что, верно, одна заметит то, что другая пропустит. Как бы то ни было, я с радостью ребенка держу в руках твой первый лист и говорю: „Вот всё, что отстоялось от прежних дум, от прежних лет!“ как выразился Дельвиг. Я еще никому не успел показать его, но понесу к Жуковскому и похвастаюсь Пушкину,[4] и мнения их сообщу тебе поскорее. А между тем подгоняй свои типографские станки. Я тебе пришлю скоро кое-какие песни, которые, впрочем, войдут в последний разве только отдел твоего первого тома[5]. За *Песнями Люду Галичского* я послал в Варшаву, и как только получу их, то ту же минуту пришлю их тебе. Здешние скоты книгопродавцы так пугаются всего[6], что выходит на польском языке, что даже польского букваря нигде не отыщешь, и с важным видом говорят только: запрещен[7]. Одоевскому скажу, чтобы он скорее пристроил твоего Наума. Эти дни, может быть, не увижу его, потому что ты

---

[1] понять сам [2] сказать об этом же предмете [3] чрезвычайно хороши [4] *Далее начато*: живее только [5] отдел твоих песней [6] так напуганы всем [7] говорят, что запрещен

сам знаешь, что за безалаберщина деется у людей на праздниках: они все как шальные. По улицам мечутся шитые мундиры и трехугольные шляпы, а дома между тем никого. У Плетнева постараюсь тоже на этих днях отобрать нужные для тебя сведения. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему. Да будешь ты здрав и спокоен.

Весь твой Гоголь.

203.

М. И. ГОГОЛЬ.

1834. Апреля 20. С.-Петербург.

Поздравляю вас с наступающими праздниками воскресения Христова и желаю, чтобы вы этот радостный для христиан день и все следующие провели весело и счастливо. Насчет фабрики я не то хотел сказать, но об этом после. Поручение ваше к князю Кочубею я постараюсь исполнить. Странно, что март был у вас холодный. Здесь же напротив он весь состоял из солнечных и теплых дней. Напишите, каков был у вас апрель, — верно, дождлив? Я заключаю это из того, что письма наши теперь очень долго идут; впрочем это кажется хорошо для хлеба. Жаль мне очень, что вы должны занимать и покупать в долг. Это беспрестанно вас вводит в новые хлопоты. Как бы мне хотелось, хотя немного помочь вам; но до сих пор не имею никакой возможности. Мы должны всю надежду возложить на бога и стараться как можно более быть благоразумными, осторожными и выбирать, что из полезного самое полезное.

Вы не знаете, на сколько времени едет Андрей Андреевич на воды и к которому месяцу думает возвратиться? Это мне нужно знать.

Прощайте, бесценная маминька! Благодарю вас за молитвы, которые воссылаете вы о мне. Они, верно, будут услышаны, потому что бог ни в чем не отказывает добродетельным. Умоляя с своей стороны, я уверен, что его святая воля и без моей грешной молитвы пошлет вам счастие.

Ваш сын Николай.

Поклон дедушке и бабушкам, благодарю сестру и Катерину Ивановну за память обо мне и желаю им также веселиться более на праздниках.

Павлу Осиповичу особенный поклон.

Да. Пожалуста, не приписывайте мне чужих сочинений. Неужели вас не научили беспрестанные ошибки в предположениях? на этот раз вы ошиблись сильнее, нежели когда-либо. Если вам вперед что-нибудь покажется моим, то вы, по крайней мере, не рассказывайте этого другим. Впрочем это такие пустяки, о которых нечего говорить, и мне это ни мало не обидно. Я сделал это замечание потому только, что автор Барона Брамбеуса не на слишком хорошем счету. Его грязные сочинения нравятся только низшему классу.

Анет и Лиза, славу богу, здоровы. Они бы, верно, написали вам письма, но мне некогда итти в институт, — тем более, что почта сейчас отходит.

204.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨Апрель, 1834. Петербург⟩

Христос воскресе!

Поздравляю вас с праздником, почтеннейшая маминька! Вы что-то давно уж не пишете ко мне. Уж не сердитесь ли вы на меня, или за почтою опять начал водиться старый грех, и письма пропадают, или задерживаются? Я, слава богу, здоров. Прошу попрежнему бога, чтобы и вы всегда были здоровы. Сестры мои здоровы, учатся хорошо. Праздники здесь очень хороши. Всё время стоит прекрасная погода, совершенное лето, или самая теплая весна. Я слышу, в ваших местах еще лучше. Пора в самом деле нам, хоть раз, воспользоваться хорошим временем. До сих пор, у нас все времена года совершенно столкнулись с мест своих.

Я думаю, уже Павел Осипович насадил огород и любуется первыми всходами, а сестра моя хворает, охает и приготовляет новые философские и мудрые изречения по поводу весны. Я прошу ее убедительно написать на

особой записке, которую да приложит она к вашему письму, обстоятельно и подробно, сколько раз она в этом году поспорила. Это будет очень любопытная и занимательная вещь. Я советую ей особенным родом науки это сделать. Для этого я пришлю ей очень красивый альбом. Под каждым числом и днем написать: сегодня я поспорила столько-то раз и благодарение богу очень успешно; сегодня, увы! я не поспорила больше одного раза, но с помощью божиею, может быть завтра за всё вознагражу. И так далее.

Прощайте, моя маминька, хотел-было к празднику прислать вам и сестре красных яичек, но так был захлопотан, что никак не успел.— Итак до следующего раза.

Будьте здоровы и веселы.

Ваш сын Николай.

Да. Одно слово сестре Марии: она писала мне о картах, которые где-то видела. Если там есть карты Галиции, Буковины, Кроации, Венгрии, Богемии, Трансильвании, Померании и вообще западных славянских земель и Австрии, то пусть приобретет. Но мне не нужно ни Франции, ни Голландии, ни Испании, ни Швеции, ни Англии, ни Италии, ни Швейцарии, ни Дании. А я ей за это пришлю нот.

205.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1834⟩ Мая 13. СПб.

Я получил письмо ваше и благодарю вас, маминька, за поздравление с прошедшими праздниками. Дай бог, чтобы вы, как будни, так и праздники, отныне проводили весело и в совершенном спокойствии, без больших хлопот. Я нимало не беспокоился насчет подрядов, но намекнул вам кое-что только в предостережение. Я бы тоже не советовал вам давать знать фабриканту, что вы ему ни в чем не верите, но растолковать ему хорошенько всё дело, обходиться с ним ласково, короче сказать держать его крепко в руках, но не давать ему этого заметить, что вы держите

его в руках. Впрочем, я, позабывшись, читаю вам наставления, тогда как вы, без сомнения, лучше меня всё это знаете. Отложите боязнь и темные мысли и думайте о том, как вперед поступить лучше. Если Вы отправили молебень об успехе ваших предприятий, то всё пойдет хорошо. А там, как приеду, то, может быть, найдем средство дать ей лучший ход. Что начато, того уже нельзя оставлять. Я удивляюсь только, что это предприятие съело так много денег, между тем как ничего почти не сделано и не сбыто. Но как бы то ни было, даст бог, будет всё хорошо.

Я, слава богу, здоров, дети тоже. Дай только бог, чтобы вы были здоровы. Получили вы семена, которые я послал вам для посева, и принялись ли они? В приложенном при них письме я просил вас приказывать почаще поливать, особенно в те дни, когда нет дождей, также более всего прилагать старания об артишоках, особенно об кордоне испанском, цвет.<ной> капусте и броколях.

Прощайте! Будьте здоровы! Обнимаю сестру, племянника, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и, приветствуя всех домашних, остаюсь ваш сын

Н. Гоголь.

Известите: идут ли дожди?

206.

А. С. ПУШКИНУ.

13 мая <1834 г. Петербург.>

Я раздумавши увидел, что теперь писать к Левашеву точно будет излишне. Это лучше сделать тогда, когда я буду уже собираться в дорогу и через меня. Теперь же я буду вас беспокоить вот какою просьбою: если зайдет обо мне речь с Уваровым, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива. При этом случае выбраните меня хорошенько за то, <что> живу здесь и не убираюсь сей же час вон из города; что доктора велели ехать сей же час и стараться захватить там это время. И сказавши, что

я могу весьма легко через месяц протянуть совсем ножки, завесть речь о другом, как<-то> о погоде, или о чем-нибудь подобном. Мне кажется, что это не совсем будет бесполезно.

Вечно ваш Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

207.
А. С. ПУШКИНУ.

<Май 1834 г. Петербург>

Я вчера был у Уварова. Ничего я не могу вам сказать утешительного для себя. Если бы я был хотя в таком состоянии, как вчера, я бы явился к вам. Но теперь я так зло захворал, что никуда не могу носа показать. Если вы будете в нашей стороне и станете проходить мимо Малой Морской, то будьте великодушны и загляните ко мне страдающему и телом и духом. Я имею вам кое-что сказать.

Вечно Ваш
Н. Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

208.
К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

<Май 1834 г. Петербург>

Милостивый Государь
Константин Степанович!

Убедительно прошу Вас прислать особо отпечатаные для меня листки моих статей. Я очень болен и лежу дома, вчера однако ж отважился итти к Сергею Семеновичу по его приказанию. Он дал мне тему для статьи в журнал, но ничего не узнал я о моей участи. Представьте себе мое

несчастие. Доктора мне говорят ехать теперь же. А между тем сижу здесь и лучшее для моего леченья время убиваю здесь и убиваю в тоске и досаде. Если бы я твердо был уверен, что не получу желаемого, я бы ехал теперь же на Кавказ с одним моим приятелем, который даже обеспечивает меня на счет путевых издержек. Но Сергей Семенович говорит, чтобы я не отчаивался, что всё будет хорошо. А между тем время идет и я не знаю, что со мной будет; здоровье мое гроша не стоит.

От всей души желая, чтобы здоровье ваше не было похоже на мое, но красовал.<ось> и процветало, остаюсь вечно ваш

признательный
Н. Гоголь.

На обороте: Его высокоблагородию Константину Степановичу Сербиновичу.

209.
М. А. МАКСИМОВИЧУ.

<1834> Мая 28. <Петербург.>

Извини меня: точно, я, кажется, давно не писал к тебе. У меня тоже большой хлам в голове. Благодарю тебя за лист песень, который ты называешь шестым и который, по моему счету, 4-й. О Введении твоем ничего не могу сказать, потому что я не имею его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочесть в Журнале Просвещения, 4-м номере, статью мою о малороссийских песнях; там же находится и кусок из Введения моего в историю Малороссии, впрочем, писанный мною очень давно.

Мои обстоятельства очень странны: С.<ергей> С.<еменович> дает мне экстраординарного профессора и деньги на подъем, но однако ж ничего этого не выпускает из рук и держит меня, не знаю для чего, здесь, тогда как мне нужно действовать и ехать. Между тем Б.<радке> пишет ко мне, что не угодно ли мне взять кафедру русской исто-

рии, что сие де прилично занятиям моим, тогда как он сам обещал мне, бывши здесь[1], что всеобщая история не будет занята до самого моего приезда, хотя бы это было через год. А теперь, верно, ее отдали этому Цыху, которого принесло как нарочно. Право, странно они воображают, что различие предметов это такая маловажность и что, кто читал словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку; как будто пирожник для того создан, чтобы тачать сапоги. Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю. Если же они меня поводят далее и не отправят теперь же, то, признаюсь, я брошу всё и откланяюсь. Бог с ними со всеми. И тогда махну или на Кавказ, или в долы Грузии, потому что здоровье мое здесь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цых? кажется, Погодин его знает. Нельзя ли как-нибудь уговорить Цыха, чтобы он взял себе, или просил, или бы по крайней мере соглашался бы взять кафедру русской истории.

Ты извини меня, что я не толкую с тобою ничего о песнях. Право, душа не в спокойном состоянии. Перо в руках моих как деревянная колода, между тем как мысли мои состоят теперь из вихря. Когда увижусь с тобою, то об этой статье потолкуем вдоволь; потому что, как бы ни было, а всё-таки надеюсь быть в следующем месяце в Москве. Прощай, да пиши ко мне. В эти времена волнения письма всё-таки сколько-нибудь утишают душу. Прощай.

Твой Гоголь.

210.

М. А МАКСИМОВИЧУ.

⟨1834⟩ Мая 29. ⟨Петербург⟩.

Только что я успел отправить к тебе вчерашнее письмо мое, как вдруг получил два твоих письма: одно еще от 10 мая, другое от 19 мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанию. Смирдин никуда не годится: он их изволил

[1] бывши здесь *вписано.*

продержать у себя больше недели. Благодарю, очень благодарю тебя за листки песень. Я не пишу к тебе никаких замечаний, потому что я ужасно не люблю печатных или письменных критик, т. е. не читать их не люблю, но писать. Недавно С.<ергей> С.<еменович> получил от Срезневского экземпляр песней и адресовался ко мне с желанием видеть мое мнение о них в Журнале Просвещения, так же как и о бывших до него изданиях — твоем и Цертелева. Что ж я сделал? я написал статью, только самого главного позабыл: ничего не сказал ни о тебе, ни <о> Срезневском, ни о Цертелеве. После я спохватился и хотел было прибавить и проболтаться о твоем великолепном новом издании, но опоздал [1]: статья уже была отпечатана. Так как не скоро к вам доходят петербургские книги, то посылаю тебе особый отпечатанный листок, также и листок из истории Малороссии, которой мне зело не хотелось давать. Я слышал уже суждения некоторых присяжных знатоков, которые глядят на этот кусок, как на полную историю Малороссии, позабывая, что еще впереди целых 80 глав они будут читать и что эта глава только — фронтиспис [2]. Я бы, впрочем, весьма желал видеть твои замечания, тем более, что этот отрывок не войдет в целое сочинение, потому что оно начато писаться после того гораздо [3] позже и ныне почти в другом виде. Но из новой моей истории Малороссии я никуда не хочу давать отрывков. Кстати. Ты просил меня сказать о твоем разделении истории. Оно очень натурально и, верно, приходило в голову каждому, кто только слишком много занимался чтением и изучением нашего прошедшего. У меня почти такое же разделение, и потому я не хвалю его, считая неприличным хвалить то, что [4] сделалось уже нашим — и твоим, и моим вместе.

Прощай! Целую тебя несколько раз.

Твой Гоголь.

---

[1] но позабыл [2] и что ~ фронтиспис *вписано.* [3] совершенно [4] *Далее начато:* похоже

211.
И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ.

1834. 1 июня. СПб.

Не сердитесь на меня, почтеннейший Измаил Иванович, что долго не отвечал на ваше письмо. Оно залежалось в лавке у Смирдина. Я тоже был в отсутствии... Очень благодарен вам за вашу память обо мне. Поблагодарите также земляка нашего (о котором вы упоминаете в письме вашем как о пишущем историю Малор.<россии>) за его благородный труд. Я очень рад, что не один я занимаюсь этим. Я хотел было сделать несколько замечаний и оценку с своей стороны Вашей Запорожской Старины и уже приступ к этому под заглавием *О малоросс. песнях* отослал в Журнал Просвещения. Но лень проклятая одолела, и я сел на одном приступе: летом я ничего больше не делаю, кроме лежанья; к тому же еще и болезнь меня беспокоит... Вы там же найдете и кусок из первой части моей истории. Не налягайте слишком на нее: я нарочно выбрал самое начало, в котором показана только перспектива того, что будет впереди. — Конисскому я также, как и вы, во многом не верю, но я говорил совсем не касательно достоинства летописца. Все происшествия его со времени Петра замечательны <?>. Справедливость многих я узнал, нашедши доказательства в здешних архивах.

Да выпускайте скорее свою Старину, я жажду. Пожалуста, не дожидайтесь мнений рецензентов. Охота же вам наконец услышать, что запятую вам нужно поставить не в том месте, а в другом и что не Запорожскою, а какою-нибудь другою стариною нужно было назвать вашу книгу.— Другого вы ничего не услышите. Ваша мысль напечатать песни обрядные очень хороша. Недурно бы их было поместить совершенно в том порядке, в каком они следуют одна за другою во время обрядов, с объяснением при каких обстоятельствах. Это была бы очень нужная вещь. И верно бы все понимающие важность этого дела были бы вам очень благодарны. Свидетельствуя с своей стороны Вам истинное мое уважение, остаюсь

весь ваш Н. Гоголь.

212.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

<1834> 8 июня. СПб.

Я получил твое письмо через Щепкина, который меня очень обрадовал своим приездом. Что тебе сказать о здоровье? <.....> мы, братец, с тобой! Что же касается до моих обстоятельств, то я сам, хоть убей, не могу понять их. За меня просили Дашков, Блудов, С.<ергей> С.<еменович> сам, кажется, благоволит ко мне и очень доволен моими статьями. Кажется, какой сильный авторитет! Если бы какие особенные препятствия мне преграждали путь, но их нет. Я имею чин коллежского асессора, не новичок, потому что занимался довольно преподаванием, между тем как всех учителей Кременецкого Лицея произвели прямо в ординарные. И при всем я не могу понять: слышу уверения, ласки — и больше ничего. Чорт возьми, они воображают, что у меня не достанет духу плюнуть на всё. Я не могу также понять и Б.<радке>. Давши слово Жуковскому ожидать меня далее целый год и не отдавать никому кафедры всеобщей истории, и через месяц отдать ее Цыху. Это досадно, право, досадно! Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ехал в Киев. Досадно, досадно, потому что мне нужно, очень нужно: мое здоровье, мое занятие, мое упрямство требует этого. А между тем мне не видать его. Песни твои идут, чем дальше, лучше. Да что ты не присылаешь мне до сих пор введения? мне очень хочется его видеть. Кстати о введении: если ты встретишь что-нибудь новое в моей статье о песнях, то можешь прибавить к своему: дискать, вот что еще об этом говорит Гоголь. Да что, ведь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова.

Прощай. Да хранят тебя небеса и пошлют крепость душе и телу. Пора, пора вызвать мочь души и действо<вать> крепко!

Твой Гоголь.

213.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

10 июня ⟨1834 г. Петербург.⟩

Я получил твое письмо от 5-го июня вчера, т. е. 9-го числа. Тебя удивляет, почему меня так остановливает русская история. Ты очень странен и говоришь еще о себе, что ты решился же взять словесность. Ведь для этого у тебя было желание, а у меня нет. Чорт возьми, если бы я не согласился взять скорее ботанику или патологию, нежели русскую историю. Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя скуке. Но, оставляя Петербург, знаешь ли, что я оставляю? Мне оставить Петербург не то, что тебе Москву: здесь всё, что дорого, что было мило моему сердцу; люди, с которыми сдружился и которых алчет душа; всё, что привычка сделала еще драгоценнейшим. Бросивши всё это, нужно стараться всеми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всеми мерами то, что может вызывать ее. И ты вдобавок хочешь еще, чтоб самая должность была для меня тягостью. Если меня не будет занимать предмет мой, тогда я буду несчастлив. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, что для другого кажется своенравием, то есть у меня следствие дальновидности. Но, впрочем, кажется, это не может остановить их. С.⟨ергей⟩ С.⟨еменович⟩ сказал мне, что это ничего не значит, что можно поменяться кафедрами. Только то скверно, что я теперь мало всему этому верю, после всех проводов. Остановка вся за одним Б.⟨радке⟩, без Б.⟨радке⟩ С.⟨ергей⟩ С.⟨еменович⟩ ни до порога. Итак, я жду теперь от него решения и по нем узнаю, велит ли мне судьба ехать, или нет. О песнях твоих постараюсь написать извещение и одолеть сколько-нибудь свою лень, которая уже почула лето и становится деспотом.

До следующего письма.

Твой Гоголь.

214.

М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1834⟩ Июня 15. СПб.

Я получил письмо Ваше от 16 мая, сего июня 2-го числа. В нем я нашел приятное для меня[1] поздравление с крестником и новым племянником моим.

Очень благодарен сестре и Павлу Осиповичу за дружеское ко мне расположение и пожалование меня в кумовья и в крестные отцы. Может быть, бог поможет мне быть со временем им полезным. Жаль мне очень, что вы не можете похвалиться совершенным здоровьем. Я думаю, виною всему заботы, беспрестанно вас смущающие. Может быть, мне скоро удастся прожить у вас несколько времени, и тогда, может быть, соединивши силы, нам удастся лучше привести всё в порядок. Когда я начал-было писать это письмо[2], мне принесли ваше другое от 4-го июня. Странно, что семена получены вами так поздно. — Но однако же они всё-таки должны принять⟨ся⟩.

Сестры, слава богу, здоровы; письма их прилагаю вам.

Здесь теперь большой съезд: затеваются праздники и проч. по случаю приезда короля прусского, принцев голландских и прусских. Это лето я живу в городе и не переезжаю на дачу. Если буду к вам, то не раньше августа. Желаю вам совершенного здоровья и спокойствия. Остаюсь ваш Николай.

Милая сестрица! Поздравляю тебя с сыном и желаю, чтобы он рос, рос и сделался великаном и богатырем и по силе, и по уму, и по душе. Это поздравление, натурально, тебе должно разделить вместе с Павлом Осиповичем, которого от души обнимаю и благодарю за избрание меня в кумовья. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте иногда истинно любящего вас брата

Ник. Гоголя.

---

[1] для меня *вписано*. [2] Когда я хотел было отослать ⟨?⟩ уже письмо

215.

М. П. ПОГОДИНУ.

СПб. 23 июня. ⟨1834⟩.

Письмо твое, против обыкновения, довольно обширное (вся 16-я доля листа была исписана кругом), я получил сего 20 июня и заранее догадывался, что дело должно быть важное. На предложение твое об адъюнктстве я вот что скажу тебе. Я недавно только что просился профессором в Киев, потому что здоровье мое требует этого непременно, также и труды мои. Вот чем можно извинить мне искание профессорства, которое, если бы не у нас на Руси, то было бы самое благородное звание. Прося профессорства в Киеве, я[1] обеспечиваю там себя совершенно в моих нуждах, больших и малых; но взявши московского адъюнкта, я не буду сыт, да и климат у вас в Москве ничуть не лучше нашего чухонского, петербургского. Итак ты видишь физически невозможным мое перемещение. Впрочем в июле месяце я постараюсь побывать в Москве, и мы потолкуем о том о сем.

Весьма рад, что тебе понравились мои статьи, хотя, признаюсь, я в них, особливо в первой, мало нахожу[2] того, что нужно бы и что можно бы[3] сказать об этом предмете. Но как бы то ни было, мысли об этом можно изъявить в другом, более удобном случае и месте. Ты говоришь о Цыхе. Что это за Цых? Откуда он и как он взялся? Я имени его еще нигде не встречал в литературном мире.

Скажи пожалуста: кто тебя всегда толкает под руку, когда ты пишешь? хоть бы одно слово можно было разобрать с первого разу. Я твое шестнадцатидольное письмо читал три дни и до сих пор некоторые слова остались неразгаданными. Я их так и оставил, и потому не сердись, если ответ мой неполон.

Если я приеду в Москву, то или к тебе, или к кому-

---

[1] *Было начато*: я бы был [2] не нахожу [3] я мог ⟨бы⟩

нибудь другому, только в деревню, потому что мне город так надоел, что не могу смотреть на него равнодушно.

Прощай, целую тебя несколько раз.

Кланяйся всем нашим.

Твой Гоголь.

216.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

27 июня ⟨1834. Петербург.⟩

Я получил сегодня письмо твое от 23 июня. Итак, ты в дороге. Благословляю тебя! Я уверен, что тебе будет весело, очень весело в Киеве. Не предавай⟨ся⟩ заране никаким сомнениям и мнительности. Я к тебе буду, непременно буду, и мы заживем вместе, чорт возьми всё⟨?⟩. Дела свои я повел таким порядком, что непременно буду в состоянии ехать в Киев хотя нераннею осенью или зимою; но когда бы то ни было, а я всё-таки буду. Я дал себе слово, и твердое слово; стало быть, всё кончено: нет гранита, которого бы не пробили человеческая сила и желание.

Ради бога, не предавайся грустным мыслям, будь весел, как весел теперь я, решивший, что всё на свете трын-трава. Терпением и хладнокровием всё достанешь. Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовских могил, не сиди над книгами. Чорт возьми, если они не служат теперь для тебя к тому только, чтобы отемнить свои мысли. Будь таков, как ты есть, говори свое, и то как можно поменьше. Студенты твои такой глупый будет народ, особливо сначала, что, право, совестно будет для них слишком много трудиться. Но, впрочем, лучше всего ты делай эстетические с ними разборы. Это для них полезнее всего, скорее разовьет их ум, и тебе будет приятно. Так делают все благоразумные люди. Таким образом поступает и Плетнев, который нашел — и весьма справедливо — что все теории — совершенный вздор и ни к чему

не ведут. Он теперь бросил все прежде читанные лекции и делает с ними в классе эстетические разборы, толкует и наталкивает их морду на хорошее. Он очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и советует, с своей стороны, тебе работать прямо с плеча, что придется. Вкус у тебя хорош. Словесность русскую ты знаешь лучше всех педагогов-толмачей; итак чего тебе больше. Послушай: ради бога, занимайся поменьше этой гилью. Лето ⟨ты⟩ непременно должен в Киеве полениться. Жаль, что я не с тобою теперь, я бы не дал тебе и заглянуть в печатную бумагу. Я бы тебя повез[1] по Пслу, где бы мы лежали[2] в натуре, купались, а вдобавок бы еще женил тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но так и быть, пожди до лета следующего, а теперь прими совет и крепко держи его в памяти. Книг я тебе в Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты с ними не разминулся, а посылаю прямо в Киев, где они будут тебя ожидать. Как нарочно, эти книги[3] нашлись у меня, и потому денег тебе за них платить не нужно. Из всех открытий, сделанных мною и другими достоверными людьми, оказывается, что наш Б.⟨радке⟩ знает славно экзекуторскую должность при университ⟨ете⟩. Высшая же оркестровка не так им сподручна, и потому ты можешь, принявши сие сведение, как следует распорядиться своими поступками: сиречь, приходить в назначенное время на лекцию, ни раньше, ни позже, и вести аккуратность и порядок, чтобы смирно сидели по местам и проч. Но во всем этом ты можешь обойтиться и без моих советов. Я же тебя умоляю еще раз беречь свое здоровье; а это сбережение здоровья состоит в следующем секрете: быть как можно более спокойным, стараться беситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бывает[4] и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что всё на свете трын-трава и ⟨ . . . . . ⟩ ⟨ . . . . ⟩. В этих немногих, но значительных словах заключается вся мудрость человеческая. Чорт возьми! я как воображу, что теперь на киевском рынке целые рядна вываливают

[1] повез бы [2] лежали бы [3] все эти книги [4] бывает иногда

персик, абрикос, которое всё там ни по чем, что киево-печерские монахи уже облизывают уста, помышляя о делании вина из доморощенного винограду, и что тополи ушпигуют скоро весь Киев, — так, право, и разбирает ехать, бросивши всё. Но впрочем хорошо, что ты едешь вперед. Ты приготовишь там всё к моему прибытию и приищешь местечко для покупки, ибо я хочу непременно завестись домком в Киеве, что, без сомнения, и ты не замедлишь учинить с своей стороны. Да, приехавши в Киев, ты должен непременно познакомиться с экс-профессором Белоусовым. Он живет в собственном доме, на Подоле, кажется. Скажи ему, что я просил его тебя полюбить, как и меня. Он славный малый, и тебе будет приятно сойтись с ним.

Да послушай: как только тебе выберется время, даже в дороге, то тотчас пиши ко мне, меня всё интересует о тебе, самая дорога и проч., и пр...

Смотри, пожалуста, не забывай писать мне почаще: ты мне делаешься очень дорог и, долго не получая от тебя письма, я уже скучаю.

Но да почиет над тобою благословение божие! Я твердо уверен, что ты будешь счастлив. Мне пророчит мое сердце.

Твой Гоголь.

217.
М. А. МАКСИМОВИЧУ.

СПб. Июль 1 ⟨1834⟩.

Итак посылаю тебе книги прямо в Киев, где, надеюсь, они тебя уже застанут; вместе с ними и тетрадь песень, которая в разные времена списывалась.[1] Она замечательна тем, что содержит в себе самые обыкновенные, общеупотребительные песни, но которых вряд ли кто может пересказать из поющих, так утратились слова их. Я думаю, ты

---

[1] которую в разные времена ⟨списывал⟩. *Слово* которую *осталось неисправленным.*

теперь можешь много кое-чего отрыть в Киевопечерской лавре, а для чичероне возьми Белоусова, о котором я тебе писал. Ты теперь в таком спокойном, уютном и святом месте, что труд и размышления к тебе притекут сами. Умей только распределить хорошо время. Занимайся каждый день, но не более как два и много — три часа; остальное время отдавай всё прогулке. Муцион тебе необходим. Наше солнце и наш воздух укрепят тебя, только занимайся всегда поутру; ввечеру и в полдень — боже тебя сохрани. В полдень лежи на солнце, но голову ⟨держи⟩ в тени; ввечеру гуляй или иди к кому-нибудь на вечер. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это ⟨ты⟩ непременно должен соблюсти; если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказе. Прощай, да пребывает с тобой всё хорошее.

Опиши всё до иголки, как ты найдешь Киев, в каком виде представится тебе твое новое житье; всё это ты должен неукоснительно описать. Я же буду ожидать с нетерпением твоего отзыва. Да, бога ради, будь поравнодушнее ко всему кажущемуся тебе с первого взгляда неприятным; смотри на мир так, как смотрит на него поэт, у которого он под ногами и употребляется на обтирку ног его.

Прощай.[1] Целую тебя на новосельи и ожидаю твоего письма.

Твой Гоголь.

218.
М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1834⟩ Июля 10. СПб.

Я получил письмо ваше, бесценная маминька, от 19 июня, сего месяца 3 числа. Из вашего письма я узнаю, маминька, что вы фабрику бросили совершенно. Я прошу вас в таком случае, пришлите мне подробный счет издержкам, расходам и доходам по этому делу: когда именно и что купленно, какие именно вещи и когда были сделаны,

[1] *Далее начато:* Ну

что из <них> продано, что не могли сбыть; какие распоряжения, сколько, когда было закуплено, кем и по каким ценам. Всё это нужно, чтобы было в порядке, за каждый месяц особенно, и[1] при конце итог всей суммы. Мне это необходимо нужно для составления своей сметы. Вы можете это поручить Василю Ивановичу; он, я думаю, это может сделать; не то Павел Осипович может помочь ему. — Да ведете ли, то есть, ведет ли Василий Иванович, приход и расход по имению аккуратно каждый месяц? Это необходимо нужно: тогда только можно хорошо[2] управлять хозяйством, когда совершенно знаешь количество прихода и расхода. Соображаясь с приходом, можно размерять и расход свой; тогда можно положить за правило издерживать никак не более той суммы, которая осталась в приходе. Если в каком месяце приход будет очень мал, нужно стараться, чтобы расход был и того меньше. Если же приход очень велик, то всё-таки нужно стараться не слишком возвышать расхода, чтобы последующее время, не слишком хорошее, можно без труда привыкнуть к небольшим расходам и чтобы оставалось, хоть что-нибудь было в остатке. Без этого, что бы вы ни заводили, всё не будет клеиться. Богу никак нельзя приписывать наших неудач. Бог милостив, и всякому, кто трудится с благоразумием и с осмотрительностью принимается за дело, он всегда оказывает всемогущую свою помощь. Береженного и бог бережет, говорит старинная пословица. Но если, вместо этого, мы предадимся бесплодным мечтаниям и будем сидеть сложа руки, надеясь во всем на милосердие божие, то мы никогда не будем иметь ничего. Я испытал многое на себе. Во всем, чем только я займусь с большою осмотрительностью, хорошенько обсужу дело, поведу с величайшею аккуратностью и порядком, не занимаясь мечтами о будущем, во всем этом я вижу ясно божию помощь. По этому-то самому я не вижу даже большой необходимости ехать в Воронеж. Я уважаю очень угодни-

---

[1] в порядке, по месяцам, числам и притом [2] совершенно

ков божиих, но молиться богу всё равно, в каком бы месте вы ни молились. Он вездесущ, стало быть, он везде слышит нашу молитву, и ему столько молитва нужна, сколько нужны дела наши. Впрочем я не настою на том, чтобы вы не ехали в Воронеж, особливо если позволят вам ваши финансы. Я бы с радостью прислал вам сколько-нибудь, но этот год был и для меня несколько тяжел. Даже намерение мое ехать к вам рушилось; впрочем я этому даже рад, несмотря на желание большое вас видеть. Если бы я поехал теперь, я бы потерял по службе, между тем как, оставшись здесь еще на полгода, я много выиграю. Я знаю, что вы, бесценнейшая маминька, сами будете в этом случае согласны со мною и, верно, не будете о том печалиться, что я не буду к вам теперь. Но зато в генваре или феврале месяце уже ничто не удержит меня. Много ли вам обождать, всего шесть месяцев, не больше. Я бы вам прислал теперь Смирдина журнал, но он так толст, что за пересылку его больше нужно заплатить, нежели сколько он сам стоит; притом же он очень глуп. Все порядочные люди и великие писатели от него отказываются; в высшем кругу его никто не читает. Только в провинции находятся люди, которые его читают еще и восхищаются дрянью. Я не знаю, что за охота пришла нашим судить и рядить о литературе. Я знал много людей, которых почитали умными, хорошими хозяинами и даже сведущими во многом; но когда эти люди захотят непременно судить и сообщать другим свои суждения, то их без смеха нельзя слушать. В какие можно впадать ошибки, можно какому ни было известному [человеку] приписывать сочинение чужое, сочинение гадкое, которым оскорбляется и ум, вкус. Но довольно об этом.

Сестры мои хотя не много выросли, но зато в музыке делаются доки и начинают играть довольно трудные пиесы. Я хотел прислать при сем письма их, но они еще до сих пор мне не доставили их.

Ваш Николай.

219.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

СПб. Июля 18 ⟨1834⟩.

Я получил твои экземпляры песень и по принадлежности роздал, кому следовало. Препровождаю к тебе благодарность получателей. Жуковский читал некоторые: они произвели эффект. Многие понравились наследнику. Я, однако же, всё ожидал, что ты еще будешь писать ко мне из Москвы. Мне хотелось знать, как ты собирался в дорогу, сел в бричку и прочее.

Что-то ты теперь поделываешь в Киеве? А кстати, чтобы не позабыть: к вам, или к нам, в Киев хочет ехать один преинтереснейший и прелюбезнейший человек, который тебе понравится до-нельзя, настоящий земляк и человек, с которым никогда не будет скучно, никогда, сохранивший всё то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорок лет. Он хочет занять место директора гимназии, если нельзя в Киеве, то в какой-нибудь[1] другой Киевского же[2] округа. Вначале он служил по ученой части, потом был за границей, потом в таможнях, изъездил всю Русь, охотник страшный до степей и Крыма и, наконец, служит здесь в почтовом департаменте. Известн только, если у вас ⟨есть⟩ какое-нибудь вакантное место, и в таком случае замолвь словечко от себя Брадке, не прямо, но косвенно, т. е. вот каким образом: что ты знаешь де человека, весьма годного занять место и истинно достойного, но что не знаешь де, согласится ли он на это, потому что в Петербурге имеет выгодное место, и считают его нужным человеком,[3] что прежде он хотел ехать в Киев; то попробовать, может быть, он согласится, тем более, что там близко его родина. А с своей стороны ты очень будешь доволен им. Познакомился ли ты с Белоусовым, как я тебе писал в прежнем письме? Он находится теперь при графе Левашеве. Да что ты не прислал мне нот малороссийских песень? Прислал один лист под назва-

---

[1] в каком-нибудь из [2] вашего же [3] *Далее было:* но что знаешь

нием Голоса, а самих-то голосов и нет. Я с нетерпением дожидаюсь их. Каково у вас лето? как ты проводишь его? Да пиши скорее. Что это: я уже около месяца не получаю от тебя никакой вести. Это скучно.

Прощай. Твой Гоголь.

220.
М. П. ПОГОДИНУ.

⟨1834⟩ 23 июль. СПб.

Рекомендую тебе доброго товарища моего Редькина. Он только что возвратился из чужих краев, куда был посылан для усовершенствования своего учения, с тем, чтобы занять профессорскую кафедру. Он очень жаждет с тобою познакомиться. Он по юридической части. Впрочем, ты можешь от него узнать и о состоянии прочих наук в Германии. Я на время решился занять здесь кафедру истории, и именно средних веков. Если ты этого желаешь, то я тебе пришлю некоторые свои лекции, с тем только, чтобы ты взамен прислал мне свои. Весьма недурно, если бы ты отнял у какого-нибудь студента тетрадь записываемых им твоих лекций, особенно о средних веках, и прислал бы через Редькина мне теперь же. Над чем ты теперь сидишь в деревне?[1] Что у тебя готовится и работается? Извести!

Твой[2] Гоголь.

221.
М. И. ГОГОЛЬ.

СПб. Августа 1. ⟨1834⟩.

Я получил письмо ваше и был очень огорчен, даже до сих пор не могу совершенно быть спокойным, вообразив, что вам предстоит так малый срок, только до августа, к уплате пяти тысяч рублей. Где вы их возьмете? и зачем вы уверяете меня, что вы совершенно спокойны, как будто я не знаю, что вы должны находиться в величайшем

---

[1] *Далее было:* а? [2] Весь твой

беспокойстве. О, бога ради, маминька, не заводите никаких новых предприятий и фабрик. Для того, чтобы заводить их, нужно слишком быть сведущим в этом деле; нужно быть самому фабрикантом. — Фабрики и заведения новые не оттого лопают, что они глупость, но оттого, что не всякий знает, как за них взяться. — Старайтесь лучше сохранить и усовершенствовать то, что у нас есть, и берегите более всего ваше здоровье, которое для нас драгоценнее всего. Если у вас уже выучились выделывать кожи, то вы не оставляйте этого вовсе. Пусть выделывают, но только выделывают, и больше ничего, но шить и делать какие-нибудь подряды — бог с ними. И то выделывать могут тогда только, когда требует этого надобность.

Вы жалуетесь, что я вам не уведомляю ничего о службе и о прочем. Что же сказать вам, ведь вы знаете сами, где я нахожусь. Впрочем я скинул с себя лишнюю обузу и отказался от других занятий[1]. Я теперь только профессор здешнего университета и больше никакой не имею должности, потому что[2] и не имею желания занять и не имею времени.

Я здоров, довольно весел; сестры также. Письмо их вам при сем посылаю.

Прощайте; целую ваши руки. Обнимаю сестру Марию, Павла Осип. и Катер. Ивановну и кланяюсь дедушке и бабушкам.

Ваш Николай.

Поклон от меня Татиане Ивановне и Василю Ивановичу. Также поклон Ларию Ив. Трощинскому.

222.

В. В. ТАРНОВСКОМУ.

СПб. 1834 г. августа 7.

Извини меня, любезный Василь *(э, Василь! а що, як бы гимназия сгорила...)*, извини, что долго не писал к тебе. Я немного обчелся в обстоятельствах своих. Думал было

[1] слу⟨жб?⟩ [2] впрочем

на каникулах быть в Малороссии и лично видеться с тобою, откладывал нарочно для того писать к тебе, и ничего этого не случилось. Я попрежнему пребываю в Питере. Посылаю тебе Нибура столько книг, сколько до сих пор переведено на французском.

Что, видел ли ты Редькина? Он поехал на месяц полобызаться с батюшкою и потом должен опять возвратиться сюда. Он говорил, что если ты будешь дома, то заедет к тебе в Антоновку; если же ты будешь в Житомире, то по краткости времени не может заглянуть к тебе туда. Ну, каково живут дела твои? Как ты проводишь дома время каникул? Что болящий? Что дядюшка Гриша Степанович? Что поп, который говорит: *чого-б такы сыдить так? вы б такы або гралы, або танцювалы и так, и так*. Бываешь ли ты часто в Киеве? Ведь тебе, кажется, через него лежит дорога домой. Я слышал, что Белоусова дела довольно поправились, я этому очень рад. Да, пожалуста, скажи, если будешь в Киеве, Максимовичу, который там профессор словесности, что я просто приеду и поколочу его на все боки. Что в самом деле за дрянь такая! Вот ровно месяц, если не больше, как я от него ни строки не получаю. По крайней мере из Киева он мне ни двух запятых[1] до сих пор не написал, и я не знаю, что с ним, мерзавцем, делается. Ты скажи ему, что я велел ему особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя в Киев, хотя адъюнктом, потому что киснуть тебе в литовском городе не годится. Что, как твое здоровье? Как <.....> ты, в круть или в смятку? и регулярно, или нерегулярно? Так же на счет поясницы и прочих почечуйностей. Каково идет ваша житомирская гимназия? Часто ли посещает вас пресловутый ваш Б.<радке>? Ну, какой сволочи набрали в ваш киевский университет! Мне даже жаль бедного Максимовича, что он попался между них. Можно ли это? Новый университет! тут бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новых профессоров, а вместо этого набрали старой плесени из глупого кременецкого лицея. Я сам было думал в киевский университет,

[1] ни строчки

да, к счастью,[1] не сошелся с вашим Б.<радке>, остался в здешнем, и лучше, потому что через четыре месяца получаю здесь экстраординарного профессора.

Не слышал ли чего-нибудь о наших, особенно о Лукашевиче старшем или о Высоцком? Видаешь ли Маркова? Кажется, мне кто-то говорил, что он намеревался сюда ехать. Имеешь ли хороший аппетит, и чем именно более всего обжираешься, арбузами или дынями, или грушами? Много ли ходишь, прогуливаешься и вообще делаешь муцион, и есть ли у вас где-нибудь такие места, где можно[2] прогуляться? Чем изобилует в это время Житомир? И какой урыльник обыкновенно употребляешь, фаянсовый или медный?

Впрочем, да хранят тебя вышние власти!

Будь здоров, пиши и не забывай твоего

Гоголя.

223.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

1834 августа 14. <СПб>.

Я получил письмо твое от 4 августа вчера (13). Во-первых, позволь тебе заметить, что ты страшный нюня! Всё идет как следует, а он еще и киснет! Когда я, который должен остаться в чухонском городе, плюю на всё и говорю, что всё на свете трын-трава. А признаюсь, грусть хотела было сильно подступить ко мне, но я дал ей, по выражению твоему, такого пидплесня, что она задрала ноги. Что мне было делать с вашим Б.<радке>?[3] Обещать и не исполнить обещанного, разве этак можно делать. Жуковский писал к нему, что министр наконец согласен мне дать экстр.<аординарного> проф.<ессора> и что от него теперь зависит. В ответ было получено письмо, что он — Б.<радке> — согласен мне дать адъюнкта (как будто об адъюнкте его просили) и что это место для меня очень выгодное (как

---

[1] да только [2] *Далее начато*: упот<ребить?> [3] *Далее начато*: Жуков<ский>

будто я нищий и мне оно дается из милости). Я заключил, что я не нужен, что я не имею счастия нравиться попечителю[1]; стало быть, с моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тем более действовать мимо его. Я решился ожидать благоприятнейшего и удобнейшего времени, хотел даже ехать осенью непременно в Гетьманщину, как здешний попечитель князь Корсаков предложил мне, не хочу ли я занять кафедры всеобщей истории в здешнем университете, обещая мне через три месяца экстраорд. профессора, зане не было ваканции[2]. Я, хорошенько разочтя, увидел, что мне выбраться в этом году нельзя никак из Питера; так я связался с ним долгами и всеми делами своими, что было единственною причиною неуступчивости моих требований в рассуждении Киева. Итак я решился принять предложение остаться на год в здешнем университете, получая тем более прав к занятию в Киеве. Притом же от меня зависит приобресть имя, которое может заставить быть поснисходительнее в отношении ко мне и не почитать меня за несчастного просителя, привыкшего чрез длинные передние и лакейские пробираться к месту. Между тем, поживя здесь, я буду иметь возможность выпутаться из своих денежных обстоятельств. На театр здешний я ставлю пиесу, которая, надеюсь, кое-что принесет мне, да еще готовлю из-под полы другую. Короче, в эту зиму я столько обделаю, если бог поможет, дел, что не буду раскаиваться в том, что остался здесь этот год. Хотя душа сильно тоскует за Украйной. Но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что с своей стороны употребил все возможные силы. Я не знаю, отчего это произошло, что попечитель согласен теперь, по крайней мере по твоим словам, дать мне экстраор.<динарного>. Отчего же он прежде не хотел и отказал напрямик Жуковскому. Видно, Левашев просил его за меня, которому Дашков писал два раза. Но только всё мне непонятно. Письмо Жуковский получил довольно поздно. — Как бы то ни было, но перебираюсь на следующий год, и если вы не захотите принять к себе в Киев,

[1] вашему попечителю [2] зане не было ваканции *вписано*.

то в отеческую берлогу, потому что мне доктора велят напрямик убираться, да притом и самому становится, чем дале, нестерпимее петербургский воздух. Я тебя попрошу, пожалуста, разведывай, есть ли в Киеве продающиеся места для дома, если можно, с садиком, и если можно, где-нибудь на горе, чтобы хоть кусочек Днепра был виден из него, и если найдется, то уведоми меня; я не замедлю выслать тебе деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вместе. Пожалуста, напиши мне обстоятельнее о Киеве. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхал, каков он, и каков имеет характер люд, обитающий в нем: офицеры, поляки, ученый дрязг наш, перекупки и монахи. Тот приятель наш, о котором я рекомендовал тебе, есть Семен Данил. Шаржинский; воспитывался в здешнем педагогическом институте, где окончив курс, был отправлен учителем в Феодосию, после в другие места, в южной России, в какие, не помню, а спросить его позабыл, потом служил в таможнях, наконец, нахо⟨ди⟩тся у Булгакова в почтовом департаменте. В Нежин не изъявляет желания, зная, что там более трудностей, потому что гимназия имеет особенные права и постановления, да притом знает, что тамошние профессора большие бестии, от которых уже товарищи его, вместе с ним воспитывавшиеся и бывшие там профессорами, пострадали.

Спешу к тебе кончить письмо, зане страх некогда: сейчас еду в Царское, где проживу две недели, по истечении которых непременно буду писать к тебе. Прощай.

Твой Гоголь.

224.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

⟨1834⟩ Августа 23 ⟨СПб⟩.

Приятель наш Семен Данилов. Шаржинский хочет или в Каменец-Подольскую, или в Винницкую гимназию, и потому я тебе еще раз пишу об этом. Если эти места не

вакантны теперь, то может быть тебе известно, когда они будут вакантны, и в таком случае пожалуста не прозевай. Пронюхай, что есть путнего в вашей библиотеке, относящегося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручил кому-нибудь составить им маленькой реестрец, дабы я мог всё это принять к надлежащему сведению. Я получил много подвозу из наших краев. Между ними есть довольно замечательных вещей. История моя терпит страшную перестройку: в первой части целая половина совершенно новая.

Есть ли что-нибудь на руках у Берлинского? ведь он старый корпила. А у монахов неужели ни <...>? Это жаль. Я тружусь, как лошадь, чувствуя, что это последний год, но только не над казенною работою, т. е. не над лекциями, которые у нас до сих пор еще не начинались, но над собственно своими вещами. На днях Сенков.<ский> и Греч перегрызлись, как собаки, но впрочем есть надежда, что сии достойные люди скоро помирятся.

Наши все почти разъехались: Пушкин в деревне, Вяземский уехал за границу для поправления здоровья своей дочери[1]. Город весь застроен подмостками для лучшего усмотрения Александровской колонны, имеющей открыться 30 августа. Офицерья и солдатства[2] страшное множество и прусских, и голландских, и австрийских. Говядина и водка вздорожала страшно. Прощай. Пиши, что и как в Киеве.

Твой Гоголь.

225.

В. В. ТАРНОВСКОМУ.

<После 20 сентября 1834 г. Петербург>.

Письмо твое получил тоже не слишком по скорой почте. Хорош, братец, ты! Пишешь с 1 сентября, а я получаю 20, между тем как письмо из Житомира идет никогда не больше 10 дней. Ты, верно, поступаешь со мною так же, как

---

[1] своего здоровья [2] и солдатства *вписано.*

я с почтенными родителями своими, т. е. выставляешь задним числом. Что я не пишу аккуратно к тебе, это извинительно, потому что я ленив; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебе, потому что ты был всегда трудящимся человеком. Ну, как поживаешь? Да: что тебе за охота думать о перемещении в Нежин? Охота же возиться с этою дрянью, какова например Мазепич Самойленко, Лопушевский, Урсо и прочие.

Мне кажется, нет лучше тебе места, как в Киеве. Если хочешь, я напишу об тебе Максимовичу; но если до того времени увидишься с ним, то скажи ему только, что ты мой товарищ. Мы с ним большие друзья и он для тебя, верно, с большою готовностью будет стараться. Имеешь ли ты нужные пособия для твоих лекций? Какими ты курсами руководствуешься? Есть ли у тебя история Мишеле новая, или средняя Демишеля, и если неполные, то, по крайней мере, Précis? Если нет, то уведоми меня, я тебе постараюсь их выслать. А что, как твоя женитьба? А я собираюсь крестить маленького крикуна-козленка, который имеет от тебя быть. Пожалуста, уведоми меня, когда будут крестины. Как идет ваша административная, ученая часть? Что говорят об университете, о профессорах, о попечителе и о прочем? Я познакомился здесь с твоим дядюшкою. Видел дорогого нашего Булыча. — Впрочем да хранит тебя бог от всего злого и поведет тебя тою дорогою, по которой желает душа твоя!

Весь твой Гоголь.

226.
К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

29 сент. 1834. ⟨Петербург⟩.

Очень благодарен вам за присылку корректуры. Если можно, то я бы попросил у вас прислать сегодня же и хвостик ее. Слова *чутья* никак не могу переменить. У нас совершенно нет ему равнозначительного. При том, я его

употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин, и даже Жуковский в Путешествии по Саксонии, в смысле художественном, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселе не напечатанно. Нечего делать, нужно нам перенять некоторые добродетели и у четвероногих.

Желаю вам совершенного здоровья.

Остаюсь Ваш покорнейший слуга

Н. Гоголь.

227.

М. П. ПОГОДИНУ.

⟨1834⟩ Ноябрь 2. СПб.

Письмо твое я получил вчера. Очень рад, что московские литераторы наконец хватились за ум, и охотно готов с своей стороны помогать по силам. Только я бы вот какой совет дал: Журнал наш нужно пустить как можно по дешевой цене. Лучше за первый год отказаться от всяких вознаграждений за статьи, а пустить его непременно подешевле. Этим одним только можно взять вверх и сколько-нибудь оттянуть привал черни[1] к глупой Библиотеке, которая слишком укрепила за собою читателей своею толщиною. Еще: как можно более разнообразия! и подлиннее оглавление статей! Количеством и массою более всего поражаются люди. Да чтобы смеху, смеху, особенно при конце. Да и везде недурно нашпиговать им листки. И главное, никак не колоть в бровь, а прямо в глаз. Эх жаль, что я не могу для первого листа ничего дать, потому что страшно занят, и печатаю кое-какие вещи! но как только обстрою дела свои, то непременно пришлю что-нибудь. Впрочем оно и лучше, что я теперь ничего не даю: теперь мое имя не слишком видно; но после напечатанья моих небольших мараканий, всё-таки лучше. Охота тебе заниматься и возиться около Герена, который далее своего немецкого[2] носа и своей торговли ничего не видит. Чудной

[1] *Далее начато:* от [2] немецкого *вписано.*

человек: он воображает себе, что политика какой-то осязательный предмет, господин во фраке и башмаках, и притом совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художеств, мимо наук, мимо[1] людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков, не стареющее, не молодеющее, ни умное, ни глупое, чорт знает что такое. Впрочем, если ты займешься Гереном с тем, чтоб развить и переделать его по-своему — это другое дело. Я тогда рад, и мне нет дела до того, какое название носит книга. Пять-шесть мыслей новых уже для меня искупают всё. Ну, а известное дело, куда ты сунешь перо свое, то уже, верно, там будет новая мысль. Я готов плюнуть в башку глупому вашему Каченовскому за эдакие проказы. Мне нужны твои Афоризмы. Это, просто, досадно.

Но обратимся к Журналу. Как ему кличка? Да кто будет более всего работать? Киреевский будет? Пожалуста, работайте не так, как вы всегда работаете. Что за лентяи эти москвичи! Ни дать ни взять, как наши малороссияне. Мне кажется, вам жены больше всего мешают. Ради бога, не забывайте, что и кроме жен есть еще такие вещи на свете, о которых нужно подумать.[2] Печатаешь ли ты Демишеля, которого перевели твои студенты? Пожалуста, печатай скорее хоть новую историю, которую ты, как говоришь, составил. Я сам замышляю дернуть историю средних веков, тем более, что у меня такие роятся о ней мысли[3]... но я не раньше, как через год, приймусь писать[4].

Прощай, целую тебя пятьдесят пять раз.

Твой Г.

228.

М. И. ГОГОЛЬ.

<1834.> Ноября 6, вторник. С. Петербург

Письмо ваше я получил 2-го сего месяца. Очень благодарю вас за сообщение разных известий о вас и о наших

---

[1] мимо наук, мимо нравов [2] *Далее начато:* Что [3] крупные мысли [4] писать о ней

знакомых. Очень жалею только, что вы не имеете теперь решительно никаких доходов. Может быть, если бог поможет, после нового года я получу сколько-нибудь денег и, может быть, буду так счастлив, что сколько ⟨нибудь⟩ облегчу вашу невозможность уплатить хотя самые нужные долги. Жалею, что добрый дедушка мой становится очень слаб. Поцелуйте его за меня и скажите, что я тоже желаю его видеть, а весною постараюсь быть[1] в Малороссию. Вы желаете знать, по какой части профессор я[2] в здешнем университете. Я читаю историю средних веков. Вы до сих пор еще не охладели от страсти к чинам и думаете, что я непременно и чин должен получить выше. Ничуть не бывало, я всё тем же, чем и был, т. е. коллежским асессором и ничего более. Если бы я имел какую-нибудь существенную выгоду для себя в чине, я[3], верно бы, не упустил этим воспользоваться; я не так глуп, чтобы[4] пренебречь этим. Но мои обстоятельства и мое положение таково... Но мне нельзя этого растолковать вам. Мы можем не понять друг друга и будем только переводить напрасно бумагу. Оставим чины. Я вас люблю, люблю так, как редкую и примерную мать, — чего же вам более? Вы, верно, меня любите тоже до такой степени, что пощадите напоминанием о том, и в следующем письме, верно, уже не скажете ни слова об этой статье.

Целую ваши ручки и остаюсь любящим вас сыном.

Николай.

Целую крестников моих Николю и Ваню. Как приеду, привезу им по калачу.

С своей стороны я заранее готовлю в желудке место для помещения того пирожного, по поводу которого Мария Васильевна бегает на кухню.

---

[1] может быть буду [2] чего я профессор [3] *Далее начато*: не глупил ⟨бы?⟩ [4] *Далее начато*: упустить

229.
М. П. ПОГОДИНУ.

<1834> Декабря 14. СПб.

Я получил письмо твое от ноября 20. Об Герене я говорил тебе в шутку, между нами; но я его при всем том гораздо более уважаю, нежели многие, хотя он и не имеет так глубокого гения, чтобы стать на ряду с первоклассными мыслителями. И я бы от души рад был, если бы нам подавали побольше Геренов. Из них можно таскать обеими руками. С твоими мыслями я уже давно был согласен. И если ты думаешь, что я отсекаю народы от человечества, то ты не прав. Ты не гляди на мои исторические отрывки: они молоды, они давно писаны; не гляди также на статью О средних веках в Д<епартаментско>м журнале. Она сказана только так, чтобы сказать что-нибудь, и только раззадорит несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое. Я с каждым месяцем, с каждым днем вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь, у меня цель высшая. Я, может быть, еще мало опытен, я молод в мыслях, но[1] я буду когда-нибудь стар. Отчего же я через неделю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человек? Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художескую отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитою[2] через год. — Хоть бы одно студентское существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург. Но в сторону всё это.

---

[1] но клянусь [2] вылитою *вписано.*

Ты спрашиваешь, что я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Все сочинения и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали. Между ними есть и исторические, известные уже и неизвестные. — Я прошу только тебя глядеть на них поснисходительнее. В них много есть молодого.

Я рад, что ты, наконец, принялся печатать. Только мне всё не верится. Ты мастер большой надувать. Пришли, пожалуста, лекции хоть в корректуре. Мне они очень нужны, тем более, что на меня взвалили теперь и древнюю историю, от которой я прежде было и руками и ногами, а теперь постановлен в такие обстоятельства, что должен принять поневоле после нового года. Такая беда! а у меня столько теперь дел, что некогда и подумать о ней.

Кланяйся от меня всем, да скажи журналистам, чтобы думали о том только, чтобы потолще книжки были и побольше было в них всякой пестроты. А в веленевой бумаге, ей богу, не знают толку наши читатели.

Ну, прощай. Принимаюсь опять за заботы и хлопоты. Пиши скорее, хоть немного, да скорее: страниц пять, а больше и не нужно.

Твой Гоголь.

230.
М. И. ГОГОЛЬ.

1834. Декабря 15-го. СПб.

Вчера получил я письмо ваше, маминька. Очень рад, что вы здоровы. Только вы напрасно тужите о сделанных долгах. Что ж делать? Ведь не вы виноваты, виноваты тяжелые годы. Я почти никого не знаю, кто бы не наделал в продолжение их долгов. Жаль мне очень, что не могу так скоро сделать плана для иконостаса. Если бы вы согласились немного обождать, то я бы прислал вам. — Впрочем, вы сами виноваты: вы не прислали ни меры, [ни] величины его. Так нельзя сообразить; притом вам нужно бы было прислать рисунок прежнего, т. е. того, который хотели вы заказать. Для сметы это необходимо.

Необходимо также знать число образов, длину и ширину их. По зимней дороге мне не можно быть к вам; притом я с делами здешними не раньше могу управиться, как к весне, стало быть, месяца два вы еще должны подождать после февраля. Анете и Лизе еще далеко до большого класса. Я вам и прежде говорил, что полтора ⟨года⟩ должны потеряться, потому что они не были так приготовлены дома, чтобы через полтора года вступить в большой класс, или их нужно было везть маленькими, или приготовленными. Впрочем, это не мешает, если они пробудут еще, время не вовсе пропащее. Они более выучатся музыке и другим искусствам.

Но прощайте! Благодарю сестру за то, что не забывает меня, и обнимаю малюток ее. Завидую очень Павлу Осиповичу, что он разъезжает себе с места на место, между тем как я сижу байбак в своей норе.

Ваш сын Николай.

231.
А. С. ПУШКИНУ.

⟨Конец декабря 1834 г.—начало января 1835 г. Петербург.⟩

Вышла вчера довольно неприятная зацепа по цензуре[1] по поводу Записок сумасшедшего. Но слава богу, сегодня немного лучше. По крайней мере я должен ограничиться выкидкою лучших мест. Ну да бог с ними! Если бы не эта задержка, книга моя можебыть завтра вышла. Жаль однако ж, что мне не удалось видеться с вами. Я посылаю вам предисловие. Сделайте милость, просмотрите и если что, то поправьте и перемените тут же чернилами. Я ведь, сколько вам известно, сурьезных предисловий еще не писал, и потому в этом деле совершенно неопытен.

Вечно ваш Гоголь.

---

[1] *Далее начато*: *а*. если *б*. Но славу богу, кажется

232.
М. И. ГОГОЛЬ.

1835, генваря 4-го ⟨Петербург⟩.

Поздравляю вас, почтеннейшая маминька, с новым годом! Желания мои вам известны: оне беспрерывно на моем благодарном сердце и состоят в том, чтобы вы провели остальную жизнь вашу в радости и счастии, которыми вы так достойны пользоваться, и чтобы все протекшие ваши печали исчезнули даже в ваших воспоминаниях. Время праздников и первые дни нового года я провел довольно хорошо, и тому, без сомнения, способствовали ваши материнские о мне молитвы, которые, верно, будут хранить меня и в будущем. Поздравляю от всего сердца сестру и Павла Осиповича и желая им всего хорошего, также и всем родным нашим, остаюсь благодарным

сыном вашим.

Николай.

Новостей здесь совершенно нет никаких. У вас только происходят перемены. Вы, без сомнения, известны о том, что вместо князя Репнина будет военным губернатором граф Гурьев. — Какова зима у вас? Я слышал, что будто вовсе нет снега. Не получали ли вы чего-нибудь об Андрее Андреевиче и о его поездке?

233.
А. С. ПУШКИНУ.

⟨Ок. 22 января 1835 г. Петербург⟩.

Я до сих пор сижу болен, мне бы очень хотелось видеться с вами. Заезжайте часу во втором[1]; ведь вы, верно, будете в это время где-нибудь возле меня. Посылаю вам два экземпляра Арабесков, которые ко всеобщему изумлению очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас,

[1] во втором или трет⟨ьем⟩

а другой разрезанный для меня. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не остановливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо.— Мне это очень нужно.

Пошли вам бог достаточного терпения при чтении!

Ваш Гоголь.

На обороте: Его высокородию Александру Сергеевичу Пушкину.

234.

М. П. ПОГОДИНУ.

СПб. 1835, вторник, 22 генваря.

Посылаю тебе всякую всячину мою. Погладь ее и потрепли: в ней очень много есть детского и я поскорее ее старался выбросить в свет, чтобы вместе с тем выбросить из моей конторки всё старое, и, стряхнувшись, начать новую жизнь. Изъяви свое мнение об исторических статьях в каком-нибудь журнале. Лучше и приличнее, я думаю, в журнале просвещения. Твое слово мне поможет. Потому что и у меня, кажется, завелись какие-то ученые неприятели. Но <..> их мать!

Как поживаешь и что поделываешь? Ты всё только говоришь, а ничего не делаешь. Ну что за страм, до сих пор я не дождусь твоих лекций; говоришь печатаешь, а до сих пор еще не вышли. Неужели они[1] так велики, что[2] типографии ваши не управятся? Пожалуста, не мучь так долго. Я также думаю хватить среднюю историю томиков в 8 или 9, если бог поможет.

Раздай прилагаемые экземпляры по принадлежности.

Твой Гоголь.

235.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

СПб. Генваря 22. 1835.

Ну, брат, я уже не знаю, что и думать о тебе. Как, ни слуху, ни духу? Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь ка-

[1] они будут [2] что до сих пор

лендарь или конской лечебник? Посылаю тебе сумбур, смесь всего, кашу, в которой есть ли масло, суди сам.

За то ты должен непременно описать всё: что и как? начиная с университета[1] и до последней киевской букашки. Я думаю, что ты пропасть услышал новых песен. Ты должен непременно поделиться со мною и прислать. Да нет ли каких-нибудь эдаких старинных преданий? Эй, не зевай! Время бежит, и с каждым годом всё стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтоб не позабыть. Есть некто мой соученик, чрезвычайно добрый малый и очень преданной науке. Он, имея довольно хорошее состояние, решился на странное дело: захотел быть учителем в Житомирской гимназии из одной только страсти к истории. Фамилия его Тарновский. Нельзя ли его как-нибудь перетащить в университет? Право, мне жаль, если он закиснет в Житомире. Он был после и в Московском универс<ите>те и там получил канди<да>та. Узнай его покороче. Ты им будешь доволен. — Ну! весною увидимся, нарочно еду на Киев для одного тебя.

Что тебе сказать о здешних происшествиях? У нас хорошего, ей богу, ничего нет. Вышла Пушкина История Пугачевского бунта, а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковского полные сочинения и выдут все 7 томов к маю месяцю.

Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9.

Авось либо и на тебя нападет охота и благодатный труд. А нужно бы, право нужно озарить Киев чем-нибудь хорошим. Но...

Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть две строчки?

Твой Гоголь.

236.

А. В. НИКИТЕНКО.

Генваря 24. 1835. <Петербург>.

Мне очень жаль, что я не имел удовольствия застать Александра Васильевича дома. Я однако же оставил вам

[1] начиная от университета

экземпляр. Не знаю, как вам понравятся, но желаю по крайней мере чтобы они не принесли вам скуки и чтобы вы не уменьшили чрез то ко мне вашей приязни. Я не знаю, как мне поднести князю, прилично ли мне явиться с подвязанною щекою и обмотанным горлом. Я ожидаю Вашего совета. В таком случае я уже утруждаю просьбою Вас представить посылаемый экземпляр и изъяснить князю причину моей личной неявки. Как жаль, что проклятая болезнь до сих пор препятствует и лишает меня удовольствия вас видеть. После вчерашнего выезда я чувствую себя как будто немного хуже. А мне бы нужно было о многом переговорить с Вами таком, что на бумаге как-то не может говориться.

Желая вам всегда быть здоровым, остаюсь со всегдашним моим почтением и признательностью —

Вашим покорнейшим слу<гою>

Н. Гоголем.

На обороте: Его Высокоблагородию милостивому государю Александру Васильевичу Никитенку.

237.

М. И. ГОГОЛЬ.

<1835> Генваря 30. СПб.

Благодарю вас, бесценная маминька, за поздравление меня новым годом. Дай бог, чтобы желания ваши совершенно исполнились! И чтобы мы все в этом и в будущих годах были счастливы. Очень радуюсь, что зима предвещает вам хороший урожай. Сделайте милость, не скучайте за детьми и развлекайте себя всеми силами. Вы должны себя беречь для жизни самой приятной, и это время, которое вам так кажется долго, вдруг пролетит, и мы будем снова вместе. Разве вам не радостно будет, когда ваши дочери будут умны и воспитаны и я тоже если не поглупею, то поумнею, даст бог.

Да скажите Ивану Данилевскому, что братец его, который сей час только ушел от меня, приказывал ему крепко-

накрепко привезть ему варенья, по крайней мере пять банок. Он бы и сам к нему писал об этом, да не пишет потому, что в десять раз ленивее меня.

Прощайте, моя добрая маминька. Веселитесь! всё трынь-трава!

Ваш Н.

Благодарю тебя, сестрица, и вас также, любезный брат Павел Осипович, за ваши приписку и поздравления. От души желаю вам также всякого счастия. Пришли, пришли, сестра, песню, о которой пишешь. Очень буду благодарен! Поцелуй за меня племянника моего и крестника. Что он, уже учится азбуке[1], или ⟨нет⟩ еще? Я перед ним очень виноват, что до сих пор не присылаю ему ничего. Извини меня как-нибудь перед ним, чтобы не сердился. После я надеюсь загладить свою вину.

Прощай, брат Н.

238.

М. П. ПОГОДИНУ.

Генварь 31 СПб. 1835.

Я получил твое письмо in $\frac{1}{1000}$ долю листа от Одоевского. Скажи нашим господам, что сгораю желанием приклеить свои труды к ихним. Но, ей богу, раньше как к 3-й книжке не могу прислать им повести. Я теперь в таких хлопотах, что страшно и подумать. Кроме всего прочего, я стараюсь, чтобы чрез три недели вышло мое продолжение Вечеров, итак ты посуди сам. Но впрочем всё это для них же лучше: вещь, которую я напишу после, всё же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. Я начал даже для них повесть. Но, ей богу, две недели, по крайней мере, я не буду иметь времени даже подумать о ней.

Будь здоров, прощай! Целую тебя!

Твой Гоголь.

---

[1] учится читать

239.
М. И. ГОГОЛЬ.

1 февраля 1835. ⟨Петербург⟩.

Я получил ваше письмо. Очень благодарю вас за поздравление с новым годом. Я уверен, что при ваших желаниях проведу его счастливо. П.⟨авла⟩О.⟨сиповича⟩благодарю также за его приписку и желание. Посылаю вам для развлечения следуемые при сем книги: один экземпляр для Вас, а другой, надписанный, Василю Ивановичу Чарнышу, который прошу ему вручить при первой оказии.

240.
М. П. ПОГОДИНУ.

⟨9 февраля, 1835. Петербург⟩

Я только сегодни получил твое письмо, т. е. 9 февраля. Ты слишком крупно выставил титул Смирдина, и он распечатал его, принявши за адресованное к нему. Я рад по самое нельзя твоему приезду, хотя вместе с тем и досадую на проклятый случай, заставивший тебя сделать это. — Я живу теперь в тесноте (выгнат из прежней квартиры по случаю переделки дома). Но если тебе не покажется беспокойным чердак мой, то авось как-нибудь поместимся. Впрочем ведь мы люди такого сорта, которых вся жизнь протекает на чердаке. — Прощай! Целую тебя и жду с нетерпением твоего приезда.

Твой Гоголь.

Издатели Московского Наблюдателя ничего не умеют делать. Разошлите объявления огромными буквами при Московских ведомостях и при нескольких номерах, и говорите смело, что числом листов не уступит *Библиотеке для Чтения*, а содержанием будет самый разнообразный.

Из Вечеров ничего не могу дать, потому что Вечера на днях выходят. Но я пишу для М. Н. особенную повесть.

241.
М. П. ПОГОДИНУ.

<1835> Февраль 20. СПб.

Письмо твое от 7 февраля я получил от Смирдина сегодня, т. е. 20 числа. Нельзя ли вперед адресовать прямо на мою квартиру? Что за лень такая! В Мал. Морск.<ую>, в дом Лепена. Хорош и ты. Как мне прислать вам повесть, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить в продажу. Мерзавцы вы все московские литераторы. С вас никогда не будет проку. Вы все только[1] на словах. Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать! Как же вы можете полагаться на отдельных сотрудников, когда не в состоянии положиться на своих. Страм, страм, страм! Вы посмотрите, как петербургские обделывают свои дела. Где у вас то постоянство и труд, и ловкость, и мудрость? Смотрите на наши журналы: каждый из них чуть ли не сто лет собирается прожить. А вам что? Вы сначала только раззадоритесь, а потом чрез день и весь пыл ваш к чорту. И на первый номер до сих пор нет еще статей. Да вам должно быть стыдно, имея столько голов, обращаться к другим, да и к кому же? ко мне. Но ваши головы думают только о том, где бы и у кого есть блины во вторник, середу, четверг и другие дни. Если вас и дело общее не может подвинуть, всех устремить и связать в одно, то какой в вас прок, что у вас может быть? Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем. Боже мой! столько умов и всё оригинальных: ты, Шевырев, Киреевский. Чорт возьми, и жалуются на бедность. Баратынский, Языков — ай, ай, ай! Ей богу, вы все похожи на петербургских ширамижников, шатающихся по борделям с мелочью в кармане, назначенною только для расплаты

[1] *Далее начато:* люби<те>

с извозчиками. — Скажи пожалуста, как я могу работать и трудиться для вас, когда знаю, что из вас никто не хочет трудиться. — Разве жар мой не должен естественным образом охладеть? Я поспешу сколько возможно скорее окончить для вас назначенную повесть, но всё не думаю, чтобы она могла подоспеть раньше 3-й книжки. Впрочем я постараюсь как можно скорее. Прощай. Да ожидать ли тебя в Петербург, или нет?

242.
С. П. ШЕВЫРЕВУ.

⟨1835⟩ Марта 10. ⟨Петербург.⟩

Посылаю вам мой Миргород и желал бы от всего сердца, чтобы он для моей собственной славы доставил вам удовольствие. Изъявите ваше мнение наприм. в Московском наблюдателе. Вы этим меня обяжете много: Вашим мнением я дорожу.

Я слышал также, что вы хотели сказать кое-что об Арабесках. Я просил князя Одоевского не писать разбора, за который он хотел было приняться, потому что мнение[1] его я мог слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно. — Я к вам пишу уже слишком без церемоний. Но, кажется, между нами так быть должно. Если мы не будем понимать друг друга, то я не знаю, будет ли тогда кто-нибудь понимать нас. Я вас люблю[2] почти десять лет, с того времени, когда вы стали издавать Московский вестник, который я начал читать, будучи еще в школе, и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще доныне не совершенно развернулось.

Вам просьба от лица всех, от литературы, литераторов и от всего, что есть литературного: поддержите Москов. наблюдатель. Всё будет зависеть от успеха его. Ради бога уговорите москвичей работать. Грех, право грех им всем. Скажите Киреевскому, что его ругнет всё, что будет после

---

[1] раз⟨бор?⟩ [2] *Было начато:* любил

нас, за его бездействие. Да впрочем этот упрек можно присоединить ко многим. Я с своей стороны рад всё употребить. На днях я, может быть, окончу повесть для М. Набл. и начну другую. Ради бога поспешите первыми книжками. Здесь большая часть потому не подписывается, что не уверенна в существовании его, потому что Сенковский и прочая челядь разглашает, будто бы его совсем не будет и он уже запрещен. Подгоните с своей стороны всех, кого следует, и самое главное, посоветуйте употребить все старания к тому, чтобы аккуратно выходили книжки[1]. Это чрезвычайно действует на нашу публику. Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплеменных языков. Прощайте! Жму крепко вашу руку и прошу убедительно вашей дружбы[2]. Вы приобретаете такого человека, которому можно всё говорить в глаза и который готов употребить бог знает что, чтобы только услышать правду.

Обнимите за меня Киреевского и вручите ему посылаемый при сем экземпляр.

Другой экземпляр прошу вас отправить Надеждину.

Желая вам всего хорошего, труда, спокойствия и прочего,

остаюсь

вашим покорнейшим слу<гою>

Николаем Гоголем.

243.

М. П. ПОГОДИНУ.

<18 марта 1835. Петербург.>

Ну, как ты доехал? Что̀ и как нашел всё? Посылаю тебе нос. Да если ваш журнал не выйдет, пришли мне его назад. Обо< . . . >лись вы с вашим журналом. Вот уже 18 число, а нет и духа. Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкве, то пожалуй можно его перевести в католическую. Впрочем я не думаю, чтобы она до такой степени уж выжила из ума.— Кланяйся всем нашим.

---

[1] все книжки [2] *а.* и прошу вас *б.* и прошу убедительно вашу руку

244.
М. И. ГОГОЛЬ.

<1835> 20 марта <Петербург>.

Я получил письмо ваше, писанное вами 10 февраля, только сегодня. Стало быть ровно через полтора месяца. Я думаю, не пролежало ли оно как-нибудь в Полтаве. Я, слава богу, здоров, хотя много занят. На меня возложили не слишком для меня приятную обузу по Университету, от которой я, однако же, скоро отделаюсь, и потому покамест я, вы не сердитесь, что мало пишу. Зато посылаю вам письма сестер, которые находятся в хорошем здоровье и начинают понемногу успевать. У нас теперь третий день стоит самая крепкая зима и санная дорога, после целой недели почти весенних дней, в которые было весь снег растаял.

Желая исполнения всех ваших желаний, остаюсь ваш сын

Н. Гоголь.

Обнимаю сестру, маленькую Олиньку, племянников и Павла Осиповича.

245.
М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Марта 22 <1835. Петербург.>

Ой, чи живы, чи здорови
Вси родычи гарбузови?

Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во-первых, потому что не коротко, а во-вторых потому, что я из него больше гораздо узнал о твоем образе жизни.

Посылаю тебе Миргород. Авось либо он тебе придется по душе. По крайней мере я бы желал, чтобы он прогнал хандрическое твое расположение духа, которое, сколько я замечаю, иногда овладевает тобою и в Киеве. Ей богу, мы

все страшно отдалились от наших первозданных элементов. Мы никак не привыкнем (особенно ты) глядеть на жизнь, как на трын-траву, как всегда глядел козак. Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака?

Послушай, брат: у нас на душе столько грустного и заунывного, что если позволять всему этому выходить в наружу, то это чорт знает что такое будет. Чем сильнее подходит к сердцу старая печаль, тем шумнее[1] должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свете: это бутылка доброго вина. Когда душа твоя потребует другой души, чтобы рассказать всю свою полугрустную историю, заберись в свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стакан, то почувствуешь, как[2] оживятся все твои чувства. Это значит, что в это время я, отдаленный от тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай, и укрепляйся железною силою, потому что ты опять увидишься с старыми своими друзьями. Впрочем, я в конце весны постараюсь припхаться в Киев, хотя мне впрочем совсем не по дороге. Я думал об том, кого бы отсюда наметить в адъюнкты тебе, но решительно нет. Из заграничных всё правоведцы, да при том от них так пахнет семинарией, что уж слишком. Тарновский идет по истории, и потому не знаю, согласится ли он переменить предмет; а что касается до его качеств и души, то это такой человек, которого всегда наподхват можно взять. Он добр и свеж чувствами, как дитя, слегка мечтателен и всегда с самоотвержением. Он думает только о той пользе, которую можно принести слушателям, и детски предан этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себе, награждают ли его, или нет. Для него не существует ни чинов, ни повышений, ни честолюбия. Если бы даже он не имел тех достоинств, которые имеет, то и тогда я бы посоветовал тебе взять его за один характер. Ибо я знаю по опыту, что значит иметь при университете одним больше благородного человека.

---

[1] тем сильнее [2] как будто бы

Но прощай. Напиши, в каком состоянии у вас весна. Жажду, жажду весны. Чувствуешь ли ты свое счастие? знаешь ли ты его? Ты свидетель ее рождения, впиваешь ее, дышишь ею, и после этого ты еще смеешь говорить, что не с кем тебе перевести душу... Да дай мне ее одну, одну — и никого больше я не желаю видеть, по крайней мере на всё продолжение ее, ни даже любовницы, что казалось бы потребнее всего весною. Но прощай. Желаю тебе больше упиваться ею, а с нею и спокойствием и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нет мрака в жизни.

Твой Гоголь.

246.
М. П. ПОГОДИНУ.

23 марта ⟨1835. Петербург.⟩

Так как Московский Наблюдатель не будет существовать, то пришли мне мой нос назад, потому что он мне очень нужен. Да пожалуста напечатай в Московских Ведомостях объявление об Арабесках. Сделай милость, в таких словах: что теперь, дискать, только и говорят везде, что об Арабесках, что сия книга возбудила всеобщее любопытство, что расход на нее страшный (NB. до сих пор ни гроша барыша не получено) и тому подобное.

Здорово ли у вас всё в доме? Я немного прихварываю, но утешаюсь предстоящею поездкою, во время которой предстану к вам. Прощай. Люби тебя бог и шли всякого добра!

Твой Гоголь.

247.
М. И. ГОГОЛЬ.

Апреля 12. ⟨1835. Петербург.⟩

Письмо ваше, писанное вами 24 марта, я получил. Хлопотал о порученности вашей перезаложить в ломбард имение. Это делается не так скоро, как вы думаете. Если бы

даже можно было теперь приступить к этому, то покаместь я получу от вас уполномочие, т. е. доверенность, покаместь вы получите позволение из опеки на заложку имений малолетних моих сестер, куда должны вы подавать об этом просьбу, покаместь это будет готово, может пройти по крайней мере полтора месяца; а между тем через три недели, если не раньше, я выезжаю из Петербурга. Во-вторых, самое главное, перезакладывать имения, заложенного на 12 лет, нельзя до совершенной уплаты долга. Имения по новому уставу не на двадцать четыре, а на 26 лет и на 36 закладываются. Итак вы видите, что теперь этого нельзя сделать. Если бы вы раньше об этом уведомили меня, я бы, может быть, успел кое-кого упросить помочь в этом деле, но теперь уже выезжают на дачи и не до того теперь. Подумали ли вы хорошенько об том, что вам нужно будет от тех пор взносить каждый год почти 2500 рублей в ломбард? Представляются ли вам способы к уплате ежегодно такой значительной суммы? Вообразите себе, если вы опять будете прибегать к частным займам для того, чтобы взносить проценты казенные, что из этого будет? Какая ужасная будущность! До чего наконец возрастут долги наши? Я ужаснулся, когда прочитал в письме вашем 32 тысячи. Я утешал себя тем, что, может быть, как-нибудь перо ваше ошиблось. Вы мне писали, кажется, прежде, что 15 тысяч[1]. Вы хотите уплатить все частные долги ваши, сделавши казенный, и остаток употребить на всё: и на устройство хозяйства и на винокурню, и даже мне на печатанье книг (в чем я вовсе не нуждаюсь). Но разочли вы хорошенько количество получаемых денег? Ведь вы получите только (полагая по 250 р. на душу) 32500. Итак вы пятью стами рублей хотите устроить всё и даже мне выслать! Теперь рассмотрите: большая часть долга вашего следует Андрею Андреевичу. Вы процентов ему не платите, а в казенной вы должны платить проценты. Итак лучше ж вам уплачивать по частям капитал нежели

---

[1] только 15 тысяч

проценты, которые будете вы бросать даром. Итак мое мнение: если вы хотите закладывать, то заложите по крайней мере половину так, как было прежде и получите 18 т. Впрочем это только мнение мое. Вы можете его принять и отвергнуть, это совершенно в вашей воле. Впрочем я скажу о себе, что я хотя не хвалюсь ни хозяйственными познаниями, ни тем, что от меня ничто не скроется, но по крайней мере я имею довольно ясный взгляд на вещи, чтобы видеть верное и благоразумное, и что неверно. Вы вспомните как я вам отсоветывывал заводить фабрику кож. Я не отвергал полезности, но разве я не вооружался против этих подрядов и шивки сапогов и разных сложных вещей, которые можно предпринимать тогда только, когда твердое основание положится. Я удивлялся, как вы не видели, что денег [1] вначале больших вовсе не нужно. Я видел, что всё предприятие было до крайности детское. Я не хотел итти явно наперекор и вооружать против себя, но я из Петербурга писал к вам и чтобы придать более весу словам моим [2] говорил, что советовался с опытными мастерами, между тем как это было просто мое мнение. Вы имеете прекрасное сердце и может быть это настоящая причина, что вас не трудно обмануть. Я очень постигаю вас. Я знаю, что ваша вся жизнь была в заботах, что вы вечно должны были бороться с критическими обстоятельствами. От этого не мудрено, что душа ваша ищет успокоения в мечте и что вы любите предаваться ей как верному своему другу и не мудрено, что она вас завлекает иногда. Вам нужен советник, который бы практическим образом глядел на жизнь. Этот советник ваш буду я. Почитайте меня за друга, с которым вы должны делить свои мысли и не сердиться, если этот друг [3] будет подавать вам советы. Если же вы советы станете почитать за строгие наставления и умничание, ваш друг тогда замолчит и вы ничего от него не услышите. О делах хозяйственных, о средствах к уплате долгов и о прочем поговорим, когда увидимся. Я намерен не шутя приняться за хозяйство, и грех на моей душе лежит, что

[1] что сумм [2] словам моим *вписано.* [3] если он

я не сделал этого прежде, набросив на вас целый груз самых тягостных забот, омрачивших вашу драгоценную для нас жизнь.

Теперь поговорим о не так важных пунктах вашего письма. Вы слишком предаетесь вашим мечтаниям. Вы, говоря о моих сочинениях, называете меня гением. Как бы это ни было, но это очень странно[1]. Меня, доброго, простого человека, может быть, не совсем[2] глупого, имеющего здравый смысл, называть гением! Нет, маминька, этих качеств мало, чтобы составить его, иначе у нас столько гениев, что и ⟨не⟩ протолпиться. Итак я вас прошу, маминька, не называйте меня никогда таким образом, а тем более еще в разговоре с кем-нибудь. Не изъявляйте никакого мнения о моих сочинениях и не распространяйтесь о моих качествах. Скажите только просто, что он добрый сын, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте несколько раз. Это для меня будет лучшая похвала.

Если бы вы знали, как неприятно, как отвратительно слушать, когда родители говорят беспрестанно о своих детях и хвалят их! Я вам говорю, что я никогда не чувствовал[3] уважения к таким родителям, я их считал всегда жалкими хвастунишками, и сколько мне удавалось слышать от других, то и им казались отвратительными все похвалы эти. Еще одна просьба: не судите никогда, моя добрая и умная маминька, о литературе. Вы в большом заблуждении. Вы воображаете, что умный человек непременно должен судить о литературе и понимать ее — ничуть не бывало.

Я знаю очень много умных людей, которые вовсе не обращают внимания на литературу, и тем не менее я их уважаю. Литература вовсе не есть следствие ума, а следствие чувства, — таким самым образом, как и музыка, как и живопись. У меня например нет уха[4] к музыке, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презирает. Я не знаю ни в зуб математики, и надо мною[5] никто не смеется.

---

[1] это чрезвычайно смешно [2] не столь [3] *В подлиннике:* не учавствовал! [4] нет сочувствия [5] и меня

Но если, не зная математики, начну говорить о ней, тогда надо мною будет всякой смеяться.

Знаете ли вы, в какой можно попасть просак. Вот вы, например, приписали мне сочинения такого автора, которым гнушается истинный[1] вкус, автора, который ничего решительно не имеет общего со мною, которым только на хуторах восхищаются и который пользуется презрением даже от не совсем постигающих[2] читателей, а вы его приписали мне, и когда я уверял вас в моем письме, клялся, — вы упрямо стояли на своем. Когда я прочитал этот кусок из вашего письма одному человеку, имевшему вкус (я однако ж ни слова не сказал, что это письмо ваше), он захохотал[3]. Мне самому было смешно, когда я читал его, но вместе досадно, когда я видел, как умная, прекрасная дама, исполненная истинного благородства души, может себя компрометировать и унизить. Видите ли, как много нужно тонкости и особенного чутья в литературе, которое и литераторам даже дается немногим, чтобы судить верно. Вас обмануло то, что вам точно дано чувство и вкус вообще и что вам показались понятными и хорошими некоторые места, и вы положили, что можете разобрать и осудить строго творение. Но знаете ли вы, что именно те места, которые вам незаметны, те-то и есть, может быть, истинно достойные и что, может быть, вы видите только сотую долю того, что другой видит или должен бы видеть всё. Очень трудно это искусство! Знаете ли, что в Петербурге, во всем Петербурге, может быть, только человек пять и есть, которые истинно и глубоко понимают искусство, а между тем в Петербурге есть множество истинно прекрасных, благородных, образованных людей. Я сам, преданный и погрязнувший в этом ремесле, я сам никогда не смею быть так дерзок, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведение. Нет, может быть, я только десятую долю понимаю. Итак, не говорите о ней. Если вас спросят — отвечайте, но отвечайте одно-

---

[1] истинный и глубокий [2] *Было начато*: от имеющих [3] захохотал тому сравнению ибо

сложно и переменяйте тотчас разговор на другое. Помните, что это говорит вам друг ваш, который желал бы, чтобы весь свет почитал вас так, как вы того заслуживаете прекрасными вашими качествами. Но об этом довольно. Посылаю вам в завершение мои повести, довольно давние, которые впрочем недавно вышли из печати.

Посылаю вам несколько огородных семян. Поспешите их приказать посеять, только место нужно выбрать хорошее и поливать пред восхождением солнца и по захождении. Сестры посылают племянникам конфект.

Не знаю, буду ли я еще к вам писать, или, может быть, уже не удастся — разве из Москвы напишу. Будьте здоровы и да пошлет вам бог всё хорошее, урожай на хлеб и на всё хозяйство. Обнимаю сестер и племянников, Павла Осиповича и Катерину Ивановну вместе с моею кузиною, если они только вблизи от вас. Праздники здесь были (кстати поздравляю вас с праздниками), праздники здесь были очень дурны. На первый день явилась вдруг зима с морозом и санною дорогою [1] после совершенно весенних дней. Теперь идут беспрестанно дожди.

Преданный вам сын
Николай.

Апреля 12. 1835 г. СПб.

248.
М. П. ПОГОДИНУ.

1835. Апреля 17. ⟨Петербург⟩

Сам чорт разве знает, что делается с носом! Я его послал как следует, зашитого в клеенку, с адресом в Московский университет. Я не могу и подумать, чтобы он мог пропасть как-нибудь. У нас [2] единственная исправная вещь: почтамт. Если и он начнет заводить плутни, то я не знаю, что уже и делать. Пожалуста, потормоши хорошенько тамошнего почтмейстера. Не запрятался ли он куда-

[1] с снегом и са⟨нною дорогою⟩ [2] У нас в России

нибудь по причине своей миниатюрности между тучными посылками.

Через две недели буду в Москве.

Твой Гоголь.

249.

Г. А. фон-ШВЕРИНУ.

<Конец апреля 1835 Петербург>

Милостивый государь
Густав Адольфович.

Я к вам с покорною просьбою. Две недели собираюсь к вам, но болезнь пригвоздила меня к четырем стенам моей квартиры и потому решаюсь писать к вам. Я еду на Кавказ. Николай Михайлович сказал мне: отпуск выдается, когда я получу увольнение из университета. Попечитель мне сказал, что он разрешает отъезд мой, но отпуска я не могу получить раньше, покамест не пройдет всё это канцелярским порядком, что будет в четверг, а между тем я в пятницу еду, потому что товарищ, едущий со мною, не может ждать, да и мне тоже нельзя уже больше откладывать. Итак, я покорнейше прошу вас, приняв в уважение подобное обстоятельство, изъяснить Николаю Михайловичу мою надобность, чем премного обяжете и без того обязанного вам много Н. Гоголя.

На обороте: Его высокоблагородию милостивому государю Густаву Адольфовичу Шверину, в доме Человеколюбивого общества на Литейной.

250.

А. А. ДЕГУРОВУ.

<25—30 апреля 1835 г. Петербург>

Милостивый государь
Антон Антонович.

Вследствие запроса его сиятельства г-на попечителя о причине небытности моей на лекции, имею честь доне-

сти вашему превосходительству, что причиною этому была болезнь моя, а во вторых и желание дать студентам сколько-нибудь времени подготовиться к имеющемуся быть испытанию. О чем я заблаговременно их уведомил.

Я был у декана историко-филологического факультета и изъяснился насчет часов. Он теперь отстранил неудобства, препятствовавшие ему быть и может присутствовать лично от 2 до 4-х в пятницу.

С совершенным почтением и преданностью
имею честь быть
вашего превосходительства
покорнейший слуга
Николай Гоголь.

251.
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ.

<1835> Май 24. Полтава.

Пишу к тебе из дому. Сижу дома на перепутьи около недели уже, не зная, куда лучше ехать — на Кавказ или в Крым, где ныне славятся минеральные грязи и купальни в море. Из Москвы никак не мог писать: был страшно захлопотан и при всем том многих не видел.

Твоя пиеса за день до моего приезда только получена и еще до сих пор не была в руках Совета. Я поручил Погодину сей же час уведомить тебя и дал ему твой адрес. Получил ли ты от него отзыв или нет? Ну, что слышно у вас в Петербурге и что там делается теперь? Мне кажется, как будто я уже год его не видел. Да, пожалуста, я к тебе с просьбою: сделай милость ступай на мою квартиру и адресуйся к Матрене, чтобы она тебе дозволила вход к книгам, и возьми там Историю Англии аббата де Тоараса, на русском, один том, содержащий 1 и 2 часть, он в кожаном переплете, и пришли мне, пожалуста, как можно его поскорее. Крайняя в нем нужда. Если же, на случай там как-нибудь не отыщешь, то возьми у Смирдина и пришли мне немедленно. Еще:

сходи к Роспини и купи у него три термометра — 2 для комнаты и один долженствующий быть на дворе, обыкновенных, простых, которые я у него брал по три рубли каждый, и того составит 9 рублей. Переложи их хлопчатою бумагою в деревянном ящике и пришли мне вместе с книгою. Все издержки с благодарностью возвращу. Или нет: два термометра ты можешь снять с крючков у меня в комнате; только один, стало быть, тебе нужно купить. Обнимаю и целую тебя и прощаюсь до скорого времени. Напиши, пожалуста, что делаешь и что такое писатоночки и как пребывают Ге, Гус, Гюго, Жанен и проч., и проч., и проч.

Твой Гоголь.

Адрес мой: в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

252.

Г. И. СПАССКОМУ.

⟨1 июня 1835. Васильевка⟩

Милостивый государь
Григорий Иванович!

Ожидал я долго вести от вас, тем более что мне нетерпеливо желалось знать, как вам показалось новое место жительства и тамошний край. Я чуть-чуть было не побывал сам в Перекопе и в Крыму южном за минеральными грязями и следами татарскими и древних козаков, но куча домашних забот можно сказать схватила меня за горло и не пускала. Вот по какой причине я не писал вам и ожидал по вашему благосклонному ко мне расположению передовой весточки. Я уже хотел на вас пенять, что меня позабыли вовсе, но сообразивши хлопоты, которые должны вы были без сомнения иметь при вашем вступлении в новую должность, успокоился и уверил себя, что вы не позабудете того, который искренно с сердечною простотою расположен к вам.

Сделайте милость, хоть тремя строчками уведомьте меня о вашем здоровье, также и о здоровье почтеннейшей супруги вашей и как вы нашли всё. Я воображаю вас поздоровевшим, потолстевшим с свежею краскою в лице, какую навеял вам крымский воздух, воображаю вас сбросившим с себя по крайней мере лишних 15 лет, купающимся в море, имеющим всегда хороший аппетит, одним словом как следует вам быть и каким бы я желал вас всегда видеть.

Что же касается до меня, то я в начале было прихворнул и начал лечиться, брать ванны, но после всё это бросил, увидевши, что здешний воздух и без того помогает и теперь и меня поправил, по крайней мере лучше петербургского моего здоровья. Управившись немного с хлопотами, теперь читаю старые рукописи, которых удалось выкопать изрядный запасец, всё большей частью относящийся к малоросс. истории. Чем теперь занимаетесь Вы? Впрочем, я думаю, вам еще не до того, чтобы заниматься своими делами собственными или нашими книжными. Да, кстати я имею к вам небольшую просьбу, в которой уверен, что вы по благосклонности своей ко мне не откажете. Я намерен отправить подводы за солью, которой в наших местах вообще недостаток и дорого продается. Сделайте милость, уведомите меня о ценах и какую и где выгоднее брать увед.<омите>. Да еще прошу вас, уведомите, что выгоднее повесть в Крым на продажу из хозяйственных произведений, как-то хлеб, сало и прочее и прочее. Здесь такое безденежье и такая невозможность продать, какой я никогда еще не помню несмотря на все неурожаи прошедшие. Известием об этом меня крайне обяжете.

Часто ли вы делаете разъезды или сидите на месте? Я наугад адресую вам в Перекоп. Может быть, вы находитесь теперь где-нибудь в другом месте. Я думаю, вы теперь занимаетесь наблюдением тамошним краем. В том и другом случае желаю вам во всем успехов и исполнения всех желаний. Остаюсь навсегда преданным и покорнейшим слугою вашим

Н. Гоголь.

При всем прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение супруге вашей.

Адресуйте мне письма в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

1835 июня 1-го.
Д. Васильевка.

253.
И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ.

<11 июля 1835. Васильевка.>

Милостивый государь,
Измаил Иванович.

Приятное для меня письмо ваше я получил. Благодарю вас за Ваше поздравление и душевно жалею, что не могу никаким образом быть у вас в Харькове. Маршрут мой теперь на Киев, куда призывают меня кое-какие гербовые заботы, а между прочим нужно видеться и с нашим земляком, моим старым приятелем, вам известным Максимовичем, которому я уже дал слово. Эти же три недели, которые остаются мне, я намерен отдохнуть после поездки моей в Крым,[1] где странствовал для здоровья и для того, чтобы повидать его.

Итак мне остается заочно приветствовать вас и говорить с вами.

Очень рад, что вы наконец отпечатали 4 книжки разом вашей Старины и с нетерпением жажду читать их,[2] благодаря заранее вашу доброту[3], обещающуюся мне прислать их. Адресуйте мне так, как адресовали письмо: в Полтаву, а оттуда в д. Василевку. Чем скорее пришлете, тем лучше.

Желая вам всего-хорошего: трудов, охоты, здоровья и денег

остаюсь вам преданный
Николай Гоголь.

1835 июля 11
Д. Василевка.

---

[1] *Начато:* куда [2] *Начато:* и [3] за вашу доброту

254.

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Полтава, июля 15. 1835.

Человек, страшно соскучивший без Вас, шлет Вам поклон из дальнего угла Руси с желанием здоровья, вдохновенья и всех благ. Может быть, Вы и не догадаетесь, что этот человек есть Гоголь, к которому Вы бывали всегда так благосклонны и благодетельны. Всё почти мною изведано и узнано, только на Кавказе не был, куда именно хотел направить путь. Проклятых денег не стало и на половину вояжа. Был только в Крыму, где пачкался в минеральных грязях. Впрочем здоровье, кажется, уже от однех переездов поправилось. Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество, так что[1] если бы не жаркое лето, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтенною Вам. Через месяц я буду сам звонить колокольчик у ваших дверей, крехтя от дюжей тетради. А теперь докучаю вам просьбою: вчера я получил извещение[2] из Петербурга о странном происшествии, что место мое в Пат. ⟨риотическом⟩ инст.⟨итуте⟩ долженствует заместиться другим господином. Что для меня крайне прискорбно, потому что, как бы то ни было, это место доставляло мне хлеб, и притом мне было очень приятно занимать его, я привык считать чем-то родным и близким. Мне странно, потому что не имеет права сделать этого Лонгинов, и вот почему. Когда я просился на Кавказ для поправления здоровья, он мне сказал, что причина моя законна, и никакого препятствия нет на мой отъезд. Зачем же он мне тогда не сказал, что поезжайте, но помните, что вы чрез это лишитесь своего места, тогда другое дело, может быть я бы и не поехал. Впрочем Плетнев мне пишет, что еще о новом учителе будет представление в августе месяце первых чисел, и что если императрица не согласится, чтобы мое место отдать новому учителю, то оно останется за мною.

[1] *Далее начато*: не дает [2] странное извещение

И по этому-то поводу я прибегаю к вам, нельзя ли так сделать, чтобы императрица не согласилась. Она добра и, верно, не согласится меня обидеть. Впрочем что то будет, то будет, а верно будет так, как лучше. Всё, что ни случалось, доброе и злое, всё было для меня хорошо. Дай бог, чтобы и вперед так было. Желая Вам всего, что есть для нас лучшего, обнимая Вас, целуя и оставаясь с совершенным почтением и глубокой преданностью

всегда ваш Гоголь.

255.

М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Полтава. Июль 20 дня. 1835.

О тебе я потерял совершенно все слухи. Не получая долго писем, я думал, что ты занят; к тому же на ухо шепнула мне лень моя, что нечего и тебе докучать письмами, и я решился лучше всего этого явиться к тебе вдруг в Киев. Но вышло не так: ехавшему вместе со мною нужно было поспешать в срок и никак нельзя было делать заездов, и Киев был пропущен мимо.

Теперь я живу в предковской деревне и через три недели еду опять в Петербург к 13 или к 14. Впрочем буду непременно в Киев, нарочно сделавши 300 верст кругу, и проживу два дни с тобою. И тогда поговорим о том и о другом, и о прочем. Больше, право, ничего не знаю и не умею сказать тебе, кроме того разве, что я тебя крепко люблю и с нетерпением желаю обнять тебя, впрочем ты, верно, это и без моих объявлений знаешь.

Тупая теперь такая голова сделалась, что мочи нет. Языком ворочаешь так, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находит столбняк. А что, как ты? Я думаю, так движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебе бог за то возрастания сил и здоровья. Если будет тебе время, то отзовись еще, письмо твое успеет застать меня. Право, соскучил без тебя. Дай хоть руку твою увидеть. Прощай.

Твой Гоголь.

256.

М. П. ПОГОДИНУ.

<Нач. мая или августа 1835 г.> Москва.

Завтра в 3 часа к обеду нагрянет к тебе весь ученый мир, предводимый растением Редькою. Означенное растение Редька нарочно присылал к тебе человека узнать квартиру твою, ибо мы с тобою, по свойственному одним нам благоразумию, забыли выставить место жительства.

257.

М. П. ПОГОДИНУ.

<Начало мая или августа 1835 г.> Москва.

А что же брюки? О боже мой, боже мой! боже мой! боже мой! что это такое делается с нами! Пожалуста, дай знать, когда мне можно тебя застать дома. Мне хотелось поговорить еще о многих вещах с тобою.

Твой Гоголь.

258.

М. И. ГОГОЛЬ.

Сентября 2. 1835. СПб.

Пишу к вам на другой день после приезду моего в Пбрг, который совершился благополучно. Приехал я здоров, всё нашел хорошо. Был у сестер. Обе они, как Анет, так и Лиза, довольно подросли за эти 4 месяца и во всё продолжение их были совершенно здоровы. Сентябрь здесь стоит прекрасный. Погода самая приятная, дни солнечные. За сим известивши вас обо всем этом и желая вам, почтеннейшая маминька, здоровья и счастья со всем домом, остаюсь Вашим послушным сыном

Николай.

259.
М. И. ГОГОЛЬ.

<1835>. Сентября 22. С.Петербург.

Я получил письмо ваше из Белгорода. Поздравляю вас с благополучным приездом, и радуюсь душевно, что поездка эта доставила вам успокоение и развлекла немного.

Поздравляю вас также с наступающим днем ангела вашего. Желания не прибавляю: оно без сомнения известно. Если бы оно только исполнилось, то вы бы давно не имели неприятных забот и жили бы смеясь от утра до вечера. Лиза и Анна без сомнения желают того же, хотя и не успели написать вам своего поздравления. Я посылаю при сем их прежн<ие> письма, которые у них несколько залежались.

Очень прискорбно мне было от вас слышать, что хлеба у нас дурны. Я не знаю, как вы в состоянии будете прокормить крестьян. Как вы сделались с Татьяной Ивановной? Ведь, кажется, кроме этого едва ли теперь вам приходится взносить в ломбард. Но впрочем бог, верно, устроит всё хорошо.

Ведь я кажется два года тому назад был у вас на именинах, и, помнится мне, довольно не скучно мы провели. Еще ваши именины я помню один раз, назад лет пять слишком, когда я был еще дома. Когда был... Кто бишь были, я никого уже не помню... Кажется, Данилевский Федор Якимович, что он? что делает? и как поживает с своею молодою супругою? А что Ларий Тр.<ощинский> служит или в отставке и чем занимается? Передайте ему поклон. Каковы вести об Андрее Андреевиче, также и о Косяревских? Если Агафия Матвеевна живет у нас, то напомните ей, что я очень часто вспоминаю о ней.

Милостивая государыня
Катерина Ивановна!

Припасли ли вы мне песенок?

Ваш Николай.

260.

М. И. ГОГОЛЬ.

1835. СПб. Октября 1-го.

Поздравляю Вас, маминька, с днем вашего ангела и желаю вам всего, что может составить счастие Ваше на земле. Чтобы имели сколько можно менее беспокойства, чтобы бог благословил и наградил ваши попечения, чтобы дети Ваши, то есть все мы, были всегда послушны, признательны и почтительны и чтобы вы меньше задумывались и больше веселились. Я Вашими молитвами здоров и спокоен, прочее всё пустое и трынь-трава. Сестры тоже здравствуют и без сомнения будут писать вам поздравления.

Передайте поклон мой Василю Ивановичу Чарнышу, Татьяне Ивановне и Анне Семеновне. Что она еще не вышла замуж? Но особенный поклон бабушке Марье Илиничне, а вслед затем тетушке Катерине Ивановне, которой скажите, что очень жалею, что до сих пор незнаком с моей сестрицей.

Что же касается до любезной сестрицы Марии Васильевны, то я хотел ей написать особенно с присылкою кое-каких дамских аттрибутов, но отлагаю до другого времени и посылаю поклон, который да разделит она пополам между собою и мужем.

Ваш покорный сын Николай.

Да скажите пожалуста, какой плут полтавской почтмейстер, я право буду на него жаловаться. Мне были посланы отсюда две посылки, которые я должен был получить еще в июне месяце, а он ни об одной из них не объявил. Сделайте милость, поручите Павлу Осиповичу справиться. В одной из них находятся термометры, а в другой книги. Термометры оставьте у себя, а книги мне пришлите назад. Не дурно, если случатся у вас готовые пары три шерстяных чулок, присообщите к книгам.

261.
М. И. ГОГОЛЬ.

1835 года. Сентября ⟨Петербург⟩.

Дражайшая маменька!

Честь имею вас поздравить со днем вашего ангела, желаю вам его провести как можно веселее. Как бы мне хотелось вас лично поздравить, но нужно не много, надеюсь, потерпеть, так богу угодно. Посылаю вам моей работы карточные щеточки. Я нашла братца гораздо лучше против прежнего, он очень пополнел. Уведомте меня, бесценная маменька, о вашем здоровье; что касается до меня, то я слава богу здорова. Вот уж 3-тий год, как я не была на ваших именинах. Прощайте, неоцененнейшая маменька. Целую ручки бабушек, тетиньки. Сестриц, братца и племянников целую.

Целую ваши ручки, бессчетно раз, и остаюсь вас истинно по гроб любящая дочь.

Annette Gogolle.

Письмо Ваше я получил посла⟨нное⟩ вами от 17 октября. Очень рад, что вы здоровы. Дай бог, чтоб и впредь было так же. Я тоже здоров и жалею, что не удалось мне отведать дынь и арбузов, о которых вы пишете.

Больше не могу писать, потому что сию минуту прислали за мною и я должен ехать в наше правление. Обнимая сестру ⟨?⟩ и Павла Ос⟨иповича⟩, отлагаю до следующего письма.

Ваш сын Н. Гоголь.

262.
А. С. ПУШКИНУ.

Октября 7. 1835. СПб.

Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. Я сижу без денег и решительно без всяких средств, мне нужно давать ее актерам на

Октября 7. 1835 год.

Вспомнил писать к вам сам; прошлой зимой с Натальею Николаевною подобный раз не получил ответа — Пришлите прошу вас убедительно сию же зиму с собою мою тетрадь, которой в вашем кабинете не отыщется и которую я принес вам для замечаний. Ради бога денег и решительно всех. Всякая средства стали нужно давать с векселями нарывание это обыкновенное. Вдолайте милость. Пришлите скорее и сделайте все скоро хотя сколько нибудь главных замечаний. — Начал писать сверхъестественный дурь. Сюжет расширился на предлинный роман и кажется будет сильно смешить. Но теперь остановился на третьей главе. Нужу хорошего обедного и которого было можно хорошо сообщить мне свои в этом романе по порядку хотя с одного бы свету все рус.

Вдолайте милость дайте какой нибудь сюжет хотя какой нибудь смешной или сказочной по русской чисто анекдот.

Письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 7 октября 1835 года.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)

руки дрожатъ написать этотъ Ревизоръ комедій. Дальнѣй сего неслучившееся то у меня пропадаетъ даромъ время и я не знаю что дѣлать тогда съ своими обстоятельствами. Я прошу моего сверхштатства университетскаго 600 р. рубл. вписать нельзя но теперь имѣть. Пожалуйста пишите дайте сюжетъ, дурачь будетъ комедія изъ пяти актовъ и пятнадцать будетъ лицъ. Ради Бога Христа и Богородицы этой обязанности исполните. и пришлите жительству обыкновенно вслѣдъ и цензуру и желаю видѣть скорѣе сюжетъ.

Вашъ

Мои и Арабески и Миргородъ неудачно совершенно. Годится ли знаешь что значитъ. Книгопродавецъ такой народъ который безъ вѣсной совѣсти можетъ повѣсить на первой дерев —

Письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 7 октября 1835 года.

(Окончание письма).

разыграние, что обыкновенно делается, по крайней мере, за два месяца прежде. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наскоро хотя сколько-нибудь главных замечаний. Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его[1] на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтиться. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее чорта. Ради бога. Ум и желудок мой оба голодают. И пришлите *Женитьбу*. Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь.

Мои ни Арабески, ни Миргород не идут совершенно. Чорт их знает, что это значит. Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве.

263.
М. И. ГОГОЛЬ.

⟨1835⟩. Ноября 10. С.-Пб.

Я получил ваши два письма почти вдруг одно после другого. Одно меня порадовало, потому что я видел из него, что вы веселы, а другое не понравилось мне, потому что из него видно, что вы были скучны и в печальном

[1] Но теперь остановился

расположении духа. Я должен с горестью заметить вам, маминька, что вы, чем далее, теряете ясность и спокойствие души. Вас тревожат всякие мелочи, вы ищете непременно предчувствий, предзнаменований,[1] вы начинаете верить самым пустым приметам. Одним словом, Вы живете в каком-то особенном мире. Ваши мысли наполнены мечтами. Вы, кажется, часто невнимательны решительно ни к чему. Ради бога, маминька, ищите больше обществ, развлекайте себя. Вы даже пишете мне о снах своих. Помилуйте, маминька, мало ли всякой чепухи снится нам, да если мы будем обо всем вздоре думать, так у нас поневоле голова пойдет кругом. Вы пишете, что очень странный сон вам виделся. Да, когда же сны не бывают странные! Мне прежде снилась такая дичь, что, верно, в пятьсот раз более странна. Сон есть отражение наших беспорядочных мыслей. То, что мы думаем, что нас занимает, нам видится и во сне, только натурально на изнанку. Хотите ли, я вам объясню ваш сон. Вы составили ⟨о⟩ мне идею, что я окружен какими-то друзьями; а так как вы любите сей час ваше предположение утвердить, стоять за него горою и уже никто вас не переуверит, и Вы уже потом идете дальше и дальше в мыслях, что эти друзья меня обманывают и проч. и проч., что вы, помни⟨тся⟩, мне часто говорили, хотя, признаюсь, мне совершенно были непонятны слова ваши, то вам и приснилось: что я говорю вам: вот что наделали мне друзья! А часы явились вам, как воспоминание, которое иногда вдруг приходит[2] к нам во сне, иногда из самых времен детства, и о которых мы совсем не думали. Вот вам с идеею о мне вспомнились и те часы, о которых я писал к вам из Любека, что когда бьет на них 12 часов, показываются 12 человеческих фигур. При этом, может быть, вы часто думали о моем будущем путешествии по Европе и вот вместе с этим что-нибудь взбрело вам на ум и о моем прежнем пребывании за границею. Итак вы видите, маминька, что сон есть больше ничего,

---

[1] *В подлиннике без запятых:* предчувствий предзнаменованья

[2] явля⟨ется⟩

как бессвязные отрывки, не имеющие смысла, из того, что мы думали, и потом склеившиеся вместе и составившие винигрет. Сделайте милость, пожалейте всех нас, маминька, не предавайтесь мечтательности. Вспомните, как вы прежде были веселы и с вами не скучно было быть вместе никому. Мы все здесь здоровы. Сестры растут, и учатся, и играют. Я тоже надеюсь кое-что получить приятное. Итак чего же вам более, годка через два я приду в такую возможность, что может быть приглашу вас в ПБург посмотреть на них, а до того времени вам нечего досадовать. Истинный и добрый христианин никогда не бывает суеверен и не верит пустякам. Напишите мне о том, писали ли в опекунский совет о рассрочке, или нет. Напишите также, куда баб<ушка> Мар.<ья> Илична подала просьбу и которого числа и месяца. А до того до свиданья. Занимайтесь больше хозяйством и ездите больше по гостям. То и другое вас развлечет.

Ваш Николай.

Благодарю тебя, милая сестра, за приписку и известие о моем крестнике и о Павл<е> Ос<иповиче>. — Благодарю тебя за усердие, с которым ты стараешься наделить меня старинными картами, только это мне вовсе не нужно и не относится к моему предмету. Обнимаю тебя от души. Твой брат.

264.
М. И. ГОГОЛЬ.

<1835> Ноября 19. СПб.

Письмо ваше получил 12-го сего месяца. Если будет время и возможность, то я постараюсь доставить вам сулемы<?>. Об Олиньке я хлопотал. Мало имею надежды; на свой счет покамест не могу. Впрочем это дело еще впереди. Посылаю вам письма сестер, которые, слава богу, здоровы. Благодарю очень сестру за приписку, а еще более за любовь, в награду за которую затерял я письмо

к ней от Анет. Целую Николиньку и Ваничку и постараюсь привезть им гусаров или лошадей.

Желаю вам здоровья и веселого расположения духа.

Остаюсь ваш

Николай.

265.

М. П. ПОГОДИНУ.

1835. Декабря 6. СПб.

Здравствуй, душа моя! Спасибо тебе, что ты приехал и написал ко мне. Но я думал, что ты сделаешь лучше и приедешь прежде в Петербург. Мне бы хотелось на тебя поглядеть и послушать, послушать, что и как было в пути, и что Немещина и немцы. Этого мне хотелось потому, что твои глаза ближе к моим, чем кого другого. Но на письме я знаю сам, что писать об этом слишком громоздко, и для нас, людей ленивых, очень скучно. Я жадно читал твое письмо в Журнале просвещения, но еще хотел бы слушать изустных прибавлений. Уведомь, какие книги привез и что есть такого, о чем нам неизвестно.

Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный козак. Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года — годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся — в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня... Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает. Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большею силою и не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика...[1] и проч. и проч. ... Я тебе одному

[1] *Далее начато*: бог с ними

говорю это; другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего. Мимо, мимо всё это! Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка. Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр, прикажу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву, вместе с просьбою предуведомить кого следует по этой части. Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет, даже может разом все играть. Мне очень жаль, что я не приготовил ничего к бенефису его. Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дни окончить эту пиесу. — Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр. Ну, прощай, мой Погодин. Обнимаю тебя очень крепко! Поцелуй за меня ручку супруги своей.

Твой Гоголь.

266.

М. И. ГОГОЛЬ.

1835. Декабря 18. СПб.

Поздравляю вас, маминька, с наступающим новым годом и дай бог, чтобы он был для вас счастливее всех когда-либо бывших. По крайней мере я предчувствую, что от него нам ожидать много добра. Я, слава богу, здоров; сестры также. Они посылают вам конфекты и кое-что из работ своих. Я, при этой оказии, приложил семена огородные: оно же и кстати на новый год: это эмблема и девиз, и вместе желание, чтобы вы насеяли много хорошего в начале этого ‹года› и в этом же самом, чтобы ‹вели жизнь веселую?› и счастливую, имеющую продолжиться отныне на все годы.

Кстати о семенах. Причину невсхода семян садовник полагает, что их глубоко садили в землю. Он советует

их слегка только прикрыть землею, лишь бы закрыть семечко, чтобы солнце могло на них действовать, и никак не советует прежде намачивать в воде, но садить их сухими лучше, потом полить. И потому всем этим советую Павлу Осиповичу воспользоваться.

Сестре посылаю какие нашлись у меня книги. Пусть их читает во здравие. Она их, я думаю, в одну неделю проглотит все. Желая всего хорошего и посылая при этом поклон всем родным и знакомым, остаюсь ваш сын

Николай.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ.

№ 1.

Его высокоблагородию господину директору Гимназии высших наук князя Безбородко и кавалеру Данилу Эмельяновичу Ясновскому.

От окончившего курс наук в этой гимназии

Николая Васильева сына

Гоголь-Яновского

Прошение.

Желая определиться в государственную службу прошу всепокорнейше вашего высокоблагородия до выдачи надлежащего аттестата снабдить меня свидетельством об учении и поведении моем.

Николай Гоголь-Яновский.

1828 года октября 10 дня.

г. Нежин.

№ 2.

Его высокопревосходительству
господину министру внутренних дел
генерал-адъютанту и кавалеру Арсению Андреевичу Закревскому.

От студента 14-го класса Николая Гоголь-Яновского

Прошение.

Окончив курс наук в Гимназии высших наук князя Безбородко, получил я аттестат с правом на чин 14-го класса, который при сем имею честь представить. Ныне же имея желание вступить в гражданскую его императорского величества службу, покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство повелеть определить меня в оную по управляемому вами министерству внутренних дел.

Студент 14-го класса Николай Гоголь-Яновский.

1829 *года октября дня.*

№ 3.

Его превосходительству господину директору государственного хозяйства и публичных зданий действительному статскому советнику и кавалеру Ивану Устиновичу Пейкеру.

От студента Николая Гоголь-Яновского

Прошение.

Не имея возможности служить в вверенном Вам департаменте по причине воспоследующей в скором времени долговременной моей отлучки, прошу покорнейше Ваше превосходительство приказать выдать мне аттестат, выданный из заведения в засвидетельствование моих успехов и поведения, представленный мною Вашему превосходительству.

Студент Николай Гоголь-Яновский.

Февраля 25 дня
1830 года.

№ 4.

27 марта 1830

Его превосходительству
господину вице-президенту департамента уделов
Льву Алексеевичу Перовскому
двора его императорского величества гофмейстеру
и кавалеру

От студента Николая Гоголь-Яновского

Прошение.

Имея желание служить под лестным начальством Вашего превосходительства, приемлю смелость всепокорнейше просить об определении меня в департамент уделов в число канцелярских чиновников по II-му отделению оного.

Выданный мне из Гимназии высших наук князя Безбородко аттестат у сего имею честь представить.

Студент Николай Гоголь-Яновский.

27 марта дня
1830 года.

№ 5.

Его превосходительству господину вице-президенту департамента уделов
двора его императорского величества гофмейстеру
и кавалеру
Льву Алексеевичу Перовскому

чиновника оного департамента
Николая Гоголь-Яновского

Прошение.

Не имея возможности по домашним обстоятельствам продолжать службу под начальством Вашего превосходительства, всепокорнейше прошу уволить меня из департамента уделов и снабдить надлежащим аттестатом.

Студент 14 класса Николай Гоголь-Яновский.

№ 6.

Его превосходительству господину ректору С.-Петербургского университета действительному статскому советнику и кавалеру
Антону Антоновичу Дегурову

от адъюнкта Николая Гоголя

Прошение.

Во всё течение прошедшего и нынешнего года я находил себя весьма расстроенным в здоровьи. Врачи советуют употребить мне как единственное средство для восстановления оного Кавказские минеральные воды в нынешний курс, начинающийся с мая месяца и оканчивающийся августом. Почему я покорнейше прошу вашего превосходительства исходатайствовать мне от высшего начальства отпуск на четыре месяца, начиная с последних чисел сего апреля по первое число сентября. Должность моя ничего от этого не потерпит, потому что в мае месяце остаются только репетиции и лекции окончены мной в апреле, июнь остается для экзамена, июль же и половина августа составляют время каникулярное. Восстановление же моего здоровья подаст мне новые средства отправлять мою должность с наступающего учебного года с большим против прежнего рвением и исправностью.

Адъюнкт Николай Гоголь.

3 апреля
1835 года

КОММЕНТАРИИ

1. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 3.

Дата определяется водяным знаком почтовой бумаги (1819), местом написания и содержанием письма.

В первой половине 1820 г., живя в Полтаве у какого-то учителя (Данилевский называет его Спасским; среди преподавателей поветового училища такой фамилии нет), Гоголь проходил на дому курс первого класса гимназии с тем, чтобы к осени поступить во второй класс (см. сообщение А. С. Данилевского в „Материалах“ Шенрока, I, стр. 100, а также „Записки“ Кулиша, I, стр. 16).

„Ваканции“, перед приближением которых Гоголь написал письмо, могли быть только летними вакациями 1820 г.: перед вакациями 1819 г. Гоголь учился еще в поветовом училище (экзамены закончились 30 июня), а перед вакациями 1821 г. Гоголь уже числился учеником Гимназии высших наук в Нежине.

2. Т. С. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 4—5.

Датируется 1820 годом, так как примыкает по содержанию к предыдущему письму.

Печатая настоящее письмо как письмо „к бабушке“, П. А. Кулиш и В. И. Шенрок не определили, к какой из „бабушек“ относится это письмо. Вероятнее всего, адресатом его является Татьяна Семеновна Гоголь, урожденная Лизогуб, жена Афанасия Демьяновича, мать Василия Афанасьевича Гоголя, жившая в доме сына и владевшая Васильевкой и частью Яресек. Татьяну Семеновну, самую близкую по

степени родства, Гоголь называет в письмах просто „бабушкой“ (см. №№ 36, 39, 52), и лишь в единичном случае, чтобы отделить от других „бабушек“, прибавляет „Татьяне Семеновне“ (№ 56). Так как Татьяна Семеновна жила в Васильевке, в доме сына, Гоголь и дает ей поручения „обрадовать папиньку и маминьку“ и „поцеловать“ няню и сестер.

— *Татьяна Семеновна Гоголь-Яновская* (род. после 1750, ум. ок. 1827) — дочь Семена Семеновича Лизогуба (род. ок. 1708 — 1709, ум. после 1781), принадлежавшего к одному из влиятельнейших и богатейших дворянских родов Украины — от его брака (1742) с Анной Танской (род. ок. 1714—1715). Семейные предания о Т. С. и А. И. Гоголь-Яновских см. в „Материалах“ Шенрока, I, стр. 38, 101; ср. О. В. Головня, стр. 35—37; В. Чаговец, Семейная хроника Гоголя, „Памяти Гоголя“, отд. III, стр. 25—26.

— *Гапа* — Агафья Семеновна Власенкова, крепостная крестьянка из Васильевки, няня Н. В. Гоголя и его сестер.

— *Сестрицы*—Марья (1811—1844) и Анна. Эту Анну, умершую трех лет, не надо смешивать с родившейся позже Анной Васильевной Гоголь (1821—1893).

3. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 3—4.

Письмо не датировано. Дата определяется по тем же соображениям, что и даты писем №№ 1 и 2, однако письмо № 3 написано позднее двух предыдущих — за неделю до начала занятий в Полтавской гимназии, т. е. ранней осенью 1820 г.

— *Иван Алексеевич* в приписке на копии *ЛБ* раскрыт как полтавский прокурор Горбовский. Вероятно, это тот Горбовский, в семье которого во второй половине 1830-х годов жила сестра Гоголя, Ольга Васильевна, обучаясь с его дочерьми французскому языку и музыке (О. В. Головня, стр. 11).

— *Иван Дмитриевич* — по заметке на той же копии — Тишевский, знакомый родителей Гоголя.

— О *Гавриле Максимовиче* — сведений нет.

4. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Русской Мысли“ 1911, № 2, стр. 176.

Письмо Гоголя от 10 июня написано в то время, когда он готовился к экзаменам для поступления в Гимназию высших наук. Экзамены начались 20 июня и окончились 28-го. После экзаменов Гоголь был зачислен во 2-е отделение (Лавровский, стр. 52).

— *Егор Иванович* — Зельднер, надзиратель и преподаватель немецкого языка в Гимназии высших наук, с осени 1820 года. Зельднер брал к себе на житье вольноприходящих учеников Гимназии.

В Гимназии Зельднер не пользовался уважением учащихся и служил мишенью для их насмешек и шутливых песенок, в которых принимали участие Гоголь, Данилевский и др. („Гоголевский сборник", Киев, 1902, стр. 353).

— *Федор Иванович Чекиев* — с 1820 г. преподаватель русского языка в Гимназии высших наук. В момент поступления Гоголя в нежинскую Гимназию, Чекиев исполнял должность инспектора; после смерти директора Кукольника (6 февраля 1821 г.) и до вступления в должность нового директора И. С. Орлая (1 ноября 1821) он являлся первым лицом в управлении Гимназией (Гербель, стр. 35, 71).

5. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 5; заключительные строки — впервые в „Письмах", IV, стр. 441.

6. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 19; полностью, но без заключительных строк, — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 5—6. Всё опущенное Кулишом — в „Письмах", IV, стр. 454.

Настоящее письмо, об условиях написания которого см. П. Е. Щеголев, „Детство Гоголя" („Исторические этюды", изд. 2, стр. 86—91), произвело в Васильевке переполох. В Нежин был послан тревожный запрос о здоровьи Гоголя.

— *Симон* — старик повар, крепостной из Васильевки, которого В. А. Гоголь определил в дядьки к своему сыну. Симон был неотлучно при Гоголе в гимназии в 1821—1826 гг.; последнее упоминание о Симоне в письмах Гоголя встречаем в 1826 г.

7. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Вестнике Европы" 1896, № 6, стр. 728.

8. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 6; заключительные строки — в „Письмах", IV, стр. 455.

М. И. Гоголь писала около этого времени О. Д. Трощинской: „Возвратившийся из Нежина посланный несколько успокоил меня на счет моего Николеньки; он затосковал было, а теперь начал привыкать и сделался веселее" (⟨И. И. Ореус⟩. Д. П. Трощинский: „Русская Старина" 1882, № 6, стр. 673).

9. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 6—7; заключительные строки — впервые в „Письмах“, IV, стр. 441.

— *Доктор Орлай* — Иван Семенович (1771—1829). С 3 сентября 1821 г. по 1826 г. — директор нежинской Гимназии высших наук, а затем директор Ришельевского лицея в Одессе. Украинец, уроженец Венгрии, переселившийся в Россию в 1791 г., Орлай в 1793 г. окончил Медико-хирургическое училище со степенью доктора медицины и хирургии и много писал по своей специальности. Имел близ Кибинец имение. В. А. Гоголь познакомился с Орлаем через Д. П. Трощинского и был с ним в переписке.

— *Кибинцы* — село б. Миргородского уезда, б. Полтавской губ., в 11 километрах от уездного города. Главное имение Д. П. Трощинского, с домашним театром, с большой библиотекой, картинной галлереей и т. д.

— Просимые Гоголем книги были учебниками в Гимназии высших наук:

— „Грамматика латинская с российским перекладом в пользу российского юношества“, изданная Н. Бантышом-Каменским, Москва, 1779. Грамматика эта впоследствии много раз переиздавалась.

— „Латинско-российский лексикон с полным объяснением всех свойств и значений каждого латинского слова..., составленный Иваном Кронебергом“, 2 части, СПб. 1819—1820.

— „Катехизис“ — вероятно, одно из изданий „Краткого катехизиса ради обучения малолетних детей христианскому закону“ митрополита московского Платона; впервые издан в 1766 г.

10. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 29, всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, т. V, стр. 7; заключительные строки—впервые в „Письмах“, IV, стр. 441.

— *Французские разговоры* — „Новые разговоры французские и российские, разделенные на 130 уроков, для употребления юношества и всем желающим учиться сим языкам, изданы Иоан. Фил. Вегелином. М. 1788.“ Последние издания — М. 1819 и СПб. 1821 г.

— *Немецкие разговоры* — „Новые разговоры немецкие и российские, разделенные на 130 уроков, для употребления юношества и всем начинающим учиться сим языкам, изданные Иоан. Фил. Вегелином. М. 1789“. 6-е издание их вышло в Москве в 1819 г.

— *Мармонтель,* Жан Франсуа (1723—1799) — французский писатель, сотрудник „Энциклопедии“. Гоголь просит прислать ему: „Сказки нравоучительные г. Мармонтеля; перевел с франц. Павел фон-Визин. 2 ч. М. 1764“ (2-е издание, в 3 частях, вышло в Москве в 1788 году).

11. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, т. V, стр. 4.

Датируется по упоминанию Ивана Семеновича (т. е. Орлая) и предстоящего „праздника“.

О датировке см. Шенрок, „Письма“, I, стр. 12; Заболотский, „К биографии“; В. Каллаш, „Н. В. Гоголь в его письмах“, „Рус. Мысль“ 1902, №№ 7 и 10.

12. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 29; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 7—8; заключительные строки — в „Письмах“, IV, стр. 455.

— *Нравственные примеры,* которые Гоголь просит ему прислать в Нежин, — вероятно, известная в свое время книга: „Примеры мудрости и добродетели, с наставлениями для детей“. Соч. Я. Феддерсена, 2 ч., перев. с нем. М., 1787.

13. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 9. О датировке см. „Письма“, I, стр. 15—16.

— *Ландражен* (или Ландражин), Иван Яковлевич (род. 1794), — преподаватель французского языка и словесности в Гимназии высших наук в 1822 — 1830 гг. По его собственному признанию, он „принадлежал к масонскому обществу“ сначала, как член минской ложи „Pochodnia północna“ и потом киевской — „Соединенных Славян“. Был в числе передовых нежинских учителей, уволен в 1830 г. по „делу о вольнодумстве“. См. Гербель, стр. 276—277.

Преподавателем греческого языка в Гимназии был Христофор Николаевич Иеропес (род. 1790 г.), фессалийский грек по происхождению. По приглашению нежинских греков-торговцев он переехал в Россию и состоял преподавателем греческого языка в Александровском греческом училище в Нежине. С 1823 г. Иеропес был зачислен в преподаватели Гимназии, а в 1824 г. был произведен в младшие профессора греческого языка и словесности.

Отметок Гоголя по греческому языку в бумагах Гимназии нет; может быть потому, что предмет был необязательный, но возможно, что Гоголь и не обучался у Иеропеса; во всяком случае из Гимназии Гоголь не вынес знания греческого языка и обратился к его изучению гораздо позже, в 1840-х годах.

14. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 29; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, IV, стр. 8—9; заключительные строки — впервые в „Письмах“, IV, стр. 442.

Сообщение Н. В. Гоголя о своей болезни вызвало тревогу в Васильевке и запрос к Зельднеру, на который Зельднер 8 ноября 1822 г. отвечал В. А. Гоголю, что сын его был болен скарлатиной, но совершенно выздоровел.

Преподавателем музыки, пения и танцев в нежинской Гимназии был Федор Емельянович Севрюгин. (Лавровский, стр. 83). У Севрюгина Гоголь брал уроки игры на скрипке (см. письмо № 19).

15. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 9—10; заключительные строки — впервые в „Письмах", IV, стр. 455.

16. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 30; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 10; заключительные строки — впервые в „Письмах", IV, стр. 455.

Письма родителей, полученные Гоголем 2 октября 1823 г., и его предыдущее письмо к ним до нас не дошли.

— *„Федька"* — сапожник Федор, крепостной родителей Гоголя.

— *Дедушка* — Иван Матвеевич Косяровский, отец матери Гоголя. Служил в г. Харькове; выйдя в отставку, поселился на хуторе Яресках близ Васильевки („Русский Архив" 1902, № 4, стр. 706—712).

— *Живописец*, в ученье к которому В. А. Гоголь пытался пристроить одного из своих крепостных,—вероятно, художник К. С. Павлов, преподаватель рисования в нежинской Гимназии высших наук.

— *Бабушка* — Марья Ильинична Косяровская, урожд. Шостак, вторая жена И. М. Косяровского.

17. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 16; заключительные слова — впервые в „Письмах", IV, стр. 443.

Кулиш, а вслед за ним Шенрок, отнесли письмо к письмам 1824 г. Заболотским установлено, что письмо это „относится к 1823 г. и должно быть помещено перед письмом от 11 декабря 1823 г." (Заболотский, „Опыт обзора", стр. 40—41).

— Учителем рисования в Гимназии высших наук был художник Капитон Степанович Павлов (род. в 1791 г.).

18. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 11; заключительные строки — впервые в „Письмах", IV, стр. 442.

Родители Гоголя решили не брать сына на рождественские каникулы, так как проживали в это время в Кибинцах у Д. П. Трощинского.

По свидетельству А. С. Данилевского, во время приездов своих в Кибинцы В. А. Гоголь мог свободно с своей семьей располагаться в предоставленном ему флигеле (Шенрок, „Материалы“, I, стр. 49). Тем не менее, пребывание Гоголей в усадьбе Трощинского было для них всегда стеснительным.

19. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Записках“, I, стр. 30—31 (с пропусками); полнее — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 11—12; заключительные строки — впервые в „Письмах“, IV, стр. 455.

— Просьба Гоголя о высылке „комедии“ стоит в связи с подготовкой нежинскими гимназистами театральных представлений к масленице 1824 г.

— „*Бедность и благородство души*“ — комедия в 3 д. Августа Коцебу (1761—1819), издана в Москве, в 1784. С 1798 г. неоднократно ставилась в столичных, а также усадебных крепостных театрах.

— „*Господин Богатонов, или провинциал в столице*“ — комедия М. Н. Загоскина в 5 д., — была дана в первый раз в Петербурге 27 июня 1817 г.

— „*Эдип в Афинах*“ — трагедия в 5 действиях В. А. Озерова, в стихах (1808); была представлена нежинскими гимназистами на масленице 1824 г. (Эдип — К. М. Базили, Антигона — А. С. Данилевский, Креон — Гоголь). По словам В. И. Любича-Романовича, товарища Гоголя, „спектакль сошел хорошо и Гоголя очень хвалили“ (М. Шевляков, Рассказы о Гоголе и Кукольнике, „Исторический Вестник“ 1892, № 12, стр. 695). Кроме участия в спектакле, Гоголь принимал участие в писании декораций для трагедии, чем и объясняется просьба о присылке полотна (Шенрок, „Материалы“, I, стр. 241).

— *Василий Васильевич Капнист* — (1757—1823), известный поэт и драматург, земляк и знакомый Гоголей, владелец села Обуховки Миргородского уезда, автор известной „Оды на рабство“ (1783) и еще более известной обличительной комедии „Ябеда“ (первое представление в Петербурге в 1798 г.; после четвертого представления была запрещена до 1805; по возобновлении пьеса оставалась репертуарной вплоть до появления „Ревизора“).

В. А. и М. И. Гоголь поддерживали близкое знакомство с В. В. Капнистом и его семьей, бывая у них в Обуховке и часто встречаясь в Кибинцах („Из воспоминаний матери Гоголя“, „Современник“ 1913, IV, стр. 249—250).

Семья Капнистов была высоко культурной и передовой семьей. Родство и дружба связывали Капнистов с Муравьевыми-Апостолами; знакомы были они и с другими декабристами: Бестужевым-Рюминым, Лорером, Луниным, Н. М. и А. М. Муравьевыми, Пестелем. Сын В. В. Капниста, Алексей (1796—1807), был членом Союза Благоден-

ствия. Гоголь поддерживал с Капнистами отношения до конца жизни, особенно — с дочерью В. В. Капниста, Софьей, в замужестве Скалон.

В. В. Капнист скончался 28 октября 1823 г. в Кибинцах, в гостях у Трощинского, и был похоронен в Обуховке.

— *... я переменился как в нравственности, так и успехах.* — Официальным данным это заявление Гоголя не совсем соответствует. См. „Гоголевский сборник", 1902, стр. 342—343; Лавровский, стр. 142.

— *Машиньку вы отдали в пансион или нет?* — Старшая сестра Гоголя, Марья Васильевна (1811—1844) обучалась в пансионе бывшей начальницы Полтавского института для благородных девиц Арендт, матери лейб-медика Н. Ф. Арендта; пансион помещался в имении ее дочери, Н. Ф. Старицкой.

20. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 12; заключительные слова печатаются впервые.

21. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 31; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 13—14.

Экзамены в Гимназии высших наук в 1824 г. происходили в присутствии почетного попечителя гр. А. Г. Кушелева-Безбородко 16—19 июня. Только после этих торжеств Гоголь мог уехать в Васильевку на каникулы.

— *Баранов* Петр Александрович — товарищ Гоголя, сын соседа Гоголей-Яновских по имению.

— *... несколько книг из Кибинец.* — В Васильевке не было своей библиотеки, и В. А. Гоголь пользовался книгами из обширной библиотеки Д. П. Трощинского в Кибинцах.

— *На Псёле* (Гоголь пишет: Псіол) — стояли Яреськи, где у Гоголей был хутор.

— *Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданное Обществом любителей отечественной словесности, в 12 частях,* составлено А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским и А. Ф. Воейковым, 1-е издание СПб., 1815—1817; 2-е издание СПб., 1821—1824. Книга эта употреблялась в нежинской Гимназии как учебное пособие.

22. В. А. ГОГОЛЮ и М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 31, всё письмо — в „Сочинениях", V, стр. 14—15; заключительные слова — впервые в „Письмах", IV, стр. 442.

Вторая часть письма, обращенная к матери, написана на том же листе. Как здесь, так и в дальнейшем, подобные приписки Гоголя мы не выделяем в отдельные письма.

— *„Эдип“* — трагедия В. А. Озерова „Эдип в Афинах“, в которой Н. В. Гоголь играл роль Креона.

— *2 тетради с стихами* — одни из тех рукописных сборников стихотворений, которые обращались и размножались среди нежинских гимназистов. В этих сборниках встречались запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева и *др.*

— *... одну новую балладу и про Пушкина поэму Онегина.* — О какой балладе идет речь — не установлено. Возможно, что это один из отрывков поэмы К. Ф. Рылеева „Войнаровский“. Из „Войнаровского“ опубликовано было в 1824 г.: 1) „Смерть Войнаровского“ в „Соревнователе просвещения и благотворения“ 1824, № 3; 2) „Якутск“ (начало поэмы) в „Сыне Отечества“ 1824, № 3; 3) „Юность Войнаровского“ и 4) „Бегство Мазепы“ — в „Полярной Звезде“ на 1824 год. Два последние отрывка, более или менее цельные по сюжету, могли быть восприняты читателями как исторические „баллады“. „Бегство Мазепы“ особенно должно было вызвать интерес в тех кругах, с которыми В. А. Гоголь встречался у Капнистов и у Трощинского — сочетанием украинской темы с политической остротой и актуальностью.

О „Евгении Онегине“ В. А. Гоголь мог узнать из сообщения, сделанного Булгариным в „Литературных Листках“ 1824, № 4, где процитирован был и отрывок из строфы XX первой главы (об Истоминой). Сам Пушкин впервые напечатал отрывки из „Онегина“ в конце 1824 г. в „Северных Цветах“ на 1825 г.

— *... прошу мне прислать роль.* — В. А. Гоголь был постоянным устроителем спектаклей в Кибинцах у Трощинского, участвуя в них как автор, актер и режиссер. Возможно, что речь здесь идет об одной из пьес самого В. А. Гоголя — „Простак“ и „Собака-вівця“.

Именины Марьи Ивановны Гоголь были 1-го октября.

23. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 15—16; заключительные слова — впервые в „Письмах“, IV, стр. 443.

24. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 17—18; заключительные слова—впервые в „Письмах“, IV, стр. 443.

25. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 17; заключительные слова — впервые в „Письмах“, IV, стр. 443.

П. А. Кулиш и В. И. Шенрок отнесли письмо к декабрьским письмам 1824 г. Датировка эта неприемлема, так как расходится с данными письма № 25. Невозможно согласиться и с П. А. Заболотским, что рассматриваемое письмо „должно следовать за письмом от 11 декабря 1823 года“, на том основании, что „в рассматриваемом недатированном письме мы находим объяснение мотива, по которому родители не брали мальчика домой на Рождество 1823—1824 г.“ (П. А. Заболотский, „Опыт обзора“, стр. 42). Мотивы, по которым родители не находят возможным взять Гоголя из Нежина домой на праздники, в обоих письмах различны.

Недатированное письмо мы относим к первой половине марта 1825 г. по следующим основаниям:

1) В феврале — в начале марта 1825 г. в Васильевке заболел предсмертной болезнью В. А. Гоголь (уехал лечиться в Кибинцы и в Лубны), ожидала родов М. И. Гоголь и в то же время на деревне и в дворне свирепствовала какая-то заразная болезнь (С. Дурылин, стр. 59—70). *При таких обстоятельствах понятно, что родители* Гоголя *считали* невозможным приезд сына на весенние праздники.

2) Гоголь пишет: „до каникул уже недалеко (а почему знать? может быть, и до Христова праздника)“. „Каникулами“ Гоголь во всех нежинских письмах называет летнее время отдыха. „Христов праздник“ — несомненно, не Рождество, а Пасха.

3) Содержание недатированного письма соответствует содержанию письма от 18 марта 1828 г.: благодаря в нем за присланные деньги, Гоголь вновь повторяет просьбу о присылке „книжек“ и „съестных припасов“.

— *Андрей Андреевич* — Трощинский (1774—1852), генерал-майор, родной племянник министра Д. П. Трощинского, сын его брата Андрея Прокофьевича и Анны Матвеевны, урожд. Косяровской, родной тетки М. И. Гоголь. А. А. Трощинский был дружен со своей двоюродной сестрой, М. И. Гоголь, воспитанной в доме его матери. В 1827—1830 гг. А. А. Трощинский поддерживал Н. В. Гоголя в Петербурге деньгами и „покровительствовал“ ему. В Одессе в 1848 г. Гоголь виделся с А. А. Трощинским, а зимою 1850—1851 г. жил там в его доме.

— *Ольга Дмитриевна* — Трощинская, жена А. А. Трощинского, урожденная Кудрявцева (1794—18..). М. И. Гоголь вела с нею переписку, отрывки из которой напечатаны в „Русской Старине“ 1882, № 6, стр. 673—678.

26. В. А. и М. И. ГОГОЛЯМ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 18; заключительные слова — впервые в „Письмах“, IV, стр. 443.

27. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок напечатан Г. П. Данилевским в статье „Хуторок близ Диканьки“ (см. „Московские Ведомости“ 1852, № 124); полностью — впервые в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 19—20.

В. А. Гоголь скончался во второй половине марта. Об обстоятельствах его смерти и о впечатлении, произведенном этой смертью на М. И. Гоголь, см. в автобиографической записке М. И. Гоголь („Русский Архив“ 1902, № 4, стр. 721—722). Ср. также письмо П. А. Баранова к М. И. Гоголь от 24 апреля 1825 г. (П. Е. Щеголев. „Детство Гоголя“. „Исторические этюды“, стр. 116—117).

—*Машинька, Анинька, Лиза, Таня и наконец Олинька* — сестры Гоголя. Предпоследняя сестра Гоголя, Татьяна, род. в 1823 г., умерла в 1825 г. Ольга родилась за несколько недель до смерти отца — 19 марта 1825 г.

— *Бабушка... Анна Матвеевна* — Трощинская, урожденная Косяровская (ум. 1833), родная тетка М. И. Гоголь по отцу, мать А. А. Трощинского (см. выше). По рассказу самой М. И. Гоголь, А. М. Трощинская заменила ей мать: когда И. М. Косяровский получил место почтмейстера в Орле, А. М. Трощинская взяла к себе полуторамесячную племянницу. В доме А. М. Трощинской М. И. Гоголь прожила, с двумя перерывами, до 14-летнего возраста, когда вышла замуж за В. А. Гоголя. После этого А. М. Трощинская была неизменной покровительницей семьи Гоголей.

— *Курс российской словесности* — книга А. Никольского: „Основание российской словесности. Четвертое издание. СПб., в типографии Ивана Глазунова, 1822. Две части: введение, грамматика и риторика“.

28. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 20—21; подпись печатается впервые.

Сочинения и рисунки, упоминаемые Гоголем, до нас не дошли.

29. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 32; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 21—23; заключительные слова в „Письмах“, IV, стр. 443.

Настоящее письмо от 26 мая 1825 г. Гоголь для большей верности направил матери через А. А. Трощинского; см. письмо М. И. Гоголь к А. А. Трощинскому в „Русской Старине“ 1882, № 6, стр. 674 (дата письма 11 мая — произвольна).

30. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 32; всё письмо — в „Сочинениях“, V, стр. 23; заключительные строки — в „Письмах“, IV, стр. 444.

Встревоженная неполучением писем от сына, в том числе и письма от 26 мая, М. И. Гоголь обратилась с запросом о нем к П. А. Баранову. В данном письме Гоголь отвечает на этот запрос.

— *Забелло,* Яков Павлович — окончил курс нежинской Гимназии в 1832 г. (седьмой выпуск). (Гербель, отд. II, стр. CXXXIV).

31. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 25—26, заключительные слова печатаются впервые.

— „*. . . прежние два письма*“ — письма Гоголя к матери от 26 мая и от 3 июня 1825 г.

32. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 27; заключительные слова — в „Письмах“, IV, стр. 444.

— „*Опыт о русском стихосложении*“ А. Х. Востокова (СПб, 1812)— был в нежинской Гимназии пособием по словесности: от учеников требовалось не только знание теории поэзии, но и практическое уменье писать стихи.

33. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Письмах“, I, стр. 103. Шенроком письмо отнесено ошибочно к 1828 г. Транскрипция цифры 5 совершенно отлична в подлиннике от имеющейся в той же дате (1825) цифры 8, что дает основание отнести письмо к 1825 г.

— *Данилевский,* Александр Семенович, родился 28 августа 1809 г., умер 3 апреля 1888 г. Отцы Данилевского и Гоголя были товарищами по школе и близкими соседями. Данилевский познакомился с Гоголем семилетним мальчиком и в годы юности был его ближайшим другом.

В 1818 г. Данилевский поступил в Полтавскую гимназию, где проучился совместно с Гоголем два года. В 1822 г. он перешел в нежинскую Гимназию высших наук. В гимназии Данилевский, обладавший эстетическим чутьем и интересом к литературе, увлекался вместе с Гоголем театром. Сценического дарования он, однако, не имел. Во время вакаций юноши совместно ездили домой, проводя время в шутках и шалостях, навещая Кибинцы, имение Трощинского. В 1826 г. Данилевский оставил Гимназию высших наук и перешел в Москов-

ский университетский пансион, откуда, однако, вновь вернулся в Нежин в июне 1827 г.

В июне 1827 г. Гоголь и Данилевский окончили курс действительными студентами и вместе отправились в Петербург.

По приезде в Петербург, устроившись в школу подпрапорщиков, Данилевский был для Гоголя в этот период одним из самых близких друзей. В 1831 г. Данилевский оставил школу и с марта до 28 апреля 1831 г. прожил у Гоголя.

В 1832 г. Гоголь и Данилевский летом встретились в Толстом (имении Данилевских). Данилевский вскоре приехал в столицу, где поступил на службу в канцелярию министерства внутренних дел.

Летом 1835 г. Гоголь вместе с Данилевским ездили на родину в Полтавщину. За границу в 1836 г. Гоголь уехал вместе с А. С. Данилевским. В Ахене в первых числах июля 1836 г. друзья расстались, затем встретились в Париже в ноябре 1836 г. и не раз встречались за границей в 1837—1838 гг.

С 1841 г. наступает поворот в их отношениях. Письма Гоголя 1841—1842 гг. с упреками и наставлениями казались оскорбительными Данилевскому. Между друзьями произошло охлаждение. Переписка Гоголя с Данилевским не прекратилась, но сократилась и изменилась. Происшедшее охлаждение не мешало однако Гоголю причислять Данилевского к числу близких друзей.

В конце 1843 г. Данилевский получил место инспектора при Киевской 1-й гимназии, где служил до 1848 г. Во второй половине 1848 г. Данилевский женился на Ульяне Григорьевне Похвисневой. Гоголь давал Данилевскому и его жене задание набрасывать портреты людей, типы, которые интересуют Гоголя.

Гоголь и Данилевский встретились снова лишь в августе 1848 г. в Васильевке, а затем в Дубровном — у дяди Данилевской, А. М. Марковича. В последний раз они встретились в 1851 г., когда Данилевские долго гостили в Васильевке.

В 1856 г. Данилевский получил место директора училищ Полтавской губернии, с 1871 г. был кандидатом на мирового посредника; в 1874 г. вышел в отставку. В 1884 г. В. И. Шенрок застал его бодрым и свежим стариком, хотя и ослепшим. Он сообщил В. И. Шенроку большое количество сведений, использованных Шенроком в его „Материалах“; там же опубликовано несколько писем Данилевского к Гоголю.

34. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 33, всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 27—28; подпись — впервые в „Письмах“, IV, стр. 444.

— *Перед Зеленою неделею* — перед праздником Троицы, который в 1825 г. приходился на 18 мая.

35. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 29. Подпись и приписка — впервые в „Письмах“, IV, стр. 444.

— *Егор Ильич Бажанов* — губернский прокурор в Чернигове, близкий знакомый Гоголей-Яновских; по его совету Гоголь был отдан в нежинскую Гимназию.

— *Профессор физики и химии* — Казимир Варфоломеевич Шапалинский (р. 1786, ум. после 1843 г.), с 6 ноября 1820 г. — младший, а с 1821 г. старший профессор математических и естественных наук в нежинской Гимназии. Шапалинский исполнял обязанности директора нежинской Гимназии с октября 1826 по октябрь 1827; он был в числе наиболее передовых учителей Гимназии; по делу о „вольнодумстве“ в 1830 г. был уволен.

— *Димитрий Прокофьевич* — Трощинский (1754—1829). Начав служебную карьеру в 1773 г. „полковым писарем“, он последовательно был — секретарем у двух екатерининских вельмож, кн. Репнина и гр. Безбородко, затем статс-секретарем императрицы и членом Главного почтового правления. При Павле I Трощинский был сенатором и президентом Главного почтового правления, но в 1800 г. подвергся опале и был отставлен от службы. При Александре I в 1802—1806 гг. — был министром уделов. Выйдя в 1806 г. в отставку, Трощинский поселился у себя на родине, в Миргородском уезде, в Кибинцах. В 1811 г. он был избран губернским маршалом полтавского дворянства. В 1814—1817 гг. Трощинский вновь занимал министерский пост — на этот раз министра юстиции. С 1817 г., окончательно выйдя в отставку, Трощинский поселился безвыездно в Кибинцах. Трощинский коллекционировал предметы искусств, обладал большой библиотекой, имел свой домашний театр и т. п., но оставался надменным деспотом и крепостником. Его Кибинцы были большой крепостной вотчиной с сотнями гостей, приживалов, музыкантов, шутов и холопов. Трощинский имел в губернии больше власти и влияния, чем губернатор. Дорожа протекцией Трощинского, В. А. Гоголь всячески поддерживал с ним родственную связь. Трощинский широко пользовался разнообразными услугами В. А. Гоголя.

Первое знакомство Н. В. Гоголя с театром несомненно произошло в Кибинцах, где ему часто приходилось гостить вместе с родителями. Благодаря протекции Трощинского, Гоголь-гимназист был принят на казенное содержание (1822). При отъезде Н. В. Гоголя после окончания Гимназии в Петербург Трощинский снабдил его рекомендациями.

О Трощинском и его отношениях к В. А. Гоголю и его семье см. ⟨Ореус⟩, „Русская Старина“ 1882, № 6, стр. 640—682; С. Дурылин. „Из семейной хроники Гоголя“, М., 1928; А. А. Назаревский. Из архива Головни („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования, I“).

36. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 34; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, 29—30; заключительные слова — в „Письмах“, IV, стр. 455. Адрес письма печатается впервые.

— ... *почтение бабушке* ... — Татьяне Семеновне Гоголь.

37. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V стр. 30, заключительные слова — впервые в „Письмах“, IV, стр. 445.

— ... *г-н профессор* ... — К. В. Шапалинский, см. примеч. к письму № 35.

38. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 30—31. Подпись — впервые в „Письмах“, IV, стр. 455. Адрес письма печатается впервые.

39. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок, ошибочно датированный 1836 годом, впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 33; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 31—32; заключительные слова — впервые в „Письмах“, IV, стр. 455.

— ... *бегаю по музеум⟨ам⟩* ... — „В своих помещениях пансионеры распределялись по отделениям, которые назывались *музеями*“. (Гербель, стр. 46). Цель этого распределения воспитанников по „музеям“ состояла в предоставлении надзирателям большего удобства следить за их поведением и за приготовлением уроков.

— *курится ли винокурня?* — Винокурение было одной из крупных доходных статей Васильевки. В данном случае Гоголь интересуется начала ли работать винокурня после переоборудования. (А. Назаревский, стр. 341). О хозяйственном укладе Васильевки см. С. Дурылин „Из семейной хроники Гоголя“, М., 1928.

— *Димитрия Прокофьевича* — Трощинского. Слух оказался неверен.

— ... *занял у г. профессора* ... — вероятно, у К. В. Шапалинского (см. выше № 35).

— *Бабушка* — Т. С. Гоголь.

40. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 32—33.

— *Последнее письмо я отправил к вам на прошедшей неделе.* — Это письмо Гоголя к матери неизвестно.

— ... *Поздравление меня с именинами* ... — Гоголь был именинник 9 мая ст. ст.

— *Аврам* — крепостной М. И. Гоголь, посланный ею с письмами и продуктами в Нежин.

41. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 24—25.

Датировка письма 1825 годом у Кулиша и Шенрока основана на описке Гоголя. Мы помещаем настоящее письмо среди писем 1826 г. по очевидной связи его с письмами от 14 мая 1826 г. (обещание писать „по два раза в месяц“) и от 13 июня 1826 г. (обсуждается вопрос о шитье платья в Нежине). Кроме того, письмо явно противоречит письму от 10 июня 1825 г., где Гоголь говорит, что получил письмо от матери 3 июня (здесь же — 4 июня — жалуется на ее молчание), и упоминает о двух своих письмах: одном майском и только одном — июньском. Описка Гоголя в подлиннике исправлена — очевидно, им же.

— *Александра Федоровна* — Тимченко, молодая соседка Гоголей по имению. В письмах к матери (см. напр., №№ 62 и 105) Гоголь называет А. Ф. Тимченко „сестрицей“. См. также Шенрок „Материалы“, I, стр. 96 и IV, стр. 749; „Письма“, I, стр. 33.

42. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 34; заключительные слова — впервые в „Письмах“, IV, стр. 445.

43. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 34; заключительные строки — впервые в „Письмах“, IV, стр. 445. Адрес печатается впервые.

44. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 35—36; заключительные строки — впервые в „Письмах“, IV, стр. 455.

— *. . . ежели нужно будет фасад и план . . .* — Постройка нового дома в Васильевке осуществилась только в 1830 г. (см. № 97).

— *. . . я не застал здесь Орлая . . .* — 1 августа 1826 г. И. С. Орлай был назначен директором Ришельевского лицея в Одессе.

45. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывки впервые напечатаны в „Записках“, I, стр. 33—34, всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 36—37; подпись — впервые в „Письмах“, IV, стр. 456.

— *. . . нынешнему нашему инспектору* — Николаю Григорьевичу Белоусову (1799—1854). Белоусов в 1825 г. был назначен в нежинскую Гимназию высших наук младшим профессором юридических наук. С осени 1825 г. он начал читать курс естественного права, преподавание которого в обычных губернских гимназиях было запрещено еще

в 1824 г. В 1826 г. Белоусов был назначен инспектором Гимназии. Как инспектор он пользовался любовью студентов (Гербель, стр. 240). По доносу „старшего профессора юридических наук“ — бездарного и невежественного Билевича (от 7 мая 1827 г.) на Белоусова началось дело о „вольнодумстве“ некоторых нежинских профессоров (кроме Белоусова — Шапалинского, Ландражина, Зингера, Андрущенко, Соловьева), закончившееся не только увольнением и карами для четырех из них, но и разгромом Гимназии высших наук: в 1832 г., по приказу Николая I, она была превращена в „Лицей“ со специальным физико-математическим направлением.

К следствию по делу о „вольнодумстве“ были привлечены осенью 1827 г. и ученики. Гоголь дал показание в пользу Белоусова. 26 октября 1830 г. Белоусов „за вредное на юношество влияние“ был отстранен от должности, „с запрещением ему службы по учебному ведомству“. См. Лавровский, стр. 94—131, и Гербель, стр. 83—109; см. также: И. А. Сребницкий, Материалы для биографии Гоголя. Из архива Гимназии высших наук, „Гоголевский сборник“, 1902, стр. 304—311; В. Савва. К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук. Харьков, 1909.

— *Варвара Петровна* — Косяровская, двоюродная тетка Гоголя, дочь Петра Матвеевича Косяровского, дяди М. И. Гоголь по отцу, (см. примечание к № 64).

— *Дмитрий Прокофьевич* — Трощинский; его именины — 26 октября.

46. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 38—40; заключительные строки — в „Письмах“, IV, стр. 456.

— ... *ожидают графа* ... — попечителя Гимназии высших наук имени гр. Безбородко — графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко (1800—1855). Внук основателя Гимназии в Нежине, гр. Ильи Андреевича Безбородко (1756—1815), он был назначен ее попечителем. Участие Кушелева-Безбородко в жизни Гимназии ограничивалось пожертвованиями для библиотеки физического кабинета и т. п. и посещениями ее — обычно во время экзаменов. К 25-летию Лицея он пожертвовал в Лицей картинную галлерею (175 картин разных школ).

— ... *к самому господину Старицкому* — см. примечание к № 19.

47. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 33—34; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 40—41; подпись — впервые в „Письмах“, IV, стр. 445.

— ... *рассказ ... о пребывании у нас почетного гостя.* — Письмо М. И. Гоголь о посещении Д. П. Трощинским Васильевки до нас не дошло.

— *Агафия Матвеевна* — Лукашевич, урожденная Косяровская, сестра Анны Матвеевны Трощинской, родная тетка М. И. Гоголь по отцу, овдовев, жила вместе с Анной Матв. Трощинской в ее имении Яресках. После смерти А. М. Трощинской (1833) перешла жить к М. И. Гоголь в Васильевку (О. В. Головня, стр. 21—23).

48. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 42—43; заключительные слова и приписка — впервые в „Письмах", IV, стр. 446.

— *... директора у нас нет.* — Директором нежинской Гимназии высших наук, взамен перешедшего в Одессу И. С. Орлая, был назначен Д. Е. Ясновский (род. ок. 1767, ум. 1840); назначение это состоялось 22 января 1827 г., но вступил в исполнение обязанностей директора Ясновский только 8 октября 1827 г.

49. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 34; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 43—44; заключительные слова — впервые в „Письмах", IV, стр. 456.

О каких своих сочинениях и о каком перевороте в их „роде" говорит здесь Гоголь — остается неясным. Сочинения нежинского периода, за исключением двух стихотворений: „Акростих" („Се образ жизни нечестивой"...) и „Непогода", до нас не дошли.

50. Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии", стр. 19—21, с некоторыми сокращениями; полностью — в „Записках", I, стр. 43—45.

Автограф был снабжен припиской Высоцкого: „Получено от Николая Васильевича Гоголя сие письмо 9 февр. 1827 г. в С. Петербурге".

Об адресате письма, Герасиме Ивановиче Высоцком, сохранилось чрезвычайно мало сведений. Он был старше Гоголя на два курса и окончил Гимназию высших наук в 1826 г. О дальнейшей судьбе Высоцкого сведения крайне скудны. Известно лишь, что он служил в военной службе, а конец жизни провел в отставке, в своем поместье (Переяславского уезда Полтавской губ.), пользовался славой большого насмешника и остряка, иногда свои шутки излагал и в стихах; между прочим интересовался сочинениями по естественным наукам (П. В. Владимиров, „Из ученических лет Гоголя", Киев, 1890 г., стр. 10). Умер в начале 1870-х годов. С Гоголем он, повидимому, после 1826 г. не встречался.

— *Лукашевич*, Платон Акимович (1809—1887), — школьный приятель Гоголя, впоследствии филолог и издатель славянского фольклора.

Им издан сборник — „Малороссийские и червонорусские думы и песни“ (СПб., 1836) и написан ряд парадоксальных (в основном псевдонаучных) изысканий, вроде „Чаромутие, или священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем“. Петрьгород, 1846 г., и пр. (см. „Письма“, I, стр. 579, примеч.).

— *Данилевский* был в это время в Московском университетском пансионе.

— *Барончик, Доримончик, фон-Фонтик, Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопцики* — прозвища, данные Гоголем *Риттеру*, Михаилу Александровичу („Письма“, I, стр. 56, прим.). М. А. Риттер окончил курс Гимназии в 1829 г.; впоследствии служил по министерству финансов (Гербель, стр. CXXXII).

— *Демиров-Мышковский*, Иван Григорьевич, служил надзирателем в Гимназии высших наук с 1825 по 1826 г.

— *Батюшечка*—Волынский, Павел Иванович (1770—1839), протоиерей, преподавал „закон божий“ в Гимназии высших наук с 1821 по 1829 г. Именно Волынский признал лекции проф. Белоусова „с самым благочестием несообразными“ (Гербель, стр. 88), что и привело, в конечном счете, к удалению Белоусова из Гимназии. Иронический оттенок в упоминании о Волынском не случаен у Гоголя, — он сохраняет его и в последующих отзывах (см. № 53). По словам Данилевского, Волынский был „большой враг Гоголя“ („Письма“, I, стр. 56, примеч.).

— *Урсо*, Осип Демьянович, учитель фехтования в Гимназии высших наук с 1824 по 1835 г. (Гербель, стр. 77—78).

— *Мыгалыч* — сторож Гимназии высших наук; „чуть не околел“— очевидно, в смысле „чуть не замерз“.

— *Бодьян* — сторож.

— *Божко*, Андрей Андреевич, однокурсник Гоголя по Гимназии высших наук. Служил в Комиссариатском департаменте Военного министерства (Гербель, стр. CXXX).

— *Миллер*, Николай Николаевич, однокурсник Гоголя (Гербель, стр. CXXXI)

51. М И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 46—47.

52. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые до слов „чтоб вы провели его еще веселее“ напечатано Г. П. Данилевским в статье „Хуторок близ Диканьки“ („Московские Ведомости“ 1852, № 124); несколько полнее — в „Опыте биографии Гоголя“ стр. 27—28; полностью — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 47—48; подпись — впервые в „Письмах“, IV, стр. 456.

О театральных представлениях в Гимназии высших наук см. воспоминания товарища Гоголя К. М. Базили, который между прочим находил, что „ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль ... Гоголь“ (Шенрок, „Материалы“, I, стр. 241). Другие отзывы о Гоголе в роли Простаковой — А. С. Данилевского (Шенрок, „Материалы“, I, стр. 105), Н. В. Кукольника (С. Дурылин, Гоголь-актер, „Театр и драматургия“ 1934, V, стр. 53), И. Г. Кулжинского (Заметка о Гоголе и Шевченко, „Русский“ 1868, № 127) подтверждают исключительный успех Гоголя в этой роли. Успех Гоголя в комических ролях (Репейкин в „Хлопотуне“ А. И. Писарева, няня Василиса в „Уроке дочкам“ Крылова и др.) был так велик, что товарищи прочили Гоголю славу актера, а не писателя. Начальство Гимназии, допуская театр учащихся, требовало, чтобы в программе каждого спектакля была одна пьеса на иностранном языке, ради практики пансионеров во французском и немецком языках: этим объясняется появление в спектакле французских пьес Мольера и Флориана (1755—1794) и немецкой — Августа Коцебу (1761—1819); какие именно пьесы их игрались — неизвестно. „Неудачный примиритель или без обеду домой поеду“ — комедия в 3 действиях, в прозе, Я. Б. Княжнина (1742—1791), изданная в первый раз в 1790 г.; „Лукавин“ — комедия в 5 действиях в стихах А. И. Писарева (1803—1828), представляющая собою переделку комедии Ричарда Шеридана „Школа злословия“. Комедия Писарева поставлена впервые 23 октября 1823 г. в Москве. „Береговое право“, драма Августа Коцебу, перевел с нем. Каченовский, М., 1819.

— *... пришлите мне холста самого толстого штуки две и, ежели можно, более ...* — грубый холст в таком большом количестве (в „штуке“ считали не меньше 100 аршин) требовался Гоголю для декораций.

53. Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

Впервые опубликовано в брошюре П. В. Владимирова „Из ученических лет Гоголя“ (Киев, 1890).

— *Севрюгин*, Федор Емельянович, учитель музыки (1822 — 1838), упомянут в шуточном послании Гоголя 1837 г., рядом с профессором политических наук Билевичем и учителем фехтования Урсо.

— *„Девинье“* — одно из прозвищ Риттера; *„Лаура“* — прозвище Персидского, Константина Андреевича, учителя грамматики.

— *Магерки* — предместье Нежина. С Магерками связан ряд эротических похождений нежинских гимназистов („Москвитянин“ 1854, № 6, смесь; Восп. Артынова, „Русский Архив“ 1877, кн. III, стр. 191; Гербель, стр. 197).

— *Данилевский* был в это время в Московском благородном пансионе.

— *Спиридон* — прозвище Бороздина Федора Корниловича, школь-

ного товарища Гоголя, на которого Гоголь нарисовал карикатуру и написал акростих („Спиридон". См. „Материалы" Шенрока, I, стр. 87).

— *В Нежине теперь беспрестанные движения между греками...* — Нежинские греки пользовались рядом привилегий еще со времен Богдана Хмельницкого (см. исторический очерк И. Сребницкого „Нежин"; Гербель, стр. 11—26). Об ироническом отношении юного Гоголя к магистратским делам греков см. в плане сатиры „Нечто о Нежине или дуракам закон не писан".

— Об *Афендуле* и *Бафе* сведений нет.

— *Базиль* — Базили, Константин Михайлович (1809—1884), школьный товарищ Гоголя выпуска 1829 г., родом грек. В начале 30-х годов Базили служил по дипломатической части, с 1839 г. — консул в Сирии. Оставил ряд печатных трудов, посвященных Греции и Востоку. Дружба Базили с Гоголем началась в нежинской Гимназии; встречаем Базили и в Петербурге в кружке бывших нежинцев. О Базили см. Гербель, стр. 326—336 и VIII—IX.

— *Герард* — один из товарищей Гоголя.

— *Лопухайский* — так в шутку назван Лопушевский, Антон Васильевич (умер в 1841 г.), преподававший арифметику в Гимназии высших наук с 1823 по 1834 год; с 1830 г. преподавал также французский язык (Гербель, стр. 280—282).

— *Романович,* Николай Федорович, — товарищ Гоголя по Гимназии высших наук. Кончил курс вместе с Высоцким (в 1826 г.). Впоследствии — офицер (Гербель, стр. CXXX).

— *Садовничий,* Григорий Моисеевич — однокурсник Высоцкого (Гербель, стр. CXXX).

— *Билевич,* Михаил Васильевич, профессор политических наук с 1821 по 1833 год. Ему принадлежит донос на проф. Белоусова, в результате которого началось „дело о вольнодумстве" в Гимназии высших наук.

— *Кулжинский,* Иван Григорьевич (1803—1884). С 1825 по 1829 г. преподавал латинский яз. в Гимназии высших наук. Оставил автобиографию (см. Гербель, стр. 269—274), в которой отрицательно расценивает свои литературные произведения. Оставил также „Воспоминания учителя", в которых говорится и о Гоголе („Москвитянин" 1854, VI, смесь). О нем см. М. Сперанский. „Один из учителей Гоголя (И. Г. Кулжинский)". Нежин, 1906.

— *Шишкин,* Сила Иванович, — с 1826 по 1834 г. был помощником инспектора в Гимназии высших наук (Гербель, стр. CXXVIII).

— *Григоров,* Николай Петрович, — однокурсник Гоголя (Гербель, стр. CXXXI).

— *Кукольник,* Нестор Васильевич (1809—1868) — известный поэт-драматург и беллетрист 1830—1840-х годов. Все отзывы Гоголя о Кукольнике в ученические годы проникнуты насмешливым, скептическим

отношением. Гоголь постоянно подчеркивает склонность Кукольника к позе, к театральным эффектам (отсюда прозвище „Возвышенный", данное Гоголем Кукольнику). Ироническое отношение к Кукольнику Гоголь сохранил и впоследствии (см. № 131).

— *Николай Бороздин* — Бороздин, Николай Корнилович, брат Федора Бороздина (см. выше), окончил Гимназию высших наук в 1827 г. Впоследствии служил в министерстве иностранных дел (Гербель, стр. CXXX).

— О *Власенко* сведений не сохранилось.

— *Ванновский*, Семен Иванович. Служил в Гимназии высших наук с 1825 по 1831 год надзирателем.

— *Любич-Романович*, Василий Игнатьевич (1805—1888) — школьный товарищ Гоголя выпуска 1826 г., поэт, переводчик Байрона и Мицкевича. Служил в министерствах юстиции и иностранных дел. О нем — см. Гербель, 413—416. Его воспоминания о Гоголе (малодостоверные) записаны и опубликованы М. В. Шевляковым („Исторический Вестник" 1892, № 12).

54. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 36—37; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 48—50; заключительные слова — в „Письмах", IV, 456.

— *Екименко* — управляющий имением М. И. Гоголь.

55. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано с пропуском в статье Г. П. Данилевского „Хуторок близ Диканьки" („Московские Ведомости" 1852 г. № 124); полностью—в „Сочинениях и письмах", V, стр. 50—52.

— *... почтеннейшего дедушку ...* — Ивана Матвеевича Косяровского.

— *За Шиллера, которого я выписал из Лемберга, дал я 40 рублей.* — О страсти Гоголя к приобретению новых книг М. И. Гоголь писала А. А. Трощинскому 23 ноября 1830 г.: „Когда выйдет новая книга, по названию много обещающая, то он готов выписать ее из чужих краев, что он и делал, будучи в Нежине, из выпрошенных у меня для платья денег; после признался мне, что когда он начитает о новой книге, то дрожит как бы ее выписать скорее — и за это получил от меня реприманд. Я называю сию охоту страстью; хотя она и не постыдна, как карточная, но тоже может разорять" („Русская Старина" 1882, № 6, стр. 676). П. А. Кулиш передает со слов Н. Я. Прокоповича, что „у Гоголя скоро не стало терпения добиваться смысла в Шиллере, и что это было только минутное увлечение" („Опыт биографии", стр. 28).

56. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 52—53; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 456.

— *Какова у нас была ярмонка?* — В. А. Гоголь учредил в Васильевке ярмарку, открывавшуюся четыре раза в год. Весенняя ярмарка происходила в Васильевке перед пасхой (в 1825 году она была между 10—14 марта).

— *Театр наш покуда остановлен...* — Еще 29 января 1827 г. профессор М. В. Билевич заявил официальный протест против гимназического театра; однако спектакли состоялись. 16 апреля другой реакционный профессор, П. И. Никольский, подал в конференцию Гимназии донесение с протестом против школьного театра („Гоголевский сборник“, 1902, стр. 353—358). На этот раз Шапалинский предпочел — под давлением рапорта Никольского — отменить весеннюю серию школьных спектаклей 1827 г. Осенью 1827 г. театральные занятия нежинских гимназистов возобновились и вновь вызвали резкое нападение Билевича („Гоголевский сборник“, 1902, стр. 366—371; Гербель, стр. 56—61).

— *Уведомите меня об приезде ожидаемых гостей...* — т. е. Косяровских, Петра и Павла Петровичей и Варвары Петровны.

— *Сакен* — бар. С. К. Остен-Сакен.

57. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые с большими пропусками и с произвольным присоединением конца из другого письма (№ 58) напечатано в статье Г. П. Данилевского „Хуторок близ Диканьки“ („Московские Ведомости“, 1852, № 124); полностью — в „Записках“, I, стр. 38—39.

58. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок (последние строки — от слов: „присылайте за мной экипажец“) — впервые напечатан в статье Г. П. Данилевского „Хуторок близ Диканьки“ (см. примечание к № 57), всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 33—34.

На письме имеется дата Гоголя „1826-го года. М. июнь, число 7“. Цифру „6“ в числе года надо считать написанной по ошибке: письмо, несомненно, относится к июню 1827 г., по основаниям, указанным П. Заболотским (П. Заболотский, „Опыт обзора“, стр. 42—43).

59. Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 21—26.

— *Кляроцька* — Клара Курдюмова, сестра гувернера А. И. Амана, которая, как сообщает В. И. Шенрок со слов А. С. Данилевского,

вызывала насмешки со стороны Гоголя и его товарищей своей некрасивой наружностью. См. „Письма“, I, стр. 76.

— *Кобеляцкий,* Иван Николаевич — однокурсник Гоголя; Гимназии не окончил.

— *гальва* — халва.

— *Самойленко,* Алексей Ильич, кассир и учитель географии в Гимназии высших наук с 1823 по 1838 г.

— *Филибертиса* — дочь надзирателя Лицея, Филиберта, которая, как сообщал В. И. Шенрок со слов А. С. Данилевского, „была предметом особенных насмешек Гоголя“ („Письма“, I, стр. 77).

— *Моисеев,* Кирилл Абрамович (1790—1853), профессор истории и статистики в Гимназии высших наук. См. Гербель, стр. 287—290.

— *Евлампий* — фельдшер при гимназическом лазарете („Письма“, I, стр. 80).

60. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Вестнике Европы“ 1896, № 6, стр. 728—729.

Шенрок правильно датировал письмо 1827 годом („Письма“, I, стр. 86): по содержанию оно всецело примыкает к письмам братьям Косяровским от 13 сентября 1827 года. Как отметил А. И. Кирпичников в рецензии на „Письма“, дата „19 сентября“ — очевидная описка вместо 19 августа; ср. письма к Косяровским из Нежина (№№ 63—65), датированные самим Гоголем 13 сентября 1827 года.

— *Антону я еще дал на дорогу...* — Антон Шлапак, сопровождавший Гоголя из Васильевки в Нежин, был крепостной Гоголей-Яновских, доверенное лицо по хозяйственной части у В. А. Гоголя.

61. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 61; заключительные слова— впервые в „Письмах“, IV, стр. 446.

— *Василий Иванович Черныш* — отчим А. С. Данилевского, сосед и давний приятель родителей Гоголя.

— *...поедете в Кибинцы на свадьбу...* — см. № 63.

— *Началось ли у нас винокурение* — см. № 39.

— *Петр Петрович* и *Павел Петрович* — Косяровские. См. № 63.

— *Александр Степанович Баранов* — отец Петра Александровича Баранова, товарища Гоголя по Гимназии.

— *Елизавета Петровна* — по объяснению Анны Васильевны Гоголь, это была приживалка, по фамилии Грибоедова, жившая в доме Гоголей (В. Шенрок, „Указатель к письмам Гоголя“, 2 изд., стр. 17).

62. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 37—38; заключительные строки — впервые в „Письмах“, IV, стр. 456.

На письме Гоголем ошибочно проставлен 1826 год. Кулиш и Шенрок отнесли письмо к сентябрю 1826 г. По упоминанию о предстоящем выпуске, а также по связи с письмами от 30 августа и 13 сентября 1827 г. П. Заболотским установлено, что письмо относится к сентябрю 1827 года (П. Заболотский, „Опыт обзора“, стр. 43).

— *Елизавета Петровна* — см. письмо № 61.

63. ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 62—63.

Петр Петрович, Павел Петрович, Иван Петрович и Варвара Петровна Косяровские — небогатые помещики, двоюродные дяди и тетка Н. В. Гоголя. Отец их, Петр Матвеевич, был родным братом Ивана Матвеевича Косяровского, отца Марьи Ивановны Гоголь. Из неизданной переписки их сестры, Анны Матвеевны Трощинской (урожд. Косяровской) с сыном А. А. Трощинским узнаем, что в 1813 г. Петр Матвеевич был назначен городничим в г. Оршу; глухо упоминается затем о каком-то судебном деле, по которому он был даже в ссылке.

Дочь его Варвара Петровна (впоследствии, по мужу, Березина) воспитывалась в доме своей тетки, А. М. Трощинской, в местечке Ярески Миргородского уезда Полтавской губ. Как Варвара Петровна, так и ее братья были очень близки с семьей Гоголей (О. В. Головня, стр. 4).

Петр Петрович Косяровский поступил на военную службу в 1829 г., умер в 1849 г. в чине полковника артиллерии.

Павел Петрович Косяровский был тоже на военной службе, впоследствии был экономом Полтавского кадетского корпуса (О. В. Головня, стр. 24).

Со старшим братом, Иваном Петровичем Косяровским, автором романтических поэм „Нина“ (1826) и „Переметчик“ (1832), служившим в Петербурге, Н. В. Гоголь, повидимому, не был близок.

— *„Дорогой“* и *„Пупура“* — клички собак (см. „Письма“, I, стр. 82).

— *„Чуюцюшка“* — шутливое прозвище, данное Гоголем соседке, Ксении Федоровне Тимченко (см. „Письма“, I, стр. 82—83).

— *... княжна перерядилась в баронессу.* — Имеется в виду свадьба княжны Прасковьи Ивановны Хилковой с бароном С. К. Остен-Сакеном. Княжна П. И. Хилкова — внучка Д. П. Трощинского (дочь Надежды Дмитриевны Хилковой, его побочной дочери).

— *Елисей и Матрена Алексеевна* — как объяснила А. В. Гоголь Шенроку — Елисей Васильевич Надержинский и его жена, помещики, соседи М. И. Гоголь по имению („Письма“, I, стр. 83).

— *Петр Борисович* — приживальщик в доме М. И. Гоголь („Письма", I, стр. 83, прим. 3-е).

64. В. П. КОСЯРОВСКОЙ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 76—77. Кулиш ошибочно отнес письмо к 1828 г.: оно, несомненно, представляет собою приложение к предыдущему письму.

В конце письма Гоголь, очевидно, пародирует и передразнивает Ксению Федоровну Тимченко (она же Чцюцюшка), жалующуюся, что „Пупую" (собаку Пупуру) любят больше, чем ее и какую-то „Каяяюшку". Раскрыть смысл этих семейных шуток — невозможно.

65. ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Впервые опубликовано Н. П. Косяровским, сыном адресата, в „Русской Старине" 1876 г., № 1, стр. 40—41.

В 1825—1828 гг. Петр П. Косяровский хлопотал о поступлении на военную службу, что ему не удавалось до 1829 г. (Н. Белозерская, „М. И. Гоголь", „Русская Старина" 1887, № 3, стр. 678—679).

Кулиш утверждает, что „не любя и не зная математики", Гоголь „выписал «Математическую энциклопедию» Перевощикова, на собственные свои деньги, за то только, что она издана была в шестнадцатую долю листа", так как особенно любил издания миниатюрного формата (см. „Записки", I, стр. 28).

— ... *имперцы* — имперская армия, войско старой Германской империи, собиравшееся во время войны сословными группами („чинами" империи).

66. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 63—64; подпись — в „Письмах", IV, стр. 446.

— ... *письмо из Петербурга касательно пошитья там фрака* — очевидно, от Г. И. Высоцкого (см. № 59).

— *К Машиньке посылочку* — Гоголь послал сестре литературные новинки 1827 г.: 1) Вальтер Скотт. Владетель Островов. Поэма, М., 1827; 2) „Невский Альманах на 1827 год", изд. Е. Аладьиным, СПб., 1826, и 3) „Литературный Музеум на 1827 год Владимира Измайлова". М., 1827. См. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 355.

67. ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Впервые опубликовано Н. П. Косяровским, в „Русской Старине" 1876, № 1, стр. 41—42.

Очень важное письмо, вводящее во внутренний мир юноши-Гоголя (ср. письма к Высоцкому №№ 50 и 59, где мечты о жизни по окончании Гимназии менее определенны).

68. ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 64—67.

— *Роман Иванович* — шут Д. П. Трощинского.

— *...новость об войне.* — Речь идет о русско-турецкой войне, начавшейся в следующем 1828 году.

— *Рот,* Логгин Осипович (1780—1857), под начальством которого П. П. Косяровский предполагал служить, — ген.-лейтенант, командир 6-го пехотного корпуса; в январе 1826 г. руководил разгромом восставшего Черниговского полка. Возможно, что эпитет „проклятый“, данный Гоголем Роту, не случаен. Слово это было опущено Кулишом и Шенроком (так же как и непочтительное „дурищам“ в следующем абзаце; оговорка сделана только в „Письмах“, IV, стр. 456).

— *Федоровка* — имение помещиков Тимченко (см. примечание к № 41) в 30 верстах от Васильевки.

— *Хилков,* князь Иван Михайлович, муж дочери Д. П. Трощинского, Надежды Дмитриевны (умерла в 1817 г.).

— *Иван Ефимович* Трощинский — племянник Д. П. Трощинского (сын его брата Ефима Прокофьевича). В чине генерал-лейтенанта в 1818—1827 гг. устраивал Новомиргородские военные поселения.

— *Bibliothèque des dames* — собрание книг, предназначенных для чтения дам и девиц. Существенное показание об интересе Гоголя к описаниям путешествий и книгам по географии уже в 1827 г., а также о доступности для него в это время французских книг в подлиннике.

— *Мартос,* Алексей Иванович (1790—1842) — историк Украины. Отец его был знаком с В. А. Гоголем. Гоголь пишет о его книге „Письма о Восточной Сибири“. М., 1827. С рисунками. Книга представляет дневник путешествия зимой 1823—1824 г. Сообщает исторические сведения о завоевании и колонизации края и его населении. Особенное внимание уделяется развитию в Восточной Сибири торговли и промышленности.

— *Прохвацкий,* Карп Дементьевич — см. упоминание о нем в шутливой приписке к № 62.

— *Анна Борисовна* и *Петр Борисович* — брат и сестра, приживальщики в доме М. И. Гоголь (ср. примечание к № 61). О приживальщиках в Васильевке — см. О. В. Головня, стр. 23—24, 49—50.

69. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 67—68; подпись — впервые в „Письмах“, IV, стр. 446.

— *...постоянное занятие...,* ради которого Гоголь решил не ехать домой на рождественские каникулы 1827 г., вызвано было попыткой Гоголя в остававшееся до выпуска полугодие наверстать упущенное в ученьи (см. №№ 70, 72, 73).

— *Данилевские* — товарищ Гоголя Александр Семенович и его брат Иван Семенович.

70. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Записках“, I, стр. 40—41; полнее — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 68—69; заключительные слова — в „Письмах“, IV, стр. 456.

— *... зная наше слишком небогатое состояние* ... — Под „небогатым состоянием“ Гоголь разумеет малоденежность крепостного хозяйства М. И. Гоголь, в котором, в общем, было свыше 1000 десятин земли и около 200 мужских крепостных душ (см. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, статья А. А. Назаревского, стр. 333—335).

— *... не старайтесь сохранять для меня имения* ... — По завещанию Т. С. Гоголь-Яновской, матери В. А. Гоголя, которой принадлежала Васильевка, половина всего именья перешла в собственность Н. В. Гоголя („Памяти Гоголя“, 1902, отд. III, стр. 43—45); 23 июля 1829 г. Гоголь особою доверенностью передал свою часть имения в полное безотчетное распоряжение матери („Литературный Вестник“ 1902, I, стр. 60). См. № 89.

— *Продайте тот большой лес, который мне назначен.* — По завещанию Т. С. Гоголь, Гоголь, сверх половины имения, получил еще „лес, называемый Яворивщина“ („Памяти Гоголя“, отд. III, стр. 44).

71. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 69—70, заключительные строки — впервые в „Письмах“, IV, стр. 446.

72. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в статье В. А. Чаговца „Страничка из жизни Гоголя“ („Памяти Гоголя“, отд. III, стр. 50—58).

От письма оторван правый верхний угол и боковая (правая же) кайма донизу, — в общем около половины всей поверхности листа. В. А. Чаговец напечатал письмо с конъектурами на месте оторванной части письма. Мы сохраняем наименее спорные из них и некоторые вводим вновь.

На основании содержания письма и сопоставления его с декабрьскими письмами 1827 г. В. А. Чаговец правильно заключил, что письмо „должно быть поставлено между последним декабрьским письмом 1827 и письмом 1 марта 1828 г.“ (там же, стр. 57). Так как Гоголь говорит, что он „начал успокоиваться только с прошествием праздников“, — письмо следует отнести к началу января 1828 г.

73. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые от слов „Я не говорил никогда“ и с пропусками напечатано в „Записках“, I, стр. 52—54; полностью — в „Письмах“, I, стр. 96—98.

— *Я чувствовал, что принесу вам большое неудовольствие своею просьбою* ... — просьбами о высылке значительных сумм денег (см. №№ 70, 72).

— *Я не говорил никогда, что утерял 6 лет даром.* — Ср. № 70.

74. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 72; заключительные слова — впервые в „Письмах", IV, стр. 447.

75. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 73. Конец письма до нас не дошел.

„Частные испытания учеников по наукам" окончились в Нежинской гимназии в 1828 году 23 июня, а 25 и 28 июня состоялись публичные экзамены, после которых Гоголь мог уехать в Васильевку.

76. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 73—75, заключительные слова — впервые в „Письмах", IV, стр. 456.

Чертежи и планы неизвестного нам Кафторова понадобились Гоголю в связи с предстоящим выпускным экзаменом по „военным наукам", в частности, по полевой фортификации. Чертеж Гоголя сохранился („Гоголевский сборник", 1902, стр. 298—299).

77. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 75—76, заключительные строки — в „Письмах", IV, стр. 447.

78. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 76; подпись печатается впервые.

— *Сестру благодарю и поздравляю с новосельем* ... — М. В. Гоголь вернулась в Васильевку, окончив курс в пансионе г-жи Арендт. Указывая, что сестра одних лет с ним, Гоголь имеет в виду, что между ним и Марьей Васильевной (род. 1811) разница всего в двух годах, тогда как другие сестры были моложе его на 12, 13 и 16 лет.

79. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Письмах", I, стр. 44.

Шенрок полагал, что трудно определить время написания этого письма, и делал предположение, что оно, вероятно, было написано уже после смерти отца Гоголя, а поэтому отнес его к 1826 г. Полагаем, что

оно написано Гоголем, когда он был старше и самостоятельнее, — по всей вероятности, в 1828 году, когда Гоголь уезжал в Кременчуг на ярмарку (с 27 августа по 2 сентября).

80. ПАВЛУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 61—62; пропуск восстановлен в „Письмах", IV, стр. 456.

И Кулиш, и Шенрок ошибочно отнесли письмо к 1827 году, тогда как из сопоставления этого письма с письмами Гоголя к матери от 30 августа 1827 г. и к Павлу П. Косяровскому от 13 сентября 1827 г. очевидно, что оно написано позднее, в 1828 году, когда Гоголю не удалось повидаться со своими дядями.

По вопросу о датировке данного письма см. полемику П. Заболотского и В. И. Шенрока (Заболотский, „Опыт обзора").

— *Ятка* — род палатки или шатра.

81. ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Впервые напечатано Н. П. Косяровским в „Русской Старине" 1876 г., № 1, стр. 43—45.

Написанное среди сборов в Петербург это письмо очень важно в биографическом отношении для уяснения настроения Гоголя перед отъездом из Васильевки, когда он был озабочен материальным обеспечением матери (ср. письмо М. И. Гоголь к Петру П. Косяровскому от 16 октября 1828 г. в „Указателе" Шенрока, стр. 76).

— *...его превосходительство не благоволил приехать...* — Эта ироническая фраза относится к Д. П. Трощинскому.

— *Алчный поп от. Меркурий* — двоюродный дядя Н. В. Гоголя по отцу, Меркурий Кириллович Яновский.

82. ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Письмо Н. В. Гоголя (как и сестры его, Марьи Васильевны) является припиской к большому письму М. И. Гоголь к Петру П. Косяровскому и было впервые напечатано в „Указателе" Шенрока, стр. 74. Отрывки из письма М. И. Гоголь напечатаны там же, стр. 77 и 80.

— *Софья Александровна* — Кудрявцева, мать О. Д. Трощинской.

М. И. Гоголь возлагала большие надежды на рекомендательные письма, данные Д. П. Трощинским Н. В. Гоголю перед отъездом его в Петербург. Но уже вскоре по приезде в столицу Н. В. Гоголь разочаровался в их действенности (см. „Материалы" Шенрока, I, стр. 225—227).

83. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Письмах", I, стр. 38, где отнесено к 1825 г., когда Гоголь и Данилевский приезжали домой на рождественские

каникулы. Но общий тон письма: сборы в дальний путь (подорожная) с совместным заездом в Кибинцы — и вместе с тем возможность отложить поездку из-за погоды — говорят за декабрь 1828 г., когда Гоголь и Данилевский собирались в Петербург и по дороге заезжали в Кибинцы за рекомендательными письмами.

84. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 60—61; всё письмо—в „Сочинениях и письмах", V, 77—78; заключительные слова — в „Письмах", IV, стр. 457; приписка об адресе печатается впервые.

— *Кутузов Логгин Иванович* (1769—1845), генерал-лейтенант (с 1801 года), член Российской Академии (с 1800), писатель по вопросам морской техники и практики и по истории русского флота. С 1827 г. был председателем Ученого комитета Морского министерства. Родственник фельдмаршала князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, он в 1836 г. возражал „Критической заметкою" (СПб., 1836) на стихотворение Пушкина „Полководец" и вызвал Пушкина на „Объяснение" („Современник" 1836, IV). Д. П. Трощинский, давний приятель Л. И. Кутузова, по просьбе М. И. Гоголь, заранее писал ему о Гоголе. При самом отъезде Гоголя в Петербург Трощинский вручил ему второе рекомендательное письмо к Кутузову (Шенрок, „Указатель", стр. 44). О поступлении Гоголя на службу см. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 289—294.

Адрес первой квартиры Гоголя впервые устанавливается по данным настоящего письма. Затем Гоголь поселился в Петербурге вместе с А. С. Данилевским, в доме аптекаря Трута, на Екатерининском канале, у Кокушкина моста (Шенрок, „Материалы", I, стр. 152).

85. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано В. И. Шенроком в „Указателе", стр. 45. В собрание писем вводится впервые. Отрывок этот М. И. Гоголь приводит в своем письме к И. М. Косяровскому от 18 апреля 1829 г. Полностью письмо до нас не дошло.

Письмо Гоголя нужно датировать мартом 1829 года, — вероятно, первой половиной — по связи с другими письмами Гоголя к матери, а также с письмом М. И. Гоголь от 18 февраля 1829 г. к Петру П. Косяровскому („Я получила от Николеньки моего два письма, как он приехал в Петербург; в первом он писал, что нашел Кутузова отчаянно больным, а в другом уже хвалился его ласками, по милости благодетеля нашего". Шенрок, „Указатель", стр. 44). „Первое" письмо — это письмо от 3 января 1829 г. (№ 84), второе — написанное, повидимому, в конце января или в начале февраля 1829 года — до нас не дошло. В середине февраля М. И. Гоголь была в Кибинцах, где Д. П. Трощин-

ский говорил ей, чтобы она „не скучала нескорым его (Н. В. Гоголя) определением, потому что Кутузов выискивает для него хорошую и выгодную должность". Это мнение Трощинского М. И. Гоголь сообщила сыну в письме, посланном в Петербург еще при жизни Трощинского, который умер 26 февраля 1829 года.

Приведя в письме П. П. Косяровскому первый большой отрывок из письма сына, М. И. Гоголь прибавляет: „И я должна была опять занять и послать ему денег. Видно, что он был в самом тревожном положении, что прибавил: «Недаром я...»" (далее следует вторая, краткая, выписка из письма Гоголя). Дальнейшее содержание недошедшего до нас полностью письма Гоголя М. И. Гоголь передает в следующих выражениях: „А в конце письма несколько потешил меня, что надежда мелькнула ему, но что он не смеет еще предаваться ей и жалеет, что не взялся за сие прежде, и через то много потерял, и я не знаю, что он под этим разумеет". (В. Шенрок, „Указатель", стр. 45).

86. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывки впервые напечатаны в „Записках", I, стр. 61 — 64; всё письмо — в „Сочинениях", V, стр. 78 — 82, заключительные строки — в „Письмах", IV, стр. 457. Годовая дата устанавливается из содержания письма.

— .. *я переменил прежнюю свою квартиру* ... — В апреле 1829 года Гоголь из дома Трута на Екатерининском канале переехал на Большую Мещанскую, в дом каретника Иохима (см. письмо № 87); дом этот сохранился до нашего времени: это дом № 39 по улице Плеханова, бывш. Б. Мещанской, затем Казанской (А. Яцевич, „Пушкинский Петербург", Л., 1931, стр. 239 — 240). В доме Иохима Гоголь прожил вплоть до отъезда своего за границу в июле 1829 года.

— ... *Вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших* ... — Этой просьбой начинаются многочисленные просьбы Гоголя к матери, родным и знакомым на Украине о присылке ему всевозможных материалов по фольклору, этнографии, истории и археологии Украины.

— ... *я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка* ... — Описание наряда дьячка Гоголь получил от своего двоюродного дяди по отцу, священника Саввы Яновского из с. Олиферовки Миргородского уезда, близ Сорочинец, и выписку из его письма внес в свою „Книгу всякой всячины, или подручную энциклопедию", начатую в Нежине в 1826 году.

— ... *название точное и верное платья, носимого до времен гетманских.* — Эта просьба Гоголя была быстро исполнена его домашними. В свою „Книгу всякой всячины" он вписал две большие выписки — одну о „материях, в старину употреблявшихся в Малороссии" и другую с описанием двух старинных головных уборов — девичьего и женского; выписки помечены Гоголем: „Из письма ко мне от 4 июня

1829 года". Описанием головных женских уборов — с их „стричками" „корабликом", „сутозолотой парчой" и проч. — Гоголь воспользовался для описания наряда „дивчат" и „молодиц" в „Вечере накануне Ивана Купала".

— *Еще обстоятельное описание свадьбы...* — В „Книге всякой всячины", на листах 305—308, находится очень подробное описание украинской свадьбы с пометою Гоголя, что это — извлечение „из письма 4 мая". Описание свадебного обряда с короваем, данное в указанном „извлечении из письма", использовано Гоголем в главе I повести „Страшная месть".

— *Демьян* — крепостной М. И. Гоголь.

— *... о колядках, о Иване Купале, о русалках...* — Все эти сведения нужны были Гоголю для задуманного цикла повестей. Заметки Гоголя о „русалиях" („Зеленая неделя"), о песнях и обрядах на Ивана Купалу и о колядках находятся в его „Книге всякой всячины".

— *Дедушке* — И. М. Косяровскому. Подробности о „тяжбе" И. М. Косяровского, которую впоследствии за смертью Косяровского пришлось вести его наследнице М. И. Гоголь, рассказаны в ее „Автобиографической записке" („Русский Архив" 1902, № 4, стр. 707—709). См. также С. Дурылин, стр. 73—74.

— *... две папинькины малороссийские комедии...* — В. А. Гоголь был одним из зачинателей украинской комедии. Ему принадлежат две пьесы, написанные для домашнего театра Д. П. Трощинского в Кибинцах—„Собака-вівця" и „Простак або хитрощі жінки, перехитрені москалем". Первая из комедий, „Собака-овца", не дошла до нас; ее содержание записано П. А. Кулишом со слов М. И. Гоголь („Записки о жизни Гоголя", I, стр. 15—16); вторая пьеса — комедия в одном действии „Простак" — была впервые напечатана П. А. Кулишом („Основа" 1862, II, стр. 19—43), переиздавалась в 1872, 1882; в 1929 г. напечатана в книге „Рання українська драма", изд. Книгоспілка; год не указан; стр. 91—118). О В. А. Гоголе см. Н. И. Петров, „Очерки украинской литературы XIX ст.", Киев, 1884, стр. 77—82, 102. Намерение Гоголя одну из пьес поставить на „здешний", т. е. казенный драматический театр, не осуществилось: пьесы его отца не попали на русскую сцену. Комедии отца отразились на собственной писательской работе Гоголя. См. Н. Петров, названное сочинение, стр. 199. Кроме того, из комедий отца Гоголь заимствовал эпиграфы для „Сорочинской ярмарки" и „Майской ночи".

87. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 64; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 82—84; заключительные слова и приписка об адресе печатаются впервые.

Во всей биографической литературе о Гоголе нет ни одного факта, который бы подтверждал, что у Гоголя был „друг“, готовый доставить ему возможность „ехать в чужие краи“. А. С. Данилевский, живший с ним в Петербурге, отрицал существование такого друга („Письма“, I, стр. 121, примечание 4). Шенрок полагал, что этим рассказом „Гоголь постепенно подготовляет мать к мысли о заграничной поездке“ (там же).

— *Денег мне необходимо нужно теперь триста рублей.* — Эти деньги были нужны Гоголю на уплату в типографию А. Плюшара, где печатался „Ганц Кюхельгартен“ (вышел в свет в начале июня).

— *... прошу узнать вас ... о некоторых играх, из карточных ... из хороводных: в хрещика, в журавля.* — Описания карточных игр Гоголю могли быть нужны для игры деда в карты с чертями в „Пропавшей грамоте“. Описания игр в „панхвиля“, в „пашок“, в „семь листів“ нет в его „Книге всякой всячины“; возможно, что они не были получены и что именно потому он заменил эти игры общеизвестной игрой „в дурни“.

Судя по записям в той же „Книге всякой всячины“, Гоголем были получены лишь самые краткие описания игр в „хрещика“ и „журавля“, и описаниями этими он не воспользовался. Но под пометою „из письма 2 июня“ он внес в ту же „Книгу“ пространное описание „игры в ворона“ и этим описанием воспользовался в пятой главе „Майской ночи“.

88. К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1909 г., № 4, стр. 635.

Константин Степанович Сербинович (1796—1874) — крупный чиновник при Николае I и Александре II — свою деятельность начал с перевода „Истории Государства Российского“ Н. М. Карамзина на французский язык, являясь затем помощником Карамзина по работе над „Историей“; вскоре, однако, отошел от учено-литературной деятельности, поступив на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. В 1826 г. принимал участие в Комиссии — „о злоумышленных обществах“ по делу декабристов и в том же году (4 августа) был назначен цензором Главного цензурного комитета; с 28 апреля 1833 г. по 1856 г. состоял редактором „Журнала министерства народного просвещения“, занимая в то же время должность начальника сначала 3-го, а затем 2-го отделения Департамента народного просвещения.

Знакомство Гоголя с Сербиновичем могло состояться в 1829 году, когда Сербинович цензуровал первый печатный опыт Гоголя „Ганц Кюхельгартен“. Данная записка обращена к К. С. Сербиновичу именно как к цензору „Ганца Кюхельгартена“.

Точный выход в свет книги Гоголя неизвестен, поэтому и не представляется возможным более точно датировать письмо.

89. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Записках“, I, стр. 74 — 78.

Большой отрывок, пропущенный Кулишом (от „Что за счастье дослужиться“ до „в большом количестве“), впервые напечатан Шенроком в его статье „К вопросу о втором томе Мертвых душ“ („Почин“, сборник Общества любителей российской словесности на 1895 г., стр. 109); другой цензурный пропуск от „низко и некстати“ до „человеческие страсти“ восполнен только в „Письмах“, IV, стр. 457; заключительные слова (до пост-скриптума) там же. Полностью печатается впервые.

Из письма Гоголя к Петру П. Косяровскому от 8 сентября 1828 г. видно, что еще до приезда в Петербург у Гоголя было намеренье уехать оттуда „в чужие краи“, на „несколько лет“. Подобное же намерение высказывал Гоголь в еще более раннем письме (26 июня 1827 г.) к Г. И. Высоцкому (№ 59).

— *Везде совершенно я встречал одни неудачи* ... — Кроме неудачи планов поступления на службу, Гоголь мог иметь в виду и неудачу с изданием „Ганца Кюхельгартена“, вызвавшего отрицательные рецензии „Московского Телеграфа“ 1829, № 12, июнь, стр. 515, и „Северной Пчелы“ № 87, от 20 июля 1829 г. Как известно, в результате неуспеха книги Гоголь отобрал у книгопродавцев экземпляры своей книги и сжег их.

— *Но я видел ее* ... — Указанием на неудачную любовь Гоголь пытается представить матери новое и, повидимому, вымышленное объяснение причины, побудившей его ехать за границу („Материалы“, I, стр. 174 и 182).

— *Но вдруг получаю следуемые в Опекунский совет.* — Об этом эпизоде см. также Н. Белозерская, „М. И. Гоголь“, „Русская Старина“ 1887, № 3, стр. 687 и письмо одного из соседей Гоголей по Васильевке, В. Я. Ломикивского И. Р. Мартосу от 30 января 1830 года („Киевская Старина“ 1898, июнь — август, стр. 122).

23 июля 1829 года Гоголь „явил“ в первом департаменте гражданского суда С.-Петербургской палаты „доверенность“ на имя М. И. Гоголь, которою „вверял в полное и беспрекословное распоряжение“ ее всё свое „недвижимое имение“ („Литературный Вестник“ 1902, кн. 1, стр. 60).

— ... *пашпорт Екиму* ... — Яким Нимченко (род. ок. 1803 года) — крепостной слуга Гоголя живший при нем в Петербурге в 1829 — 1836 годах. Он был при Гоголе лакеем и поваром. После отъезда Гоголя за границу в 1836 году, Яким с женой и двумя детьми был отправлен в Васильевку и уже больше не состоял слугою при Гоголе. В своем духовном завещании Гоголь распорядился — „Якима отпустить на волю“, что и было исполнено.

— *Принося .... благодарность за ваши драгоценные известия о малороссиянах* ... — Гоголь благодарит мать за те ее письма от 4 мая и 2 июня, в которых она сообщала ему затребованные им сведения

по украинской этнографии и фольклору. Замысел „сочинения на иностранном языке“, о котором упоминает Гоголь, остается неизвестным.

— *Савва Кириллович* Яновский — священник в с. Олиферовке, двоюродный дядя Гоголя. См. примечание к № 86.

90. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывки впервые напечатаны в „Записках“, стр. 78—79; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 89—92; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 457.

— *Во всё почти время весны и лета в Петербурге я был болен* ...— Эта новая мотивировка поездки за границу, повидимому, так же, как и предыдущие, лишена твердого основания.

— *Если вы хотите, то вам стоит только приказать мне оставить Любек* ... — В письме от 17 ноября 1829 г. М. И. Гоголь писала П. П. Косяровскому: „Николай мой много занимал меня своими письмами из Германии, описывая всё, что достойно было его примечания, очень занимательно, но несмотря на то, я ему велела возвратиться в Петербург и вступить в службу“ (Шенрок. „Указатель“, стр. 75).

— *Я в Петербурге могу иметь должность* ... — В 1847 году, в фельетоне о „Выбранных местах из переписки с друзьями“, Ф. Булгарин, злорадствуя по поводу неуспеха книги, писал: „Гоголь едва ли не с первыми нами познакомился, прибыв из Малороссии, и, если б не увлекся духом партии, то, верно, послушался бы наших советов и теперь стоял бы весьма высоко“ („Северная Пчела“ 1847, № 8). После смерти Гоголя, Булгарин, желая опорочить его во мнении демократических читателей, выдвинул версию, будто при этом свидании с Гоголем он устроил ему через фон-Фока место в канцелярии III отделения“ („Северная Пчела“ 1854, № 175). Эти сообщения Булгарина послужили основанием к легенде о том, будто Гоголь в октябре — декабре 1829 г. служил в канцелярии III отделения. Легенда эта опровергается недавно найденными документами о службе Гоголя в ноябре 1829 — феврале 1830 гг. в Департаменте государственного хозяйства (см. примечание к № 93). Но, сопоставляя признание Гоголя матери, что он мог бы „иметь в Петербурге должность“, „но какие-то глупые людские предубеждения и предрассудки“ его „останавливали“, с показанием Булгарина (1847), В. В. Гиппиус, опубликовавший новонайденные документы, приходит к выводу: „Вероятно, Булгарин, действительно, предлагал Гоголю устроить его в III отделение, но Гоголь не захотел «послушаться его советов» и предпочитал воздержаться вовсе от поступления на службу... Только в покаянном письме к матери пришла ему в голову мысль, не последовать ли совету Булгарина; однако, в конце концов, мысль эта не была реализована“ („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, стр. 294).

— *Теперь представлю Вам описание Любека.* — Впечатления и наблюдения над готической архитектурой Любека пробудили в Гоголе

исключительную любовь к готике и дали материал для его статьи „Об архитектуре нынешнего времени“ (1833).

— *Из замечательных зданий преимущественно кафедральная церковь* ...— См. примечание к № 91.

91. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывки впервые напечатаны в „Записках“, I, стр. 80—82; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 93—95; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 457.

— *Я был в огромной здешней кафедральной церкви.* — Описываемая Гоголем церковь, повидимому, не Любекский собор, построенный в 1173 г. в смешанном романо-готическом стиле, а Marienkirche (церковь св. Марии), начатая постройкой в 1163 и совершенно перестроенная в 1276 и 1310 годах. Впечатление от архитектуры Marienkirche Гоголь положил в основу заключения статьи „О средних веках“ (1834). Гоголь преувеличивает древность живописи Marienkirche („700 лет“): наиболее примечательные там произведения живописи относятся к XV—XVI вв. Произведений Альбрехта Дюрера в их числе нет. Описанные Гоголем часы сделаны в начале XV в.

— *Я видел здесь комнату, принадлежавшую собранию чинов города.* — В Любекской ратуше (Rathaus, 1442—1517) сохранились две старинных залы — зала войны (XVI в.) и зала Ганзы, где собирались представители Ганзейского союза.

92. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, стр. 83; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, стр. 95—97; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 457.

Получив от сына письмо из Любека (№ 90), М. И. Гоголь, отличавшаяся мнительностью, очевидно, решила, что сыпь, о которой писал сын, есть не „следствие золотухи“, а венерическая болезнь, и в своем письме упрекнула сына в развратном поведении. Впрочем, Гоголь, забыв подробности своего письма из Любека, указывает здесь уже на совсем другую — „грудную болезнь“, которая и была, будто бы, причиной его поездки за границу.

93. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 97; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 457.

Объяснение неумеренно-восторженных выражений об А. А. Трощинском — см. в начале следующего письма (№ 94).

— *В скором времени я надеюсь определиться на службу.* — В октябре 1829 г. (точная дата неизвестна) Гоголь обратился к министру

внутренних дел А. А. Закревскому с прошением о зачислении его на службу по министерству внутренних дел. См. выше, стр. 382. Ср. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, стр. 289—294.

94. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 91—92; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 97—99; подпись и приписка об адресе — впервые в „Письмах“, IV, стр. 457.

— *Вручил незадолго перед сим одно письмо Андрею Андреевичу* — Трощинскому: см. предыдущее письмо к матери от 27 октября 1829 г.

— . . *не верьте Светличному* ... — кто разумеется под этой фамилией, — неизвестно.

— ... *нас три человека вместе стоят* ... — На квартире в доме Иохима, на Мещанской, вместе с Гоголем жили Н. Я. Прокопович и И. Г. Пащенко, его товарищи по Нежину.

— *Милая сестрица* — М. В. Гоголь.

95. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 99—100; заключительные строки — в „Письмах“, IV, стр. 457.

— ... *Вы недавно гостили у Политики* — Александр Иванович Полетика, помещик Роменского уезда, Полтавской губернии, был знаком с М. И. Гоголь по своей второй жене Екатерине Васильевне, урожденной Капнист, дочери В. В. Капниста. М. И. Гоголь гостила у Полетики в его именьи Аксютинцы, Роменского уезда.

— ... *памятник Александру* — Александровская колонна, воздвигнутая по проекту Монферрана в 1834 г.

96. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, стр. 100—102. Дом в Васильевке был построен, как желал Гоголь, с лицевым фронтоном, поддерживаемым восемью дорическими колоннами, по две вместе.

97. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 92—93; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 102—105; заключительные слова — в „Письмах“, IV, стр. 457. Год устанавливается по непосредственной связи с письмом от 5 января 1830 г.

— ... *должность* ... — служба в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий, где Гоголь служил с 15 ноября 1829 г. по 25 февраля 1830 г.

— *Жалования получаю сущую безделицу* ... — Как видно из письма Гоголя к матери от 2 апреля 1830 г., он за январь 1830 г. получил жалованья 30 рублей.

— ... *иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для гг. журналистов.* — Ко времени 2 февраля 1830 г. Гоголь напечатал

стихотворение „Италия“, без имени автора, в № 12 „Сына Отечества“ и „Северного Архива“ за 1829 год (стр. 301 — 302), и „Вечер накануне Ивана Купала“ в „Отечественных Записках“ 1830 г., книга 2, февраль; окончание было в мартовской книге. Из переводов Гоголя этого времени известно только об одном (не напечатанном) — „О торговле русских в конце XVI и начале XVII века“ (см. № 98).

— *Арендт*, — Николай Федорович (1785—1859), доктор медицины и хирургии, тайный советник, лейб-медик Николая I, лечивший Пушкина после дуэли с Дантесом. Семья Гоголя была знакома с Арендтом, так как в полтавском пансионе его матери воспитывалась старшая сестра писателя, Марья Васильевна.

— ... *стрелы, которые во множестве были находимы в Пcле.* — Кремневые, бронзовые и железные стрелы — следы борьбы древнейших и старинных обитателей левобережной Украины. На реке Пcле стояли Ярески, где у Гоголей был хутор.

Кто был упоминаемый Гоголем „вельможа“, — неизвестно. Предполагают, что это был не „вельможа“, а издатель „Отечественных Записок“, где в то время сотрудничал Гоголь, Павел Петрович Свиньин (1787—1839), бывший дипломат (1806—1813), путешественник, художник, литератор и собиратель древностей.

— *Катерина Ивановна* — Ходаревская, сестра М. И. Гоголь, см. примечание к № 98.

— ... *Турецкие посланники не нахвалятся учтивостью и ловкостью нашего садовника — форрейтора Павла.* — Речь идет о чрезвычайном турецком посольстве, посланном султаном к Николаю I, после заключения Адрианопольского мира (1829 г.). 2-го января турецкие послы были встречены в Кременчуге малороссийским губернатором, кн. Н. Г. Репниным-Волконским. Крепостному Гоголей, садовнику Павлу, пришлось исполнять роль „форрейтора“ при лошадях из Васильевки, потребовавшихся для карет посольства при проезде из Кременчуга в Полтаву. „Не нахвалятся“ и т. д. — конечно, шутка.

98. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывки впервые напечатаны в „Записках“, стр. 94—95; всё письмо — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 105 — 111; заключительные слова — впервые в „Письмах“, IV, стр. 458.

— ... *мне удалось наконец сыскать место* ... — 27 марта 1830 г. Гоголь подал прошение на имя вице-президента Департамента уделов гофмейстера Л. А. Перовского о зачислении его „в число канцелярских чиновников по 2 отделению оного“. 10-го апреля Перовский подписал назначение Гоголя на эту должность. См. выше, стр. 383, ср. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, стр. 295—306.

— ... *мои покровители* — Л. И. Голенищев-Кутузов, к которому у Гоголя было рекомендательное письмо от Д. П. Трощинского.

— ... *жалования я не получаю и 500 рублей.* — На деле Гоголь получал 600 рублей в год (см. выше).

М. И. Гоголь исполнила желание сына и 23 ноября 1830 г. послала А. А. Трощинскому письмо, в котором, перечислив денежные пособия, полученные Гоголем от Трощинского в 1829—1830 гг., пересказывала содержание письма Гоголя от 2 апреля.

— *Тетинька Катерина Ивановна* (Ходаревская) — по словам О. В. Гоголь, „хорошо пела, у нее был хороший голос. Большей частью она пела малороссийские песни. Гости всегда просили ее петь, в особенности брат любил слушать ее пение" (О. В. Головня, стр. 41). Ср. № 150.

— *Лукерья Федоровна* — повидимому, одна из сестер Тимченко. („Письма", IV, стр. 507, ср. „Письма", I, стр. 150).

— *Марья Борисовна* — сестра Петра Борисовича, упоминаемого в № 63.

— ... *посетил меня начальник мой по службе...* — Непосредственным „начальником" Гоголя был Вл. И. Панаев (см. № 99). Под прибавкою жалованья Гоголь вероятно разумел то обстоятельство, что в Департаменте уделов он стал получать 50 рублей в месяц вместо 30, получавшихся им в Министерстве внутренних дел.

— *Журнал,* который Гоголь посылал матери, — „Отечественные Записки", во втором и третьем номерах которых за 1830 г. напечатана его повесть „Вечер накануне Ивана Купала".

— ... *посылаю ... роман, подаренный мне самим автором* — роман А. Бошняка „Ягуб Скупалов" (см. примечание к письму № 103).— Перевод Гоголя „О торговле русских в конце XVI и начале XVII века", сделанный для журнала „Сына Отечества" и „Северный Архив", напечатан не был.

99. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 95—96; всё письмо с пропусками — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 111—117; пропуски указаны в „Письмах", IV, стр. 458.

— *Перовский Лев Алексеевич* (1792—1856), сын гр. А. К. Разумовского, брат писателя А. А. Перовского (Погорельского); в 1841—1852 гг.— министр внутренних дел; с 1849 г. — граф. Во время службы Гоголя Перовский занимал пост вице-президента Департамента уделов (1828—1840).

— *Панаев Владимир Иванович* (1792—1859), писатель, сентиментального направления, автор „Идиллий" (СПб., 1820) и других стихотворений, а также прозаических повестей. Занимал в 1830 г. должность начальника 2 отделения Департамента уделов; с 1832 г. до смерти был, в звании статс-секретаря, директором канцелярии Министерства двора. Покровительству Панаева Гоголь, надо думать, был обязан поступлением на службу. У М. И. Гоголь и Панаева были общие зна-

комые — семейство Шамшевых (см. письмо № 101). Впоследствии Панаев резко порицал Гоголя как писателя. (Авдотья Панаева „Воспоминания“, Л., 1927, стр. 219).

— ... *штатное место* Гоголь получил гораздо раньше: 22 июля 1830 г. состоялось определение его „помощником начальника 1 стола по 2 отделению“ с жалованьем по 750 р. в год („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, стр. 299).

— *Литературные мои занятия и участие в журналах я давно оставил.* — В апреле — ноябре 1830 г. Гоголь, действительно, не появляется в журналах, но „литературные занятия“ им в это время не были оставлены.

— ... *одна из статей моих доставила мне место, ныне мною занимаемое.* — Такою статьею была, повидимому, повесть „Вечер накануне Ивана Купала“, появившаяся во 2 и 3 книжках „Отечественных Записок“; „место“ Гоголю в Департаменте уделов она могла доставить через посредство В. И. Панаева (см. выше).

„Обширный труд“, для которого Гоголь „собирал только материалы“ и „обдумывал в тишине“,—возможно, был задуманный Гоголем исторический роман „Гетьман“.

— ... *одних однокорытников моих из Нежина до 25 человек.* — В 1830 — 1833 годах в Петербурге жили следующие „однокорытники“ Гоголя по нежинской Гимназии высших наук: К. М. Базили, Е. П. Гребенка, А. С. Данилевский, Н. В. Кукольник, В. И. Любич-Романович, П. А. Лукашевич, А. П. Мокрицкий, И. Г. Пащенко, Н. Я. Прокопович, М. А. Риттер, П. Г. Редкин. О петербургском кружке нежинцев см. воспоминания П. В. Анненкова („Литературные воспоминания“, стр. 11, 12).

— ... *посылаю вам следующий номер журнала* — т. е. апрельскую книжку „Отечественных Записок“, № 120.

— ...*Описание Полтавы господина Свиньина*...—Статья П. П. Свиньина „Полтава. Из живописного путешествия по России издателя Отечественных Записок“. В „Опыте биографии Н. В. Гоголя“, П. И. Кулиш писал: „... я знаю от Н. Я. Прокоповича, что статья «Полтава» писана Гоголем, и, может быть, только переделана издателем журнала, подобно тому, как и «Басаврюк»“ („Опыт биографии“, стр. 43). В „Записках“ Кулиш уже не повторил этого сообщения, хотя допустил перепечатку его Гербелем в „Полном списке печатных сочинений Гоголя“, приложенном к „Сочинениям и письмам Н. В. Гоголя“ 1857, т. VI.

В. В. Данилов в статье, специально посвященной этому вопросу, приводит из мемуаров П. В. Быкова следующее сообщение со слов литератора Н. Д. Мизко: „С Гоголем Мизко встретился в Полтаве и однажды Гоголь сказал ему, что собирается написать большой очерк об этом городе для Свиньина, издателя «Отечественных Записок»... При этом Гоголь раскрыл свою записную книжку и показал

в ней страничку, на которой стояло: „Полтава. Впечатления. Меньше истории, больше сведений географических. Жители. Типы. О соборе подробнее. Встречи". Однако сообщение это явно недостоверно: Н. Д. Мизко, родившемуся в 1818 г., ко времени отъезда Гоголя в Петербург было всего 10 лет. На самом деле, Гоголь и Н. Д. Мизко познакомились только в 1851 г. в Одессе („Записки" Кулиша, II, стр. 245 — 248, и „Материалы" Шенрока, IV, стр. 791—794). Этим не исключается (хотя и не может считаться доказанным) предположение В. В. Данилова, что Гоголь написал статью о Полтаве, но Свиньин „вместо статьи Гоголя напечатал свою, дополнив ее некоторыми красочными описаниями из статьи еще никому неизвестного автора" (В. Данилов, Следы творчества Н. В. Гоголя в статье П. П. Свиньина „Полтава". Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова", Л., изд. Академии Наук, 1934, стр. 39 — 44).

100. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 96; всё письмо— в „Сочинениях и письмах", V, стр. 118—119; подписи—в „Письмах", IV, стр. 448.

— *Два письма мои...* — одно из них, несомненно, письмо от 3 июня 1830; другое письмо нам неизвестно.

— *С нового года надеюсь получать 1000 рублей жалования...*— Оклад помощника столоначальника равнялся в Департаменте уделов 1200 р. в год, но Гоголю вместе со штатным местом, „на первый случай" повысили жалованье лишь до 750 р." („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 304).

101. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 120—121; заключительные слова — впервые в „Письмах", IV, стр. 448.

Гоголь жил в это время в доме Зверкова, на Екатерининском канале, у Кокушкина моста. Этот дом, законченный постройкой в 1817 году, был первым в Петербурге пятиэтажным домом (А. И. Дельвиг, „Мои воспоминания", М., 1912, т. I, стр. 152; А. Яцевич „Пушкинский Петербург", Л., 1935, стр. 262).

— *Шамшевы* — знакомые М. И. Гоголь в Полтаве.

— Осенняя выставка картин в Академии художеств имела крупный успех. Выставлены были картины А. Е. Егорова, В. К. Шебуева, копии картин Рафаэля, сделанные П. В. Басиным и К. П. Брюлловым, и пр. (См. „Северная Пчела" 1830, № 123 от 14 октября и след.)

102. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 121 — 122.

— *Кагорлык* — местечко б. Киевской губернии и уезда, принадле-

жавшее Д. П. Трощинскому и перешедшее от него по наследству А. А. Трощинскому. В местечке был винокуренный завод, мельницы, оживленные базары.

103. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 97; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 122 — 126.

— *... всё заставляет меня думать, что участь моя переменится.* — Кроме надежд на продвижение по службе, у Гоголя в конце 1830 г. увеличились надежды на литературные успехи: осенью этого года А. А. Дельвиг принял в свой альманах „Северные Цветы" — „Главу из исторического романа" (цензурное разрешение альманаха 18 декабря), тогда же приняты в „Литературную Газету" отрывок „Учитель" и статья „Несколько мыслей о преподавании детям географии" (обе статьи появились в № 1 „Литературной Газеты" за 1831, вышедшем 16 января).

— *Человека, о котором вы говорите, я довольно хорошо знаю ...* — Возможно, что этим „человеком" был троюродный брат Гоголя — Степан Меркурьевич Яновский, сын священника Меркурия Кирилловича Яновского.

— *Вы мне приписываете те сочинения, которые бы я никогда не признал своими.* — После получения от Гоголя „Отечественных Записок", где была помещена, без подписи, его повесть „Басаврюк", М. И. Гоголь принимала сочинения самых разнообразных авторов за сочинения сына.

— *... Отрывки из комедии „Светский быт" ...* — Отрывки из комедии в стихах П. П. Свиньина „Светский быт" печатались в получаемых М. И. Гоголь „Отечественных Записках" 1830 г. № 117 (январь), № 119 (март), № 121 (май). Отрывки печатались без подписи автора, что давало М. И. Гоголь возможность приписать их сыну. Комедия направлена против приверженности высшего общества ко всему иноземному. Несколько сцен той же комедии появились в том же 1830 г. в альманахе „Радуга"; сцены, помещенные в альманахе, подписаны „П. Свиньин".

— *... роман Ягуб Скупалов.* — В письме к матери от 2 апреля Гоголь, посылая ей нововышедший роман, присовокупляет, что он подарен ему „самим автором". В настоящем письме Гоголь называет этого автора: „Павел Свиньин, от которого я получил и роман Ягуб Скупалов". Но у Свиньина такого романа нет. „Ягуб Скупалов, или исправленный муж. Нравственно-сатирический роман. 4 части. Москва. 1830 года" вышел без имени автора. Автором его был Александр Карлович Бошняк (1787—1831), как свидетельствует его биограф, протоиерей М. Я. Диев (А. А. Титов, „Словарь писателей духовн. и светск. чина Костромской губ.", М., 1892, стр. 11; С. Венгеров, Критико-

биограф. словарь русских писателей и ученых, т. VI. СПб., 1897—1904, стр. 297—299). В литературе Бошняк известен своими „Дневными записками путешествия в разные области западной и полуденной России“ (2 ч., М., 1820). Но известность Бошняку дало не его писательство, а его провокаторская роль в раскрытии заговора декабристов и участие в тайном шпионаже за Пушкиным. Продолжая свою службу тайного агента в дни польского восстания 1831 г., Бошняк был убит, как признавала и официальная реляция, „за открытие в 1825 г. заговора“ (А. Титов, назв. соч.; „Алфавит декабристов“, под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л., 1925, стр. 41—42, 286; Б. Л. Модзалевский, „Пушкин под тайным надзором“, СПб., 1922, стр. 13—16).

В 1828—1829 гг., во время войны с Турцией, Бошняк занимал пост вице-президента Молдаво-Валахского дивана (совета). Нет известий, чтобы в начале 1830 г. (март) он был в Петербурге. Факт личного знакомства Гоголя с Бошняком исключается. Свиньин и на этот раз оправдал славу лжеца, упроченную за ним А. Е. Измайловым (басня „Лгун“, 1824) и А. С. Пушкиным (сказочка „Маленький лжец“, программа комедии о ревизоре), приписав себе роман Бошняка, изданный анонимно.

— *Третью же, самую глупейшую статью я принужден был теперь только прочитать нарочно.* — Подписанный под „глупейшей статьей“ псевдоним „В. Б—в“, действительно, принадлежал писателю и агроному Владимиру Павловичу Бурнашеву (1812—1888). Служа с 1828 г. в Министерстве финансов в Департаменте внешней торговли и т. д., Бурнашев был вхож в литературные круги А. Ф. Воейкова, издававшего „Литературные прибавления к Русскому Инвалиду“ (с 1830 г.), Булгарина и Греча, издателей „Северной Пчелы“ (с 1832 г.) (см. его воспоминания: „Мое знакомство с А. Ф. Воейковым“, „Русский Вестник“ 1871, тт. 95 и 96; „Четверги у Греча“, „Заря“ 1871, кн. 4). Бурнашев был знаком и с Гоголем (через нежинского товарища Гоголя, В. И. Любича-Романовича) в первые годы петербургской жизни Гоголя (данные архива *ПД*).

Возбудивший негодование Гоголя какой-то „лоскуток бумаги“, принадлежавший перу Бурнашева (так печаталось это место Кулишом и Шенроком), на самом деле есть заглавие его очерка. В № 122 „Отечественных Записок“ (июнь 1830 года), в отделе „Смеси“, находим под общим заглавием „Умористика. Катон 19 века“, три очерка: 1) „Лоскуток бумаги“, 2) „Отнятие надежды“, 3) „Объяснение“. Заключение. Подпись: „Вл. Б — в“.

Возможно, что „Лоскуток бумаги“ Бурнашева вызвал негодование Гоголя не только пошлостью тона и нелепостью содержания, но и тем, что М. И. Гоголь, признав автором „Лоскутка“ своего сына, приняла очерк за изображение жизни сына-чиновника в Петербурге. Если это так, становятся понятны следующие негодующие слова в письме Гоголя: „Буду .... столько неблагодарен, черен душою, чтобы позабыть мою

редкую мать, моих сестер...., жертвовавших для меня последним, для какой-нибудь девчонки". Эта „девчонка" — „Анета" рассказа Бурнашева, к ногам которой герой рассказа, молодой чиновник повергает денежную награду по службе.

Начиная со слов „Милая сестрица!" — следует приписка, обращенная к М. В. Гоголь.

Марья Васильевна Гоголь (1811—1844), старшая сестра Гоголя, была ближе всех сестер к нему по годам, воспитанию и по воспоминаниям детства. Упоминания М. В. Гоголь о брате в письмах к матери из Богдановки, где она училась в пансионе Арендт, отличаются неизменной сердечностью. Гоголь из Нежина посылал сестре литературные новинки. В декабре 1827 г. Гоголь предлагал матери разделить принадлежавшую ему часть имения поровну со старшей сестрой. В 1829—1831 гг. М. В. Гоголь, по поручению брата, довольно прилежно собирала и записывала для него народные песни и сказки.

104. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 97; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 126—128; подпись — в „Письмах", IV, стр. 449.

— ... *уведомить о г. Шостаке* ... — Григорий Ильич Шостак (умер после 1837 г.) приходился М. И. Гоголь двоюродным дядей по матери; служил сперва в военной службе, потом занялся откупами.

— ... *насчет дела г-жи Клименковой* ... — Марья Васильевна Клименко была помещица, знакомая М. И. Гоголь. Ее умерший муж, Клименко, член комиссии по построению храма Спасителя в Москве, был отрешен от должности за хищения, из-за которых была уничтожена и отдана под суд и самая комиссия. Еще в 1825 г. Клименко, через посредство В. А. Гоголя добившись протекции Д. П. Трощинского и Л. И. Кутузова, безрезультатно хлопотал в Петербурге о своей реабилитации (Дурылин, „Из семейной хроники", стр. 60). Решительный отказ Гоголя-сына в ходатайстве о пенсии вдове Клименко свидетельствует, что он хорошо был знаком с историей хищений „Комиссии построения". История эта отразилась впоследствии в одном из эпизодов „Мертвых душ" (том I, глава XI и „Окончание главы IX в переделанном виде").

— ... *мои обстоятельства идут чем далее, тем лучше и лучше.* — В течение января 1831 г. в „Литературной Газете" появились три статьи Гоголя, при чем под статьей „Женщина" (№ 4) впервые была подписана его фамилия. В это же время (декабрь 1830 — январь 1831) Гоголь познакомился с В. А. Жуковским и П. А. Плетневым („Записки", I, стр. 84). Плетнев предложил Гоголю место учителя истории в Патриотическом институте.

— *... места наши, слава богу, благополучны.* — Речь идет о свирепствовавшей в 1831 г. холере.

105. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывки впервые напечатаны в „Записках", I, стр. 97—98; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 129—132.

Кулиш сделал к этому письму ложное примечание, принятое на веру Шенроком: „конец письма потерян". Письмо сохранилось полностью, но последние строки письма в подлиннике густо зачеркнуты — кем неизвестно.

— *Государиня приказала читать мне в .... институте благородных девиц.* — 6 февраля 1831 г. начальница Патриотического института, основываясь на том, что „инспектор классов П. А. Плетнев, рекомендующий сего чиновника, свидетельствует об его способностях и благонадежности", возбудила ходатайство о назначении Гоголя преподавателем истории младшим воспитанницам института с жалованием в 400 р. в год. Как все женские институты, Патриотический институт находился под попечительством императрицы Александры Федоровны, утверждавшей и назначения преподавателей институтов. 9 февраля 1831 г. на ходатайство начальницы Патриотического института последовал ответ статс-секретаря Н. М. Лонгинова: „Ее императорское величество, соизволяя на сие представление, повелевает допустить г. Бюля ⟨sic!⟩ к преподаванию". (Так в подлиннике *ЛОИА.*) 10 марта 1831 г. Гоголь уже назначен „старшим учителем истории в чине титулярного советника" (Н. Белозерская, стр. 749—750, и „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 300—301).

— *Осенью поступит ко мне Екатерининский институт . . .* — Преподавание Гоголя в Екатерининском институте и еще в „двух заведениях" не осуществилось.

— *... удивлялся я уму здешних знатных дам ...* — К весне 1831 г. Гоголь, давая частные уроки, бывал в домах кн. А. В. Васильчикова, П. И. Балабина, Н. М. Лонгинова. Гоголь был в хороших отношениях с кн. А. И. Васильчиковой и В. О. Балабиной; в доме же Лонгинова, статс-секретаря, заведывавшего женскими институтами, Гоголь, как рассказывает его бывший ученик М. Н. Лонгинов, — „скоро и легко сделался коротким знакомым матушки" (М. Н. Лонгинов, „Воспоминания о Гоголе", Сочинения, том I, М. 1915, стр. 68).

— *Петр Федорович Цюревский* — помещик, ближайший сосед Гоголей по имению, родственник А. С. Данилевского. Цюревский пытался завести селитряный завод.

— *„Поляк"* — П. О. Трушковский, впоследствии муж М. В. Гоголь. Последней (впервые публикуемой) фразой письма, подсмеиваясь над увлечением сестры, Гоголь намекает на польское восстание 1831 г.

106. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Письмах“, I, стр. 173. Письмо датируется по содержанию, так как в нем упоминается П. А. Плетнев, с которым Гоголь познакомился в конце 1830 или в начале 1831 г. (см. письмо Плетнева к А. С. Пушкину от 22 февраля 1831 г.). Обстоятельства, о которых идет речь в письме, в подробностях не известны.

107. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Письмах“, I, стр. 44.

В. И. Шенрок относил записку „к тому времени, когда Гоголь и Данилевский учились вместе в Нежине и гостили летом у родных“. Однако, если принять во внимание, что имение Данилевского Семереньки находилось в 30 верстах от Васильевки, а Толстое, имение его отчима, в 6 верстах, вряд ли можно строки: „Заходи, пожалуйста, ко мне, когда выйдешь из дому“ — отнести к тому времени, когда друзья жили на родине. Датируется 1831 годом только предположительно.

108. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Письма́х“, I, стр. 177.

В. И. Шенрок относил письмо к 1831 г., когда Гоголь, только что ставший учителем Патриотического института, был занят им как новостью. Датировка предположительна.

Дом Зверкова изображает Гоголь в „Записках сумасшедшего“: „Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! а нашей братьи чиновников, как собак, один на другом сидит“.

109. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах,“ V, стр. 132; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 458.

110. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано В. И. Шенроком в „Вестнике Европы“, 1890, № 1, стр. 93—95. Дата определяется упоминанием об отъезде Данилевского из Петербурга (см. № 109).

— *Красненькой* — Прокопович, Николай Яковлевич (прозванный так за румяный цвет лица).

— *С друзьями твоими Беранжером и Близнецовым* — лиц этих, так же как и упоминаемого ниже „Сома“, Данилевский „вследствие их незначительности и за давностью лет припомнить не мог“ („Письма“, I, стр. 178, примечание 5).

— „*Беранжер*“ — очевидно, прозвище кого-то из нежинцев. Ср. в воспоминаниях П. В. Анненкова: „он дал всем своим товарищам по Нежинскому лицею и их приятелям прозвища, украсив их именами *знаменитых* французских писателей, которыми тогда восхищался весь Петербург. Тут были Гюго, Александры Дюма, Бальзаки, и даже один скромный приятель, теперь покойный, именовался София Ге“. Не был ли назван „Беранжером“ (Béranger) поэт нежинского кружка В. И. Любич-Романович?

— „*Сом*“ — по предположению В. В. Данилова — прозвище Ореста Михайловича Сомова (1793—1833), одного из первых литературных знакомых Гоголя. Беллетрист и критик, Сомов был ближайшим сотрудником Дельвига и Пушкина по „Северным Цветам“ и „Литературной Газете“, а с ноября 1830 г. — официальным издателем „Литературной Газеты“. К участию в обоих изданиях Гоголь был привлечен, вероятно, Сомовым. Об отношениях Гоголя с Сомовым см. В. В. Данилов, „Влияние бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя“. Одесса, 1909.

— *Смирдин* — известный книгопродавец и книгоиздатель А. Ф. Смирдин (1795—1857).

— *Моя книга вряд ли выйдет летом* — „Вечера на хуторе“, на которые 26 мая 1831 года было подписано цензурное разрешение.

— ... *Воин* ... — А. С. Данилевский, окончивший школу подпрапорщиков.

111. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 133. Дату письма — 27 июня — Кулиш прочитал как 27 июля; Шенрок („Письма“, I, стр. 181) колебался между 21 июля и 27 июня. Письмо, несомненно, относится к июню 1831 г. и по содержанию предшествует письму от 24 июля 1831 г.

— *Нынешние всеобщие несчастия* ...—Гоголь имеет в виду широкое распространение эпидемии холеры по России. 21—23 июня в Петербурге произошел холерный бунт, вызванный безобразным обращением властей с „простым народом“ и недоверием народа к медицинско-полицейским мерам правительства.

— *Письма адресуйте мне на имя Пушкина, в Царское Село.* — Знакомство Гоголя с Пушкиным состоялось в мае 1831 г. Об отношениях Гоголя с Пушкиным см. примечание к № 113. Пушкин поселился в Царском Селе после 25 мая 1831 г. на Колпинской улице, в доме Китаевой (И. Р. „Дом Пушкина в Царском Селе“, „Русские Ведомости“ 1910, № 23; В. Ф. Широкий, „Пушкин в Царском Селе“. Изд-во Ленобл-исполкома и Ленсовета, Л., 1936).

Гоголь, живший в Павловске в доме кн. А. И. Васильчиковой в качестве домашнего учителя, мог встречаться с Пушкиным в начале

лета в царскосельском парке (см. не вполне достоверный рассказ о этом В. А. Соллогуба в его „Воспоминаниях“) и, очевидно, попросил у него разрешения пользоваться его адресом в связи с карантинами этого времени и общей неисправностью почты. „Могли быть и побочные соображения: предвкушение эффекта, какой произведет этот адрес в Васильевке“ (Вас. Гиппиус, „Литературное общение“).

112. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 117—118; заключительные строки (до приписки) — в „Письмах“, IV, стр. 458. Кулиш отнес письмо к 1830 году; Шенрок правильно перенес письмо в 1831-й год — по содержанию: павловский адрес, упоминание о холере и пр. („Письма“, I, стр. 181).

— ... *мне скоро не удастся читать его.* — Царское Село и Павловск были отделены от Петербурга противохолерными карантинами, на которых все письма задерживались для дезинфекции.

— ... *способ лечения* ... — При полной растерянности медицины 1820—1830-х годов перед лицом холеры, в эпидемию 1831 г. были широко распространены всевозможные доморощенные рецепты для борьбы с холерой (ср. письмо Пушкина П. А. Осиповой от 11 сентября 1831 г.).

— *Данилевский*, Александр Семенович, уехав из Петербурга на Кавказ, останавливался в своем имении Семереньках, подле Васильевки Гоголя (см. № 109).

113. А. С. ПУШКИНУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1880, № 2, стр. 509.

Письма Гоголя к Пушкину — небольшая по количеству, но исключительная по значению часть эпистолярного наследия Гоголя. Долгое время изучение отношений Гоголя с Пушкиным не было критическим: версия о близкой дружбе двух великих писателей не пересматривалась, не уточнялась. Первая попытка переоценить биографическую традицию в ее выводах была сделана Н. Г. Чернышевским (Сочинения, III, стр. 341 — 342).[1] В. В. Каллашу принадлежит почин переоценки традиции с ее фактической стороны („Н. В. Гоголь в его письмах“, „Русская Мысль“ 1909, № 7). За Каллашем последовал ряд „скептиков“, пытавшихся переоценить версию о дружбе Гоголя с Пушкиным: В. Брюсов (Испепеленный, 1902); Б. Лукьяновский („Пушкин и Гоголь в их личных отношениях. Вопрос о дружбе“. Беседы, Сб. Об-ва истории литературы в Москве, I, М., 1915); А. Долинин („Пуш-

[1] Ср. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, II, стр. 527—531.

кин и Гоголь. К вопросу об их личных отношениях". Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова, ГИЗ, 1923) и др.

Однако, если отношение Гоголя к Пушкину не покрывается понятием „дружбы" в привычном смысле слова,— то значительность литературного общения Гоголя с Пушкиным от этого отнюдь не уменьшается.

В отношениях Гоголя с Пушкиным можно различать три фазы: 1) Пушкин — литературный покровитель начинающего Гоголя, 2) Пушкин —литературный советчик уже завоевавшего себе литературное имя Гоголя, 3) Гоголь — сотрудник пушкинского „Современника".

Первая фаза — от знакомства Гоголя с Пушкиным 20 мая 1831 г. на вечере у Плетнева[1] и кончая выходом в свет обеих частей „Вечеров на хуторе". Всё наиболее существенное для литературного общения писателей извлекается из их переписки этого года и из рецензии Пушкина на первую часть „Вечеров".

Вторая фаза освещается частью также перепиской Гоголя с Пушкиным, частью позднейшими воспоминаниями Гоголя („Четыре письма по поводу Мертвых душ" и „Авторская исповедь"), частью тремя записями в дневнике Пушкина: от 3 декабря 1833 г. о чтении „Повести о том как поссорился...", от 7 апреля 1834 г. („Гоголь начал по моему совету историю русской критики"— это сообщение известными нам фактами не подтверждается) и от 3 мая 1835 г. („Гоголь читал у Дашкова свою комедию"). К этому времени относится „уступка" Пушкиным Гоголю сюжета „Мертвых душ", а также начало работы Гоголя над „Ревизором" в результате рассказанных Пушкиным „анекдотов" (см. 3-ю главу назв. работы В. Гиппиуса).

Наиболее сложна последняя фаза отношений Гоголя и Пушкина — в период их сотрудничества в „Современнике". Сюда относится ряд печатных высказываний Пушкина непосредственно о Гоголе и по поводу написанного Гоголем. Эти выступления Пушкина толковались в специальной литературе различно (см. 4-ю главу названной работы В. Гиппиуса). Наиболее правильным следует признать вывод, что разногласия Пушкина с Гоголем имели не принципиальный характер, что в написанном Пушкиным „Письме к издателю" следует учесть его иронический и полемический смысл. Причиной некоторого охлаждения между Гоголем и Пушкиным, на которое намекает Гоголь в письме к Жуковскому от 16 (28) июня 1836 г., могло быть недовольство Пушкина Гоголем как рецензентом и вообще степенью его активности как сотрудника.

Но в выражении глубокого горя при вести о смерти Пушкина и в позднейших рассказах Гоголя о своей литературной близости к Пушкину (о личной близости он никогда не говорил) — нет никаких оснований видеть неискренность.

---

[1] См. В. Гиппиус, „Литературное общение", стр. 71; в аргументацию здесь вкралась, однако, ошибка: с р е д а была именно 20-го, а не 19 мая

Писем Гоголя к Пушкину сохранилось девять; писем Пушкина к Гоголю известно еще меньше — всего три. Количественная скудость переписки Гоголя с Пушкиным не удивительна, и заключать по количеству о характере их отношений (как это делал Б. Лукьяновский) — нельзя. Оба они жили в Петербурге; отношения их имели характер, прежде всего, литературный, и потребность в переписке возникала только тогда, когда для этого был конкретный повод. Тем не менее нельзя считать, что вся переписка и особенно письма Гоголя к Пушкину до нас дошли.

Факты, вызвавшие первое письмо Гоголя к Пушкину, уясняются из самого письма и из последующей переписки: Гоголь прожил лето 1831 г. в Павловске на уроке у А. М. Васильчиковой, Пушкин — в Царском Селе. Гоголь уезжал из Павловска в Петербург 15 августа с какими-то спутницами; перед отъездом он условился с Пушкиным, что заедет по дороге в Царское Село и возьмет у Пушкина посылку для передачи П. А. Плетневу. Эта посылка заключала в себе рукопись „Повестей Белкина".

— ... *большую глупость моего корреспондента* ... — О ком идет речь — неясно.

114. А. С. ПУШКИНУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве" 1880, № 2, стр. 509—511.

Правильное чтение: „поборники франц.⟨узского⟩ корана" устанавливается впервые. В первой публикации слово „корана" было опущено. Шенроком оно было неверно прочитано: „поборники франц ⟨узской⟩ короны". Письмо послано в Царское Село, где Пушкин оставался приблизительно до 20 октября. Ответ Пушкина на это письмо см. в „Письмах" Пушкина, III, стр. 44.

— ... *посылку и письмо* — посылку: рукопись „Повести Белкина", письмо — см. „Переписка Пушкина", т. II, стр. 302.

— ... *свидание с типографией* ... — Речь идет о печатании „Вечеров на хуторе близ Диканьки" в типографии Департамента народного просвещения. Пушкин дважды живо отозвался на рассказ Гоголя о фырканье наборщиков: в ответе Гоголю от 25 августа 1831 г. и по выходе „Вечеров" в свет — в письме-отзыве, помещенном в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду" 3 октября 1831 г., № 79.

— ... *писатель совершенно во вкусе черни* — ироническая формула, перефразирующая журнальные нападки на лубочную литературу, на писателей типа А. А. Орлова. Письмо писалось в тот момент, когда в портфеле „Телескопа" уже лежала полемическая статья Феофилакта Косичкина (т. е. Пушкина) — „Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов" — статья, основанная на убийственной для Булгарина иронии: на отожествлении двух „гениев" — Булгарина и Орлова. Как видно из слов: „можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина (а также из ответного письма Пушкина), статья эта была

известна Гоголю в рукописи, и в тайну пушкинского псевдонима Гоголь был посвящен. Б. Лукьяновский („Беседы", М. 1915) и А. Долинин („Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова", 1923), выступая с скептической точкой зрения на отношения двух писателей, этот факт обошли. В своем „проекте ученой критики" (по выражению Пушкина) в ответном письме (см. „Переписка Пушкина", III) — Гоголь вариирует замысел пушкинской полемической статьи, демонстрируя тем самым свою литературную солидарность с Пушкиным. Освещение этого эпизода у А. И. Кирпичникова („Сомнения и противоречия", гл. II) должно считаться отпавшим после обнаружения фактов, опровергающих клеветнические измышления Булгарина („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 288—294).

— *Александр Анфимович Орлов* (жил между 1790 и 1842 гг.) сын священника; по болезни был уволен „в светское звание". Издал до 60 отдельных книг, — преимущественно „нравственно-сатирических романов". Гоголем упомянуты в этом письме действительные произведения А. Орлова, вышедшие отдельными книжками-брошюрами: 1) „Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина. Нравственно-сатирический роман". М., 1831. 2) „Сокол был бы сокол да курица его съела, или бежавшая жена". М., 1831.

— *Надеждою Николавною* — Гоголь по ошибке назвал Наталью Николаевну Пушкину (Пушкин отвечал шуткой: „Ваша Надежда Николавна, т. е. моя Наталья Николавна" и т. д.)

— *Фаддей Венедиктович Булгарин* (1789—1859) — после разгрома декабрьского восстания 1825 г. вошел в тесный контакт с III отделением, став его прямым агентом; газета его — „Северная Пчела" — пользовалась положением правительственного официоза. Пушкин и его литературные единомышленники, осведомившись о шпионской роли Булгарина в литературе, вели с ним упорную борьбу — поскольку это было возможно в цензурных и полицейских условиях 30-х годов. (См. А. Г. Фомин. „Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов". Соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, V, стр. 451—492; Соч. Пушкина под ред. М. А. Цявловского, „Academia", 1936, т. V, стр. 605, 607—608, 650—651 и др.).

— *Бестужев-Рюмин*, Михаил Алексеевич (род. ок. 1800, ум. 1832) — издатель сатирического листка „Северный Меркурий" и др. изданий; пытался бороться с Пушкиным и его литературным окружением. Изображен Пушкиным в сценах „Альманашник" под фамилией „Бесстыдина".

115. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 134; заключительные строки — в „Письмах", IV, стр. 458.

По мнению А. И. Кирпичникова, письмо это „адресовано, конечно, не к матери... так как Гоголь говорит здесь об ней в третьем лице,

а к кому-то другому, вероятней всего, к дяде Косяровскому, который переслал или привез это письмо в Васильевку" („Сомнения и противоречия в биографии Гоголя", Известия ОРЯС, т. V, кн. 2, стр. 595). Но Кирпичникову неизвестны были заключительные строки письма, не оставляющие сомнений в адресате.

— *О болезни совсем и не слышно* — о холере.

— *Книжка*, посланная Гоголем матери — альманах „Северные Цветы на 1831 год" (цензурное разрешение — 18 декабря 1830 года), где на стр. 225—256 прозы помещена его „Глава из исторического романа", подписанная *оооо*, т. е. „четырьмя нулями", как явствует из текста настоящего письма, впервые публикуемого исправно. (Кулиш, ссылаясь на В. П. Гаевского, объяснял эту подпись как четыре буквы О, встречающиеся в имени и двойной фамилии автора. „Опыт биографии", стр. 43). Утверждение, что „издатели" (А. А. Дельвиг) получили отрывок Гоголя „давно" при письме „от неизвестного" и напечатали его без ведома автора, не может соответствовать действительности: во второй половине 1830 г. (октябрь — ноябрь) Гоголь уже начал сотрудничать в изданиях Дельвига.

116. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве" 1871, кн. 4—5, стр. 946—948. Слова „у ног вашего поэтического превосходительства" до сих пор печатались с пропуском эпитета „поэтического", чем, конечно, искажался весь смысл и тон фразы.

Переписка Гоголя с Василием Андреевичем Жуковским (1783—1852) начинается в 1831 г. и обрывается со смертью Гоголя. Сохранилось 66 писем Гоголя к Жуковскому. Познакомились они в начале 1831 г. (Гоголь „достал от кого-то рекомендательное письмо к Жуковскому"). Познакомившись с первыми произведениями Гоголя, Жуковский начинает активно покровительствовать Гоголю. Жуковский способствует сближению Гоголя с Пушкиным. Затем в течение первой половины 30-х годов Гоголь посещает субботние журфиксы Жуковского, на которых читает свои произведения. Жуковский дружески переименовывает Гоголя в „Гоголька". До 1836 г. Жуковский является посредником между Гоголем и придворными кругами, устраивает ему „подарки" и, возможно, содействует разрешению „Ревизора" к печати и постановке. В 1836 г., к моменту отъезда Гоголя за границу, Жуковский — один из самых близких литературных друзей Гоголя: с ним он делится самыми заветными творческими замыслами. Отношения приобретают несколько иной тон после просьбы Гоголя в 1837 г. о субсидии. В конце 1838 — начале 1839 г. они встречаются в Риме, и отношения их вновь упрощаются.

В середине 40 гг. дружеские отношения между Гоголем и Жуковским все более крепнут и приобретают новый характер. Развитию этой близости способствует прежде всего эволюция в мировоззрении обоих

писателей. В 40-е годы (особенно, когда Гоголь гостил у Жуковского во Франкфурте в 1845 и 1846 гг.), оба они обсуждают общие вопросы мировоззрения и вопросы философии искусства, пересматривают свои эстетические взгляды, перерабатывают свое представление о месте и назначении писателя. Такое общение способствует сближению и религиозных воззрений обоих писателей. В то же время они еще больше сближаются лично. Повидимому, в октябре 1846 г. во Франкфурте они перешли на ты.

„Выбранные места" писались при прямой поддержке Жуковского. В „Выбранные места" вошли также и письма Гоголя к Жуковскому об искусстве. Эта книга произвела на Жуковского столь сильное впечатление, что он хотел начать писать свою, которая представляла бы ответы и замечания на письма Гоголя. Однако религиозные и общественные позиции обоих писателей не были тождественны. Мистицизм Жуковского, выросший из немецкого пиэтизма, был у него связан с панславистскими идеями о провиденциальной роли России и русского самодержавия. Жуковскому, как и представителям официальной народности, был чужд самый тон проповеднического пафоса, характеризующий „Выбранные места" Гоголя. Свой взгляд на Гоголя 40-х годов Жуковский выразил в своем письме от 5 (17) марта 1852 г. к П. А. Плетневу, написанном непосредственно после известия о смерти Гоголя. (П. А. Плетнев. Сочинения и переписка, т. 3, стр. 731—733).

Посылаемая книга — 1-й том „Вечеров на хуторе", вышедший в начале сентября 1831 г.

— *Розетти* — Александра Осиповна Россет, впоследствии, в замужестве, Смирнова (1810—1882) — фрейлина императрицы, приятельница Пушкина, впоследствии — близкий друг Гоголя, автор воспоминаний о нем. См. „Записки А. О. Смирновой", изд. „Федерация", М., 1929, и „Автобиография А. О. Смирновой", изд. „Мир", М., 1930. „Записки. А. О. Смирновой", напечатанные в „Северном Вестнике" 1893—1894 гг. и вышедшие отдельным изданием в 1895 г., представляют собою фальсификацию.

— *„Окна мелом . . ."* и т. д. — стихи из „Евгения Онегина" Пушкина (гл. VI, строфа XXXII).

— *Сказка ваша уже окончена* — „Сказка о царе Берендее, его сыне Иване царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи царевны, Кощеевой дочери"; *начата другая* — „Спящая царевна"; *и Пушкин окончил свою сказку* — „Сказка о царе Салтане", оконченная 29 августа 1831 г.

117. М. И. ГОГОЛЬ и М. В. ГОГОЛЬ.

Отрывки впервые напечатаны в „Записках", I, стр. 98—99; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 134—135; подпись (перед припиской) — в „Письмах", IV, стр. 458.

— *Книжка*, которую Гоголь посылал как именинный подарок своей матери, была первая часть „Вечеров на хуторе близ Диканьки". Книга вышла в свет в начале сентября. Известий о том, чтобы при дворе читались „Вечера на хуторе", — нет, но в сообщении Гоголя о том, что его книга „понравилась государыне", нет ничего невероятного: пропагандистом и чтецом „Вечеров" в этом случае мог явиться В. А. Жуковский.

118. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 135—136, с пропусками; места, пропущенные Кулишом, напечатаны в „Письмах", IV, стр. 458—459.

— *Если бы вы знали... какие здесь превосходные заведения для девиц...* — Гоголь был озабочен воспитанием „маленьких сестриц" — Анны и Елизаветы, которым в 1831 г. исполнилось 10 и 9 лет. Он резко нападает на воспитательный и образовательный строй Полтавского института для благородных девиц. „Смольный институт" — первое в России закрытое учебное заведение для „благородных девиц", учрежденное Екатериной II в 1764 г., по проекту И. И. Бецкого.

Направляемое к отвлеченной цели создания „нового человека" по рецептам „просвещенного абсолютизма" Екатерины II, институтское воспитание на деле свелось к внедрению в воспитанниц внешнего лоска светскости, французского языка, консервативных взглядов и верноподданнических чувств. Институты — Патриотический, где Гоголь преподавал, и Екатерининский — больше удовлетворяли Гоголя, так как в них давались и практические знания. Впоследствии, когда сестры Гоголя окончили курс института, Гоголь пришел к другому заключению о воспитании, дававшемся в Патриотическом институте. („История моего знакомства", стр. 27).

— *Директор Опекунского совета мне знаком...* — Управляющим петербургской ссудной казны был почетный опекун, кн. Николай Леонтьевич Шаховской, директорами ссудной казны были А. П. Энгельсон и Г. И. Кузьминский. С кем из них был знаком Гоголь, — неизвестно.

119. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 136—137, заключительные строки в „Письмах", IV, стр. 459.

120. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 137—138; подпись печатается впервые.

Письмо М. И. Гоголь, на которое в настоящем письме отвечает ей Гоголь, было ответом на его поздравительное письмо от 19 сен-

тября 1831 г., посланное с первою книжкою „Вечеров на хуторе близ Диканьки". Получив эту книгу от сына, М. И. Гоголь ревностно распространяла ее в кругу родных и знакомых.

Андрей Андреевич Трощинский, по настоянию своей матери, Анны Матвеевны Трощинской, оказал М. И. Гоголь материальную помощь и тем помог ей уплатить проценты за заложенное имение (см. № 118) и спасти Васильевку от продажи с торгов.

121. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Записках", I, стр. 108—109, с пропуском, восстановленным в „Письмах", I, стр. 196.

— *если бы Купидо сердца не подогнало лозою* — из комедии Княжнина „Неудачный примиритель", д. III, явл. I. Ср. примечание к № 52.

— *Я обращался к здешним артисткам указать мне лучшее...* — Гоголь называет фрейлин Урусову и Россет „артистками" как любительниц музыки. С А. О. Россет в ноябре 1831 г. Гоголь был уже достаточно знаком (по всей вероятности, с июля того же года). Ср. № 116.

— *Сильфида Урусова* — фрейлина Софья Александровна Урусова (1804—1889).

Называя А. О. Россет „ласточкой", Гоголь намекает на посвященное ей стихотворение Вяземского. (П. А. Вяземский. „Полное собрание сочинений", т. IV, стр. 49).

— *Великодушная смертная* — Эмилия Александровна Клингенберг, позднее жена Арк. Павл. Шан-Гирея, двоюродного брата Лермонтова. Оставила содержательные воспоминания о Лермонтове (см. „Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова", V, изд. Акад. Наук. СПб., 1913, стр. X—XI).

— *Титов Николай Александрович* (1800—1875) — популярный композитор-дилетант, прозванный „дедушкой русского романса", но сочинявший также танцы, марши и т. п. Гоголь имеет в виду французскую кадриль (a mol) „Vieux péchés", сочиненную в 1824 г.

— *Порося мое уже давно вышло в свет.* — „Вечера на хуторе" появились в сентябре 1831 г. (письмо к Жуковскому от 10 сентября).

— *Василий Иванович совокупно с любезным зятем Егором Львовичем* — отчим Данилевского и Е. Л. Лаппо-Данилевский, женатый на сестре А. С. Данилевского, Марье Семеновне.

— *„... славы дань, кривые толки, шум и брань"*, — цитата из „Евгения Онегина" (гл. I, строфа LX). Речь идет о „Вечерах на хуторе".

— *Ольдекопов словарь* — Ольдекоп Евстафий Ив. (1786—1845), цензор, переводчик; был также издателем карманных немецко-русских и французско-русских словарей.

— *Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице.* — Кулиш пропустил эти строки по цензурным соображениям. В. И. Шенрок полагал, что „речь касается, очевидно, ужасов холеры, в шутку названных страшным словом «терроризм»“ („Материалы“, I, стр. 353, и „Письма“, I, стр. 196). На самом деле Гоголь не шутил: в июне 1831 г. в Петербурге был холерный бунт (см. примечание к № 111); во время бунта были разнесены до основания три больницы; мятеж был подавлен вооруженной силой. (См. Вас. Гиппиус, „Литературное общение“, стр. 73.) В Новгороде и Старой Руссе вспыхнули вслед за тем восстания в военных поселениях.

— *Почти каждый день собирались мы: Жуковский, Пушкин и я.* — См. Вас. Гиппиус, „Литературное общение“, стр. 75.

— *У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка.* — Гоголь имеет в виду „Домик в Коломне“, оконченный 10 октября 1830 г. в Болдине.

— *Одна* (сказка) *писана даже без размера только с рифмами.* — „Сказка о попе и работнике его Балде“.

— *У Жуковского тоже русские народные сказки ... А какая бездна новых баллад.* — Творчество Жуковского, мало продуктивное в 20-х годах (см. в письме Пушкина к брату от 13 июня 1824 г.: „Славный был покойник“ и т. д.), — оживилось начиная именно с 1831 г. О сказках Жуковского см. № 116. Тогда же возобновилось балладное творчество Жуковского, появился ряд переводов из Шиллера, Уланда, Саути („Кубок“, „Поликратов перстень“, „Жалоба Цереры“, „Адельстан“, „Суд божий над епископом“ и др.). В том же году вышли „Баллады и повести“ Жуковского в двух частях (2-е изд. — в одной части).

122. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 140—141; заключительные строки (перед припиской) — в „Письмах“, IV, стр. 459.

— *Домна Матвеевна* — Косяровская, тетка М. И. Гоголь.

— *Олимпиада Федоровна* — Тимченко, сестра много раз упоминаемой в письмах Гоголя „сестрицы Александры Федоровны“.

— *... дедушке нанесена неприятность ...* — Косяровский имел на каком-то должнике 6000 руб. долгу с наросшими на него процентами. Завелось длительное тяжебное дело о взыскании денег с должника в пользу Косяровского, а затем — его наследников. (М. И. Гоголь, Автобиографическая записка. „Русский Архив“ 1902, кн. 7, стр. 709).

123. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 141—142.

124. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано (с пропуском слов „Проклятые почты!") — в „Записках", I, стр. 110—111.

— Альманах „Северные Цветы" на 1832 г. был издан по инициативе Пушкина, в память умершего в 1831 г. А. А. Дельвига, издателя „Северных Цветов" с 1825 по 1831 г., и в пользу братьев Дельвига.

— Альманах „Альциона" издавался бар. Е. Ф. Розеном. В нем принимали участие Вяземский, Шевырев, В. Одоевский, О. Сомов и др.

— „Невский Альманах" издавался Е. Аладьиным с 1825 по 1833 г.

— *Тут найдешь Языкова...* — Языков напечатал в „Северных Цветах" на 1832 год следующие стихотворения: „Песня" („Он был поэт: беспечными глазами..."), „Им", „Бессонница", „К—е К—е Я—ъ" (т. е. „Каролине Карловне Яниш": „Вы, чьей душе во цвете лучших лет..."), „И. В. К." (т. е. И. В. Киреевскому — „Щеки нежно пурпуровы..."), „А. А. Дельвигу" („Там, где картинно обгибая...").

Кроме указанных Гоголем произведений Пушкина („Моцарт и Сальери" и „Делибаш"), в „Северных Цветах" были помещены его „Анфологические эпиграммы" („Царскосельская статуя", „Отрок", „Рифма", „Труд"), затем „Эхо", „Анчар", „Бесы", „Дорожные жалобы".

— *Жуковского Змия* — „Сражение со змеем".

— *Что тебе сказать о наших?* — т. е. о нежинцах: Н. Я. Прокоповиче, Пащенке, Мокрицком.

— *Я читал и рекомендацию ей от Булгарина...* — В „Северной Пчеле" (1831, № 219 и 220) была помещена сдержанно-поощрительная рецензия на „Вечера", подписанная В. и принадлежавшая, вероятно, В. А. Ушакову.

125. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 144, заключительные слова — впервые в „Письмах" IV, стр. 449.

— О знакомстве Гоголя с кн. Александром Николаевичем *Голицыным* (1773—1844), занимавшим при Николае I пост главноуправляющего почтовым департаментом, — ничего неизвестно. Возможно, что Гоголь просто решил припугнуть полтавского почтмейстера.

— *Булгаков* Константин Яковлевич (1782—1835) — был в 1832 г. петербургским почт-директором и директором почтового департамента. Гоголь встречался с Булгаковым у В. А. Жуковского.

— *Очень рад, что сестре открывается такая хорошая партия.* — Речь идет о замужестве М. В. Гоголь, вышедшей в начале 1832 г. за П. О. Трушковского. „Хорошей партией" Гоголь мог называть брак М. В. Гоголь в смысле „удачного брака", но не в обычном смысле „выгодного брака": Трушковский не был состоятельным человеком.

126. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 144—146; заключительные строки — впервые в „Письмах“, IV, стр. 459.

— *...кончик моей фамилии, я не знаю, где делся.* — Прапрадед Гоголя, священник Иоанн в городе Лубнах, носил прозвище Яновский. В „уставной грамоте“ 1731 г. его сын, священник Дамиан (Демьян), именуется просто „Дамианом Иоанновичем“. Старший сын его, священник Кирилл, умерший в 1797 г., — именовался Яновским. Второй сын, Афанасий, — дед Гоголя — уже именовал себя „Гоголем-Яновским“. Эта прибавка „Гоголя“ отсутствует в старшей линии потомков лубенского священника Ивана Яновского. Сам писатель долго подписывает свои письма фамилией с родовым „Яновский“: „Гоголь-Яновский“. Приписка к сестре, Марье Васильевне, в письме к матери от 1 сентября 1830 г. и письмо к матери от 29 сентября того же года подписаны еще: „Н. Гоголь-Яновский“. Письмо к матери от 10 февраля 1831 г. подписано: „Н. Гоголь“ и дальше всюду уже следует под письмами — „Н. Гоголь“.

— *Варвара Семеновна* — няня младших сестер Гоголя.

127. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропуском) в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 146—147; пропущенные строки — в „Письмах“, IV, стр. 459.

— *... письмо мое от 7-го, кажется, февраля* — на самом деле, от 6 февраля. См. № 126.

128. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 147—148; подпись — впервые в „Письмах“, IV, стр. 459.

— *... Вы столько хлопочете о Багреневе* — Александр Алексеевич Фролов-Багреев (1785—1845) в 1826—1834 гг. занимал должность управляющего Государственного заемного банка; был помещиком Полтавской губ.

— *у Кочубея.* — О В. П. Кочубее см. примечание к № 171. Кулиш и Шенрок ошибочно печатали: „у Кутузова“.

— *Зеленецкая* — Варвара Степановна, по словам А. В. Гоголь, была соседка их (Шенрок, „Письма“, I, стр. 206).

В печатном тексте и в копии Кулиша читается: „Патриотический институт... в котором я не служу“. Предполагаем описку в копии и исправляем ее, считая невероятным предположение Шенрока, что Гоголь „отрекся“ от этого факта („Письма“, I, стр. 206).

129. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Записках“, I, стр. 112.

— *... северная повелительница моего южного сердца* ... — О ком идет речь—неизвестно.

130. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 149—150. Подпись печатается впервые.

131. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Записках“, I, стр. 113—114.

— *Руч* — модный петербургский портной. В первоначальной редакции „Ревизора“: „Ведь Руч работал — вот что важно“.

— *„Возвышенный“* — Кукольник Нестор Васильевич (см. примечание к № 53). Кукольник был автором многих исторических драм, в том числе драмы официозно-патриотического направления „Рука всевышнего отечество спасла“; за критику этой драмы был в 1834 г. закрыт „Московский Телеграф“ Полевого. Стилем и направлением драм Кукольника объясняется и прозвище „Возвышенный“, данное вероятно, как и большинство прозвищ нежинцев, — Гоголем. В письме речь идет о драме Кукольника „Торквато Тассо“ (1832; первое представление 27 сентября 1833 г.).

— *С паном Платоном* — братом Н. В. Кукольника.

— *Пеликан* — врач.

— *„Красненькой“* — Н. Я. Прокопович. Как сообщает Н. В. Гербель, Прокопович „стал посещать Театральное училище — и дело уже доходило до того, что он являлся на сцене в незначительных ролях... Что было причиной оставления им сцены — неизвестно“ (Гербель, стр. 425).

132. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 153. Большой пропуск в тексте письма, сделанный Кулишом, восстановлен в „Письмах“, IV, стр. 459—460. Подпись печатается впервые.

— *... об ответе Андрея Андреевича* — Трощинского; он не сочувствовал предполагаемому браку М. В. Гоголь с П. О. Трушковским, повидимому, из-за польского происхождения жениха.

— *Я очень одобряю на этот раз суеверие бабушек* ... — Гоголь имеет в виду примету „кто женится в *мае*, тот весь век будет *маяться*“. Как видно из всего текста письма, Гоголь стоит за брак сестры в апреле — отнюдь не из суеверных соображений.

— Слух о выходе замуж Александры Федоровны „Тимченковой“ (Тимченко) за Неженцова не оправдался.

— Кто был Николай Осипович — не выяснено.

133. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Записках“, I, стр. 115.

134. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 154—155; подпись — впервые в „Письмах“, IV, стр. 449.

— *Алексей Васильевич* — Капнист (1796 — 1869), сын В. В. Капниста и наследник имения Обуховка. Служил сначала в л.-гв. Измайловском, затем в Воронежском пех. полку; был членом Союза Благоденствия. В 1826 г. арестован по делу Южного общества декабристов; после недолгого заключения в Петропавловской крепости освобожден; с 1827 г. в отставке; с 1829 г. — миргородский уездный предводитель дворянства. Об отношениях Гоголей с семьей Капнистов см. примечание к № 19.

135. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 155; заключительные строки перед припиской — в „Письмах“, IV, стр. 449. Годовая дата определяется по связи с письмом № 130.

136. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 132—133; заключительные строки — в „Письмах“, IV, стр. 450.

Письмо было ошибочно отнесено Кулишом и Шенроком к 1831 г. На даче, на Поклонной горе, Гоголь жил в июне месяце именно в 1832 г., и именно в июне 1832 г. собирался через месяц быть в Васильевке (что и исполнил). О датировке письма см. А. И. Кирпичников „Сомнения и противоречия в биографии Гоголя“ — Известия ОРЯС, т. V, кн. 2, стр. 593—594.

137. Н. М. ЛОНГИНОВУ.

Впервые напечатано Н. А. Белозерской в „Русской Старине“ 1887 г., № 12, стр. 750.

— *Лонгинов, Николай Михайлович* (1775—1853) — статс-секретарь по учреждениям ведомства императрицы Марии, и тем самым главный начальник Гоголя как учителя Патриотического института; впоследствии — член Государственного совета и сенатор. Знакомство Гоголя с Лонгиновым началось еще в 1831 г., когда Гоголь был домашним учителем детей Лонгинова. (См. воспоминания М. Н. Лонгинова в „Современнике“ 1854, № 3).

Прошением на имя начальницы института, а одновременно с этим и письмом Н. М. Лонгинову, от 9 июня, Гоголь начал хлопотать

об отпуске. 10 июня 1832 г. начальница института подала об этом докладную записку Н. М. Лонгинову, на которую последовала резолюция от 13 июня 1832 г. об увольнении Гоголя в отпуск (Н. Белозерская, стр. 744).

138. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Записках", I, стр. 115—116; приписка — в „Письмах", I, стр. 215.

— *Счастлив ты в прелестных ... Ты Сенпри в карикатурах.* — Гоголь цитирует первую строфу эпиграммы Пушкина (на неизвестное лицо):

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St. Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах.

Эпиграмма впервые напечатана в „Северных Цветах на 1830 г.". Сенпри (St. Priest) — гр. Эммануил Карлович (1803—1828), сын французского эмигранта, был известен своими карикатурами, до нас не дошедшими. (См. о нем: А. О. Смирнова „Автобиография", „Мир", М., 1930, стр. 237—238).

139. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 156 — 157; подпись — впервые в „Письмах", IV, стр. 450.

— *Товарищ мой* — Гоголь ехал в Москву вместе с Андреем Андреевичем Божко (см. о нем в №№ 50 и 53).

140. Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ.

Отрывки из этого письма впервые напечатаны Н. В. Гербелем в статье „Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю" („Современник" 1858, т. 67, стр. 274 —275); полнее в „Русском Слове" 1859, № 1, стр. 85 — 86; полностью письмо напечатано Е. В. Петуховым („Письма Н. В. Гоголя к Н. Я. Прокоповичу", Киев 1895, стр. 1 — 2). На подлиннике сохранилась карандашная помета Прокоповича: „Очень раннее, но не помню года". Год устанавливается по связи с другими письмами — 1832 г. Всего писем Гоголя к Н. Я. Прокоповичу 34, из них 32 хранятся в Библиотеке Академии Наук УССР. Повидимому, далеко не все письма Гоголя к Прокоповичу сохранились.

— *Прокопович Николай Яковлевич* (1810—1857) — школьный товарищ и один из ближайших друзей Гоголя. Кроме краткого некролога „СПб. Ведомостей" за 1857 г., № 130, биографические сведения о нем находим у Н. В. Гербеля (в „Современнике" 1858, кн. 1— „Н. Я. Прокопович и отношения его к Гоголю", ср. Гербель, стр. 423—428).

Литературное наследие Прокоповича — несколько баллад, сказок и „мелких стихотворений"— обнаруживает лишь более или менее удач-

ные перепевы мотивов Жуковского, Пушкина и некоторых других поэтов.

Необходимо подчеркнуть близость Прокоповича к Белинскому. В письмах Белинского 40-х годов не раз встречается имя Прокоповича, причем мы видим, что Прокопович посвящал Белинского в некоторые письма Гоголя, а Белинский обнаруживал заботливость о материальном положении вечно нуждавшегося Прокоповича. Для уяснения отношений Прокоповича к Белинскому большое значение имеют также неоднократные поручения Гоголя Прокоповичу относительно Белинского, предполагающие значительную близость Прокоповича и Белинского; особенно важно письмо Прокоповича к Гоголю от 27 июня 1847 г., где Прокопович подчеркивает, что знает Белинского *давно*, и дает оценку его отзыва о „Выбранных местах из переписки с друзьями". Гоголь давал Прокоповичу самые разнообразные поручения — от мелких бытовых до ответственных литературных. Переписка их становится особенно оживленной и богатой данными для истории творчества Гоголя с 1842 г.— в связи с печатанием „Мертвых душ", а затем первого издания сочинений Гоголя; редактором этого издания по поручению Гоголя был Прокопович. Гоголь остался неудовлетворен работой Прокоповича; этим, возможно, объясняется перерыв в их переписке с 1843 по 1847 г. Последующие письма Прокоповича обнаруживают самостоятельность его суждений при неизменном чувстве глубокой привязанности к другу своего детства (см. особенно его письмо к Гоголю от 12 мая 1847 г.). См. Е. Петухов „Письма Гоголя к Прокоповичу", 2 изд., К., 1895; здесь приведены и письма Прокоповича к Гоголю.

— *... приехать с братом...* — Речь идет о Василии, младшем брате Прокоповича, окончившем нежинскую Гимназию высших наук в 1832 г.

141. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине" 1855 г., № 19 — 20 (октябрь), стр. 1 — 2.

— *Погодин, Михаил Петрович* (1800 — 1875) — историк, беллетрист, критик и публицист, с 1825 г. преподаватель, а с 1833 г. профессор Московского университета по кафедре русской истории, редактор „Московского Вестника" (1827 — 1830) и „Москвитянина" (1841 — 1856). В 20 — 30-х годах тесно связан с Пушкиным и кругом его литературных друзей. С конца 30-х годов Погодин эволюционировал в сторону реакции и вместе с С. П. Шевыревым стал апологетом „православия, самодержавия и народности", ожесточенным врагом В. Г. Белинского и всей прогрессивной общественности 40 — 50-х годов.

Личное знакомство Гоголя с Погодиным состоялось в Москве в начале июля 1832 г. и закрепилось дальнейшими дружескими встречами и перепиской.

Период наибольшей близости Гоголя и Погодина — годы 1832 — 1840. Гоголь ценил Погодина как опытного литератора, педагога и сведущего историка. Особенно часто он обращался за его советами в пору преподавательской деятельности и своих занятий историей.

Охлаждение, а затем и обострение отношений Гоголя с Погодиным началось с той поры, когда Погодин стал редактором-издателем „Москвитянина". Настойчивые попытки Погодина привлечь Гоголя к активному участию в этом журнале не имели успеха. В „Москвитянине" напечатаны были только „Дополнительные сцены к Ревизору" (1841, № 4 — 6), начало рецензии на альманах „Утренняя Заря" (1842, № 1) и „Рим" (1842, № 3).

В „Выбранных местах из переписки с друзьями" Гоголь дал резко-отрицательную характеристику облика Погодина как писателя-публициста (см. гл. IV „О том, что такое слово"). Признав впоследствии тактическую недопустимость этой характеристики, Гоголь, тем не менее, отстаивал ее правоту по существу. Задуманная для второго издания „Выбранных мест" статья „О достоинстве сочинений и литературных трудов Погодина" осуществлена не была.

Обширный материал по истории взаимоотношений Гоголя и Погодина см. в работе Н. П. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина"; см. также очерк А. Кирпичникова „М. П. Погодин и Н. В. Гоголь" в „Русской Старине" 1901, № 1, стр. 79 — 96.

М. П. Погодин утверждал („Москвитянин" 1854, № 13, стр. 36, прим.), что в его распоряжении находится до 200 писем Гоголя к нему. В настоящее время, однако, известно лишь 89 писем и записок. Большая часть писем опубликована впервые еще самим Погодиным в „Москвитянине" 1855 г. (№ 19—20, октябрь, кн. 1 и 2, стр. 1 — 32).

Настоящее письмо является первым дошедшим до нас письмом Гоголя к М. П. Погодину. Гоголь познакомился с М. П. Погодиным и другими московскими литераторами (И. И. Дмитриевым, С. Т. Аксаковым, И. В. Киреевским и др.) в первых числах июля 1832 г., в пору своего посещения Москвы, — проездом на Украину. М. П. Погодин в своем дневнике записал под 11 июня — 7 июля 1832 г. „Познакомился с рудым пасечником Гоголем-Яновским и имел случай сделать ему много одолжения. Говорил с ним о малорос. истории и проч. — Большая надежда, если восстановится его здоровье. Он рассказал мне много чудес о своем курсе истории в Педаг. ⟨sic!⟩ инст. женском с. петерб. (Из его воспитанниц нет ни одной не успевшей)" (Н. Барсуков. „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. IV, стр 114: цитируем по подлиннику).

— „*Клариса Гарлоу*" („Clarisse Harlowe", 1748) — знаменитый роман в письмах Ричардсона. Не зная английского языка, Гоголь читал Ричардсона либо в русском, либо — скорее всего — во французском переводе.

142. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855. № 19 — 20 (октябрь), стр. 2 — 4.

— *Дядьковский И. Е.* (1784 — 1841) — знаменитый московский врач, профессор Московского университета, очевидно рекомендованный Гоголю Погодиным.

143. И. И. ДМИТРИЕВУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1866, № 11—12, стр. 1726 — 1728.

— *Дмитриев Иван Иванович* (1760 — 1837) — в 1832 г. был в стороне от литературной жизни; видный в свое время государственный деятель, он с 1814 г. был в отставке.

Обстоятельства знакомства Гоголя с Дмитриевым неизвестны: вероятно, проездом через Москву, Гоголь сам решил представиться Дмитриеву как знаменитому поэту и преподнести ему экземпляр „Вечеров“.

— *Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным...* — Гоголь, очевидно, имеет в виду идиллическое описание усадебной жизни в очерке Карамзина „Деревня“ (1792).

144. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19 — 20 (октябрь), стр. 4.

145. ПЕТРУ П. КОСЯРОВСКОМУ.

Впервые напечатано Н. П. Косяровским в „Русской Старине“ 1876 г. (№ 1, стр. 45). Датировано письмо только числом месяца. Шенрок, вслед за Н. П. Косяровским, ошибочно отнес его к 1828 г. Ошибка Шенрока, указанная П. Заболотским („Опыт обзора“, стр. 39, прим. 4), явствует уже из сравнения этого письма с письмом Гоголя к Пет. П. Косяровскому от 8 сентября 1828 г. Затем из писем М. И. Гоголь к Петру П. Косяровскому (см. копии их в *ПД*) видно, что в августе и сентябре 1828 г. Петр П. Косяровский в Васильевке не был, тогда как в данном письме говорится о только что происшедшей разлуке; кроме того, Гоголь упоминает об *определенном* петербургском адресе. Уточняя соображения Заболотского, можно датировать письмо именно 1832 годом, когда Гоголь впервые приехал на родину из Петербурга: во второй свой приезд, в 1835 г., Гоголь 2-го сентября был уже в Петербурге. Шенрок („Опыт обзора“, стр. 75—76), на основании недошедшего до нас письма Гоголя к Плетневу от 11 сентября 1832 г., возражает П. Заболотскому ссылкой на сообщение Гоголя о том, что сестры его больны корью, что̀ задерживает его возвращение в Петербург,

в письме же к дяде от 9 сентября нет даже упоминания об этой болезни. На самом деле сестры Гоголя болели корью зимою 1829—1830 гг. (см. копию письма М. И. Гоголь к Петру П. Косяровскому от 12 января 1830 г. в *ПД*), и сообщение Гоголя Плетневу о болезни сестер было, повидимому, только предлогом задержаться на родине.

Петр Петрович Косяровский отличался слабым здоровьем, отчего родственники не советовали ему итти на военную службу.

Приписка в конце письма сделана Марьей Ивановной Гоголь.

146. И. И. ДМИТРИЕВУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве" 1866, № 11—12, стр. 1728—1729.

Недошедшее до нас письмо Дмитриева, о котором пишет Гоголь (*„Необыкновенно приятно изумило меня письмо ваше . . ."*) было ответом на письмо Гоголя от конца июля 1832 г. (см. № 143).

—*Рад, что вам понравились мои несовершенные начатки . . .*—Речь идет о „Вечерах на хуторе близ Диканьки", которые он преподнес Дмитриеву в Москве (см. № 143).

147. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Впервые напечатано К. Я. Гротом в „Известиях ОРЯС", 1900, т. V, кн. 1, стр. 263—264.

— *Плетнев, Петр Александрович* (1792—1865), поэт и литературный критик, в 1832 г. занял кафедру русской словесности Петербургского университета, с 1840 по 1861 г. состоял ректором этого же университета; в 1841 г. был избран академиком.

С Плетневым Гоголь познакомился в 1830 г. (Гоголь был ему рекомендован Жуковским). Сохранилось 66 писем Гоголя к Плетневу (1832—1851). Переписка между Гоголем и Плетневым относится главным образом к годам жизни Гоголя за границей, причем до 1842 г. Гоголь пишет Плетневу редко, и содержание его писем имеет в этот период преимущественно деловой характер. В 1842 г., в связи с печатанием „Мертвых душ", переписка оживляется. Более тесное сближение между Гоголем и Плетневым относится к 1844 г. Это сближение надо поставить в связь с политической эволюцией и Плетнева, и Гоголя. В сороковые годы Плетнев всё более эволюционирует вправо. Либеральные тенденции, которыми отмечено было начало его литературной деятельности, уступают место воинствующему консерватизму. Верноподданническое „благомыслие" становится основой его мировоззрения. Плетнев пытается оказать на Гоголя идеологическое давление и частично достигает этого. К периоду работы над „Выбранными местами из переписки" (1846 г.) Гоголь смотрит на Плетнева как на своего прямого единомышленника и поручает ему строго законспирированное печатание этой книги.

В Курске Гоголь был проездом на обратном пути из Васильевки в Петербург.

— *В последнем письме моем* ... — письмо Гоголя к Плетневу от 11 сентября 1832 г. до нас не дошло.

— *Сестры .... заболели корью.* — См. примечание к № 145.

Письма Плетнева к Гоголю напечатаны в „Русском Вестнике" 1890, № 11, в „Известиях ОРЯС", 1900, т. V, кн. 1, и в сборнике „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 130—131.

Об отношениях Плетнева к Гоголю см.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, ред. Я. К. Грота, СПб., 1885, 3 тома; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, СПб., 1896, 3 тома; Шенрок. „Материалы" (по указателю). В. А. Каминский. Гоголь и Плетнев. „Известия ОРЯС", 1912, т. XVII, кн. 2.

148. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 160; подпись печатается впервые.

149. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 160—161, заключительные слова — впервые в „Письмах", IV, стр. 450. Годовая дата устанавливается по связи с письмом от 10 октября 1832 г. (№ 148), писанным по дороге из Васильевки в Москву.

— *Москва так же радушно приняла меня, как и прежде* ... — Во время первого пребывания Гоголя в Москве в июне—июле 1832 г. у него завязались дружеские отношения с С. Т. Аксаковым и его семьей, с М. П. Погодиным и с М. С. Щепкиным. „Вообще тамошние литераторы — писал Плетнев Жуковскому о пребывании Гоголя в Москве — порадовали его *особенным* вниманием к его таланту. Он не может нахвалиться Погодиным, Киреевским и прочими" (Сочинения П. А. Плетнева, т. III, стр. 522).

150. М. И. ГОГОЛЬ.

Этот отрывок из недошедшего до нас в полном виде письма Гоголя к матери был впервые напечатан И. А. Линниченко в „Русской Мысли" 1896 г., № 5, стр. 161, по выписке, сделанной С. П. Шевыревым.

Шенрок поместил отрывок между письмами 1833 г., хотя И. А. Линниченко правильно отнес его к 1832 г. („письмо писано в том году, когда Гоголь приехал отдавать сестер в институт" [1]). Гоголь живо вспоминает в нем „песни" своей тетки, Катерины Ивановны Ходаревской; эти песни он слышал после перерыва в четыре года в июле — сентябре 1832 г., когда гостил на родине.

---

[1] Шенрок почему-то цитирует: „в гимназию", уличая первого публикатора в ошибке, которой он не делал.

151. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 161—162; заключительные строки—в „Письмах“, IV, стр. 460.

— *... в институте произошли небольшие переделки, и помещения совсем нет.* — Эту причину проживания сестер у него на квартире, а не в институте, Гоголь изобрел для успокоения своей матери. В действительности, 22 ноября, когда написано настоящее письмо, вопрос о самом принятии сестер Гоголя в институт не был еще решен. (Н. Белозерская, стр. 752).

— *„Борисович“* и *„Борисовна“* — Петр Борисович и Марья Борисовна, его сестра, из Васильевки (см. №№ 63 и 98).

— *Я Акима больно* — Эта недописанная фраза вызывала неоднократные подозрения, что Кулиш и Шенрок („Письма“, I, стр. 226) опускали слово „побил“. Не вызывало доверия к себе и утверждение Шенрока (письмо в редакцию „Русской Мысли“ 1902, № 9), что „многоточие стоит в самом подлиннике“ (см. Каллаш, „Н. В. Гоголь в его письмах“, „Русская Мысль“ 1902, № 10. Щеголев, „Исторические этюды“, стр. 36. Вересаев, „Гоголь в жизни“, стр. 113). На самом деле, в подлиннике нет и „многоточия“. Об отношениях между Гоголем и Якимом см. воспоминания П. В. Анненкова: „Степенный, всегда серьезный Яким состоял тогда ⟨1832 г.⟩ в должности его ⟨Гоголя⟩ камердинера. Гоголь обращался с ним совершенно патриархально, говоря ему иногда: «Я тебе рожу побью», что не мешало Якиму постоянно грубить хозяину, а хозяину заботиться о существенных его пользах и, наконец, устроить ему покойную будущность“. (Анненков, стр. 55). Эта „будущность“ была устроена тем, что, по завещанию Гоголя, Яким с семейством получил вольную.

152. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 4—5.

— *„Хлопоты“*, в которых *„завяз“* Гоголь по приезде с Украины, — устройство младших сестер Анны и Елизаветы в Патриотический институт.

... сам как будто на земли,
А пред тобою небо открывалось — неточная цитата из „Фауста“ Гете в переводе Д. В. Веневитинова (слова Вагнера). Перевод напечатан в „Сочинениях Д. В. Веневитинова“, ч. I, М. 1829.

— *Гаевский* — петербургский врач.

153. И. И. ДМИТРИЕВУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1866, № 11—12, стр. 1729—1730.

— *Газеты он не будет издавать, — и лучше!* — речь идет о неосуществленной газете Пушкина «Дневник», — см. о ней Н. К. Пиксанов. „Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник»". „Пушкин и его современники", вып. V (1906).

Повесть В. Ф. Одоевского (1803—1869) „Последний квартет Бетховена" — впоследствии вошла в состав сборника „Русские Ночи" („Собрание сочинений" В. Ф. Одоевского, 1844, т. I). „Дом сумасшедших" — заглавие неосуществленного В. Ф. Одоевским сборника повестей. О литературных взаимоотношениях Гоголя и В. Одоевского см. П. Н. Сакулин „Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский", М., 1913, т. I, ч. 2, стр. 333—340.

154. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 163—164; подпись и приписка — в „Вестнике Европы", 1896, № 6, стр. 733.

— *Я был в Опекунском совете.* — По просьбе матери Гоголь выяснял в Опекунском совете дело об уплате процентов за заложенную Васильевку.

Полтавским губернатором в 1832 г. был П. И. Могилевский.

155. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Отрывок впервые напечатан в „Опыте биографии", стр. 57; всё письмо — в „Записках", I, стр. 117; пропуски восстановлены в „Письмах", I, стр. 230—231.

— *Максимович Михаил Александрович* (1804—1873), уроженец Полтавской губернии, — профессор ботаники Московского университета, а затем профессор русской словесности и первый ректор Киевского университета; выдающийся этнограф и историк. Напечатал несколько ценных собраний украинских песен и большое количество исторических, археологических и филологических работ, главным образом по истории Украины, украинской литературы и языка. (Подробнее см. С. Пономарев. „Михаил Александрович Максимович" в „Журнале Мин. нар. просвещения" 1871, № 10, стр. 175—249, а также „Биографические словари профессоров и преподавателей" Московского и Киевского университетов).

По сообщению Кулиша, основанному на показаниях самого Максимовича, знакомство Гоголя и Максимовича „началось с 1829 г., когда г. Максимович, посетив Петербург, видел Гоголя за чаем у одного общего их земляка" („Записки", I, стр. 116). Однако О. М. Сомов еще 9 января 1831 г. писал Максимовичу о Гоголе, как о лице незнакомом Максимовичу. Настоящее знакомство, а затем и сближение их относится только к 1832 г. Писем Гоголя к М. А. Максимовичу сохранилось 26. Переписка их, начавшаяся в конце 1832 г., связана с их общим увлечением украинскими народными песнями и украинской стариной,

а также планами переезда в Киев, где в 1834 г. оба они предполагали занять кафедры в университете. Именно на 1834 г. и приходится большая часть известных нам писем Гоголя к Максимовичу (16 из 26). Затем переписка становится очень редкой и по отъезде Гоголя за границу в 1836 г. почти совершенно прекращается. Но и впоследствии Гоголя с Максимовичем связывала личная приязнь (см. „Записки", II, гл. XXXI, и „Историю моего знакомства", стр. 188—194).

Здесь и в ряде других писем Гоголь называет Максимовича „земляком", так как оба они родились на Украине и даже в одной губернии (Полтавской).

Чрезвычайно интересуясь издаваемыми Максимовичем песнями, Гоголь принимал в этом издании некоторое участие. В предисловии к „Украинским народным песням" (М. 1834) Максимович упомянул об участии в этом издании „Н. В. Гоголя — нового историка Малороссии и автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки»" (стр. IV).

— ... *вирша, говоренная запорожцами* ... — Гоголь имеет в виду очень популярную в свое время юмористическую „великодню (т. е. пасхальную) віршу", будто бы поднесенную запорожцами Потемкину. Текст ее неоднократно был издан. В бумагах Максимовича оказалось несколько списков этой вирши, причем один из них, переданный в редакцию „Киевской Старины" С. И. Пономаревым, „писал собственной рукой Н. В. Гоголь" (см. „Киевскую Старину" 1882 г., № 4, стр. 168 и след., а также „Житє і Слово", Львов, 1894, № 3, стр. 444—449).

К последним строкам письма (о „земляке") Максимович на подлиннике письма приписал: „Бодянскому, который, будучи тогда студентом, жил у меня в Ботаническом саду".

— Осип Максимович Бодянский (1808—1877), впоследствии профессор Московского университета, известный славист, был также уроженец Полтавской губернии.

156. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 190—191. Приписка об адресе — впервые в „Письмах", IV, стр. 450. Кулиш отнес письмо к 1833 г.; эту же дату принял Шенрок („Письма", I, стр. 266), но в предисловии к тому I „Писем" (стр. V) отказался от нее, приняв 1832 г. (ссылка на страницу в предисловии Шенрока ошибочна). Письмо несомненно относится к 1832 году, как видно из указания на новый адрес и на поступление сестер Гоголя в институт. Ср. примечание к № 151.

— ... *хотите продать одну землю, а людей оставить.* — Речь идет об имении, которое И. М. Косяровский, получив от некоего Лукашевича в счет долга, отдал дочери, М. И. Гоголь, а она, „землю продала .... а людей перевела в Васильевку". („Русский Архив" 1902, № 4, стр. 707—708).

— ... *на предполагаемый вами кожевенный завод.* — На деньги,

вырученные за землю в Хорольском уезде (см. предыдущее примечание), М. И. Гоголь, по настоянию своего зятя П. О. Трушковского, решила завести в Васильевке кожевенный завод с сапожной при нем фабрикой. Фабрика, благодаря неумелому ведению дела, отсутствию сбыта, неурожаю 1833 г. и бегству самого „фабриканта“ (заведующего фабрикой), едва не привела М. И. Гоголь к разорению. См. „Русский Архив“ 1902, № 4, стр. 708—709.

— ... *гаман* — кошель для табаку и денег (см. № 163).

157. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано В. И. Шенроком в „Вестнике Европы“ 1890, № 1, стр. 102—103.

— *Звегинцев и Гудим* — этих лиц не мог припомнить А. С. Данилевский („Письма“, I, стр. 231).

158. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Записках“, I, стр. 118—119; пропуски частично восстановлены Шенроком в „Вестнике Европы“ 1890, № 1, „Материалах“, I, стр. 360 и „Письмах“, I, стр. 233.

— ... *те самые строки, которые ты велишь мне целовать.* — Речь идет, повидимому, о каком-то недошедшем до нас письме, которое Данилевский переслал Гоголю.

— *Красненькой заходился .... жениться* ... — По сообщению Гербеля, Н. Я. Прокопович женился на дочери кол. сов. Марье Никифоровне Трохневой в 1834 г., но Гоголь еще 2 октября 1833 г. писал В. В. Тарновскому: „Прокопович Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисе“ (см. № 179).

— *Брянский*, Яков Григорьевич (1790—1853) — знаменитый петербургский актер, выступавший в комедиях, драмах и трагедиях.

— ... *Драгун* — Василий Яковлевич Прокопович.

— *Великий князь* — Михаил Павлович (1798—1849), главный начальник Пажеского корпуса, и всех сухопутных кадетских корпусов.

159. В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

Впервые напечатано Н. О. Лернером в „Русской Старине“ 1916, № 4—6, стр. 392—393.

— *Григорович*, Василий Иванович (1786—1865) — историк и критик искусства. С 1829 г. — конференц-секретарь Академии художеств. С 1823 по 1825 г. издавал „Журнал изящных искусств“.

160. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 6.

Беспокойство Гоголя объясняется тем, что он еще не получил ответа на свое письмо к М. П. Погодину от 25 ноября 1832 г.; „другое“ письмо, на которое ссылается Гоголь и на которое Погодин также еще не ответил, — вероятно, было написано около 12 декабря 1832 г.; до нас оно не дошло.

О задуманном Гоголем историческом труде, на что он намекает, отмечая „однородность“ своих занятий с занятиями Погодина, — см. более подробно в письме № 162.

Упоминаемое письмо Гоголя к М. А. Максимовичу — № 155.

161. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 167.

— *Три письма* Гоголя к матери, на которые он не получил ответа, — это письма от 22 ноября и 3 декабря 1832 г. (при последнем письме шла в Васильевку и „посылка“ — от имени сестер Гоголя); третье письмо нам неизвестно.

162. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 6—8.

— ... *уже готова драма* ... — имеется в виду драма Погодина „История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове“ (ср. упоминание в письме Погодина к Пушкину от 29 марта 1833 г. о том, что он „Бориса окончил давно“ — „Переписка Пушкина“, III, стр. 18). Отрывок из этой драмы Погодина появился в печати в „Современнике“ только в 1837 г. (т. V, стр. 247—278), под заглавием „Смерть царя Бориса Федоровича Годунова“ — исторические сцены 1605 г. Апреля 13“. Драма вышла отдельным изданием в 1835 г., 2 издание — 1868 г.

Под впечатлением сообщения Погодина Гоголь в своем ответном письме касается прочих драматургических опытов Погодина: „Марфа, посадница новгородская“, трагедия в пяти действиях, в стихах, Москва, 1830 г. (издана анонимно) и „Петр I“. „Петра I“ Гоголь, вероятно, слушал в чтении Погодина или читал в рукописи; трагедия эта, законченная автором еще 24 июня 1831 г., — была запрещена для отдельного издания. „Лицо императора Петра Великого“, — писал Николай I в резолюции 22 декабря 1831 г., по делу о трагедии Погодина, — „должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушением святыни, и посему совершенно неприлично. Не дозволять печатать“. („Русская Старина“ 1903, кн. 2, стр. 315—316; „Старина и Новизна“, кн. VII, стр. 160—162; ср. Барсуков, кн. III, стр. 252—254, 310—311, 333—360, и кн. IV, стр. 13—19; ср. письма Погодина к С. П. Шевыреву — „Русский Архив“ 1882, кн. 3, стр. 189—191 и 194, и „Русская Старина“ 1903, кн. 3,

стр. 530. Ср. также „Переписку Пушкина“ III, стр. 18). Отрывок из трагедии под заглавием „Отрывок из драматической поэмы“ был напечатан в первой книге сборника „Новоселье“ 1833 г.; другой отрывок, под заглавием „Сцены из жизни Петра Великого“, Погодин опубликовал в „Московском Наблюдателе“ 1835 г. (ч. IV, октябрь, кн. 2, стр. 407—536). Как вспоминал сам Погодин в 1873 г., цензор журнала „получил за это строгий выговор“. „Петр I“ вышел отдельным изданием в Москве только в 1873 г.

Советы Гоголя Погодину в области изображения характеров (*„прибавьте боярам несколько глупой физиогномии“; „чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее“* и пр.) существенны для сатирико-обличительных комедийных замыслов Гоголя (см. ниже в письме Гоголя к Погодину от 20 февраля 1833 г. о „Владимире 3-ей степени“) и показательны для оппозиционных настроений будущего автора „Ревизора“.

— Упоминая об „Афоризмах“, Гоголь имел в виду предполагавшуюся книгу Погодина „Исторические афоризмы“ (издана в 1836 г.), ср. об „Афоризмах“ в письмах Гоголя № 170, 187, 227.

— *„Журналец“* — тетради учениц Гоголя по Патриотическому институту (см. примечание к № 141). Заинтересовавшись педагогическими успехами Гоголя, Погодин просил П. А. Плетнева прислать ему для просмотра тетради учениц Гоголя. Плетнев отвечал Погодину: „Не думаю, чтобы тетради учениц Гоголя могли вам на что-нибудь пригодиться. Я после вашего письма нарочно пересматривал эти тетради и уверился, что ученические записки все равны, т. е. с ошибками грамматическими, логическими и пр. и пр.—Что касается до порядка в истории, или какого-нибудь придуманного Гоголем облегчения — этого ничего нет. Он тем же превосходит товарищей своих, как учитель, чем он выше стал многих, как писатель, т. е. силою воображения, которое под его пером всему сообщает чудную жизнь и увлекательное правдоподобие“ (Н. Барсуков, IV, стр. 114).

— О замысле книги „Земля и люди“ см. также письмо № 165. Ср. публикацию Вас. Гиппиуса в „Атенее“ 1926, кн. III, стр. 78—80).

— *Я только теперь прочел ... Беттигера.* — Точное заглавие изданного Погодиным труда, который прочел Гоголь и впечатлениями по поводу которого делился с Погодиным: „Всеобщая история. Гимназический курс. Сочинение эрлангенского профессора Беттигера. Перевод с немецкого. Москва. В универс. типографии. 1832“.

— Об издании „Вечеров на хуторе близ Диканьки“ см. выше письмо № 142.

163. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 169—171.

— *Плут Лукашевич* — см. № 156.

— *...многие взяли свои деньги из ломбарда.* — Правила 1 января 1830 г. о вкладах и ссудах в государственных банковских установлениях понизили выдаваемый по вкладам процент с 5 до 4.

— *Леонтьев Владимир Юрьевич* — по словам А. С. Данилевского, был генерал, сводный брат А. А. Трощинского. („Письма", I, стр. 239).

— *Матрена с супругом...* — крепостные слуги Гоголя в Петербурге — Яким Нимченко и его жена Матрена. Балаганы в Петербурге устраивались на масленицу на Царицыном Лугу.

— *Марья Алексеевна* — Данилевская, родственница А. С. Данилевского.

164. А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Записках", I, стр. 119—122; пропуски восстановлены Шенроком в „Вестнике Европы", 1890, № 1, „Материалах", I, стр. 360 и „Письмах", I, стр. 240—243.

— *Софья Васильевна* Капнист — вышла замуж за Василия Антоновича Скалона (1805—1882), армейского офицера, преподавателя Полтавского кадетского корпуса.

— *Ланг* (он же *черниговский форшмейстер?*) — лесничий придворного ведомства.

— *Гаврюшка* — слуга В. И. Черныша, отчима Данилевского.

— *Пушкина нигде не встретишь, как только на балах.* Ср. отзыв Плетнева, сообщавшего Жуковскому в письме от 17 февраля 1833 г., что Пушкин „ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной" (П. А. Плетнев „Письма", III, стр. 524).

— *„Пестрые сказки"* Вл. Одоевского вышли в 1833 г. (ценз. разрешение 19 февраля 1833 г.) с действительно „затейливым" титульным листом, фронтисписом и заставками. В марте того же года Гоголь вместе с Одоевским и Пушкиным задумывают издать сборник „Тройчатка или Альманах в 3 этажа" („Переписка Пушкина", III, стр. 47 и 56).

— *Бедный Гнедич уже не существует.* — Н. И. Гнедич умер 3 февраля 1833 г.

— *Хвостов*, Дмитрий Иванович (1757—1835) — плодовитый стихотворец, много раз осмеянный Пушкиным и другими поэтами за бездарность.

— *Шишков* Александр Семенович (1754—1841) — адмирал; председатель „Беседы любителей русского слова", идеолог реакционно-архаистического направления в языке и литературе.

— *„Мазепа"* — был вторым после „Дмитрия Самозванца" (1830) историческим романом Булгарина (изд. А. Смирдина, 2 ч., СПб., 1833—1834 г.).

— *Несколько строчек, однако ж, приведу* — Гоголь цитирует стих.

Н. М. Языкова „Вино“, пропуская три первые строки и делая ошибку в шестой строке (нужно: „И блистательно чиста“).

— *Афанасий* — слуга А. С. Данилевского.

— *... семь трагедий ...* — конечно, шутка. К этому времени были закончены трагедии Кукольника „Торквато Тассо“, „Рука всевышнего отечество спасла“ („писано в октябре 1832“) и, может быть, „Джулио Мости“ („писано в 1832 и 1833 гг.“).

— *Поза, Поза, Поза* — маркиз Поза, из драмы Шиллера „Дон-Карлос“ (1785), — классический образ благородного энтузиаста.

— *... душит трагедией* — выражение из „Евгения Онегина“ (гл. IV, строфа XXXV).

— *... бойрендом, духтером* — припев к полуукраинской, полуцыганской песне:

Ой у поля долина,
А в долині калина . . .
Бойрендом, янтером,
Духрейдом, духтером.

— *Тиссон, Тушинский, Грыць* — лица не выясненные.

165. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые с купюрами напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 8—10. Полностью, очень неточно, с пропусками отдельных слов и с неверной датой, в „Русском Архиве“ 1872, № 12, стр. 2369—2372.

Ответ на недошедшее письмо Погодина (полученное Гоголем 12 февраля). Повидимому, в этом недошедшем письме Погодин первый предложил Гоголю перейти на ты.

— О неосуществленном труде Гоголя „Земля и люди“ см. выше примечание к № 166. Никаких подтверждений того, что Гоголь начинал печатание книги, до нас не дошло.

— *„Владимир 3-ей степени“* — первая комедия, начатая Гоголем (см. том V настоящего издания). Причиной прекращения работы над комедией были цензурные препятствия, а также трудности драматической композиции. (См. об этом письмо П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому от 17 февраля 1833 г. „Сочинения и переписка Плетнева“, III, стр. 528).

— *Пушкин недавно говорил о тебе ...* — Беседа Пушкина с Николаем I о привлечении Погодина к совместной с Пушкиным работе над историей Петра I состоялась между 5 и 12 февраля 1833 г. Через две недели после сообщения Гоголя, о беседе с царем писал Погодину сам Пушкин (см. письмо от 5 марта 1833 г. и свод данных по этому вопросу в „Письмах“ Пушкина, III, стр. 564—565).

— Упоминая о первой книге „Новоселья“, изданного А. Ф. Смирдиным в 1833 г. и резко отзываясь о бароне Брамбеусе (псевдоним О. И. Сенковского), Гоголь имел в виду следующие произведения,

опубликованные в „Новоселье“ за подписью Брамбеуса: „Незнакомка“, „Статья для моего хозяина“ и „Большой выход Сатаны“ (стр. 1—36 и 129—186).

— *Альманах,* о котором Гоголь запрашивал Погодина, проектировался деятелями московских аристократических литературно-философских салонов, бывшими участниками „Московского Вестника“ и „Европейца“, будущими учредителями „Московского Наблюдателя“ (см. „Русская Старина“ 1898, № 2, стр. 313—315 и Барсуков, т. III, 195—196).

— ... *Комета Галлея* — повесть М. П. Погодина „Галлеева комета“, опубликованная в альманахе на 1833 г. „Комета Белы“, СПб., 1833, стр. 1—23. Ср. № 164.

166. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Сочинениях и письмах“, стр. 176; в „Вестнике Европы“ 1896, кн. 6, стр. 734—735, письмо это напечатано полностью и с другой датой, чем у Кулиша: 26 марта. Эта дата подтверждается всем содержанием письма и его местом в ряду писем Гоголя к матери, сообщающих о жизни сестер, только что принятых в институт.

167. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 176—177.

— *Отец Емельян* — священник в имениях Трощинского, сперва в Кибинцах, потом в Кагорлыке. Он был в хороших отношениях с В. А. Гоголем (С. Дурылин, стр. 59—60). О. Д. Трощинская должна была передать ему в Кагорлык письмо с просьбой Гоголя о записывании напевов народных песен. Письмо это нам неизвестно.

168. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается впервые. Начало письма не сохранилось. Начиная со слов „Благодарю вас, тетинька“ — приписка, обращенная к Катерине Ивановне Ходаревской. Датируется по связи с № 167.

— О *Ларионе* (Илларионе) Трощинском см. примечание к № 221.

169. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“ V, стр. 177—178. Пропущенное Кулишом место о плохих способностях сестер Гоголя (от слов „Жаль также мне очень“ до конца абзаца) — впервые в „Письмах“, IV, стр. 460. Восстанавливая купюру Кулиша, Шенрок, в свою очередь, допустил пропуски.

О том, что Анна и Елизавета Гоголь *не имеют слишком больших способностей,* Гоголь писал в письме от 26 марта 1833 г. (№ 166). Раньше (№ 89) Гоголь отзывался о сестре Анне совсем иначе.

— *Я нарочно здесь расспрашивал искусных фабрикантов в выделывании кож* ... — Дальнейшие практические советы, имеющие целью отговорить М. И. Гоголь от устройства сапожной фабрики, принадлежат самому Гоголю, в чем он позже признался сам (см. № 247).

— *Целую сестру и очень благодарен ей за племянника.* — В апреле 1833 г. у М. В. Трушковской родился сын Николай, названный так в честь дяди. Гоголь был записан крестным отцом новорожденного, отчего он и называет П. О. Трушковского кумом.

170. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине" 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 10—11.

— Записка Погодина, на которую отвечал Гоголь, до нас не дошла, так же как не дошло письмо самого Гоголя, написанное „не так давно". *Краевский А. А.* (1810—1889), через посредство которого Гоголь получил записку Погодина, — литератор и журналист 30-х годов, близкий Погодину и его друзьям, сотрудник Пушкина по „Современнику", впоследствии — издатель „Отечественных Записок".

— Отзыв Гоголя о драматических сценах Погодина „История в лицах о Дмитрии Самозванце", М., 1835, см. в письме к нему от 18 января 1836 г.

С конца февраля 1833 г., в марте и апреле Пушкин был занят архивными разысканиями о Пугачеве. „Историю Пугачева" Пушкин, действительно, писал в мае (как свидетельствует помета на рукописи, шесть глав были написаны к 22 мая 1833 г.), — однако, окончил он свою книгу только 2 ноября 1834 г. О цензурной судьбе книги см. статью Т. Г. Зенгер „Николай I — редактор Пушкина" в „Литературном Наследстве", кн. 16—18, стр. 524—533.

— О „Книге Наума о великом божием мире", изданной Максимовичем, см. примечание к № 173.

— Запрос Гоголя о Киреевском относится, вероятно, к И. В. Киреевскому, редактору-издателю запрещенного в 1832 г. „Европейца".

— Об „Исторических афоризмах" Погодина см. № 187.

171. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок впервые напечатан в „Записках", I, стр. 159; всё письмо — в „Сочинениях и письмах", V, стр. 180—181. Опущенное Кулишом место (от слов: „Только если вам угодно" до „ ... что и это пройдет") — впервые в „Письмах", IV, стр. 461.

— *Кочубей* — кн. Виктор Павлович Кочубей (1768—1834). Правнук Кочубея, казненного за донос на гетмана Мазепу, личный друг Александра I, занимавший при нем посты управляющего Коллегией иностранных дел, министра внутренних дел, председателя Департамента экономии Государственного совета, при Николае I Кочу-

бей был назначен в 1827 г. председателем Государственного совета и Комитета министров. Кочубей был одним из богатейших помещиков России. См. выше письмо № 128, свидетельствующее о том, что Гоголь бывал у Кочубея в Петербурге.

— *Диканька* — родовое имение Кочубеев, в Миргородском уезде, Полтавской губ., в 25 верстах от гоголевской Васильевки, с огромным старым дубовым лесом. Диканька была местом любимых прогулок Гоголя; отсюда — заглавие книги: „Вечера на хуторе близ Диканьки".

— *Яворивщина* — яворовый лес с небольшим хутором, принадлежавший Гоголям и граничивший с владениями кн. Кочубея.

— *Лукашевка* — владение М. И. Гоголь в Хорольском уезде (см. примечание к № 156).

172. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 181—182; подпись — в „Письмах", IV, стр. 450.

— „*старая* (квартира) *надоела мне до смерти*". — Гоголь прожил зиму 1832—1833 г. в доме Демута-Малиновского, в Новом переулке.

173. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте *биографии*," *стр.* 58—59 (*с пропусками*); полнее в „Сочинениях и письмах", V, стр. 182—184. Купюры восстановлены в „Письмах", I, стр. 253—254. На подлиннике Гоголем год не выставлен, но есть карандашная помета (рукою Максимовича?) — 1833. (Карандашные обозначения годовых дат находятся и на всех последующих письмах). Дата эта подтверждается упоминанием Гоголя о сочинениях Максимовича, вышедших именно в 1833 г.

— *Книга Наума о великом божием мире,* изданная Максимовичем в 1833 г. „для народного чтения" (ценз. разр. 27 марта 1833 г.), — один из первых опытов популярного изложения основных сведений по астрономии, математической географии и др.

— *Размышления о природе,* печатавшиеся в 1827 г. отдельными статьями в различных тогдашних журналах, в том же 1833 г. были объединены Максимовичем в особую книжку. (См. С. Пономарев. „М. А. Максимович" — в Журнале Мин. нар. просвещения, СПб., 1871, октябрь, стр. 183—194).

— *Бросьте . . . кацапию . . .* — Это и некоторые подобные шутливые выражения не отражают, конечно, подлинного отношения Гоголя к России и русскому народу.

—. . . *насобираем всякой всячины* — Гоголь имеет в виду собирание этнографических материалов. (Ср. письмо к Пушкину, № 185).

— „*Денница*" — альманах, издаваемый Максимовичем. Здесь речь идет о материалах для 3-й книги, вышедшей в 1834 г. (первые две вышли в 1830 и 1831 гг.). Гоголь ничего не дал в „Денницу".

— ... *московский водопой* ... — Пропустив надлежащую пору для отъезда на Кавказ, на воды, Максимович летом 1833 г. ограничился московскими искусственными водами.

174. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 133; заключительные строки — в „Письмах“, IV, стр. 458. Письмо ошибочно датировано у Кулиша и Шенрока 1831 годом. Оно датируется указанием на перемену квартиры — 1833 годом. Ошибка эта отмечена А. И. Кирпичниковым („Сомнения и противоречия в биографии Гоголя“, Известия ОРЯС, 1900, т. V, кн. 2, стр. 594).

175. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок из письма впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 159; всё письмо — в „Сочинениях“, V, стр. 184; заключительные строки частично восстановлены в „Письмах“, IV, стр. 461.

— *Старая квартира* — в Новом переулке, в доме Демута-Малиновского.

— *Сделайте милость, не приписывайте мне всякого вздору.* — Ср. письмо № 103.

176. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 242—243, где ошибочно отнесено к 1835 г. Подпись печатается впервые.

177. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях“, V, стр. 184—185; заключительные слова — в „Письмах“, IV, стр. 450.

178. М. П. ПОГОДИНУ.

Цитаты из письма с искажением текста были опубликованы в книге Н. П. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. IV, стр. 145—147. Впервые напечатано полностью (впрочем, с пропуском нескольких слов) — в „Письмах“, IV, стр. 431—432.

Письмо Погодина, на которое отвечал Гоголь, до нас не дошло, так же как и письмо самого Гоголя, написанное „назад тому месяца два“, на которое он ссылается.

— ... *женитьбою твоею* ... — 9 июля 1833 г. Погодин женился на Елизавете Васильевне Вагнер (1809—1844).

— ... *сколько кризисов!* — О творческом кризисе, который пережил Гоголь в 1833 г., ср. аналогичные признания в письме к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г.

— О просьбе М. А. Максимовича см. в письмах Гоголя к Максимовичу №№ 173 и 181.

— ... *двух начал двух огромных творений* ... —может быть, „Истории малороссийской“ и „Истории всемирной“, о которых см. ниже (№ 187).

— ... *Смирдин выкопал одну повесть мою* ... —„Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“; опубликована за подписью „Рудый Панько“ во второй книге альманаха А. Ф. Смирдина „Новоселье“, СПб., 1834, стр. 475—569. (Ср. письмо Гоголя к М. А. Максимовичу № 181).

— *Кланяйся особенно Киреевскому* — см. примечание к № 170.

179. В. В. ТАРНОВСКОМУ.

Впервые опубликовано С. И. Пономаревым в „Киевской Старине“ 1882, кн. 3, вместе с двумя другими письмами Гоголя к Тарновскому.

— Василий Васильевич *Тарновский* (1810—1866) — сын довольно крупного помещика Черниговской губ. С Гоголем учился в нежинской Гимназии высших наук, куда Тарновский поступил на год раньше (1820). Нет никаких данных о сколько-нибудь тесных товарищеских отношениях между Гоголем и Тарновским: в письмах Гоголя-гимназиста нет никаких упоминаний о Тарновском. Гоголь характеризует его как человека трудолюбивого (№ 225), благородного и бескорыстно преданного науке (№ 245). Сблизились они уже после окончания Гимназии. Тарновский после окончания университета стал преподавателем истории в Житомирской гимназии; впоследствии писал по юридическим и экономическим вопросам, участвовал в подготовительных работах по крестьянской реформе 1861 г., примыкая к умеренно-либеральной группе помещиков.

— *Рудановский*, Леонид Платонович (1814—1877), — ученик нежинской Гимназии выпуска 1832 г.; в 1833 г. служил в Петербурге в Департаменте разных податей и сборов, с 1834 г. — в военной службе (Гербель, стр. 432 и сл.). В дальнейшем с Гоголем, повидимому, не встречался.

— *Антоновка* — село Пирятинского уезда Полтавской губернии бывшее в то время поместьем Тарновских.

— ... *какой-то странный карьер* ...“ — Уход В. В. Тарновского из департамента (контрольное ведомство) и работа учителем в Житомирской гимназии были, по представлению большинства дворянской среды того времени, чудачеством и сильно шокировали его родственников.

— *Моисеев*, К. А. — профессор истории, географии и статистики в нежинской Гимназии высших наук (с 1820 по 1837 г.).

— ... *особенно о Высоцком.* — Отношения Гоголя с Г. И. Высоцким, одним из ближайших друзей его в нежинские годы, непонятным образом тогда же прерываются. Это и следующее письмо к В. В. Тарновскому (№ 222) — последние попытки Гоголя узнать что-нибудь о старом друге.

180. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывки напечатаны впервые в „Записках“, I, стр. 159—160; полнее — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 185—187. Конец письма, повидимому, потерян. Пропуски, сделанные Кулишом по цензурным и другим соображениям, восстановлены в „Письмах“, I, стр. 261, и IV, стр 461.

— *Вы спрашиваете у меня насчет ревизии.* — М. И. Гоголь запрашивала указаний сына относительно мер, которые следовало бы предпринять по имению в связи с ожидавшейся восьмою ревизией. Гоголь вновь предлагал матери перевести его долю имения на ее имя и тем самым сделать ее главной его владелицей (доли сестер были незначительны). 26 апреля 1835 года М. И. Гоголь были поданы в ревизскую комиссию Миргородского уезда „ревизские сказки“, по которым в Васильевке значилось „дворовых мужеска пола 5 и женска 2, и крестьян мужеска пола 193 и женска 184, всего о 384-х душах“ (А. Назаревский, стр. 334).

181. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 59—61, неточно, с изменениями и пропусками; полнее — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 188—189; полностью—в „Письмах“, I, стр. 262—264. Датируется на основании карандашной пометы „1833“ и общего содержания письма.

— *... одну мою старинную повесть* — „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“; см. примечание к № 178. Н. С. Тихонравов вполне основательно усомнился в достоверности объяснений Гоголя по поводу этой его повести (Соч. Гоголя, 10 изд., I, стр. 702—703).

— *Теперь я принялся за историю ...* — Здесь Гоголь впервые определенно говорит о своем обращении к истории Украины, — до этого, упоминая о занятиях историей, он обычно имел в виду всеобщую историю, о которой в начале 1833 г. выразился даже так: „Главное дело — всеобщая история, а прочее стороннее“ (письмо к Погодину № 160).

— *Ходаковский* — Zoryjan Dołęga-Chodakowski, — литературный псевдоним польского историка и этнографа Адама Чарноцкого (1784—1825). Принадлежавшая Максимовичу рукопись „Украинских песен, собранных Ходаковским“ (два тома) находится в настоящее время в отделе рукописей Библиотеки Академии Наук УССР. Оба тома были предоставлены Максимовичем на некоторое время в распоряжение Гоголя (см. его письма к Максимовичу от 20 апреля 1834 г. и к матери от 5 февраля 1838 г.). Гоголь вписал в них ряд новых песенных текстов как дополнения или варианты к уже ранее внесенным в сборник. О сборнике Ходаковского и, в частности, данной двухтомной

рукописи см. в книге Пыпина „История русской этнографии“, т. III, стр. 86 и в работе С. А. Красильникова: „Источники гоголевского собрания украинских песен“ („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, II).

182. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 189—190; с дополнением мест, опущенных Кулишом, письмо напечатано в „Вестнике Европы“ 1896, № 6, стр. 734—735.

— *Що се братця як барятця!* — из песни, которую Гоголь приводит целиком в письме к М. А. Максимовичу № 184.

— *Почтмейстер* — полтавский почтмейстер, коллежский советник Иван Александрович Ротмистров.

— *Вы очень хорошо делаете, что отдаете Олиньку в пансион.* — Намерение М. И. Гоголь отдать младшую дочь в пансион было ответом на большое письмо Гоголя (№ 180) о воспитании сестры Ольги. Намерение это не осуществилось.

183. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 191—192; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 450.

— *Павел Осипович* — Трушковский. Гоголь отклонил поездку Трушковского в Петербург под предлогом своего мнимого отъезда в Ревель, так как не желал встречаться с зятем, которого винил в том, что он вовлек М. И. Гоголь в разорительное предприятие с фабрикой. По истечении указанных в этом письме „трех месяцев“ Гоголь писал матери (9 марта 1834): „В Ревель я уже не еду“. Все это время Гоголь безвыездно жил в Петербурге.

184. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 62 (с купюрами и без текста песни); полностью — в „Письмах“, I, стр. 268—269. Письмо датируется по связи с письмом к Пушкину от 23 декабря 1833 г. (№ 185). Это первое (из сохранившихся) письмо, где Гоголь обращается к Максимовичу на ты.

В упоминаемом здесь письме Максимович, повидимому, предлагал Гоголю добиваться кафедры всеобщей истории во вновь открываемом Киевском университете, куда сам собирался переехать из-за расстроенного здоровья (см. замечания Н. С. Тихонравова: Соч. Гоголя, 10 изд., V, стр. 566—567).

— *... да ты надуешь...* — На подлиннике Максимович приписал к этим словам: „А вышло наоборот! И я изведал то, чего он так боялся“.

— ... *каких-то немцев* ... — Это не верно: профессорами нового университета были, по преимуществу, поляки — преподаватели недавно перед тем закрытого Волынского (Кременецкого) лицея.

— ... *говорил Пушкину о стихах* — то есть о стихах Пушкина для третьего выпуска альманаха „Денница".

— ... *две большие пиесы* — „Анджело" и „Медный всадник".

— ... *жду* .... *обещанной тетради песен* — возможно, песен из собрания Ходаковского, которыми Гоголь очень интересовался и которые через некоторое время он действительно получил от Максимовича. Текст песни записан Гоголем на обороте последней страницы письма; печатаем его с сохранением орфографии подлинника, опустив лишь твердые знаки. Эту песню Гоголь находил „очень характерной и хорошей" (см. письмо № 182).

В 7-й строке в словах „с биса", „с лиса" **и** переправлено из **ѣ**.

185. А. С. ПУШКИНУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве" 1880, № 2, стр. 512—513.

Письмо связано с совместным замыслом М. А. Максимовича и Гоголя получить кафедры в Киевском университете. Пушкин помогал Гоголю в осуществлении этого замысла.

— *Уваров*, Сергей Семенович (1786—1855), впоследствии (с 1846 г.) граф. В молодости был членом Арзамаса (арзамасское прозвище: „Старушка") и был настроен умеренно-либерально. Занимался классической филологией, отчасти и современной литературой; библиография его работ — в „Русском Архиве" 1871, № 2, стр. 2106 — 2107. С 1818 г. — президент Академии Наук. В 1832 г. назначен товарищем министра народного просвещения. В своем известном докладе того же года провозгласил самодержавие, православие и народность как „истино-русские охранительные начала" и тем самым пустил в ход эту формулу николаевской реакции. С 21 марта 1833 г. — управляющий министерством народного просвещения. В 1834 г. утвержден министром и занимал эту должность до 1849 г., когда был отставлен за недостаточно „твердую" политику. В 1833 г. отношения между Пушкиным и Уваровым еще не обострились, и Пушкин мог быть посредником между Гоголем и Уваровым. Позднейшее отношение Пушкина к Уварову характеризуется записью в дневнике Пушкина от февраля 1835 г. („Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении" и т. д.) и стихотворением Пушкина „На выздоровление Лукулла", представлявшем собою памфлет на Уварова.

В гоголевской характеристике Уварова нужно учесть специфическое назначение письма, рассчитанного, может быть, на то, что выдержки из него будут министру прочитаны или пересказаны. Из работ Уварова Гоголь упоминает: 1) речь Уварова о Гете, прочитанную в общем собрании Академии Наук 22 марта 1833 г. и изданную

в том же году на французском языке (Notice sur Goethe lue à la séance générale de l'Académie impériale des sciences de St. Petersbourg le 22 mars 1833, par M. le Président de l'Académie. St.-P. 1833) и в русском переводе И. И. Давыдова в „Ученых записках Московского университета" 1833, I, также — отдельно, и 2) статьи Уварова в „Чтениях в Беседе любителей русского слова" 1813 и 1815 гг. (письмо к Н. И. Гнедичу и ответ В. В. Капнисту), где доказывалось, что Гомера следует переводить гекзаметрами, а не александрийским и не „русским" стихом (так назывался четырехстопный хорей с дактилическим окончанием). Вообще же Уваров как ученый и критик остался дилетантом и возлагавшихся на него научных и литературных надежд не оправдал. Гизо, с которым сравнивает Уварова Гоголь, — известный французский историк и государственный деятель (1787 — 1874), — в 1833 г. был министром народного просвещения, чем и объясняется сравнение.

— *План мой* — „План преподавания всеобщей истории", написанный Гоголем, чтобы мотивировать свое ходатайство о кафедре. Он был одобрен Уваровым и напечатан в „Журнале Министерства народного просвещения" 1834 г., ч. I, февраль, стр. 189—209. Статья перепечатана в „Арабесках" под заглавием „О преподавании всеобщей истории".

— *Ливен, Карл Андреевич* — министр народного просвещения с 1828 по 1833 г. „Предложение" Гоголю места в Московском университете ограничивалось, вероятно, дружескими советами и предположениями Погодина.

— „Галиматьей Надеждина" Гоголь называет, вероятно, натурфилософские статьи, печатавшиеся в издаваемом Надеждиным „Телескопе" (1831 — 1836).

— *Порадуйтесь находке* ... — Для задуманной истории Украины Гоголь собирал рукописные материалы. В начале 1834 г. он поместил в „Северной Пчеле" (от 30 января) объявление, где просил о доставлении ему материалов. Что такие материалы ему доставлялись, видно, например, из письма Н. М. Языкова к М. П. Погодину от 22 марта 1834 г.: „У нас есть нечто для Гоголя — по истории Малороссии, собираемся ему доставить" (Архив Погодина в *ЛБ*). Очевидно, собирание материалов он начал еще в 1833 г., но какая именно „летопись" имеется в виду, — неизвестно.

186. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии", стр. 63. Гоголем год не помечен, но он устанавливается первыми же словами письма.

Цензурное разрешение третьей книжки альманаха „Денница" подписано 24 октября 1833 г.

— ... *собрание галицких песен* ... — Piésni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Sipińskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleską. We Lwowie. 1833". (См. об этом сборнике и значении его для Гоголя в работе С. А. Красильникова „Источники собрания украинских песен Гоголя" — „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", II).

— *гадаемое собрание* — украинизм, употребленный по аналогии с выражением „гадана збірка", т. е. предполагаемое, задуманное собрание.

187. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине" 1855 г., № 19—20 (октябрь), стр. 11 — 13.

— *Счастлив ты, златой кузнечик* ... — несколько измененная первая строка из стихотворения Державина „Кузнечик" (из „Подражаний Анакреону"). У Державина: „Счастлив, золотой кузнечик, что в лесу куешь один ..."

— *„Библиотека для Чтения"* — ежемесячный журнал „словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод", издававшийся О. И. Сенковским и А. Ф. Смирдиным с 1834 г., — первое в России широко-коммерческое журнальное предприятие. О. И. Сенковский проявил себя своевольным и безответственным редактором, что производило резко-отрицательное впечатление на передовые литературные круги 30-х годов. См. Никитенко, т. I, стр. 235; запись от 10 января 1834 г., где упоминается и „великое негодование Гоголя".

В числе сотрудников „Библиотеки для Чтения" в первой же книжке было названо имя Рудого Панька. Гоголь предназначил для журнала „Кровавого бандуриста". После запрещения этого отрывка цензурой (27 февраля 1834 г.) Гоголь в „Библиотеке для Чтения" больше не сотрудничал; среди идейных антагонистов Сенковского и его журнала Гоголь вскоре стал одним из самых непримиримых и энергичных (ср. письмо Гоголя к Погодину № 227; см. также статью Гоголя „О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.", напечатанную в первом томе Пушкинского „Современника").

— ... *которого фантастические путешествия даже лучше его собственных.* — Гоголь имеет в виду книгу Сенковского „Фантастические путешествия барона Брамбеуса", СПб., 1833 и очерки Булгарина: „Правдоподобные небылицы, или странствования по свету в 29 веке" (1824) и „Невероятные небылицы, или путешествие к средоточию земли" (1825).

— О планах исторических работ Гоголя см. в письмах Гоголя к Пушкину № 185 и к М. А. Максимовичу № 191. Кто „попрекал" Гоголя за слог „Истории Малороссии", — неизвестно. Единственный дошедший до нас „Отрывок из истории Малороссии", том I, книга I,

глава 1, появился в печати двумя месяцами после этого сообщения о „попреках“ — в апрельской книжке „Журнала Министерства народного просвещения“ 1834, отд. II, стр. 1—16. Отрывок перепечатан в „Арабесках“, под заглавием „Взгляд на составление Малороссии“.

— *Исторические афоризмы* Погодина были опубликованы в первой книжке „Библиотеки для Чтения“ 1834, отд. III, стр. 101—111. Отдельное издание „Исторических афоризмов“ (в журнале была напечатана только небольшая их часть) вышло в 1836 г. („Исторические афоризмы“ Михаила Погодина. Москва. В универс. тип., 1836; ценз. разр. 12 июля 1835 г.). Сочувственную оценку „Исторических афоризмов“ Гоголь дал в рецензии на эту книгу в первом томе пушкинского „Современника“ 1836 г. Об этой рецензии Гоголя в связи с журнальными отношениями Гоголя с Пушкиным см. Вас. Гиппиус, „Литературное общение“.

— Собиранием *„русских песен“* и подготовкой их к печатанию был занят Петр Вас. Киреевский (1808—1856), брат бывшего издателя „Европейца“, Ивана Вас. Киреевского. Первая часть собрания П. В. Киреевского появилась в печати только в 1848 г.

188. К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1876, № 10, стр. 202. Письмо датируется концом января — началом февраля 1834 г., так как речь в нем идет о статье Гоголя „План преподавания всеобщей истории“, напечатанной Гоголем в февральской книжке „Журнала Министерства народного просвещения“.

Письмо обращено к К. С. Сербиновичу как к редактору „Журнала Министерства народного просвещения“. Об этой же работе Гоголя см. в письме № 185.

— ... *присовокупление о истинной религии.* — Имеется, очевидно, в виду следующая фраза в гл. VI: „Я должен изобразить Восток с его древними патриархальными царствами, с религиями, облеченными в глубокую таинственность, так непонятную для простого народа, *кроме религии евреев, между коими сохранилось чистое, первобытное ве́дение истинного бога*“ (выделяем курсивом предполагаемое „присовокупление“ цензора).

189. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 196—197; заключительные слова — в „Письмах“, IV, стр. 451.

— *Иван Данилевский* — Иван Семенович Данилевский, брат А. С. Данилевского, окончил в 1833 г. нежинскую Гимназию высших наук. Вопреки советам Гоголя, он приехал в Петербург в марте 1834 г., но вскоре вернулся и поселился в своих Семереньках. (Гербель, стр. CXXXVI).

190. К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

Печатается впервые. Годовая дата устанавливается по содержанию письма (упоминание о корректуре). Ср. № 188.

— ... *журнал ваш* — „Журнал Министерства народного просвещения".

191. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии", стр. 63—64 (с пропусками); полностью — в „Письмах", I, стр. 276—277.

— ... *пишешь за Киев* — украинизм, соответствующий русскому „пишешь о Киеве".

— *Брадке* Егор Федорович (1796—1861) — попечитель Киевского учебного округа с 1833 по 1839 г.

— *Глива* — род груши (бергамот); *рогиз* — болотное растение; *соняшник* — подсолнух; *дерен* — кизил; *морели* — абрикосы.

— *приятель наш Ушаков* — вероятно, Василий Аполлонович Ушаков, писатель-критик 20—30-х годов XIX столетия, автор рецензии на „Вечера" Гоголя („Северная Пчела" 1831 г., № 219—220) и посвященной „пасичнику Рудому Паньку" книги „Досуги Инвалида", М. 1832 г. (см. заметку В. Каллаша „Гоголь и В. А. Ушаков",— „Литературный Вестник" за 1902 г., кн. I, стр. 5—9).

— *„Запорожская Старина"* — издание Измаила Срезневского, ч. I, три книжки, Харьков 1833—1834 гг.; ч. II, три книжки, Харьков 1834, 1835, 1838 гг. — здесь печатались материалы этнографические и исторические, главным образом касающиеся Украины (см. т. II настоящего издания; об И. И. Срезневском см. примечание к № 192).

— *Экземпляра песен галицких* — собрание Вацлава Залесского, см. выше примечание к письму № 186.

192. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ.

Впервые напечатано В. И. Срезневским: „Николай Васильевич Гоголь в переписке с Измаилом Ивановичем Срезневским в 1834—1835 гг.", „Русская Старина" 1892, № 3, стр. 756—758.

— *Измаил Иванович Срезневский* (1812—1880), — впоследствии профессор и академик,— славист, автор многочисленных работ по изучению памятников древне-русского и славянских языков, — свою научную деятельность начал в первой половине 30-х годов с собирания и публикации материалов по истории Украины, украинскому фольклору, литературе и т. д. Часть собранных песен он опубликовал в изданном им „Украинском альманахе" (Харьков, 1831); в 1833—1836 гг. он издал шесть книжек „Запорожской Старины", содержавших разнообразный фольклорный и исторический материал.

Общность интересов обусловила и личное знакомство Гоголя с Срезневским. Прочтя в „Северной Пчеле“ объявление Гоголя, И. И. Срезневский 16 февраля 1834 г. первый написал Гоголю („Русская Старина“ 1892, № 3, стр. 754). В письме этом Срезневский, рекомендуясь Гоголю как издатель „Запорожской Старины“, излагал вкратце задачи своего издания. Ответом на это письмо явилось письмо Гоголя от 6 марта 1834 г. Знакомство обоих корреспондентов произошло в 1839 г., когда Срезневский, отправляясь в путешествие по славянским землям, несколько дней провел в Москве. 7 октября 1839 г., в письме к матери, Срезневский сообщал о визите к М. П. Погодину и давал характеристику Гоголя: „Очень молодой человек, хорошенький собою, умненький, любящий всё славянское, всё малороссийское, но с первого виду мало обещающий“ („Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842“,— СПб., 1895, стр. 15). После этой первой встречи произошло еще несколько.

— *Кониский* — имеется в виду „История Русов“, приписывавшаяся Георгию Конискому, архиеп. Белорусскому (1718—1795), на самом же деле составленная в конце XVIII — нач. XIX века Григорием Андреевичем Полетикой или его сыном Василием. См. комментарий к „Тарасу Бульбе“ (т. II настоящего издания) и к „Гетьману“ (т. III).

— ... *летописей* ... *Шафонского, Ригельмана* — Афанасий Шафонский, председатель Уголовной палаты Черниговского наместничества, составил в 1786 г. „Черниговского наместничества топографическое описание, с кратким географическим и историческим описанием Малыя России“; „описание“ это, содержащее ценные сведения об Украине XVIII в., было опубликовано лишь в 1851 г., но и до того получило распространение в списках. Следы знакомства с Шафонским есть в „Вии“ (быт бурсы).

— *А. Ригельман* — крупный украинский помещик, в течение многих лет (1778—1786) работал над „Летописным повествованием о Малой России и ее народе и козаках вообще“, изданным в 1846 г., но распространенным и раньше в списках. „Летописным повествованием“ Гоголь пользовался при работе над „Тарасом Бульбою“ (см. комментарий в т. II настоящего издания).

— *Пространная повесть об Украине до смерти Хмельницкого* — о ней упоминает Срезневский в предисловии ко II кн. „Запорожской Старины“ (стр. 10), перечисляя рукописные источники, которыми он пользовался для своих примечаний.

— *Бандыш-Каменский* — вместо правильного Бантыш-Каменский; имеется в виду „История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края“ Д. Н. Бантыша-Каменского (М. 1822, 4 тома; изд. 2-е, СПб., 1830, 3 тома).

193. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 197; заключительные слова — в „Письмах“, IV, стр. 451.

— *В Ревель я уже не еду* — см. примечание к письму № 186.

— *Отец Иван* — священник церкви в Васильевке.

194. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 64—65 (с пропусками); полностью — в „Письмах“, I, стр. 280—281.

— *ни гадки* — украинизм: ни помышления.

195. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 14.

— *Скажи Надеждину* — Гоголь, очевидно, обещал для помещения в „Телескопе“ отрывок из задуманной „Истории Малороссии“. Уклонившись от посылки статьи Н. И. Надеждину, Гоголь, тем не менее, вскоре же — в апрельской книжке „Журнала Министерства народного просвещения“ 1834 г. — опубликовал „Отрывок из Истории Малороссии“ (том I, кн. I, глава 1) и статью „О малороссийских песнях“ (отд. II, стр. 1—15 и 16—26). Обе статьи вошли в состав „Арабесок“ (первая — под заглавием „Взгляд на составление Малороссии“).

— *Выговоры ваши* и т. д. — Ответ и возражения Гоголя Погодину по поводу „объявления“ и „Бандыша“ связаны с напечатанным Гоголем объявлением „Об издании истории малороссийских казаков“ („Северная Пчела“ 1834, № 24, от 30 января; перепечатано в „Московском Телеграфе“ 1834 г., кн. 3, стр. 523, и в „Молве“ 1834 г., № 8, стр. 118—119).

— Запрашивая Погодина о его „популярной истории“, Гоголь, очевидно, имеет в виду книгу М. П. Погодина „Начертание русской истории для училищ“. Москва. 1835. См. отзыв Гоголя об этой книге в письме к Погодину от 18 января 1836 г.

196. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“ V, стр. 199—201. Подпись Гоголя и ряд поправок к тексту — в „Письмах“, IV, стр. 451.

— *... фабрикант, взявши деньги, вдруг вздумает улизнуть.* — Именно это и случилось в Васильевке в том же 1834 году, вскоре после этого письма. Ср. примечание к № 156.

— *... я советовал вам ...* и т. д. — см. № 193.

197. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 65—66; пропуски восстановлены в „Письмах“, I, стр. 285.

— *князь Петр* — Петр Андреевич Вяземский (1792—1878).

— *Вацлав* — то есть сборник песен Вацлава з Олеска.

— *По мне, разделения не нужно в песнях.* — Максимович оговаривался, что его деление „только приблизительно“. (Предисловие к „Украинским народным песням“ 1834, стр. V).

198. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 66, с пропуском, восстановленным в „Записках“, I, стр. 134.

— *Песню про Нечая* Максимович ввел в свое издание „Украинских народных песен“, ч. I, М., 1834, стр. 97—100 (два варианта). Во вводной заметке (стр. 97) он упоминает о Потоцком вместо Каневского в одном из имеющихся у него списков; возможно, что это и есть тот список „из Галицкого собрания“, который прислал ему Гоголь.

— *Владимир Францович Цых* (1805—1837) — из адъюнктов Харьковского университета был переведен экстраординарным профессором в Киевский университет на кафедру всеобщей истории, которую предполагал занять Гоголь.

199. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 14—15.

— *Н. И. Греч* (1787—1867) — редактор „Сына Отечества“ (1812—1839) и издатель (совместно с Ф. В. Булгариным) „Северной Пчелы“.

200. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Русской Старине“ 1889, № 1, стр. 141, где Шенрок отнес это письмо к 1834 г.; в „Материалах“ он же отнес его к „концу 1833 г.“, в „Письмах“, I, стр. 295 — к „маю 1834 г.“. Письмо должно быть отнесено к весне 1834 г. Ср. упоминание о семенах в письме к матери от 13 мая 1834 г. Гоголь, очевидно, ссылался на комментируемое письмо. Слова: „хоть они садятся несколько поздно“ и т. д., слова садовника: „Они весьма могут поспеть *в июне*“, а также советы Гоголя — „насеять побольше картофелю, если хлеба немного“, — указывают скорее всего на апрель 1834 г. Письмо, видимо, *предшествует* письму от 20 апреля 1834 г. (ср. „Насчет фабрики я не то хотел сказать“).

201. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии", стр. 67 (с пропусками); полностью — в „Записках", I, стр. 134 — 135.

— *„У министра"* — С. С. Уварова (см. примечание к письму № 185).

202. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии", стр. 67 — 69 (с пропусками); полностью — в „Письмах", I, стр. 289 — 292.

Назначение Максимовича профессором русской словесности Киевского университета состоялось 4 мая 1834 г.

— *министр* — С. С. Уваров.

— *... читаю твои толстые книги ...* — речь идет о двух томах песен, собранных Ходаковским, за присылку которых Гоголь тут же благодарит Максимовича.

— *Отпечатанные листки ...* — Начиная с письма от 16 апреля, Максимович, обычно, присылал Гоголю готовые листы своих „Украинских народных песен" по мере их печатания.

— Приведенный Гоголем в письме пример взят из „Думы о Федоре Безродном", помещенной в сборнике Максимовича первою — на стр. 5—7 (перевод — на стр. 7—8).

— *Вот всё, что отстоялось ...* — Гоголь цитирует не совсем точно первую строфу стихотворения Дельвига „К П.***" (т. е. к П. А. Плетневу), напечатанного в „Литературной Газете" 1830, № 55, стр. 152.

Броженье юности унялось,
Остепенился твой поэт:
И вот ему что отстоялось
От прежних дел, от прошлых лет...

— *... в последний отдел твоего первого тома.* — Последний отдел первой части в сборнике Максимовича составляют „Песни казацкие *бытовые*" (кн. III).

— *Песни люду Галичского* — см. примечание к № 186.

— Затруднения с приобретением книг на польском языке объясняются репрессиями в отношении поляков и польских книг после восстания 1830—1831 гг.

— *Наум* — см. выше, примечание к письму № 173; здесь, может быть, идет речь о новом издании этой книги, вышедшей в 1833 г. и неоднократно переиздававшейся.

— *безалаберщина ... на праздниках* — письмо написано за несколько дней до пасхи, которая в 1834 г. была 22 апреля.

203. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Сочинениях и письмах", V, стр. 208—209; полностью — в „Вестнике Европы", 1896, № 6, стр. 735—736.

— *Поручение.... к князю Кочубею* могло быть в связи с размежеванием владений кн. В. П. Кочубея в Диканьке и Гоголей в Яворивщине. (См. № 171).

— *Пожалуйста не приписывайте мне чужих сочинений.* — Ср. письма к матери №№ 103 и 175. На этот раз М. И. Гоголь сочла произведениями своего сына сочинения „Барона Брамбеуса", т. е. О. И. Сенковского.

204. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Сочинениях и письмах", V, стр. 209—210; полностью — в „Вестнике Европы" 1896, № 6, стр. 736—737.

Кулиш и Шенрок отнесли это письмо к весне 1834 г., поместив его между письмами к матери от 20 апреля и от 13 мая. В письме говорится о „прекрасной погоде, совершенном лете" на пасхальной неделе (пасха была 22 апреля); это было именно в 1834 г. (ср. № 203).

205. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 210; заключительные слова — в „Письмах", IV, стр. 451.

— *Получили ли вы семена?* — см. письмо № 200.

— ... *кордон испанский* — испанский артишок.

206. А. С. ПУШКИНУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве" 1880, № 2, стр. 512.

Датируется по связи с письмом к Пушкину от 23 декабря 1833 г.

— *Левашов,* граф, Василий Васильевич (1783 — 1848), — генерал от кавалерии, был в это время (1832—1835) генерал-губернатором киевским, подольским и волынским; как видно из письма, особенно из слов „*точно* будет излишне" и „это лучше сделать .... через меня", — Гоголь в своих хлопотах о киевской кафедре имел в виду чью-то протекцию к Левашову, но Пушкин отговорил его. Из дальнейшего видно, что Левашову писал о Гоголе Д. В. Дашков (см. письмо № 223 к М. А. Максимовичу) и даже два раза. Левашов в 1815—1817 гг. был командиром лейб-гвардии Гусарского полка, с офицерами которого Пушкин был близок в лицейские годы (см. „Ноэль на Лейб-Гусарский полк" Пушкина 1816 г., где полк назван „конюшней Левашова"). В 1820 г. Лева-

шов был председателем суда над участниками восстания в Семеновском полку; в 1826 г. — членом Верховного уголовного суда по делу о декабристах.

На письмо Гоголя Пушкин отвечал: „Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти Телеграфа, поговорю и о Вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. Авось уладим". („Переписка Пушкина", III, стр. 114).

207. А. С. ПУШКИНУ.

Впервые напечатано в „Русской Старине" 1879, № 4, стр. 776, где воспроизведено факсимиле. На втором листе подлинника, служившем оберткой для адреса, записан (рукою Пушкина) отрывок украинской песни (затем ряд цифровых подсчетов. См. „Рукою Пушкина". „Academia" 1935, стр. 552—554).

Шенрок предположительно датировал письмо июлем 1834 г. Содержание его настолько неопределенно, что точная датировка затруднительна. В период хлопот о кафедре — т. е. между декабрем 1833 г. и июлем 1834 г. — Гоголь мог бывать у Уварова не один раз. Но по связи с письмом к Пушкину от 13 мая 1834 г. (упоминание о болезни) и общему тону (отсутствие „утешительных" известий) — более вероятна датировка маем 1834 г.

208. К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве" 1909, № 4, стр. 635.

Письмо датируется маем 1834 г. по упоминанию об „особо отпечатанных листках" (т. е. оттисках) *статей* Гоголя — очевидно, двух статей, напечатанных в апрельской книжке „Журнала Министерства народного просвещения" (см. № 195). О тех же оттисках Гоголь упоминает в письме к М. А. Максимовичу от 29 мая 1834 г. (№ 210).

Тема новой статьи для „Журнала Министерства народного просвещения", данная Гоголю Уваровым, не известна. Следующей статьей Гоголя в „Журнале Министерства народного просвещения" была статья „О средних веках" (сентябрьская книжка).

Говоря о своей „участи", Гоголь имеет в виду вопрос о занятии кафедры в Киевском университете. Предполагаемая поездка Гоголя на Кавказ не осуществилась. Ср. № 209.

Имя приятеля Гоголя, с которым он хотел совершить поездку, не известно. (Ср. № 249).

209. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Опыте биографии" стр. 69—70; полностью в „Письмах", I, стр. 298—299.

— *О Введении* . . . — Речь идет о „предисловии" к сборнику

Максимовича (страницы III—VII), содержащем, между прочим, предложенную Максимовичем классификацию песен; свои соображения по этому вопросу Гоголь уже раньше высказывал Максимовичу (см. № 197).

О статьях Гоголя в апрельской книжке „Журнала Министерства народного просвещения“ 1834 г. см. примечание к № 195.

210. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 70—71.

— *Благодарю . . . за листки песен* — см. примечание к № 202.

— *изданиях — твоем и Цертелева* — имеются в виду: „Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем, М. 1827“, и „Опыт собрания старинных малороссийских песен“ Н. Цертелева, СПб., 1819. В журнальном тексте гоголевской статьи о собраниях Максимовича и Срезневского только упомянуто в сноске; кроме того, в тексте статьи приведена цитата из Максимовича; в „Арабесках“ о собрании Максимовича в той же сноске сказано несколько больше, а указание на Срезневского вовсе исключено; о Цертелеве вообще не было упоминания.

— *... особый отпечатанный листок, также и листок из истории Малороссии,* — т. е. печатные оттиски из „Журнала министерства народного просвещения“ (см. примечание к № 208).

211. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ.

Впервые напечатано В. И. Срезневским в „Русской Старине“ 1892, № 3, стр. 758—759.

— *Я тоже был в отсутствии.* — На отсутствие Гоголь ссылался, повидимому, для оправдания своего запоздалого ответа на письмо Срезневского: в марте — мае 1834 г. Гоголь не выезжал из Петербурга.

— *Поблагодарите также земляка нашего . . .* — Возможно, Срезневский имел в виду кого-нибудь из членов своего кружка, например, А. Ф. Хиджеу, собиравшего материалы для истории Украины и напечатавшего любопытные записи о Сковороде (см. „Запорожская Старина“, вып. I, стр. 127).

— Из рецензий на „Запорожскую Старину“ необходимо отметить рецензию М. Максимовича („Молва“ 1834, № 6, стр. 92—94).

212. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Опыте биографии“, стр. 71; полностью — в „Письмах“, I, стр. 302—303.

— *Дашков,* Дмитрий Васильевич (1788—1839) и *Блудов,* Дмитрий Николаевич (1785—1864), — литературные деятели 10—20-х годов, бывшие арзамасцы, личные друзья Жуковского; в 30-х годах — крупные

государственные деятели: Дашков — с 1832 г. министр юстиции, Блудов — с 1832 по 1837 г. — министр внутренних дел. Гоголь бывал в доме Дашкова (см. запись в дневнике Пушкина от 3 мая 1834 г.).

— О статьях Гоголя, которыми, по его словам, „очень доволен" был Уваров, см. примечания к №№ 185 и 195.

— *Кременецкий лицей* (1806—1831), — закрытый правительством Николая I вскоре после ликвидации польского восстания 1830—1831 г., был базой, на которой был основан Киевский университет (см. Владимирский-Буданов, История университета св. Владимира, т. I, Киев, 1884, стр. 60—62 и 95—96).

213. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Опыте биографии", стр. 72; полностью — в „Письмах", I, стр. 303—304.

На обороте последней страницы письма запись Максимовича: „Ответ 23 июня".

— *почула* (укр.) — услышала, почуяла.

214. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 240—241; подпись (первая) — в „Письмах", IV, стр. 451.

Кулиш отнес письмо к 1835 г., но датировка его, оспоренная еще Шенроком (Письма, I, стр. 304), несостоятельна уже потому, что июнь 1835 г. Гоголь проводил в Васильевке.

— *Новый племянник* Гоголя — второй сын М. В. Трушковской — Иван. Умер в раннем детстве.

— *Здесь теперь большой съезд.* — Гоголь имеет в виду предстоявшее открытие Александровской колонны 30 августа 1834 г.

215. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине" 1855 г. № 19—20 (октябрь), стр. 15—16.

В недошедшем до нас письме Погодин, вероятно, предлагал Гоголю просить места адъюнкта в Московском университете.

— *Статьи* Гоголя, которые „понравились" Погодину, — статьи в „Журнале Министерства народного просвещения" 1834 г. (см. примечания к №№ 185 и 195).

216. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Опыте биографии", стр. 73—74; полностью — в „Письмах", I, стр. 306—309.

217. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 74—75 (с пропуском); полностью — в „Письмах“, I, стр. 309—310.

— ... *тетрадь песен.* — Еще в письме от 9 ноября 1833 г. (№ 181) Гоголь обещал Максимовичу прислать находящиеся у него песни, „которых будет до 200“. 6 марта 1834 г. он пишет И. И. Срезневскому (№ 192), что в „прошлом“ (т. е. 1833) году около 150 песен отдал Максимовичу.

218. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 218—220; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 452.

— ... *я не вижу даже большой необходимости ехать вам в Воронеж* — М. И. Гоголь собиралась в Воронеж на богомолье.

— *Если бы я поехал теперь, я бы потерял по службе.* — Гоголь намекает на хлопоты о кафедре в Киеве, не открывая матери самого замысла.

— *Смирдина журнал* — „Библиотека для Чтения“ (см. примечание к № 187). Гоголь преувеличивал, перенося свое отношение к „Библиотеке для Чтения“ в первый же год ее существования на „всех порядочных людей и великих писателей“. Пушкин сотрудничал в „Библиотеке“ в течение всего 1834 и начала 1835 г.

219. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 75—76 (с пропусками); полностью — в „Письмах“, I, стр. 312—314.

— *Экземпляры песен* — сборник Максимовича „Украинские народные песни“. М., 1834 (цензурное разрешение 23 марта 1834 г.).

— *Жуковский читал некоторые* — то есть, читал вслух наследнику, своему ученику.

— ... *преинтереснейший и прелюбезнейший человек* — Семен Данилович Шаржинский (ср. № 223 и 224), знакомый Пушкина и Гоголя. Шаржинский служил в Почтовом департаменте; впоследствии жил в Житомире. См. о нем комментарий М. А. Цявловского в книге „Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851 — 1860 годах“. М. 1925, стр. 117.

— *Голоса* — „Голоса украинских песен“, положенные на ноты А. А. Алябьевым; первая тетрадь (25 песен) вышла несколько ранее „Украинских народных песен“ Максимовича (см. Предисловие, стр. VII); Гоголь упомянул о „Голосах“ в примечании к статье „О малороссийских песнях“ при перепечатке ее в „Арабесках“.

220. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 16.

— *Редькин* — П. Г. Редкин (1808—1891), — товарищ Гоголя по Гимназии высших наук; с 1828 г. был за границей, подготовляясь к профессорской деятельности. В 1835 г. получил ученую степень доктора права и назначен в Московский университет читать энциклопедию права; впоследствии — знаменитый профессор.

221. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 222; подпись — в „Письмах", IV, стр. 452.

— *Я теперь только профессор здешнего университета и больше никакой не имею должности* — 24 июля 1834 г. Гоголь был назначен адъюнктом по кафедре истории при Петербургском университете, но вплоть до июня 1835 г. продолжал состоять и в числе преподавателей Патриотического института.

— ... *Ларий* (Илларион) *Иванович Трощинский* — доводился внучатым племянником министру Д. П. Трощинскому. В 1820-х годах Илларион Трощинский был студентом Харьковского университета и дружил с отцом Гоголя. (В. Чаговец. „Письмо по поводу смерти В. А. Гоголя". „Памяти Гоголя", 1902, отд. III, стр. 47). Илларион Трощинский служил в Петербурге. В 1845 г. он занимал место старшего столоначальника в Провиантском департаменте Военного министерства.

222. В. В. ТАРНОВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Киевской Старине" 1882, № 3, стр. 826—827.

— *Нибур* (Niebuhr) — Бартольд Георг (1776—1831) — знаменитый историк. Гоголь имеет в виду его „Римскую историю" (Römische Geschichte), выходившую с 1811 по 1832 г., так и не законченную автором. На русский язык переведена не была. „Римская история" составила эпоху в исторической науке последовательным критицизмом, лежащим в основе его метода.

— *Григорий Степанович Тарновский* — *дядя* В. В. *Тарновского.*

— *болящий* — видимо, другой дядя — Владимир Васильевич.

— *Марков* Владимир Михайлович — товарищ Гоголя по Гимназии высших наук, одного с ним выпуска. (Гербель, стр. CXXX).

223. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии", стр. 76—78 (с пропусками); *полностью* — в „Письмах", I, стр. 318—320.

На подлиннике помета Максимовича „25 авг." — может быть, дата его ответа Гоголю.

—„ *дал пидплесня*" (укр. — підплесня) — дал пинка, шлепка.

— *князь Корсаков* — кн. Дондуков-Корсаков Михаил Александрович — см. примечание к № 236.

Обещание „через три месяца экстраординарного профессора“ было, вероятно, сопровождено условиями усиления специальной научной работы; во всяком случае, повышение это не осуществилось.

— *... ставлю пиесу ...* и т. д. — Первая упоминаемая здесь пьеса, — вероятно, „Женитьба“, которую Гоголь в то время предполагал ставить; вторая пьеса была, повидимому, лишь неопределенным замыслом (см. Вас. Гиппиус, „Литературное общение“, гл. III).

— *... тамошние профессора большие бестии* и т. д. — Гоголь имеет в виду реакционную группу нежинских профессоров, поднявших дело о „вольнодумстве“ (см. примечание к № 45).

224. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 78 (с пропусками); полностью — в „Письмах“, I, стр. 321—322.

— *... в вашей библиотеке* — т. е. в библиотеке недавно открытого Киевского университета, куда между прочим вошла и богатая библиотека Кременецкого лицея.

— *... Я получил много подвозу ...* — Гоголь имеет в виду получение новых записей песен из дому — от родных и знакомых.

— *Берлинский* Максим Федорович (1764—1848) — один из первых историков Киева, автор работ „Историческое описание Малороссии и г. Киева“, „Краткое описание г. Киева“ и др. Долгое время был преподавателем, а с 1834 г. — инспектором Киевской гимназии.

— *У монахов* — т. е. в библиотеках киевских монастырей и, особенно, Киево-Печерской лавры.

— *Я тружусь как лошадь .... не над лекциями.* — Гоголь работал в это время над подготовкой к печати „Арабесок“ (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г.) и „Миргорода“ (ценз. разрешение — 29 дек. 1834 г.), что потребовало от Гоголя в течение всего 1834 г. исключительного творческого напряжения.

225. В. В. ТАРНОВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Киевской Старине“ 1882, № 3, стр. 628—629.

Гоголь написал Максимовичу о Тарновском 22 января 1835 г. (№ 235; ср. также № 245). Максимович мог представить Тарновского только по кафедре словесности. Тарновский согласился на это, но попечитель Киевского учебного округа Брадке не утвердил представления Максимовича. (См. М. Максимович. „Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде“. СПб. 1871).

— *Мишле* (Michelet, Jules; 1798—1874) — французский историк и публицист. В это время начинали уже выходить первые тома его Истории Франции, но, упоминая о „новой истории“, Гоголь имеет, вероятно, в виду „Tableau chronologique de l'histoire moderne“ 1825 г. и „Précis

de l'histoire moderne" 1829 г. В библиотеке Гоголя был также историко-философский труд Мишле „Introduction à l'histoire universelle". (Соч. Гоголя, 10 изд., т. VI, стр. 689). Впоследствии Гоголь относился к Мишле как к историку иронически (см. письмо к А. О. Смирновой от 7 ноября 1838 г.: „Мишле, как попугай, повторяет Нибура").

— *Демишель* (Desmichels, Ovide-Chrysanthe; 1793—1866) — автор книг по истории средних веков: „Histoire générale du moyen âge" 1831 и 1835 гг. и упоминаемого Гоголем краткого курса: „Précis de l'histoire du moyen âge" 1827 г., ряд переизданий. См. отзыв Гоголя о Демишеле в „Библиографии средних веков".

— *Булыч* (Булич?) — лицо невыясненное.

226. К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве" 1876, № 10, стр. 202.

Письмо обращено к К. С. Сербиновичу как к редактору „Журнала Министерства народного просвещения". Гоголь благодарит за присылку корректуры своей статьи: „О средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем", напечатанной в „Журнале Министерства народного просвещения" 1834, ч. III, № 9, сентябрь, стр. 409—427.

Слово „чутье" находится в начале статьи, в третьем абзаце (стр. 412): „. . . рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление; но я не отрицаю также, что для самого уменья найти всё это нужно быть одарену свыше тем чутьем, которым обладают немногие историки".

Пушкин употребил слово „чутье" в заметке об идиллиях Дельвига; эта заметка, предназначенная для включения в цикл „Отрывки из писем, мысли и замечания" („Северные Цветы" на 1828 г.), не была напечатана при жизни Пушкина, но Гоголю могла быть известна в чтении Пушкина. Затрудняемся указать другой случай употребления этого слова Пушкиным; не находим его и в печатном тексте упоминаемого Гоголем „Путешествия по Саксонии" Жуковского.

227. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине" 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 17—18.

— *Журнал,* о котором писал Погодин, — „Московский Наблюдатель" — проектировался бывшими участниками „Московского Вестника" и „Европейца" через полтора года после неосуществленной попытки издания литературного альманаха (см. примечание к № 165). Основным заданием журнала был идейный отпор Сенковскому и Булгарину, представителям „торгового направления" петербургской журналистики.

Советы Гоголя сделать журнал дешевым массовым изданием обличительного направления — не были приняты коллективом учредителей „Московского Наблюдателя“.

9 декабря 1834 г. было получено разрешение на издание „Московского Наблюдателя“. Оговаривалось, что цель журнала „единственно литературная, без примеси чего-либо политического“ („Русская Старина“ 1903, кн. 3, стр. 590). 19 февраля 1835 г. была разрешена цензурой первая (мартовская) книжка журнала, а 15 марта она вышла в свет (см. рецензию в „Молве“ 1835, № 14, стр. 224—227).

Сотрудничество Гоголя в „Московском Наблюдателе“ не осуществилось; свою оценку журнала он дал через год в статье „О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.“. Общую характеристику „Московского Наблюдателя“ и взаимоотношений с этим журналом Гоголя см. в статье Н. И. Мордовченко „Гоголь и журналистика 1835—1836 гг.“ („Н. В. Гоголь, Материалы и исследования“, II, стр. 106—150).

— *Кое-какие вещи,* которые печатал Гоголь, — „Арабески“ и „Миргород“.

Высказывания Гоголя по поводу „Герена“ и „глупого Каченовского“ связаны с подготовлявшейся Погодиным книгой: „Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. Часть первая. М., 1835“ (ценз. разр. 13 июня 1835 г.; цензор М. Каченовский). Ср. №№ 231 и 268.

— *Печатаешь ли ты Демишеля...* — „История средних веков“ Демишеля, которую перевели студенты Погодина, была издана только в 1836 г. Ср. об этой книге у Н. Барсукова, IV, стр. 212.

228. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 226—227; заключительные строки (перед припиской) — в „Письмах“, IV, стр. 462.

— *после нового года я получу сколько-нибудь денег.* — Эти деньги Гоголь имел в виду получить с подготовлявшихся им в 1834 г. изданий „Арабески“ и „Миргород“.

— *Я всё тем же, чем и был, т. е. коллежским асессором.* — С этим чином 8 класса Гоголь вышел в 1835 г. в отставку.

229. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано с опечаткой в дате (вместо 14 декабря — 19 декабря) в „Москвитянине“, 1855 г., № 19—20 (октябрь), стр. 18—19.

— *Исторические отрывки,* на которые Гоголь просит Погодина „не глядеть“, — статьи Гоголя, напечатанные в „Журнале Министерства народного просвещения“ в 1834 г. и одобренные Погодиным (см. № 217).

О характере университетских чтений Гоголя и его неудачной профессорской деятельности см. данные в воспоминаниях Н. И. Иваниц-

кого — „Отечеств. Записки“ 1853 г., № 2, стр. 119—121, В. В. Григорьева — „Русская Беседа“ 1856 г., кн. 3, стр. 24—25, и И. С. Тургенева в его „Литературных и житейских воспоминаниях“ (Ср. также Никитенко, стр. 262, и „Записки“ А. С. Андреева в альманахе „Сегодня“ II, М. 1927, стр. 164).

— *Всякая всячина,* которую печатал Гоголь, — „Арабески“.

— *Лекции,* — которые печатал Погодин, — очевидно, „лекции по Герену“ (см. примечание к № 227).

230. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 229 (с пропусками); полностью — в „Вестнике Европы“ 1896, № 6, стр. 737—738.

— ... *тяжелые годы* — неурожайные 1832 и особенно 1833 и малоурожайный 1834 годы.

231. А. С. ПУШКИНУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1880, № 2, стр. 513. Письмо не датировано. Шенрок отнес его (без аргументации) к декабрю 1834 г. Однако слова: „Если бы не эта задержка, книга моя, может быть, завтра вышла“ — показывают, что письмо написано не только не раньше декабря 1834 г. („Арабески“ разрешены цензором В. Семеновым 10 ноября 1834 г.), но скорее всего в январе 1835 г., т. е. незадолго до выхода „Арабесок“ (вышли около 20 января 1835 г.). Внимание цензуры было привлечено к „Миргороду“ и „Арабескам“ одновременно (см. комментарий к „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ в т. II настоящего издания). Помещаем поэтому письмо среди январских писем 1835 г. Гоголь воспользовался, повидимому, задержкой книги, чтобы посоветоваться с Пушкиным о тексте предисловия, и послал ему первый лист уже готовой к печати книги. Результаты этой просьбы неизвестны, так как предисловие дошло до нас только в тексте „Арабесок“.

232. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 230.

— *Князь Репнин* — генерал от кавалерии, князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский (1778—1845), занимал в 1816—1834 гг. пост малороссийского генерал-губернатора с резиденцией в Полтаве. Репнин пользовался большим влиянием среди дворянских кругов, связанных с украинским национальным движением первой трети XIX в. 6 декабря 1834 г. он был уволен от должности генерал-губернатора и назначен членом Государственного совета. Впоследствии Гоголь был знаком с Репниным и был в дружеских отношениях с его дочерью, Варварой Николаевной Репниной (см. письма Гоголя к ней).

— *Гурьев* — граф Александр Димитриевич Гурьев (1786—1865), сын известного министра финансов при Александре I. В чине генерал-лейтенанта он в 1832—1836 гг. занимал пост малороссийского генерал-губернатора.

233. А. С. ПУШКИНУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1880, № 2, стр. 513—514.

Шенрок ошибочно отнес письмо к декабрю 1834 г. Оно датируется по содержанию: „Арабески“ вышли в свет около 20 января 1835 г.; 22 января Гоголь посылает экземпляры в Москву, и эта дата является для данного письма предельной: Пушкин был, конечно, в числе первых, кому Гоголь послал свою книгу; кроме того, 23 января Гоголь уже вышел из дому после болезни (см. письмо № 236 к А. В. Никитенко).

Исполнил ли Пушкин просьбу Гоголя,— неизвестно. На экземпляре „Арабесок“, сохранившемся в библиотеке Пушкина, пометок нет экземпляр разрезан).

234. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855 г., № 19—20 (октябрь), стр. 20.

Вместе с своим письмом Гоголь посылал Погодину авторские экземпляры „Арабесок“ для раздачи своим московским литературным друзьям. (Ср. оценку Гоголем „Арабесок“, данную в этом письме, с аналогичной оценкой книги в письме к М. А. Максимовичу от 22 января 1835 г. и в предисловии к „Арабескам“).

235. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 79.

Написано при посылке сборника „Арабески“, вышедшего в первой половине января 1835 г. Ср. отзыв о нем Гоголя в письмах к М. П. Погодину №№ 229 и 234.

— *„История Пугачевского бунта“* — Пушкина (измененное цензурой заглавие „Истории Пугачева“), вышла в свет в конце декабря 1834 г.

„Стихотворения Жуковского“, изд. 4-е (А. Ф. Смирдина), тт. I—VIII: тома I—V и VII помечены 1835 годом, т. VI—1836-м, т. VIII—1837-м.

236. А. В. НИКИТЕНКО.

Впервые напечатано В. В. Гиппиусом в сборнике „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, стр. 49.

В архиве А. В. Никитенко (*ПД*) сохранилось всего четыре письма Гоголя; из них два напечатаны в „Письмах“ Шенрока (т. II, стр. 223—

224, приложение к т. IV, стр. 434—435) и одно, пропущенное Шенроком, — в „Русской Старине“ (1896, № 12); комментируемое письмо является самым ранним из сохранившихся писем Гоголя к Никитенко.

Александр Васильевич Никитенко (1805—1877) — профессор русской литературы, цензор, журналист и мемуарист; автор известной книги „Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был“ („Русская Старина“ 1888—1892; 1-е отд. изд. 1893; 2-е изд. 1905).

Знакомство Гоголя с А. В. Никитенко произошло не позже апреля 1832 г.; первоначально познакомились они как земляки-украинцы (см. Никитенко, запись от 22 апреля 1832 г.). Гоголь неоднократно имел дело с Никитенко как с цензором и порою вступал с ним на этой почве в конфликты (запись в дневнике Никитенко от 14 марта 1834 г.; эпизод с запрещением „Кровавого бандуриста“); в общем же как в это, так и в позднейшее время поддерживал с ним добрые отношения.

— *Оставил.... экземпляр* — экземпляр „Арабесок“, только что вышедших тогда в свет.

— *Князь* — М. А. Дондуков-Корсаков (1794—1869), в то время попечитель с.-петербургского учебного округа и председатель Цензурного комитета, а *стало быть — непосредственный начальник Никитенко по* службе; с 7 марта 1835 г. сверх того — 2-й вице-президент Академии Наук („князь Дундук“ известной пушкинской эпиграммы).

237. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 232; заключительные строки (к письму и приписке) — в „Письмах“, IV, стр. 452.

238. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855 г., № 19—20 (октябрь), стр. 20.

— *Я начал даже для них повесть.* — Ср. упоминания в письмах №№ 240—242. Вместе с письмом к Погодину от 18 марта 1835 г. (№ 243) Гоголь посылал для редакции „Московского Наблюдателя“ „Нос“; см. также №№ 246 и 248. Специально написанный для „Московского Наблюдателя“, „Нос“, однако, не был напечатан в этом журнале. Причины ненапечатания повести семь лет спустя были раскрыты В. Г. Белинским в его полемике 1842 г. с С. П. Шевыревым. Намекая на С. П. Шевырева, Белинский утверждал, что „один журнал отказался напечатать у себя повесть Гоголя «Нос», находя ее грязною“ — („Отечеств. Записки“ 1842 г., кн. 9 и 12; ср. Соч. Белинского, VII, стр. 410 и 509).

239. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 233.

— *...следуемые при сем книги* — только что вышедшие „Арабески“. Ср. письмо М. И. Гоголь к О. Д. Трощинской. (Ореус, стр. 678).

240. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано без обозначения даты в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 21.

Советы Гоголя — разослать „объявления огромными буквами“ и пр. — осуществлены не были.

— *Вечера на днях выходят* — Гоголь имел в виду „Миргород“, разрешенный цензурой 29 декабря 1834 г. (подзаголовок „Миргорода“: „Повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки“).

241. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855 г., № 19—20 (октябрь), стр. 21—22.

Книга Гоголя, которая „завтра должна поступить в продажу“, — „Миргород“.

— О „Московском Наблюдателе“ и его участниках см. примечание к № 227. Та характеристика редакционного аппарата и сотрудников „Московского Наблюдателя“, которую давал Гоголь в своем письме, всецело соответствовала действительности. Ср. письмо В. П. Андросова от декабря 1836 г. к А. А. Краевскому: „Сотрудников у Вас (т. е. в Петербурге. — *Ред.*) найти можно гораздо более, нежели у нас. Я окружен гениями, которые никак не хотят низойти до вещей обыкновенных, тогда как у Вас можно делать заказы: ты переводи это, ты пиши о том, ты ходи в театр и т. д.“ (архив А. А. Краевского в *ПБЛ*, том „А“, л. 286—287).

— *...уж не прав ли Полевой...* — Иронизируя над московскими литераторами, Гоголь имеет в виду рецензию Кс. Полевого на русский перевод книги Вальтера Скотта „Жизнь Наполеона“ — в „Московском Телеграфе“ 1833, № 9 (май). В этой рецензии Кс. Полевой оспаривал взгляд на войну 1812 г. как на войну народную.

— *Да ожидать ли тебя в Петербург?* — Погодин выехал в Петербург 18 февраля 1835 г. (см. Барсуков, IV, стр. 264—268). Впечатления от встреч с Гоголем Погодин изложил в своем „Письме из Петербурга“, опубликованном в „Московском Наблюдателе“ 1835 г., март, кн. 2, стр. 442—448.

242. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Впервые напечатано Б. С. Шевыревым в „Русской Старине“ 1875, № 9, стр. 113—114.

— *Шевырев* — Степан Петрович (1806—1864), историк литера-

туры, литературный критик и поэт. Это письмо — первое в ряду большого цикла писем Гоголя к Шевыреву (всего 90). Комментируемое письмо написано еще до личного знакомства Гоголя с Шевыревым.

Знакомство Гоголя с Шевыревым начинается с их встречи в Риме в конце 1838 г. и переходит в дружеские отношения в 1839 г., еще до приезда Гоголя в Россию. Вместе с Погодиным и С. Т. Аксаковым Шевырев входит в ту группу славянофильски настроенных „московских друзей", которые с этого времени влияют на Гоголя. Отношения с Шевыревым складываются при этом ровнее, чем с Погодиным (в 40-е годы) и с Аксаковым, хотя непосредственное идейное воздействие его на Гоголя было не велико. В ряде случаев Шевырев был поверенным Гоголя по устройству московских дел; при его ближайшем участии *подготовлялось в 1850 и 1851 гг. собрание сочинений Гоголя.* Письма Шевырева к Гоголю опубликованы в Отчете Публичной библиотеки за 1893 г., СПб., 1896. Об отношениях Гоголя и Шевырева см. „Материалы" Шенрока (по указателю), также „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, — комментарий А. Г. Дементьева к переписке Шевырева с П. А. Плетневым и С. Т. Аксаковым.

В конце 1832 г. Шевырев вернулся в Россию из заграничной поездки. С 1833 г. начинается его долголетняя деятельность в Московском университете как адъюнкта, а затем (с 1837 г.) и профессора по кафедре словесности. С 1835 г. Шевырев становится активным сотрудником „Московского Наблюдателя", где ведет отдел критики. К этому времени он уже довольно далеко отошел от робкого либерализма и „западничества" 20-х годов и постепенно превращался в убежденного теоретика „официальной народности".

К Шевыреву Гоголь обратился с письмом первый. Это объясняется не только интересом Гоголя к судьбам „Московского Наблюдателя". Шевырев в те годы пользовался авторитетом как широко образованный критик (см. рецензию Гоголя на „Историю поэзии" Шевырева). Шевырев написал о Гоголе в „Московском Наблюдателе" статью о „Миргороде" (см. т. II настоящего издания, стр. 686—687).

— *Кн. Одоевский* Владимир Федорович — не только „хотел приняться", но и начал статью о „Миргороде"; статья не была окончена (см. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 223).

Н. И. Надеждину Гоголь посылал экземпляр, очевидно, как издателю „Телескопа". Личных отношений между ними не было.

243. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано без даты и с выпуском строк о цензуре: „Если в случае глупая" и т. д., кончая „выжила из ума"—в „Москвитянине" 1855 г., № 19—20 (октябрь), стр. 22. Полностью, но с искажением в тексте, напечатано в „Письмах", I, стр. 338.

О поездке Погодина в Петербург и его свидании с Гоголем см. в примечании к письму № 241.

— *Посылаю тебе нос.* — Гоголь посылал Погодину „Нос“, предназначенный для „Московского Наблюдателя“, еще не зная, что первая (мартовская) книжка журнала 15 марта вышла в свет (см. примечание к № 227). О „Носе“, отвергнутом редакцией „Московского Наблюдателя“, см. примечание к № 238. „Нос“ был напечатан только через год в третьем томе Пушкинского „Современника“ 1836 г., причем тот эпизод повести, который имеет в виду Гоголь (сцена в Казанском соборе), не был пропущен цензурой, и Казанский собор был заменен Гостиным двором (см. комментарий к „Носу“ в т. III настоящего издания).

244. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропуском) в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 235—236; полностью — в „Вестнике Европы“ 1896, № 6, стр. 738.

Годовая дата определяется указанием на „обузу по университету“; единственный *март,* когда Гоголь читал в университете, был март 1835 г. Ср. письмо от 14 декабря 1834 г. к Погодину (№ 229): „На меня взвалили теперь и древнюю историю“ и т. д.

245. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 80—81.

Приведенная здесь цитата взята из любимой Гоголем народной юмористической песни: „Ходить гарбуз по городу“ ... ; между прочим, с начальными словами этой песни Гоголь вошел в первый раз к М. С. Щепкину (Ср. „Русская Старина“ 1872, № 2, стр. 283).

О В. В. Тарновском см. примечание к письму № 225.

246. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855 г., № 19—20 (октябрь), стр. 23.

Гоголь не знал о выходе в свет первой, давно ожидаемой им книжки „Московского Наблюдателя“ (вышла в свет 15 марта), а так как по времени (конец марта) редакции следовало бы выпустить уже и вторую (журнал был двухнедельным), — сделал заключение, что журнал „не будет существовать“ (см. выше в примечании к № 227).

О „Носе“ см. примечание к № 238.

247. М. И. ГОГОЛЬ.

Отрывок из письма впервые напечатан в „Записках“, I, стр. 161; более полный текст — в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 238—240;

опущенные Кулишом места восстановлены в „Материалах“, III, стр. 322—323, и в „Письмах“, IV, стр. 462. Ошибка в расположении текста указана в „Письмах“, IV, стр. 476.

— *Вы, говоря о моих сочинениях, считаете меня гением.* — Ср. приведенный В. И. Шенроком разговор с А. С. Данилевским („Материалы“, I, стр. 202).

— *... сочинения такого автора, которым гнушается истинный вкус автора* — т. е. сочинения О. И. Сенковского (см. № 203).

248. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 23. О „Московском Наблюдателе“ и „Носе“ см. №№ 227 и 238.

249. Г А. ФОН-ШВЕРИНУ.

Впервые напечатано Н. А. Белозерской в „Русской Старине“ 1887, № 12, стр. 755.

— *Густав Адольфович фон-Шверин* (1800—1871) — в 1835 г. состоял секретарем совета и управляющим канцелярией имп. Человеколюбивого общества. Отпуск Гоголю на четыре месяца в Кавказскую губернию для лечения был разрешен от Патриотического института 23 апреля 1835 г. Но необходимо было получить отпуск и по Петербургскому университету. Очевидно, Г. А. Шверин по просьбе Гоголя переговорил с Н. М. Лонгиновым, который в свою очередь уладил этот вопрос с попечителем Петербургского учебного округа кн. М. А. Дондуковым-Корсаковым.

Письмо датируется концом апреля 1835 г. по следующим соображениям: Гоголь пишет, что отпуск из университета ожидается в четверг и что он должен ехать в пятницу. Сообщая это в письме, он, несомненно, уже знал о разрешении Лонгинова от 23 апреля; этот день приходился на вторник; намеченной для отъезда пятницей было, стало быть, 3 мая. Это совпадает и с письмом его к М. П. Погодину от 17 апреля, в котором он пишет, что в Москве будет через две недели.

На Кавказ Гоголь не попал (см. № 208), а ограничился поездкой в Васильевку и в Крым.

250. А. А. ДЕГУРОВУ.

Печатается впервые. Подлинник — в архиве канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа (*ЛОИА*, фонд № 139, связка № 84, дело № 4484).

— *Дегуров*, Антон Антонович (A.-Jeudy Dugour; 1765—1849) — по происхождению француз; был профессором истории, географии и

статистики Харьковского университета, а с 1816 г. профессором Петербургского университета по французской словесности и по истории. Являясь ближайшим сотрудником Д. П. Рунича, вместе с ним участвовал в 1821 г. в разгроме Петербургского университета. Ректором университета был с 1825 до 1836 г.

Письмо является ответом на запрос администрации университета о причине пропуска Гоголем одной лекции. На основании рапорта инспектора студентов, попечитель Петербургского учебного округа в специальном отношении за № 992 от 22 апреля 1835 г. сделал запрос ректору университета о причинах неявки в университет по одному разу профессоров Соколова и Крылова, адъюнкта Гоголя-Яновского и лектора Варранда. По этим данным письмо и датируется.

251. Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ.

Впервые напечатано Н. В. Гербелем в „Русском Слове“ 1859, № 1, стр. 86—87. Год устанавливается упоминанием о предстоящей поездке в Крым. Правильность авторской даты—24 мая (о сомнениях см. Е. Петухов, „Письма Гоголя к Прокоповичу“, Киев, 1895 г.) подтверждается письмом к матери от 1 октября 1835 г. из Петербурга, где он пишет: „Мне были посланы отсюда две посылки, которые я должен был получить еще в июне месяце“.

— *Твоя пиеса* ... и т. д. — вероятно, одно из стихотворений Прокоповича.

Упоминание о „Совете“ остается неясным.

— *История Англии аббата де Тоараса* ... — „История аглинская. Соч. Рапина де Тоараса. Перевел с французского Степан Решетов. 6 частей. СПб., 1768—1783“. — Перевод книги Paul de Rapin - Thoyras (1661—1725): „Histoire de l'Angleterre depuis l'établissement des Romains dans la Grande Bretagne jusqu'à la mort de Charles I“. La Haye 1724—1736, 13 vols. 3 последних тома написаны не Рапеном. Называя Рапена „аббатом“, Гоголь ошибался. Книга Рапена нужна была Гоголю для работы над драмой из англо-саксонской истории „Альфред“. (См. М. П. Алексеев. „Драма Гоголя из англо-саксонской истории“. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, II, стр. 242—285, и комментарий в т. V настоящего издания).

— ... *и что такое писатоночки* — то есть: что пишешь. Такие шутливые уменьшительные формы (на „-оночки“) Гоголь нередко употреблял в обращениях к Н. Я. Прокоповичу.

— ... *Ге, Гус, Гюго, Жанен* ... — Эти прозвища нежинских товарищей находят себе объяснение в статье П. В. Анненкова „Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 г.“ См. примечание к № 110.

— *София Ге* (Sophie Gay, 1776—1852)—французская романистка. Анненков вспоминает, что именем Софии Ге был прозван какой-то „скромный товарищ“, в 1857 г. уже умерший.

— *Гус* — происхождение этого прозвища и лицо, к которому оно относится, не ясно. Не был ли прозван так кто-нибудь из нежинцев в честь Арсена Гуссе (Arsène Houssaye или Housset, 1815—1896), поэта, романиста и критика романтической школы?

— *Жюль Жанен* (Jules Janin, 1804—1874) — известный французский литератор, критик и фельетонист. О литературных взаимоотношениях Гоголя и Ж. Жанена см. в книге В. В. Виноградова „Эволюция русского натурализма", „Academia", Л., 1929, стр. 153—206. „Жюль Жанен", или просто „Жюль", было прозвище П. В. Анненкова.

252. Г. И. СПАССКОМУ.

Впервые напечатано Б. Смирновым в „Сибирских Огнях" 1927, № 1, стр. 117—118.

— *Григорий Иванович Спасский* (1784—1864), — уроженец Рязанской губернии, с 1810 г. — член-корреспондент Академии Наук по разряду восточной словесности и древностей, исследователь Сибири и черноморского побережья. 1806—1807 — сибирский период его жизни (путешествие в Китай с посольством графа Потоцкого), затем горная служба в штате Колывано-Воскресенских заводов, 1817—1834 — петербургский период: служба в горной экспедиции „Кабинета его величества", издание журналов „Сибирский Вестник", „Азиатский Вестник" и сотрудничество в различных периодических изданиях — литературных и научных. 1835—1864 — новороссийский период, начатый в Крыму (Перекоп), где Спасский заведывал соляными промыслами. По выходе в отставку (1838) поселился в Одессе, где принимал участие в ученых предприятиях Общества истории и древностей.

Письмо Гоголя от 1 июня 1835 г. Спасский получил 19 июня (пометка Спасского на письме Гоголя: „19 июня 1835 г. В Перекопе"). В письме от 22 июня 1835 г. (напечатано в „Сибирских Огнях" 1927 г., № 1, стр. 118) Спасский отвечает на все интересующие Гоголя вопросы.

— *куча домашних забот*, о которой говорится в письме Гоголя, не помешала ему выполнить по крайней мере часть плана: в июне или июле он был в Крыму, „где пачкался в минеральных грязях" (письма №№ 253 и 254). Состоялась ли в эту поездку встреча Гоголя со Спасским — неизвестно.

253. И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ.

Впервые напечатано В. И. Срезневским в „Русской Старине" 1892, № 3, стр. 759—760.

— *Очень рад, что вы наконец отпечатали четыре книжки разом вашей Старины* . . . — Эти слова основаны на недоразумении: в 1835 г. вышел один выпуск „Запорожской Старины", часть II, вып. 2, четвертый по общему счету, о чем, вероятно, Срезневский и сообщал Гоголю.

254. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве“ 1871, № 4—5, стр. 948—949.

— *Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество...* — Летом 1835 г. Гоголь работал над „Альфредом“; тогда же, вероятно, обдумывал сюжет и план „Мертвых душ“; могли быть, конечно, и другие „сюжеты и планы“.

Представление Н. М. Лонгинову об увольнении Гоголя и о назначении на его место учителя Соколовского было сделано начальницей Патриотического института Л. К. Вистингаузен 25 июня 1835 г. Просьба мотивировалась тем, что Гоголь, „будучи одержим болезнию, может пробыть в отпуске весьма долгое время и тем поставить институт в затруднение“. („Русская Старина“, 1887, № 12, стр. 755).

255. М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Впервые напечатано в „Опыте биографии“, стр. 82.

—... *два дни с тобою* — к этим словам Максимович сделал на подлиннике примечание: „Он прожил у меня, в доме Катеринича, дней пять“. — Подробнее об этой встрече с Гоголем Максимович рассказывает в статье: „Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде“. СПб., 1871, стр. 54 и сл.

256. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855, № 19—20 (октябрь), стр. 22.

Судя по содержанию, письмо написано в пору пребывания Гоголя в Москве. В течение 1835 г. Гоголь был в Москве дважды — в начале мая и в августе. Данных для более точной датировки письма не имеется.

— „*Редька*“ — П. Г. Редкин; см. примечание к № 222.

257. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Письмах“, I, стр. 350.

Приблизительная дата устанавливается по тем же основаниям, что и дата предшествующего письма.

258. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 243; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 452.

259. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропусками) в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 244; полностью — в „Вестнике Европы“ 1896, № 6, стр. 738—739.

В Белгород М. И. Гоголь ездила, вероятно, на богомолье к гробнице епископа Иоасафа Белгородского (в местном мужском монастыре).

— *Как вы сделались с Татьяной Ивановной?* — У Т. И. Черныш (по первому мужу Данилевской), соседки-помещицы, М. И. Гоголь брала деньги в долг в связи с неурожайными годами и катастрофой с кожевенной фабрикой.

— *...два года тому назад был у вас на именинах* — на самом деле три года тому назад, — в 1832 г.

— *Еще ваши именины я помню один раз.* — Это было 1 октября 1828 года.

— *Данилевский Федор Якимович* — родственник А. С. Данилевского („Материалы", IV, стр. 719).

— *Ларий Тр.* — Илларион Иванович Трощинский.

Приписка адресована тетке Гоголя, Ходаревской.

260. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые с пропусками напечатано в „Сочинениях и письмах", V, стр. 244—245; полностью — в „Вестнике Европы" 1896, № 6, стр. 739—740.

— *Бабушка* — М. И. Косяровская, овдовевшая в конце 1835 г., мать М. И. Гоголь.

— *...с моей сестрицей.* — Так называет Гоголь дочь Ходаревской — Марью Николаевну Синельникову.

261. М. И. ГОГОЛЬ.

Печатается впервые. Письмо А. В. Гоголь — запоздалое поздравление матери с днем ее именин (1 октября). Ср. № 259. Приписку Гоголя следует датировать первыми числами октября: к этому времени должно было дойти до Петербурга письмо М. И. Гоголь, посланное 17 сентября („17 октября" — очевидная описка).

262. А. С. ПУШКИНУ.

Впервые напечатано в „Русском Архиве" 1880, № 2, стр. 514.

Письмо послано Пушкину в Михайловское (Пушкин уехал из Петербурга в Михайловское 7 сентября, возвратился 23 октября 1835 г.). Повидимому, в ближайшее же свидание в Петербурге Пушкин поделился с Гоголем собственным замыслом (комедии?) с сюжетом о мнимом ревизоре и, возможно, припомнил несколько соответственных случаев из жизни (в том числе — с самим Пушкиным в 1833 г.). После этого Гоголь прерывает работу над „Женитьбой" и принимается за работу над „Ревизором". См. комментарий к „Женитьбе" и к „Ревизору" в т. V и т. IV настоящего издания.

Упоминание о работе над „Мертвыми душами" в письме — первое из дошедших до нас упоминаний. О переходе сюжетов „Ревизора" и „Мертвых душ" от Пушкина к Гоголю см. Вас. Гиппиус. „Литературное общение", гл. III.

263. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано с большими пропусками в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 245—246; пропуски восстановлены в „Материалах“, I, стр. 212—213 и „Письмах“, I, стр. 354—356; первая подпись печатается впервые.

— ...*о которых я писал вам из Любека.* — См. письмо № 91.

— ...*куда бабушка Марья Илична подала просьбу.* — М. И. Косяровская, как наследница мужа, И. М. Косяровского, продолжала его тяжбу (см. № 122).

264. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано (с пропуском) в „Сочинениях и письмах“, стр. 246, полностью — в „Вестнике Европы“ 1896, кн. 6, стр. 740.

— *Об Олиньке я хлопотал.* — Сама О. В. Гоголь рассказывает: „Когда мне минуло десять лет, тогда брат приехал, чтобы меня взять в Петербург, но сестра ⟨М. В. Трушковская⟩ сказала ему, что у меня, кроме глухоты, и памяти нет“. После того, как брат удостоверился, что нет памяти, „брат сказал матери: «воспитывайте ее сами» и уехал“. (О. В. Головня, стр. 8). Попытка поместить Ольгу Васильевну Гоголь в Патриотический институт не увенчалась успехом.

265. М. П. ПОГОДИНУ.

Впервые напечатано в „Москвитянине“ 1855 г., № 19—20 (октябрь), стр. 23—24.

„Письмо“ Погодина, — которое Гоголь „жадно читал“, — „Письмо ординарного профессора Московского университета Погодина к г. министру народного просвещения из Германии“ в „Журнале Министерства народного просвещения“ 1835, кн. VII.

Гоголь был уволен от должности адъюнкта по кафедре истории „по случаю преобразования С.-Петербургского университета“ — 31 декабря 1835 г. О последней лекции Гоголя в университете сохранилось свидетельство мемуариста („Русская Старина“ 1881, № 5, стр. 157).

Комедия, которую Гоголь решался „давать на театр“ (в Петербурге и в Москве) и которую уже окончил „третьего дни“ в Москве, т. е. 4 декабря 1835 г., — „Ревизор“.

Комедия, читанная Гоголем в Москве (4 мая 1835 г.) — „Женитьба“.

266. М. И. ГОГОЛЬ.

Впервые напечатано в „Сочинениях и письмах“, V, стр. 247—248; подпись — в „Письмах“, IV, стр. 453.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ.

№ 1.

Впервые опубликовано В. В. Гиппиусом в сборнике „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 286.

Подлинник в Библиотеке Академии Наук УССР (Киев); он представляет собою обгорелый с трех сторон лист бумаги; печатается по копии из материалов П. А. Кулиша (*ПД*), где воспроизведен весь текст. Копия сохранила и резолюцию директора: „Изготовить к моему подносу просимое свидетельство. Директор Ясновский". Временное свидетельство, видимо, тогда же было Гоголем получено; во всяком случае 13 декабря 1828 г. Гоголь выехал в Петербург, не получив еще „надлежащего аттестата", который помечен 25 января 1829 г.

№№ 2 и 3.

Впервые опубликованы В. В. Гиппиусом в сборнике „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 288 по подлинникам Архива внутренней политики, культуры и быта (Ленинград). См. „Дело № 1786 по прошению 14 класса Гоголь-Яновского об определении его в департамент". *Началось 18 ноября 1829 года; решено 25 февраля 1830 г.* Входящий № по 3 отделению 4011. При первой публикации дан и подробный комментарий к обоим прошениям.

На прошении о зачислении в департамент надпись, неизвестно чья: „Справиться, есть ли ваканция" и резолюция министра: „Употребить на испытание в деп. госуд. хозяйст. и публичных зданий, и при первом докладе лично г-ну директору со мной объясняться 15 ноября 1829 г." Число месяца на прошении Гоголем не проставлено, но имеются канцелярские пометы: 1 ноября 1829 г. (очевидно, дата поступле-

ния прошения) и 18 ноября 1829 г. (той же датой помечено и начало „дела“ об определении Гоголя). На прошении об увольнении резолюция (очевидно, директора департамента): „Возвратить. 26 февр. 1830 г.“

С обнаружением прошений Гоголя о зачислении в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий и об увольнении из департамента — разъясняется история его первой петербургской службы, сильно запутанная его биографами, в частности — мнимое противоречие между показаниями самого Гоголя (см. письма №№ 94 и 97) и М. И. Готоль (письмо от 6 апреля 1830 г. к П. П. Косяровскому; см. примечания к тем же письмам) — с официальными данными о службе Гоголя в Департаменте уделов: с одной стороны, было ясно, что Гоголь служил с конца 1829 г., с другой — он поступил на службу только в апреле 1830 г. Желая примирить эти противоречия, А. И. Кирпичников пытался „искать разгадки“ в клеветническом сообщении Булгарина („Северная Пчела“ 1854, № 175), утверждавшем будто Гоголь по приезде в Петербург „явился к одному петербургскому журналисту“ (т. е. к Булгарину), а тот, „тронутый его беспомощностью“, устроил ему место в канцелярии III отделения. Версия эта, впрочем, не разрешала противоречий (в письмах Гоголя к его матери речь идет о *Министерстве внутренних дел*), но, за неимением другой, была принята большинством биографов. С опубликованием подлинных прошений Гоголя служба его именно по Министерству внутренних дел и именно в конце 1829 — начале 1830 года подтверждается документально.

№№ 4 и 5.

Впервые опубликованы И. Г. Ямпольским („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, стр. 295 и 300, там же и подробный комментарий). Подлинники в двух делах I отделения Департамента уделов — „об определении и увольнении чиновников по 2-му отделению“. (Центральный государственный архив народного хозяйства. Ленинград). Первое — № 969, началось 23 февраля, кончилось 21 октября 1830 г.; канцелярские пометы: „По об. вход.⟨ящему⟩ № 6253. По I отдел. № 2681“. Второе — № 1068, началось 23 февраля, кончилось 24 декабря 1831 г.

Второе прошение (№ 5) Гоголем не датировано. Канцелярские пометы 23 и 24 февраля 1831 г. (очевидно — дата прошения и дата резолюции).

Основные документы, относящиеся к службе Гоголя в Департаменте уделов, см. в указанной выше публикации И. Г. Ямпольского.

№ 6.

Печатается впервые. Подлинник — в архиве Канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа (*ЛОИА*, фонд № 139, связка № 84, дело № 4483).

На подлиннике прошения имеется резолюция (без подписи), сделанная, вероятно, кем-то из должностных лиц Петербургского университета: „Просить разрешения высшего начальства, по тому уважению, что совет не имеет права давать отпуск на срок превышающий 28 дней. Между тем поручить г-ну ректору и декану историко-фил. факультета удостовериться на следующей неделе в познаниях студентов по части средней истории для соображения при переводе их в следующий курс". Очевидно, результаты проведенного обследования „познаний студентов" были удовлетворительными, — во всяком случае Совет университета обратился к попечителю учебного округа со специальным отношением от 17 апреля 1835 г. за № 148 о предоставлении отпуска Гоголю. К этому отношению было приложено и прошение Гоголя. От попечителя округа М. А. Дондукова-Корсакова было получено ответное отношение за № 1089 от 3 мая 1835 г. М. А. Дондуков-Корсаков сообщал, что по его представлению „г. министр народного просвещения, предложением своим от 24 того же апреля, изъявил свое согласие на увольнение адъюнкта здешнего университета Гоголя, в отпуск на четыре месяца, к Кавказским Минеральным водам, для поправления его здоровья".

О неосуществленной поездке Гоголя на Кавказ см. в письме № 249.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ.[1]

Высоцкому Герасиму Ивановичу (3) — №№ 50, 53, 59.

№№ 50, 59 печатаются по тексту „Записок", I, стр. 43—51 с дополнениями по „Письмам", I.

№ 53 печатается по подлиннику *КАБ* (ср. факсимиле в книге: П. В. Владимиров. „Из ученических лет Гоголя". Киев, 1890).

Гоголям Василию Афанасьевичу и Марье Ивановне — совместно (24) — №№ 1, 3—23, 25, 26.

№№ 1, 5, 9—11, 14, 17, 18, 21—23, 25, 26 — печатаются по подлинникам *ИМ*.

№№ 3, 6, 12 (первая половина), — по подлинникам *КИЛ*.

№ 4 — по подлиннику *КАБ*.

№ 7 — по факсимиле („Из семейной хроники Гоголей", Киев, 1909).

№№ 8, 12 (вторая половина), 13, 15, 20 — по копиям *ЛБ*.

№№ 16, 19 — по подлинникам *ПГМ*.

Гоголь Марье Ивановне[2] (130) — №№ 24, 27—32, 34—49, 51, 52, 54—58, 60—62, 66, 69—78, 84—87, 89—105, 109, 111—113, 117—120, 122, 123, 125—128, 130, 132, 134—136, 139, 148—151, 154, 156, 161, 163, 166—169, 171, 172, 174—177, 180, 182, 183, 189, 193, 196, 200, 203—205, 214, 218, 221, 228, 230, 232, 237, 239, 244, 247, 258—261, 263, 264, 266.

№№ 24, 29 (вторая половина), 30, 32, 34, 35, 37, 38, 42, 43, 47 (вторая половина), 48, 57, 58, 61, 66, 69, 71, 74, 75, 77, 96, 100, 101, 104, 111, 123, 125, 134, 135, 139, 149, 156, 161, 172, 176, 177, 183, 189,

---

[1] Цифра в скобках означает количество писем, напечатанных в настоящем томе. Значение сокращенных обозначений см. на стр. 5—6.

[2] При некоторых письмах, адресованных М. И. Гоголь, имеются приписки на имя других лиц (М. В. Гоголь, Е. И. Ходаревской). Эти приписки в качестве самостоятельных писем в указатель не вводятся.

193, 196, 205, 214, 218, 221, 232, 237, 239, 258, 266 — печатаются по подлинникам *ИМ*.

№№ 27, 28, 29 (первая половина), 36, 41, 44, 47 (первая половина), 49, 62, 70, 73, 76, 84, 86 (первая половина), 87, 89 (первая половина), 91, 92, 94, 97, 98 (первая половина), 99, 102, 105, 112, 119, 120, 122, 126 (первая половина), 130, 132, 151, 163, 169, 171 (первая половина), 180 (первая половина), 228, 247 — по подлинникам *КИЛ*.

№№ 31, 45, 46, 51, 54, 56, 98 (вторая половина), 117, 174 — по подлинникам *ПД*.

№№ 52, 55, 89 (вторая половина), 103 — по подлинникам *ПГМ*.

№№ 115, 168, 180 (вторая половина), 263 — по подлинникам *ЛБ*.

№№ 260, 261 (письмо А. В. Гоголь с припиской Н. В. Гоголя) по подлинникам *ЛМ*.

№№ 39, 40, 78, 90, 93, 95, 109, 118, 126 (вторая половина), 127, 128, 136, 148, 154, 166, 167, 171 (вторая половина), 175, 182, 203, 204, 244, 259 — по копиям *ЛБ*.

№ 85 — по копии *ПД*.

№ 150 — по копии *ПБЛ*.

№ 72 — по факсимиле („Памяти Гоголя", Киев, 1902).

№ 86 (вторая половина) — по факсимиле („Из семейной хроники Гоголей", Киев, 1909).

№№ 60, 230, 264 — по тексту „Вестника Европы" 1896 г., № 6, стр. 728—729, 737—738, 742, 743.

№ 200 — по тексту „Русской Старины" 1889 г. № 1, стр. 141.

ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ Татьяне Семеновне (1) — № 2.

Печатается по копии *ЛБ*.

ГРИГОРОВИЧУ Василию Ивановичу (1) — № 159.

Печатается по подлиннику *ПД*.

ДАНИЛЕВСКОМУ Александру Семеновичу (16) — №№ 33, 79, 83, 106—108, 110, 121, 124, 129, 131, 133, 138, 157, 158, 164.

Печатаются по подлинникам *ИМ*, кроме № 131, печатающегося по тексту „Записок", I, стр. 113.

ДЕГУРОВУ Антону Антоновичу (1) — № 250.

Печатается по подлиннику *ЛОИА*.

ДМИТРИЕВУ Ивану Ивановичу (3) — №№ 143, 146, 153.

Печатаются по тексту „Русского Архива", 1866, № 11—12, стр. 1726—1730.

ЖУКОВСКОМУ Василию Андреевичу (2) — №№ 116, 254.

Печатаются по подлинникам *ПБЛ*.

КОСЯРОВСКОЙ Варваре Петровне (1) — № 64.

Печатается по копии *ЛБ*.

КОСЯРОВСКОМУ Павлу Петровичу (3) — №№ 63, 68, 80.

Печатаются по копиям *ЛБ*.

Косяровскому Петру Петровичу (5) — №№ 65, 67, 81, 82, 145.

Печатаются по подлинникам *ПБЛ*.

Письмо М. И. Гоголь (см. № 82) печатается по копии *ПД* (первая половина) и по подлиннику *ПБЛ* (вторая половина — с приписками Н. В. Гоголя и М. В. Гоголь).

Лонгинову Николаю Михайловичу (1) — № 137.

Печатается по тексту „Русской Старины" 1887, № 10—12.

Максимовичу Михаилу Александровичу (23) — №№ 155, 173, 181, 184, 186, 191, 194, 197, 198, 201, 202, 209, 210, 212, 213, 216, 217, 219, 223, 224, 235, 245, 255.

Печатаются по подлинникам *КАБ*.

Никитенко Александру Васильевичу (1) — № 236.

Печатается по подлиннику *ПД*.

Плетневу Петру Александровичу (1) — № 147.

Печатается по подлиннику *ПД*.

Погодину Михаилу Петровичу (26) — №№ 141, 142, 144, 152, 160, 162, 165, 170, 178, 187 195, 199, 215, 220, 227, 229, 234, 238, 240, 241, 243, 246, 248, 256, 257, 265.

Печатаются по подлинникам *ИМ*.

Прокоповичу Николаю Яковлевичу (2) — №№ 140, 251.

Печатаются по подлинникам *КАБ*.

Пушкину Александру Сергеевичу (8) — №№ 113, 114, 185, 206, 207, 231, 233, 262.

Печатаются по подлинникам *МП*.

Сербиновичу Константину Степановичу (5) — №№ 88, 188, 190, 208, 226.

№ 88 печатается по подлиннику *ЛМ*.

№№ 188, 190, 208 — по подлинникам *ЛБ*.

№ 226 — по подлиннику *ПБЛ*.

Спасскому Григорию Ивановичу (1) — № 252.

Печатается по тексту „Сибирских Огней" 1927, № 1, стр. 110.

Срезневскому Измаилу Ивановичу (3) — №№ 192, 211, 253.

Печатаются по подлинникам *ААН*.

Тарновскому Василию Васильевичу (3) — №№ 179, 222, 225.

Печатаются по подлинникам *ЧГМ*.

Фон-Шверину Густаву Адольфовичу (1) — № 249.

Печатается по тексту „Русской Старины", 1887, № 12.

Шевыреву Степану Петровичу (1) — № 242.

Печатается по подлиннику *ПД*.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

В указатель входят все встречающиеся в тексте писем Гоголя личные имена, географические названия, названия литературных произведений, учреждений, обществ. Литературные произведения сосредоточены при имени автора и расположены в алфавитном порядке названий. Если имя или название употреблено описательно, условно, или содержится в скрытом виде, то в скобках при ссылке приводится соответствующая цитата. Из комментариев к письмам личные имена введены в указатель полностью, а географические названия, названия учреждений, обществ и заглавия литературных произведений— лишь непосредственно связанные с письмами Гоголя. Страницы комментариев, отсылающие к основному упоминанию о данном лице, выделяются в алфавитном указателе курсивом.

Аврам, слуга—67, *401*

Австрия—315

Агафья Матвеевна, см. Лукашевич, А. М.

Академия художеств — 179, 184, 185, 428

Аким, см. Нимченко, Яким

Аксаков, Сергей Тимофеевич—247, 450, 453, 491

Аксютинцы, имение—424

Актриса, см. Прокопович, М. Н.

Аладьин, Егор Васильевич—412, 444

Александр I—163, 177, 400, 420, 424, 463, 488

Александр II—332 („наследник"), 482

Александр Семенович, см. Данилевский, А. С.

Александра Федоровна, императрица—130, 194, 208, 223, 369, 370, *432*, 440, 441

Александра Федоровна, см. Тимченко, А. Ф.

Алексеев, Михаил Павлович—494

Алексей Васильевич, см. Капнист, А. В.

Альциона, альманах—217, 223, 259, *444*

Алябьев, Александр Александрович—482

Аман, Адольф Иванович—409

Америка—157

Англия—204, 315

Андреев, А. С.—487

Андрущенко, Семен Матвеевич—03

Анна Борисовна—115, *413*

Анна Матвеевна, см. Трощинская, А. М.

Анна Семеновна, см. Данилевская, А. С.

Андрей Андреевич, см. Трощинский, А. А.

Андросов, Василий Петрович—490

Анненков, Павел Васильевич—366 („Жанен"), 427, 434, 454, 494, 495

Анинька, см. Гоголь, А. В.

Антон, см. Шлапак, А.

Антоновка, имение—279, 335, *466*

Арендт (мать Н. Ф. Арендта)—394, 415, 431

Арендт, Николай Федорович—166, 198, 394, *425*

Артем, слуга—110

Артынов, Н. Ю.—406

Афанасий, слуга—198, 261, 461

Афендуля—87, 407

Афины—291

Ахен—399

Б—в, В., см. Бурнашев, В. П.

Бабушка, см. Гоголь-Яновская, Т. С., и Косяровская, М. И.

Багреев, см. Фролов-Багреев, А. А.

Бажанов, Егор Ильич—63, 64, *400*

Базили, Константин Михайлович—87 („Базиль"), 88, 100, 393, *407*, 427

Базили, сестра предыдущего—100

Базиль, см. Базили, К. М.

Байрон (Byron), Джордж-Ноэль Гордон—204, 252, 293, 408

Балабин, Петр Иванович—432

Балабина, Варвара Осиповна—432

Бальзак (Balzac), Оноре—434

Бантыш-Каменский, Дмитрий Николаевич—300, 303, 474

Бантыш-Каменский, Н.—37 („Грамматика латинская"), 390

Баранов, Александр Степанович—105, *410*

Баранов, Петр Александрович—47, 52, 57, 58, 63, 69, 86, 93, 100, 115, 261, *394*, 397, 398, 410

Баратынский, Евгений Абрамович—269, 353

Барончик, см. Риттер, М. А.

Барсуков, Николай Платонович—450, 458, 459, 465, 486, 490

Басин, Петр Васильевич—428

Батюшечка, см. Волынский, П. И.

Бафа—87, 407

Безбородко, Александр Андреевич—400

Безбородко, Илья Андреевич—403

Безродный, Федор—311

Белгород—372, 496

Белинский, Виссарион Григорьевич—449, 489

Белозерская, Надежда Александровна—412, 421, 432, 447, 448, 454, 493

Белоусов, Николай Григорьевич—73 („инспектору"), 77, 79, 81, 85, 273, 328, 332, 335, *402*, *403*, 405, 407

Беранже (Béranger), Пьер Жан—434

Беранжер (Любич-Романович, В. И.?)—198, 199, 433, *434*

Березина, В. П., см. Косяровская, В. П.

Берлинский, Максим Федорович—339, *484*

Бестужев-Рюмин, Михаил Алексеевич—203, *438*

Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович—393

Беттигер (Böttiger), Карл Вильгельм

—„Всеобщая история" 256, 263, *459*

Бецкий, Иван Иванович—441

„Bibliothèque des dames"—115, *413*

„Библиотека для чтения"—293, 294 („№ 1-го Брамбеуса"), 331, („Смирдина журнал"), 341, 352, 471, 472, 482

Билевич, Михаил Васильевич—88, 403, 406, *407*, 409

Благопристройный, см. Бороздин, Н. К.

Близнецов—198, 199, 433

Блудов, Дмитрий Николаевич—322, *480*, 481

Богдановка, имение—431

Богемия—315

Бодян (Бодьян), сторож—81, 99, 405

Бодянский, Осип Максимович—456

Божко, Андрей Андреевич—81, 88, 103, 234 („товарищ мой"), *405*, 448

Большой театр—276

Бондаревский—115

Борисович, см. Петр Борисович

Борнгольм—161

Бороздин, Николай Корнилович—88, 279, 408

Бороздин, Федор Корнилович—86, 406, *408*

Бошняк, Александр Карлович—429, 430

— „Якуб Скупалов" 173 („новывышедший роман"), 188, 426, *429*, 430

Брадке, Егор Федорович—297, 310, 318, 322, 323, 327, 332, 335, 336, *473*, 484

Брамбеус, см. Сенковский, О. И.

Брунст, домовладелец—205, 206, 208, 211, 214

Брюллов, Карл Павлович—428

Брюсов, Валерий Яковлевич—435

Бряиский, Яков Григорьевич—252, *457*

Буковина—315

Булгаков, Константин Яковлевич—219, 285, 338, *444*

Булгарин, Фаддей Венедиктович—203—205, 218, 293, 310, 395, *422*, 430, 437, 438, 444, 476, 485, 500

—„Мазепа"—260, 460

—„Невероятные небылицы или путешествие к средоточию земли"—293, 471

—„Правдоподобные небылицы или странствования по свету в 29 веке"— 293, 471

Булич (Булыч)—340, 485

Бурнашев, Владимир Павлович—189, *430*

— „Лоскуток бумаги"—188, 430

Быков, Петр Васильевич—427

В., см. Ушаков, В. А.

Вагнер, Елизавета Васильевна, см. Погодина, Е. В.

Ванновский, Семен Иванович—88, 100, 408

Ваныкин—99

Варвара Петровна, см. Косяровская, В. П.

Варвара Семеновна, няня—220, 222, 268, 445

Варранд (Варенд), Самуил—494

Варшава—312

Василий Иванович, см. Черныш, В. И.

Василий Игнатьевич, см. Любич-Романович, В. И.

Васильевка, имение—82, 93, 103 („в своем владении"), 104, 106 („на том баштане"), 108, 116, 119, 129—136, 149, 168 („в наших местах"), 233—235, 237—242, 259, 262, 280, 338 („в отеческую берлогу"), 366—368, 370 („в предковской деревне"), 387—389, 392, 394, 396, 399, 401—404, 409, 410, 413—415, 421, 424, 425, 433, 435, 439, 442, 447, 451, 453—458, 464, 467, 475, 481, 493

Васильчиков, Алексей Васильевич—432

Васильчикова, Александра Ивановна—202, 432, 434, 437

Вацлав з Олеска (Wazław z Oleska, он же Zaleski Wazław)—292 („Собрание галицких песен"), 297, 306, 312 („За песнями люду Галицкого"), 473, 476

Вебер (Weber), Густав—83, 85

Вегелин, Иоанн—390

„Великодня (Пасхальная) вирша"—250, 456

Великодушная смертная, см. Клингенберг, Э. А.

Венгеров, Семен Афанасьевич—*429*, *438*

Венгрия—315

Веневитинов, Дмитрий Владимирович—454

Вересаев, Викентий Викентьевич—454

„Вестник Европы"—42, 45

Виноградов, Виктор Владимирович—495

Винницкая гимназия—338

Вистенгаузен, Луиза Федоровна—258 („начальница"), 496

Владимиров, Петр Владимирович—404, 406

Владимирский-Буданов, Михаил Флегонтович—481

Власенко—88, 408

Власенкова, Агафья Семеновна—32 („Гапа"), *388*

Воейков, Александр Федорович —47 („Собрание образцовых сочинений"), 48, 203, 394

Возвышенный, см. Кукольник, Н. В.

Воин, см. Данилевский, А. С.

Волынская губерния—279

Волынский лицей, см. Кременецкий лицей

Волынский, Павел Иванович—81 („Батюшечка"), 87, *405*

Воронеж—330, 331, 482

Востоков, Александр Христофорович

—„Опыт о русском стихосложении"—61, 62, *398*

Высоцкий, Герасим Иванович—84—89, 97—103, 110 („письмо из Петербурга"), 279, 336, *404*, 407, 412, 421, 466

Вяземская, Надежда Петровна —339

Вяземский, кн. Петр Андреевич—305 („князь Петр"), 309, 339, 444, 476

—„Ласточка" 213, 442

Гаврила Максимович—32, 388

Гаврюшка, слуга—259, 460

Гаевский Виктор Павлович—439

Гаевский, Семен Федорович—246, 454

Галибын (Галыбин), домовладелец—137

Галиция—315

Гамбург—157, 158, 161

Ганзейский союз—152, 156 („Я видел здесь комнату"), 423

Гапа, см. Власенкова, А. С.

Ге (Gay), София—366, 434, *494*

Гежелинский—176

Генерал (лицо не выяснено)—197

Герард—87, 407

Гербель, Николай Васильевич—389, 391, 403, 405—408, 410, 427, 446, 448, 457, 466, 483

Герен (Heeren), Арнольд Герман Людвиг—341, 342, 344, *486*, 487

Германия—149, 150, 162, 164 („в образованной Европе"), 269, 333, 378 („Немещина"), 422

Гете (Goethe), Иоганн Вольфганг—246 („Сам как будто на земли", цитата из „Фауста"), 290, 454

Гизо (Guizot), Франсуа — *290*, 470

Гимназия высших наук им. гр. Безбородко — 50, 61, 63, 73, 77, 79, 81, 85, 99, 100, 122, 205, 338, 381—383, 387—391, 394, 398, 402—408, 410, 412, 415, 449, 466, 472

Гиппиус, Василий Васильевич — 422, 435, 436, 443, 459, 472, 484, 488, 497, 499

Гнедич, Николай Иванович — 260, 460, 470

Гоголь, Анна Васильевна (старшая) — 32, 388

Гоголь, Анна Васильевна (младшая) — 46, 54, 67, 69, 94, 126, 142, 151, 155, 193, 196, 201, 221, 222,

242, 243, 245, 246, 249, 250, 254, 258, 264—267, 271, 272, 276, 280, 295, 314, 316, 324, 331, 334, 346, 350, 356, 363, 371—373, 377—379, 388, 397, 410, 441, 452—454, 458, 462

Гоголь (Яновский), Афанасий Демьянович — 387, 445

Гоголь, Василий Афанасьевич— 31—53, 55, 59, 90, 142, 387, 390, 392, 409, 410, 413, 483

— „Простак“ 142, 395, 419

— „Собака-овца“ 142, 395, 419

Гоголь, Елизавета Васильевна— 46, 54, 94, 142, 151, 155, 193, 196, 201, 220, 242, 243, 245, 246, 249, 250, 254, 258, 264—267, 271, 272, 276, 280, 281, 295, 314, 316, 324, 331, 334, 346, 350, 356, 363, 371—373, 377, 379, 397, 441, 452—454, 458, 462

Гоголь, Марья Васильевна—46, 54, 74—76, 89, 106, 110, 116, 118—120, 124, 126, 128, 129, 134, 142, 155, 160, 162, 165, 168, 171, 178, 183, 185—187, 189, 192, 193, 196, 201, 208, 210, 211, 216, 219—223, 225, 226, 228, 231, 232, 244, 245, 251, 258, 265, 268, 275, 276, 281, 285, 286, 288, 295, 301, 314—316, 324, 334, 340, 343, 346, 347, 356, 373, 374, 377, 380, 388, 394, 397, 412, 415, 416, 424, 425, *431*, 432, 444—446, 463, 496, 498

Гоголь, Марья Ивановна — 31—84, 89—96, 103—106, 110—113, 115—129, 131—133, 136—196, 198—201, 205—206, 208—212, 214—216, 218—226, 228—234, 243—245, 248—251, 254—258, 264—276, 280—283, 285—288, 295, 300—301, 303—305, 308—309, 313—316, 324, 329—331, 333—334, 342—343, 345—347, 350—352, 356, 358—363, 371—380, 389, 393, 395—398, 403, 404, 408, 411, 412, 414, 416—426, 429—431, 441, 443, 451, 452, 456—458, 463, 464, 467, 468, 497, 500

Гоголь, Николай Васильевич

— „Авторская исповедь“ — 436

— Акростих — 404, 407

— „Альфред“ — 494, 496

— „Арабески“ — 341 („печатаю кое-какие вещи“), 345 („Печатаю я всякую всячину“), 347, 348 („всякую всячину“), 349 („Посылаю тебе сумбур“), 350 („посылаемый экземпляр“), 352 („книги“), 354, 358, 375, 472, 475, 480, 484, 486—490

— „Библиография средних веков“ — 485

— „Вечер накануне Ивана Купала“ („Басаврюк“) — 173 („по причине небольшого моего участия в издании“), 178 („одна из статей моих“), 419, 425—427, 429, 436, 437, 442

— „Вечера на хуторе близ Диканьки“ — 199 („моя книга“), 203 („мое свидание с типографией“), 206 („экземпляры“), 208 („небольшую книжку“), 211 („безделицы“), 213 („Порося мое“), 217 („книги, посланные мною“), 224, 237, 238, 242 („мои несовершенные начатки“), 256, 257, 269, 434, 440, 441, 451, 452, 456, 459, 464, 473. См. также названия отдельных повестей

— Взгляд на составление Малороссии, см. „Отрывок из истории Малороссии“

— „Вий“ — 474

— „Владимир 3-ей степени“ — 262, 263, 459, 461

— „Всеобщая история“ — 256, 262—264, 277 („двух начал“), 290, 294, 466

— „Выбранные места из переписки с друзьями“ — 422, 440, 449, 450, 452. См. также „Четыре письма по поводу Мертвых душ“

— „Ганц Кюхельгартен“ — 145, 420, 421

— „Гетьман“ — 427, 474. См. также „Глава из исторического романа“ и „Кровавый бандурист“

— „Глава из исторического романа“— 205—206 („мою статью“), 429, 439

— „Женитьба“ — 337 („я ставлю пьесу“), 375, 379 („комедии, которую я читал“), 484, 497, 498

— „Женщина“ — 431

— „Записки сумасшедшего“ — 346, 433

— „Земля и люди“ — 256, 262, 459, 461

— „Иван Федорович Шпонька и его тетушка“ — 227

— „История всемирная“, см. „Всеобщая история“

— „История средних веков“ — 342, 348, 349

— „История Украины“ — 277 („двух начал“), 284, 290, 294, 297—299, 302, 320, 339, 367, 466, 467, 471, 475

— „Италия“ — 425

— „Книга всякой всячины или подручная энциклопедия“ — 418—420

— „Кровавый бандурист“ — 471, 489

— „Майская ночь или утопленница“ — 419, 420

— „Мертвые души“ — 375, 431, 436, 449, 452, 496, 497

— „Миргород“ — 341 („кое-какие вещи“), 351 („продолжение Вечеров“), 352 („Вечера“), 353 („моя книга“), 354, 355 („посылаемый при сем экземпляр“), 356, 363 („мои повести“), 375, 484, 486, 487, 490, 491. См. также названия отдельных повестей

— „Мысли о географии“, см. „Несколько мыслей о преподавании детям географии“

— „Непогода“ — 404

— „Несколько мыслей о преподавании детям географии“ — 429

— „Нечто о Нежине или дуракам закон не писан“ — 407

— „Нос“ — 351 („Я начал даже для них повесть“), 352 („особенную повесть“), 354 („назначенную повесть“), 355, 358, 363, 489, 492

— „О движении журнальной литературы 1834—1835 гг.“ — 471, 486

— „О малороссийских песнях“ — 317 („листки моих статей“), 318, 320 („статью“), 321, 325 („мои статьи“), 475, 482

— „О преподавании всеобщей истории“, см. „План преподавания всеобщей истории“.

— „О средних веках“ — 340 („благодарен вам за присылку корректуры“), 344 („мои исторические отрывки“), 423, 479, 485

— „О торговле русских в конце XVI и начале XVII века“ — 175, 425, 426

— „Об архитектуре нынешнего времени“ — 423

— „Об издании истории малороссийских казаков“ — 303 („объявление“), 474, 475

— „Отрывок из истории Малороссии“ — 317 („листки моих статей“), 318 („кусок из Введения моего“), 320 („листок из истории Малороссии“), 321 („кусок из первой части“), 325 („мои статьи“), 348 („об исторических статьях“), 471, 472

— „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ — 278 („одну повесть мою“), 283 („одну мою старинную повесть“), 436, 466, 467, 487

— „Пропавшая грамота“ — 420

— „Ревизор“ — 379 („Одну наконец решаюсь давать на театр“), 393, 436, 439, 446, 450, 459, 497 498

— „Рецензия на альманах «Утренняя заря»“ — 450

— „Рим“ — 450

— „Сорочинская ярмарка“ — 419

— „Страшная месть“ — 419

— „Страшный кабан“, см. „Учитель“

— „Тарас Бульба“ — 474

— „Учитель“ (глава из повести „Страшный кабан“) — 429

— „Четыре письма по поводу Мертвых душ“ — 436

Гоголь (Головня), Ольга Васильевна — 54, 94, 155, 201, 251, 280, 282, 286, 356, 377, 388, 397, 400, 404, 411, 413, 426, 468, 498

Гоголь, сестры — 32, 40, 54, 57, 59, 64, 67, 69, 94, 116, 130, 133, 156, 159, 166, 168, 185, 188, 205, 206, 210, 212, 215, 220, 233, 359, 363, 374, 467

Гоголь, Татьяна Васильевна — 54, 397

Гоголь-Яновская, Татьяна Семеновна („бабушка") — 32, 40, 42, 54, 64, 67, 84, 94, 105, 116, 128, 130, 135, 181, 185, 190, 272, 286, 314, 334, 374, 387, *388*, 401, 414

Голенищев-Кутузов, Логгин Иванович — 136, 138, 168 („мои покровители"), 187, *417*, 418, 425, 431

Голенищев-Кутузов, Михаил Илларионович — 417

Голицын, Александр Николаевич — 218, 444

Голландия — 315

Головня, Ольга Васильевна, см. Гоголь, О. В.

„Голоса украинских песен" — 333, *482*

Гомер — 260 („Илиада"), 470

Горбовский, Иван Алексеевич — 32, *388*

„Грамматика латинская с российским перекладом в пользу российского юношества" 37, 390

Граф, см. Кушелев-Безбородко, А. Г.

Гребенка, Евгений Павлович — 427

Греция — 407

Греч, Николай Иванович — 308, 310, 339, 430, *476*

Грибоедова, Елизавета Петровна — 105, 106, 116, *410*, 411

Григорий Ильич, см. Шостак Г. И.

Григоров, Николай Петрович — 88, 103, 407

Григорович, Василий Иванович — 253, *457*

Григорьев, Василий Васильевич — 487

Гродненская губерния — 279

Грот, Яков Карлович — 453

Грузия — 109, 319

Грыць — 261, 461

Губернатор, см. Могилевский, П. И.

Гудим — 251, 457

Гурьев, Александр Дмитриевич — 347, *488*

Гус (прозвище) — 366, 495

Гусарский нарвский полк — 88

Гуссе, А. (Houssaye, Arsène) — 495

Гюго (Hugo), Виктор — 204, 366, 434

Давинье, см. Риттер, М. А.

Давыдов, Иван Иванович — 470

Данилевская (жена Ф. Я. Данилевского) — 372

Данилевская, Анна Семеновна — 262, 373

Данилевская, Варвара Семеновна — 262

Данилевская, Марья Алексеевна — 259, 460

Данилевская, Марья Семеновна — 442

Данилевская, Татьяна Ивановна, см. Черныш, Т. И.

Данилевская, Ульяна Григорьевна — 399

Данилевский, Александр Семенович — 47, 58, 60, 61, 63, 81, 86, 100, 116, 119, 129, 136, 140, 150, 197—199, 201, 212—214, 216—218, 223—224, 226—228, 230, 233—235, 251—253, 258—262, 264, 271, 279, 350, 351 („ему"), 387, 389, 393, *398*, *399*, 405, 406, 409, 410, 413, 416, 417, 420, 427, 432, 433, 435, 457, 460, 461, 493, 497

Данилевский, Григорий Петрович — 397, 405, 408, 409

Данилевский, Иван Семенович — 116, 295, 303, 350, 413, *472*

Данилевский, Федор Якимович — 372, 497

Данилов, Владимир Валерьянович — 427, 428, 434

Дания — 161, 315

Дангес-Геккерен, Жорж Шарль — 425

Дашков, Дмитрий Васильевич — 322, 337, 436, 478, *480*, 481

Девинье, см. Риттер, М. А.

Дегуров, Антон Антонович — 364—365, 384, *493—494*

Дедушка, см. Косяровский, И. М.

Декан, см. Шульгин, И. П.

Дельвиг, Антон Антонович — 428, 429, 434, 439, 444, 485 — „К П*** “ — 312, 477

Дементьев, Александр Григорьевич — 491

Демиров-Мышковский, Иван Тимофеевич — 81, 86, 99, 100, *405*

Демишель (Demichels), Овид-Кризант — 340, 342, *485*, 486

Демут-Малиновский, домовладелец — 247 — 251, *464*, 465

Демьян, крепостной — 141, 419

„Денница“, альманах — 273, 277, 283, 291, *464*, 469, 470

Департамент гос. хозяйства и публичных зданий — 382, *422*, 424, *49)—500*

Департамент уделов — 176, 177, 383, 425—428, *500*

Державин, Гавриил Романович — „Кузнечик“ — 292 („Счастлив ты, златой кузнечик“), 471

Диев, Михаил Яковлевич — 429

Диканька, имение — 270, 464, 478

Директор, см. Орлай, И. С.

Директор Опекунского совета — 210, 441

Директорская ключница (лицо не выяснено) — 99

Дмитриев, Иван Иванович — 238—242, 247—248, 450, *451*, 452

Дмитрий Прокофьевич, см. Трощинский, Д. П.

Днепр — 338

Доленга-Ходаковский (Dolęga-Chodakowski), Зорьян — 284, 311 („толстые книги“), *467*, 469, 477

Долинин, Аркадий Семенович — 435, 438

Домна Матвеевна, см. Косяровская, Д. М.

Дондуков-Корсаков, Михаил Александрович — 337 („попечитель“), 340, 350 („князю“), 364, 483, *489*, 493, 494, 501

Доримончик, см. Риттер, М. А.

Дорогой, собака — 107, 115, 130, 411

Драгун, см. Прокопович, В. Я.

Дубровное, имение — 399

„Дума о Федоре Безродном“ — 311, 477

Дурылин, Сергей Николаевич — 396, 400, 401, 406, 419, 431, 462

Дюканж (Ducange), Виктор — 204

Дюма (Dumas), Александр — 434

Дюрер (Dürer), Альбрехт — 156, 423

Дюселька, Мишель, см. Риттер, М. А.

Дядьковский, Иустин Евдокимович — 237, 240, 246, 274, *451*

Евгений Савойский — 109

Евлампий, фельдшер — 103, 410

Европа — 98 („за границу“), 153, 164, 171, 204, 290, 299, 376

„Европеец“ — 462, 463, 485

Егор Иванович, см. Зельднер, Е. И.

Егор Ильич, см. Бажанов, Е. И.

Егор Львович, см. Лаппо-Данилевский, Е. Л.

Егоров, Алексей Егорович — 428

Екатерина II — 177, 441

Екатерина Григорьевна — 199

Екатерина Ивановна, см. Ходаревская, Е. И.

Екатерининский институт — 194, 210, 432, 441

Еким, см. Нимченко, Яким

Екименко, управляющий имением — 70, 76, 89, 408

Елизавета Петровна, см. Грибоедова, Е. П.

Елисей Васильевич, см. Надержинский, Е. В.

Емельян, священник — 265, 287, *462*

Ермолов, Дмитрий Иванович — 176, 182

Жанен (Janin), Жюль — 366, 495

Житомир — 279, 335, 336, 339, 349, 482

Житомирская гимназия — 335, 349

Жуковский, Василий Андреевич — 47 („Собрание образцовых сочинений"), 48, 205 — 208, 214, 218, 291, 305, 309, 312, 322, 332, 336, 337, 369—370, 394, 431, 436, *439—441*, 443, 444, 449, 452, 453, 460, 461, 480, 482

— „Баллады и повести" 218, 443

— „Путешествие по Саксонии" 341, 485

— „Сказка о царе Берендее" 207, 440

— „Спящая царевна" 207 („Начата другая"), 440

— „Сражение со змеем" 217, 444

— „Стихотворения" 349, 488

„Журнал Министерства народного просвещения" — 296 („Журнал ваш"), 317 („Тему для статьи в журнал"), 318, 320, 321, 344, 348, 378, 420, 472, 473, 479, 480, 485

Забелло, Яков Павлович — 58, 398

Заболотский, Петр Александрович — 391, 392, 396, 409, 411, 416, 451

Загоскин, Михаил Николаевич — 379

— „Господин Богатонов, или провинциал в столице" 45, 393

Закревский, Арсений Андреевич — 382, 424, 499

Залеский, Вацлав, см. Вацлав з Олеска

„Запорожская старина", см. Срезневский, И. И.

Звегинцев — 251, 457

Зверьков, домовладелец — 162, 198, 428, 433

Зеленецкая, Варвара Степановна — 223, *445*

Зельднер, Егор Иванович — 33, *388—389*, 392

Зенгер, Татьяна Григорьевна — 463

Зингер, Федор Осипович — 403

Иван, священник — 301, 475

Иван Алексеевич, см. Горбовский, И. А.

Иван Дмитриевич, см. Тишевский, И. Д.

Иван Матвеевич, см. Косяровский, И. М.

Иван Семенович, см. Орлай, И.С.

Иваницкий, Николай Иванович — 486

Иеропес, Христофор Николаевич — 40 („Профессор уже приехал"), 100, *391*

Иамайлов, Владимир Васильевич — 412

Иисус Христос — 156, 279

Инженер (лицо не выяснено) — 197

Инспектор, см. Белоусов, Н. Г.

Иоасаф Белгородский — 496

Иохим, домовладелец — 145, 149 155, 253, *418*, 424

Испания — 315

Испанский посланник — 215

„История римской империи и славянских народов" — 269

„История Русов", см. Полетика, Г. А. и В. Г.; см. также Конисский, Г.

Италия — 315
Иуда Искариот — 270

Кавказ — 198, 212, 213, 217, 230, 235, 274, 318, 319, 329, 364, 365, 369, 384, 435, 465, 479, 493, 501
Кагорлык, имение — 186, 276, 287, *428—429*, 462
Каллаш, Владимир Владимирович — 391, 435, 454, 473
Каменец-Подольская гимназия — 338
Каминский, Вячеслав Арсеньевич — 453
Камчатка — 207
Каневский — 307, *476*
Канчотиха — 86
Капетиха — 100
Капнист, Алексей Васильевич — 231, *393 — 394*, 447
Капнист, Василий Васильевич — 45, 470
Капнист, Софья Васильевна — 259, 394, 460
Капнисты — 134, 395
Карамзин, Николай Михайлович—239, 420, 451
— „Деревня" 239 („Он копировал малороссийскую деревню"), 451
Катерина Григорьевна — 199
Катерина Ивановна, см. Ходаревская, Е. И.
Катеринич — 496
Кафторов — 127, *415*
Каченовский, Михаил Трофимович — 342, 406, 486
Кибенцы, имение — 36, 44, 47, 58, 60, 64, 82, 94, 104, 109, 114, 134, 136, 157, 265, *390*, 392—396, 398, 400, 410, 417, 419, 462
Киев — 42, 186, 273, 288, 290, 291, 296, 297 („типография будет под боком"), 301, 302, 305, 309, 322, 325—329, 332, 335, 337—340, 349, 356, 357, 368, 370, 456, 473, — Подол 328
Киево-печерская лавра—328
Киевский университет — 288, 291, 335, 349, 468, 469, 476—479, 481—484
Киреевский, Иван Васильевич — 247, 269, 278, 294, 342, 353—355, 444, 450, 453, 463
Киреевский, Петр Васильевич — 472
Кирпичников, Александр Иванович — 438, 439, 447, 450, 465
Китаева — 434
Клименко — 431
Клименко, Марья Васильевна — 191, 229, *431*
Клименкова, см. Клименко, М. В.
Клингенберг, Эмилия Александровна—213 („великодушная смертная"), *442*
Кляроцька, см. Курдюмова, Клара
„Книга Наума о великом божьем мире", см. Максимович, М. А.
Княгиня, см. Репнина, В. А.
Княжнин, Яков Борисович
— „Неудачный примиритель или без обеду домой поеду" 83, 85, 212 („Если бы Купидо"), 406, 442
Князь, см. Дондуков-Корсаков, М. А.
Князь Петр, см. Вяземский, П. А.
Кобеляцкий, Иван Николаевич — 99, 279, *410*
„Комета Белы", альманах — 259, 260
Комиссия по сооружению храма Спасителя в Москве 191, 431
Конде (Condé), Луи — 109
Конисский, Георгий — 299, 321, *474*
Корреспондент (лицо не выяснено) — 202
Корсаков, Михаил Александрович, см. Дондуков-Корсаков, М. А.
Косичкин, Феофилакт, см. Пушкин, А. С.
Косяровская, Агафья Матвеевна, см. Лукашевич, А. М.
Косяровская, Анна Матвеевна, см. Трощинская, А. М.

Косяровская, Варвара Петровна — 73, 75, 76, 91, 92, 93, 96, 103—105, 107—108, 116, 128, 241, 403, 409, *411*

Косяровская, Домна Матвеевна — 215, 443

Косяровская, Марья Ильинична („бабушка") — 42, 128, 142, 168, 181, 185, 190, 266, 272, 276, 286, 314, 334, 373, 374, 377, *392*, 497, 498

Косяровские — 258, 276, 372

Косяровский, Иван Матвеевич („дедушка") — 42, 75, 91, 116, 128, 136, 168, 181, 185, 190, 215, 266, 272, 273, 276, 286, 314, 334, 343, *392*, 408, 411, 417, 419, 456, 498

Косяровский, Иван Петрович — 241

Косяровский, Н. П. — 416, 451

Косяровский, Павел Петрович — 89, 91, („жестокосердные ее братцы"), 92, 93 („когда они прибыли к нам"), 103—107, 113—116, 118, 124, 128, 130, 135, 241, 409—*411*

Косяровский, Петр Матвеевич — 403, 411, 416

Косяровский, Петр Петрович — 89, 91 („жестокосердные ее братцы"), 92, 93 („когда они прибыли к нам"), 103, 104, 108—113, 116, 118, 124, 128, 131—136, 162, 215, 241, 409—*411*, 412, 413, 417, 418, 421, 451—452, 500

Коцебу (Kotzebue), Август — 406

— „Бедность и благородство души" 45, 393

— „Береговое право" 83, 85, 406

— „Ненависть к людям и раскаяние" 45

Кочубей, Виктор Павлович — 222, 270, 313, 445, *463—464*, 478

Краевский, Андрей Александрович — 268, *463*, 490

Красильников, Сергей Алексеевич 468, 471

Красненький, см. Прокопович, Н. Я.

„Краткий катехизис ради обучения малолетних детей христианскому закону" — 37, 38, 390

Кременецкий лицей — 322, 469, *481*, 484

Кременчуг — 131, 416, 425

Кроация — 315

Кронеберг, Иван Яковлевич — 37 („Латинский лексикон"), 38, 390

Крылов, Иван Андреевич — 263, 406

Крылов, Александр Лукич — 494

Крым — 332, 365—369, 493—495

Ксения Федоровна, см. Тимченко, К. Ф.

Кудрявцева, Ольга Дмитриевна, см. Трощинская, О. Д.

Кудрявцева, Софья Александровна — 134, 415

Кудрявцева, Софья Дмитриевна — 94

Кузина, см. Синельникова, М. Н.

Кузьминский, Г. И. — 441

Кукольник, Василий Григорьевич — 389

Кукольник, Нестор Васильевич — 88, 99, 228 („Возвышенный"), 261, 279, 406, *407*, 427, 446, 461

— „Торквато Тассо" 228, 446

Кукольник, Платон Васильевич — 228, 446

Кулжинский, Иван Григорьевич — 406, *407*

— „*Малороссийская деревня*" 88

Кулиш, Пантелеймон Александрович — 228, 387, 389, 392, 396, 402, 408, 411—413, 416, 419, 420, 427, 430, 432, 434, 439, 441, 443, 445—447, 454—456, 462, 463, 465, 467, 468, 478, 481, 493, 499

„Кулябка" — 275

Кунжут-фон-Фонтик, см. Риттер, М. А.

Купидончик, см. Риттер, М. А.

Курдюмова, Клара — 99, *409*

Курск — 242, 243, 453

Кутузов, Логгин Иванович, см. Голенищев-Кутузов, Л. И.

Кушелев-Безбородко, Александр Григорьевич — 74 („ожидают гра-

фа"), 79 („граф"), 115 („графа ждут"), 127 („нашего графа"), 394, *403*

Лавровский, Николай Алексеевич — 388, 392, 403

Ланг — 259, *460*

Ландражен, Иван Яковлевич — 40, 223, 391, 403

Ландражин, см. Ландражен, И. Я.

Ланская, графиня — 199

Лаппо-Данилевский, Егор Львович — 213, 267, 272, *442*

Ларий Трофимович, см. Трощинский, И. Т.

„Латино-российский лексикон", см. Кронеберг, И.

Лаура, см. Персидский, К. А.

Левашев, Василий Васильевич — 316, 332, 337, *478*

Лейб-гвардии Измайловский полк — 184

Лейб-гвардии Конный полк — 184

Лемберг — 91

Леонтьев, Владимир Юрьевич — 258, 264, *460*

Лепень (Лепен), домовладелец — 274, 278, 280, 353

Лермонтов, Михаил Юрьевич — 442

Лернер, Николай Осипович — 457

Ливен, Карл Андреевич — 290, *470*

Лива, см. Гоголь, Е. В.

Лизогуб, Анна Васильевна — 388

Лизогуб, Семен Семенович — 388

Лизогуб, Татьяна Семеновна, см. Гоголь-Яновская, Т. С.

Линниченко, Иван Андреевич — 453

„Литературная Газета" — 429, 431, 434, 477

„Литературные прибавления к Русскому Инвалиду" — 203, 430

„Литературный Музеум" — 412

Литовская губерния (Виленская и Смоленская губернии) — 279

Логгин Иванович, см. Голенищев-Кутузов, Л. И.

Ломикивский, Василий Яковлевич — 421

Лонгинов, Михаил Николаевич — 432, 447

Лонгинов, Николай Михайлович — 233, 364, 369, 432, *447*, *448*, 493, 496

Лондон — 302

Лопухайский, см. Лопушевский, А. В.

Лопушевский, Антон Васильевич — 88 („Лопухайский"), 100, 103, 340, *407*

Лорер, Николай Иванович — 393

Лубны — 217, 235, 396, 445

Лукашевич, помещик — 257, 456

Лукашевич, Агафья Матвеевна — 76, 141, 166, 266, 272, 276, 372, *404*

Лукашевич, Платон Акимович — 81, 279, 336, *404*, 405, 427

Лукашевка, имение — 271, *464*

Лукерья Федоровна, см. Тимченко, Л. Ф.

Лукьяновский, Б. Е. — 435, 437, 438

Лунин, Михаил Сергеевич — 393

Любек — 149, 151—157, 161, 376, 423

Любич-Романович, Василий Игнатьевич — 89, 99, 261, 393, *408*, 427, 430, 434; см также Беранжер

Магерки, предместье Нежина — 86, 406

Мазепа, Иван Степанович — 463

Максимович, Михаил Александрович — 249—250, 254, 273—274, 277, 278, 283—285, 288—289, 291, 292, 296, 297, 300, 301, 302, 305—307, 309—313, 318—320, 322—323, 326—329, 332—333, 335—340, 348—349, 356—358, 368, 370, 455, *456*, 458, 464, 465, 467—469, 471, 476, 479, 480, 484, 488, 496

— „Книга Наума о великом божием мире" *269*, 273, 312, *464*, 477

— „Размышления о природе" 273, 464

— „Украинские народные песни" 312 („отпечатанные листки"), 318 („лист песен"), 320, 322, 477

Марина Федоровна, см. Тимченко, М. Ф.

Марья Алексеевна, см. Данилевская, М. А.

Марья Борисовна — 171, 179, 245, 426, 454

Марья Ильинична, см. Косяровская, М. И.

Марко, буфетчик — 103

Марков, Владимир Михайлович — 336, *483*

Маркович, Александр Михайлович — 399

Мармонтель (Marmontel), Жан-Франсуа

— „Сказки нравоучительные" — 37, 38, 390

Мартос, Алексей Иванович

— „Письма о Восточной Сибири" — 115, *413*

„Математическая энциклопедия" — 109, 114, *412*

Матрена, см. Нимченко, М.

Матрена Алексеевна, см. Надержинская, М. А.

Машенька, см. Гоголь, М. В.

Медико-хирургическая академия — 267

Медико-хирургическое училище — 272

Меркурий, см. Яновский, М. К.

Мизко, Николай Дмитриевич — *427, 428*

Миллер, Николай Николаевич — 81, 88, 103, 405

Министр, см. Уваров, С. С.; Шишков, А. С.

Министерство внутренних дел — 161, 279, 382, 399, 424, 426

Министерство двора — 176

Миргород — 108, 119, 233, 235

Михаил Павлович, великий князь — 253, *457*

Михайловское, имение — 497

Мицкевич (Mickiewicz), Адам — 408

Мишель Дюсенька, см. Риттер, М. А.

Мишле (Michelet), Жюль — 340, *484, 485*

Могилевский, Павел Иванович — 248 („ездить к губернатору"), 455

Модзалевский, Борис Львович — 430

Моисеев, Кирилл Абрамович — 100, 279, *410*, 466

Мокрицкий, Аполлон Николаевич — 218 („Что тебе сказать о наших"), 427, 444

„Молва" — 475, 486

Мольер (Molière), Жан-Батист — 83, 406

Монферран (Montferrand), Огюст — 424

Мордовченко, Николай Иванович — 486

Москва — 100, 139, 186, 191, 234—237, 239, 240, 242, 244, 246, 254, 256, 262, 263, 267, 274, 292, 293, 297, 301, 307, 308, 310, 311, 319, 323, 325—327, 332, 353, 363—365, 371, 379, 449—451, 453, 474, 488, 496

„Москвитянин" — 449, 450

„Московские Ведомости" — 352 358

„Московский Вестник" — 354, 449, 462, 485

„Московский Наблюдатель" — 341, 345, 351—355, 358, 459, 462, 485, 486, 489—492

„Московский Телеграф" — 475, 479, 490

Московский университет — 86, 290, 291, 305, 311, 349, 363, 470, 481

Моцарт (Mozart), Вольфганг Амадей — 85, 261

Муравьев, Александр Михайлович — 393

Муравьев, Никита Михайлович — 393

Муравьевы-Апостолы — 393

Мыгалыч, сторож — 81, 405

„Наварыла сечевици" ... — 285, 289

Надеждин, Николай Иванович — 204, 291, 302, 355, 470, 475, 491

Надержинская, Матрена Алексеевна — 107, 114, *411*

Надержинский, Елисей Васильевич — 107, 114, 143, 229, *411*

Назаревский, Александр Адрианович — 400, 414, 467

Наполеон I — 109, 204

Начальница, см. Вистенгаузен, Л. Ф.

„Невский Альманах" — 217, 223, 412, *444*

Неженцов — 229, 446

Нежин — 33—129, 167, 179, 188, 215, 235, 338, 340, 381, 389, 391, 396, 399, 402, 406—408, 410, 418, 424, 427, 431, 433

Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович — 448

Нибур (Niebuhr), Бартольд Георг — 335, *483*, 485

Никитенко, Александр Васильевич — 349—350, 471, 487, *488—489*

Николай I — 177, 184, 191, 201, 263, 403, 420, 425, 444, 458, 461, 463, 481

Николай Михайлович, см. Лонгинов, Н. М.

Николай Осипович — 229, 446

Никольский, Александр — „Основание российской словесности" — 54, *397*

Никольский, Парфений Иванович — 409

Нимченко, Матрена — 258, 365, *421*, 460

Нимченко, Яким (Аким, Еким) — 149, 165, 245, 258, 261, *421*, 454, 460

Новгород — 152, 443

„Новоселье", альманах — 263, 459, *461*, 466

„Новые разговоры немецкие и российские" — 37, 390

„Новые разговоры французские и российские" — 37, 390

Обуховка, имение — 393, 394, 447

Общество любителей российской словесности — 302

Одесса — 61, 62, 73, 79, 81, 99, 100, 133, 135, 241, 251, 252, 390, 396, 402, 404, 428

Одоевский, кн. Владимир Федорович — 291, 296, 312, 351, 354, 444, 491

— „Дом сумасшедших" — 247 („собранием своих повестей"), 455

— „Пестрые сказки" — 260, 460

— „Последний квартет Бетховена" — 247, 455

Озеров, Владислав Александрович

— „Эдип в Афинах" 45, 48, *393*, 395

„Ой у поля долина" — 262, 266 („Байрендом Эппером"), 461

Оленька, см. Гоголь, О. В.

Оливио (Оливье), Александр Карлович, домовладелец — 291

Олимпиада Федоровна, см. Тимченко, О. Ф.

Олиферовка, село — 418, 422

Ольга Дмитриевна, см. Трощинская, О. Д.

Ольдекоп, Евстафий Иванович — 213, *442*

Омельян, см. Емельян

Опекунский совет — 148, 150, 210, 245, 248, 250, 377, 421, 455

Орел — 42, 397

Ореус, Иван Иванович — 389, 400

Орлай, Иван Семенович — 36, 38, 42, 60, 62, 68, 71, 73, 77, 79, 99, 389, *390*, 391, 402, 404

Орлов, Александр Анфимович — 205, 437, 438

— „Сокол был бы сокол, да курица его съела, или бежавшая жена" 203, 438

— „Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина" — 203, 204, 438

Осипова, Прасковья Александровна — 435

Оснабрюк („Оснабрик") — 269

Остен-Сакен, Станислав Карлович — 94, 107 („княжна перерядилась в баронессу"), 409, 411

Остзейская компания — 191
„Отечественные Записки“ — 173 („Посылаю вам один“...), 181, 185, 188 („в журналах“), 426, 427, 429

Павел I — 177, 400
Павел, садовник — 168, *425*
Павел Осипович, см. Трушковский, П. О.
Павел Петрович, см. Косяровский, П. П.
Павлов, Капитон Семенович — 42 („записку живописца“), 62 („профессор живописи“), *392*
Павловск — 199—203, 209, 214, 434, 435, 437
Панаев, Владимир Иванович — 173 („начальник мой“), 176, 182, 184, *426—427*
Панаева, Авдотья Яковлевна — 427
Париж — 302, 399
Пасхальная вирша см. „Великодня вирша“
Патриотический институт благородных девиц — 194, 196, 197, 199, *202*, *210*, *223*, *242*, *245*, *246*, 250, 254, 267, 272, 369, *432*, 433, 441, 445, 447, 450, 454, 459, 483, 493, 496, 498
Патриотическое общество — 223
Пащенко, Иван Григорьевич — 161 („нас три человека“), 218 („что тебе сказать о наших“) 424, 427, 444
Пейкер, Иван Устинович — 382
Пеликан, врач — 228, 446
Перевощиков — 412
Перекоп — 366, 367
Перовский, Алексей Алексеевич — 426
Перовский, Лев Алексеевич — 176, 383, 425, 426
Персидский, Константин Андреевич — 86, 100
„Песня про Нечая“ — 307, 476
Петербург — 60, 61, 66, 80, 81, 83, 85, 87, 89, 94, 98, 101, 102, 110, 111, 118, 131, 136—155, 157—234, 237, 239, 241, 243—365, 369—380, 393, 399, 400, 407, 412, 416, 418, 420, 422, 428, 430, 431, 434, 435, 437, 451, 453—455, 460, 464, 468, 472, 480, 490, 497, 499
— Адмиралтейская часть — 137, 205, 206, 208, 211, 214, 247, 248, 250, 251
— Адмиралтейский бульвар — 140
— Александровская колонна — 339, 424, 481
— Большая Мещанская — 145, 149, 205, 414, 424
— Васильевский остров — 89
— Вознесенский проспект — 205, 207
— Гагаринская — 279
— Гороховая — 137
— Дворцовая площадь — 163
— Екатерингоф — 140
— Екатерининский канал — 198, 205, 417, 418, 428
— Казанский собор („казанская церковь“) — 156, 355
— Кокушкин мост („Кукушкин мост“) — 162, 417, 428
— Летний сад — 140
— Литейная — 364
— Малая Морская — 274, 278, 279, 280, 316, 353
— Мойка — 247, 248, 250
— Нева — 85, 101, 142
— Невский проспект — 140, 268
— Новый переулок—247, 248, 250, 251, 464, 465
— Офицерская — 205, 206, 208, 211, 214
— Пантелеймоновская церковь („Пантилемон“) 291
— Садовая — 296
— Семеновский мост — 137
— Синий мост — 151, 263
Петербургский университет — 334, 337, 343, 344, 356, 374, 378, 384, 473, *483*, 493, 498, 501
Петергоф — 273, 275
Петр I — 321

Петр, князь, см. Вяземский, П. А.

Петр Борисович — 107, 115, 245, 412, *413*, 454

Петр Петрович, см. Косяровский, П. П.

Петров, Николай Иванович — 419

Петухов, Евгений Вячеславович — 448, 449, 494

Пиксанов, Николай Кирьякович — 455

Пирятин — 235

Писарев, Александр Иванович — 406

— „Лукавин" — 83

Платон, митрополит

— „Краткий катехизис" — 37, 38, 390

Платон, см. Кукольник, П. В.

Плетнев, Петр Александрович — 197, 203, 242 — 243, 313, 326, 369, 431—433, 436, 437, 440, 451—*452*, 453, 459—461, 477, 491

Плюшар, Адольф Александрович — 420

Погодин, Михаил Петрович — 236—238, 240, 246, 247, 254, 262—264, 268 — 269, 277—278, 291—294, 302—303, 307—308, 319, 325—326, 333, 341—342, 344—345, 348, 351—355, 358, 363—365, 371, 379, *449—450*, 453, 458—459, 463, 465, 467, 470, 471, 474, 475, 481, 486, 490—493, 498

— „Галлеева комета" — 264, 462

— „Исторические афоризмы" — 256, 269, 294, 342, 459, *472*

— „История в лицах о Дмитрии Самозванце" — 268 („Самозванец"), 458, 463

— „История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове" 255 („уже готова драма"), 458

— „Марфа, посадница новгородская" 255, 458

— „Начертания русской истории для училищ" 303 („популярная история"), 475

— „Петр I" 255, 263, 458, 459

— „Письмо ординарного профессора Московского университета Погодина к г. министру народного просвещения о Германии" 378, 498

Погодина, Елизавета Васильевна — 277 („рекомендуй меня жене"), 379 („супруги своей"), 465

Подольск — 236

Полевой, Николай Алексеевич — 292, 353, 446, 490

Полетика, Александр Иванович — 162, *424*

Полетика, Василий Григорьевич — 474

Полетика, Григорий Андреевич — 474

Политика, см. Полетика, А. И.

Полтава — 31—32, 77, 94, 113, 119, 129, 134, 181, 225, 229, 233—235, 237, 238, 240, 356, 365—369, 387, 425, 427

Полтавская гимназия — 33, 388, 398

Полтавский институт — 210, 394, 441

Полтавское губернское управление — 248

Померания — 315

Пономарев, Степан Иванович — 455, 456, 464, 466

Поп (лицо не выяснено) — 335

Попечитель, см. Дондуков-Корсаков, М. А.

Потемкин, Григорий Александрович — 456

Потоцкий, Иван Осипович — 495

Потоцкий, Николай — 307, 476

Похвиснева, Ульяна Григорьевна, см. Данилевская, У. Г.

Почтмейстер, см. Ротмистров, И. А.

Приказчик — 70, 76

Прилуки — 86, 235

Прокопович, Василий Яковлевич — 235 („с братом"), 252 („драгун"), 279, 449, 457

Прокопович (ур. Трохнева), Марья Никифоровна — 252, 279 („актриса"), *457*

Прокопович, Николай Яковлевич — 149, 155, 161 („нас три человека"), 198 („Красненький"), 218 („что тебе сказать о наших"), 228, 233, 243, 252, 253 („братец"), 260, 279, 365—366, 408, 424, 427, 433, 444, 446, *448, 449,* 457

— „Полночь" — 217

Профессор, см. Шапалинский, К. В.

„Прохалася Катруся" — 266

Прохвацкий, Карп Дементьевич — 106, 115, 413

Псел — 47, 167, 327, 394, 425

Пупура, собака — 107, 108, 115, 411, 412

Пушкин, Александр Сергеевич — 200—205, 204 („мнение Феофилакта Косичкина"), 206, 207, 214, 227, 228, 247, 252, 259, 263, 288, 290, 291, 306, 312, 316—317, 339, 341, 346—348, 374—375, 394, 417, 425, 430, 433—440, 443, 444, 449, 455, 458—460, 463, 464, 468, 469, 471, 472, 478, 479, 481, 482, 485, 487—489, 497

— „Анджело" — 288 („две большие пиесы"), 469

— „Борис Годунов" — 228

— „Делибаш" — 217, 444

— „Домик в Коломне" — 214 („Кухарка"), 443

— „Евгений Онегин" — 48, 207 („Окна мелом"), 213 („славы дань"), 224, 261 („душит трагедией"), 325, 440, 442, 461

— „История Пугачева" — 269, 349, 463, 488

— „К NN" — 233 („Счастлив ты в прелестных дурах"), 448

— „Медный всадник" — 288 („две большие пиесы"), 469

— „Моцарт и Сальери" — 217, 444

— „Повести Белкина" — 437

— „Руслан и Людмила" — 214

— „Сказка о попе и работнике его Балде" — 214 („Одна писана даже без размера"), 443

— „Сказка о царе Салтане" — 207 („окончил свою сказку") 440

— „Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов" — 204 („можно опровергать мнение"), 437

Пушкина, Наталья Николаевна — 205, 374, 438

Пыпин, Александр Николаевич — 468

Пятигорск — 214, 217

Р., И. — 434

„Размышления о природе", см. Максимович, М. А.

Разумовский, Алексей Кириллович — 426

Рапен де-Тоарас (Rapin-Thoyras), Поль — 365, 366, 373 („книги"), *494*

Рафаэль — 428

Ревель — 287, 301, 468, 475

Редкин, Петр Григорьевич („Редькин", „Редька") — 279, 333, 335, 371, 427, *483,* 496

Редька, см. Редкин, П. Г.

Репнин, Никита Васильевич—400

Репнин-Волконский, Николай Григорьевич — 347, 425, *487*

Репнина, Варвара Алексеевна — 210 („княгиня")

Репнина, Варвара Николаевна — 487

Решетов, Степан — 494

Ригельман, Александр Иванович — 299, *474*

Рим — 439

Риттер, Михаил Александрович— 81 („барончик, Доримончик ... Хопцики"), 86 („Фон-Фонтик"), 100 („Кунжут-фон-Фонтик"), 103, 405, 427

Ричардсон (Richardson), Сэмюэл

— „Клариса Гарлоу" 236, 450

Розен, Егор Федорович — 444

Розетти, см. Смирнова, А. О.

Роман Иванович, шут — 113, 115, 413

Романович, Николай Федорович — 88, 279, *407*

Роспини — 366

Россет, Александра Осиповна, см. Смирнова, А. О.

Россини (Rossini), Джоакино — 83, 85, 213

Россия — 171, 173, 188, 204, 249, 255, 256, 267, 273, 290, 293, 294, 325, 332, 338, 369, 375, 390, 440, 464

Рот, Логгин Осипович — 113, *413*

Ротмистров, Иван Александрович — 216 („почтмейстеру"), 218, 219, 285, 373, 468

Рудановский, Леонид Платонович — 278, 279, *466*

Рунич, Дмитрий Павлович — 494

Руч, *портной* — 226, 230, 446

„Ручная математическая энциклопедия", см. „Математическая энциклопедия"

Рылеев, Кондратий Федорович — 394

— „Войнаровский" 48 („одну новую балладу"), 395

Савва, В. И. — 403

Савва Кириллович, см. Яновский, С. К.

Садовничий, Григорий Моисеевич — 88, *407*

Сакен, см. Остен-Сакен, С. К.

Сакулин, Павел Никитич — 455

Самойленко, Алексей Ильич — 100, 340, *410*

Светличный — 161, 424

Свиньин, Павел Петрович — 173 („самим автором"), *425*, 426, *429*, *430*

— „Полтава. Из живописного путешествия по России" — 181, 427

— „Светский быт" — 188, 429

— „Ягуб Скупалов" — см. Бошняк, А. К.

„Северная Пчела" 218, 293, 430, 438, 444, 470, 474, 475, 476

„Северные Цветы", альманах — 205 („Посылаю Вам книжку"), 217, 223, 248, 429, 434, 439, 444

„Северный Меркурий" 203, 438

Северский конно-егерский полк — 100

Севрюгин, Федор Емельянович — 40 („учитель танцования и музыки"), 42, 85, *392*, 406

Семенов, Василий Николаевич — 487

Семереньки, имение — 217, 433, 435, 472

Сенковский, Осип Иванович — 263 („прочти Брамбеуса"), 293, 308 („Брамбеус"), 314 („барона Брамбеуса"), 339, 355, 362 („приписали мне сочинения"), 461, *471*, 478, 485, 493

— „Фантастические путешествия барона Брамбеуса" 293, *471*

Сенпри (St. Priest), Эммануил Карлович — 233, 448

Сербинович, Константин Степанович — 145, 294—296, 317—318, 340—341, *420*, 479

Сергей Семенович, см. Уваров, С. С.

Сиверс, А. А. — 430

Сильфида, см. Урусова, С. А.

Симон, слуга — 35, 67, 68, 105, 136, 215, *389*

Синельникова, Марья Николаевна (ур. Ходаревская) — 266 („от кузины"), 363, 373 („сестрицей"), *497*

Скалон, Василий Антонович — 460

Скалон, Софья Васильевна, см. Капнист, С. В.

Сковорода, Григорий Саввич — 480

Скотт (Scott), Вальтер — 412, 490

Смирдин, Александр Филиппович — 199, 257, 258, 263, 269, 272, 273, 278, 283, 293, 306, 319, 321, 331, 352, 353, 365, *434*, 461, 466, 471, 482

Смирнов, Б. — 495

Смирнова, Александра Осиповна — 206 („Розетти"), 213 („Ласточка Розетти"), *440*, 442 (А. О. Россет), 448, 485

Смольный институт — 210, *441*

„Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе“ 47, 48, *394*

„Современник“ — 436, 471, 472

Соединенные Штаты Северной Америки — 157

Соколов, Иван Яковлевич — 494

Соколовский — 369 („отдать новому учителю“), *496*

Соллогуб, Владимир Александрович — 435

Соловьев, Никита Федорович — 403

Сом (прозвище) — 199. См. также Сомов, О. М.

Сомов, Орест Михайлович — 199 („Сом“), 433, 434, 444, 455

Сорочинцы — 213, 418

Соути (Southey), Роберт — 443

Софья Александровна, см. Кудрявцева, С. А.

Спасская 367 („супруги вашей“)

Спасский — 387

Спасский, Григорий Иванович — 366—368, *495*

Сперанский, М. — 407

Спиридон, см. Бороздин, Ф. К.

Сребницкий, Иван Афанасьевич — 403, 407

Срезневская — 474

Срезневский, Измаил Иванович — 297—300, 320, 321, 368, *473*, *474*, 480, 482

— „Запорожская старина“ — 297—300, 321, 368, 473, 474, 495

Старая Русса — 443

Старицкая, Н. Ф. — 394

Старицкий — 74, 403

Стефанеев, купец — 61

Стрельна — 275, 276, 278 („на даче“)

Суворов, Александр Васильевич — 109

„Сын Отечества и Северный Архив“ — 175, 476

Сюська, собака — 130

Танская, Анна, см. Лизогуб, А. В.

Тарновский, Василий Васильевич — 278—279, 334—336, 339—340, 349, 357, *466*, 483, 484, 492

Тарновский, Григорий Степанович — 278 („дядюшка“), 335, 340, 483

Татьяна Ивановна, см. Черныш, Т. И.

Татьяна Семеновна, см. Гоголь-Яновская, Т. С.

„Телескоп“ 292 („не выпускать новых“), 437, 470, 475, 491

Тимченко — 114 („одни ли девицы“), 413

Тимченко, Александра Федоровна — 69, 92, 106, 141, 155, 190, 196, 229, *402*, 446

Тимченко, Ксения Федоровна — 197 („Чцюцюшка“), 107, 108, 115, *411*, 412

Тимченко, Лукерья Федоровна — 171, 179, 426

Тимченко, Марина Федоровна — 199

Тимченко, Олимпиада Федоровна — 215, 443

Типография Департамента народного просвещения — 203, *437*

Тиссон — 261, 461

Титов, А. А. — 429

Титов, Николай Александрович

— „Vieux péchés“ 213 („французские кадрили“), 442

Тихонравов, Николай Саввич — 467, 468

Тишевский, Иван Дмитриевич — 32, 77, 388

Толстое, имение — 233, 259, 399, 433

Травемюнде („Травемунд“) — 152, 155, 157, 161

Трансильвания — 315

„Тройчатка или альманах в 3 этажа“ — 460

Трохнева, Мария Никифоровна, см. Прокопович, М. Н.

Трощинская, Анна Матвеевна — 54, 75, 94, 141, 142, *166*, 168, 212, 258, 272, 276, 280, 396, *397*, 404, 411, 442

Трощинская, Ольга Дмитриевна — 52, 67, 72—74, 84, 94, 134, 265, 389, *396*, 416

Трощинские — 266, 462

Трощинский, Андрей Андреевич — 52, 61, 67, 78, 84, 126, 134, 160—162, 165, 166, 169, 170, 174, 175, 182, 184, 185, 212, 215, 221, 225, 228, 258, 276, 287, 313, 347, 359, 372, *396*, 397, 408, 411, 423, 424, 426, 428, 442, 446

Трощинский, Андрей Прокофьевич — 396

Трощинский, Дмитрий Прокофьевич — 63, 66, 72, 73, 75 („почетного гостя"), 131 („его высокопревосходительство"), 134, 389, 390, 392, 393—396, 398, *400*, 401, 403, 411, 413, 416, 417—419, 425, 429, 431, 483

Трощинский, Ефим Прокофьевич — 413

Трощинский, Иван Ефимович — 114, *413*

Трощинский, Илларион Иванович — 266, 334, 372, *483*

Трут, аптекарь — 417, 418

Трушковская, Марья Васильевна, см. Гоголь, М. В.

Трушковский, Иван Павлович — 324 („новым племянником моим"), 343, 346, 356, 363, 374, 378, 481

Трушковский, Николай Павлович — 268 („благодарен ей за племянника"), 275, 276, 288, 295, 301, 316, 343, 346, 351, 356, 363, 374, 377, 378, 463

Трушковский, Павел Осипович — 196 („поляка"), 219 („хорошая партия"), 225 („жених"), 228 („оба любят"), 231, 244, 245, 259, 265, 268, 273, 275, 276, 281, 287, 288, 301, 314, 316, 324, 330, 334, 346, 347, 351, 352, 356, 363, 373, 374, 377, 380, 432, 444, 446, 457, 463, 468

Туарас, Рапен, де- см. Рапен де-Тоарас

Тула — 236

Тургенев, Александр Иванович — 47 („Собрание образцовых сочинений"), 48, 394

Тургенев, Иван Сергеевич — 487

Турецкие посланники — 168, 425

Тушинский — 261, 461

Тюрен, (Turenne), Анри де Латур д'Овернь — 109

Уваров, Сергей Семенович — 290, 294, 296 („министр"), 307, 309, 316—318, 320, 322, 323, 336, *469—470*, 479, 481

—„Notice sur Goethe" („Речь о Гете") 290, 469

Украина („Малороссия") — 101, 111, 131, 141, 144 („у нас есть поверья"), 162, 166 („Да расспросите про старину"), 173, 188, 196, 198, 232, 233, 239, 240, 242, 247, 251, 267, 273, 276, 284, 291, 298, 300, 307, 311, 312, 321, 326, 335, 337 („в гетьманщину"), 343, 418, 422, 425, 450, 456; см. также Гоголь, Н. В. „История Украины"

Уланд (Uhland), Иоанн-Людвиг — 443

Университет св. Владимира, см. Киевский университет

Урсо, Осип Демьянович — 81, 340, *405*, 406

Урусова, Софья Александровна — 134, 213, *442*

Устивица — 235

Ушаков, Василий Аполлонович — 218 („я читал и рекомендацию ей"), 297, 444, *473*

Фабий Максим (Quintus Fabius Maximus) — 261 („фабиевские увертки")

Фабрикант — 270, 300, 303, 304, 305, 309, 315, *457*, 475

Фаддей Бенедиктович, см. Булгарин, Ф. Б.

Феддерсен, Я. „Примеры мудрости и добродетели, с наставления-

ми для детей“ — 38 („Нравственные примеры“), 391
Федор („Федька“) — 42, *392*
Федор Акимович — 261
Федоровка, имение — 114, 413
Феодосия — 338
Филибертиса (Филиберт) — 100, 410
Флориан (Florian), Жан Пьер Кларис — 83, 85, 406
Фомин, Александр Григорьевич — 438
Фон-Фок, Максим Яковлевич — 422
Фон-Фонтик, см. Риттер, М. А.
Фонвизин, Денис Иванович —„Недоросль“ — 83, 85, 406
Фон-Визин, Павел Иванович — 390
Франкфурт — 440
Франция — 204, 290, 315
Фридрих Вильгельм III — 324
Фролов-Багреев, Александр Алексеевич — 222, *445*
Фусс — 37

Харьков — 368
Хвостов, Дмитрий Иванович — 260, *460*
Хиджеу, А. Ф. — 321 („земляка нашего“), 480
Хилков, Иван Михайлович — 114, *413*
Хилкова, Надежда Дмитриевна — 411 — 413
Хилкова, Прасковья Ивановна — 107 („княжна“), *411*
Хмельницкий, Богдан (Зиновий) Михайлович — 299, 407, 474
Ходаковский, см. Доленга-Ходаковский, З.
Ходаревская, Катерина Ивановна — 168, 171, 181, 231, 244, 251, 258, 262, 265, 266, 268, 272, 273, 275, 276, 286, 314, 316, 334, 363, 372—374, *426*, 453, 462, 497
Ходаревская, Марья Николаевна, см. Синельникова, М. Н.
„Ходить гарбуз по городу“ — 356, 492
Хозрев-Мирза — 199
Хопцики, см. Риттер, М. А.
Художники — 179, 249

Царское село — 200—202, 206, 214, 338, 434, 435, 437
Цензурный комитет — 206
Цертелев, Николай Андреевич — 320, 480
Цых, Владимир Францевич — 307, 319, 322, 325, *476*
Цюревский, Петр Федорович — 196 („Цуревский“), 432
Цявловский, Мстислав Александрович — 482

Чаговец, Всеволод Андреевич — 388, 414, 483
Чарноцкий, Адам, см. Доленга-Ходаковский, З.
Чарныш, см. Черныш
Чекиев, Федор Иванович — 33, *389*
Человеколюбивое общество — 364
Чернигов — 137, 400
Черниговский форшмейстер, см. Ланг
Черныш, Василий Иванович — 104, 105, 118, 199, 213, 217, 262 („папеньке“), 265, 268, 270, 295, 330, 334, 352, 373, *410*, 442, 460
Черныш, Татьяна Ивановна — 199, 262 („маминьке“), 295, 334, 372, 373, 497
Чернышевский, Николай Гаврилович — 435
Чихмарев — 108
Чцюцюшка, см. Тимченко, К. Ф.

Шамшевы — 184, 427, 428
Шан-Гирей, Аркадий Павлович — 472
Шан-Гирей, Эмилия Александровна, см. Клингенберг, Э. А.
Шапалинский, Казимир Варфоломеевич — 63 („профессор“), 65,

66, 77, 79, 81, 100, *400*, 401, 403, 409

Шаржинский, Семен Данилович — 332 („прелюбезнейший человек"), 338, *482*

Шафонский, Афанасий — 299, *474*

Швейцария — 315

Шверин, Густав Адольфович — 364, 393

Швеция — 161, 315

Шевляков, Михаил Викторович — 393, 408

Шевырев, Борис Степанович — 490

Шевырев, Степан Петрович — 353—355, 444, 449, 458, 489, *490—491*

Шенрок, Владимир Иванович — 387, 388, 391—393, 396, 398, 399, 402, 406, 407, 409—411, 413, 415—418, 420, 422, 428, 430, 432—435, 437, 443, 445, 447, 451, 453, 454, 456, 457, 460, 462, 465, 476, 479, 481, 487—489, 491, 493

Шереметев (Шереметьев), Дмитрий Николаевич — 198

Шибуев, Василий Козмич — 428

Шиллер (Schiller), Фридрих 91, 408, 443

— „Дон-Карлос" — 261 („Поза"), 461

Широкий, Владимир Федорович — 434

Шишкин, Сила Иванович — 88, *407*

Шишков, Александр Семенович — 60, 260, 460

Школа гвардейских подпрапорщиков — 151, 399

Шлапак, Антон — 104, 258, *410*

Шостак, Григорий Ильич — 190, 191, *431*

Шостак, Марья Ильинична, см. Косяровская, М. И.

Шульгин, Иван Петрович — 365 („декана")

Шурша — 99

Щеголев, Павел Елисеевич — 389, 397, 454

Щепкин, Михаил Семенович — 250, 322, 379, 453, 492

Щигры — 100

Энгельсон, А. П. — 441

Юрьево — 259

Яворивщина — 118 („большой лес"), 270, 414, *464*, 478

Языков, Николай Михайлович — 217, 227, 353, 444, 470

— „Вино" — 260 („несколько строчек"), 461

Яким, см. Нимченко, Я.

Яков, слуга — 245

Ямпольский, Исаак Григорьевич — 500

Яниш, Каролина Карловна — 444

Яновский Демьян Иванович (Дамиан Иоаннович) — 445

Яновский, Иван (Иоанн) — 445

Яновский, Кирилл Демьянович — 445

Яновский, Меркурий Кириллович — 132, *416*, 429

Яновский, Савва Кириллович — 150, 199, 418, *422*

Яновский, Степан Меркурьевич — 187 („человек, о котором вы говорите"), 188 („такое знакомство"), 216, *429*

Яновщина, см. Васильевка

Ярески, имение — 94, 131, 134, 235, 280, 387, 392, 394, 411, 425

Ясновский, Даниил Емельянович — 84, 86, 381, *404*, 499

Яцевич, Андрей Григорьевич — 418, 428

ЗНАЧЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ.

АННЕНКОВ	П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Предисловие Н. Пиксанова. Вступительная статья, редакция и примечания Б. М. Эйхенбаума. „Academia". Ленинград, 1928.
БАРСУКОВ	Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910. Тт. I—XXII.
Н. БЕЛОЗЕРСКАЯ	Н. Белозерская. Служба Н. В. Гоголя в Патриотическом институте. „Русская Старина" 1887, № 12.
ГЕРБЕЛЬ	Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 1881.
ВАС. ГИППИУС, ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ	Вас. Гиппиус. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. „Ученые записки Пермского государственного университета", вып. 2. Пермь, 1931, стр. 61—126.
„ГОГОЛЕВСКИЙ СБОРНИК" 1902 г.	Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-филологическом институте кн. Безбородко Гоголевской комиссией под ред. проф. М. Сперанского, Киев, 1902.
„Н. В. ГОГОЛЬ. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ"	Н. В. Гоголь. Материалы и исследования под ред. В. В. Гиппиуса. Издательство Академии Наук СССР, М.—Л., 1936, тт. I—II.
О. В. ГОЛОВНЯ	Из семейной хроники Гоголей (Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни). Киев, 1909.
С. ДУРЫЛИН	С. Дурылин. Из семейной хроники Гоголя. Гос. Академия художественных наук. М. 1928.
ЗАБОЛОТСКИЙ, „К БИОГРАФИИ"	П. А. Заболотский. К биографии Гоголя в полтавский период. „Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук", т. XVII (1912), кн. 2. стр. 1—27.

ЗАБОЛОТСКИЙ, „ОПЫТ ОБЗОРА“	П. Заболотский. Опыт обзора материалов для биографии Н. В. Гоголя в юношескую пору. В. И. Шенрок. Замечания к статье г. Заболотского. „Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук“ т. VII (1902), кн. 2, стр. 32—78.
„ЗАПИСКИ“	⟨П. А. Кулиш⟩. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В двух томах. СПб. 1856.
ИЗВЕСТИЯ ОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
ИСТОРИЯ МОЕГО ЗНАКОМСТВА	История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. М. 1890.
ЛАВРОВСКИЙ	Н. А. Лавровский. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820—1832). „Известия Историко-филологического института кн. Безбородко“, т. III (1879) и отдельно.
„МАТЕРИАЛЫ“ ШЕНРОКА	„Материалы для биографии Гоголя“ В. И. Шенрока. Том первый (М. 1892). Том второй (М. 1893). Том третий (М. 1895). Том четвертый (М. 1898).
А. НАЗАРЕВСКИЙ	А. А. Назаревский. Из архива Головни („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“ под ред. В. В. Гиппиуса, I, стр. 313—357).
НИКИТЕНКО	А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, „чему свидетель в жизни был“. Записки и дневник. Издание 2-е под. ред. М. К. Лемке. СПб., 1905 (на титульном листе—1904). Тт. I—II.
ОПЫТ БИОГРАФИИ	Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. ⟨П. А. Кулиша⟩ СПб., 1854.
ОРЕУС	⟨И. И. Ореус⟩. Д. П. Трощинский. „Русская Старина“ 1882, № 6.
„ПАМЯТИ ГОГОЛЯ“	Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца под ред. Н. П. Дашкевича. Киев, 1902.
„ПИСЬМА“	Письма Н. В. Гоголя. Редакция В. И. Шенрока. СПб. Издание А. Ф. Маркса ⟨1901⟩. Тт. I—IV.
„ПЕРЕПИСКА ПУШКИНА“	Сочинения Пушкина. Издание Академии Наук. Переписка. Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова. Том I (1815—1826). СПб. 1906. Том II (1827—1832). СПб. 1908. Том III (1833—1837). СПб. 1911.
„ПИСЬМА“ ПУШКИНА.	Пушкин. Письма. Том I (1815—1825) и том II (1826—1830) под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модза-

левского. ГИЗ. Москва—Ленинград. 1926 и 1928 гг. Том III (1831—1833) под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского. „Academia". Москва — Ленинград. 1935.

„СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА" — Сочинения и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857.

СОЧ. ГОГОЛЯ, 10 ИЗД. — 1). Сочинения Н. В. Гоголя. Издание десятое. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым. Москва. Издание книжного магазина В. Думнова под фирмою „Наследники бр. Салаевых", 1889, тт. I—V.

2). Сочинения Н. В. Гоголя. Издание десятое. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком. Издание А. Ф. Маркса, 1896, тт. VI (Москва и С.-Петербург) и VII (С.-Петербург).

СОЧ. БЕЛИНСКОГО — Полное собрание сочинений В. Г. Белинского под редакциею и с примечаниями проф. С. А. Венгерова. СПб., 1900—1917, тт. I—XI.

СОЧ. ЧЕРНЫШЕВСКОГО — Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского в 10 томах. СПб., издание М. Н. Чернышевского, 1906.

ШЕНРОК „МАТЕРИАЛЫ" — См. „Материалы" Шенрока.

ШЕНРОК „УКАЗАТЕЛЬ" — Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснение инициалов и других сокращений в издании Кулиша, с приложением неизданных отрывков из писем матери Н. В. Гоголя и его собственных. Составил В. Шенрок. М., 1886.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Н. В. Гоголь. Акварель П. А. Каратыгина. Институт литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград) . . . . . 4—5

Письмо Гоголя к М. И. Гоголь от 10 июня 1825 года. Первая страница. Институт литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград) . . . . 58—59

Письмо Гоголя к М. И. Гоголь от 24 марта 1827 года. Третья страница. Институт литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград) . . . . 90—91

Письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 21 августа 1831 года. Первая страница. Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва) . . . . . 202—203

Письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 7 октября 1835 года. Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва) . . . . . 374—375

СОДЕРЖАНИЕ.[1]

От редакции 5

ДАТЫ ЖИЗНИ Н. В. ГОГОЛЯ 9

ПИСЬМА 1820—1835.

1820.

1. В. А. и М. И. Гоголям 31
2. Т. С. Гоголь-Яновской 32
3. В. А. и М. И. Гоголям 32

1821.

*4. В. А. и М. И. Гоголям ... 10 июня 33
5. В. А. и М. И. Гоголям ... 13 августа 34
6. В. А. и М. И. Гоголям ... 14 августа 34
7. В. А. и М. И. Гоголям ... 26 августа 35
8. В. А. и М. И. Гоголям ... 6 сентября 36
9. В. А. и М. И. Гоголям ... 6 октября 36
10. В. А. и М. И. Гоголям ... 10 декабря 37
11. В. А. и М. И. Гоголям ... Декабрь 38

1822.

12. В. А. и М. И. Гоголям ... 7 января 38
13. В. А. и М. И. Гоголям ... Август 39
14. В. А. и М. И. Гоголям ... 10 октября 40

---

[1] Двумя звездочками отмечены материалы, впервые публикуемые в настоящем издании; одной звездочкой — материалы, ранее опубликованные, но не вошедшие в собрание Шенрока.

1823.

15. В. А. и М. И. Гоголям ... 23 марта 41
16. В. А. и М. И. Гоголям ... 3 октября 42
17. В. А. и М. И. Гоголям ... Ноябрь-декабрь 43
18. В. А. и М. И. Гоголям ... 11 декабря 44

1824.

19. В. А. и М. И. Гоголям ... 22 января 44
20. В. А. и М. И. Гоголям ... 30 марта 46
21. В. А. и М. И. Гоголям ... 13 июня 46
22. В. А. Гоголю и М. И. Гоголь... 1 октября 48
23. В. А. и М. И. Гоголям ... 19 октября 50

1825.

24. М. И. Гоголь ... 13 января 50
25. В. А. и М. И. Гоголям ... Март 51
26. В. А. и М. И. Гоголям ... 18 марта 52
27. М. И. Гоголь ... 23 апреля 53
28. М. И. Гоголь ... 24 апреля 54
29. М. И Гоголь ... 26 мая 56
30. М. И. Гоголь ... 3 июня 57
31. М. И. Гоголь ... 10 июня 59
32. М. И. Гоголь ... 15 августа 60
33. А. С. Данилевскому ... 17 августа 61
34. М. И. Гоголь ... 30 сентября 62
35. М. И. Гоголь ... 13 октября 63
36. М. И. Гоголь ... 23 октября 64
37. М. И. Гоголь ... 2 декабря 65

1826.

38. М. И. Гоголь ... 17 января 65
39. М. И. Гоголь ... 21 апреля 66
40. М. И. Гоголь ... 14 мая 67
41. М. И. Гоголь ... 4 июня 68
42. М. И. Гоголь ... 13 июня 69
43. М. И. Гоголь ... 16 августа 70
44. М. И. Гоголь ... 20 августа 70
45. М. И. Гоголь ... 10 сентября 72
46. М. И. Гоголь ... 30 сентября 73
47. М. И. Гоголь ... 15 октября 75
48. М. И. Гоголь ... 16 ноября 77
49. М. И. Гоголь ... 23 ноября 78

1827.

50. Г. И. Высоцкому ... 17 января 79
51. М. И. Гоголь ... 1 февраля 82
52. М. И. Гоголь ... 26 февраля 82
53. Г. И. Высоцкому ... 19 марта 84
54. М. И. Гоголь ... 24 марта 89
55. М. И. Гоголь ... 6 апреля 91
56. М. И. Гоголь ... 17 апреля 93
57. М. И. Гоголь ... 20 мая 94
58. М. И. Гоголь ... 7 июня 96
59. Г. И. Высоцкому ... 26 июня 97
60. М. И. Гоголь ... 19 августа 103
61. М. И. Гоголь ... 30 августа 104
62. М. И. Гоголь ... 12 сентября 105
63. Павлу П. Косяровскому ... 13 сентября 106
64. В. П. Косяровской ... 13 сентября 107
65. Петру П. Косяровскому ... 13 сентября 108
66. М. И. Гоголь ... 2 октября 110
67. Петру П. Косяровскому ... 3 октября 111
68. Павлу П. Косяровскому ... 3 октября 113
69. М. И. Гоголь ... 13 ноября 115
70. М. И. Гоголь ... 15 декабря 117
71. М. И. Гоголь ... 20 декабря 118

1828.

*72. М. И. Гоголь ... Январь 119
73. М. И. Гоголь ... 1 марта 122
74. М. И. Гоголь ... 30 марта 124
75. М. И. Гоголь ... 7 апреля 125
76. М. И. Гоголь ... 3 мая 126
77. М. И. Гоголь ... 16 мая 127
78. М. И. Гоголь ... 30 мая 129
79. А. С. Данилевскому ... Сентябрь 129
80. Павлу П. Косяровскому ... 2 сентября 130
81. Петру П. Косяровскому ... 8 сентября 131
82. Петру П. Косяровскому ... 2 декабря 134
83. А. С. Данилевскому ... Декабрь 136

1829.

84. М. И. Гоголь ... 3 января 136
85. М. И. Гоголь ... Март 138
86. М. И. Гоголь ... 30 апреля 138
87. М. И. Гоголь ... 22 мая 143
*88. К. С. Сербиновичу ... Июнь 145
89. М. И. Гоголь ... 24 июля 145

90. М. И. Гоголь ... 1 (13) августа 151
91. М. И. Гоголь ... 13 (25) августа 155
92. М. И. Гоголь ... 24 сентября 157
93. М. И. Гоголь ... 27 октября 159
94. М. И. Гоголь ... 12 ноября 160

1830.

95. М. И. Гоголь ... 1 января 162
96. М. И. Гоголь ... 5 января 163
97. М. И. Гоголь ... 2 февраля 165
98. М. И. Гоголь ... 2 апреля 168
99. М. И. Гоголь ... 3 июня 175
100. М. И. Гоголь ... 1 сентября 182
101. М. И. Гоголь ... 29 сентября 183
102. М. И. Гоголь ... 10 октября 185
103. М. И. Гоголь ... 19 декабря 186

1831.

104. М. И. Гоголь ... 10 февраля 190
105. М. И. Гоголь ... 16 апреля 193
106. А. С. Данилевскому 197
107. А. С. Данилевскому 197
108. А. С. Данилевскому 197
109. М. И. Гоголь ... 28 апреля 198
110. А. С. Данилевскому ... 2 мая 198
111. М. И. Гоголь ... 27 июня 199
112. М. И. Гоголь ... 24 июля 200
113. А. С. Пушкину ... 16 августа 202
114. А. С. Пушкину ... 21 августа 202
115. М. И. Гоголь ... 21 августа 205
116. В. А. Жуковскому ... 10 сентября 206
117. М. И. Гоголь ... 19 сентября 208
118. М. И. Гоголь ... 9 октября 209
119. М. И. Гоголь ... 17 октября 211
120. М. И. Гоголь ... 30 октября 211
121. А. С. Данилевскому ... 2 ноября 212
122. М. И. Гоголь ... 17 ноября 214
123. М. И. Гоголь ... 8 декабря 215

1832.

124. А. С. Данилевскому ... 1 января 216
125. М. И. Гоголь ... 4 января 218
126. М. И. Гоголь ... 6 февраля 219
127. М. И. Гоголь ... 26 февраля 221
128. М. И. Гоголь ... 10 марта 222

129. А. С. Данилевскому ... 10 марта 223
130. М. И. Гоголь ... 25 марта 224
131. А. С. Данилевскому ... 30 марта 226
132. М. И. Гоголь ... 16 апреля 228
133. А. С. Данилевскому ... 26 апреля 230
134. М. И. Гоголь ... 27 апреля 230
135. М. И. Гоголь ... 12 мая 231
136. М. И. Гоголь ... 9 июня 232
*137. Н. М. Лонгинову ... 9 июня 233
138. А. С. Данилевскому ... 15 июня 233
139. М. И. Гоголь ... 4 июля 234
140. Н. Я. Прокоповичу ... 8 июля 234
141. М. П. Погодину ... 8 июля 236
142. М. П. Погодину ... 20 июля 237
143. И. И. Дмитриеву ... Июль 238
144. М. П. Погодину ... 2 сентября 240
145. Петру П. Косяровскому ... 9 сентября 241
146. И. И. Дмитриеву ... 23 сентября 241
147. П. А. Плетневу ... 9 октября 242
148. М. И. Гоголь ... 10 октября 243
149. М. И. Гоголь ... 21 октября 244
150. М. И. Гоголь ... Ноябрь 244
151. М. И. Гоголь ... 22 ноября 244
152. М. П. Погодину ... 25 ноября 246
153. И. И. Дмитриеву ... 30 ноября 247
154. М. И. Гоголь ... 3 декабря 248
155. М. А. Максимовичу ... 12 декабря 249
156. М. И. Гоголь ... 13 декабря 250
157. А. С. Данилевскому ... 13 декабря 251
158. А. С. Данилевскому ... 20 декабря 252

1833.

*159. В. И. Григоровичу ... 1 января 253
160. М. П. Погодину ... 10 января 254
161. М. И. Гоголь ... 10 января 254
162. М. П. Погодину ... 1 февраля 255
163. М. И. Гоголь ... 8 февраля 257
164. А. С. Данилевскому ... 8 февраля 259
165. М. П. Погодину ... 20 февраля 262
166. М. И. Гоголь ... 26 марта 264
167. М. И. Гоголь ... 5 апреля 265
**168. М. И. Гоголь ... Март — апрель 265
169. М. И. Гоголь ... 2 мая 266
170. М. П. Погодину ... 8 мая 268
171. М. И. Гоголь ... 8 июня 269

172. М. И. Гоголь ... 24 июня 272
173. М. А. Максимовичу ... 2 июля 273
174. М. И. Гоголь ... 4 июля 274
175. М. И. Гоголь ... 9 августа 274
176. М. И. Гоголь ... 30 августа 275
177. М. И. Гоголь ... 26 сентября 276
178. М. П. Погодину ... 28 сентября 277
179. В. В. Тарновскому ... 2 октября 278
180. М. И. Гоголь ... 2 октября 280
181. М. А. Максимовичу ... 9 ноября 283
182. М. И. Гоголь ... 22 ноября 285
183. М. И. Гоголь ... 20 декабря 287
184. М. А. Максимовичу ... Декабрь 288
185. А. С. Пушкину ... 23 декабря 290

1834.

186. М. А. Максимовичу ... 7 января 291
187. М. П. Погодину ... 11 января 292
188. К. С. Сербиновичу ... Январь—февраль 294
189. М. И. Гоголь ... 10 февраля 295
**190. К. С. Сербиновичу ... 11 февраля 296
191. М. А. Максимовичу ... 12 февраля 296
192. И. И. Срезневскому ... 6 марта 298
193. М. И. Гоголь ... 9 марта 300
194. М. А. Максимовичу ... 12 марта 301
195. М. П. Погодину ... 13 марта 302
196. М. И. Гоголь ... 17 марта 303
197. М. А. Максимовичу ... 26 марта 305
198. М. А. Максимовичу ... 29 марта 307
199. М. П. Погодину ... 4 апреля 307
200. М. И. Гоголь ... Апрель 308
201. М. А. Максимовичу ... 7 апреля 309
202. М. А. Максимовичу ... 20 апреля 310
203. М. И. Гоголь ... 20 апреля 313
204. М. И. Гоголь ... Апрель 314
205. М. И. Гоголь ... 13 мая 315
206. А. С. Пушкину ... 13 мая 316
207. А. С. Пушкину ... Май 317
*208. К. С. Сербиновичу ... Май 317
209. М. А. Максимовичу ... 28 мая 318
210. М. А. Максимовичу ... 29 мая 319
211. И. И. Срезневскому ... 1 июня 321
212. М. А. Максимовичу ... 8 июня 322
213. М. А. Максимовичу ... 10 июня 323
214. М. И. Гоголь ... 15 июня 324

215. М. П. Погодину ... 23 июня 325
216. М. А. Максимовичу ... 27 июня 326
217. М. А. Максимовичу ... 1 июля 328
218. М. И. Гоголь ... 10 июля 329
219. М. А. Максимовичу ... 18 июля 332
220. М. П. Погодину ... 23 июля 333
221. М. И. Гоголь ... 1 августа 333
222. В. В. Тарновскому ... 7 августа 334
223. М. А. Максимовичу ... 14 августа 336
224. М. А. Максимовичу ... 23 августа 338
225. В. В. Тарновскому ... Сентябрь 339
226. К. С. Сербиновичу ... 29 сентября 340
227. М. П. Погодину ... 2 ноября 341
228. М. И. Гоголь ... 6 ноября 342
229. М. П. Погодину ... 14 декабря 344
230. М. И. Гоголь ... 15 декабря 345

1835.

231. А. С. Пушкину ... Январь (или декабрь 1834 г). 346
232. М. И. Гоголь ... 4 января 347
233. А. С. Пушкину ... Январь 347
234. М. П. Погодину ... 22 января 348
235. М. А. Максимовичу ... 22 января 348
*236. А. В. Никитенко ... 24 января 349
237. М. И. Гоголь ... 30 января 350
238. М. П. Погодину ... 31 января 351
239. М. И. Гоголь ... 1 февраля 352
240. М. П. Погодину ... 9 февраля 352
241. М. П. Погодину ... 20 февраля 353
242. С. П. Шевыреву ... 10 марта 354
243. М. П. Погодину ... 18 марта 355
244. М. И. Гоголь ... 20 марта 356
245. М. А. Максимовичу ... 22 марта 356
246. М. П. Погодину ... 23 марта 358
247. М. И. Гоголь ... 12 апреля 358
248. М. П. Погодину ... 17 апреля 363
*249. Г. А. фон-Шверину ... Апрель 364
**250. А. А. Дегурову ... Апрель 364
251. Н. Я. Прокоповичу ... 24 мая 365
*252. Г. И. Спасскому ... 1 июня 366
253. И. И. Срезневскому 11 июля 368
254. В. А. Жуковскому ... 15 июля 369
255. М. А. Максимовичу ... 20 июля 370
256. М. П. Погодину ... Август (?) 371

257. М. П. Погодину ... Август (?) 371
258. М. И. Гоголь ... 2 сентября 371
259. М. И. Гоголь ... 22 сентября 372
260. М. И. Гоголь ... 1 октября 373
**261. М. И. Гоголь ... Октябрь 374
262. А. С. Пушкину ... 7 октября 374
263. М. И. Гоголь ... 10 ноября 375
264. М. И. Гоголь ... 19 ноября 377
265. М. П. Погодину ... 6 декабря 378
266. М. И. Гоголь ... 18 декабря 379

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ 1828—1835

*1. Прошение на имя директора Гимназии высших наук Д. Э. Ясновского от 10 октября 1828 г. 381
*2. Прошение на имя министра внутренних дел А. А. Закревского от октября 1829 г. 382
*3. Прошение на имя директора Департамента государственного хозяйства и публичных зданий И. У. Пейкера от 25 февраля 1830 г. 382
*4. Прошение на имя вице-президента Департамента уделов Л. А. Перовского от 27 марта 1830 г. 383
*5. Прошение на имя вице-президента Департамента уделов Л. А. Перовского от 23 февраля 1831 г. 383
**6. Прошение на имя ректора С.-Петербургского университета А. А. Дегурова от 3 апреля 1835 г. 384

КОММЕНТАРИЙ.

(Стр. 385 — 501)

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ 502
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 505
ЗНАЧЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ 527
Перечень иллюстраций 530

Переплет, титул и контр-титул, графические украшения издания и силуэт Н. В. Гоголя на форзаце художника Н. В. ИЛЬИНА.

Художественная редакция И. И. ЛАЗАРЕВСКОГО,
Редактор издательства М. А. АФАНАСЬЕВ.
Техническая редакция О. Н. ПЕРСИЯНИНОВОЙ,
Корректура В. Г. БОГОСЛОВСКОГО.

Сдано в набор 14/VI 1938. г. Подписано к печати 21/IX 1940 г. Уполномоченный Главлита № А-31268. Тираж 15175 экз. Объем 33¾ печ. л. и 5 вклеек. В 1 печ. листе 34 000 зн. Учетно-авт. л. 29,6. АНИ № 997. Бумага 60×92 в 1/16 долю листа. Заказ № 2959.

Национал. тип. „Ваба Маа", Таллинн, Пикк 54/58, 1940 г.